

Мифы
и легенды
Европы

МИФЫ ✻ ЛЕГЕНДЫ ✻ СОБЫТИЯ

**МИФЫ И ЛЕГЕНДЫ
ЕВРОПЫ**

**Жан Оливье
ПОХОД
ВИКИНГОВ**

Мифы и легенды Европы

Саратов
«Надежда»
1994

ББК СБЗ
В11

Составитель *В. И. Вардугин*
Художник *Г. М. Панфёров*

В11 Мифы и легенды Европы. Легенды минувших веков в пересказе для детей.— Ж. Оливье. Поход викингов.— Саратов: «Надежда».— 1994.— 496 с., илл.

В предлагаемой книге собраны двенадцать легенд, родившихся в странах Западной Европы ещё в Средневековье. Имена многих героев хорошо известны нам. Читатели встретятся с рыцарем Роландом и Робин Гудом, Лорелей и Дон Жуаном, прикоснутся к высоким чувствам и вечным темам любви, дружбы, подвига. Книга адресована широкому кругу читателей.

ISBN 5-88618-029-X

М $\frac{4703010100-05}{321(03)-94}$

ISBN 5-88618-029-X

© Составление «Надежда»
© Панфёров Геннадий Михайлович.
Иллюстрации. 1994.

К юным читателям

Это книга преданий и легенд. Родились они в странах Западной Европы много веков назад. Среди этих легенд есть такие, которые возникли на заре средневековья, и легенды, сложившиеся в эпоху Возрождения, уже на грани нового времени.

Легенды, собранные в этой книге, в своей первоначальной основе народного происхождения. Они рождены народным творчеством и впитали в себя мудрость, думы, мечты, поверья народа. Легенды рассказывали о верной любви и нерушимой дружбе, воинов звали совершать подвиги, угнетенных — бороться за свободу.

Народ в своих сказаниях и легендах вершил суд над злом и награждал добро. Оттого так непобедимы герои легенд — защитники добра. Недаром говорят: «легендарный подвиг», «легендарный герой», «это достойно войти в легенду». Трудно найти слова более высокой похвалы!

Легенды переходили из поколения в поколение в песнях и рассказах. Некоторые из них были записаны еще в стародавние времена. Так, в старинных летописях наряду с записями о подлинных событиях можно найти немало народных легенд. Другие легенды дошли до нас только в литературной обработке — в поэмах и романах, написанных писателями средних веков и более позднего времени.

В какие бы давние времена ни возникли легенды, собранные в этой книге, они не остались мертвым наследием прошлого. Каждая из них прожила долгую жизнь в искусстве. Эти предания минувших веков увлекали и вдохновляли своей красотой и волшебным вымыслом поэтов и драматургов, худож-

ников и композиторов. На протяжении столетий из книги в книгу переходили герои легенд — Роланд, Артур, Тристан и Изольда, Лознгрин, Робин Гуд, Вильгельм Телль. О них создавались драмы, оперы, симфонии, кинофильмы.

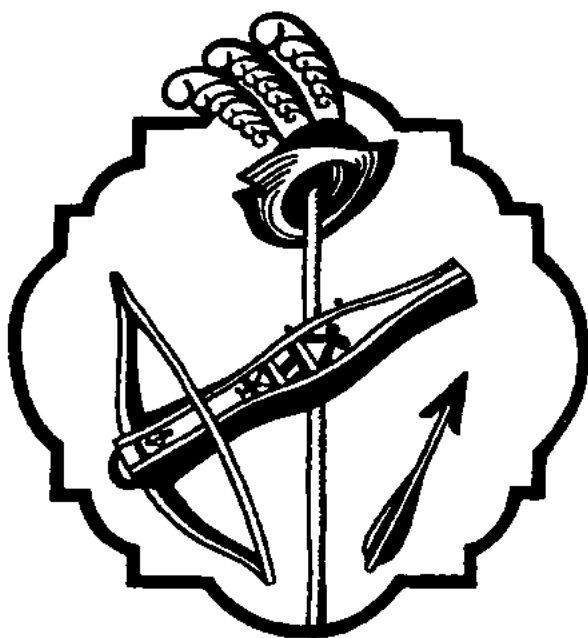
Легенды, которые вы читаете здесь, — не переводы средневековых произведений или литературных обработок более позднего времени. Это переложения легенд для детей, в которых авторы пересказов стремились быть возможно ближе к первоначальной народной основе, но использовали и позднейшие литературные произведения на темы средневековых легенд.

Войдите в страну легенд! Это страна поэзии и мудрости. Она богата и прекрасна.

Мифы
и
легенды
Европы

Последний бой Роланда

Далеко разнеслась слава о великих подвигах рыцаря Роланда. Пел о нем певец в боевом стане, и крепко перед сражением мужество воинов. Рассказывал жонглер*¹ о Роланде на городской площади и, оставив нетронутые кружки с пивом, забыв о веселых плясках, слушали люди повесть о герое.

Во многих битвах сражался Роланд, но всех знаменитей битва в Ронсевальском ущелье. И тот, кто говорит «Роланд», всегда вспомнит о Ронсевале и глубоко вздохнет.

Вот рассказ о последнем бое Роланда.

В те времена почти всей Испанией владели сарацины.

Семь долгих лет воевал с ними император Карл Великий. До самого моря покорил этот гордый край. Все города, все замки взял приступом. Последний город остался у сарацин — Сарагоса*.

---

* Пояснения к каждой легенде и объяснения слов, помеченных звездочкой, смотрите в конце книги, в разделе «Примечания».

Стоит Сарагоса на высокой горе, и правит там король Марсилиий*.

Не хочет король Марсилиий покориться великому императору, седобородому Карлу.

Лежит Марсилиий на ложе из синего мрамора в тени оливы, а вокруг него толпятся тысячи сарацин.

Говорит он своим советникам и военачальникам:

— Послушайте, советники мои, какая беда грозит нам! Хочет повелитель Франции император Карл взять нашу Сарагосу и обратить нас в свою веру. Посоветуйте мне, как тут быть? Спасите меня от стыда и гибели. Нет у меня такого сильного войска, как у императора Карла, и нет у меня таких могучих воинов.

Молчат его советники. Но самый мудрый из них, по имени Бланкандрин, так сказал королю Марсилию:

— Государь, не тревожьтесь. Там, где сила не берет, надо пуститься на хитрость. Отправьте императору Карлу послов с богатыми дарами и ложными обещаниями. Пусть скажут они Карлу: «Приехали мы просить мира. Король Марсилиий обещает стать вашим покорным вассалом* и данником отныне и навеки. Вслед за нами прибудет он в ваш престольный город Ахен*». А если Карл потребует заложников, послать без отказа. Я сам первый пошлю своего сына. Император Карл поверит нам и уведет свои войска из Испании, вернется к себе на родину. Долго он будет ждать короля Марсилия, не дожидется и поймет, что его обманули. Тогда придет он в гнев и велит срубить головы заложникам. Что ж, пусть они погибнут, да зато будет спасена наша Сарагоса.

— Хитро придумал, Бланкандрин, так и поступим,— сказали сарацины.

И вот поехали послы короля Марсилия к императору Карлу Великому в город Кордову. Недавно император Карл взял с бою этот город.

Впереди со знаком мира — оливковой ветвью в руке — едет сам Бланкандрин. А за ним еще девять послов, тоже, как и он, хитроумные и сладкоречивые. Послал король Марсилиий богатые дары в знак покорности: десять мулов, груженных золотом, львов, слонов, медведей, верблюдов, псов борзых, соколов линиялых...*

Еще издали узнали мавританские послы* императора Карла. Сидят Карл на троне золотом, чеканном, в тени высокой сосны. Седая борода белее цветов жасмина покрывает всю его грудь.

При нем двенадцать пэров* и архиепископ Турпин*.

Сошли послы с коней и низко поклонились императору Карлу.

Льстиво заговорили послы:

— Великий, могучий император Карл, владыка владык,

лучший и справедливейший, самый мудрый, самый первый из всех королей земли!

Слушает император, не торопится отвечать. Но вот поднял он голову, метнул на послов зоркий взгляд. Умел он читать в сердцах людей. И так молвил Бланкадрину:

— Слаще меда твои слова, а вот какую поруку дашь мне? Король Марсилий — мой злейший недруг. Могу ли я поверить ему?

— Порукою тебе заложники, все кровные родичи Марсилия, и среди них мой собственный сын. Король Марсилий шлет тебе богатые дары. Отныне навсегда станет он твоим покорным вассалом. Будет тебе платить щедрую дань, какую сам назначишь.

Выслушал Карл лукавого Бланкадрину и сказал ему:

— Ну что ж, хорошо, если все правда! Завтра мы сообщим вам свою волю: быть миру или быть войне.

Наутро император Карл собрал своих баронов*. Никогда он ничего без них не решал, таков у него был обычай.

Пришли все двенадцать пэров Франции. Среди них граф Роланд со своим неразлучным другом графом Оливьером. Пришел архиепископ Турпин. Пришли старые прославленные воины и молодые рыцари. Собралось их больше тысячи. Стали они вникать в суть дела. Думают: как быть? Всем хочется вернуться назад в родные дома, в милую Францию.

Многие стали склоняться к тому, что не худо бы помириться с королем Марсилием.

Но вышел вперед граф Роланд и повел такую речь:

— Нельзя доверять Марсилию! Разве забыли вы, бароны, как уже однажды, семь лет назад, прислал король Марсилий к нам послов с ветками оливы в руках и как они обманули нас лживыми речами? Вы, государь, послали с нашего согласия к Марсилию двух герцогов — Базана и Базилия. И что же? Марсилий им обоим головы отрубил! Может ли быть чернее предательство? Мстить надо за гибель наших послов, осадить Сарагосу и взять ее приступом.

Император Карл не спешит отвечать — ждет, кто еще что скажет.

Промолчали все, не смолчал один Ганелон, отчим Роланда. Вскочил он с места и говорит королю:

— Не слушайте, король Карл, безумца Роланда! Слушайте людей осторожных и разумных. Не в меру горделив мой пасынок, думает только о собственной славе. Просит пощады король Марсилий, просит мира, готов принести вам клятву верности. А как вложит он свою перчатку вам в руку* — тут и конец войне!

— Прав Ганелон. Пора кончать долгую войну, — молвил император Карл. — Теперь, бароны, дайте мне другой совет: кого отрядить послом к Марсилию? Не простое это посоль-

ство — опасное.

Как всегда, первым вызвался граф Роланд:

— Я готов ехать, государь! Вручите мне посольские знаки: королевскую перчатку и жезл!

— Тебя посылать нельзя! Уж слишком ты горяч,— ответил ему Карл седобородый.

— Я поеду, если император разрешит мне! — воскликнул граф Оливьер.

— Молчите оба! Клянусь, ни один из вас не поедет. Сеньоры* бароны, изберите в послы самого мудрого среди вас.

— Тогда пусть едет Ганелон,— предложил граф Роланд.

И все согласились с Роландом:

— Ганелон мудр и осторожен! Лучшего посла не найти!

Но Ганелон пришел в ярость.

— Почему ты меня выбрал? Забыл, что я твой отчим? — крикнул он Роланду.— Ни один посол еще не возвращался живым от короля Марсилия. Этого я тебе не прощу!

— Я не боюсь угроз,— ответил Роланд.— Подумал я, что разумный человек, богатый опытом, должен поехать к Марсилию, вот и назвал вас.

Со злобой посмотрел Ганелон на Роланда и сказал императору:

— Государь, я готов исполнить вашу волю. И поеду я один, без охраны, как поехали Базан с Базилием. А ты, Роланд, берегись!

Карл поднял руку, остановил Ганелона:

— Уймите ваш гнев, не к месту он, не ко времени. Вас избрали франки*, вам и ехать.

Потемнело лицо у Ганелона:

— Кто послан к королю Марсилию, тому нет возврата. Теперь уже никогда не видать мне ни дома, ни жены, ни родного сына. Ему, прошу вас, император Карл, отдать мои земли. Суждена мне смерть, как Базану с Базилием.

— Не об этом вы сейчас должны думать, граф. Вам доверена судьба Франции. Вот перчатка, жезл и грамота.

Император Карл протянул Ганелону перчатку со своей правой руки. Но не торопится Ганелон принять ее. Упала перчатка на землю.

— Дурное предзнаменование! — воскликнули франки.— Боже, что ждет нас? Беду принесет нам посольство Ганелона.

Ганелон надел свои лучшие доспехи, прикрепил золотые шпоры, опоясался мечом, вскочил на коня и поскакал.

Следом за ним едут послы Марсилия. Видит лукавый Бланкандрин, что гневом кипит душа Ганелона, и заводит с ним такую беседу:

— Кто поймет императора Карла? Сколько земель уж завоевал, а ему все мало! Франки благородны, благороден император Карл, и думается мне, кто-то подстрекает его на

недоброе.

— Давно бы уже император Карл ушел из Испании,— отвечает Ганелон,— если бы не племянник его Роланд. Обещал он императору Карлу все короны земли поднести на блюде, словно спелые яблоки. А жизнь ему недорога, ни своя, ни чужая.

— Неужели так жесток Роланд, так безумен? Недаром, видно, прозвали его Неистовым.

Так всю дорогу говорили Бланкандрин с Ганелоном и поклялись они друг другу погубить Роланда. С тем и прибыли в Сарагосу ко двору короля Марсилия.

Сидит король Марсилий на парчовых подушках, по правую руку — королева Брамимонда.

Прекрасна королева Брамимонда. Руки увиты браслетами, на шее драгоценное ожерелье из аметистов.

Вручил Ганелон королю Марсилию посольский жезл, перчатку и грамоту. Но не о мире, не о судьбе франкского войска думал он, а лишь о том, как погубить ненавистного Роланда.

— Привет, король Марсилий! — сказал он. — Император Карл повелевает тебе: без промедления прими нашу веру. Тогда отдаст он тебе половину Испании, вторую половину берет себе Роланд. Ни в чем не знает отказа Роланд — любимец он у императора Карла. А если ты не согласен, тогда горе тебе! Сотрет Роланд с лица земли твою Сарагосу. Грозился он, что посадит тебя на клячу, лицом к хвосту, и повезет к императору Карлу, в его столицу Ахен, на суд и позорную казнь.

При этих словах страшным гневом загорелся король Марсилий. Он схватил златоперый дротик*, поднял над головой, вот-вот вонзит в грудь Ганелону.

Прижался Ганелон спиной к сосне, выхватил меч из ножен.

— Остановись, король! — крикнул Бланкандрин. — За нас Ганелон! Роланд ему ненавистен.

Опомнился Марсилий.

— Простите мою горячность, — с улыбкой молвил он Ганелону.

Королева Брамимонда сняла с себя аметистовое ожерелье и сказала Ганелону:

— Подарите своей жене это украшение, благородный рыцарь.

Король Марсилий подарил Ганелону в знак дружбы меч с драгоценной рукоятью и золоченый шлем.

Принял Ганелон дары от Марсилия.

Тогда сказал ему король Марсилий:

— Подайте мне добрый совет, благородный граф. Могу ли я со своим войском победить в бою императора Карла?

— Нет, король, здесь нужна хитрость, — отвечал Ганелон. — Пошлите императору богатые дары и двадцать заложников. Он заключит с вами мир и уйдет во Францию, а позади

оставит отряд отборных воинов. Роланд, его любимец, будет командовать аррьергардом. Об этом уж я позабочусь. Вы же, король, неожиданно нападете на отряд Роланда. Тут и смерть гордецу! Потеряет император Карл свою правую руку — Роланда и уже никогда не вернется в Испанию.

Услышав это, король Марсилий обнял Ганелона. Три дня шировали они вместе.

Наступило время Ганелону возвращаться назад. Взял Ганелон ключи от города Сарагосы и поскакал в обратный путь. Следом едут двадцать заложников. Сверкают на них золотые доспехи, украшенные сапфирами, смарагдами, алмазами.

Порадовались франки доброй вести. Кончена война, покорился король Марсилий. Можно вложить мечи в ножны.

Словно шумный поток льется по дороге — это возвращается войско Карла назад к себе на родину.

Но загородили путь во Францию высокие горы, поднялись они до самого неба. Отвесны кручи, вздыблены скалы, тесны и угрюмы ущелья. Дорога змеей вьется над самой пропастью.

Всего опасней Ронсевальское ущелье.

Император Карл придержал своего коня:

— Вот Ронсеваль, бароны! Здесь надо быть настороже. Кто будет командовать головным отрядом?

— Ожье Датчанин, — подал голос Ганелон.

— Хорошо, согласен. А кто будет командовать аррьергардом?

— Роланд, мой пасынок. Он любит опасность, — посоветовал Ганелон.

— Да, правда твоя! — сказал Роланд Ганелону. — Я не уроню, как ты, перчатку императора на землю. Доверьте мне, государь, охрану войска.

Молча кивнул головой седобородый Карл.

Добился своего Ганелон. В Ронсевальском ущелье оставлен аррьергард во главе с Роландом, чтобы охранять отход франков. С ним двадцать тысяч воинов, цвет милой Франции. Рядом с Роландом друг его Оливьер, все пары Франции и архиепископ Турини.

Стоят франки лагерем в Ронсевальском ущелье и не ведают они, что в это самое время сарацины пробираются тайными тропами, со всех сторон окружают отряд Роланда.

Черной тучей облепили они скалы Ронсевальского ущелья, прячутся в густых буковых лесах, затаились за камнями.

Вдруг сорвался один камень, упал перед графом Оливьером; поднял глаза Оливьер. Там, над скалою, блеснули шишаки и наконечники копий. Прислушался Оливьер: ветер донес до него топот жопыт и звуки труб.

— Роланд! — сказал Оливьер. — Вижу я, сарацины хотят напасть на нас в этом ущелье.

— Пусть только попробуют!.. — ответил Роланд. — Славная будет битва.

Взлетел Оливьер на своем скакуне на гребень холма, взглянул — и глазам своим не поверил.

Увидел он внизу в тесной долине несметное войско сарацин. То, как огромный дракон, совется оно в клубок, то растянется длинной лентой. Четыреста тысяч мавров* послал король Марсилий против отряда франков.

— Марсилий изменник, мы преданы! — крикнул Оливьер Роланду. — Тысячи язычников идут на нас. Роланд, берите скорей ваш могучий рог Олифанта! Еще не поздно: услышит император Карл зов Олифанта и приведет франков нам на помощь. Трубите, Роланд!

— Так, значит, против нас идет все сарацинское войско? Нет, друг мой Оливьер, не стану я звать на помощь императора Карла. Не погублю своей чести, не опозорю милой Франции! Пока в моей руке меч Дюрандаль, я буду им разить врага! На свою погибель идут сюда сарацины!

— Друг мой Роланд, я сам готов разить врага, но неразумно полагаться лишь на себя, когда нас так мало, а их так много. Трубите в рог, не вижу я в этом никакого позора. Вернется Карл, тогда схватимся мы с врагом и победим.

— Нет, нет! Мне трубить в рог все равно что на весь мир прокричать о своей трусости.

Не послушал Роланд разумных слов Оливьера, повел свое войско в бой против сарацин. Перелетая с высоты на высоту, перекатываясь через ущелья, понесся боевой клич франков «Монжуа!».

Роланд на своем коне Вейлантифе скачет впереди войска. В руке у него копьё, а на острие копьё вьется по ветру маленькое знамя, белое, как снег. Золоченные кисти спадают на руку. Грозные взгляды бросает Роланд на сарацин, с гордостью глядит на своих друзей.

— Пришпорим наших коней! — воскликнул он. — Здесь завоюем мы славу для Франции, а предатели сарацины погибнут все до одного.

Аэлрот, племянник короля Марсилия, едет во главе сарацинского войска. Он оскорбляет франков злыми словами:

— Подлые франки, сейчас вы узнаете силу наших рук! Ваш посол Ганелоч вас предал. Император Карл, легковёрный глупец, оставил вас погибать в Ронсевальском ущелье. Сегодня ваша милая Франция потеряет славу, а ваш старый Карл будет рвать свою седую бороду.

В страшный гнев пришел Роланд, услышав эти слова, и бросился на сарацина.

Он разбил его щит, прорвал кольчугу, пронзил ему грудь и сбросил с коня.

— Вот тебе, дерзкий! — вскричал он. — Император наш

Карл мудр и отважен, и не напрасно доверил он нам охрану своего войска. Не потеряет сегодня милая Франция своей славы, а приумножит ее. Вперед, франки! Победа на нашей стороне!

Фальзарон, родной брат короля Марсилия, устремился вперед, осылая франков проклятиями и угрозами:

— Не уйдете живыми, франки! Все, все вы тут головы сложите, подлые псы!

Оливьер, полный гнева, пришпорил своего коня, налетел на Фальзарона и пробил его насквозь своим копьём.

— Монжуа! — воскликнул Оливьер. — Франки, победа за нами!

Берберийский король Корсаблис кричит сарацинам:

— Смелее в бой! Франков мало, перебьем их, изрубим, сотрем с лица земли!

Услышал эти слова архиепископ Турпин. Он бросился на сарацина и одним ударом меча разрубил его до самого седла.

Перемешались оба войска в страшной битве. Франки и сарацины колют друг друга копьями, рубят мечами и отражают удары. Повисло над полем боя облако. Летят обломки копий, осколки щитов и мечей. Катятся по земле шишаки и шлемы.

Рубит Роланд мечом своим Дюрандалем, а конь его Вейлантиф топчет врагов копытами.

Оливьер копьём разит сарацин. Семьсот воинов уже перебил он. Осталось в его руке сломанное древко. А Оливьер и обломком копья поражает сарацин.

Жестокий бой, страшная сеча!

Не уронили воины Роланда чести своей родины. Бьются они яростнее львов и тигров, тысячами побивают сарацин, но без числа и счета встают перед ними новые ряды врагов.

— Монжуа! — крикнул Роланд.

С неистовой отвагой бросился он в самую гущу врагов, а за ним все пары Франции и архиепископ Турпин.

Дрогнули сарацины и в беспорядке отступили. Но велики потери франков.

Притихла битва.

Наступила передышка.

Роланд, в доспехах, обагрённых кровью, объезжает поле боя. Видит он: почти все войско франков перебито, не осталось и сотни воинов.

Сбились в табуны и вихрем несутся по полю кони, потерявшие хозяина. Жалостно звучит их ржание. Тоска и скорбь щемят сердце Роланда. Чувствует он свою вину.

— О если б здесь был император Карл! — воскликнул он. — Оливьер, посоветуйте, что теперь делать?

— Не знаю, — ответил Оливьер. — Одно нам осталось: биться насмерть. Умрем, но не посрадим рыцарской чести.

— Я затрублю в свой рог Олифант, позову на помощь

императора Карла.

— Слишком поздно! Не успеет Карл прийти вовремя. Клянусь, если вернемся мы во Францию живыми, не отдам я вам в жены, как прежде обещал, сестру мою, прекрасную Альду!

— Почему вы так разгневались на меня? — с грустью спросил Роланд.

— Друг мой Роланд, — ответил Оливьер, — вы отказались трубить в рог, когда я просил вас. Ваша гордость, ваше безрассудство погубили нас. Сегодня конец нашей дружбе.

Услышал эти слова архиепископ Турпин, пришпорил своего коня и поспешил к ним:

— Время ли сейчас спорить, рыцари? Никто уже не может спасти нас, но все же, Роланд, трубите, трубите в свой рог! Вернется император Карл, отомстит за нас и похоронит с честью! Трубите, Роланд!

Взял Роланд свой могучий рог и затрубил. Из слоновьего бивня сделан рог Олифант, слычен его голос — далеко разнесся зов Олифанта. Но догонит ли он франкское войско?

А войско Карла уже далеко. Уже, спускаясь с гор, увидели франки зеленые поля своей родины.

Радостны лица воинов, но невесело на сердце у императора Карла — нет в нем доверия к Марсилию, закралась в душу тревога. То сожмет Карл ладонью рукоять меча, то отпустит. В недобрый час оставил он Роланда у самых ворот Франции, в тесном Ронсевальском ущелье.

Вдруг позади них вддали послышался еле слышный гул. То ли горный обвал, то ли зов боевого рога...

— Уж не Роланд ли трубит в рог, просит помощи? Может быть, там, в ущелье, идет жестокая битва? — говорит император Карл.

— О какой битве речь? — усмехнулся Ганелон. — Вы же знаете, как горд Роланд, никогда не позвал бы он на помощь. Наверно, травит он в горах оленя или косылу. И кто посмел бы напасть на него?

...От страшных усилий лопнули жилы на висках Роланда, каплями сочится густая кровь. С трудом и болью трубит Роланд...

— Нет, так не трубят для потехи! — вскричал император Карл. — Нас предали, Роланд погибает! Скорей, спешим ему на помощь!

Но прежде чем пришпорить своего коня, повелел Карл схватить Ганелона и отдать поварам в обоз на посрамление. Повара привязали предателя за шею. Как лесного медведя, посадили на цепь.

Загрели рога и трубы. Поворачивают назад своих коней франкские воины, скачут назад к Ронсевалу. Поверх кольчуг выпустили рыцари свои бороды* грозным вызовом врагу.

А в Ронсевале франки бьются насмерть, но как мало оста-

лось их!

Поредели и ряды сарацин. Сам король Марсилий бросился в битву. Четырех пэров Франкии сразил он одного за другим. Увидел это Роланд и вскричал:

— Будь ты проклят, Марсилий! Я отомщу тебе за смерть моих друзей. Узнаешь сейчас силу моего Дюрандала.

Как вихрь налетел Роланд на Марсилия, разбил в щепы его щит и отрубил ему по локоть правую руку. Упал Марсилий на землю.

Подняли сарацины своего короля и увезли в Сарагосу. Там погубить Марсилию!

Но великий калиф, дядя Марсилия, не покинул поле битвы. Повел он на франков большой отряд — пятьдесят тысяч черных воинов.

У Оливьера меч по самую рукоять в крови. Думал он отереть меч о траву, опустил руку и вдруг полоснул его вражеский клинок по глазам. Горе — слеп Оливьер!

Бросает он поводья, на ощупь берется за рукоять меча и гонит своего коня в самую гущу жестокой сечи. Направо и налево разит врагов Оливьер.

Но тут всадил ему великий калиф копьё в спину. Обернулся Оливьер, поднял меч, взмахнул им и сразил великого калифа.

— Роланд, ко мне! Побудьте возле меня в мой смертный час.

Упал он с коня прямо на руки Роланда. Видит Роланд: умирает Оливьер. Вынес он своего друга из боя, положил на зеленую траву, но уже не дышит граф Оливьер.

Оправил Роланд на нем доспехи, сложил ему руки на груди:

— Ты мертв, а без тебя мне жизнь не в радость! Нет и не будет в мире равного тебе рыцаря.

Взял Роланд свой большой рог Олифант и снова в него трубит. Жалобно звучит рог. Изнемогает от скорби сердце Роланда. Не прежний это неистовый зов. Не те уже силы у Роланда — иссякают они.

Император Карл услышал этот слабый зов и заплакал в первый раз в жизни.

— Видно, смерть подошла к Роланду. Звонче трубите ответ!

Разом загремело шестьдесят тысяч рогов и труб.

— Вы слышите? — всполошились сарацины. — Это трубят в войске императора Карла. Он уже близко. Если мы оставим Роланда в живых, война начнется снова и Сарагоса погибнет.

Четыре сотни отборных воинов приготовились напасть на Роланда.

Но не посмели они подойти к нему близко. Издали осыпали они Роланда дождем копий, дротиков и стрел, а сами повернули вспять. Бегут, чтобы не настигло их войско императора Карла.

Смертельно ранен Роланд. Пробиты у него шлем и кольчуга. Конь Вейлантиф пронзен в тридцати местах.

Прощается Вейлантиф с Роландом. Грустно поглядел на своего хозяина, шевельнул сухими губами, положил свою голову на плечо Роланда, всем телом вздрогнул и мертвым упал на землю.

Оглянулся вокруг Роланд. Видит он, все франки убиты, только архиепископ Турпин еще остался в живых. Тяжко ранен доблестный Турпин. Четыре копыта пробили ему грудь.

С трудом, через горы трупов, пробирается к нему Роланд.

— Благородный сеньор, — просит Роланд, — благословите убитых рыцарей. Я хочу сложить их поблизости от вас.

Турпин с трудом ответил:

— Я едва дышу. Торопитесь, Роланд.

По мертвому полю побрел Роланд — ищет своих друзей, верных сынов Франции. Разыскивает их в горах мертвых тел, разгребает изрубленные щиты и поломанные доспехи.

Всех пэров, одного за другим, переносит Роланд, прижимая к своей груди, туда, где лежит Турпин.

— Я и сам умираю. Прощайте, Роланд. Не увижу я больше милой Франции, — молвил Турпин и испустил дух.

Последним Роланд принес Оливьера. Положил его на щит рядом с мертвым Турпином.

Чувствует Роланд, что и от него смерть уже недалеко.

Захотел Роланд разбить свой меч Дюрандаль о камень, чтобы не достался он никому другому, но разлетелся камень на мелкие куски, а Дюрандаль остался невредим.

— Прощай, мой добрый меч, мой Дюрандаль, ты честно послужил Франции и императору Карлу! Последнее мое желание, чтоб ты не попал в руки труса.

Лег Роланд на землю, лицом к врагу. Поднял руку в рыцарской перчатке к небу и бестрепетно встретил смерть, как подобает воину.

Лежит неистовый, безудержно отважный, безмерно храбрый и беспримерно преданный милой Франции рыцарь Роланд в долине Ронсевала. Он лежит в своих золотых доспехах, обагрённых кровью, с белым рогом своим Олифантом и с мечом Дюрандалем. Так и нашел его на поле битвы седобородый Карл.

Закрыв Карл свое лицо плащом, велико его горе.

— Несчастливая долина Ронсеваль, ты стала могилой доблестных сынов Франции... Навеки печалью будет звучать твое имя.

Но вдруг он отбросил плащ. Не плакать — мстить должно!

Смотрит император Карл, а солнце сейчас за гору закатится, скоро ночь, не успеет он догнать врага.

И тут случилось чудо. Остановилось солнце в небе, задержало свой бег.

— В погоню! — велит Карл.

Пустили франки своих коней во весь опор. Скачут сквозь темные ущелья.

Впереди Карл. Рядом знаменосец сжимает в руке королевское знамя — пурпурную орифламмю*. Вьется шелк королевского знамени по ветру. Солнце светит, сверкают щиты и доспехи рыцарей, режут знамена на копейных древках.

Догнали врагов франкские рыцари. Немногие сарацины успели скрыться за стенами Сарагосы.

Полные гнева и печали, налетели франки на сарацин, никому не было пощады.

— Ронсеваль! Роланд! — кричали воины Карла, избивая врагов.

Император Карл привел свои войска к стенам Сарагосы.

Недолго держали оборону воины Марсилия. А Марсилий умер от жестокой раны, от страха и горя.

Все башни сарагосские, десять больших и пятьдесят малых, королева Брамимонда сама, по собственной воле, сдала императору Карлу. Велела открыть ворота в город.

И снова император Карл в Ронсевальском ущелье. Там оплакали и с честью похоронили франки своих погибших воинов.

Невесел обратный путь на родину, печальную весть везут франки.

Вернулся король Карл в свой императорский город Ахен. Но только подъехал он к своему дворцу, вышла ему навстречу прекрасная Альда, сестра графа Оливьера. Спросила она:

— Где граф Роланд, храбрый, благородный Роланд? Он поклялся взять меня в жены.

Опустил глаза император Карл:

— Что я отвечу тебе? Увы, ты спрашиваешь меня о мертвом. Но я дам тебе другого мужа. — Людовика, он мой старший сын и наследник.

— Странные слова я слышу, — ответила прекрасная Альда. — Возможно ли, чтоб я осталась в живых, если умер Роланд?

Побледнела она и мертвой упала к ногам императора Карла.

Созвал император Карл своих баронов. Надо совершить дело справедливости: судить Ганелона.

Собрались все бароны на суд и признали они: виновен Ганелон.

Страшной казнью казнили предателя. За ноги, за руки привязали к четырем диким коням и погнали коней в разные стороны.

Поют певцы, перебирая струны:

— Милая Франция, как ты осиротела! Погиб Роланд, бесстрашный Роланд, твой защитник, убит он в темном Ронсевальском ущелье. Но никогда не померкнет его слава и не забудутся его подвиги!

Король Артур и рыцари Круглого стола

Из королевского замка Камелота* выехал всадник. Никто не провожал его, не светил ему в темноте. Тяжелые ворота словно ветром распахнуло. Сам собой беззвучно опустился подъемный мост.

На опушке леса сидели вокруг костра пастухи и толковали между собой. Вдруг послышался стук копыт.

По дороге во весь опор мчался всадник. Огонь в костре вспыхнул и высоким столбом метнулся ему навстречу. И тут увидели пастухи: скачет старик с длинной белой бородой и что-то крепко прижимает к своей груди.

— Уж не злодей ли какой! — испуганно сказал молодой пастух. — Разве добрый человек поедет один в такую позднюю пору!

— Молчи, глупый! — прикрикнул на него другой пастух. — Накличешь на нас беду. Я стар, да вижу дальше тебя. То был Мерлин, сам Мерлин!

— Правду ли говорят, будто Мерлин — сын дьявола? — со страхом спросил молодой пастух.

— Попридержи свой длинный язык! Мерлин — мудрый волшебник. Наш король Утэр Пендрагон ничего не делает без его совета. Великие услуги оказал он королю.

— А верно ли, что Мерлин часто появляется там, где его никто не ждет, в разных обличьях?

— Истинная правда. Думаешь, перед тобой нищий слепец, а это Мерлин. Видишь кудрявого мальчика или оленя с золотыми рогами, а это Мерлин. Сильны его чары. Много раз помогал Мерлин королю Утэру побеждать врагов.

— Должно быть, побывал Мерлин у короля и получил драгоценный подарок. Вот взглянуть бы какой! — воскликнул молодой пастух.

Но тут сказал один странник-слепец, присевший погреться у пастушьего костра:

— О чем вы толкуете? Ребенка вез этот всадник. Малого ребенка! Я слышал тонкий детский плач, словно летучая мышь пискнула.

— Что слышал, держи про себя! — остерег его старик. — Нынче спали мы крепким сном, а во сне чего не приснится!

Вскоре после той ночи тяжело занемог король всей Британии Утэр Пендрагон. Был он уже в преклонных годах и страдал от старых боевых ран. Так засыхает могучий дуб, расщепленный молнией.

— Знаю я от Мерлина, близок мой срок, — сказал король жене своей, королеве Игерне. — Опасается он, что после моей смерти наступят многие беды. Храни же нашу тайну, королева, свято храни! А мне остались еще последние заботы.

У королевы Игерны были от первого брака две дочери: Маргаза и Моргана. Король Утэр поспешил устроить судьбу своих падчериц и выдал их замуж за могучих и славных королей.

Слух о болезни короля Утэра разнесся повсюду, и осмелели враги, напали на его владения.

— Не в постели хочу умереть, а как воин, в бою, — сказал тогда король Утэр.

Оруженосцы облачили короля в доспехи и привязали меч к его слабеющей руке.

Во главе своего войска выехал король Утэр навстречу врагам и разбил их. А потом склонился на шею коня и умер.

Вскоре скончалась и королева Игерна. Опустел королевский трон Британии.

И началась в стране великая распря. Все малые и большие короли-вассалы, все герцоги и бароны пошли войной друг против друга. Приступом берут замки, жгут селения, грабят и убивают, как простые разбойники.

Непроезжими стали дороги — везде засады. Отдай путник, выкуп, не то прощайся с жизнью!

Кровью истекает страна.

Прошло семнадцать лет со дня смерти короля Утэра.

И вот однажды самые старые, самые мудрые рыцари собрались и стали держать совет. И призвали они волшебника Мерлина. Спросили его: как быть?

— Уже давно не затихает война в нашей стране. Как волки грызутся между собой короли и бароны... Голод и мор опустошают нашу землю.

— Если так пойдет дальше, то и вы погибните, — сурово сказал им Мерлин. — Послушайтесь же моего совета. Надо, нимало не медля, избрать нового короля — сюзерена* Британии, чтобы вернул он в страну мир и возродил ее былую славу.

— Говорят, Мерлин, ты мудрейший из мудрых, а хочешь невозможного! Как избрать короля, если все бароны не согласны между собой!

— Я укажу вам верный способ, как прекратить смуту. Надо кликнуть клич по всей Британии, чтобы съехались в город Лондон* все короли, герцоги и рыцари. Откройте ворота и для простого народа. А я призову на помощь свое чародейное искусство. И совершится великое чудо. Меч укажет избранника.

Мерлин вышел на городскую площадь, взмахнул рукой, и вдруг посреди площади поквилась глыба мрамора. На этой глыбе стояла железная наковальня, а в нее был глубоко всажен обнаженный меч.

На рукояти горела золотая надпись:

Кто вырвет клинок из железных тесни,
Тот законный Британия властелин

По совету Мерлина разослали повсюду вестников ко всем знатым рыцарям.

— В день рождества, — объявили вестники, — будет устроен в городе Лондоне большой турнир*. А после него каждый рыцарь попытает свое счастье. Кто вытащит меч из железной наковальни, тот станет королем всей Британии. И первым испробуют свою силу на чудесном мече победители турнира.

Со всех концов Британии стали съезжаться в Лондон короли и герцоги: каждый из них давно мечтал надеть на себя корону Утэра Пендрагона.

Торжественно въехали в город во главе многочисленной свиты Лот, король Оркнейский, супруг Маргазы, и Уриенс, король Горра, супруг Морганы. Прибыли король Бан и король Леодегранс.

Простых рыцарей и не сосчитать.

Вокруг наковальни всегда толпа. Десять воинов день и ночь несут почетную стражу — стерегут чудесный меч.

Но настал наконец день турнира.

За городскими стенами огородили широкое ровное поле. Вокруг построены для знатных зрителей высокие галереи с балконами, а подалее, на склонах холма, поставлены скамьи.

Но не для всех отыскалось место. Многие примостились на деревьях, на крыше мельницы, смотрят с городской стены и со сторожевых башен.

Посреди галереи на высоком помосте восседают, сверкая золотом и драгоценными камнями, короли и королевы.

Всех горделивей глядит королева Моргана. На кого взглянет, у того холод пробежит по спине. Владеет она колдовскими чарами, но в мысли Мерлина ей не проникнуть. В каждом глазу у нее по девять зрачков, а не может она так читать будущее, как Мерлин.

— Что скажешь, Мерлин? — спросила королева. — Сколько здесь знаменитых рыцарей! Знаешь ли ты, кого изберет меч? Короля Лота? Или супруга моего — короля Уриенса? Или, может быть, глупого толстяка Кларiona, герцога Нортумберлендского?

Но Мерлин только улыбался.

Приехал на турнир и старый рыцарь сэр Эктор, прозванный Верным за то, что всегда нерушимо хранил свое слово. Старший сын его Кэй был недавно посвящен в рыцари, младший, Артур, служил при брате оруженосцем*.

Утром заторопился Кэй — скорей на турнир! Только об одном Кэй и думал, как он победит всех на турнире. Тут и совершил он неслыханную оплошность!

Два меча взял он с собой из своего дома: один надежный и крепкий, а другой сломанный. Надо было приделать к нему новый клинок у лондонского оружейника. На беду, у мечей похожие рукоятки.

Едет Кэй на турнир в доспехах, изукрашенных золотой насечкой. И, словно у единорога, торчит у его белого коня рог посредине лба, железный рог на крепкой бляхе.

Оруженосец, юноша Артур, везет вслед за своим старшим братом длинное копьё и рыцарский щит. На щите герб: черный грифон на зеленом поле.

Бросает Кэй горделивые взгляды вокруг и не ведает, что в ножнах у него сломанный меч.

На лужайке возле ристалища* разбиты цветные шатры и палатки. Стоит среди них и шатер сэра Эктора, а сам он на галерее ждет начала боя. Поддержит ли молодой Кэй честь своего славного рода?

Последний раз проверил оруженосец Артур, хорошо ли прилажены доспехи на рыцаре, крепко ли подтанута подпруга у его коня.

Тут вздумалось Кэю вынуть меч из ножен. Вынул — и увидел сломанный клинок.

Вскрикнул от ужаса Артур. Винит себя — недоглядел он.

— Милый брат, — умоляет Артура Кэй, — помоги мне, или все пропало! Есть еще время. Сначала мы будем биться на копьях и лишь потом возьмемся за мечи. Поспешив в гостию-

цу, где мы остановились, привези мне исправный меч.

Изо всех сил погнался своего коня Артур.

А меж тем близится начало турнира. Все взгляды устремлены на ристалище.

В ограде двое ворот: на северной и южной стороне. Два отряда рыцарей построились позади ворот один против другого.

Вот стихла толпа. Послышался лязг доспехов и звон оружия. Затрубили трубы.

В один и тот же миг распахнулись северные и южные ворота. На турнирное поле по двое в ряд торжественно выехали рыцари.

Девяносто три рыцаря выстроились на одной стороне поля и девяносто три на другой. Во главе каждого отряда прославленный воин.

Но вот опять трижды протрубили герольды*.

Берут разбег кони, вперед наклонились копыта. Сшиблись рыцари на середине поля. Летят концы сломанных копий, тяжело рухнут на землю выбитые из седла рыцари.

Молодому Кэю достался противник не из самых могучих. Выбил Кэй его из седла, да так, что отбросил на длину копыта. И еще удача: не в самой гуще схватки случилось это, и герольды восславили удар.

Но вот улеглось облако пыли. Унесли раненых рыцарей, а победители медленно объехали поле. Послышались крики одобрения:

— Золотая лилия!.. Красный единорог!.. Дракон и лев!.. Серебряный медведь!

По гербам на щитах узнают рыцарей — лица их наглухо закрыты шлемами.

— Черный грифон! — с радостью услышал Кэй. Уж не ему ли махнула белым шарфом прекрасная дама?

Но тут дрогнуло сердце в его груди: он вспомнил про сломанный меч!

А тем временем Артур прискакал к дому, где они остановились. Бросился к двери — залерта! Ни души!

Артур побежал на одну улицу, на другую... Найти бы оружейника, повстречать знакомого рыцаря! Но нет, весь город словно вымер.

Сам не зная как, очутился Артур на площади. Посреди площади стоит наковальня с чудесным мечом, и никто не сторожит его — все на турнире.

Не раздумывая долго, Артур проворно вскочил на камень, ухватился за рукоять меча и дернул что было силы. Чуть не упал он навзничь — так легко вышел меч из железной наковальни. Какая удача! Скорее на коня и на выручку к брату!

А тем временем рыцари-победители подъехали к ограде, чтобы отдать свои сломанные копыта оруженосцам и подкрепить

себя освежительным напитком перед тяжелым боем на мечах.

Оглядывается по сторонам Кэй: где Артур? Поспее ли вовремя?

Но вот в ворота ограды вбежал Артур, сияя радостью, с великолепным мечом в руках и подал меч своему брату:

— Возьмите, сэр Кэй, и пусть он принесет вам победу! Взглянул Кэй на рукоять меча, а на ней сверкает надпись:

Кто вырвет меч из железных теснин,

Тот законный Британии властелин.

И тут сразу позабыл Кэй о турнире.

— Беги, Артур, на галерею за отцом, сэром Эктором, и проси его немедленно идти в наш шатер.

Прикрыл Кэй рукоять меча, чтобы ничьи глаза не приметили ее, и покинул поле турнира.

Поспешно вошел в шатер старый рыцарь вместе с Артуром:

— Что с тобой, Кэй? Уж не ранен ли ты? Отчего покинул ристалище после первой победы?

— Отец, до того ли мне? Я — король Британии. Я теперь законный король Британии! Смотрите, смотрите!

И Кэй протянул отцу волшебный меч.

Но сэр Эктор отступил назад, и лицо его потемнело.

— Как ты добыл этот меч? Когда успел вынуть его из наковальни? Ведь только что я видел тебя на поле. Правду говори, Кэй!

Не сразу ответил Кэй, с запинкой и неохотой:

— Мне принес его Артур.

Тут приступил сэр Эктор с расспросами к Артуру, а выслушав его, крепко задумался:

— Так вот оно что! Но я хочу убедиться своими глазами!

Втроем поехали они на городскую площадь, и там Артур без труда вложил меч в наковальню и снова вынул его раз, и другой, и третий. Велел сэр Эктор своему сыну Кэю тоже попробовать счастья. Но, как ни старался Кэй, не мог сдвинуть меч и на волосок.

Тогда сэр Эктор преклонил колена перед Артуром:

— Приветствую вас, наш повелитель!

— Что вы делаете, отец мой! — отшатнулся в испуге Артур. — Зачем преклонили колена передо мной, вашим сыном?

— Теперь я все понял, Артур, вы — законный король Британии. И ты, сэр Кэй, опустишь на колени перед своим королем.

— Как, мой младший брат — король? — уныло спросил Кэй и, немного помедлив тоже стал на колени.

И тогда поведал сэр Эктор Артуру:

— Знайте, Артур, вы мой приемный сын. Глубокой ночью семнадцать лет назад прибыл в мой замок волшебник Мерлин. С рук на руки при свете факелов передал он мне младенца, завернутого в пурпурную мантию. Попросил меня Мерлин

растить ребенка, как собственного сына, и наречь его при крещении Артуром. Утром оповестил я всех, что ночью родился у меня еще один сын.

— О горе! — с болью закричал Артур и заплакал. — Лишился я и отца, и брата... Не хочу я быть королем!

— Не время сейчас думать о себе, — сказал на это сэр Эктор. — Должны вы стать щитом для страны и мечом для врагов. Об одном прошу вас: не забудьте Кэя, сделайте его своим сенешалем*.

— Это я обещаю, — печально ответил Артур.

Пока они так беседовали, пришел конец турниру. Победители, окруженные толпой, поспешили на площадь к наковальне с заветным мечом.

Самый могучий рыцарь, главный победитель турнира, вскочил на камень, крепко уперся ногами и, напрягая все свои силы так, что жилы вздулись на лбу, потянул меч за рукоять. Но не удалось ему вытащить меч из наковальни. Даже немного сдвинуть с места и то не удалось.

— Проклятый меч! — крикнул, задыхаясь, рыцарь и прыгнул с камня.

Один за другим стали рыцари пробовать свои силы. Все громче и громче потешалас над ними толпа. Крепкая рука у короля Лота, но и ему не поддался меч.

И наконец, уже перед заходом солнца, когда никто не захотел больше пытаться счастья, появился на площади старик в темном плаще, — сам волшебник Мерлин. За руку подвел он юношу Артура к наковальне, и Артур на глазах у всех легко вырвал меч из наковальни и снова вложил его.

Много раз подряд повторил Артур это чудо.

— Теперь могу я открыть вам великую тайну! — громким голосом возгласил Мерлин. — Знайте, этот юноша — сын короля всей Британии Утэра Пендрагона и королевы Игерны, законный наследник трона. Когда король Утэр был близок к смерти, тайно увез я ребенка из королевского замка, чтобы сохранить ему жизнь. Знал я, что опасность грозит малолетнему сыну короля Утэра во время смут и распрей. Зовут его Артур, и совершит он так много подвигов, как ни один король на свете. Покроет он славой Британию.

— Чудо, чудо! Вот он, избраннык, король Британии! Теперь конец смуте! — ликовала толпа.

Только король Лот и король Уриенс вскочили на своих коней и ускакали, полные гнева и злобы.

На другой же день Артур был посвящен в рыцари и коронован.

А после этого уехал он в давно покинутый королевский замок Камелот и устроил там большое празднество. Всех королей и герцогов позвал он к себе на пир, потому что мира хотел Артур и согласия в стране.

Но короли Лот и Уриенс не приняли его приглашения и велели сказать ему:

— Один лишь подарок получишь ты от нас: удар острого меча.

Однадцать непокорных королей во главе с Лотом и Уриенсом привели свои войска к стенам Камелота. Враждуют короли между собой, но в одном согласны: не бывать Артуру повелителем Британии!

Но и у короля Артура немало сторонников. Все честные и благородные рыцари собрались под его знаменем. Простые вилланы* и те поспешили на помощь, вооружаясь дубинками, косами и топорами.

— Смело идите в бой, король, — напутствовал Мерлин короля Артура перед сражением. — Бейтесь вашим рыцарским мечом, а чудесный меч, который вынули вы из железной наковальни, обнажите только тогда, когда будет грозить вам неминуемая гибель. Лежит на нем заклятие: лишь однажды может послужить он в битве королю Британии.

И началась битва. Лот и Уриенс опытные воины, но отважен, как лев, молодой Артур, и не просто одолеть его.

Со всех сторон подступают враги, все чаще вводят в бой новую подмогу. Сжимается кольцо врагов вокруг Артура, редут ряды защитников, но стойко бьется молодой король.

Наступают сумерки, а ни одна сторона еще не добилась победы.

Наконец увидел Артур, что оттеснены его рыцари в сторону, только верный оруженосец еще с ним, а врагам нет счета. Иссечены на Артуре доспехи, иззубрен меч, кровь по лицу льется. Гибель подходит.

Тогда велел он оруженосцу подать ему чудесный меч — дар Мерлина, вынул его из ножен и поднял над головой. Ярче солнца засиял меч, и в страхе обратились в бегство враги, ослепленные блеском меча.

Воспрянули духом воины Артура и пустились в погоню за врагом.

Так выиграл король Артур свою первую битву.

*

Три года уже царствует король Артур.

Вернул он стране мир, восстановил справедливость, покарал обидчиков. На время утихли непокорные бароны.

Своего названного брата он сделал сенешалем, а мудрый Мерлин стал советником молодого короля.

Повсюду прошел слух: Артур приветлив и великодушен, любит он опасные приключения и смелые праздники. И сам он и его рыцари всегда на страже, по первому зову спешат на помощь к несправедливо обиженным.

Множество юношей собралось при дворе короля Артура,

чтобы получить рыцарские шпоры из его рук, и он повел их по дороге славы.

Однажды шел праздничный пир в королевском замке Камелоте.

Пир был в самом разгаре, когда вдруг смолкли веселые голоса и послышался ропот удивления.

В пиршественный зал медленной поступью пошел белый боевой конь, один, без седока. Белая попона на нем потемнела от пота, изорвана, запятнана кровью.

Гулко стучат копыта по каменным плцтам пола. Остановился конь перед королем Артуром, звонко топнул копытом, посмотрел на короля, повернулся и пошел назад, оглядываясь, словно манил его следом за собой.

— Этот конь молит меня о помощи! — воскликнул король. — Подайте мне доспехи, оружие! Воины мои, за мной!

Он встал из-за стола, торопливо вооружился и вскочил на белого коня, а тот радостно вскинул голову, громко заржал и большими скачками помчался вниз по ступеням каменной лестницы, прочь из королевского замка.

— Клянусь бородой, — воскликнул сенешаль Кэй, а был он остер на язык, — в наш зал, где мы пируем, вошел конь, но чему здесь дивиться? Ведь не раз в этом самом зале телок говорил мудрые речи, заяц хвастался храбростью, а кабан своей красотой.

И при этих словах Кэй поглядывал то на одного, то на другого рыцаря. Но никто не слушал Кэя. Все говорили о чудесном появлении белого коня.

Так неожиданно закончился пир в Камелоте.

Король Артур бросил поводья — пусть конь несет его куда знает.

Сначала белый конь скакал по дороге. Мимо мелькали замки, мельницы, селения... Воины короля Артура сильно отстали и только старались не потерять его след.

Но вот белый конь понесся напрямик через широкое поле. Испуганные птицы вспархивали у него из-под копыт. Конь перешел вброд через реку и наконец замедлил свой бег на опушке леса.

И тут король Артур увидел печальное зрелище. На траве лежал молодой рыцарь и с трудом дышал. Кровь лилась у него из многих ран. Конь подошел к нему и застонал, как человек в сильном горе.

Король Артур спешился и приподнял голову молодого рыцаря.

— Кто ты? Что случилось с тобой? — спросил он. — Расскажи, если можешь.

Раненый рыцарь вздохнул и тихо заговорил:

— Увы, язык мой плохо повинуется мне. Знай: зовут меня сэр Саграмор. Две недели назад выехал я из своего замка

искать подвигов и приключений. Шестерых рыцарей одолев я в честном поединке и послал их к даме моего сердца, чтобы они возвестили о моих победах.

Этим утром приехал я на зеленый луг, усыпанный цветами. Три прекрасных девушки играли в мяч на этом лугу. Они спросили меня, чего я ищу. «Небывалых приключений!» — ответил я. И тогда одна из них с улыбкой сказала мне: «О, если так, поезжайте вон по той тропинке, доблестный рыцарь, там ждет вас диковинное приключение. Но лучше останьтесь с нами...»

Тут раненый рыцарь стал говорить совсем тихо. Король Артур расслышал только:

— Черный рыцарь... Копье вонзилось в меня. Он сразил меня, как многих других. И повесил на дереве мой щит на позор и посмеяние. Вот что мне больней всего!

— Кто бы ни был этот Черный рыцарь, он поступил худо! — вскричал в гневе король Артур. — Стыдно позорить доблестного противника.

Он взял свой охотничий рог и громко затрубил. Скоро послышались ответные звуки рогов и появились воины короля Артура. Он поручил раненого рыцаря их заботам, и воины бережно подняли его и увезли.

Король Артур остался один. Он ласково потрепал белого коня по взмыленной шее и сказал:

— Послушай, конь, ты умный и верный друг. Неси же меня туда, где Черный рыцарь ранил твоего господина, и я отомщу за него.

Артур отпустил поводья, и белый конь помчался вскачь по лесной тропинке. Скоро он вынес короля на зеленый луг.

Король вдохнул густой запах цветов, и на него напала сладкая лень. Хотелось сойти с коня, лечь на траву и никуда не спешить. Только глядеть, как бегут по высокому небу белые облака. И в этот миг боевые доспехи показались ему очень тяжелыми.

Вдруг послышался веселый смех. Король увидел трех юных девушек в платьях из огненно-алого атласа.

По плечам у них рассыпались волосы цвета пчелиного меда, придержанные на лбу золотым обручем. Девушки бросали друг другу золотой мяч, и он так ярко сверкал, что казалось, они ловят луч солнца.

Увидев незнакомого рыцаря, девушки остановились, и одна из них, как видно старшая, спросила:

— Куда вы спешите, сэр рыцарь, и зачем?

— Прекрасная госпожа, я ищу Черного рыцаря, чтобы вызвать его на бой.

— О горе! Зачем торопитесь вы навстречу верной гибели? Лучше сойдите с коня и останьтесь с нами. Долиной радости зовут это место, а живем мы в Замке утех. Веселее проводим

мы в играх и веселье, и нет ничего приятней и сладостней этой жизни.— Девушка звонко позвала: — Сюда, мои слуги!

И на лужайку проворно выбежали два пригожих паж. Один нес золотую фляжку, а другой — драгоценный кубок.

— Испейте этого вина, рыцарь, и вы сразу забудете обо всех бедах и печалях на свете и никогда не расстанетесь с нами.

Король Артур хотел было уже спешиться, чтобы принять кубок вина из рук прекрасной девушки, но белый конь топнул ногой и протяжно заржал.

— Нет, госпожа моя, нет! — воскликнул, опомнившись, король Артур.— Если я забуду обо всем на свете ради веселых утех и если другие рыцари последуют моему примеру, то ваша Долина радости скоро станет Долиной слез. Кто защитит вас в час беды? Одного лишь прошу я: укажите мне дорогу к Черному рыцарю.

Девушка медленно подняла руку и указала на тропинку, убегавшую в густую чащу.

— Прощайте, рыцарь, вы сделали выбор, но боюсь я, на беду себе.

Король Артур простился с нею и поехал по лесной тропинке, где даже в солнечный день было темно, словно в глубоком колодце.

Вдруг он услышал, как чьи-то хриплые голоса выкрикивают проклятия и угрозы.

Двое разбойников напали на седобородого старца, стащили с лошади, душат за горло, рвут плащ с его плеч.

— Не бойся, старик,— крикнул Артур,— я спешу на помощь! — и мечом прогнал негодяев.

Они бросились в разные стороны. Вдруг послышался треск и хруст ветвей, сердитый рев и злобное хрюканье. Откуда ни возьмись, появилось стадо диких зверей: медведи, волки и кабаны. Звери пустились в погоню за разбойниками, и король Артур был нисколько этим удивлен.

Старик тем временем стоял да поглаживал себе бороду с улыбкой, будто и не знал, что такое страх. Артур взгляделся в него. Да ведь это Мерлин!

— Вовремя же я поспел,— сказал Артур.— Клянусь, ты был на волосок от гибели.

— Нет, король,— ответил чародей,— убить меня не так-то легко! Не мне, а вам грозит великая опасность. Вот зачем я здесь — я хочу следовать за вами.

— Поступай как знаешь,— задумчиво сказал Артур.

Он поехал дальше, а Мерлин за ним.

Лес начал сквозить синевой, и король Артур придержал своего коня перед широким и бурным потоком. Через него вел каменный мост, а посреди моста был укреплен черный щит. Рядом лежал медный молоток.

И вот какие слова были начертаны на этом черном щите:

Кто по щиту молотком постучит,
Тот потеряет свой собственный щит.

На другом берегу росла ветвистая яблоня, а на ней висели десятки щитов, пробитых копьем, окровавленных, изрубленных мечом. Никогда ни одно дерево не приносило столь страшных плодов!

Артур с изумлением узнал гербы и девизы многих знаменитых рыцарей.

А там дальше высилась скала, похожая на огромный зуб дракона. На вершине скалы темнел замок с одной-единственной башней. Так мрачна и угрюма была эта башня, словно в ней жили одни совы! Бойницы глядели, как недобрые глаза. У подножия замка расстилалось обширное поле, истоптанное копытами коней. Кое-где валялись ржавые шлемы, и трава проросла сквозь прорези для глаз.

Король Артур взял медный молоток и так сильно ударил по черному щиту, что эхо прокатилось громом. И все щиты на яблоне ответили глухим и жалобным гулом.

В тот же миг опустился подъемный мост, и из замка медленно выехал рыцарь на черном коне и в черном доспехе. Он был так велик ростом, что напоминал дуб, опаленный молнией. Всадник двинулся навстречу королю Артуру.

Когда их разделяло всего десять шагов, Черный рыцарь осадил коня и крикнул:

— Дерзкий безумец, отдай мне свой щит добром, я повешу его на ветвях этой яблони. А если ты не согласен, я возьму твой щит с бою, и тогда пеняй на себя!

— Знай, я здесь, чтобы биться с тобой, — ответил король Артур. — Скоро на яблоне будет висеть лишь один щит — твой собственный. Не теряй же слов, и пусть победит тот, кто достоин победы.

Оба рыцаря разъехались в разные концы поля и, разогнав своих коней, сшиблись с такой силой, что земля содрогнулась. Копья разлетелись в щепы, а кони едва устояли на ногах.

Но оба всадника остались сидеть в седлах как прикованные, и каждый из них изумился силе и ловкости другого.

— Спешимся и возьмемся за мечи, — предложил король Артур.

— Раю еще, — ответил Черный рыцарь, и по его знаку два оруженосца вынесли из замка крепкие ясеневые копья и подали их рыцарям.

Во второй раз поскакали бойцы со скоростью вихря. Еще яростнее прежнего налетели рыцари друг на друга и опять раздробили свои копья о крепкие щиты, но ни один не смог выбить другого из седла.

— Кто ты? Я не встречал еще такого противника! — воскликнул Черный рыцарь и велел подать новые копья.

И опять понеслись кони навстречу друг другу, глаза налиты кровью, из пасти брызжет пена.

Удар будто молотом великана — и лопается подпруга на коне короля Артура, и проломлен щит, но не упал король — проворно спрыгнул с коня и выхватил меч.

— Отдай твой щит, на яблоне есть еще пустая ветка! — насмешливо крикнул Черный рыцарь.

Но пришлось и ему спешиться, когда, как буря, налетел на него король Артур.

Рубятся рыцари, обливаясь кровью. То один берет верх, то другой. В голову и в грудь ранен король Артур, но не чувствует он тяжести своих ран, разгоряченный боем.

Еще удар — и сломан меч короля, безоружен король, но хватает он своего противника за пояс. Повержен Черный рыцарь, и король Артур наступил ему коленом на грудь.

Вот она, желанная победа!

— Сдавайся! — крикнул король Артур.

Но в это самое мгновение силы оставили молодого короля. Разрублен мечом шлем, кровь слепит его, слабеют руки...

— А ты думал, что уже размолот меня, как жернов зерно, или рассек, как топор рассекает дуб? Конец тебе! — вскочил на ноги Черный рыцарь и в свой черед с силой бросил Артура на землю, хрипя от гнева, словно дикий вепрь. — Не будет тебе пощады!

Он сорвал шлем с короля Артура и занес над ним кинжал, чтобы вонзить в горло.

— Стой, остановись! — бросился Мерлин к Черному рыцарю. — Перед тобой король Британии, Артур, твой законный повелитель. Удержи свою руку, Пеллинор.

— Как, сам Артур! Ха-ха, тогда я убью его с великой радостью, — захохотал Черный рыцарь. — Да, Артур, я король Пеллинор, твой заклятый враг. Я восстал против тебя по призыву феи Морганы вместе с мужем ее Уриенсом и многими другими королями и герцогами. И ты изгнал меня и отнял у меня мои земли. Из-за тебя томлюсь я в одинокой башне. Лишь тогда я счастлив, когда удастся мне сразить одного из твоих рыцарей. Но наступил час моего торжества — я убью тебя!

И он снова замахнулся кинжалом. Но Мерлин слегка ударил короля Пеллинора своим посохом, и он упал как подрубленный. Казалось, что жизнь вдруг отлетела от него.

— Что ты сделал, Мерлин? — ужаснулся Артур. — Силой твоих чар ты убил моего противника, а это позор для меня.

— Нет, король, — ответил Мерлин. — Смерть сейчас ближе к вам, чем к нему. Он только спит. Поспешим отсюда.

Старый чародей помог королю сесть в седо и, поддерживая его, отвез в глубину чащи. Там стояла хижина отшельника. Мерлин вдвоем с отшельником уложил короля на ложе из тростника и перевязал ему раны. Показалось Артуру, что снова

он бьется с Черным рыцарем и нет битве конца. Так прошла вся ночь, и еще один день, и еще одна ночь.

Вдруг услышал король звуки рогов, посвист псарей и лай собак. У дверей в хижину раздались женские голоса:

— Навестим отшельника, госпожа Гиневра, вот дары для него.

Артур открыл глаза и увидел перед собой девушку несравненной красоты и прелести.

— Что это? Кто это? Я сплю? — прошептал он.

Она же вскрикнула от жалости при виде раненого рыцаря и наклонилась к нему. Длинные волосы девушки упали ему на лицо.

В этот миг король Артур полюбил ее, и к нему вернулась жизнь и радость жизни.

Девушка кликнула лекаря, бывшего в ее свите, и велела смазывать раны рыцаря бальзамом.

И лишь когда лекарь обещал ей, что рыцарь будет здоров, покинула она хижину и возвратилась к себе домой.

Прошло всего три дня, и король Артур встал на ноги.

— Я снова вызову на бой Пеллинора, — возвестил он Мерлину. — Спор не окончен.

— Дивлюсь я, король, — ответил Мерлин, — меч ваш сломан, латы иссечены... Не хотите ли вы с палкой броситься на врага? Но я помогу вам, ибо вижу: никто не остановит вас. Поедем же добывать новый меч, достойный вашей руки.

И король с Мерлином пустились в путь.

Они ехали час и другой, и вдруг король увидел, что все вокруг изменилось.

Ветви звенели, словно струны, а деревья впереди раздвигались, словно толпа людей.

— Что это значит? — спросил Артур.

— Мы в зачарованном лесу, — поведал ему Мерлин. — Здесь, на его опушке, я буду ждать вас. Дальше мне нет дороги. Там, в глубине чащи, лежит зачарованное озеро, только не каждому дано увидеть его чудес. Но сдается мне, Дева озера к вам благосклонна. Она вышлет вам провожатого.

Артур погнал своего коня в глубь леса. Вдруг над его головой появилась белая птица и начала плавно кружить в воздухе.

Артур схватил было пращу*, но белая птица не забила тревожно крыльями, не скрылась прочь, а доверчиво подлетела к королю, легко коснулась его плеча и снова начала кружиться над ним. И король Артур опустил пращу.

Птица манила его. Она то легко парила, раскинув во всю ширь свои сверкающие крылья, то уносилась вперед, рассекая ветер, снова возвращалась и понемногу увлекала за собой короля Артура все дальше и дальше.

Вдруг впереди блеснуло озеро, и Артур увидел перед собой

замок из светлого серебра, кровля которого была крыта перьями белоснежных птиц.

Замок этот стоял на самом берегу, отражаясь в зеркале прозрачных вод. А посреди озера новое чудо! Там сиял ослепительным блеском великолепный меч в золотых ножнах. Меч этот сжимала женская рука в драгоценных браслетах. Она выступала из воды по локоть, так что был виден белый атласный рукав.

Артур не мог отвести глаз от прекрасного меча. Но как добыть его?

Тут прилетела белая птица и снова начала манить короля Артура. Следуя за ней, он обогнул замок и увидел вход в него.

Бронзовый мост был опущен, и король Артур вошел в замок. Много было в нем богато убранных залов, а людей — никого! Долго бродил король Артур по замку один, и за спиной его все время звучала нежная музыка.

В одном зале стоял шахматный столик. На золотых и серебряных квадратах игра начата и не окончена. Король Артур был искусным игроком. Он оценил, на чьей стороне перевес: серебряные фигуры теснили золотые.

Поразмыслив, Артур сделал ход золотым конем, угрожая серебряному королю на его поле. Но тут же от доски отделилась серебряная королева и с звонким стуком опустилась на другой квадрат, словно ножкой топнула. Надежно защитила она своего короля.

Крепко задумался Артур. Вдруг ему пришла в голову счастливая мысль. Он сделал новый ход...

— Ты победил, — сказал чей-то голос.

Артур поднял глаза. К нему шла величавая женщина в изумрудно-зеленом платье. Король Артур вспомнил: феи любят зеленый цвет.

И глаза у женщины тоже изумрудные. Они, казалось, смотрели и не смотрели, видели и не видели, улыбались и не улыбались.

— Будь моим гостем, рыцарь! — приветствовала она короля Артура.

— Кто ты, поведай мне?

— Я — фея Нимуэ, люди прозвали меня Девой озера. Страна эта — обитель фей, я их повелительница. Знаю, знаю, что ты ищешь здесь.

— О, если так, то скажи: не тебе ли принадлежит меч, который держит посреди озера женская рука?

— Да, он мой, и зовут его Эскалибур. Нет ему равного на земле, но только рыцарь без страха и упрека может завладеть им. Никому другому он в руки не дастся. Уйдет под воду.

Покачал головой король Артур и глубоко вздохнул.

— Трудное это условие, прекрасная Дева озера, но все же я хотел бы попробовать.

— Ну что ж, попробуй.

Король Артур и фея Нимуэ вышли из замка. Фея свистнула в изумрудный свисток, висевший у нее на поясе.

Откуда-то появилась и причалила к берегу ладья. Артур прыгнул в нее, и она быстро и легко, как лебедь, поплыла туда, где над водой сверкал меч в недвижной женской руке.

И вдруг король Артур вспомнил: да, ему есть в чем упрекнуть себя! Разве не испытал он страха однажды во время своей первой битвы, когда враги кольцом окружили его?

И тотчас же рука с мечом исчезла в глубине озера, только круги побежали по воде.

Король Артур закрыл лицо руками от стыда... Но разве тогда в этой битве он поддался страху? Сделал хоть единый шаг назад?

Снова взглянул король Артур на озеро, и вот — таинственная рука опять появилась из воды и подала ему меч.

С торжеством вернулся Артур к берегу.

— Благодарю тебя, Дева озера, за твой чудесный дар.

— Прощай, король Артур! Когда тебе больше не нужен будет Эскалибур, брось меч в первое же озеро, какое окажется вблизи.

— Это я обещаю. Меч вернется в глубины вод.

Король Артур простился с Девой озера и поехал прочь из зачарованного леса.

На опушке его поджидал Мерлин:

— Вижу, вижу, король, Дева озера была к вам милостива. Этого я и ждал: ведь король Пеллинор сразил в поединке рыцаря, которого она любила. Дева озера взяла на себя заботы о его маленьком сыне Ланселоте. Вырос Ланселот в заколдованном замке. Скоро настанет час, он вернется к людям и покроет себя великой славой.

Так беседовали король Артур и Мерлин на пути к замку Пеллинора. В полдень въехали они на каменный мост и остановились перед черным щитом.

— На этот раз, Мерлин, — сурово вымолвил Артур, — запрещаю помогать мне силой волшебных чар, даже если ты увидишь, что я погибаю.

И он загремел медным молотком по щиту. Опустился подъемный мост, и король Пеллинор выехал из замка.словно черная грозная туча спустилась в долину.

За ним появились оруженосцы с копьями в руках.

— Ты теперь знаешь, кто я, — сказал Артур, — но я вызываю тебя на бой, Пеллинор, как простой странствующий рыцарь, и не по злобе, а чтобы спасти других от гибели.

Разбили рыцари копья в мелкую щепу, и начался пеший бой на мечах, еще страшнее, еще яростней прежнего. Искры так и сыпались, когда ударялся меч о меч, словно разгорался большой костер...

Но на этот раз король Артур остался невредим и не получил ни единой царапины. Наконец он нанес такой страшный удар Эскалибуром, что Пеллинор, выткнув перед собой руки, пошел вперед, как слепой, и упал ничком.

— Сдавайся, Пеллинор! — потребовал Артур.

— Нет, убей меня! — глухо отозвался Пеллинор.

— Ты не хочешь признать себя побежденным? Но убить тебя — значит стать таким же беспощадным, как ты. Я дарю тебе жизнь и прощаю тебя с одним условием: сними с яблони щиты побежденных рыцарей. И пусть только совы живут отныне в этой проклятой башне. Вернись в свои земли, Пеллинор, ты снова король.

— Вот когда я побежден, Артур, побежден твоим великодушием. С этого часа я не враг тебе, а твой верный вассал. Не в добрый час королева Моргана подговорила меня пойти на тебя войной. Но конец вражде! Посети мой замок, король Артур, я покажу тебе моих сыновей, пусть отныне они служат тебе.

Радужно принял Пеллинор короля Артура.

Оруженосцы поспешили снять все щиты с веток яблони и убрали с моста черный щит.

Радостный возвращался король Артур вместе с Мерлином в свой замок Камелот.

На боку у него висел славный меч Эскалибур, а вслед за ним ехали два юных сына короля Пеллинора.

Мерлин с улыбкой спросил короля Артура:

— Что, по-вашему, драгоценней, король: меч Эскалибур или его ножны?

— Разумеется, меч.

— Нет, вы неправы. Хорош меч Эскалибур, но у этих ножен есть чудесное свойство: кто носит их на себе, не будет ранен в бою. И вот почему Пеллинор не мог поразить вас.

— Если б я знал об этом, Мерлин, то бросил бы эти ножны. Ты омрачил мне радость победы, — опечалился король Артур.

Прибыв в Камелот, узнал король Артур, что сэр Саграмор оправился от своих ран. Артур вернул ему белого коня.

— Здравствуй, верный боевой друг! — крикнул коню сэр Саграмор, а конь взвился на задние копыта и заплясал от радости.

— Я сам готов заржать, — заметил сенешаль Кэй. — О, если б каждый мой друг был бы хоть немного похож на этого коня!

И рыцари, смеясь, согласились с ним.

Повсюду прошел слух о могучем мече Эскалибуре и его волшебных ножнах.

Захотелось злобной королеве Моргане похитить Эскалибур. Глубокой ночью крадучись вошла она в спальню короля Артура. В головах у него лежал обнаженный меч. Моргана потянула меч за рукоять, но король шевельнулся и открыл глаза.

Попятилась королева и уже хотела уйти, как вдруг приметил драгоценные ножны, сверкавшие в лучах лунного света. Лежали эти ножны на полу в сторонке, потому что немилы они были королю Артуру.

Схватила ножны королева Моргана и скрылась из Камелота, а по дороге забросила их в первое озеро, какое попало ей на глаза. Из воды появилась женская рука, поймала ножны на лету, и они исчезли навеки. Но король Артур не печалился об этой потере. Не хотел он защищать себя силою чар.

Однажды во время веселого пира король Артур покинул своих гостей и уединился вместе с Мерлином в далеких покоях.

— Говорите, король, что тревожит вас? Кубок ваш остается полным, а ложе несмятым. В тоске бродите вы по замку!.. Я все вижу!

— Добрый друг мой, вы столько раз приходили ко мне на выручку! Послужите мне еще раз. Можете ли вы сделать так, чтобы я стал не похож на себя самого? Чтобы никто не мог узнать меня?

— Какой же облик вы хотите принять? Человека или зверя? Прекрасный или страшный?

— Я хочу походить на простого парня, Мерлин. Ведь простой парень может глядеть на кого пожелает... И тогда я отправлюсь в замок короля Леодегранса Камелиард, где живет дочь его — юная Гинебра. Ее избрал я дамой своего сердца. О, если б Гинебра стала моей женой!

При этих словах потемнело лицо Мерлина.

— Гинебра добра, умна, прекрасна, нет во всей Британии девушки, подобной ей. Но все же, король... изберите себе другую невесту.

— Нет, она или никто! Я полюбил ее в хижине отшельника, полюбил с первого взгляда и не могу разлюбить, как не может солнце с полпути вернуться обратно к востоку.

Глубоко вздохнул Мерлин и подал Артуру старый колпак:

— Если так, наденьте его, король.

Артур напялил колпак на голову, взял со стола серебряное блюдо и погляделся в него. И невольно рассмеялся. Он увидел молодого виллана, с лицом рябым, как кукушкино яйцо. Волосы торчат, как пакля, уши, как ручки у корзины.

Кто узнает теперь короля Британии?

Сбросил колпак король Артур и сразу принял свой прежний облик. Не стал он долго медлить и один, без воинов и свиты, поспешил в Камелиард.

В густом лесу, неподалеку от Камелиарда, приметил он хижину лесорубов. А неподалеку лесорубы усердно стучали топорами. Увидев рыцаря, они остановились и стали глазеть на него.

— Хотите заработать несколько золотых? — спросил их Артур.

— Охотно, сэр рыцарь, — обрадовались лесорубы. — Мы за всю свою жизнь и одного-то не видавали.

— Тогда сохраните мои доспехи и моего коня. И ни слова никому! Смотрите не проговоритесь.

Король Артур сошел с коня, снял с себя рыцарские доспехи и напялил на голову колпак. И тут лесорубы от страха обмерли: рыцарь исчез, а вместо него появился рябой парень. Шелковая туника превратилась в рваную одежонку.

Махнул им парень рукой и побежал по дороге.

В Камеллиарде Артур стал просить, нет ли для него какой-нибудь работы. Конюший и глядеть на него не захотел, повар прогнал прочь, а вот садовник пожалел парня.

— Ну уж так и быть, трудись у меня в саду, только старайся не попадаться на глаза господам. А особенно госпоже Гиневре... Скажу не во гнев тебе, молодец, уж очень ты непригляден. Посмотришь — глаза занозишь!

В тот же день Артур, спрятавшись в густых кустах, увидел Гиневру. Она гуляла в розовом саду, но что по сравнению с ней были розы, и утро, и вся красота мира?!

Минуло несколько дней.

Однажды утром Мелисена, прислужница Гиневры, проснулась раньше обычного, на рассвете. Замок еще спал. Допевали свою песню ночные соловьи. Вышла Мелисена в сад и вдруг замерла на месте. Стоит возле фонтана прекрасный рыцарь. Волосы и борода у него цвета красного золота. Плещет он водой, омывает лицо и руки.

Услышал Артур шорох позади себя и бросился в кусты. Нахлобучил на себя колпак и снова на дорожку.

— Эй, парень! — спросила Мелисена. — Где рыцарь, куда он исчез?

— Какой рыцарь?

— Да тот, что умывался сейчас у фонтана?

— Здесь, госпожа, никого, кроме меня, не было. Вам, девушкам, во сне и наяву рыцари грезятся...

— А ты еще и дерзить! — рассердилась Мелисена. — Смотри, я прикажу отхлестать тебя плетью.

Поспешила она к госпоже своей Гиневре и обо всем ей рассказала.

— Может ли это быть? — изумилась Гиневра. — Неведомый рыцарь здесь, у меня в саду? Под моим окном? Завтра утром разбуди меня на рассвете: я хочу убедиться своими глазами, правда это или сон.

— Скорей, госпожа, скорей! — будит Гиневру Мелисена на другое утро. — Незнакомый рыцарь опять умывается возле фонтана.

Добежала Гиневра до фонтана. А возле него стоит рыжий мужлан. Взглянула Гиневра на влажную от росы дорожку и увидела, что к фонтану ведут следы только одного человека.

А на мраморной ограде фонтана лежит золотая цепь, и сверкают в ней сапфиры и рубины. Только королю носить ее.

Зорко взглянула Гиневра на рыжего парня.

— Здесь только что был рыцарь. Говори: куда он скрылся?

Молчит парень, потупив голову.

— Что молчишь? Глухой ты или немой? Ну, отвечай! Ты-то сам зачем здесь?

— Я подручный садовника, госпожа.

— Сними шапку перед дочерью короля, невежа! — сердито крикнула Мелисена.

— Не могу, госпожа моя, — смиренно ответил парень. — На голове у меня плешь, во-от какая большая!

— Хорош же ты! — усмехнулась Гиневра. — Вот тебе мой приказ. Возьми эту драгоценную цепь и отдай тому, кто забыл ее здесь. А мне поднеси корзину, полную свежих роз.

Парень срезал самые лучшие розы в саду, положил их в корзину и подал ее Гиневре.

— Опустись на колени, неуч! Разве так служат дочери короля?

Опустился на колени парень, а она внезапно сорвала с него колпак.

Король Артур вскочил на ноги, и увидела Гиневра: стоит перед ней прекрасный рыцарь, статный и стройный, а волосы и борода у него цвета красного золота.

Поглядели Артур и Гиневра друг другу в глаза долгим взглядом.

Будто невзначай уронила Гиневра на землю вышитый шарф. Медленно повернулась она и пошла в замок. А Мелисене наказала:

— Смотри не проговоришь никому. Должны мы сохранить в великой тайне то, что видели.

Прошел день-другой, и воцарилось в замке Камелнарде великое смятение.

Вторгся в страну со своей дружиной злобный и воинственный герцог Нортумберлендский и стал лагерем неподалеку от Камелнарда. Зычно возвестили герольды, что герцог шлет вызов королю Леодегрансу. Готов сразиться в единоборстве хоть с ним самим, хоть с любым из его рыцарей. А иначе поведет герцог свое войско на приступ.

Но стар король Леодегранс. И нет у него рыцарей, способных одолеть такого могучего воина, как герцог Нортумберлендский.

Правда, в Камелнарде гостили четыре рыцаря из дружины короля Артура. Двое из них его родные племянники — сэр Гавейн, сын Морганы, и сэр Ивейн, сын Маргазы, — уже прославили себя множеством подвигов. И остальные двое — сэр Пеллиас и сэр Герайнт — тоже могли похвалиться знаменитыми победами.

— Госпожа Гинебра просила нас о помощи! — воскликнул Гавейн. — Я приму вызов герцога.

— Я тоже готов выйти на бой, — сказал свое слово Пеллиас. — Просьба девушки в беде — закон для рыцаря.

— Но мы только гости здесь, — возразил Ивейн. — Наперед следовало бы узнать волю короля Артура, не прогневаешь ли он на нас за то, что мы поссорим его с герцогом Нортумберлендским.

— Верность королю превыше всего, — согласился с Ивейном Герайнт.

Слово за слово — закипел спор, двое против двоих. Посыпались обидные слова.

А пока рыцари спорили, выехал из леса неизвестный воин в великолепных доспехах, украшенных золотой насечкой. К шлему привязан длинный шарф, голубой с белым. Лицо закрыто шлемом. Приблизился он к шатру герцога Нортумберлендского и громогласно объявил, что принимает вызов.

— Не знаю, достоин ли ты биться со мной, — надменно ответил герцог. — Кто ты? Открой мне свое имя. Победы свои перечисли. Не против каждого обнажу я меч.

— Я дал зарок не открывать своего имени, — отвечал неведомый рыцарь. — Но вот перстень короля Артура. Я из числа его рыцарей, и, поверь мне, не последний. Нет для тебя стыда биться со мной.

— Похваляешься? Посмотрим, каков ты в деле.

И вот начался бой на широком поле.

Смотрят воины Нортумберленда, смотрят с крепостных стен защитники Камелиарда.

Прильнув к узкой бойнице, глядит Гинебра. Сильно забило ее сердце, когда узнала она свой шарф на шлеме неведомого рыцаря.

У герцога на щите синий лев и девиз: «Ударом львиной лапы побеждаю». Гарцует на своем скакуне герцог.

Но подали сигнал громкие трубы. Рыцари помчались навстречу друг другу, в щепу разлетелись копья... и опустело седло, сброшен герцог на землю.

А с высоты башни кажется Гинебре, будто большой золотой жук ударился на лету о преграду и упал, оглушенный, на спину.

Ликуя, сбежала она с башни.

Призвала рыцарей Гинебра и молвила им с насмешкой:

— О верные рыцари короля Артура, как вы благоразумны и осторожны! Без его соизволения ни шагу, словно малые дети. Дивлюсь я, как еще к вам нянька не приставлена.

Стыдом ожгло рыцарей при этих словах, и Гавейн вскричал:

— Не смейтесь над нами так жестоко, госпожа моя! В наказание за то, что промедлили, готовы мы исполнить любое ваше повеление. Пошлите нас хоть в логово дракона!

— В логово дракона? Нет, задача моя потруднее, — улыбнулась Гиневера. — Уж не знаю, будет ли она вам по плечу?..

— Прикажите только! — воскликнули рыцари.

— Мелисена, проводи рыцарей в розовый сад. Там ты покажешь им одного из моих слуг. Того, кто срезает для меня цветы... С этой минуты, рыцари, вы должны покорно служить ему, словно королю, пока не скажу я: «Довольно». Всякую волю его надлежит вам исполнить в точности. Для начала послужите ему за столом.

Побледнел Гавейн — не этого он ждал. Смуглились и другие рыцари.

Но нечего делать: слово дано!

Пошли рыцари вслед за Мелисеной в розовый сад.

А там садовник ругает на чем свет стоит рыжего парня: где он пропал и как смел отлучиться?

— Насмешница нарочно выбрала самого скверного уroda из всех своих слуг, — пробормотал сквозь зубы Ивейн.

— Не угодно ли пожаловать к столу в пиршественный зал? — сказал Гавейн парню, дрожа от гнева. — Угостим вас на славу.

Парень ответил без тени смущения:

— В самом деле, солнце высоко, время пообедать. Пусть двое из вас носят кушанья из кухни, а двое прислуживают мне, подливают вина в кубок.

— Неслыханная наглость! — шепчутся рыцари.

Сидит рыжий парень в золоченом кресле и пирует себе как ни в чем не бывало, а Гиневера с Мелисеной смотрят с высокой галереи. Наливают рыцари вино в резной кубок и подносят парню.

— Эй, вы! Не люблю я таких постных лиц, когда обедаю! — покрикивает парень. — А ты, длинный, как неловок — подливу пролил.

— Крепитесь! Это последний его обед! — тихо молвил Герайнт. — Повесим негодяя или утопим, как шелудивого пса.

Кончил парень пировать и приказал рыцарям:

— Идем теперь во двор замка! Приведите иноходца, и пусть старший из вас подержит мне стремя!

Сел рыжий парень в седло.

— Поезжайте за мной, как подобает верной свите. Обгонять не смейте!

Подчинились рыцари, стиснув зубы.

— Вот и лес, — сказал Пелиас, — там мы с ним и рассчитаемся.

Но у самой опушки парень обернулся. И рыцари разом вскрикнули: перед ними был сам король Артур! От души рассмеялся король:

— Что, не ожидали? Там, в лесу, спрятал я коня и оружие. Не печальтесь же, я сам поведу вас на битву.

Славная была битва!

Наголову разбит враг, в страхе бежало войско ортумберленда.

Великая радость царит в Камелинарде, но радостней всех Артур и Гиневра.

— Молю тебя, прекрасная Гиневра! — сказал Артур. — Будь моей женой и королевой Британии.

— Меня страшит твое величие, — ответила Гиневра, — но я согласна, потому что люблю тебя.

Целый год готовились в Камелоте к свадьбе, чтобы достойно встретить невесту. То был счастливый день и великое торжество! Свадьба удалась на славу.

Король Леодегранс прислал с дочерью своей Гиневрой богатые свадебные дары, но самым лучшим из них был круглый стол из темного дуба, такой большой, что за него сразу могли сесть сто пятьдесят рыцарей.

Волшебник Мерлин подвел короля к круглому столу:

— Лишь достойнейшие воины призваны занять место за этим столом. До самого края земли прогремит слава рыцарей Круглого стола. Нет за этим столом ни первых, ни последних мест, все равно почетны.

— А для кого предназначено это высокое, богато украшенное кресло? — спросил Артур.

И в тот же миг появилась на спинке кресла золотая надпись: «Король Артур».

На других же креслах засияли надписи: «Гавейн», «Ивейн», «Пеллинор», «Кэй» и другие, всего числом тридцать две.

Король огорчился, увидев, что надписей еще очень немного.

— Не торопитесь, король, — сказал ему Мерлин. — Когда все места за столом будут заняты, вы достигнете вершины своей славы... И вскоре после того придет черный день для Британии, а больше я вам ничего не скажу.

С тех пор король Артур и самые достойные и прославленные из его рыцарей всегда пиروвали за Круглым столом, оттого и прозвали их рыцари Круглого стола. Пируя, вели они беседу о подвигах и приключениях. Каждый рыцарь в свой черед рассказывал, чем удалось ему отличиться.

Одно из первых, самых удивительных приключений выпало на долю Гавейна.

Однажды в пиршественный зал вошел не ведомый никому рыцарь, высокий, как дерево в лесу; на нем была зеленая одежда, лицо у него было зеленое, волосы зеленые, на грудь падала зеленая борода.

В одной руке держал он ветку зеленой омелы, а в другой — острый топор с зеленой рукоятью.

— Кто властвует здесь? — крикнул он громовым голосом.

— Я, король Артур. Добро пожаловать, гость, кто бы ты ни был.

— Тогда исполни мою просьбу. Все говорят, твои рыцари очень смелы. Я бросаю им вызов. Пусть один из них срубит мне голову вот этим топором, а через год, день в день, примет от меня такой же удар.

Долго не соглашался король Артур, а Зеленый рыцарь бросал ему в лицо насмешки и оскорбления. И тогда сэр Гавейн принял вызов.

Схватил он топор и одним могучим ударом снес голову Зеленому рыцарю.

— Ты убил моего гостя! — воскликнул король Артур.

Голова покатилась по полу, но не упал Зеленый рыцарь, поднял свою голову и взял под мышку.

— Сдержи свое обещание, сэр Гавейн! — крикнул он. — Явись в Зеленую часовню день в день, час в час. Вечное бесчестье тебе, коли струсишь, позор всем рыцарям Круглого стола!

Сел Зеленый рыцарь на зеленого коня и ускакал.

Когда условный срок стал приближаться, Гавейн поехал искать Зеленого рыцаря, но никто не слышал ни о нем, ни о Зеленой часовне. На пути Гавейн попросил приюта в одном замке. Владелец замка, рыцарь могучего вида, принял его ласково, угостил ужином и уложил на мягкую постель.

— Отдохни у меня в замке, гость мой, я же поеду охотиться, лишь займется утро. Но дай мне свое рыцарское слово. Кто бы что ни подарил тебе в мое отсутствие, ты все возвратишь мне... Таков обычай в моем замке.

Уехал владелец замка на охоту.

Тогда прекрасная дочь его подошла к Гавейну и, потупив глаза, подарила ему поцелуй. Сняла она со своей руки перстенок и отдала его рыцарю, а потом приложила палец к губам: «Храните все в тайне». Рядом с девушкой стояла сморщенная старуха и улыбалась хитрой улыбкой.

Вечером возвратился владелец замка. Гавейн вернул ему поцелуй и отдал перстенок. Не сказал только, от кого он получил их. Завязалась беседа. Узнал владелец замка, куда едет Гавейн, и стал удерживать его и отговаривать:

— Я знаю Зеленого рыцаря и могу указать тебе путь к Зеленой часовне. Но на свою погибель ты поедешь туда. Зеленый рыцарь не знает жалости. Безумный, возвратись назад, не сносить тебе головы.

— Нет, мой добрый хозяин, я дал слово и сдержу его.

На другое утро поехал Гавейн к Зеленой часовне. Еще издали донесся до него страшный звук: кто-то точил лезвие топора. Значит, Зеленый рыцарь уже поджидает его у самых стен Зеленой часовни.

— А, злосчастный, ты здесь! — загремел Зеленый рыцарь. — Клади свою голову вон туда, на тот пенек.

И он высоко поднял топор.

Снял Гавейн с себя шлем, положил на пень голову и ждет удара. Послышался свист, и что-то холодное слегка коснулось его шеи. Это было лезвие топора, но оставило оно лишь легкую царапину.

Поднял голову Гавейн — перед ним не Зеленый рыцарь, а хозяин замка!

— Сдержал ты свое слово, Гавейн! — сказал он. — Отныне, если хочешь, мы друзья на всю жизнь. Знай, что зовут меня сэр Бернлак. Подговорила меня королева Моргана устроить испытание для рыцарей короля Артура. Это ее ты и увидел в обличье старухи. Думала она, что если и примет какой-нибудь рыцарь страшный мой вызов, то испугается, не сдержит слова и опозорит себя и своего короля. Силой колдовских своих чар превращала она меня в Зеленого рыцаря. По сердцу ты пришелся мне, Гавейн. Если ты согласен, я отдам тебе в жены свою дочь. По моему приказу подарила она тебе поцелуй...

Вернулся в Камелот сэр Гавейн и поведал королю Артуру радостные вести. Нашел он себе красавицу невесту, а злейший враг рыцарей Круглого стола — Зеленый рыцарь — отныне их первый друг.

Прославили себя в братстве рыцарей Круглого стола простодушный сэр Персиваль, сын пастуха Тор, рыцарь Тристан, Ланселот Озерный, чистый сердцем Галахад и многие другие воины.

Каждый из них поклялся защищать своим мечом всех слабых и несправедливо обиженных, по первому зову спешить им на помощь.

Король Артур провозгласил рыцарский девиз:

«Сила — это еще не справедливость, справедливость — вот истинная сила».

Чем больше росла слава короля Артура, тем сильнее кипели зависть и злоба в сердце его сестры королевы Морганы. О, если б она могла посадить на трон Британии своего мужа или одного из своих пятерых сыновей!

Но понимала Моргана: пока рядом с Артуром мудрый Мерлин, все ее козни будут открыты.

Велика была мудрость Мерлина. Знал старик такие заклятья, что в одно мгновение мог возвести высокий замок. А притронется к нему палочкой, и вновь исчезнет замок, как пузырь на воде. Мог он провидеть будущее всех людей на свете, кроме своего.

Стала думать Моргана, как одолеть ей чародея, и вот что придумала.

Однажды, когда король Артур сидел, окруженный своими рыцарями, появилась перед ним никому не ведомая прекрасная девушка. Звали ее Вивиана. У нее были золотые глаза,

и казалось, смотрят они прямо в душу.

— Дозвольте мне, король, забавное испытание,— попросила Вивиана короля.— Хочу я примерить каждому вот это кольцо.

— Пожалуй,— ответил Артур.— Но в чем сила твоего перстня?

— Если присутствует здесь самый мудрый человек на свете, то кольцо придется ему впору. Если же нет здесь такого человека, то кольцо никому не достанется.

Надела Вивиана кольцо на палец сенешала Кзя, и Кзэй вскрикнул от боли, так сжало ему палец кольцо. И все засмеялись.

Каждому, кто был в зале, примерила Вивиана кольцо, и никому не пришлось оно впору, пока не дошел черед до Мерлина.

Легко надел кольцо Мерлин и уже не снял: оно приросло к его пальцу.

Тогда села Вивиана у ног старого чародея и, подняв на него свои золотые глаза, повела такую речь:

— Наконец нашла я самого мудрого человека на земле! Хочу я стать твоей ученицей, Мерлин, удели мне хоть малую частицу твоей мудрости!

Не мог отказать Мерлин прекрасной девушке, хоть знал и чувствовал: погибель грозит ему. Лаской опутала она чародея, нежными речами усыпила его мудрость.

Постепенно выведала Вивиана у Мерлина все тайные заклатья, кроме самого страшного, последнего.

В один злосчастный день гуляли они вместе в Броселианском лесу. Вдруг Вивиана залилась слезами.

— О я несчастная! Вижу, вижу, нет в твоем сердце доверия ко мне. Ты не открыл мне, как может победить тебя коварный враг. Увы, в час беды я не смогу прийти к тебе на помощь. Молчишь? Пусть молния ударит в этот дуб, если я лжу.

Вдруг сверкнула молния и расщепила дуб от вершины до самого подножия. Но и тут не опомнился Мерлин.

— Хорошо, Вивиана, я открою тебе тайну заклатья... Тот, кто произнесет его, будет навсегда держать меня в своей власти. Я засну зачарованным сном. А еще научу тебя, как можно прогнать этот сон.

Он склонился к ее уху и тихо-тихо произнес волшебные заклатья.

— Я счастлива, ты мне веришь,— улыбнулась Вивиана.— Склони голову мне на колени: сегодня жаркий день, а ты стар и утомился.

Когда же задремал Мерлин, произнесла она волшебное заклатье и заточила его в подземной пещере под холмом.

— О глупец,— забила в ладоши Вивиана,— я лишь испол-

нила волю госпожи моей феи Морганы. Ты спишь крепким сном, Мерлин, ты спишь, и сон твой продлится долгие века. О безумный, доверчивый старик!

И Вивиана с торжествующим смехом поспешила к своей повелительнице королеве Моргане. Не ведала девушка, что судьба ее будет печальнее, чем судьба старого чародея. Испугалась фея Моргана тайных знаний Вивианы и погубила девушку: поднесла ей в час пира отравленный кубок.

Никто не знает с тех пор, как пробудить Мерлина.

*

Однажды в Камелот приехал юноша в белой как снег одежде, на белом как снег коне.

Все девушки смотрели на него и не могли отвести глаз.

— Зовут меня Ланселот, я сын короля Бана. В Бретани, за морем, лежат мои владения, — поведал он королю Артуру. — Но отца моего убили, когда я был еще малым ребенком, а мать умерла от горя. Взрастила меня в глубине вод Дева озера — фея Нимуэ.

Артур поглядел на Ланселота и увидел, что лицо его незнакомо ни с солнцем, ни с ветром и так бело, как озерная прозрачная вода! И подумал Артур: «Этот юноша не похож на обычных людей. Верно, стерегут его небывалое счастье или небывалое несчастье».

— Добро пожаловать, юноша! Скажи мне: что ты ищешь у нас на земле?

— Умоляю вас, король Артур, посвятите меня в рыцари.

— Это я сделаю охотно — в память твоего отца и ради Девы озера. Ты должен провести всю ночь в часовне на страже оружия*. Таков обычай. А наутро я посвящу тебя в рыцари.

Всю ночь провел Ланселот в часовне. Рано утром собралось в ней множество народу. Пришли король и королева.

Король Артур слегка ударил Ланселота мечом по плечу и подвязал ему шпоры. А после того как отслужат мессу*, должен был король препоясать нового рыцаря мечом.

Но Ланселот в смущении забыл о своем мече и оставил его лежать на полу часовни. Нет большего позора для рыцаря!

По счастью, королева Гиневра вовремя прикрыла меч шлейфом своего платья, а после незаметно подняла с пола и вложила в руку Ланселота. Никто ничего не заметил. Ланселот с великой благодарностью взглянул на королеву, и она улыбнулась. Поблудней Ланселот.

Как острый нож, вошла в его сердце любовь к Гиневре.

С того дня избрал он дамой своего сердца королеву Британии. Великие подвиги совершил в ее честь Ланселот, прозванный Озерным. Вскоре он стал самым прославленным рыцарем Круглого стола. Никто не мог с ним сравниться в доблести и военном искусстве.

Верна и несокрушима была любовь Ланселота к Гиневре. Многие женщины пытались победить его сердце, но ни одной это не удалось.

Полюбила Ланселота и королева Моргана, но бессильны были ее колдовские чары против верной любви. Не могла королева Моргана приворожить к себе Ланселота. И так ей было это горько, что навсегда удалилась она на остров Авалон.

Незрим для людских глаз этот волшебный остров. Не знает он ни снега, ни града, ни ледяного ветра. Вечно плещется вокруг него летнее море, вечно цветут на нем цветы и зеленеют рощи. Там укрылась отвергнутая Ланселотом Моргана, чтобы не стать посмешищем для людей.

Как-то раз коварный и злобный рыцарь Турквин обманом захватил Ланселота и заточил в темницу своего замка. Там, не видя солнца, томилась еще пятьдесят пленных рыцарей.

Четыре королевы явились в темницу к Ланселоту и обещали освободить его, если он женится на одной из них.

— Лучше вечное заточение, чем измена любви, — ответил Ланселот и остался в подземелье, пока счастливый случай не помог ему бежать отсюда.

Убил Ланселот Турквина и освободил пленных рыцарей. Всюду должны они были славить имя королевы Гиневры.

«Будь верен мне верностью Ланселота», — говорили девушки своим возлюбленным.

Преданно служил рыцарь Ланселот королеве Гиневре. Он оберегал ее во время отсутствия короля Артура и всегда был готов с мечом в руках защитить честь ее и добрую славу.

Так длилось долгие годы.

Иные по-дружески пытались остеречь Гиневру:

— Берегитесь, королева, слишком сильна любовь Ланселота, слишком громко говорит о ней молва. Отошли его от себя, как бы враги ваши не оклеветали вас.

— Зачем бояться мне людского злоречия? — отвечала гордая королева. — В обычае рыцарей верно служить даме своего сердца. Супруг мой король Артур не видит в том ничего дурного, знает он, что я преданная жена. А до других мне и дела нет.

Был среди племянников короля Артура один коварный и хитрый честолюбец, по имени Мордред, человек с волчьим оскалом и волчьей душой. Замыслил он стать королем Британии.

Долго искал он щели в доспехах короля Артура, чтобы насмерть поразить его, и вот нашел.

Всюду пустил Мордред слух, что неверна королева Британии своему супругу.

Дошел этот слух до ушей Гиневры.

— Приходите вечером в мой покои, — сказала королева рыцарю Ланселоту. — Я должна тайно побеседовать с вами.

Тихо прошел Ланселот в покои королевы и не заметил, что черная тень скользит за ним по пятам. Следили за ним неотступно слуги Мордредра — и выследили.

Беседуют меж собой Ланселот и Гиневра.

— Должно мне уехать, королева, — печально сказал Ланселот, — чтобы оберечь короля Артура от малейшего горя, а вас — от малейшего упрека.

Низко склонила голову королева. Как это случилось? Из женской гордости и тщеславия дозволила она Ланселоту служить себе. Но время шло, и он стал так дорог ей, что не в силах была королева отпустить его.

Заплакала Гиневра. Взял ее за руки Ланселот, утешает ласковыми словами.

Вдруг распахнулись двери, и в покои королевы ворвалось двенадцать рыцарей во главе с Мордредом.

— Измена! — кричат они. — Все сюда: Ланселот в покоях королевы.

Выхватил свой меч Ланселот, силы его с отчаяния удесятерились. Никто никогда не видел такого боя и такой победы.

Все двенадцать рыцарей пали мертвыми, а Мордред был ранен.

Поспешно вывел Ланселот королеву из замка, посадил ее на коня, сам вскочил на другого. И тут окружила их толпа рыцарей.

— Мы погибли! — вскричала королева.

— Нет еще, — ответил Ланселот.

Мечом очистил он широкую дорогу. В этой схватке были убиты двое племянников короля, братья Гавейна.

Во весь опор погнался коней Ланселот.

Отвез он Гиневру в далекий монастырь в горах.

— Здесь, среди монахинь, ищите убежища, королева.

А сам уехал за море, в свой замок в Бретани.

Когда дошли злые вести до ушей короля Артура, показалось ему, что твердая земля колеблется под его ногами.

— Объявить войну Ланселоту! — стали требовать рыцари, и громче всех Гавейн. — Иначе мы все даем зарок не слушать вам более. Смерть предателю, смерть!

На многих кораблях отплыли к берегам Бретани рыцари Круглого стола во главе с королем Артуром. Лишь небольшая дружина осталась в Британии.

Этого только и ждал Мордред. Посулами и лживыми обещаниями подговорил он некоторых королей и владетельных баронов изменить своему сюзерену, королю Британии Артуру.

И самое страшное — призвал себе на помощь короля саксов*. Давно стремились саксы завоевать Британию.

Мордред, подлый предатель, открыл чужеземным завоевателям ворота в страну, и хлынули они потоком, все предавая

на своем пути огню и мечу. Отчаянно бились бритты, но не было у них войска для обороны.

А рыцари Круглого стола вели осаду замка Ланселота. Заперся в своем замке Ланселот:

— Не подниму меча на своего короля.

Вдруг прибыл к королю Артуру гонец из Британии и привез страшную весть: в стране мятеж, изменники предали страну саксам.

Не медля ни одного часа, поспешил назад в Британию король Артур.

Мятежники во главе с Мордредом сидели в засаде возле Дуарской гавани, и было их пятьдесят тысяч.

Косым ливнем полетели в корабли стрелы, дротики, камни. Многим рыцарям Круглого стола не довелось сойти на берег — ушли они под воду вместе с пробитыми кораблями. Погиб среди них и славный рыцарь Гавейн.

Тогда король Артур отвел уцелевшие корабли в другую гавань, там сошел на берег и построил войско для битвы.

— Был я на вершине счастья и славы, — сказал он. — Нет более ни одного пустого места за Круглым столом, и не скоро кончит свой рассказ тот, кто задумает поведать обо всех подвигах моих рыцарей. Остался нам последний великий подвиг: все погибнем в бою, но не посрамим своей воинской славы.

И началась страшная битва. День, и другой, и третий сражались с врагами рыцари Круглого стола.

На четвертый день поднялось солнце и осветило кровавое поле, мертвое поле. Уже некому было на нем биться — легло войско Артура, погибло войско Мордреда.

Но живы еще Артур и Мордред, идет меж ними последний, смертный поединок. Собрал все свои силы тяжело раненный король и поднял меч Эскалибур. Удар — и раскололся, как ореховая скорлупа, шлем Мордреда. Мертвым рухнул Мордред на землю.

Но и Артур не устоял на ногах.

— Боже! — воскликнул он. — Неужели остался я совсем один? О рыцари, рыцари мои!

И тут отозвался на его призыв рыцарь сэр Бедивер. Был он только оглушен, а теперь пришел в себя и поспешил на помощь королю. Увидев же, что король близок к смерти, он начал громко сетовать.

— Сдержи свое горе! — сказал ему король Артур. — Время не ждет. Возьми мой меч Эскалибур и брось его в озеро. Вижу, синее оно неподалеку.

Рыцарь Бедивер пошел к озеру, но по дороге подумал: «Прекрасен этот меч и жаль потерять его». Спрятал он Эскалибур в тростниках и вернулся к королю.

— Исполнил ли ты мое повеление? — спросил король.

— Все сделал я, как вы приказали мне.

— Что же ты увидел, когда бросил меч в озеро?

— Что увидел? — смутился Бедивер. — Ничего. Пошли круги по воде, и все.

— Значит, ты солгал мне! — гневно вскричал Артур. — Спешь же к озеру и на этот раз исполни в точности мое повеление.

Послушался рыцарь Бедивер. Когда же бросил он меч в озеро, то внезапно показалась из воды женская рука и поймала меч на лету.

Рассказал Бедивер королю Артуру об этом чуде.

— Вот теперь ты говоришь правду, — промолвил король. — Служи мне последнюю службу: отнеси меня к морскому берегу.

Уже темнело. Положил Бедивер короля на влажную отмель.

Вдруг вдали показалась ладья. Тихо-тихо скользила она по воде. Сидели в ней женщины в черных плащах и капюшонах, и были среди них три королевы, увенчанные золотыми коронами.

Увидев короля Артура, подняли женщины такой жалобный вопль, что казалось, долетел он до самых звезд.

Рыцарь Бедивер узнал среди них фею Моргану.

— Увы, — вскричала она, — брат мой Артур, боюсь я, что слишком запоздала и уже не сумею излечить тебя! Поспешь же на остров Авалон.

В той великой битве потеряла королева Моргана всех своих пятерых сыновей, и дрогнуло ее жестокое сердце, проснувшись в нем любовь и жалость к королю Артуру.

— Прощай, друг мой Бедивер! — слабым голосом промолвил король Артур. — Скажи людям, что я еще вернусь, чтобы в час большой беды встать на защиту Британии.

С тех пор многие верят: жив король Артур и еще вернется, когда будет грозить Британии великая опасность.

Однажды постучался Ланселот в ворота женского монастыря.

— Хочу я повидать королеву Гиневру, — сказал он.

Вышла к нему Гиневра, и он с трудом узнал свою королеву. Похожа она была на надгробное изваяние — таким серым и каменным стало ее лицо.

— О любимая госпожа моя, — начал молить Ланселот, — уедем со мной в Бретань! Там буду я утешать вас в вашем тяжелом горе.

— Кто может утешить меня, — ответила Гиневра, — если умер супруг мой король Артур? Кто может утешить меня, если мы повинны в его гибели?

— Тогда я уйду, — воскликнул Ланселот, — но прежде подарите мне один поцелуй! За всю мою жизнь служения вам — один поцелуй.

— Нет, — сказала королева и опустила на лицо покрывало.

Не вернулся в Бретань Ланселот.

Отыскал он рыцаря Бедивера и поселился вместе с ним в лесной хижине. И еще пришел к ним один тяжело раненный рыцарь Круглого стола по имени сэр Борс.

Втроем вспоминали они былые дни.

Ведь был же на свете замок Камелот, и царствовал в нем король Артур, могучий и славный. Красотой сияла его жена. Доблестны были его рыцари. И вот — всему конец.

Как-то раз бродил Ланселот в Броселианском лесу. Вдруг услышал он из-под земли глухой голос:

— Ланселот, ты ли здесь стоишь надо мной? Я — Мерлин, безумный глупец, поверил хитрой обманнице. Здесь, в глубинах земли, сплю я зачарованным сном и только на миг проснулся...

— Знаешь ли ты, Мерлин, что здесь случилось? Все, все погибло. Нет больше рыцарей Круглого стола. Ужели напрасны были наши подвиги?

— Нет, не напрасны, — ответил Мерлин. — Люди помнят вас, а память о подвиге родит новый подвиг. Я говорю тебе, Ланселот, память о подвиге родит новый подвиг.

Все глуше и глуше звучал голос Мерлина и наконец затих навсегда...

Тристан и Изольда

В те времена когда рыцари Круглого стола совершали свои славные подвиги, жил король, по имени Ривален, владетель страны Лоонойс. Он не раз приходил на помощь своему могучему соседу, королю Корнуолла Марку.

Вместе они были непобедимы.

Чтобы навеки скрепить эту дружбу, отдал король Марк в жены Ривалену свою сестру красавицу Бланшефлор. Король Ривален и его молодая жена полюбили друг друга всей душой. Радостно ожидали они рождения своего первого ребенка.

Королевский замок Канозль стоял на морском берегу. Подойдет красавица Бланшефлор к окну своей опочивальни и увидит, как пенятся волны у подножия скал. А там далеко, за туманным морем, прячется берег ирландской земли. Царствует в Ирландии король, воинственный и беспощадный.

В одну злосчастную ночь, под покровом тумана, высадились в Лоонойсе ирландские воины.

Слишком поздно прозвучала боевая тревога. Наспех вооружился король Ривален. Во главе небольшой дружины, не дожидаясь подмоги, бросился в бой.

Всю ночь стояла на башне замка королева Бланшефлор. С башни было видно, как пылают в море ирландские корабли. Наконец занялось утро. И тогда принесли королеве Бланшефлор радостную весть: враг отбит и побежден. А вслед за этим горестную весть: погиб в бою король Ривален.

В тот же самый день королева Бланшефлор родила прекрасного сына. Люди радуются, когда рождается ребенок, а в замке плач и стоны.

— Ах, сын мой! — тихо вздохнула королева. — В печальный для меня час ты увидел свет. Пусть же назовут тебя Тристаном.

Так она пожелала, потому что «Тристан» означает «печальная пора». И склонилась ее голова на плечо. Умерла королева.

Собрались все вассалы короля Ривалена на большой совет и решили доверить воспитание Тристана верному оруженосцу погибшего короля Горвеналу.

Горвенал обучил мальчика всему, что умел сам: владеть копьём и мечом, охотиться на оленя и вепря. Научил он его объезжать диких коней, править кораблем в бурю, а самое главное, он научил Тристана быть добрым и верным и великой жалостью жалеть всех слабых и обиженных.

А когда увидел Горвенал, что больше ничему не может научить своего питомца, отправился он вместе с ним через море во Францию. Там Тристан постиг прекрасные обычаи французской земли. У самых лучших менестрелей* обучился пению и искусству играть на арфе.

А когда исполнилось Тристану девятнадцать лет, дошла до него весть, что дядя его король Марк в большой беде. Бесчисленное ирландское войско осадило замок короля Марка Тинтагель. В тот же день без промедления пустился Тристан в дорогу, сел на корабль и отплыл к берегам Корнуолла.

На седьмой день плавания показался вдали скалистый берег, а на нем замок Тинтагель. Был этот замок сложен из тяжелых каменных плит, голубых и зеленых.

— Говорят, построили его великаны, — сказал Горвенал Тристану. — Но взглядишь лучше, глаза у тебя молодые. Что там виднеется возле берега?

И тогда увидел Тристан: стоят вдоль всего берега остроносые ирландские корабли. На самом большом из них — кроваво-красный парус.

Пришлось Тристану с Горвеналом высадиться в дальней гавани, оттуда на конях поспешили они к королю Марку.

Обрадовался король Марк долгожданной встрече со своим племянником. Увидел он, что Тристан красив и строен. А глаза у Тристана разноцветные: один золотой, другой синий, как у покойной матери его королевы Бланшефлор.

— Узнай, Тристан, какое несчастье постигло меня. Вот уже

три года, как я плачу дань ирландскому королю,— поведал Тристану король Марк.— Первый год заплатил я триста фантов меди, во второй год триста фантов чистого серебра, на третий год триста фантов золота. А потом потребовал безжалостный король Ирландии, чтобы отдал я ему в рабство триста юношей и триста девушек. Не мог я пойти на это злое дело, отказал ему. В гневе послал ирландский король к берегам Корнуолла могучее войско на многих кораблях. Грозит он предать мое королевство огню и мечу. А ведет это войско сам прославленный рыцарь Морольт, непобедимый Морольт — брат ирландской королевы.

И тут умолк король Марк. Тревога! В стане врагов заревели трубы и боевые рога.

С главной башни, с зубчатых стен видна долина: в долине нестроят шатры, лагерь Морольта Ирландского. Видно, как строятся воины Ирландии. В боевом порядке двинулись они к замку Тинтагель. Сверкают щлемы, развевается зеленый шелк знамени, колышется лес копий.

Навстречу врагу выехали рыцари Корнуолла и сам король Марк. Сзади за конным войском идут простые лучники. Идут горожане и вилланы с топорами и дубинками защищать свою родную землю и своих детей.

У Тристана в руках секира. Он еще не посвящен в рыцари, не дозволено ему рубиться рыцарским мечом. Страшные удары наносит секира Тристана.

Уже трижды спускалось солнце в море, трижды сходились и расходились войска Ирландии и Корнуолла. И стало ясно — только единоборством можно решить, на чьей стороне будет победа!

На поле боя вышел ирландский герольд. Трижды протрубил он в золоченую трубу и громко возгласил:

— Кто из вас, рыцари Корнуолла, выйдет на бой против Морольта Ирландского? Кто сразится с ним один на один? Поединок решит исход войны — такова воля благородного Морольта.

Смолк герольд, но никто из рыцарей-вассалов короля Марка не сдвинулся с места. Слышали они: непобедим Морольт. Видели, как могуч и яростен он в бою.

Тристан покраснел от гнева и стыда.

— О, почему я еще не рыцарь! Будь я посвящен в рыцари, я бы принял вызов Морольта. Король Марк, добрый мой дядя, умоляю вас, позвольте мне с ним сразиться!..

— Молод ты и неопытен, Тристан, а хочешь помериться силами с таким противником, как Морольт. Ведь это твой первый бой.

— Лучше смерть, чем бесчестье!

Уступил, наконец, король Марк просьбам Тристана:

— Делай так, как велит тебе твое мужество.

И тут же на поле боя посвятил его в рыцари. Тристан преклонил одно колено, а король Марк ударил его плашмя мечом по плечу и подвязал ему правую шпору.

Тогда снял с своей руки Тристан железную перчатку и бросил ее на землю перед ирландским герольдом.

Было решено, согласно древнему обычаю: сражаться один на один, вдали от своих воинов, на пустынном острове, чтобы никто не помешал поединку.

Две ладьи отчалили от берега, поплыли к острову Святого Самсона. Полощет ветер паруса: белый — на ладье Тристана, кроваво-красный — на ладье Морольта.

Привязал Морольт свою ладью у скалистого берега. Ногой в море оттолкнул свою ладью Тристан. Все равно только один вернется живым.

В тревоге ждут жители Корнуолла, чем кончится бой. Медленно течет время.

Но вот вдалеке показалась ладья. О горе! Кроваво-красный парус Морольта!

Удивлен Тристан. Почему не радуются на берегу? Не трубят победу? Разве не везет он свободу Корнуоллу? Совсем забыл Тристан, что плывет он в ладье Морольта. Только когда вскинула волна на свой гребень ладью, все узнали Тристана. Держит Тристан два меча над головой: один из них Морольтов, а другой меч его собственный, покрытый кровью и в одном месте выщербленный. Остался осколок меча в черепе убитого Морольта.

— Тристан! Тристан! — прокатилось по долине.

Отовсюду устремился народ навстречу победителю. Юноши размахивают плащами, девушки бросают цветы, колокола звонят на всех колокольнях.

Король Марк прижал Тристана к сердцу:

— Ты спас мое королевство, Тристан, я вечно буду благодарен тебе!

Но не все радовались победе Тристана. Позавидовал Тристану герцог Андрэт. Он тоже был родным племянником короля Марка. Никогда не сомневался герцог Андрэт, что станет он королем Корнуолла после бездетного Марка. Что, если теперь король Марк объявит своим наследником Тристана? Вот как любовно смотрит король на Тристана; как народ славит его!

Призвал к себе герцог Андрэт старших вассалов короля Марка. Граф Риоль, первый хитрец королевства, сэр Гондауйн, смутьян и злобный клеветник, всегда готовы слушать недоброе, и многие другие бароны тоже позавидовали Тристану.

— Берегитесь, — сказал им герцог Андрэт, — худо придется вам, если король наш объявит Тристана своим наследником. Не в меру возгордился Тристан — он упоен своей побе-

дой. Говорят, нашептывает он королю Марку: «Жалкие у вас рыцари, трусливые, не приняли вызов Морольта».

Добился своего герцог Андрэт. Порешили бароны между собой: не бывать Тристану наследником короля Марка.

Вот пришли к королю герцог Андрэт и граф Риоль с прочими баронами и сказали ему:

— Вы еще не стары, государь. Возьмите себе жену, чтобы подарила она вам наследника, а Корнуоллу будущего короля. А иначе не будем служить вам. Не согласны мы признать Тристана наследником.

Слишком дерзки строптивые бароны. Но и ссориться с ними нельзя королю Марку. Разъедутся они по своим замкам, начнут войну за власть в Корнуолле. Как воронье, станут терзать Корнуолл.

— Послушайтесь их совета, женитесь, государь,— стал просить и Тристан.— Пусть никто не думает, что я служу вам из честолюбия и корысти.

И решился король Марк на хитрость.

Как-то раз смотрел он, как ласточки вьют гнездо между зубцами башни. Заметил король Марк в клюве одной из них длинный золотой волос и подозвал племянника:

— Смотри, Тристан, видишь, ласточки гнездо лепят? Одна принесла в клюве комочек глины, другая — золотой волос. Словно луч солнца блестит этот волос. Из-за какого моря прилетела ласточка, не знаю. Отыщут мне золотоволосую дочь короля — женюсь, если нет — не бывать этому!

Так и вассалам своим объявил король Марк.

Вознегодовали они:

— Посмеялся над нами король Марк! Обманул нас! Где же отыщешь эту невесту?

И тогда опять попросил Тристан:

— Отпустите меня за море, король. Чего бы мне это ни стоило, а привезу в Корнуолл золотоволосую принцессу. Клянусь памятью моей матери: найду для вас невесту или не вернусь живым. Докажу вам свою любовь и верность.

— Что ты задумал, Тристан? Этого ли хотел я?

Долго не соглашался король Марк, но наконец уступил. Увидел он, что твердо решился Тристан и не отговорить его.

Оснастили большой корабль. Десять знатных рыцарей сопровождают Тристана. С ним на корабле и его любимый конь.

Взял он с собой дары для невесты: драгоценные украшения, парчу, шелк и меха... Парчовый шатер для нее приготовлен.

Поднял корабль паруса и поплыл неведомо куда, по воле ветра и волн.

Вот вдали показалась земля.

Переоделся Тристан купцом и отправился к королю той

страны просить покровительства в торговле. Но не столько Тристан торговал, сколько старался выведать, нет ли у короля золотоволосой дочери.

— Нет, — ответили ему, — черней воронова крыла косы у дочери короля.

И снова ветер надувает паруса на корабле Тристана. Тристан правит к новому берегу. Вошел корабль в незнакомую гавань.

Нарядился на этот раз Тристан бродячим певцом, взял в руки арфу и запел. Удивились люди:

— Что за прекрасная песня! Верно, из королевства фей прибыл к нам незнакомец...

Повели его в королевский дворец.

Поглядел Тристан на смуглых черноволосых дочерей короля — и снова отплыл в море.

Много стран посетил он, но все без толку.

Однажды разыгралась на море сильная буря.

Ветер сломал мачту, унес паруса и к утру выбросил корабль на берег. Что этот берег сулит Тристану? Не в этой ли стране живет золотоволосая принцесса?

Поверх рыцарских доспехов накинул Тристан плащ паломника, спрятал коня и оружие в чаще леса, взял в руки посох и пошел по неведомо чьей земле. Что-то недоброе чудится ему вокруг. Пусто. Смрад стелется повсюду. Древняя старуха, еле переставляя ноги, бредет с кувшином воды, озираясь по сторонам.

— Отчего озираешься ты, старая, чего боишься? — спросил ее Тристан.

— Верно, нездешний ты, издалека пришел, раз не слышал про нашу беду. Поселился в нашей стране кровожадный дракон, пожирает юношей и девушек. Каждый день требует новых. Многие рыцари выходили на бой с драконом — все погибли. Спасайся, беги отсюда в другие земли и поведай людям: «Беда в земле ирландской! Кто поборет дракона, тому король Ирландии отдаст в жены свою дочь Изольду Золотоволосую».

Ирландия. Родина Морольта! Так вот куда волны принесли корабль! Если опознают здесь Тристана, не сносить ему головы. Но разве не обещал Тристан королю Марку любой ценой добыть золотоволосую дочь короля?

Узнал Тристан от старухи, где логово дракона, сел на своего боевого коня и с копьём наперевес поскакал по мертвым, выжженным полям навстречу дракону.

Вдруг за холмом раздался чудовищный рев. Все ближе. Все громче.

Показался на холме дракон — страшный и безобразный. Клубы дыма и пламени извергает драконья пасть. На лбу рога, уши длинней слоновых, когти острее львиных, черные крылья волочатся по земле; ударит змеиным хвостом — скала рас-

колется. И весь покрыт чешуей, как панцырем. Не пробьешь такую чешую ни копьём, ни мечом. Понял это Тристан. Еще понял он: надо бить копьём в открытую пасть — только так поразит чудовище в самое сердце. Не меньше, чем смелость, нужна бывает воину хитрость в битве.

Спрятался Тристан позади обгорелых деревьев и ждет. Совсем близко подполз дракон, жаром и тяжелым смрадом обдало Тристана. Тогда хлестнул Тристан своего коня, воизил ему в бока шпоры, прикрылся щитом и неожиданно появился перед драконом.

Замер от изумления дракон, широко открыл пасть. А Тристан метнул копьё в разинутую пасть — и пронзил сердце дракона.

Отпрянул дракон, земля закачалась. Зашумели деревья, завывли звери, кричат птицы.

Грызет копьё дракон, ударами хвоста валит вокруг деревья, словно косарь траву. Ударил он Тристана лапой с когтями — порвал кольчугу. Дохнул огнём на Тристана — и почернели на Тристане доспехи, а конь его зашатался и упал бездыханным.

Увидел Тристан, что издох дракон, отсек у него язык и спрятал у себя на груди. Но, на беду, язык дракона источал смертельный яд. Страшная жажда мучит Тристана. С трудом добрал он до ручья, припал ртом к воде и уже не мог встать, остался лежать в камышах. Тело у него стало черным, словно обуглилось. Глаза померкли и не видят света. Едва дышит Тристан.

Но с дальнего холма сенешаль ирландского короля видел, как Тристан бьется с драконом. Сенешаль этот был отъявленный трус, да в придачу еще лжец и хвастун. Каждое утро он торжественно облачался в доспехи и выезжал на бой с драконом, а слуги в замке славил его смелость, потихоньку посмеиваясь.

Каждый вечер сенешаль, вернувшись в замок, клялся и божил, что дракон уполз в свое логово.

— Увидел меня и уполз. Ничем я не мог выманить его из логова. Только и слышно было, как плачет дракон, скулит, как щенок, от страха, — рассказывал сенешаль.

Смеялся король ирландский, слушая похвальбу сенешаля, улыбалась королева, хмурила брови Изольда Золотоволосая.

По правде сказать, за все золото Ирландии не посмел бы сенешаль приблизиться к дракону. К живому не посмел бы! Но к мертвому поскакал без всякой опаски, когда увидел, что уже слетелись вороны выклевать глаза дракона. Вынул сенешаль меч, отрубил дракону голову и привязал к седлу. А потом отыскал Тристана в камышах.

«Какое счастье! Он не дышит!» — подумал сенешаль и спрятал рыцаря под ворохом сухих веток.

С великим торжеством вернулся он в королевский замок.

Во дворе окружила его толпа удивленных воинов и слуг.

— Чему дивитесь? — спросил сенешаль. — Сегодня дракон наконец выполз из своего логова, и я снес ему голову одним ударом.

Услышала об этом Изольда и в большом горе побежала к своей матери-королеве.

— Я никогда не стану женой лжеца и труса! — сказала она ей. — Не верю, что сенешаль убил дракона: он боится собственной тени. Присвоил он чужую славу. Матушка, умоляю вас, поспешим на место битвы! Наверно, дракона сразил какой-нибудь храбрец и сейчас лежит там израненный! Найдем его! Спасем, если это еще возможно.

— Охотно, дочь моя, — ответила королева.

Умела она варить целебные настои из трав; многие звали ее чародейкой.

Наполнила королева ирландская золотой флакон целительным бальзамом. Мать с дочерью вышли из замка через потаенную дверь. Было уже темно, но золотые волосы Изольды освещали дорогу ярче факела.

Вот у подножия холма чернеет безголовое туловище, и зловонная кровь еще льется потоком. А поблизости лежат мертвый конь и опаленный пламенем щит. Видно, выронила его рыцарская рука.

— Никогда не было у сенешаля ни этого коня, ни этого щита! — воскликнула Изольда. — Подлый обманщик!

Кто это простонал так жалобно? Откуда донесся стон?

Побежала Изольда к ручью. На берегу груды сухих веток, а среди них блестит золотая шпора. Отбросила Изольда ветки в сторону.

Вот победитель дракона!

Сняли они шлем с Тристана. Королева ирландская влила несколько капель бальзама в полуоткрытый рот Тристана. Вдохнул рыцарь, пошевелился.

По приказу королевы перенесли Тристана в замок. И увидела королева: отравлен Тристан ядом, который источал язык дракона, ранен драконьими когтями, обожжен пламенем. Поручила она больному рыцарю заботам дочери своей Изольды.

От матери своей научилась Изольда лечить болезни и раны.

Страшно лицо рыцаря, обгоревшее, с невидящими глазами. Но велико искусство Изольды-целительницы.

Наложила Изольда одну повязку на лицо рыцаря, другую на глаза, третью на грудь. Десять дней, десять ночей нельзя прикасаться к повязкам. На одиннадцатый день можно снять их. К этому времени заживут самые глубокие раны, ни одного рубца не останется.

Десять дней томится Изольда — ждет, кого судьба судила ей в мужья. Десять дней томится Тристан в полной тьме.

Но вот пришел срок. Сняла Изольда повязки с Тристана.

Сейчас снова увидит он солнечный свет...

Открыл глаза Тристан и увидел — перед ним золотоволосая дочь короля. Никогда не видел подобной красоты Тристан.

Стал Тристан беседовать с Изольдой, но не открыл ей своего имени.

«Как прекрасен этот рыцарь — так же красив, как и храбр, — подумала Изольда. — Только почему хмурится чужеземец? Чем не угодила я ему?».

И вспомнила Изольда! Не приказала она слугам вычистить оружие прекрасного рыцаря.

Принесли слуги меч незнакомца. Смотрит Изольда: меч с одной стороны выщерблен. Словно кто-то толкнул Изольду прямо в сердце. Побежала она к себе в покои, достала из ларца осколок стали.

Осколок этот собственными руками вынула она из черепа дяди своего Морольта.

Приставила к мечу осколок — пришелся в точности.

Это Тристан, убийца дяди. Вот почему он скрывает свое имя. Потемнело в глазах у Изольды. В гневе поднялась она со скамьи. Нет, не останется Морольт Ирландский неотомщенным. Своей рукой вонзит она кинжал в грудь убийцы.

Крепко спал Тристан. Не ведал, какая опасность над ним нависла.

Вот вошла Изольда, приблизилась к спящему Тристану, вот занесла над ним кинжал. Но в этот миг очнулся Тристан и открыл глаза. Видит Тристан кинжал, занесенный над ним, но не на кинжал глядит Тристан. Не отрываясь смотрит он на прекрасное лицо Изольды. И опустил руку с кинжалом. Молча ушла Изольда.

«Она раскрыла мою тайну и теперь ненавидит меня, — в тоске подумал Тристан. — Не согласится она уехать со мной в Корнуолл. Надо бежать отсюда».

Но королева-мать, не ведая ни о чем, стала просить Тристана:

— Чужестранец, дочь моя Изольда Золотоволосая исцелила тебя. Спаси и ты Изольду. Легче ей умереть, чем стать женой сенешаля. Раскрой же его обман перед королем. В присутствии всех наших рыцарей уличи сенешаля во лжи. Тогда отдаст тебе король Изольду в жены. Только храбрый рыцарь достоин стать ее мужем.

— Хорошо, королева! — обещал Тристан. — Изольда станет женой храброго рыцаря.

«Но не моей, — сказал он себе. — Королю Марку привезу ее, сдержу свою клятву. Станет Изольда королевой Корнуолла, и я хоть издали смогу любоваться ее красотой».

Созвал король Ирландии всех своих вассалов на великое торжество. Хочет он сдержать слово: выдать дочь свою Изольду за победителя дракона — сенешаля.

В тронном зале на высоких креслах восседают король и королева. По правую их руку сидит Изольда Золотоволосая, по левую руку стоит сенешаль. В стороне молча ждет Тристан.

Но вот король подал знак рукой.

Сенешаль выступил вперед, гордо подбоченясь:

— Мой государь, я сразил дракона. Вот его голова! Кто из рыцарей может похвалиться подобным подвигом? Требую обещанной награды! Отдайте мне в жены дочь вашу Изольду.

— Клянусь, — сказала Изольда, — бесчестен тот, кто просит платы за подвиг, совершенный другим. Дешево ты купил меня, сенешаль, ценой головы мертвого дракона. Но не ты убил его. Пусть откроют драконью пасть — в ней нет языка.

— Это я убил дракона, король! — воскликнул Тристан. — Вот его язык. Рассудите же нас: кто говорит правду, а кто низкий обманщик.

— Послушайте и меня, — промолвила королева. И рассказала все, что видела и о чем знала.

Тут распахнулись двери. — Десять рыцарей в великолепных одеждах вошли в зал и сложили дары к ногам Изольды.

Тогда спросил король Ирландии:

— Кто ты, благородный рыцарь, не пожалевший своей жизни? Кто ты, победитель дракона? Открой свое имя, чтобы знали мы, кому отдаем дочь нашу.

Тристан ответил:

— Государь, я племянник славного короля Марка из Корнуолла, мое имя — Тристан.

Зашумели ирландцы, злобой засверкали у них глаза. Как? Убийца Морольта?

Но Тристан продолжал говорить:

— Да, я убил Морольта, могучего рыцаря. Убил в честном бою. И я победил дракона. Согласны ли вы признать это? Согласны ли выполнить свое обещание?

Шумят ирландцы. Задумался король. Ждет Тристан.

Но вот встал король, и смолкли его вассалы.

— Сеньоры бароны! Рыцарь Тристан сполна искупил всю вину. Он освободил нас от власти дракона! — торжественно возгласил король. — Пора кончать распрю между королевством Корнуолл и нашим королевством. В знак мира я отдаю свою дочь Изольду Золотоволосую доблестному рыцарю Тристану и принимаю свадебные дары. А лжеца-сенешаля повелеваю навеки изгнать из нашей страны. Согласны ли вы со мной?

Пошептались между собой вассалы и ответили:

— Согласны.

Но тут снова заговорил Тристан:

— Не спешите, король, раньше выслушайте меня... Занесла ласточка к нам в Корнуолл золотой волос. Увидел его король Марк и пожелал жениться на девушке с золотыми волосами. Обещал я королю Марку найти и сосватать ему золотоволосую

дочь короля, чтобы она стала королевой Корнуолла. Не от своего имени, а от имени короля Марка прошу я руки прекрасной Изольды.

Что ж тут скажешь?

Дал согласие король-отец. Дала согласие королева-мать.

Но померк свет в глазах Изольды. Не Тристану в жены отдают ее. Должна стать она женой короля Марка. Завоевал ее Тристан и пренебрег ею — отдает другому.

Молча опустила голову Изольда, не смеет послушаться воли отца.

Начались сборы к отъезду. И пока готовили приданое и грузили его на корабль, королева-мать три дня и три ночи не выходила из своей башни. Два напитка варила королева из таинственных трав, что собрала она в полнолуние.

Один — напиток смерти, на случай, если нападут на корабль морские разбойники. Выпьет его Изольда и не достанется им живую.

Второй — напиток любви. В день свадьбы должны испить его из одной чаши король Марк и Изольда, чтобы любили друг друга в жизни и смерти. Если двое выпьют этот волшебный напиток, то навеки полюбят друг друга.

Когда напитки были готовы, королева налила их в два серебряных кувшина и с многими наставлениями вручила эти кувшины Бренгене, верной служанке Изольды. Никогда не покидала своей госпожи Бренгена и сейчас должна была плыть с ней в далекий Корнуолл.

Подул попутный ветер, и корабль вышел в открытое море. Долго видели люди на берегу, как развеивает ветер золотые волосы Изольды.

Сам Тристан взялся за руль: бережно повел он корабль к берегам Корнуолла. А в парчовом шатре, украшенном королевским гербом, ничком лежала Изольда и горько плакала. Не чародейка она, не знает заклинаний, а не то велела бы морским ветрам утопить корабль вместе с нею.

— Очнитесь, госпожа, — просит Изольду верная Бренгена. — К вечеру достигнем мы берегов Корнуолла.

— Нет, никогда не ступлю я на землю Корнуолла, ни сегодня, ни завтра! Подай мне напиток смерти, Бренгена.

Неспокойно у Тристана на сердце. Передав руль опытному кормчему, подошел он к шатру Изольды Золотоволосой.

Уж не ослышался ли он? Что задумала Изольда?

— Подай мне, Бренгена, напиток смерти, — услышал Тристан.

Молит Бренгена:

— Не надо, не надо, госпожа моя!

Но снова услышал Тристан:

— Подай мне напиток смерти, Бренгена.

Хотел Тристан ворваться в шатер, но не мог от испуга сразу

найти завесу, прикрывавшую вход. Мечом рассек он тяжелую парчу. Если успела Изольда выпить напиток смерти, то и он умрет.

Бросился вперед Тристан. В глубине темного шатра сияют золотые волосы Изольды. Увидел Тристан, что пьет она напиток смерти. Вырвал кубок у нее из рук.

До дна осушил кубок Тристан.

— Что ты сделал, Тристан! Теперь и ты тоже умрешь! — горестно воскликнула Изольда.

— Тогда я не стану больше молчать, прекрасная любовь моя, — ответил ей Тристан. — С первого взгляда я полюбил тебя.

— И я полюбила тебя, Тристан. С первого взгляда полюбила. Обними меня крепко, обними, и я забуду о том, что должна умереть!

И только одна Бренгена знала: не смерть суждена Тристану и Изольде — на муки сильнее смерти обречены они. Не напиток смерти подала служанка, а напиток любви. Пожалела Бренгена юную госпожу свою, не хотела, чтобы умерла Изольда.

В страхе призналась Бренгена Изольде и рыцарю Тристану, что дала она им выпить напиток любви.

И без того любил друг друга Тристан и Изольда. Что же будет теперь? Решится ли Тристан отдать другому Изольду?

И Тристан начал спор со своим сердцем.

Хочет Тристан соблюсти верность королю Марку, призывает на помощь свою честь: «О чем думаю я? Чего желаю? Изольда — невеста короля Марка. Я поклялся памятью матери, что привезу дяде своему, королю Марку, золотоволосую принцессу».

Разумом все понимает Тристан, а сердцем понять не может. Не в силах он победить своей любви.

А морской ветер надувает паруса, гонит корабль к берегам Корнуолла.

*

Никогда не получал король Марк более счастливой вести: вернулся Тристан и привез с собой золотоволосую дочь короля. И привез мир с Ирландией!

Король Марк на великолепном коне сам выехал навстречу своей прекрасной невесте.

Торжественно и пышно отпраздновал он свадьбу с принцессой Изольдой.

Радостен был король, веселились гости, созванные со всего королевства, и только двое печалились на этой свадьбе: Тристан и Изольда.

В тоске не спит Тристан ночь за ночью. А днем еще сильнее сердечная мука. Видит он Изольду — и не смеет заговорить с

ней, желает подойти к ней — не смеет приблизиться. Боятся, что разгадает король Марк тайну их любви.

А Изольда? Счастлива ли она? Все вокруг на лету ловят любое желание королевы. Знаменитые менестрели, бродячие жонглеры, веселые шуты с утра до вечера стараются позабыть Изольду. Но грустит Изольда Золотоволосая. Только одного хочет Изольда: видеть Тристана и говорить с ним.

Не в силах был Тристан терпеть сердечную муку и попросил он короля Марка:

— Отпустите меня, государь. Здесь нечего делать воину, с тех пор как помирились вы с королем Ирландии. Я пойду по свету искать подвигов и приключений, помогая слабым и страждущим.

Неохотно отпустил король Марк своего любимого племянника:

— Жаль мне расстаться с тобою, Тристан, но если рыцарь хочет мечом завоевать себе славу, я не вправе удерживать его. Даю тебе дозволение уехать, хоть это мне и не по сердцу.

Так Тристан стал странствующим рыцарем. Он отправился бродить по свету вместе с верным Горвеналом. Множество подвигов совершил Тристан во время своих скитаний.

Побывал Тристан при дворе короля Артура и был принят в число рыцарей Круглого стола. Великой славой покрыл себя рыцарь Тристан.

Рассказывают, что великан Оргилус победил многих рыцарей, срезал у них бороду и сделал из этих бород себе шубу. Он похвалялся, что добудет бороду самого короля Артура. Но в бою с Тристаном лишился Оргилус и шубы своей и головы.

Далеко уехал Тристан от Изольды.

Только не спасает бегство от любви. Не спасло оно и Тристана. Повсюду, даже за дальним морем, тосковал Тристан по Изольде, не мог позабыть ее ни на пиру, ни в разгаре битвы.

Давно бы уже Тристан позвал к себе смерть, если бы не знал: умри он — умрет Изольда.

Доходили до него вести: королева Изольда всегда бледна и печальна. Неужели погибнут они в разлуке, как гибнут сплетенные от корня до кроны омела с орешником, если оторвать их друг от друга?

Бренгена, верная служанка, увидела, что угасает в разлуке ее госпожа, и послала гонца к Тристану. Пусть поспешит к Изольде, иначе она умрет.

Тайно высадился Тристан на берег Корнуолла. Как известить королеву, что он здесь, рядом? Как повидаться с ней наедине?

И вот что придумал Тристан.

Каждый день королева Изольда гуляла в густом тенистом саду. А через весь этот сад бежал ручей, прозрачный, словно кристалл.

Тристан начал бросать в ручей ветки орешника. На каждой из них он искусно вырезал надпись.

Увидела Изольда — плывет в ручье ветка орешника, а на ней белеют какие-то знаки. Наклонилась королева к ручью, поймала ветку и прочла надпись: «Не можем мы дольше жить в разлуке. Ни я без тебя, ни ты без меня».

Сразу поняла Изольда, кто написал эти слова.

В самой глухой части сада, отдаленной от людских глаз, в тени старых сосен стали встречаться Тристан и Изольда.

Счастливы любящие. Наконец-то они свиделись друг с другом. Зато в тревоге верный Горвенал, не просыхают от слез глаза Бренгены. Как дугами капкана, сжаты их сердца страхом за Изольду, за рыцаря Тристана. Боятся они: быть беде!

И правда, случилась страшная беда.

Приметил лесничий спрятанного в лесу коня Тристана. Выследил и самого Тристана. Видел он, как, оседлав коня, окольной дорогой скакал Тристан к замку Тинтагель, и донес об этом господину своему — герцогу Андрэту.

А герцог Андрот поспешил с недоброй вестью к королю Марку.

Не поверил король Марк.

— Лжешь, коварный завистник! — вскричал он. — Знаю я, давно знаю: ты черной ненавистью ненавидишь Тристана.

— Слишком вы добросердечны и доверчивы, государь. Но сегодня же увидите вы, как верны вам и своему долгу королева и ваш племянник. Сами убедитесь в их измене. Следуйте за мною.

— Хорошо, я пойду с тобой. Но знай: если ты оклеветал их, вот этим самым мечом я убью тебя на месте.

Узкой тропинкой по влажной ночной траве привел герцог Андрэт короля Марка к старым соснам. Услышал король Марк, как говорит Тристан Изольде:

— Не могу я дольше жить вдали от тебя.

— Я умерла бы, если б ты не вернулся, — отвечает Изольда.

И тогда повелел король Марк схватить обоих.

Король Марк добр и простодушен, и не из темной ревности пришел он в великий гнев, а от того, что предателями счел Тристана и Изольду. Он верил им как себе, а они обманули его!

А уж когда гневался король Марк, то не знал удержу.

— Почему, почему ты полюбил королеву Изольду, жену мою? Разве мало на свете прекрасных девушек? — спросил он Тристана.

Но разве можно рассказать словами, почему любишь?

— Тебе не понять этого, король, — грустно ответил Тристан.

Еще больше разгневался король Марк.

— Завтра вы умрете! — сказал он Тристану и Изольде.

Разнеслась молва — королеве и рыцарю Тристану грозит костер.

Люди Корнуолла любили золотоволосую королеву. Любили

они и своего спасителя Тристана. Плач и вопли слышны в Корнуолле.

А герцог Андрэт прячет улыбку радости:

— Теперь я один наследник престола!

И вот наступило утро казни.

Первым на костер повели Тристана. Связанным ведут освободителя Корнуолла! Слезы льются по лицу Тристана. Не смерти страшится Тристан — он плачет от бессилия помочь королеве.

Когда Тристана повели мимо часовни, попросил он стражников впустить его туда — помолиться, приготовить себя к смерти.

Сжалились воины над благородным рыцарем. Знали они, что безоружен Тристан, часовня стоит на скале над пропастью, окна в ней зарешечены. Нельзя убежать из часовни. Развязали стражники веревки, опутавшие Тристана, и позволили ему войти в часовню. Подумал Тристан: «Должен я спастись и освободить королеву». Раздвинул Тристан своими сильными руками прутья оконной решетки и со страшной высоты прыгнул в пропасть. Но ветер парусом раздул полы его плаща и невредимым опустился Тристан на уступ скалы. С той поры и по сей день называют эту скалу в Корнуолле Прыжок Тристана.

Спасся Тристан. И первая мысль его о королеве. Быстрее в лес за оружием!

А королеву уже повели на костер. Сорвана с ее головы золотая диадема, волосы рассыпались по плечам.

Кругом кричат и рыдают женщины. Бренгена ногтями разрывает себе лицо.

Но вдруг затрещали трещотки прокаженных.

Дорогу, дайте дорогу!

Раздвинулась перед ними толпа. Каждый боится прикоснуться к прокаженному.

Во главе прокаженных идет их предводитель Ивен. Лицо его изуродовано болезнью. Ненавидит всех людей Ивен за то, что они здоровы, и за то, что бегут от него.

— Король Марк, — заговорил Ивен, — не сжигай королеву на костре. В дыму быстро умрет королева, лучше обреки ее на долгую смерть. Нам отдай! Пострашнее костра это наказание.

На пеньковом поводу, как добычу, повели прокаженные королеву Изольду. Но недолго тащили они ее по дороге. На свободе Тристан. Без труда отбил он королеву у прокаженных.

В обход замка, вдоль реки, сквозь густой прибрежный кустарник бегут Тристан и Изольда. Спешат скрыться в лесу Моруа.

Здесь нашли они приют, в непроходимой чаще, где привычно жить только дикому зверю.

Лесная дичь, дикие плоды и коренья служили им пищей. Родник поил их водой. Пришлось беглецам позабыть вкус хлеба и вкус соли. Позабыть о теплом домашнем очаге. Шалаш,

сплетенный из веток, спасал их от непогоды. Шкуры зверей защищали от ночного холода.

Как часто, заслышав охотничий рог, лай собак и топот копыт, поспешно рушили Тристан с Изольдой свой шалаш и убежали в глубь леса.

Сами как затравленные звери, они обречены жить среди диких зверей, всегда в тревоге. Изношено, изорвано платье Изольды. Такими тонкими стали ее пальцы, что травинками перевивает она перстни, чтобы не соскользнули.

Но счастливы Тристан и Изольда. Никогда не были они так счастливы в королевском дворце. Вечно хотели бы любящие жить в лесу Моруа. Только недолго длилось их счастье.

Однажды король Марк выехал на охоту в лес Моруа. Попалась ему быстроногая лань, и, преследуя ее, углубился он в дремучую чащу. Уже не слышит он ни звука рогов, ни лая собак, ни крика егерьей.

Вдруг увидел король Марк убогий шалаш, прижавшийся к стволу старого дуба. А в шалаше на подстилке из сухих листьев спят Тристан и Изольда. Сейчас они во власти короля Марка. Он волен убить их.

Но, разделяя Тристана и Изольду, лежит между ними меч. Ясны и спокойны лица спящих. Скользит солнечный луч по лицу Изольды. Вздохнула во сне королева и прикрыла глаза рукой.

Как она бледна, как изможден Тристан!

И почувствовал король Марк: нет гнева в его сердце.

«Не напрасно меч разделяет их,— подумал он.— Не могу я убить их и не хочу».

Своей перчаткой заткнул король просвет между ветками шалаша, чтобы не тревожило солнце королеву. Снял с руки кольцо, надел его на палец Изольде. Заменял меч Тристана своим — взял меч с зубриной, оставил с изумрудом на рукояти — и тихо ушел, ведя за узду своего коня.

Проснулась Изольда и вскрикнула:

— Кольцо! Кольцо короля Марка у меня на пальце. Он был здесь.

— Здесь — и не убил нас! О благородный, добрый король Марк! Он пожалел нас и простил.

И поняли Тристан и Изольда, что настал час разлуки. Пока гневался король, могли они свободно любить друг друга. Теперь иное дело. Король простил их, и долг велит Тристану возвратить Изольду королю Марку.

Ночью привел Тристан королеву Изольду к стенам замка.

— Прощай, Изольда, любовь моя! Знай: если понадобится тебе моя помощь или просто захочешь ты меня увидеть — разумно ли, безумно ли будет твое желание,— но по первому зову моей королевы прибуду я в Корнуолл.

— Прощай, Тристан, любовь моя! Знай и ты: если позовешь

меня, ни стены замка, ни запрет короля не удержат меня в Корнуолле.

Последним взглядом проводил он Изольду. Золотую нить, переплетающую волосы, отдала она Тристану на память о счастливых днях в лесу Моруа.

Снова пустился Тристан в скитания. Но время не лечит его тоску. Смотрит Тристан на море, на звездное небо, а видит только Изольду. Не выдержал рассудок Тристана — стал безумным Тристан.

Сам он спрашивает себя, сам громким голосом себе отвечает:

— Не любит меня Изольда. Если б любила, то пришла бы мне на помощь... А ради чего?.. Ради моей муки? Но где ей найти меня?.. Здесь, в этом краю... Но знает ли Изольда, куда бежал я?.. Что ж, пусть велит меня разыскать... Нет, нет, она не посмеет, она покорна королю, она забыла меня...

Убежал Тристан от верного Горвенала; босым по снегу, в отрепьях бродит по зимним лесам и зовет: «Изольда! Изольда!». Покормят его пастухи, отогреют, и снова бежит он в лес.

Иногда надоедало пастухам слушать его бессвязные речи, и они гнали прочь Тристана, смеялись над ним и бросали в него камни.

Безумие привело Тристана к голубым стенам замка Тинтагель. Но лишь увидел он башню, где жила Изольда, как прояснился разум Тристана. И захотелось ему еще хоть раз взглянуть на Изольду.

Для этого надо неузнанным проникнуть в замок Тинтагель. Тристан перерядился бродячим шутком и так изменил свою внешность, что и не узнать. Теперь он — горбатый урод, косматый, краснолицый.

Стража охотно пропустила шута в замок — пусть потешит господ.

В зале, украшенном ткаными коврами, сидят король Марк и королева Изольда. По обе стороны короля и королевы — рыцари и прекрасные дамы.

Вошел бродячий шут, перебирает струны лютни.

— Король Марк, сеньоры бароны, прекрасная королева, прекрасные дамы! Не хотите ли послушать скорбную и жалобную повесть о моей злосчастной любви? Я расскажу ее для тех из вас, которые любят, и ни для кого иного. Слушайте, и каждый увидит, есть ли боль сильнее моей боли. Смерть держит меня в своей пасти. Не глотает, но и жить не дает.

— Кто же, дружок, твоя возлюбленная? — с улыбкой спросил король Марк.

— Разве ты не знаешь, король? Я люблю королеву Изольду и пришел, чтобы увести ее с собой. Ты давно уже ее любишь, король, она наскучила тебе. Давай устроим мену. Я дам тебе

мою сестру, черноволосую красавицу. Ее родила в море кит-рыба, вскормила тигрица своим молоком. А ты отдашь Изольду Золотоволосую.

Засмеялся король. Умеет потешить шут.

— Но почему, дружок, ты думаешь, что пойдет за тобой королева? Ты не слишком красив.

— Король Марк, я столько претерпел ради своей любви к Изольде! Я, как олененок, скакал за ней по лесу, бросался в пропасть. Из-за нее тоскует и жалуется мое сердце, а она не узнает меня. Прикажи ей любить меня. Прикажи, король!

Как смешно запрыгал шут, закрутился волчком, как завизжали струны под его рукою...

Заливается смехом король, хохочут рыцари и дамы.

Но замерло сердце Изольды.

— Хорошо, хорошо, дружок, прикажу, — говорит король. — Но ты не сказал нам, какой землей владеешь? Куда увезешь с собой королеву? Как твое имя?

— Зовут меня Тантрис.

«Тантрис, Тантрис? Что говорит этот урод, он издевается надо мной, хочет напомнить мне Тристана», — подумала в смятении Изольда.

— Государь, он пьян, этот шут, прикажите его выгнать!

— Потерпите, дорогая, — ответил король Марк. — Пусть еще потешит нас. Он так забавен.

«Видно, зажился я на свете, — раз не узнает меня золотоволосая Изольда», — подумал Тристан, а вслух сказал:

— Милостивый король, я землей не владею. Не на земле и не на небе живу я. Увезу с собой королеву в стеклянной ладье на волшебный остров Авалон, где не будет она знать никаких печалей. Там, на острове, всегда звучат бретонские песни. Вот послушайте одну из них.

Нелепыми прыжками приблизился шут к королеве, сел у ее ног, провел рукой по струнам лютни, и зазвучала любимая песня Изольды.

Но успел уже наскучить шут королю Марку. Да и настало время охоты. Слышно, как бьет конь копытом, лают псы в нетерпении.

Сказалась Изольда больной и не поехала на охоту. У себя в покоях горько жалуется королева Изольда верной Бренгене:

— И без того жизнь моя печальна и тяжка. В недобрый час пришел этот шут в Тинтагель. Он словно читает в моей душе, знает то, что ведомо лишь тебе да Тристану. А как? Откуда?

— Мне кажется, госпожа моя, что это сам Тристан и есть.

— Нет, нет, Тристан так строен, так прекрасен, а этот шут горбат, уродлив, мерзок. Мне страшно, Бренгена.

Приплясывая, волоча ногу, притаился шут в покоях королевы.

— Что тебе нужно от меня? — в отчаянии крикнула королева.

— Королева Изольда, ты не узнаешь меня? Я — Тристан.

— Нет, нет, ни твой крикливый голос, ни твои шутки, ни ты сам — ничто не напоминает мне Тристана.

— Ты могла не узнать моего лица, моего голоса, но разве не услышала ты, как стучит в груди мое сердце?

Вдруг в покои королевы ворвался пес. Прыгнул он на грудь Тристана, едва не повалил его. Лизнул в лицо с радостным визгом. С того самого дня, как покинул Тристан замок, редко поднимался пес со своей подстилки, скулил — тосковал по любимому хозяину.

— Смотри, королева Изольда, мой пес меня узнал, — печально сказал Тристан.

Но уже припала к груди Тристана королева.

Омыл свое лицо Тристан, выпрямился и вернул себе свой прежний прекрасный облик.

Не успели любящие порадоваться друг на друга, не успели наговориться, как уже встревожилась Бренгена.

— Слышите, трубят охотничий рог? Это возвращается с охоты король Марк. Бегите, господин мой, бегите!

И тогда воскликнула королева:

— О жестокая любовь! Она дарит недолгую радость и долгую муку — на всю жизнь.

Тристан возразил ей:

— Нет, королева, не браните любовь, владычицу нашу. Сильна радость любви: один ее миг стоит больше, чем тысяча жизней, проведенных в тусклой тьме, без света любви. Прощайте, королева, навсегда прощайте!

Снова пустился Тристан в скитания; он искал смерти в бою, но ни разу не встретил равного себе противника.

Стали говорить при дворе короля Артура:

— Тристан из Лоонойса превзошел всех рыцарей Круглого стола своими подвигами.

Дошли эти речи до герцога Андрэта, и еще сильней загорелся в его сердце ненависть и злоба. Он приотил у себя сенешаля, изгнанного королем Ирландии. Вдвоем сговорились они убить Тристана, но не в честном поединке, не как рыцари, а как подлые предатели.

Герцог Андрэт устроил засаду на пути Тристана, а сенешаль метнул ему в спину отравленное копьё.

Пробило копьё кольчугу, на два вершка вонзилось в тело. Потек смертельный яд по жилам Тристана.

Тяжело занемог Тристан. Отвез его верный Горвенал в родной замок Канозль. Отовсюду созвал он лекарей, но не смогли они помочь больному.

Считается зараженная ядом кровь Тристана, не закрывается

рана. И понял Тристан, что пришло ему время умереть. Одна Изольда еще могла бы спасти его.

А если нет, то хоть бы увидеть ее перед смертью. В последний раз.

По просьбе Тристана искусный ваятель сделал статую Изольды. Похожа статуя на Изольду, но нема она и безжизненна, и от этого еще сильнее боль в душе Тристана.

Стал он просить Горвенала привезти к нему Изольду.

— Приготовь, Горвенал, паруса двух цветов: черные и белые. Пусть белые паруса будут знаком, что едет ко мне Изольда. А черные паруса скажут мне: нет на корабле Изольды. Смерть они возвестят мне.

Не медля ни одного дня, отплыл Горвенал к берегам Корнуолла.

— Королева, — с мольбой сказал он Изольде, — умирает сэр Тристан. Вспомните, сколько мук претерпел он из любви к вам. Вы одна можете исцелить его. Спасите Тристана, госпожа.

— Его жизнь — моя жизнь, его смерть — моя смерть. Если король Марк не отпустит меня, я умру.

В горе и смятении бросилась Бренгена к королю Марку. Упала она к его ногам и во всем призналась ему:

— Убейте меня, король, я дала Тристану и Изольде напиток любви. Выпьют двое этот напиток и никогда не разлюбят друг друга.

И рассказала Бренгена королю Марку все, как было.

— Значит, невиновен мой племянник Тристан и ни в чем не повинна королева Изольда. Всему причиной напиток! Теперь я все понял.

Поспешил он к королеве Изольде и сказал ей:

— Я отпускаю тебя к Тристану, Изольда. Спешу, может, ты еще успеешь спасти его. Отныне ты вольна поступать как хочешь.

Белее лебединого крыла паруса на корабле. Звала Изольда попутный ветер, заклинала его полней надувать паруса. И каждая минута тянулась для нее как год. Везла она с собой настоя из целебных трав. Только успеть бы!

Слабеет Тристан, не может поднять головы. Неподвижно лежит его ладонь на рукояти меча, не в силах он сжать пальцы, он, побеждавший драконов и великанов!

Золотой нитью обвита рукоять меча, — то был последний дар Изольды.

Одного за другим посылает Тристан гонцов — спросить у дозорного на сторожевой башне, не виден ли парус в море и какого он цвета.

Но злобный сенешаль, изгнанный ирландским королем, не оставлял мысли погубить Тристана. Под чужим именем прокрался он в замок Канозль и поступил как воин на службу к Тристану.

В тот день, когда приплыл корабль, нес сенешаль дозор на башне.

Крикнул гонец:

— Эй, дозорный, показался ли корабль?

— Вижу корабль, вижу! — отозвался сенешаль.

— А какого цвета на нем паруса?

— Паруса на корабле черные, как ночь.

Принес гонец эту весть Тристану. Тяжело вздохнул он, повернулся к стене лицом, воскликнул тихим голосом:

— Изольда, любовь моя! — и умер.

Причалил корабль к берегу Лоонойса, и первая сошла с него Изольда. Побежала она мимо плачущих людей, ни о чем не спрашивая. А увидев мертвого Тристана, стала говорить с ним как с живым:

— Почему ты не дождался меня, о вероломный Тристан? Лишь один час был мне нужен, чтобы исцелить тебя. Еще живет на земле твоя Изольда, но лишь на один шаг отстала она от тебя.

Она легла на ложе возле Тристана, прижалась устами к его устам, глубоко вздохнула и умерла.

Разнеслась горестная весть по всем окрестным странам.

Больше никто не винил Тристана и королеву Изольду.

Тот, кто не ведал любви, во всем обвинял колдовской напиток. А тот, кто знал в жизни любовь, плакал и не мог утешиться.

Горько сожалели о Тристане рыцари Круглого стола. Узнали они, кто и как погубил Тристана, потому что всегда выходит наружу измена и предательство. Прекрасный рыцарь Ланселот вызвал на поединок герцога Андрэта и убил его.

А верный Горвенал долго искал коварного сенешаля. Как затравленный зверь в логове, прятался сенешаль в лачуге виллана, но Горвенал и там нашел сенешаля и в ярости пронзил его копьем. Так да погибнут все предатели!

Но не кончилась любовь Тристана и Изольды вместе с их жизнью.

Велел король Марк сделать два гроба — из халцедона для Изольды, из берилла для Тристана — и похоронить любящих поблизости друг от друга, на одном кладбище.

Между их могилами возвели высокую часовню.

И увидели люди чудо.

На могиле Тристана вырос куст терновника, цветущий, благоуханный. Только не вверх, не к солнцу поднялся, а, перекинувшись через часовню, врос в могилу Изольды, чтобы уже больше никогда не разлучаться Тристану с Изольдой.

Лоэнгрин

Умер старый герцог Брабанта и Лимбурга*. Оставил он после себя юную дочь Эльзу, наследницу всех его владений.

Едва отзвучал погребальный плач, как подняли головы непокорные вассалы. Каждый из них втайне мечтает стать правителем этого богатого края.

Тревожно стало в замке Анвер. Только о том и говорят: не может слабая девушка править страной. Кто станет ее супругом и защитником Брабанта?

Красавицей из красавиц была Эльза. Глаза ее были прозрачней лесного ручья, а светлые косы, перевитые жемчугом, падали до самых пят. Певцы славил ее красоту и добрый нрав, рассказывали о ее несметных богатствах.

Отовсюду потянулись к Анверу именитые рыцари просить руки герцогини Эльзы.

И когда выходила она к гостям, все видели: не солгала молва и ничего не прибавила. Но ни с чем отбывали назад женихи.

Всем отказ. Молчит сердце Эльзы, а разум здесь не советчик.

С многочисленной свитой прибыл в замок прославленный рыцарь Фридрих фон Тельрамунд. В дальнейшем походе узнал он о смерти герцога Брабантского и поспешил в Анвер. Грозен видом рыцарь Тельрамунд. Огромный, тучный, выше всех ростом. Поступь тяжелая; кажется, каменный пол качается, когда он идет по залам и переходам замка.

Никто не мог победить Тельрамунда на турнире, и в битве он всегда впереди других. А с тех пор, как в горах Швеции убил он дракона, его слава возросла еще больше.

В замке Анвер в присутствии всех рыцарей и баронов Брабанта и Лимбурга объявил Тельрамунд, что ему по чести и по праву принадлежит рука Эльзы.

— Слушайте меня, благородные бароны! В день, когда герцогине Эльзе исполнилось пятнадцать лет, призвал меня к себе герцог Брабанта. «Чувствую я, что дни мой сочтены,— сказал он.— Будешь ты супругом и защитником дочери моей Эльзы». С этими словами соединил он наши руки. Оба мы — я и герцогиня Эльза — поклялись исполнить его волю. Готов я сдержать свое слово, с тем и прибыл сюда.

Удивились ближайшие советники герцогини Эльзы. Никогда не говорил им старый герцог о том, что просватал свою дочь за Тельрамунда. Беда Брабанту, если станет Тельрамунд его правителем. Жесток и алчен Тельрамунд. Да полно, правда ли это?

Все посмотрели на герцогиню Эльзу, все ждут ее ответа.

Белее зимнего снега стала Эльза. Поднялась с трона и, вся дрожа, оперлась на руку старой кормилицы.

— Никогда еще не слыхала я столь лживых речей! Сватался ко мне граф Тельрамунд год назад, но отец мой ответил ему отказом. «Храбрый он рыцарь, но сердце у него жестокое. Никогда не отдам я свою дочь замуж за Тельрамунда» — вот что сказал мой отец, и в том я клянусь.

Тельрамунд сделал шаг вперед и обнажил свой меч:

— Ни слова не солгал я. А ты, благородная госпожа Эльза, опомнись и устыдись. Зачем порочишь ты свои юные уста ложной клятвой! На своем рыцарском мече клянусь я: дала ты согласие стать моей женой.

Зашумели, заволновались бароны и рыцари. У многих не лежало сердце к Тельрамунду. Но поклялся он на мече. Разве можно не верить этой клятве, священной для каждого рыцаря?

— Скоро должен прибыть в Антверпен король Генрих Птицелов*. Самого короля попрошу я рассудить нас, герцогиня Эльза,— сказал Тельрамунд.— Справедлив король: он накажет тебя, клятвопреступница, и отдаст то, что принадлежит мне по праву. Пока не поздно, одумайся, Эльза!

Но, взглянув на Тельрамунда, без чувств упала юная Эльза. Придворные дамы унесли ее.

Прошло немного времени, и в ясное воскресное утро затрубили трубы на башнях Анвера, опустился подъемный мост, и в замок въехал Генрих Птицелов во главе множества баронов и рыцарей.

Герцогиня Эльза вышла навстречу королю. С великим почетом провели его в тронный зал. Стал король расспрашивать, как было дело. Смело глядел королю в глаза Тельрамунд, твердо стоял на своем.

А робкая девушка смутилась, бессвязны были ее ответы, а потом и вовсе замолчала и только заливалась слезами.

И тогда сказал король:

— Долг мой узнать истину, Эльза, герцогиня Брабанта. Через три дня на берегу Шельды состоится божий суд*. Пусть тот, кто верит в твою невинность, сразится за тебя с графом Тельрамундом. Ищи себе защитника.

По всем дорогам поскакали гонцы. Во все близкие и дальние замки послала Эльза гонцов, но ни с чем вернулись они — не сыскалось защитника для Эльзы. Даже старые друзья отца не захотели прийти к ней на помощь.

На третий день шумом наполнился широкий луг около Анвера. По всей стране прошел слух: будут судить юную герцогиню. Все собрались сюда от мала до велика. Под зеленым дубом сидел король Генрих Птицелов, кругом теснились рыцари и оруженосцы, а дальше, до самого берега Шельды, шумела толпа. Вдруг разом все умолкли.

В темных воротах замка показалась Эльза в простом белом платье. Ее светлые волосы были распущены и волнами падали до земли. Ни одного украшения не надела Эльза. Пусть не говорят люди, что спрятан на ней колдовской талисман.

Шедот пробежал по толпе. Одни жалели юную герцогиню, а другие говорили: «Виновна она. Нарушила клятву».

Спустилась Эльза с холма на луг, опираясь на руку старой кормилицы, и остановилась перед королем.

Махнул рукой король Генрих Птицелов, и по его знаку выступили из толпы трубачи. Вскинули длинные трубы и затрубили, повернувшись на четыре стороны света. Назад отступили трубачи. На середину луга вышли герольды в пестрых одеждах.

— Кто вступится за честь герцогини Эльзы Брабантской? — громко возгласили герольды.

А потом наступила полная тишина, и этой тишины испугалась Эльза. Вздрыгнула она, подняла голову.

Стоит она одиноко посреди луга. Взглядом прося защиты, посмотрела Эльза на седых баронов, на короля Генриха. Все они опустили глаза.

Значит, никто ей не верит. Даже самые преданные вассалы. И поняла Эльза: нет у нее защитника. А если никто не заступится за нее, не захочет сразиться с Тельрамундом, признают ее

виновной, и тогда ждет ее страшная кара за клятвопреступление.

С тоской посмотрела Эльза вдаль, на темный лес, на реку Шельду, как бы прощаясь с ними.

И вдруг что-то ярко блеснуло на реке. Невольно вскрикнула Эльза.

Плывет вверх по Шельде белоснежный лебедь и везет за собой золоченую ладью. Все ближе и ближе лебедь, и вот уж он подплыл к берегу. И увидели люди: спит в ладье юный рыцарь.

— Чудо! Чудо! — закричали все.

К реке бросилась толпа. Стали люди звать рыцаря, но не пошевелился рыцарь, погруженный в глубокий сон.

Вдруг к ногам Эльзы опустился ее любимый сокол, в клюве держал он золотой колокольчик. Взяла колокольчик Эльза и позвонила.

И тотчас проснулся рыцарь, встал и сошел на берег.

Ярко сверкнули на солнце его меч и щит.

Ни один человек из тех, кто стоял на берегу, не знал этого прекрасного светловолосого рыцаря. Никто никогда не видел его герба: серебряного лебедя на лазоревом поле.

Весь цвет бребантского рыцарства собрался в тот день на лугу Анвера, но ни один из рыцарей не мог поспорить красотой и благородством осанки с рыцарем Лебеда. Глаза его горели необыкновенным светом, и сам он словно светился.

— Позволь мне быть твоим защитником, Эльза, — сказал известный рыцарь. — Ты невиновна. Своим мечом я докажу это!

И, сняв перчатку с правой руки, он бросил ее к ногам Тельрамунда.

С ненавистью посмотрел Тельрамунд на рыцаря, но нагнулся и перчатку поднял.

По обычаю, развели их на разные концы поля.

Рослые оружейники помогли Тельрамунду облачиться в тяжелы доспехи. И изумились люди: как огромен и страшен Тельрамунд в своих темных доспехах на широкогрудом черном коне. По знаку короля подвели рыцарю Лебеда белого скакуна.

Махнул рукой король Генрих. Затрубили в трубы герольды. И по их сигналу помчались навстречу друг другу Тельрамунд и рыцарь Лебеда.

С такой силой сшиблись противники, что кони их осели на задние ноги. Разлетелись в щепу ясеневые копыта.

Спешились рыцари, на мечах бьются они.

Не однажды случалось Тельрамунду разрубать противника от темени до пояса. Со свистом рассекает воздух его меч.

Молнии быстрее сверкает меч рыцаря Лебеда.

От лязга и звона оружия птицы покинули гнезда. Долго кружились они над деревьями, не смея опуститься.

К вечеру стали иссякать силы обоих бойцов. Тяжело, как

кузнечный мех, дышит Тельрамунд. Устал и рыцарь Лебеда.

И когда уже стало солнце уходить за башни Анвера, последний луч задержался на мече рыцаря Лебеда. И будто этот луч, сверкнув на лезвии меча, вернул силы рыцарю Лебеда.

Страшный удар обрушился на Тельрамунда. Зашатался Тельрамунд, потемнело у него в глазах.

— Кончим бой — наступила глубокая ночь! — вскрикнул Тельрамунд и рухнул на землю. Лопнули ремни его шлема, далеко откатился шлем по траве.

— Чиста, чиста Эльза Брабантская! — прокатились радостные крики над широким лугом.

Рыцарь Лебеда приставил свой меч к горлу Тельрамунда.

— Ты оклеветал Эльзу Брабантскую, Фридрих фон Тельрамунд. Признаешься ли ты в своей вине?

— Признаюсь, — глухо ответил Тельрамунд. — Пощади, рыцарь!

Повернулся рыцарь Лебеда к королю:

— Победен мой противник, пощады просит. Даруй ему жизнь, король.

— По справедливости смерти достоин Тельрамунд, — ответил Генрих Птицелов, — но ты волен решать сам, жить ему или умереть.

— Я оставляю тебе жизнь, Тельрамунд, — сказал рыцарь Лебеда, — но пусть отныне твой меч служит только доброму делу.

Двенадцать пажей подошли к Тельрамунду. С трудом подняли они своего господина, положили на носилки и унесли.

Радовались все вокруг Эльзы, но тревогой, страхом сжалось ее сердце. Подумала она: «Что теперь будет? Вдруг уплывет рыцарь? Чего ждет лебедь у берега?».

Но тут сказал король Генрих Птицелов:

— Рыцарь, не покидай молодую герцогиню Эльзу. Сам посуди: может ли девушка, нежная и слабая, править страной, где мужчины много бражничают за столом, быстро хватаются за мечи, а родовые замки переходят из рук в руки, как игральные кости. Земля Брабантская устала от распрей. Рыцарь, хочешь ли ты взять в жены Эльзу Брабантскую и быть ей защитником? А ты, Эльза, согласна ли ты стать его женой?

— Да, — тихо ответила Эльза.

Но молча стоял рыцарь, опершись на свой меч.

Наконец он прервал молчанье и сказал Эльзе:

— Нет для меня большего счастья, чем стать твоим мужем. Но знай одно: я не властен открыть тебе свое имя. Навсегда останусь я для тебя рыцарем Лебеда. Можешь ли ты поклясться, что никогда не спросишь: кто я и откуда?

— Клянусь тебе, рыцарь! — торопливо сказала Эльза.

— Еще раз подумай, Эльза, тяжела эта клятва.

— Клянусь, клянусь тебе, рыцарь! — повторила Эльза. —

Никогда не спрошу я тебя, кто ты и откуда!

И лишь вымолвила она эти слова, как лебедь плеснул крылом и поплыл вниз по реке Шельде, увлекая за собой ладью.

Торжественно отпраздновали в замке Анвер свадьбу герцогини Эльзы и рыцаря Лебеда.

В пиршественном зале собралось триста знатных гостей. Сам король Генрих остался в замке Анвер, хоть и ждали его неотложные дела. На возвышении под балдахином рядом с королем сидели молодые супруги. Никто никогда не видел четы прекрасней этой.

Счастливо жила Эльза с рыцарем Лебеда.

Нередко муж ее уходил с другими брабантскими рыцарями в дальние походы. Воевал он с гуннами и сарацинами и стяжал себе великую славу.

Мир воцарился на земле Брабантской. Не смели больше нападать на нее враги.

Любят рыцари бранные потехи. Рыцарь Лебеда был первым и на турнирах.

Однажды возле прекрасного города Антверпена был устроен большой турнир. Девять рыцарей одного за другим вышиб рыцарь Лебеда из седла. Девятым был герцог Клевский.

На длину копыя отлетел он и, падая, сломал правую руку.

С тех пор возненавидел герцог Клевский рыцаря Лебеда, а жена его, надменная и тщеславная Урсула, только и думала о мести.

Радостно праздновали крестины в замке Анвер. У герцогини Эльзы родился прекрасный мальчик.

Веселье царило за столом, кравчие не успевали подливать вино в золотые и серебряные кубки.

Вдруг доложили Эльзе, что прибыла герцогиня Клевская. Порадовалась Эльза: значит, забыла Урсула старую вражду.

Распахнулись двери зала, и вошла Урсула Клевская в черном, как ночь, платье. Черная мантия стелилась за ней по каменным плитам.

Поняла Эльза: не с добром пришла герцогиня. Усадила она гостью за стол на почетное место. Чуть пригубила вина Урсула из золотого кубка.

— Поздравляю тебя, Эльза Брабантская, с сыном и наследником! — сказала она. — Но жаль мне тебя. Незавидна твоя судьба. Что ты ответишь сыну, когда он спросит тебя, как зовут его отца? Безродным вырастет твой сын. Не будут ли спрашивать его злоречивые люди: «В какой лачуге рожден твой отец?».

Помертвела Эльза от неслыханной обиды и гордо ответила герцогине Клевской:

— Пусть неизвестно имя моего мужа, но он покрыл себя славой. Ни разу еще не был он побежден.

В ярости швырнула герцогиня Клевская золотой кубок на пол и вышла из пиршественного зала.

Когда же гости разошлись по своим покоям и Эльза с супругом остались вдвоем, сказал он ей:

— Дорогая, напрасно ты смутилась и опечалилась. Доверься своему чистому сердцу. Потому что любовь — это доверие во всем и до конца. Что для тебя людская злоба?

— Не для себя, мой супруг, я хотела бы все знать. Сердце подсказывает мне, что ты высокого рода. Но хочу я бросить твое знатное имя в лицо недругам нашим, чтобы никто не мог унижить тебя и моего сына!

Грустно и тревожно посмотрел на нее рыцарь.

— Но, Эльза, если человек чист душой, никакой навет не может его унижить. Вижу я, ты хочешь узнать мою тайну. Останись, Эльза. Не спрашивай меня.

Опустила голову Эльза и замолчала.

На вторую ночь не сдержалась Эльза:

— Вырастет у нас сын, что я скажу ему, когда он спросит: «Как зовут моего отца?».

И ответил рыцарь:

— Имя человека — не пустой звук. Имя человека — это его подвиги и добрые дела. Моя слава заменит нашему сыну мое имя.

Ничего не сказала на это Эльза. Но не успокоилось ее сердце.

Что бы ни делала она в тот день, чем бы ни была занята, все время не переставая думала только об одном: как узнать имя своего супруга.

Все время неутомимо звучали в ее ушах слова герцогини Клевской: «Почему скрывает свое имя рыцарь? В какой лачуге рожден он?»

А на третью ночь подумала Эльза:

«Не будет нам счастья, пока я не узнаю всего. Эта тайна убивает нашу любовь».

Всю ночь мучилась Эльза и не спала.

Раз усомнившись, она уже не могла совладать с собой. И подозренья одно страшнее другого приходили ей на ум.

И, наконец, не выдержала Эльза.

— Кто ты? Откуда? Скажи мне! — спросила она.

Спросила — и сама испугалась, помертвела. Сорвались с губ страшные слова, назад не вернешь. Она нарушила клятву! И, задрожав, упала Эльза к ногам мужа.

— Нет, нет, молчи! Не называй своего имени. Я верю тебе. И больше никогда ни о чем тебя не спрошу...

— Поздно, Эльза! — ответил рыцарь. — Ты задала вопрос и нарушила клятву. Теперь я не властен молчать. Завтра на лугу перед Анвером в присутствии всех рыцарей и баронов я всенародно назову свое имя.

Взошло солнце и отогрело старые башни Анвера. Проснулся замок. Слуги, служанки засновали по лестницам. Веселой толпой вошли придворные, чтобы приветствовать герцогиню и ее супруга.

Но не было на свете двух людей печальнее, чем Эльза и рыцарь Лебедя.

Снова зазвучали трубы на башнях Анвера, созывая всех собраться на лугу перед замком.

Удивились гости: почему сзывают их в такой ранний, неурочный час? Что случилось в замке?

Вышла на луг герцогиня Эльза и рыцарь Лебедя. Бледнее своего белого покрывала была Эльза. Поняла она, что погребло ее счастье.

И, когда в ожидании все взоры обратились на рыцаря Лебедя, сказал он:

— Узнайте же все. Имя мое Лоэнгрин. Отец мой — Парсифаль, король Монсальвата. Служат ему самые благородные в мире рыцари, защитники угнетенных и обиженных. Высоко в горах стоит замок Монсальват. Нет у него сторожевых башен и толстых стен, как у ваших замков. Всегда гостеприимно опущен подъемный мост. Настежь распахнуты ворота. Каждый путник там желанный гость. Но не часто раздаются шаги на мосту Монсальвата. Темные мысли мешают человеку увидеть волшебный замок. Злые дела не дают к нему подняться.

Перед замком на высоком столбе висит колокол. Если творится несправедливость, если кто-то нуждается в помощи, сам собой, без руки звоняра, начинает колокол звонить. Тогда один из рыцарей Монсальвата снаряжается в путь. Если спасет он прекрасную девушку и они полюбят друг друга, может остаться с ней рыцарь Монсальвата, и будут они счастливы до конца своих дней. Но та, которую он спас, должна дать клятву, что никогда не спросит о его имени. Она должна довериться ему без тени сомнения и страха. Если же она нарушит клятву и спросит: «Кто ты?» — тогда рыцарь должен вернуться в свой далекий замок Монсальват.

Горестно вскрикнула Эльза.

Приказал рыцарь принести маленького сына. Поцеловал он его и прижал к груди.

— Любимая, наступил час разлуки, — сказал Лоэнгрин Эльзе. — Сейчас мы с тобой расстанемся навсегда. Назови сына моего Лоэнгрином. Ему оставляю я свой меч и щит. Они будут хранить его в битвах. А тебе я оставляю на память кольцо своей матери.

— Лебедь, лебедь! — вдруг закричали в толпе.

И увидели все: плывет белоснежный лебедь по реке Шельде к Анверу, везет пустую ладью.

— Монсальват зовет меня! — воскликнул Лоэнгрин. — Прощай, Эльза, я больше не могу быть с тобой.

Бросилась к мужу Эльза, обняла его.

Лоэнгрин поцеловал ее полные слез глаза. Потом, бережно высвободившись из ее рук, взошел на ладью. И лебедь тихо поплыл по течению, увлекая ладью за собой.

И пока не скрылась ладья за поворотом, пока еще могли они видеть друг друга, в невыразимой печали смотрела Эльза на Лоэнгрин и смотрел Лоэнгрин на Эльзу.

Робин Гуд

Оленя парень в лесу подстрелил,
В тюрьму его, в тюрьму!
Оленьим мясом он мать накормил,
В петле качаться ему!

От слез чуть жива старуха вдова:
«Спаси его, Робин Гуд!»
Вдруг загудела в кустах тетива —
И стражники в страхе бегут...

Так поют йомены* за доброй кружкой пива.

— Королевский шериф* зовет Робин Гуда разбойником, а разбойник-то он сам, — толкуют они между собой. — Робин Гуд наш верный друг и защитник.

Много рассказов и песен сложено было в старой Англии про вольного стрелка Робин Гуда и его смелую дружину.

Притеснители народа дрожали при одном звуке его имени. Не ровен час, подкараулит в лесу на дороге и пронзит своей меткой стрелой.

Но как Робин Гуд стал вольным стрелком? Вот послушайте. Родился Робин Гуд в Ноттингемском графстве*, неподалеку от города Локсли. Отцом его был молодой йомен Вилли.

Имел Вилли небольшой достаток, были у него и дом, и коровы в хлеву, и добрые кони в стойле, но все отняли жадные монахи из соседнего монастыря. Сочинили подложные бумаги, будто должен им Вилли много денег, и пришлось ему все свое добро отдать монахам. Разве найдешь управу у продажного судьи?

Взял Вилли в руки дубину, крепко прибил монахов, когда пришли они гнать его из родного дома, и навсегда ушел в зеленый лес, вольный лес вместе с женой и маленьким сыном.

Хороши леса в Ноттингемском графстве! Богаты они дичью, пасутся в них стада оленей, водятся в чаще дикие кабаны. Но самое главное, дают леса верное прибежище гонимым людям.

Растет в лесу маленький сын йомена Вилли. Крепкий он, как молодой дубок, веселый и улыбчивый. Хорошее имя дали его родители: Робин, а после люди и прозвище добавили, стали звать его Робин Гуд*.

Молодой Вилли научил своего сына всему, что сам умел. Хорошо стрелял Вилли из лука, а Робин еще лучше. Глаза у Робина были зоркие, как у сокола, ноги быстрые, как у оленя, уши чуткие, как у ночного филина.

Ни один королевский лесничий не мог к нему подкрасться. Только веточка хрустнет, только тростинка дрогнет, а Робин уже видит и слышит.

Спросил однажды мальчик своего отца:

— Отец, почему мы прячемся в лесах? Кто гонится за нами? Кто наши обидчики?

— Сынок, обидчиков у нас много.

Стал Вилли загигать пальцы на правой руке. Загнул один палец:

— Вот смотри, Робин. Первые наши обидчики — нормандские рыцари, принцы и короли. Больше сотни лет тому назад приплыли они из-за моря на многих кораблях и завоевали нашу Англию. Огнем и мечом завоевали. С тех пор глумятся спесивые нормандцы над нами, вольными саксами. Мы для них хуже свиней. Любят нормандские рыцари охоту, вот и объявил король все наши вольные леса заповедными. Ему, мол, принадлежат они, и больше никому. Не смей в них охотиться ни один простой йомен, не то язык отрежут, отрубят руку или ногу, вздернут на виселицу...

Загнул Вилли второй палец на правой руке:

— А еще наши кровные враги — королевские лесничие. Шныряют они по лесам, как гончие псы, и выслеживают нас, вольных стрелков, как диких зверей. «Волчья голова» — вот как зовут меня лесничие...

Еще и еще загибал пальцы отец Робина и на правой руке, и на левой.

— Помни, сынок, наши обидчики: шерифы, стражники, судьи, толстопузые монахи, управители поместий, доносчики, кровопийцы-ростовщики...

Но тут не хватило у него для счета пальцев на руках. Засмеялся Робин и сказал:

— У тебя, отец, есть еще пальцы на ногах. Но даже если будет у нас врагов столько, сколько деревьев в лесу, я и тогда не испугаюсь, пока у меня лук и стрелы.

Так беседовали отец с сыном.

Вырос Робин Гуд и тоже стал вольным стрелком. Один за другим приходили к нему в Шервудский лес смелые люди. Кто бежал от неволи, кто от голода, кто хотел посчитаться с ненавистными обидчиками. Понемногу росла дружина вольных стрелков.

Первый помощник Робин Гуда — Маленький Джон, силач высоченного роста. Однажды встретился он с Робин Гудом на мосту через ручей. Ни один не хотел уступить дорогу другому. Завязалась между ними горячая схватка, дубинки так и мелькали в воздухе. А окончился бой — засмеялись оба удальца и стали с тех пор друзьями на всю жизнь.

Не последний в дружине Робин Гуда и беглый монах — отец Тук. Ленивец он и обжора, но в рукопашном бою никто против него не устоит. Прославили себя смелыми подвигами Мельник Муч, Скейслот — Стриженный Хохол, Аллан Из Долины... Не перечислить всех молодцов из дружины Робин Гуда. Много рассказов о Робин Гуде и его славной дружине сохранилось в памяти людей. Вот один из них.

*

Неподалеку от Шервудского леса высятся башни, белеют стены. Это город Ноттингем, и правит в нем королевский шериф — заклятый враг Робин Гуда. Захватил он в плен трех лесных стрелков из дружины Робин Гуда, хочет вздернуть их на виселице.

— Надо бы разведать, крепки ли замки у темниц и много ли сторожей, — сказал Робин Гуд своим товарищам.

Но как пробраться в Ноттингем неузнанным?

Спрятался Робин Гуд в кустах орешника возле дороги. Тихо в лесу. Слышно, как белка орехи пощелкивает.

Вдруг дробно застучали копыта. Едет какой-то всадник на гнедой кобыле. К седлу приторочены тяжелые мешки.

— Эй, приятель, доброе утро! — крикнул громким голосом Робин Гуд. — Вижу, случай послал мне попутчика. Скажи мне: кто ты и откуда?

— Да тебе-то что, откуда я? Мясник я и еду в город Ноттингем. Нынче ведь базарный день. Везу туда говядину.

— Ну, тогда не торопись, ты уже нашел покупателя. Продай-ка мне свой товар с кобылой вместе. Я за ценой не постою. И вот еще что: поменяйся со мной платьем.

Назначил Робин Гуд хорошую цену.

— Что ж, бери все, мне хлопот меньше. И на мену согласен: куртка твоя из доброго сукна.

Купил Робин Гуд гнедую кобылу вместе со всем товаром, переоделся в одежду мясника и отправился в Ноттингем.

Проехал он через городские ворота, беспечно посвистывая, а сам поглядывает по сторонам, все примечает.

На базаре шумно и людно.

Разложил свой товар Робин Гуд:

— Вот хорошая говядина, добрые люди! Лучше не найдете!

Подошел какой-то старик и прицепился:

— Сколько вон тот кусок мяса стоит? Самый маленький, с жилками и косточкой?

— Этот, что ли? И правда, постный кусок. Медный грош, пожалуй, возьму.

Дешево продает Робин Гуд. Все покупатели столпились вокруг него, ничего не берут у других мясников.

— Это полоумный! — решили мясники. — Всех покупателей отбил. Надо сказать шерифу.

И не успел Робин Гуд продать свой товар, как схватили его стражники.

Шериф со своей женой как раз сидел за завтраком.

— Ты что, негодяй, с ума сошел? — зарычал он на Робин Гуда. — Мясники на тебя жалуются. Зачем ты мясо за гроши продавал? Почему не брал настоящую цену?

А Робин Гуд прикинулся простаком.

— Где же мне знать цену, ваша милость? — захныкал он. — До самой смерти моего отца — а он всего неделю как преставился, царствие ему небесное! — я никогда из нашей деревушки не выезжал.

— Да ты не врешь ли? Отвечай мне правду: где взял товар? Украл, верно?

— Что вы, ваша милость! Оставил мне отец большое стадо рогатой скотины. И все бодаются, есть просят, надоели до смерти. Я им говорю: дрова пилите, воду носите, ничего не хотят, даже пол в доме не подметут. Не слушается рогатая скотина.

— А... А сколько же голов в твоём стаде?

— Считать я не умею, а надо думать — голов с тысячу.

— С тысячу? — ахнула жена шерифа и стала шептать на ухо мужу: — Парень-то совсем дурачок. Пожалуй, продаст нам все стадо за гроши. Будь с ним поласковой.

— Ну, молодец, — улынулся шериф, — я тебе твою вину отпускаю. Видно сразу, ты человек хороший.

Налил шериф Робин Гуду вина и спрашивает:

— А не продашь ли мне свое стадо?

— Что ж, отчего не продать?.. Только раньше хотелось бы мне посмотреть на городские диковинки. Правда ли, что башни небо подпирают?

— Пойдем, я сам покажу тебе Ноттингем, — предложил шериф.

Ходят они по городу.

Все внимательно осмотрел Робин Гуд: и замок, и церковь, и тюрьму, страшную каменную тюрьму. Пересчитал всех стражников, поглядел, какие замки на дверях, крепки ли тюремные двери.

Постучал шериф ногой по земле.

— Вон там, в глубоком подземелье, сидят разбойники. Трое вольных стрелков из шайки Робин Гуда. Через неделю большой праздник, тогда я их и повешу.

— Ух, верно, и страшны они, ваша милость. Не похожи на нас, людей, а словно лесные звери, шерстью обросли и клыки изо рта торчат. Так я слышал.

— Хо-хо, уж ты скажешь.

По дороге договорился шериф с Робин Гудом о цене.

Продав свою рогатую скотину деревенский простачок всего за один кошель серебряных монет.

Торопится шериф скорей завладеть стадом. Сунул он за пазуху кошель с деньгами, сел на коня — и в путь. Но не воинов прикватил он с собой, а с десяток пастухов. И Робин Гуду дал доброго коня.

Робин Гуд скачет впереди, показывает дорогу.

Долго они ехали. Спросил наконец усталый шериф:

— Да где же оно, твое стадо? Сколько мы уже лугов и роц миновали! Солнцем мне голову припекло... Пыль мне горло забила.

— Теперь уже близко, ваша милость. Вот там, в Шервудском лесу, пасется моя скотина рогатая.

— В Шервудском лесу, говоришь ты? Страшное место! Боже, оборони нас и помилуй от встречи с Робин Гудом!

Поднес тут Робин Гуд к губам охотничий рог и затрубил. И вдруг выбежало из леса большое стадо оленей. Мчатся олени в испуге, гонят их из леса вольные стрелки.

— Ну как, нравится тебе моя рогатая скотина, сэр шериф? Погляди, как хорошо откормлена.

И тут зашуршали кусты, раздвинулись... Показался на дороге здоровенный верзила с луком в руках.

— Эй, Маленький Джон! — крикнул Робин Гуд. — Я привел покупателя из Ноттингема. Берет он все наше стадо не считая.

— О, это хорошо! Надеюсь, что он честно нам заплатит, полновесным серебром.

Скинул Робин Гуд на землю плащ со своих плеч.

— Сыпьте, ваша милость, деньги из кошеля.

Ничего не поделаешь, высыпал деньги шериф.

— А денег-то маловато,— покачал головой Робин Гуд.— За такое большое стадо! Да сними с своего пальца золотой перстень с печатью!

Снял шериф перстень с пальца.

— Ну, шериф, теперь, по нашему обычаю, угошу я тебя добрым ужином. Да и заночуешь у нас. А то человек ты простой, доверчивый, боюсь, ограбят тебя темной ночью на дороге...

Послал Робин Гуд Маленького Джона с отрядом стрелков освободить товарищей из тюрьмы. А пропуском в Ноттингем послужил перстень шерифа.

Связали вольные стрелки тюремных стражников, сломали замки, разбили цепи и были таковы.

К утру вернулись они в Шервудский лес.

— Ну, шериф, забирай свое стадо, коли поймашь,— сказал тогда Робин Гуд.— Поезжай домой, да не забывай, что есть у тебя друзья в Шервудском лесу и рогатой скотины у нас вдоволь. Привози-ка с собой кошель серебра.

*

Вот и еще один рассказ.

Как-то сидел Маленький Джон на вершухке холма. Оттуда все хорошо видно, как на ладони. У самого подножия сбегаются вместе пять дорог.

Вдруг он заметил, что по одной из дорог едет рыцарь. Видимо, держит путь в город Йорк*.

Едет один, без слуг и оруженосцев. На рыцаре изрубленная мечами боевая кольчуга и помятый шлем. За плечами дырявый плащ.

Низко-низко опустил рыцарь голову. Его старый конь, будто чувствуя печаль хозяина, еле-еле переставляет ноги, бредет тихо-тихо.

Только доехал рыцарь до перекрестка дорог, как вышел из-за дерева Маленький Джон. Снял он с головы шапку, опустил на одно колено.

— Добро пожаловать, благородный рыцарь! Приветствуем тебя в нашем вольном лесу, зеленом лесу. Славный наш предводитель приглашает тебя пообедать с ним.

— А кто ваш предводитель, добрый человек?

— Знаменитый стрелок Робин Гуд.

Не испугался рыцарь этого имени. И бровью не повел.

— О, я слышал о нем немало хорошего! — сказал он.— Считаю за честь с ним пообедать, с таким храбрецом. Только я невеселый собеседник.

Привели гостя к хижине Робин Гуда. Вышел Робин Гуд из дверей, снял свою шляпу с перышком, поклонился.

— Прошу, благородный рыцарь, не погнушайся моей хижинкой. Небогато она убрана, но зато нас ждет хороший обед.

— Спасибо тебе за приглашение, Робин Гуд,— отвечает рыцарь.

Сели они за дубовый стол. Чего только не было на столе! Жареные утки, фазаны, куропатки... Пирог с олениной, румяный хлеб, пиво и вино.

— Добрый мой хозяин,— сказал рыцарь,— не утаю от тебя: вот уже три недели, как не приходилось мне так сытно пообедать. Кушанья эти, по-моему, и для королевского стола годятся.

— Так, значит, угодил я тебе, сэр рыцарь,— усмехнулся Робин Гуд.— Верно, ты захочешь меня, простого йомена, отблагодарить хоть малостью...

— Увы, мой добрый Робин, мой кошелек пуст,— ответил рыцарь.

— Ты ведь знатный господин! — нахмурился Робин Гуд.— Есть у тебя, наверно, и замок, и поместья. И едешь ты в богатый и славный город Йорк. Сколько у тебя денег с собой? Только правду говори!

— Десять шиллингов. Я, Ричард Ли, еще не лгал никому! Отвязал Маленький Джон суму от седла, потряс ее... С жалобным звоном упало на траву несколько монет.

— Подать сюда кубок лучшего вина! — вскричал Робин Гуд.— Рад я, что не покривил ты душой. Скажи мне: отчего ты так беден? Кутила ты или мот? А может быть, разорили тебя ссоры и распри с соседями?

— Нет, Робин Гуд. Послушай, что случилось со мною. Есть у меня сын Гильберт, мой наследник, мой единственный любимый сын. Бился он на турнире в городе Йорке и не посрамил нашего имени — трех противников выбил из седла. Но нечаянно убил он копьём одного нормандского рыцаря. Мы ведь саксы родом. Стали нормандцы кричать, что сын мой повинен в злоумышленном убийстве. И, чтобы выкупить голову сына, заложил я все свои земли аббатству* святой Марии в городе Йорке.

— Попал же ты в железный капкан, сэр рыцарь,— покачал головой Робин Гуд.— Знаю я этого аббата, много наслышан о его черных делах. Алчен он и жесток, а на службе у него рыцарь по имени Гай Гисборн — Кровавый меч. Владеет Гай Гисборн замком Биркенар, и, поверь мне, виселицы возле Биркенара никогда не пустуют. Сколько же ты должен монастырю и когда срок уплаты? — спросил Робин Гуд.

— Четыреста фунтов серебра должен я, Робин Гуд, и надо уплатить их сегодня до захода солнца. Затем и ехал я в город Йорк — просить аббата об отсрочке, а ведь знаю: не даст он мне ни одного лишнего дня, ни даже лишнего часа. Прощай же, Робин Гуд, нечем мне отблагодарить тебя: завтра отнимет у меня аббат замок и поместье. Стану я нищим и пойду в крестоносцы, а жена моя будет есть из милости горький чужой хлеб.

— А друзья твои, благородные рыцари? — нахмурил брови

Робин Гуд.— Разве они не придут к тебе не помощь?

— О, все друзья мои разлетелись, как листья в бурю!

— Проклятье им! — вскричал Робин Гуд.— Проклятье всем неверным дауэям! Так, значит, никто в целом свете не хочет за тебя поручиться?

— Никто, разве что святые да ангелы...

— Слабая порука! — воскликнул Робин Гуд.— Клянусь луком и стрелами, никому не одолжил бы я денег охотнее, чем тебе! Маленький Джон, неси сюда четыреста фунтов серебра.

Принес Маленький Джон деньги в большом кожаном мешке и говорит Робин Гуду:

— Взгляни, славный наш предводитель, плащом рыцаря можно, как сетью, ловить пескарей. А проклятый Гай Гисборн щеголяет в бархатном плаще на меху! Нет правды на этом свете, да ведь мы-то есть! Разве мало у нас доброго сукна? Найдется и зеленое, и алое, и других цветов.

— Не худо бы рыцарю сапоги подарить с позолоченными шпорами,— замолвил слово Мельник Муч.

— А ведь кляча-то не довезет его до славного города Йорка,— покачал головой отец Тук.— Клянусь святым Мартином, свалится с ним вместе в канаву.

— Приведите хорошего коня, друзья, наденьте на него новое седло и серебряную уздечку! — приказал Робин Гуд.

— Когда же я должен вернуть тебе деньги? — спросил рыцарь.

— Отдашь через двенадцать месяцев, день в день, под этим большим вязом. Но у тебя, сэр рыцарь, нет оруженосца. Садись на коня, Маленький Джон, и поезжай следом за рыцарем. Сдается мне, что ты ему скоро понадобишься.

А что же тем временем творилось в аббатстве святой Марии? Вот послушайте!

Сидит аббат за дубовым столом посреди большого каменного зала. Три подбородка у него, словно волны, набегают один на другой.

По правую руку от аббата восседает в кресле важный судья, а по левую Гай Гисборн — Кровавый меч.

Пьют все трое вино, кубок за кубком.

— А ведь рыцарь Ричард Ли не вернул нам своего долга,— сказал аббат судье.— Должен он отдать монастырю свой дом и свою землю.

— Так-то оно так,— ответил судья,— но ведь солнце еще не зашло.

— У, старый фонарь,— погрозил солнцу кулаком пьяный Гай Гисборн.

— Не буду я больше ждать,— решил аббат.— Писцы, пишите судебное решение, а ты, судья, приложишь свою печать.

И не знают они, что сэр Ричард Ли уже въехал со своим оруженосцем Маленьким Джоном в ворота монастыря.

Слез рыцарь с коня. Монастырский конюший сказал Маленькому Джону:

— Сэр оруженосец, сейчас отведу я ваших коней в монастырскую конюшню, расседлаю и овсом накормлю.

— Спасибо, но, молвить правду, не привыкли наши кони к монастырскому овсу. Пусть стоят здесь оседланные. Я сам их постою, — ответил Маленький Джон.

А рыцарь вошел в зал, где скрипели перья писцов. Поклонился он присутствующим и сказал:

— Явился я, Ричард Ли, просить тебя, отец аббат, о великой милости. Сегодня срок моему долгу. Я пришел умолять об отсрочке. Пожалей мою больную жену, святой отец.

— Ого, Ричард Ли, вот как ты теперь запел! Таким ли голосом говорил ты, когда мечом угрожал нашему верному слуге Гаю Гисборну? Отсрочки? Ни единого дня, ни единого часа.

— Вступись за меня, господин судья, — просит рыцарь.

— Нет, уж лучше я постою за аббата, — усмехнулся судья. — Или ты меня дураком считаешь, сэр рыцарь?

— Ищи себе новое поместье, а со старым распростиись, Ричард Ли, — махнул рукой аббат. — Подайте рыцарю кубок вина. Выпей вина на прощанье, сэр рыцарь.

— Не буду я пить твое вино, аббат. А моя земля моей и останется. Светит еще на небе справедливое солнце.

И рыцарь высыпал деньги из мешка.

Поблуднел аббат, привстал с места. Уплыло от него поместье рыцаря Ричарда Ли.

— Ну что ж, аббат, — сказал рыцарь, — я заплатил свой долг в условленный день, до захода солнца. Верни мне мою долговую расписку, и будь я проклят, если еще хоть раз переступлю порог твоего монастыря!

Ушел рыцарь, и только тогда опомнился Гай Гисборн и хватил кулаком по столу.

— Сдается мне, сваяли мы дурака, сэр аббат. Надо догнать Ричарда Ли и отобрать у него долговую расписку. И конец делу!

Выбежал Гай Гисборн во двор, зовет своих воинов:

— Эй, Томас, Рыжий Дик, седлайте коней скорее! Поскачем в объезд. Перехватим рыцаря на дороге.

Уже далеко отехали рыцарь Ричард Ли и Маленький Джон. Удивляются они, что нет за ними погони. Начало темнеть. Углубились они в лесную чащу.

Вдруг совсем близко три раза прокричал филин.

— Берегись, рыцарь! Готовься к бою! — закричал Маленький Джон. — Нам подали знак. Там впереди опасность.

И правда, застучали копыта, загревели доспехи. Прямо на Ричарда Ли мчался воин с поднятым мечом. Другой с палицей в руке налетел на Маленького Джона. Думали враги застать рыцаря врасплох, но просчитались. Ричард Ли успел выхва-

тить меч и поднять свой щит. Отбил он удар и одним взмахом меча зарубил врага.

Хотел отбить Маленький Джон удар палицы своей могучей дубиной, но вдруг противник его завопил и схватился за грудь. А в груди торчит черная стрела.

Увидел Гай Гисборн, что убиты оба его воина и обратился в бегство. Понял: есть рыцарю Ричарду в лесу подмога. Пригрозил он рыцарю на прощанье:

— Подожди, Ричард Ли, самому королю сообщу я про твою измену. Связался ты с шайкой мятежников.

Ричард Ли простился с Маленьким Джоном и на другой же день благополучно приехал в свой Вирисдальский замок. Опустился подъемный мост, открылись ворота.

Вышла из ворот жена рыцаря:

— Добро пожаловать, господин мой. Смело говори мне всю правду.

— Добрую весть я привез тебе, жена, — сказал ей рыцарь. — Из великой беды вызволил нас Робин Гуд.

...Целый год собирал рыцарь деньги, чтобы вернуть долг Робин Гуду. Ел он с женой самую простую пищу и запивал водой из колодца.

К концу года у рыцаря четыреста фунтов наготове. Есть чем Робин Гуду заплатить. Готов и подарок: сто луков с крепкой тетивой и сто пучков оперенных стрел.

Вот подошел условный день. Отправился рыцарь в лес, к Робин Гуду. Для этого случая нарядился он так, словно приглашен в гости к важному барону или герцогу. На плечи малиновый плащ наброшен. Сзади следуют оруженосец с копьем рыцаря и двое слуг на мулах, нагруженных подарками.

Ласково встретил гостя Робин Гуд, но все же спросил его:

— Привез ли ты свой долг, сэр Ричард?

— Привез сполна, до последнего гроша. Прими от меня в придачу и эти дары.

— За подарок спасибо, а денег не возьму. Жена твоя, я слышал, много горя приняла, а я, будет тебе ведомо, чту всех женщин в память моей матери. А теперь покажу я тебе того, о ком плачет твоя жена. Думал ты, сэр рыцарь, что сын твой бежал в далекие страны, за море, а вот он здесь, в моей дружинке.

Вышел тут из-за кустов сын рыцаря Гильберт Белорукий. Бросились отец с сыном в объятия друг к другу. Нельзя и описать, как радостна была их встреча.

Весь день веселились вольные стрелки на зеленом лугу, а когда солнце стало клониться к закату, пожали Робин Гуд и рыцарь Ричард Ли друг другу руки и расстались добрыми друзьями.

*

Как-то прослышал Робин Гуд, что хочет ноттингемский шериф в день Петра устроить состязание лучников. Победитель

получит серебряную стрелу с золотым наконечником и золотым опереньем.

Тогда сказал Робин Гуд своей дружине:

— Никто, кроме нас, не видит, как я стреляю из лука. А я хочу, чтобы все увидели. Поеду в Ноттингем на состязание лучников!

— Не делай этого, добрый наш предводитель, — стал отговаривать Робин Гуда Маленький Джон. — Поверь мне: шериф нарочно придумал это состязание, чтобы завлечь тебя, как фазана в силоч. Скажи: зачем тебе стрела с золотым наконечником?

Слово за слово, заспорили они. Не послушал Робин Гуд Маленького Джона, настоял на своем.

Перерядился Робин Гуд в лохмотья нищего. Лицо вымазал пылью и грязью, спутал бороду и волосы.

Приказал он своей дружине:

— Шестеро наших лучших стрелков пойдут вместе со мной. А остальные пусть смешаются с толпой и будут наготове.

Обрадовались стрелки веселому приключению. Только Маленький Джон нахмурился и сказал:

— Повинуюсь тебе, Робин Гуд, но сердце мое чует недоброе.

Пришли они к славному городу Ноттингему. Толпа народа собралась на поляне возле северных ворот. А неподалеку, на вершине холма, стояла виселица. Качался на ней повешенный, гремя железными цепями. Вороны сидели у него на голове.

Посмотрел на виселицу Маленький Джон, и еще больше потемнело его лицо.

— Вернемся назад, Робин Гуд, — попросил он.

— Что? Или ты за последнего труса меня считаешь? — гневно ответил Робин Гуд.

На поляне выстроен высокий помост. Восседает на нем ноттингемский шериф в богатой мантии, с золотой цепью на груди. А вокруг него сидят на длинных скамьях рыцари. Был там и Гай Гисборн.

Зазвучала труба. Для начала подручные шерифа установили круглую мишень на расстоянии ста двадцати ярдов*.

Целая толпа лучников вышла на стрельбище, было их не меньше сотни. С ними Робин Гуд и еще пятеро вольных стрелков.

Началось состязание. Каждый лучник должен был выстрелить три раза. Промахнулся второй раз — уходи с поля.

Но это лишь первая проба! Мишень стали относить все дальше и дальше, а толпа лучников все таяла и таяла. Когда мишень отнесли за триста ярдов, осталось на поле только двадцать лучников. Один из вольных стрелков и то промахнулся.

Вот убрали круглую мишень и воткнули в землю ореховый прут. Последнее, самое трудное испытание.

Надо рассчитать на глаз, сколько ярдов до мишени, выбрать правильную стрелу, измерить силу ветра...

Думают лучники, присматриваются.

Загудела, зашумела толпа. Начали люди об заклад биться. Даже рыцари и те заволновались. Привстали со своих мест, чтобы лучше видеть.

— Слушайте, рыцари! — крикнул шериф. — Я вон на того оборванца фунт серебра ставлю. Он лучше всех стреляет! И показал на Робин Гуда.

— Эге, сэр шериф, — ответил Гай Гисборн, — вот что называется играть наверняка. У этого лучника стрелы словно заколдованные.

Ноттингемские лучники стреляли первыми. Двое промахнулись, третий задел стрелой самую верхушку прута. Закачался прут, а зрители радостно зашумели.

Потом настала очередь Робин Гуда. Долго он целился. Спустил стрелу и расщепил прут пополам, словно ножом разрезал.

Стали судьи советоваться и присудили Робин Гуду стрелу с золотым наконечником.

— Угадал я! — обрадовался шериф. — Сразу понял, кто победит.

— Смотрите-ка, неизвестный оборванец вырвал у наших ноттингемских стрелков победу!.. — удивились в толпе. — Стреляет не хуже самого Робин Гуда. Может, это он и есть?

А в толпе снова соглядастая шерифа. Услышал он эти слова и бросился со всех ног к начальнику городской стражи.

Тем временем шериф вручил Робин Гуду стрелу с золотым наконечником и спросил его:

— Откуда ты, молодец? Где научился так хорошо стрелять?

Но не успел Робин Гуд ответить, как городские стражники накинулись на него, словно спущенные с цепи гончие псы.

В толпе затрубил сигнальный рожок. Это Маленький Джон звал на помощь вольных стрелков. Выскочили они из толпы, разбрасывая людей направо и налево. Стеной стали вокруг Робин Гуда.

— Позор тебе, ноттингемский шериф! — закричал Робин Гуд. — Так-то чествуешь ты победителя?

Натянули вольные стрелки свои могучие луки, дождем посыпались стрелы. Дрогнули люди шерифа и кинулись бежать. А когда опомнились, глядят: Робин Гуд со своей дружиной уже выбежали из городских ворот. Но слышат вольные стрелки: все ближе топот копыт. Преследует их конный отряд во главе с Гаем Гисборном.

Легки на ногу лесные братья, привыкли они уходить от погони, но все же поняли: на этот раз настигнут их враги. Трудно пешему уйти от конного. Да к тому же, на беду, двое стрелков из дружины Робин Гуда ранены в схватке. Как быть?

И сказал тогда Гильберт Белорукий:

— Вирисдэльский замок неподалеку, друзья мои. Отец мой, Ричард Ли, укроет нас от врагов.

Поспешили вольные стрелки к Вирисдэльскому замку. Принял беглецов старый рыцарь, велел запереть за ними ворота и поднять мост.

— Открой ворота, Ричард Ли! — завопил Гай Гисборн. — Приказываю тебе именем ноттингемского шерифа! Именем короля! Иначе ответишь за измену.

В ответ засвистели стрелы. С проклятьем повернул коня Гай Гисборн.

А Ричард Ли сказал Робин Гуду:

— Добро пожаловать в мой замок, Робин Гуд. Двойным рвом окружены его стены, и рука моя еще не слаба.

*

В ярость пришел ноттингемский шериф, узнав, что Робин Гуд со своей дружиной укрылся в крепком Вирисдэльском замке.

Поехал он к королю Ричарду Львиное Сердце* в город Лондон и принес жалобу на Робин Гуда, на Ричарда Ли и сына его, Гильберта Белорукого. Послушать шерифа — изменники они, насильники и грабители, между собой в преступном сговоре, смеются над королем и законами страны. Нет меры их злодеяниям. Женщин режут, младенцев убивают.

Случился тут при дворе короля епископ. Однажды, во время большого голода, забрал Робин Гуд все зерно из хлебных амбаров епископа. Увез и бочки с солониной, и связки колбас — все роздал голодным.

— Черная чума и то лучше Робин Гуда! — возопил епископ. — Не милует он нас, кротких монахов, смиренных постников. Подкараулит на большой дороге и отберет деньги, собранные для милостыни бедным. Нападает на святые монастыри, нечестивец, исадие ада!

Побагровел от гнева король Ричард Львиное Сердце, сжал могучие кулаки.

— Жди меня в городе Ноттингеме через пятнадцать дней, лорд-шериф. Я сам прибуду к тебе на помощь. Но ведь и ты не малый ребенок. Под твоим началом отряды воинов. Что ты делал до сих пор? Почему не изловил мятежника Робин Гуда?

Злой и хмурый вернулся шериф в Ноттингем. Созвал своих наушников и соглядатаев и спросил:

— Где сейчас прячется Робин Гуд?

Молчат они. Но Гай Гисборн — Кровавый меч сказал:

— Робин Гуда поблизости нет. Прекрасный случай! Изловим пока рыцаря Ричарда Ли и покончим с ним. Вот ты и оправдаешься, сэр шериф, перед королем.

— Но как изловить Ричарда Ли, когда он засел в своем крепком замке?

— А вот как! Ричард Ли любит соколиную охоту. Мои люди выследили его. Нападём на него врасплах и захватим в плен.

На другой день Ричард Ли отправился на охоту. Сопровождал его лишь один сокольник из вольных стрелков. Лечился он в замке рыцаря после тяжелой раны.

Вдруг выскочили из кустов люди шерифа. Не успел рыцарь выхватить меч из ножен, как скрутили его по рукам и ногам.

— А, наконец ты в моих руках, мятежник! — закричал Гай Гисборн. — Конец тебе!

— Ты боишься, презренный, биться со мной в честном поединке, как подобает рыцарю, — спокойно ответил Ричард Ли. — Но не жди, чтоб я у тебя пощады просил.

— Потихе, друг мой. Завтра ты умрешь страшной смертью в моем замке Биркенар! — зарычал Гай Гисборн.

Сокольник успел незаметно скрыться.

Узнала жена рыцаря о том, какая беда случилась, и поспешила в Шервудский лес к Робин Гуду. Стала она просить его:

— Окажи мне великую милость, спаси моего мужа! Захватил его в плен Гай Гисборн по приказу ноттингемского шерифа. Завтра казнят мужа моего страшной казнью во дворе проклятого замка Биркенар.

Застонал при этой страшной вести Гильберт Белорукий.

— Сейчас не время сетовать, — сурово сказал Робин Гуд. — Надо взять приступом проклятый замок Биркенар, гнездо убийц и насильников.

— Но вокруг замка широкий ров. Как перейти через него? — спросил Маленький Джон.

— Мы созовем всех крестьян из соседних деревень, — ответил Робин Гуд. — Они помогут нам.

Ненавистен был крестьянам замок Биркенар и владелец его Гай Гисборн — Кровавый меч. Всю ночь рубили они молодые деревья и мастерили осадные лестницы.

К утру все было готово. Двинулись вольные стрелки на приступ, а за ними пошли крестьяне с вилами, косами, топорами.

Тем временем шериф и Гай Гисборн вершили суд в замке Биркенар. Перед ними стоял Ричард Ли, крепко связанный веревками.

— Не расскажешь ли нам, как и где найти Робин Гуда, сэр рыцарь? — спросил с усмешкой шериф. — Может, я тогда выберу для тебя казнь полегче...

Молчит старый рыцарь.

Вдруг на дозорной башне прозвучал громкий сигнал тревоги.

— К оружию! К оружию! — кричат часовые.

Гай Гисборн поспешил на дозорную башню, а вернувшись, сказал шерифу:

— Кто б, ты думал, идет на мой Биркенар? Робин Гуд со

своей дружиной, а за ним валом валит мужичье. Глупцы! Наглый сброд! С дубинками на нас полезли. Посмеяться только! Сейчас попробуют они силу нашего оружия. А потом... Ну держись! Никому не будет пощады.

Робин Гуд протяжно затрубил в рожок, и войско его пошло на приступ.

Одни настилают мосты через ров, другие тащат осадные лестницы. Дождем летят меткие стрелы. Всюду наступают они воинов Гая Гисборна.

Вдруг загремело железо. Это кузнецы перерубали могучими ударами топоров цепи подъемного моста. С грохотом упал подъемный мост.

Робин Гуд бежит впереди всех.

— Смелей! — кричит он. — Высаживай ворота! Вперед, молодцы!

Всюду идет бой — у ворот и на стенах замка. Ворвались люди Робин Гуда в замок Биркенар со всех сторон.

Лицом к лицу сошлись Робин Гуд и Гай Гисборн на широком дворе.

— Вызываю тебя на бой, сэр рыцарь! — крикнул Робин Гуд.

— Как, ты хочешь, простой йомен, биться на мечях со мной, рыцарем? Что ж, окажу тебе эту честь, и прощайся с жизнью, разбойник.

Сначала Гай Гисборн потеснил было Робин Гуда.

Сыплются удары, высекая искры, а вольные стрелки смотрят поодаль, но не идут на помощь. Знают они, что Робин Гуд бьется только один на один. Таков его обычай.

Собрал все свои силы Робин Гуд и сам начал теснить противника. Шаг за шагом отступает Гай Гисборн. Уже начал он подумывать о бегстве.

Но страшный удар нанес Робин Гуд своим мечом, и радостным криком разразились вольные стрелки:

— Победа! Победа! Убит проклятый злодей!

И тогда сдались воины Гая Гисборна на милость победителя.

Бежит в страхе ноттингемский шериф по лестницам и переходам замка, спасаясь от Робин Гуда.

— Пощады, Робин Гуд, пощады! Бери выкуп какой хочешь, только пощади!

Слышит ноттингемский шериф: гонятся за ним вольные стрелки. Впереди всех Гильберт Белорукий. Обернулся шериф и понял: это смерть. Взмахнул он руками, а стрела у него в горле.

Робин Гуд разрезал кинжалом веревки на Ричарде Ли и сказал ему:

— Ну, сэр Ричард, услуга за услугу! Недавно я спасался от погони в твоём замке, а теперь мы тебя укроем в Шервудском лесу.

Сдержал свое слово король Ричард Львиное Сердце и прибыл в город Ноттингем, но не встретил его у ворот лорд-шериф.

Когда король услышал от местных рыцарей и баронов обо всем, что случилось, он замотал головой, как разъяренный бык.

— Клянусь святой троицей, — вскричал король Ричард голосом громким, как боевая труба, — цветет измена в этом краю! Здешние воины — просто бабы, носить им чепцы да юбки! Знайте же: я отдам замок мятежного Ричарда Ли на вечные времена всякому, кто принесет мне в мешке его голову.

Угрюмо молчат рыцари. Но один старый барон сказал королю:

— Господин мой король, ни один человек в нашем графстве не посмеет принять от тебя в дар замок Ричарда Ли, пока Робин Гуд в силах натянуть свою тетиву. Подари лучше замок рыцаря злейшему твоему врагу.

— Вот до чего дошло! — грозно нахмурил брови король. — Вы здесь дрожите при одном имени Робин Гуда... Бойтесь разбойника больше, чем короля. Славные вояки, нечего сказать! Заросли жиром, пока я за морем сражался с неверными. Но довольно! Завтра же я прикажу своим воинам прочесать все леса и переловить мятежников. Покончу с ними, хотя бы мне пришлось самому взяться за меч.

Тут любимый шут короля засмеялся так, что зазвенели колокольчики на дурацком колпаке, и запел:

Ты поймай-ка вихрь, как летучую моль,
Облака схвати на пути,
И тогда изволь, я поверю, король:
Робин Гуда ты можешь найти.

— Ха, дурак, — сказал король шуту, — по-твоему, я так и не увижу Робин Гуда?

— Ну, положим, повидать его проще простого. Оденься монахом и поезжай один, без своей свиты, в зеленый лес. Робин Гуд как из-под земли вырастет.

— А ведь, пожалуй, совет недурен, — усмехнулся король и бросил шуту серебряную монету.

Надел король Ричард Львиное Сердце монашескую рясу с капюшоном и отправился верхом на муле в Шервудский лес. Но не проехал он и мили, как видит: из глубины чащи вышел статный молодец, одетый в зеленое.

Взял молодец под уздцы мула:

— Сэр аббат, не угодно ли немного отдохнуть? Я угощу тебя хорошим обедом.

— Еще бы! — откликнулся король Ричард. — Говорят, ты с твоей дружиной столько королевских оленей в лесу перестре-

лял, что не найдешь теперь ни одного с длинными ветвистыми рогами...

— Нашел, чем упрекнуть меня! К вам, в монастырь, поди, со всей округи везут полные возы съестного. А мы, йомены, с голоду бы умерли, если б не охотились в королевских лесах. Не подашь ли ты, сэр аббат, милостыню бедным от своих щедрот?

— Охотно, — отвечает король. — Но, клянусь утробой сатаны, у меня с собой только горсть золотых монет.

— Спасибо и на том, сэр аббат. Однако дивлюсь я твоим речам. Видно, не всегда ты монахом был.

— Какого дьявола монахом... — начал было король, да вовремя спохватился и умолк.

Взял Робин Гуд деньги и разделил ровно на две половины.

— Одну половину я беру для тех, кто в нужде, а другую — тебе, на твои дорожные расходы. Ты, я вижу, человек смелый. А теперь пойдем в мою хижину.

Славно пообедал король у Робин Гуда. Обглоданные кости так под стол и летели. Спел король вместе с отцом Туком застольную песню. А потом хлопнул Робин Гуда по плечу и говорит:

— Давно я хотел посмотреть, как вы, йомены, из лука стреляете. Потешь меня — устрой примерное состязание.

— Изволь, охотно потешу такого веселого гостя. Пойдем на соседнюю поляну.

Затрубил Робин Гуд в охотничий рожок. И сразу, откуда ни возмись, явились на зов сотни полторы молодых стрелков.

«Ого-го! — сказал про себя король. — Мои воины не так мне послушны».

Натянули стрелки свои длинные луки.

Тут показалось королю, что он узан и настал его смертный час. Но нет, это готовились стрелки к состязанию.

— Где вы укрепили мишень? — удивился король. — На пятьдесят шагов дальше, чем может долететь стрела. У меня глазомер верный.

— Не беспокойся, святой отец, — засмеялся Робин Гуд. — Наши стрелы летят скорей и дальше, чем твои молитвы. А кто промахнется, то наш обычай таков: получай крепкую затрещину. Никому спуска не будет.

Сначала стреляли в круглую мишень, потом в ореховый прут.

Пролетела стрела Робин Гуда мимо, на полпальца в сторону взяла. Эх, незадача! Видно, слишком много выпил он вина за обедом.

— Ну, святой отец, я промазал. Хвати меня кулаком, да покрепче!

— О, боже извини меня, Робин Гуд, я ведь смиренный монах. Руки мои привыкли только четки перебирать.

— Не бойся, сэр аббат. У нас в лесу обычай справедливый: промахнулся — отвечай.

Тут Ричард Львиное Сердце так хватил Робин Гуда, что тот еле устоял на ногах.

— Эге, святой отец! — вскричал Робин Гуд. — Клянусь, твоя рука умеет управляться не только с одними четками.

Пристально-пристально поглядел Робин Гуд своему гостю в лицо. Тут подошел к ним Ричард Ли.

— Ведь это сам король! — воскликнул он. — Король в монашеской рясе! Вот кто сегодня у тебя в гостях, Робин Гуд!

Опустился рыцарь перед королем на одно колено.

— Добро пожаловать, король Ричард! — молвил Робин Гуд. — Не хватайся за меч — здесь нет твоих баронов, значит, некого тебе опасаться.

Сел король Ричард на срубленный пень и глубоко задумался. Отчего это так? Вольные стрелки горой стоят друг за друга, а благородные бароны и лорды грызутся между собою, как свора голодных псов. Ни на кого король положиться не может. И сам он со своим родным братом Джоном в смертельной вражде. Стрелы Робин Гуда и его дружины пробивают железные доспехи... Любого рыцаря могут они поразить насмерть. Да,годились бы королю такие лучники и на суше и на море! Не служит Робин Гуд никакому господину. Отлично — будет служить одному королю!

— Послушай, Робин Гуд, — сказал король Ричард, — сброшу я с себя монашескую рясу — она мне, правда, не к лицу, — а ты одень меня во все зеленое, как подобает вольному стрелку.

Переделался король с ног до головы. Надел куртку из зеленого линкольского сукна, зеленую шапку и зеленые чулки.

— Вот теперь я смогу наконец вдоволь поохотиться в моем королевском Шервудском лесу. Дашь ли ты мне свое позволение, Робин Гуд?

И началась веселая охота. Подстрелил король жирного оленя и, довольный, сказал Робин Гуду:

— Пора мне возвращаться в Ноттингем. Но я хочу отблагодарить тебя. Поступай ко мне, Робин Гуд, на службу. Я поставлю тебя во главе большого отряда лучников и щедро тебя награжу.

— Не купить меня никому, даже тебе, король, — хмуро ответил Робин Гуд. — Что станет с моими вольными стрелками, если я их покину?

— Я дарю прощенье всем твоим вольным стрелкам, — обещал король, — пусть с миром идут они по своим домам или поступают в мое войско.

Глубоко вздохнул Робин Гуд. Знал он, что многие стрелки не забыли крестьянский труд. И все же он ничего не ответил королю.

И снова начал король:

— Я прощу друга твоего Ричарда Ли и навеки оставлю Виндсдальский замок ему и его потомству. Что ты на это скажешь?

Еще раз глубоко вздохнул Робин Гуд, но ничего не сказал. Ударил король себя кулаком по колену и воскликнул:

— Хотел я огнем сжечь добрый десяток деревень и перевешать в них вилланов за то, что они помогли тебе взять приступом замок Биркенар. Но я согласен простить их, если ты поступишь ко мне на службу, Робин Гуд.

Дрогнуло от ужаса сердце Робин Гуда при этих словах короля. Словно увидел он перед собой, как пылают соломенные крыши хижин, а на деревьях черными гроздьями качаются повешенные.

— Хорошо, король, я согласен. Высокую плату назначил ты. Кто из вас, друзья мои, пойдет со мной?

Поднялись тут среди стрелков шумные споры.

— Я клялся пойти за Робин Гудом и в огонь и в воду... — сказал Маленький Джон. — Что ж, отправлюсь и в королевский дворец, коли надо, хоть и не по душе это мне.

Пошли с Робин Гудом Маленький Джон, Гильберт Белоручий и еще десятков пять вольных стрелков.

Ричард Ли вернулся в свой замок. Многие стрелки разошлись по деревням. Да вот надолго ли?

А беглый монах, отец Тук, уперся ладонями в бока и сказал:

— Никуда я не пойду из своей лесной обители. И другим не советую в чужом монастыре обедню служить.

Немало людей Робин Гуда осталось в лесу.

А король как был в зеленой одежде стрелка, поехал с Робин Гудом в Ноттингем.

Любил король Ричард веселую шутку.

Увидели дозорные на городской башне, что скачут к Ноттингему вольные стрелки. Всполошились, подняли тревогу.

Начальник городской стражи поспешил со всех ног в ноттингемский замок, где лорды и бароны нетерпеливо поджидали короля Ричарда.

— Беда! — вскричали они. — Убил, видно, Робин Гуд короля! И теперь хочет взять приступом город Ноттингем и сжечь его, как замок Биркенар.

— Уж слишком безрассуден был король Ричард. К кому поехал? К разбойнику! Вот и сложил голову, — говорят между собой лорды и бароны. — Надо скорей садиться на коней и скакать к принцу Джону. Он у нас теперь король — ему и служить будем.

Вдруг видят они: подъезжает к воротам города король Ричард, живой и невредимый, а за ним скачет большой отряд — Робин Гуд со своими стрелками.

Посмотрел король Ричард на своих лордов и баронов и засмеялся...

А они готовы язык проглотить.

Взял король Ричард с собой отряд Робин Гуда на войну. Храбро сражались вольные стрелки в Нормандии, великой славой покрыли они свои имена. Не все вернулись в Англию: пал на бранном поле Гильберт Белорукий.

Но вот утихла на время война. Возвратился Робин Гуд в Англию, и двенадцать месяцев прожил он при дворе короля.

В королевском замке душно от горящих факелов, а кругом только споры да раздоры. Все ненавидят друг друга, а больше всего ненавистен придворным Робин Гуд. Измена, наговоры, предательство на каждом шагу. Понемногу, один за другим, вернулись в свои леса лучники из отряда Робин Гуда. Когда миновал год, остался с Робин Гудом только Маленький Джон.

Однажды состязались воины короля в стрельбе из лука. Захотелось и Робин Гуду попробовать свои силы. Натянул он лук и пустил стрелу в мишень. Промахнулся! Еще раз — и снова промах.

— О горе! — вскричал он. — А ведь еще так недавно был я лучшим стрелком во всей Англии...

— Эх, дядя, — сказал ему королевский шут, — а ты посмотри на себя хорошенько. Был ты, как ореховый прут, а стал, как надутый бурдюк. Пояс на тебе давно не сходится.

— Думаешь, мне весело в королевском дворце? — ответил Робин Гуд. — Тоска грызет меня с первого дня. Растерял я своих верных друзей и сам переменялся: глаз не тот и рука не та! Только одно меня держит: обещал я служить королю. Как же теперь отказаться мне от своего слова?

Но вскоре погиб в бою король Ричард, и в Англии воцарился брат его Джон.

А из Ноттингема стали приходиться вести одна другой страшной. Повесили стражники тех вольных стрелков, которые по своим домам разошлись. Вирисдэльский замок опять в осаде, а на место старого шерифа назначен новый, еще хуже прежнего.

Светлым весенним утром вернулись Робин Гуд с Маленьким Джоном в лесную хижину. Цвел боярышник, свистели и пели птицы. Двенадцать месяцев в году, но всех веселее месяц май.

Вышел из хижины навстречу Робин Гуду толстый отец Тук и, хлопнув себя по круглому животу, воскликнул:

— Звоните во все колокола — Робин Гуд вернулся!

Двух часов не прошло, как выследил Робин Гуд молодого оленя и метко пронзил его стрелой. Радостно сказал он:

— В лесу вернулось ко мне все мое умение, быстрота ног и меткость глаза. Но где она, моя верная дружина? Как мало осталось нас!

Громко-громко затрубил в охотничий рожок славный Робин Гуд. По всему лесу раздался знакомый призыв. И вот отовсюду стали собираться вольные стрелки. Из-за каждого дерева появлялись они, словно зеленый лес рождал их, молодых, веселых...

— Добро пожаловать, наш предводитель, в Шервудский лес! Долго мы тебя ждали!

— Слушайте меня, друзья йомены, — говорит Робин Гуд, — спал с моих плеч тяжелый камень. Никогда больше не уйду я отсюда... Снова мы будем сражаться с ноттингемским шерифом. И Вирисдэльский замок я освобожу — он нам еще послужит. Ого-го, святые отцы монахи! Ату лесничих! Берегитесь, гордые бароны!

Поет стрела — и душа весела.
Дружину я вновь соберу.
Нет счета друзьям, нет песням числа
В зеленом густом бору.

Томас Лермонт

Далеко разносится крик: «Победа! Победа!»

В страхе бегут прочь пугливые олени, тучами поднимаются птицы с прибрежных кустов.

Это радуются победе шотландские воины. Наголову разбили они англичан в жестокой битве. Хотели англичане покорить вольную Шотландию, но не отдали свой любимый край смелые шотландцы. Тесным строем, плечом к плечу, пошли шотландские воины на врага. И не выдержали англичане, побежали...

На берегу славной реки Лидер отдыхает шотландская дружина во главе со своим вождем лордом Дугласом. Шатер для него разбит посреди зеленой поляны, у самого подножия замка Эрсилдун. Но сейчас, ранним вечером, пусто в шатре. Пируют победители в славном замке Эрсилдуне.

Много доблестных воинов собралось в пиршественном зале. Еще не зажили раны, но каждая из них прибавляет чести воину. Лишь рана в спину постыдна.

Владелец замка Томас Лермонт радушно и ласково потчует гостей.

Лучше всех в Шотландии умеет он слагать песни, окрыленные рифмами, лучше всех поет под звуки арфы. Потому и прозвали его в народе «Томас Рифмач». И еще есть у него прозвище «Томас Правдивый». Хорошее имя для певца!

— Пейте и веселитесь, дорогие гости, — говорит Томас Лермонт. — Добрый пир венчает победу.

Улыбается он своим гостям, а глаза у него печальные. Говорят, никогда не сходит улыбка у него с губ, а глаза всегда печальны и глядят вдаль, сквозь людей.

Шумно и весело в зале. Серебряные кубки полны вином, красным как кровь. В деревянных чашах пенится, вздувается белой шапкой крепкое пиво.

Красавицы так и сияют радостью. Сегодня их отцы, братья и возлюбленные покрыли себя бессмертной славой.

Певцы играют на арфах, прославляя подвиги храбрых.

В разгаре пира воскликнул доблестный лорд Дуглас:

— Что же ты сам не споешь нам, сэр Томас? Во сто раз слаще покажется нам тогда твое вино. Скажи мне, правда ли, что арфу твою подарила тебе сама королева фей? Или это просто досужая сказка?

— Сэр Томас — поэт, а кто лучше поэта умеет придумать красивую сказку? — засмеялась одна из девушек.

— Молва эта не лжива, — ответил Томас Лермонт. — Досталась мне золотая арфа в награду на состязании певцов в королевстве фей. Сама повелительница фей заклала мои уста. Не могут они сказать ни слова неправды, если б даже и захотел я покривить душой. Подай мне мою арфу! — приказал он своему пажу.

Принес тот золотую арфу. Много светильников и факелов зажжено было в зале, но казалось, все они разом померкли — так ярко сияла арфа. И вдруг струны ее сами собой зазвенели, словно горные родники. Зарокотали, как дальние водопады.

Смокла арфа. Тут очнулся от изумления лорд Дуглас и начал просить:

— Расскажи нам, добрый наш хозяин, как попал ты в королевство фей. А потом спой нам песню. И если ты спросишь меня, о чем тебе петь, я отвечу: спой нам ту самую песню, что принесла тебе в награду чудесную арфу.

— Хорошо, гости мои, — ответил Томас Лермонт, — я расскажу вам, как я попал в королевство фей. Правда будет моя повесть, но чудеснее всякого вымысла.

Стало в зале тихо-тихо. Оперлись воины на свои мечи и приготовились слушать.

— С тех пор прошло уже два раза по семь лет, — повел свой рассказ Томас Лермонт. — В одно веселое майское утро сидел я на берегу реки Хантли под высоким Элдонским дубом. Могуч и стар этот дуб. Может, ему тысяча лет, а может, и больше.

Стелется перед дубом зеленая лужайка, а в траве виднеют-

ся кольца, словно протоптали их чьи-то легкие ноги. Говорят старые люди, что на этой лужайке феи по ночам хоровады водят.

Сижу я в тени Элдонского дуба, смотрю и слушаю. Река плещется на солнце, словно форель играет. Кричат и поют сойки и дрозды.

Вдруг вддали послышался цокот копыт. Сначала думал я, что это дятлы стучат... Вижу, едет на белом коне прекрасная охотница.

Белоснежная грива коня разделена на мелкие пряди. Каждая прядь пестрым шнуром перевита, на каждом шнуре пятьдесят и еще девять серебряных колокольчиков.

Богато убран конь прекрасной охотницы: парчовая попона расшита крупным жемчугом, стремяна из прозрачного хрустала.

А сама она... будь у меня тысяча языков, я и тогда не смог бы описать ее красоту. Лицо белое-белое, словно лебединое крыло. Черные косы падают до самой земли. Платье зеленое, как молодая трава, мантия горностаем подбита.

Три пары гончих держала она на сворах, шесть борзых бежало вслед за конем. На шее у нее висел охотничий рог, за поясом торчал пучок острых стрел.

Подъехала ко мне прекрасная охотница и остановила своего коня.

Опустился я перед ней на колени:

— Кто ты? Уж не с небес ли спустилась на землю?

— О нет, о нет, Томас Лермонт! Не повелительница я небесного царства, звание мое скромное. Я только королева фей. В добрый час пришел ты сюда, на лужайку, где мы, феи, пляшем по ночам, да еще надел на себя плащ нашего любимого зеленого цвета... Давно желала я встретиться с тобой.

— Что же нужно тебе от меня, королева фей?

— Говорят, Томас, ты лучший певец на земле. Никто не сравнится с тобой в искусстве играть на арфе. Вот и захотелось мне тебя послушать. Следуй за мной — я покажу тебе все чудеса моего королевства.

— О прекрасная госпожа! — сказал я. — Позволь мне поцеловать тебя один только раз, и я пойду за тобой куда захочешь, хоть в рай, хоть в ад.

— О нет, Томас, не проси об этом, — ответила королева фей. — Если поцелует меня смертный, пропадет моя красота, а ты будешь вечно в моей власти.

— Не пугает меня такая судьба. Позволь один раз поцеловать тебя, а там будь что будет.

Под Элдонским дубом поцеловал я королеву фей в розовые губы.

— Теперь ты наш! — воскликнула королева фей. — Но увы! Погляди, что случилось со мною.

Взглянул я на нее... О горе, какая страшная перемена! Черные волосы королевы поседели, словно вороново крыло снегом запорошило. Белое лицо сделалось серым, как олово. Потускнели черные зрачки и ресницы. Паутина морщин покрыла лоб и щеки.

Богатые уборы растаяли, платье выцвело, словно сухая осенняя трава.

Конь превратился в старую, заморенную клячу. Все ребра у клячи наружу, хвост и грива мотаются клочьями пакли.

А вместо благородных борзых и чутких гончих, вижу я, крутится вокруг королевы фей волчья стая — шерсть дыбом, зубы оскалены... Такой у этих волков вид, словно целую зиму не попадалась им добыча.

— Видишь, какой я стала, Томас? Хочешь ли ты и теперь следовать за мной? Если я страшна тебе и противна, то беги — я отпущу тебя на свободу.

— О несчастье! — закричал я. — Исчезла красота твоя, повелительница фей! Но все равно я пойду за тобой, как обещал, хоть в ад, хоть в рай.

— Тогда простись, Томас, с ясным солнцем, простись с зеленой травой, и с каждым кустом, и с каждым деревом. Долго-долго не увидишь ты ни земли, ни неба.

При этих словах сжалось мое сердце от боли и тоски.

Поглядел я вокруг себя... Прощайте луга, и леса, и рощи; прощайте, птицы, и облака, и веселый май, и шумные реки!

Не раз слышал я, что королевство фей прячется где-то глубоко под землей. Но никто из смертных не знает к нему дороги.

Королева фей села на свою лошадь, а меня посадила позади себя. И вот диво: полетела старая кляча вперед, словно ветер, а за нами с воем понеслась волчья стая. Встречные люди от страха на землю падали.

И вот осталось позади все живое. Стелется перед нами пустая равнина. Не видать ни зверя на земле, ни птицы в небе, ни дыма вдали.

— Сойди с коня, мой верный Томас, — говорит королева фей, — положи свою голову мне на колени и отдохни немного. Я покажу тебе три чуда. Видишь ли ты эти три дороги?

— Вижу, королева. Вот там бежит узкая, тесная тропинка. Не на радость она путнику: вся заросла колючим терном и шиповником. И кажется мне, что на каждом шипе капелька крови.

— Это Путь правды, мой верный Томас. Лишь смелые люди с честным сердцем выбирают его. Трудно идти по пути правды, но в самом конце его свет, и радость, и слава.

— А куда ведет эта широкая дорога, королева? По обе стороны ее цветут лилии, и вся она усыпана мягким желтым песком, словно морской берег. Как хорошо, как приятно идти по такой дороге!

— Это Путь лжи, мой верный Томас,— ответила королева.— Многие зовут его дорогой к небу, но в конце этого пути только мрак, и бесславие, и горе.

— Я понял тебя, королева, и никогда не пойду по Пути лжи. Но скажи мне, куда ведет третий путь? Вьется он, словно длинная змея, и теряется вдали в густых папоротниках. То появляется перед взором, то исчезает из глаз, словно прячет его полоса тумана.

— Это дорога в мое королевство, Томас. Не многим смертным довелось ехать по ней. Садись позади меня — и вперед! Сел я позади королевы на лошадь, и помчались мы по пустынной равнине, только ветер свистит в ушах.

— Помни же, Томас: как приедем мы с тобой в мое королевство, ни с кем ни слова! Кто бы с тобой ни заговорил, что бы ты ни увидел, молчи, как немой. И даже королю, мужу моему, не отвечай. Если скажешь ты хоть единое слово в королевстве фей, то никогда не вернешься на землю. Только со мной можешь ты говорить, когда никто не слышит.

Муж мой, король Оберон*, спросит, почему ты все молчишь, а я скажу ему, что унесла твою речь на край света, за далекие моря...

Так говорила королева фей, а тем временем старая кляча неслась все вперед и вперед, а позади бежала волчья стая.

И вот опустилась на нас темнота, словно плотная завеса. Не было видно ни солнца, ни луны. Где-то рядом слышался шум и плеск волн, словно прибой набегал на прибрежные скалы.

Но вот лошадь пошла тихо и осторожно. И почувствовал я, что сапог мой касается воды. Это мы переправлялись вброд через реку.

А потом вторая река попалась нам на пути, глубже и шире первой. Через третью реку наша лошадь пустилась вплавь; теплые, липкие волны набегали на нас.

Тут сказала мне королева фей:

— Знаешь ли ты, что течет в этих реках, Томас? Не вода, а кровь, пролитая в битвах. Когда на земле мир, то реки эти мелеют. А когда разливаются они, как в половодье, то в королевстве фей знают: где-то на земле, над нами, идет война. Не может мой конь достать ногами до речного дна,— нет сейчас мира на земле, Томас.

— Твоя правда, госпожа моя. Бьются между собой короли и бароны. Не щадят они подчас ни старого, ни малого,— говорю я ей в ответ, а самого пробрала такая сильная дрожь, словно подуло на меня ледяным ветром. Вот как страшна дорога в королевство фей!

Долго-долго мы ехали. Наконец заалел вдали свет, будто перед нами выход из глубокой пещеры. Стал я различать темные тени на земле: это — уши торчком — бежали волки. Забелели седые косы королевы фей.

Все яснее становилось вокруг, и увидел я над собой невысокое бледное небо. Лился оттуда свет ни тусклый, ни яркий, словно сам собою, потому что не было на небе ни луны, ни солнца. Никогда не бывает светлее в королевстве фей, будто там целый день стоят ранние сумерки. Не налетают грозы, не льют дожди, только выпадает по утрам густая роса.

И увидел я зеленую долину, гладкую и ровную. А посреди долины стоял королевский замок. Нет ему подобного на земле!

Сто башен у этого замка, и на каждой золотой шпиль. Вокруг идет высокая стена из прозрачного хрустала. Издали видно все, что делается во дворе замка.

Ночью этот замок освещает всю долину. И еще одно чудо: может он поворачиваться в любую сторону, — откуда ни подъедешь к замку, ворота всегда перед тобой.

— Так не забудь, мой верный Томас, — молвила мне королева. — Отвечай вежливым поклоном на приветствия, но никому ни слова! И не бойся ничего — я тебе надежная защита.

Затрубила королева в свой охотничий рог. Опустился подъемный мост, и распахнулись тяжелые золотые ворота.

Взглянул я на королеву и глазам своим не поверил! Снова была она молода и прекрасна. Волосы черны как вороново крыло, а губы ярче цветов шиповника. Даже тогда, когда королева фей казалась безобразной старухой, я продолжал любить ее, но тут полюбил еще сильнее...

— Как же ты мог покинуть королеву фей, Томас Лермонт? — воскликнули при этих словах рыцари и дамы.

— Погодите, погодите, гости мои, не судите меня раньше времени; рассказ мой еще не кончен... Королева фей, как я вам поведал, стала снова молода и прекрасна. Старая кляча превратилась в молодого коня, а волчья стая — в охотничьих собак. Конь плясал на месте, словно не знал усталости, а ведь за минуту до того падали с его боков клочья пены. Весело лаяли и резвились охотничьи собаки.

Въехали мы во двор замка, мощенный голубыми и алыми плитами. Вышли навстречу королеве юные фей-прислужницы.

Не в укор вам говорю, красавицы, были они так хороши собой, что ни одна земная дева не сможет с ними сравниться. Ходят фей легкой поступью, как птицы летят, как волны скользят.

Повели меня фей в пиршественный зал. Стены этого зала могут раздвигаться по желанию. В нем всегда просторно.

Не горели там дымные плошки и факелы. По высокому потолку ходили солнце, луна и звезды в свой положенный черед.

Посреди зала сладчайшим вином били разноцветные фонтаны. Невидимые руки подавали блюда с такими кушаньями, каких на земле и королям не доводилось пробовать.

Искусные менестрели играли на арфах и виолах*. Шотланд-

ский напев сменялся французским, французский напев — сарацинским.

Под звуки музыки танцевали рыцари и дамы. Драгоценных алмазов сверкало на дамах больше, чем росиннок на траве осенним утром. И нет в этом ничего мудреного: ведь феи владеют всеми сокровищами речных вод и земных глубин.

Подошли ко мне рыцари и приветливо заговорили со мной:

— Кто ты, незнакомец, назови свой род и свое имя. Откуда ты? Верно, увлекла тебя с собой какая-нибудь фея? Так и мы сюда попали. Скажи нам, как зовут ее?

Но я молчал.

Сказал тогда один из рыцарей:

— Верно, не хочешь ты назвать свое имя первым. Я подам тебе пример. Меня зовут Гюон*. Некогда имя мое было знаменитым на земле.

— А я — Ланваль*, — сказал другой рыцарь. — Меня увлекла сюда прекрасная фея Сиды, чтобы спасти от верной гибели.

— А я — рыцарь Круглого стола, — вздохнул третий. — Мне велели здесь позабыть мое имя, чтобы не услышал я, как зовут меня на помощь рыцари в битве. Скажи мне: жив ли доблестный король Артур?

Хотел я ответить рыцарю, что уже много веков, как нет вестей о короле Артуре, да вспомнил наказ королевы и вовремя спохватился.

— Оставьте его, — молвил один из рыцарей, — он, верно, дал обет молчания.

Тут рыцари замолчали и только глядели на меня. Один или двое из них показались мне знакомыми. Но как они изменились! Лица у них стали блее снега, глаза блестели, как лед на солнце. А с губ у них не сходила улыбка.

Рыцари, что попали в королевство фей, не знают ни болезней, ни смерти. Века бегут мимо них неслышанные, как никто не считает морские волны. Дают феи пленным рыцарям напиток забвения, и забывают рыцари прежних друзей и родные края. Иначе как могли бы они так беспечно веселиться?

Подвели меня рыцари к высокому помосту, устланному пестрыми коврами.

Посреди помоста стоял золотой трон под парчовым балдахинном. Подлокотники трона были сделаны в виде львиных голов, и при виде меня львы разинули свои пасти и грозно зарычали.

На троне сидели король Оберон и королева фей.

Крикнул мне Оберон голосом, похожим на шум морского ветра:

— Кто ты, человек? Как зовут тебя?

Но я молчал и только склонился в низком поклоне. Засверкали глаза Оберона, как молнии. Еще страшнее зарычали львы.

Засмеялась тогда королева и сказала:

— Не спрашивай его, супруг мой. *Зовут этого рыцаря* Томас Лермонт. Отняла я у него речь и унесла за дальние моря. Но он может петь, когда я прикажу. Я оставила ему дар песни: ведь он лучший певец на земле, а может быть, и здесь.

— Здесь, в моем королевстве? Не поверю я, чтобы он пел лучше моих менестрелей! — гневно ответил Оберон. — Повелеваю устроить завтра состязание певцов. Лучший певец получит в награду золотую арфу. Сама собой говорит она и поет. Готовься к состязанию, Рыцарь, Лишенный Речи.

Так повелел король Оберон.

На том и закончился пир. Отвели меня феи в опочивальню. Едва лег я на мягкие перины, как стала кровать баюкать меня и качать, словно колыбель.

А утром моя подушка разбудила меня. Ласково зашептала она мне в самое ухо:

— Вставай, Томас, вставай! Иди погуляй в саду королевства фей.

Хотел бы я, гости мои, показать вам этот сад! Цветут в нем цветы всех времен года. А посреди сада вырастают вместо роз прекрасные девушки. Качаются девы-розы на длинных стеблях, как на качелях.

В саду встретила мне королева фей:

— Пойдем со мной, Томас, я покажу тебе чудеса моего замка!

— Охотно, королева! Но боюсь, что посрамлю сегодня и тебя и себя на поэтическом турнире.

— Не бойся, Томас, не бойся! Когда ты будешь петь, помни, что никогда не победит тот, кто думает только о награде... Пой так, словно хочешь ты, чтобы песню твою слышали все люди на земле. Чтобы слышали ее внуки и правнуки.

Так, беседуя, пришли мы в замок. Стала королева показывать мне его чудеса.

В портретном зале были изображены прославленные волшебники и волшебницы. Видел я там и седобородого Мерлина, и коварную фею Моргану, и чаровницу ВивIANу, и прекрасную деву-змею Мелюзину*... Все они кивали головами, приветствуя нас.

А другой зал украшали тканые ковры. На одном из них была изображена соколиная охота. Стал я любоваться прекрасным ковром. И вдруг вспорхнул сокол, камнем упал на фазана и принес убитую птицу к ногам королевы. Тогда поднял ловчий свою руку в перчатке, сел на нее сокол, и надел ловчий на его голову колпачок. И все замерло. Долго я смотрел на ковер, но видел только цветные нити...

В третий зал входишь, как в подводное царство. Повсюду сверкали золотые и перламутровые раковины. И вот стали они открываться одна за другой. Вышли из них феи глубоких вод и начали петь и плясать.

Не умолкает веселье в королевстве фей. И на земле не прочь они позабавиться. Носятся в облаках, качаются на солнечном или лунном луче, водят хоромы на зеленых лугах. Феи могут по своей воле становиться меньше стрекозы, меньше мотылька. Тогда прячутся они в скорлупе ореха или спят в чашечке цветка.

Любят феи веселые проказы. Заберутся в ухо спящему, и снятся ему небывалые чудеса. И теперь, гости мои, если случатся с вами во сне небывалые приключения, знайте: это феи вам их нашептали.

Заглядывают феи и в людские дома, награждают добрых хозяек и наказывают нерадивых.

Все это и многое другое узнал я от королевы фей, но не обо всем дозволено мне рассказывать.

Повелел король Оберон поставить посреди луга золотую арфу. Взгляните на нее — она сейчас перед вами!..

И Томас Лермонт указал рукой на арфу. А она в ответ зазвела тихо и радостно.

— И вот, каждый в свой черед, запели певцы под звуки струн, — продолжал свой рассказ Томас Правдивый. — Поет певец, а сам нет-нет да и скосит глаза на золотую арфу.

Много удивительных историй услышал я в тот день, но вот герольд затрубил в трубу и выкрикнул мое имя, а королева фей подала мне знак: «Не бойся, Томас!»

Тут вспомнил я ее наказ. Ни разу не взглянул я на золотую арфу, ни разу не вспомнил о желанной награде. Так я играл на своей арфе и пел, словно все люди на земле слышат меня.

А когда я кончил, то хором воскликнули все рыцари и все прекрасные феи; даже сам король Оберон:

— Вот кто пел лучше всех! Отдайте золотую арфу Рыцарю, Лишенному Речи.

Умолк тут Томас Лермонт, а золотая арфа звонко запела сама собой.

— Отчего же покинул ты королевство фей, Томас Правдивый? — спросил лорд Дуглас. — Отчего перестал служить королеве фей? Соскучился ли ты по земле, захотел ли вернуть себе потерянный дар речи или иное что-нибудь случилось с тобой?

— Не по своей воле покинул я свою повелительницу, гости мои. Вот послушайте! На третий день вышел я в сад — и не узнал его. Ручьи перестали журчать, девы-розы ушли под землю, а веселье фей при виде меня убегали, как испуганные лани.

С лица у рыцарей сошла их вечная улыбка. Тяжко вздыхали они и смотрели на меня печальным взглядом.

А я ни о чем не мог спросить.

Но вот пришла ко мне юная фея; закутанная в черное покрывало. Повела меня фея к своей королеве. Когда проходили мы через портретный зал, то увидел я, что коварная королева

Моргана злорадно улыбается, а фея Мелюзина льет слезы, словно в тот день, когда должна была она навеки покинуть своего смертного мужа.

Седобородый мудрец Мерлин поднес палец к своим губам, будто сказал мне: «Осторожней, берегись!»

В охотничьем зале жалобно завывали собаки, заухали совы...

А когда вошел я в зал глубоких вод, то все раковины одна за другой захлопнулись, и дождем посыпались жемчуга, словно слезы.

Печально встретила меня королева фей:

— Собирайся в путь, мой верный Томас! Я отвезу тебя к Элдонскому дубу, туда, где мы встретились с тобой.

При этой неожиданной вести сердце мое замерло. Начал я молить королеву фей:

— Добрая госпожа, позволь мне побыть здесь еще немного... Еще и трех дней не погостил я в твоём замке и половины его чудес не видел...

— Три дня, Томас? Семь лет пробыл ты здесь. В королевстве нашем время течет не так, как на земле. Но дальше ты не можешь здесь оставаться. Узнай, что демоны ада потребовали дань у короля Оберона — одного из рыцарей, а не то грозят они спалить все наше королевство адским огнем. И я боюсь, что король изберет именно тебя. За все сокровища мира я не предаю тебя, Томас, верный мой рыцарь. Поедем же со мной в обратный путь.

Снова села королева на своего иноходца и посадила меня позади себя. Каким коротким теперь показался мне путь! Казалось, прошел всего один миг — и вот я снова под Элдонским дубом.

До этого не вспоминал я о земле, а тут словно от глубокого сна очнулся.

Опять стоял зеленый май, и на каждом дереве пели птицы. Услышал я их голоса, и тоска моя немного утихла. Но все же трудно мне было расставаться с королевой фей.

— Прощай, прощай, Томас, я должна тебя здесь покинуть.

— О добрая госпожа, подари мне что-нибудь на прощанье, в память о нашей встрече! Пусть поверят люди, что я гостил у тебя.

— Хорошо, верный мой Томас. Я оставлю тебе прощальный дар. Огненные уста твои будут говорить только правду.

— О госпожа моя, возьми назад свой страшный подарок! Иначе не смогу я ни покупать, ни продавать, ни говорить с королем или князем церкви. Знатные люди возненавидят меня, а друзья начнут меня бояться.

— Не проси меня, Томас. Как я сказала, так и будет. Даю тебе еще дар: читать в людских сердцах. Будут они перед тобой прозрачнее хрустала; и ты прочтешь в них прошлое и будущее каждого человека. Вот что нужнее всего певцу, Томас!

— Прощай, королева фей! Но неужели я больше тебя никогда не увижу?

— Прощай, Томас. Настанет день, когда я позову тебя, и мы уже никогда не расстанемся.

При этих словах стало мне и страшно и радостно...

Хлестнула королева фей своего коня и словно растаяла в тумане.

И вдруг услышал я тяжелый стук копыт. Это возвращался с набега рыцарь Коспатрик со своими друзьями и оруженосцами. Поднял Коспатрик свое забрало, и увидел я, что лицо его пылает как огонь, но не от доброй чаши вина, а от злобного торжества.

— Здравствуй, Томас Лермонт! Долго же ты пропадал! Целых семь лет и полгода. На счастье твое, нет у тебя в замке больших сокровищ... Где же ты был все это время?

— Здравствуй, Коспатрик! Гостию я в замке у королевы фей и за все это время не пролил ничьей неповинной крови.

— Ха-ха, Томас, горазд ты на выдумки! Придумай-ка что-нибудь получше. У королевы фей, говоришь ты? А чем она тебя одарила? Похвастайся перед нами.

— Подарила она мне то, что нужнее всего певцу: правдивый язык, Коспатрик, да еще умение читать в сердцах людей. Черная у тебя душа, Коспатрик. Сейчас ты трусливо отомстил своему врагу, когда был он далеко. Сжег его дом, перебил его семью, даже малых детей не пожалел. Вот отчего такая радость на твоем лице! Но не доедешь ты вон до того холма, Коспатрик, как расстанешься с жизнью, хотя ничья рука тебя не коснется.

Выхватил при этих словах Коспатрик свой тяжелый боевой меч из ножен и замахнулся на меня:

— Я заставлю замолчать твой зловащий язык, проклятый филин!

Но друзья удержали его:

— Оставь его, Коспатрик, оставь. А вдруг — кто знает? — он правду сказал. Страшно тогда отомстит за него королева фей. Да нам ведь и некогда. Разделим сейчас поровну захваченное добро и славно попируем.

Вонзил тут Коспатрик шпоры в бока своей лошади и поскакал вперед. Но вдруг из-под самых копыт его коня с криком и шарканьем крыльев выпорхнул большой фазан. Испугался конь — и на дыбы!

Вылетел Коспатрик из седла и тяжело рухнул на землю, ударившись затылком о камень. Тут ему и конец пришел.

Так сказал я правду, как повелела мне королева фей. На пирах ли, в советах, или в бою никто не слышит от меня лживого слова.

Больше не зовет меня король в свой замок, ненавидят меня многие бароны и епископы, оттого что правдивы мои слова. Но я всегда готов восславить красоту и доблесть.

— Так говорит молва! — вскричал лорд Дуглас. — До сих пор думал я, что певец должен только увеселять пиры, но не таков ты, Томас Правдивый! Повесть твоя воистину необыкновенна. А теперь прошу тебя: спой, как обещал, ту самую песню, которую пел ты на состязании певцов в королевстве фей.

Взял Томас Лермонт в руки золотую арфу и запел о верной любви Тристана и Изольды. От самого сердца шла его песня. Верно, о королеве фей вспомнил он, когда описывал красоту Изольды. Верно, о себе думал он, когда воспевал любовь Тристана.

До глубокой ночи слушали гости. Дамы плакали, и даже рыцари не стыдились смахивать слезы.

Наконец гости разошлись.

Когда стало белеть на востоке, лорд Дуглас еще спал крепким сном в своем шатре. Вдруг вздрогнул он и проснулся.

— Эй, мой верный паж, мой Ричард! Кто посмел шуметь возле моего шатра? Кто разбудил меня на самом рассвете?

— О выгляни, господин мой, из своего шатра, и ты увидишь невиданное чудо!

Лорд Дуглас вышел из шатра и увидел: идут по дороге к замку Эрсилдуну белый как снег олень с ветвистыми рогами и белоснежная лань.

А за ними следует толпа любопытных. Люди показывают пальцами и кричат: «Смотрите! Смотрите! Белые олени!» А олень и лань спокойно идут по дороге и не боятся...

Тут сказал сэр Дуглас своему пажу:

— Беги, мой мальчик, со всех ног в замок Эрсилдун и разбуди Томаса Лермонта. Сдается мне, что звери эти к нему посланы.

Побежал паж в замок Эрсилдун с неожиданной вестью.

Провели его к Томасу Лермонту в опочевальню. Вскочил Томас с постели. Побледнел он, слушая слова вестника:

— Сомненья нет! Королева фей подала мне знак. Надо собираться в дорогу.

Повесил Томас Лермонт на шею себе золотую арфу, и жалобно-жалобно она застонала, словно человек в глубоком горе.

Тут простился Томас со своими домашними, вышел из ворот своего замка и последний раз на него оглянулся.

— Прощай, мой отчий дом — замок Эрсилдун! Лежать тебе в развалинах. Зайчиха со своими зайчатами будет гнездиться в твоём очаге. Прощай, серебристая река Лидер, никогда больше я тебя не увижу! Но и в королевстве фей буду я вспоминать о тебе. Печальная моя судьба! На земле тосковал я по королеве фей, а в ее стране буду вечно тосковать по тебе, край мой родной! Никогда не забуду я твои зеленые горы, озера и реки твои! Прощай, Шотландия, и помни мое слово: никогда не переведутся на твоей земле смелые воины и правдивые певцы.

Тут подошли к Томасу Лермонту белый олень и белоснеж-

ная лань. Вместе с ними перешел он вброд реку Лидер и пропал вдали.

Вскочил лорд Дуглас в седло и помчался во весь опор вслед за Томасом Лермонтом. Быстро переправился Дуглас через реку и снова пустил своего коня вскачь по долине. Но Томаса Лермонта уже нигде не было видно. Скрылся он неведомо куда.

Кто говорит, что исчез он в глубине холма: кто — будто бы сам видел, как пропал Томас Лермонт в лесной чаще, но никто никогда не встречал его больше среди живых.

Сбылись слова Томаса Правдивого.

Лежит старый замок Эрсилдун в развалинах, зайчиха со своими зайчатами гнездится в его очаге. Но никогда не переведутся в Шотландии смелые воины и правдивые певцы.

Лорелея

Неподалеку от города Бахараха на берегу Рейна нависла над водой высокая, крутая скала. Со всех сторон она неприступна. Ни трещины, ни выступа. Если нет крыльев, не достичь ее вершины.

Говорят, под скалой, на дне омута, в зеленой глубине живет старый бог Рейна. Построил он себе там прозрачный дворец из хрустала. Рыбы втекают в бесчисленные окна дворца. Водоросли коврами устилают мраморные полы. От жизни в глубоком, темном омуте сумрачным и злобным стал седобородый бог Рейна.

У самой воды раскинулась рыбацья деревушка.

А на краю деревушки в ветхой хижине с почерневшей от дождей соломенной крышей живет бедный рыбак с дочерью Лорой.

Кто не знает красавицы Лоры? Лишь распустит она свои длинные волосы цвета чистого золота, и скроют они ее убогую одежду: кажется, сама королева поселилась в нищем доме рыбака.

Далеко разнеслась весть о красоте Лоры.

Юноши со всей округи собираются под ее окном. Издалека приходят, лишь бы увидеть, как огнем теплятся золотые волосы в глубине темной хижины, услышать, как поет Лора. Много прекрасных песен знает девушка. Все детство провела Лора на берегу Рейна. Потому и слышатся в ее песнях радость Рейна, игра и плеск волн.

Но вот однажды под скалой на берегу Рейна увидела Лора незнакомое молодого рыцаря. Рыцарь заблудился в лесу и вышел к реке на шум волн. Увидел Лору и застыл на месте. Не мог он понять, кто перед ним: водяная дева или лесная фея. С первого взгляда полюбил рыцарь золотоволосую Лору, а она полюбила его.

В этот день напрасно ждал Лору старый отец. Девушка не вернулась домой. Рыцарь увез ее в свой замок Штальэк. Пять раз опоясывала дорога высокую гору, поднимаясь к замку рыцаря. На самой вершине горы высились башни замка.

Стоит перед зеркалом Лора, смотрится в него и не может себя узнать. То на плечо склонит голову, то в шутку нахмурится, то погрозит себе пальцем, и красавица в зеркале, одетая в шелк и бархат, повторит каждое ее движение.

Полюбились рыцарю песни Лоры. Часто он просит:

— Спой мне песню, Лора.

Рука об руку гуляют они в тенистом лесу. Так ярко сверкают золотом волосы Лоры, что на черных вековых соснах как свечи загораются капли смолы. Олени рогами раздвигают листву. Поближе подходят олени, чтобы послушать ее песни.

Смеется рыцарь и сжимает рукоять меча: уж он-то сможет защитить свою любимую и от разбойника, и от хищного зверя.

А старая мать рыцаря не находила себе покоя в своей мрачной башне. Зябнет, дрожит, не может отогреться даже у раскаленного очага. Слуги разгребают горячие угли и горой наваливают дрова в очаг. Стреляют искрами сухие поленья, но не может согреться старая графиня. Зябнет она от злобы, ненависти к бедной дочери рыбака. Золотом сияют волосы Лоры, но не такое золото любит старая владелица замка. Если уж золото, то в монетах и слитках. И что это за приданое — песни?

— Нечего сказать, славное дело задумал ты, сын. Кого ты привел в мой дом? — говорит графиня рыцарю. — От стыда потускнел наш гордый герб. Видно, забыл ты, что в родстве мы с самим королем. Позором хочешь ты покрыть наш знатный род. Разве нет у тебя невесты? Прекрасна она лицом, богата и к тому же дочь знатного рыцаря. Ну что же, воля твоя. Женись на дочери рыбака. Но пусть мое проклятье будет вам свадебным даром.

Опустив глаза, слушает рыцарь суровые речи старой графини. Любит он прекрасную Лору, но и матери послушаться не смеет. Во всем покорен ее воле. Испугался материнского проклятья.

А старая графиня греется у огня, больше не зябнет. Сделала недоброе дело, теперь ей тепло у очага.

Сказал молодой граф Лоре, что выследили охотники в лесу матерого волка. Уехал со своими рыцарями и оруженосцами. В красном свете факелов чужим и страшным показалось Лоре лицо любимого. Всадники выехали со двора замка со смехом и свистом.

Смотрит Лора из окна башни. Не видит она всадников, но видит огни их факелов. Не в лес, а в другую сторону по крутой горной дороге поскакал рыцарь со своей свитой.

Тоскует Лора, от недоброго предчувствия сжимается сердце.

Тяжело отворилась высокая дверь, и вошла старая владелица замка. Движение руки — исчезли слуги.

Старая графиня медленно подошла к Лоре:

— Мой сын обманывает тебя. Не на охоту поехал он. Торопится с друзьями к своей невесте. Повез ей свадебные дары — уже не за горами их свадьба. Нечего больше тебе делать в замке. Впрочем, хочешь посмотреть на свадьбу моего сына — оставайся. Поможешь служанкам на кухне. Много будет у них дел, а твои руки привыкли к черной работе.

Все поплыло перед глазами Лоры. Свечи, старая графиня, темная дверь в глубине зала...

Рванула Лора ожерелье — вокруг нее по полу запрыгал круглый жемчуг. Сорвала с пальцев кольца, с рук — запястья, все бросила к ногам старой графини и убежала из замка.

Всю ночь бежала она по черному лесу. Ушли филины во мраке и тяжело летали над ее головой. Выли дикие звери. Но только одного боялась Лора: повстречать молодого графа. Увидеть, как, переполненный радостью и счастьем, возвращается он от своей невесты.

Только на рассвете добралась она до родной деревни.

Отец встретил ее на пороге дома. Но не ласково, а грозно взглянул он на Лору, и она опустила голову. Опозоренной дочери нет места под его кровом. Пошла она куда глаза глядят, прочь от родного дома.

А у всех ворот соседки. Показывают на нее пальцами, смеются:

— Что, недолго побыла ты графиней?

— Где твои парчовые платья? Где золотые серьги?

— Что ж ты не идешь к венцу с молодым графом?

Целый день бродила Лора по лесу, а к вечеру вышла на берег Рейна, туда, где в первый раз увидела она рыцаря. На страшное дело решилась Лора: утопиться в глубоком омуте.

Луна висит над Рейном, тиха и неподвижна гладь омута. Но вдруг взволновались воды, запенились.

Из самой глубины омута медленно поднялся старый бог Рейна.

Вот он какой, старый бог Рейна! Высунул из воды голову

и плечи. В лунном свете горит хрустальная корона. Длинными зелеными прядями с головы свисают водоросли и речные травы. Ракушки облепили плечи. В бороде играет стая серебряных рыбок. Без страха смотрит на него Лора. Чего ей теперь бояться? Все самое страшное с ней уже случилось.

И тогда сказал старый бог Рейна:

— Знаю, люди жестоко обидели тебя. Но моя обида не меньше твоей. Слушай, девушка. Когда-то я царил над всей здешней страной. Низко кланяясь, приходили ко мне люди. С песнями бросали в воду драгоценности, золотые и серебряные монеты. Молили, чтобы я наполнил их сети рыбой и пощадил их дутлые лодочки. Но прошло время, и люди забыли меня. Все отняли у меня: и славу и мощь. Если ты согласишься, вместе мы можем славно отомстить людям. Дам я волшебную силу твоим песням. Но знай, Лора, в сердце твое не должна проникнуть жалость. Если ты прольешь хоть одну слезу, ты погибнешь.

И, не помня себя от горя, сказала Лора:

— Да, я согласна.

Шевельнул плечами старый бог Рейна, поднялась огромная волна, шодкнула Лору и, не обрызгав платья, не намочив ее башмаков, подняла на самую вершину неприступной скалы.

Схлынула волна. Погрузился в омут старый бог Рейна. А под скалой заперся, забурился гибельный водоворот.

По всей стране прошел слух: злой волшебницей стала дочь рыбака Лора. На закате, убранный речными жемчугами, появляется она высоко-высоко на скале и чешет золотым гребнем свои золотые волосы. Пламенем горят они в лучах заката. Стали звать эту скалу «Лоре-лей» — «скала Лоры». Лорелеей прозвали и саму волшебницу.

Горе тому, кто услышит песню Лорелеи.

Бог Рейна дал чудесную силу ее песням, а ей самой дал забвение. Окаменело ее сердце, незрячим взором смотрит она вниз с крутизны. Никто не может противиться власти ее песен.

Ницему о королевском богатстве поет Лорелея. Рыцарю обещает победу и славу. Покой — старому. Любовь — влюбленному. Каждый слышит в ее песнях то, чего жаждет его душа.

Гибель несут песни Лорелеи. Околдует ее голос, а потом поведет за собой, заманит в страшный водоворот. Прочь отсюда, рыбак! Берегись, пловец! Если достигнет тебя ее песня — ты погиб!

Рыбак бросил весла, и его лодку сносит течением. Забыв обо всем, околдованный песней, смотрит он вверх на Лорелею. Водоворот цепко схватил, закружил лодку. Нет спасенья!

А рыцарь возвратился домой от своей невесты и, не найдя в замке своей любимой, затосковал смертной тоской.

Опостытели ему пиры и охоты. Теперь ему ненавистно даже имя его знатной невесты.

Не умолкая, звучит в ушах рыцаря голос его любимой.

Рыцарь бродит по темным залам. Вспоминает: у этого окна стояла она, в это зеркало смотрелась, а на этой крутой лестнице споткнулась она, и он успел подхватить ее на руки.

— Зачем вы прогнали ее, матушка? — говорит он старой графине, которая дрожит в мехах и бархате у раскаленного очага и уже больше никогда не согреется.

В далекие южные страны в крестовый поход отправился молодой граф. Долгие годы длились его странствия. Но больше, чем полученные раны, жжет и гложет его тоска.

Рыцарь вернулся домой.

Старая мать умерла, не дождавшись встречи с сыном.

Все в замке потускнело, обветшало, истлел флаг на башне, и неразличим герб над воротами. Травы подползли к дверям, пробились между плитами.

Далеко по Рейну плывет недобрая молва о золотоволосой колдунье на скале. Странствующие рыцари, заходящие путники разносят эту молву по всем дорогам. Об этом шепчутся слуги в замке.

Отчаяние и ярость охватывают рыцаря. От горя и тоски мутится разум. Его Лора!.. С мечом бросается на каждого, кто осмелится сказать при нем, что Лора — колдунья.

От страха сжался за дверью верный паж. Один заперся рыцарь в своих покоях. Доносятся оттуда грохот и ляг. Мечом в щепу зарубил рыцарь тяжелый стол, смял золотую утварь, сплющил кубки.

Нет, больше его никто не удержит. Ничьих советов не слушается он. Даже если тень матери встанет из могилы, ей не остановить сына. Граф приказал оседлать коня.

Быстро скачет конь по крутой дороге. Тут бы попридержать коня, а рыцарь еще вонзает шпоры в покрытые пеной бока.

Красным закатным огнем горят вершины гор. Рыцарь выехал на берег Рейна. Но никто из рыбаков не соглашается вести его к скале Лорелеи. Граф обещал им все свои богатства, все, чем он владеет, но жизнь им дороже.

Бросив рыбакам кошель денег, рыцарь прыгнул в лодку и сам взялся за весла. Издали услышал он знакомый голос. Слабо, с перерывами доносит его ветер. Скорей, скорей увидеть любимую. Рыцарь в нетерпении изо всех сил налегает на весла.

Все громче звучит песня Лорелеи. Слышится рыцарю: к себе зовет его Лорелея, торопит. Все простила она. Счастье ближе, ближе с каждым ударом весел!..

Кажется рыцарю: по воздуху плывет лодка. Нет, это не волны — голос Лорелеи плещется вокруг него, переливается через борт. Это не воздух, не ветер — это голос Лорелеи. Слепят глаза золотые волосы...

— Лора! — крикнул рыцарь.

Миг — и водоворот волчком завертел лодку, столбом поднимая брызги вокруг брошенных весел, и ударил ее о скалу.

И вдруг умолкла Лорелея. На полуслове оборвалась песня. Будто разбудил ее голос рыцаря. В ужасе глядит Лорелея: тонет рыцарь. Вот мелькнула его голова и руки среди бушующей пены. Водоворот затягивает его. Слезы обожгли глаза Лорелеи. Видит она: рыцарь не борется с волнами, не хватается за обломки лодки.

Об одном лишь думая — спасти любимого, протянула руки Лорелея. Ниже, ниже наклонялась она и вдруг сорвалась со скалы и упала. Длинные ее волосы поплыли по воде золотым кругом, намокая, темнея. Вместе скрылись в волнах Лорелея и рыцарь.

И тогда донесся со дна отдаленный глухой удар. Говорят, это рухнул хрустальный дворец старого бога Рейна.

С тех пор никто больше не видел старого бога. Окрестные жители давно забыли его.

А Лорелею помнят. Живы еще рассказы о ее золотых волосах, дивных песнях и злосчастной судьбе.

Говорят, и теперь еще иногда в часы заката является Лорелея на скале и чешет гребнем свои длинные золотые волосы. Стало совсем прозрачным ее тело, еле слышным стал голос.

Скалу эту и в наши дни называют «скала Лорелеи».

Гамельнский крысолов

Славен и богат город Гамельн.

На главной площади подпирают небо башни ратуши*. Еще выше тянутся к небу шпили собора святого Бонифация. Перед ратушей фонтан, украшенный каменной статуей Роланда. Мелкими брызгами покрыт доблестный воин Роланд и его знаменитый меч.

Отзвонили колокола святого Бонифация. Пестрая толпа выплывает из высоких стрельчатых дверей собора, растекается по широким ступеням.

Идут богатые бюргеры*, один толще другого. Блестят золотые цепи на бархатной одежде. Пухлые пальцы унизаны кольцами.

Закывают, заманивают покупателей купцы. Прямо на площади раскинулся рынок. Горами навалена снедь. Сало белее снега. Масло желтее солнца.

Золото и жир — вот он каков, славный, богатый город Гамельн!

Глубоким рвом, высокой стеной с башнями и башенками со всех сторон окружен город. У каждых ворот стражники.

Если пуст кошель, на колене заплата, на локте дыра, копыями и алебардами* от ворот гонят стражникики.

Каждый город чем-нибудь да знаменит.

Знаменит Гамельн своим богатством, золочеными шпилями своих соборов. А гамельнцы знамениты скупостью. Умеют они, как никто, беречь свои запасы, множить добро, отнимать у бедняка последнюю денежку.

Наступил засушливый, неурожайный год. В округе начался голод.

А гамельнцам до этого и дела нет. У них амбары полны прошлогодним зерном, гнуты столы от яств.

Уже с осени потянулись толпы голодных крестьян в город.

Решили хитрые купцы попридержать зерно до весны. К весне прижмет крестьянина голод, еще выгодней можно будет продать зерно.

Всю зиму у стен Гамельна, у закрытых ворот, стояли толпы голодных. Лишь стаял снег на полях, приказал бургомистр* раскрыть все городские ворота и беспрепятственно пропускать всех.

Стали в дверях лавок купцы, руки заложив за пояс, животы выпятив, брови строго нахмутив, чтобы сразу поняли: дешево здесь ничего не купишь.

Но тут случилось невиданное дело.

Пока ослабевший люд тащился в город, внезапно со всей округи, из голодных деревень, с пустых полей в Гамельн хлынули крысы.

Показалось поначалу: не так велика беда.

По приказу бургомистра подняли подъемные мосты, все ворота наглухо закрыли и завалили камнями. Но крысы переплывали через ров и через какие-то ходы, дыры проникали в город.

Открыто, среди бела дня, шли крысы по улицам. В ужасе смотрели жители на страшное крысиное шествие.

Голодные твари разбежались по амбарам, подвалам и закромам, полным отборного зерна. И начались крысиные пиры! Крепко призадумались бюргеры. Собрались на совет в ратуше.

Хоть и был бургомистр Гамельна изрядно толст и неповоротлив, но ничего не скажешь — умом крепок. Порой только руками разводили гамельнцы: до чего ж умен, хитер!

И вот, поразмыслив, приказал бургомистр: чтобы избавить Гамельн от неожиданной беды, свезти в город со всей округи котов и кошек.

Скрипят телеги по дорогам в Гамельн. На телегах наспех сколоченные деревянные клетки. А в клетках не откормленные гуси и утки на продажу, а коты и кошки. Всех мастей и пород, худые, голодные.

Въехали телеги на площадь перед ратушей. Стражники

открыли клетки. Во все стороны побежали коты, серые, рыжие, черные, полосатые.

С облегчением вздохнули бюргеры и, успокоившись, неспешно разошлись по домам.

Но ничего из этой мудрой затеи не вышло.

Коты испугались столь обильного угощения. В страхе бежали они от крысиных полчищ. Прятались кто куда, забегали на островерхие черепичные крыши. Худой черный кот залез на кровлю собора святого Бонифация и мяукал всю ночь напролет.

Наутро был вывешен приказ: котов в город заманивать лаской и салом, а из города не выпускать ни одного.

Но куда там! Уже через три дня в Гамельне не осталось ни одного кота.

Что ж, одно не помогло — надо придумать другое. Не сидеть же сложа руки, глядя, как гибнет добро, любовно скопленное, сбереженное, столько раз считанное!

Над Гамельном плывет звон колоколов. Во всех церквях служат молебны от засилья крыс. На папертях монахи продают амулеты. Кто обзавелся таким амулетом — живи спокойно: крыса не подойдет и на сто шагов.

Но ничего не помогало: ни молебны, ни амулеты.

С утра на площади глашатаи трубят в трубы, вызывают на суд крысиного короля.

К городской ратуше стекается народ. Идут купцы со слугами и домочадцами, мастера со своими подмастерьями. Весь город собрался перед ратушей.

Сегодня суд над крысами*. Ждут, что прибудет в ратушу сам крысиный король. Говорят, пятнадцать голов у него и одно тело. На каждой голове искуснейшей работы золотая корона размером с лесной орех.

В ратушу набилось столько народу — яблоку негде упасть. Один за другим вошли судьи и расселись под балдахином на золоченых креслах. В черных бархатных мантиях, в черных шапочках, лица у всех важные, строгие, неподкупные — дрожи крысиный король и вся крысиная братия!

Писцы очинили перья. Все ждали. На малейший звук, даже на шелест упавшей перчатки, разом поворачивались все головы.

Не знали, откуда появится преступный король: из дверей, из темного угла или из-за судейского кресла.

Ждали до вечера. От жары и духоты пожелтели лица судей. Но крысиный король так и не явился.

Делать нечего. Тут же за дверьми изловили большущую усатую крысу. Посадили в железную клетку, а клетку поставили посреди стола.

Крыса, пометавшись, затихла в покорной тоске. Забилась в угол.

Главный судья Каспар Геллер поднялся с места. Вытер платком взмокшее лицо. Пять амбаров с зерном подчистую разграбили у него крысы, опустошили все погреба.

Долго громовым голосом обличал крысиное племя судья Каспар Геллер. Протянув руку над клеткой с крысой, перечислял все преступления, злодеяния и козни проклятых крыс.

После него встал судья Гангель Мун, похожий на разжившую лису: длинный нос, масляные глазки. Был он хитрее всех в Гамельне. Все, чем владел, хранил в сундуках, обитых железом, недоступных крысиному зубу. И теперь смотрел он на всех лукаво, под сочувствием скрывая злорадство.

— Ах, милостивейшие судьи! — сказал Гангель Мун голосом сладким и печальным. — Строгостью к виновным, милосердием к безвинным должен прославить себя судья. Потому не следует забывать нам, что крысы тоже божьи твари, и к тому же не наделены они человеческим разумом...

Но главный судья Каспар Геллер резко оборвал его:

— Замолчи, судья Гангель Мун! Всем известно, что блохи, крысы, жабы и змеи сотворены дьяволом.

Долго совещались судьи. Наконец Каспар Геллер встал и громким голосом огласил приговор:

— «Мы, милостью божьей судьи города Гамельна, повсеместно прославлены своей неподкупной честностью и справедливостью. Среди всех иных тягот, кои великим грузом лежат на наших плечах, озабочены мы также бесчинствами, учиненными в нашем славном городе Гамельне мерзкими тварями, носящими богопротивное имя — крысы. Мы, судьи города Гамельна, признаем их виновными в нарушении порядка и благочестия, а еще в воровстве и грабеже.

Также весьма нам прискорбно, что его величество крысинный король, нарушив наш строгий приказ, на суд не явился, что несомненно свидетельствует о его злонамеренности, нечистой совести и низости душевной.

Посему приказываем и повелеваем: всем упомянутым крысам, а также королю всего крысиного племени к полудню завтрашнего дня под страхом смертной казни покинуть наш славный город, а также все земли, принадлежащие ему.

Дано в Гамельне 5 апреля 1284 года».

Потом крысу, подпалив ей хвост, отпустили, чтобы передала всему своему роду строгий приказ гамельнского суда. Крыса мелькнула черной молнией и пропала.

И все опять, успокоившись, разошлись по домам.

На другой день с утра нет-нет да и подходили к окнам жители. Ждали, что двинутся крысы вон из города.

Но только напрасно ждали. Солнце стало уже клониться к закату, а проклятое племя и не думало исполнять судебный приговор.

А тут вдруг пронеслась страшная весть! Неслыханное дело!

В ночь, как состоялся суд, сожрали крысы у главного судьи Каспара Геллера судейскую мантию и шапочку в придачу.

От такой наглости все только рты пооткрывали. Быть беде!

И в самом деле, крыс в Гамельне все прибывало и прибывало.

По ночам во многих окнах мигали свечи. Догорит одна свеча — от огарка зажигали другую, и так до утра. Сидели бюргеры на высоких пуховиках, не решаясь спустить ноги с постели.

Уже никого не боясь, шныряли крысы повсюду. Привлеченные ароматом жаркого, пробирались на кухни. Выглядывали из углов, поводя носами, прикидываясь: «Чем тут пахнет?» Прыгали на столы, прямо с блюд норовили утащить лучший кусок. Добирались даже до окороков и колбас, подвешенных к потолку.

Чего ни хватаешься — все сожрали, проклятые.

И уже в двери многих домов костлявым пальцем постукал голод.

А тут еще приснился бургомистру такой сон: будто выгнали крысы из домов прежних хозяев. Он, почтенный бургомистр города Гамельна, бредет с нищенской сумой. За ним жена, дети. Робко постучал в дверь своего дома. Дверь распахнулась — на пороге крыса в рост человека. На груди — золотая бургомистрова щель. Махнула лапой — набросились на них другие крысы в шлемах, с алебардами: «Вон отсюда! Нищие! Голодранцы!».

Наутро собрал в ратуше бургомистр всех советников, рассказал свой сон. С тревогой переглянулись бюргеры: «Ох, не к добру это!»

Хоть и были бюргеры один скупей другого, но тут решили: ничего не жалеть, лишь бы избавить город от страшной напасти.

По всем улицам Гамельна прошли глашатаи. Шли они, нарушив строй и порядок, сбившись в кучу, друг к другу поближе. Город как вымер.

На пустынных площадях, на пустынных улицах, на мостах в полной тишине странно и зловеще звучали трубы и голоса глашатаев:

— Кто избавит славный город Гамельн от крыс, получит от магистрата столько золота, сколько сможет унести!

Но прошло три дня, а в ратушу так никто и не явился.

На четвертый день колокол снова собрал всех бюргеров в ратушу.

Бургомистр долго тряс рукавами, подбирал края плаща — не забралась ли крыса? Осунулись, побледнели бюргеры, под глазами черные круги. Куда девались румянец и толстые щеки?

Если уж не помогает обещанная награда, видно, больше ждать спасения неоткуда.

Не выдержав, закрыл лицо руками бургомистр и глухо зарыдал. Все, конец! Погибай добрый, старый Гамельн!

И вдруг все услышали какие-то голоса, шум и движение внизу, на площади.

В зал вбежал стражник и крикнул:

— Крысолов!

В дверь, прихрамывая, вошел странный человек.

Был незнакомец высок и худ. Лицом темен, словно хорошенько прокоптили его над огнем. Взгляд пронзительный. От такого взгляда холод пробежал по спине.

На плечах короткий плащ. Одна половина камзола черная, как ночь, другая красная, как огонь. В черную шапочку сбоку воткнуто петушиное перо. В руке же незнакомец держал старинную, потемневшую от времени дудку.

В другое время, конечно, осторожные бюргеры поостереглись бы такого странного гостя: не доверяли они тощим бродягам. Но сейчас все обрадовались ему, как самому желанному гостю.

Бургомистр, назвав его «любезный мой господин», сам придвинул ему кресло. Судья Каспар Геллер попробовал даже хлопнуть его по плечу. Но тут же, громко вскрикнув, отдернул руку — ладонь словно огнем обожгло.

Слуги спустились в подвалы и принесли бутылки с мальвазией, рейнским и мозельским.

Пришелец схватил бутылку мальвазии, зубами вытащил восковую затычку и, запрокинув голову, одним глотком выпил драгоценное вино. Не останавливаясь, опорожнил подряд девять бутылок.

— А не найдется ли у вас еще хорошей бочки вина? — спросил незнакомец.

— После, после, любезный мой господин, — медовым голосом сказал Гангель Мун, — сначала дело, а потом уже пир.

А бургомистр, уже не в силах сдерживать нетерпение, спросил незнакомца напрямик:

— Скажи, можешь ли ты увести крысиное племя из нашего города?

— Могу, — усмехнулся крысолов. — Эти твари мне подвластны.

— Как? Все до единой?.. — Бургомистр даже привстал с места.

— Я очищу ваш город от крыс. Слово мое, крысолова, крепко. Но и вы свое сдержите. За это дадите мне столько золота, сколько смогу унести.

— Худ как жердь да и хром в придачу. Такой много не унесет... — шепнул бургомистр судье Каспару Геллеру. А потом уже, повернувшись к крысолову, сказал громко и важно: — Всё, как договорились, почтенный наш гость. Обмана не будет.

— Так смотрите не вздумайте нарушить свое слово, — сказал крысолов и вышел из ратуши.

Небо стало вдруг серым и мрачным. Все заволоклось мутным туманом. Вороны, облепившие шпили собора святого Бонифация, поднялись, закружились, усыпали все небо с зловецим карканьем.

Крысолов поднес к губам дудку.

Протяжные звуки полились из дудки.

Слышался в этих звуках щекочущий шорох зерна, струйкой текущего из прорехи в мешке. Беселое щелканье масла на сковороде. Хруст сухаря под острыми зубами.

Бюргеры, стоявшие у окон, ажнули и невольно подались назад.

Потому что на звуки дудки из всех домов стали выбегать крысы. Выползали из подвалов, прыгали с чердаков.

Крысы окружили крысолова со всех сторон.

А тот равнодушно пошел, прихрамывая, с площади. И все до одной крысы побежали вслед за ним. Стоило только умолкнуть дудке, как все несметное крысиное полчище останавливалось. Но опять начинала петь дудка. И снова крысы покорно устремлялись вслед за крысоловом.

Из улочки в улочку шел крысолов. Крыс становилось все больше и больше.

Выглядывали из окон мясники, колбасники, сапожники, золотых дел мастера. Ухмылялись. Что ни говори, а приятно смотреть вслед уходящей беде!

Трактирщик Иоганн Брандт встал в дверях трактира. Крысы так и хлынули из дверей, чуть не сбив с ног толстяка.

Вслед за крысоловом все крысы двинулись к городским воротам. Стражники едва успели укрыться в башнях.

Крысы вышли из города и черной лентой растянулись по дороге. Последние, отставшие, перебегали через подъемный мост — и вдогонку за крысоловом. Все заволоклось пылью. Несколько раз мелькнул черный плащ крысолова, рука с дудкой, петушиное перо...

Удаляясь, все тише и тише звучала дудка.

Через час прибежали в город пастухи. Перебивая друг друга, рассказали:

— Крысолов вышел на берег реки Везер. Прыгнул в лодочку, которая покачивалась тут же у берега. Не переставая играть на дудке, выплыл крысолов на середину Везера. Крысы бросились в воду и поплыли за ним, и плыли они до тех пор, пока не утонули все до одной. А было их такое множество, что из берегов вышел могучий Везер.

Ликует освобожденный от крыс город.

Радостно звучат колокола на всех соборах. Веселыми толпами идут по улицам горожане.

Спасен славный Гамельн! Спасен богатый Гамельн!

В ратуше слуги разливают вино в серебряные кубки. Сейчас не грех и выпить.

Вдруг из-за угла появился крысолов и пошел через площадь прямо к ратуше. Все также была у него в руке дудка. Только одет он был иначе: в зеленом костюме охотника.

Переглянулись бюргеры. Платить? Э нет...

— Жилист и крепок этот крысолов,— шепнул бургомистр судье Каспару Геллеру,— такой хоть и хром, а унесет всю казну...

Крысолов вошел в ратушу. Никто и не поглядел в его сторону. Бургомистр отвернулся, Каспар Геллер уставился в окно.

Но, видно, крысолова было не так-то легко смутить. С ухмылкой вытащил он из-за пазухи мешок. Показался этот мешок бюргерам бездонным.

— Я свое слово сдержал. Теперь дело за вами,— сказал крысолов.— Как договорились. Столько золота, сколько смогу унести...

— Милейший...— Бургомистр в замешательстве развел руками, оглянулся на Гангеля Муна.

— Вот как? Не кошель, не суму — целый мешок золота?.. — хихикнул судья Гангель Мун и в притворном испуге выпучил глаза.

Кто-то еще негромко засмеялся. Ай да хитрец Гангель Мун! Вот как, значит, надо повернуть дело! Золото было обещано в шутку. А бедняга, видно, совсем ума решился: поверил всему. Да еще захватил с собою мешок.

Тут захохотали все. Бургомистр, советники, цеховые старшины*.

— Мешок золота?

— Ха-ха-ха!

— Целый мешок!

— А за что?

— За дурацкие песни? За дудку?

— Уморил!

— Золото ему подавай. А не хочешь ли пинка?

Долго смеялись бюргеры. А странный пришелец молча стоял, и какая-то злобная радость проступала у него на лице. Добро бы просил, требовал обещанное!.. Нет, он молчал.

Хитрец Гангель Мун, с опаской косясь на крысолова, наклонился к уху бургомистра:

— Может, отсыпать ему горсть золота? Так... немного, для виду... А потом обложить податью людей победнее, кто вовсе не пострадал от крыс, потому что и так ничем не владел.

Но бургомистр от него отмахнулся. Откашляясь и голосом важным, но отечески ласковым сказал:

— Дело сделано. Надо, как обещано, расплатиться. По трудам и плата. Кошель серебра и выход из города через любые ворота.

А незнакомец тут же показал себя полным невежей. Кошелька не взял и, даже не поклонившись, повернулся спиной и вышел из зала. После него осталось слабое облачко серного дыма.

Тут уж совсем развеселились бюргеры. Славно вышло: разом избавились и от крыс и от крысолова.

Громко звонят колокола святого Бонифация. Все бюргеры с женами и слугами отправились в собор к воскресной обедне.

И никто из них не слышит, что снова на площади запела дудка.

«Можно! Можно! Можно! — поет дудка. — Сегодня все можно! Я поведу вас в зеленые рощи! На медовые заливные луга! Босиком по лужам! Зарыться в сено! Можно! Можно! Можно!»

Топот маленьких башмаков по деревянным лестницам, по каменным ступеням...

Из всех дверей выбегают дети. Бросив игру, бросив прялку, на бегу подтягивая чулок, дети бегут за крысоловом, жадно ловя звуки дудки.

— Из каждого дома — дети. На каждой улице — дети.

Падают, разбивают коленки, потрут, подуют и бегут дальше. Веселые, с липкими пальцами, за щекой сладости, в кулаке горсть орехов — дети, сокровище Гамельна.

По улице бежит дочь бургомистра Марта. Розовое платье раздувает ветер. А одна нога не обута, только один башмачок натянула в спешке.

Вот уже городские ворота. Дети с топотом пробежали по подъемному мосту. А крысолов уводит их по дороге, мимо вересковых холмов все дальше, дальше...

Шли годы.

Однажды забрел в осиротевший Гамельн слепой странник. За несколько медных монет пустил его трактирщик погреться у теплого очага. Слышал слепой, как стучат о деревянный стол кружки с пивом. И кто-то сказал:

— Откуда ты пришел, старик? Потешь нас рассказом почуднее, и я, так и быть, поднесу и тебе кружку с пивом.

И слепой старик начал рассказ:

— Много земель исходил я, и вот куда однажды привела меня судьба. Трудно слепцу вести счет времени: по теплу, идущему от солнца, по холоду, идущему от ночного неба, отличая я день от ночи. Долго блуждал я по дремучему лесу. Вдруг услышал я звон колоколов. Для слепца звуки то же, что для кормчего свет маяка. Так, идя на звон колоколов, пошел я к какому-то городу. Стражники не окликнули меня. Я вошел в ворота и побрел по улице. Чутко прислушивался я ко всем звукам, стараясь понять, не завела ли меня судьба в недоброе место.

И не мог я не подивиться. Слышал я вокруг себя только мо-

лодые голоса. Как птица летал вокруг меня смех. В этом городе больше бегали, чем ходили. Кто-то вприпрыжку обгонял меня. Кто-то бежал мне навстречу. Слышал я, как мяч ударялся в стену. Все голоса были звонкие. Все шаги легкие, быстрые. И тогда понял я, что этот город населен одними юношами и девушками. И показалось мне: сложен весь этот город из светлого камня и солнечных лучей.

Был я радушно принят в первом же доме, куда постучал. А когда спросил я, как зовется этот город, странную сказку рассказал мне мой юный хозяин. Думаю, посмеялся он над бедным стариком, но я не сержусь на доброго юношу. Вот что рассказал он.

Когда были они маленькими детьми, увел их из родного города человек в зеленой одежде, игравший на дудке. Видно, был это сам дьявол, потому что завел он их прямо в глубину высокой горы. Но не хватило у него власти, чтобы загубить невинных детей, и после долгих скитаний во мраке прошли дети сквозь гору и очутились в безлюдном, диком месте.

Тогда из лесу пришли лани и кормили самых маленьких своим молоком. Без труда приручались дикие козы. Сначала жили дети в шалашах, а потом стали строить город. И легко поднимали они огромные камни, словно камни сами хотели сложиться в стены и башни...

И когда кончил слепец свой рассказ, услышал он старческие вздохи, глухие рыдания, идущие из самой глубины души. Глухой кашель и стоны.

Тогда понял странник, что вокруг него одни старики. И весь город показался ему мрачным, печальным и сложенным из темного камня.

В волнении, прерываемыми от слез голосами стали спрашивать старики:

— Но где же, где же, в какой стороне лежит тот юный, светлый город?

Но ничего не мог им сказать нищий, слепой странник.

Вильгельм Телль

Знаете ли вы, чем прославил себя стрелок Вильгельм Телль? Сколько веков прошло, а люди все еще не забыли о его метком выстреле.

Швейцария — страна гор и озер. Спустишься вниз, в долину, — озеро. Вверх, в горы, поднимаешься — и там вода в каменных чашах. Лежит озеро спокойное, гладкое, греется на солнце. Вырвется ветер из ущелья, обложат небо черные тучи, забушует озеро, закипит, из берегов рвется.

Остерегайся, рыбак, ярости вод! Зазеваешься — гибелью грозят острые скалы. Но каждую скалу, каждый подводный камень знает рыбак. Его скалы, его озера.

Вьются по горам узкие тропы. Там, внизу, пропасть. Но уверенно идет пастух. Знаком ему каждый поворот на опасной тропе. Его горы, его тропы.

Богаты озера рыбой. Леса — дичью. На сочных горных пастбищах мычат и блеют стада. В долинах вызревает виноград, хлеб колосится.

Кто так форель подрумянил, угря закоптил, засолил лосося? Сформировал сыры, нашпиговал бараний бок, набил

тугие колбасы, вызолотил копытца и рожки у косули, снятой с вертела? Золотые руки швейцарцев.

Но не для вас, швейцарцы, эти яства. Австрийским правителям несут их повара и слуги. Несут наместнику Гесслеру под охраной солдат-наемников.

А вам плеск рыбьих хвостов да звон колокольцев на шеях коров и овец. Нужда поселилась в ваших хижинах.

Стоит солдат-наемник посреди Швейцарии, широко расставив ноги, крепко сжимая в руке алебарду. Уже сколько десятков лет стоит здесь. Нанялся солдат — проданся.

Колотят в барабаны — оглохнуть можно!

Кричат глашатаи. По всему Альтдорфу разносится:

— Слушайте! Слушайте! Слушайте! Тюрьма тому, кто не исполнит приказ наместника! Тюрьма тому, кто не исполнит приказ наместника!

Тяжелые времена.

Сидит на колокольне старый звонарь. Смотрит вниз.

Почему вдруг опустели улицы Альтдорфа? Что караулят солдаты на площади?

В это утро Вильгельм Телль собрался идти в город Альтдорф.

Рано-рано вышел он из дома. Может, не пошел бы он в такую рань, да старшему сыну не терпится: до петухов проснулся сын, торопит. Обещал отец сегодня, в день праздника святого Мартина, у знакомого оружейника Конрада подобрать ему небольшой, по руке, самострел*.

Ведь и впрямь вырос сын. И плащ короткий на плечах, как у отца, и ремнями крест-накрест перетянуты ноги до колен, и так же горят на солнце жесткие рыжие волосы. Настоящий горец.

— Вот только бороды нет и самострела за спиной, — усмехнулся Вильгельм Телль.

В дорогу с ними увязался и младший. Упросил отца взять и его с собой в город на праздник. С детьми дорога в три раза длинней.

Лишь в полдень добрался Телль до города. Через городские ворота вышел на улицу Круглых Сыров. Нигде ни души! Все будто вымерло. На всех лавках замки.

Телль свернул на Трактирную улицу. Из трактира не доносятся ни шум голосов, ни стук пивных кружек. Где же трактирщик Винкельрид? Почему он не стоит, как всегда, в дверях своего трактира?

Телль ускорил шаг. Взглянул на мальчиков. Уже недалеко до площади. У старого друга своего оружейника Конрада все узнает Телль.

Телль с детьми вошел в ворота старой башни — в глубокой

нише статуя мадонны. Телль и дети преклонили колена. Из сумрака вышли на залитую солнцем площадь. И вдруг закричали дети:

— Отец, смотри, смотри! Шляпа на палке!

И правда, прямо посреди пустой площади — шляпа на песте. Будто диковинная птица: развеваются на ветру павлиньи перья.

— Какой дурак повесил там шляпу? — удивился Телль. — Для чего?

Около песта три солдата. Словно почетный караул. Чуть поодаль — два барабанщика.

Стоит Телль, смотрит, ничего не может понять. И здесь повсюду наглухо закрыты окна, накрепко заперты двери.

Где же люди? Ушли из города?

Наконец кто-то показался на другой стороне площади. Старик идет через площадь. Время дало ему третью ногу — плетется, опираясь на палку. Остановился старик около песта.

Громко застрекотали барабаны. Пополом согнулся старик, не упал бы! И вдруг понял Телль — шляпе кланяется старик...

А бесстыжие наемники хохочут, толкают локтями друг друга.

Смотрит, смотрит Телль на солдатскую забаву. Согнувшись, словно ему еще с десяток лет прибавилось, уходит старик.

Вот через площадь торопится молодая женщина, ведет за руку мальчишку. Положила женщина руку на затылок сынишки, пригибает голову книзу. И сама кланяется шляпе.

Снова опустела площадь, но ненадолго. Семеро рыбаков идут, тащат на плечах мокрую сеть.

Две алебарды скрестились, преграждая им путь.

— Слепцы, что ли, олухи! Кланяйтесь шляпе! Или вы приказа не слышали? За решетку захотелось?

Привычно рыбакам гнуть спину — целый день, наклонившись, выбирают они сети. Но совсем иное дело — кланяться шляпе. Не глядя друг на друга, чуть нагнули головы рыбаки.

А солдаты орут на них:

— Кланяйтесь шляпе господина нашего наместника Гесслера, да пониже! Да улыбнись ты, парень, не строй похоронной рожи!

Присвистнул Телль: «Вот уже до чего дошло!.. Старая скотина Гесслер! Додумался шляпу свою повесить. Чтобы шляпе кланялись вольные швейцарцы! Мало ему того, что обобраны, ограблены мы, увидить хочет... Чтобы вконец растоптать нашу честь, нашу гордость!»

— Отец! — Младший сын потянул Телля за руку. — А где же праздник? Идем на праздник!

Телль крепче сжал маленькую руку. Взглянул на старшего. У того в глазах тревога.

— Идемте, дети, — и спокойно повел сыновей через площадь.

Радуюсь новой забаве, солдаты скрестили алебарды.

— Пропусти,— тихо сказал Телль и отвел в сторону алебарду.

От удивления рот разинул солдат.

— Да ты что! Да знаешь ли ты!..

— Знаю,— усмехнулся Телль.

— Кланяйся шляпе! — во всю глотку заорал другой солдат.

— Шляпе кланяться? Нет, друг, не каждой голове кланяется Вильгельм Телль, а ты захотел, чтобы кланялся он пустой шляпе.

— Хватайте его!

Вцепились солдаты в Телля, повисли на нем. Багровым стало лицо Телля. Слово канаты, натянулись на шее могучие жилы.

Размахнулся он, ударил в грудь здорового солдата. Охнул солдат, пополам перегнулся.

— Сам кланяйся шляпе, австрияк! — крикнул Телль.

Крепкие кулаки у Телля. Рухнул один солдат наземь, за ним — второй.

— Не слишком ли крупного зверя вы затравили, охотники? — тяжело дыша, сказал Телль. — Не заяц я и не лисица.

— Окружай его! Хватай сзади! — орет длинный как жердь барабанщик.

Бросились барабанщики своим на помощь.

— Берегись, отец,— слышит Телль голос старшего сына.

Успел Телль пригнуться — в воздухе просвистел камень.

— Измена! Бунт! Стража! — кричит солдат, а сам так и стоит согнувшись, распрямиться не может.

И вдруг из всех домой стали выбегать люди на площадь. Со стуком распахнулись окна, со скрипом двери. Взмыли голуби вверх, в тревоге вьются над площадью. Появилась в темном окне голова оружейника Конрада и исчезла. Вот он уже на площади в кожаном переднике, с тяжелым молотом в руках.

Частый, звонкий цокот копыт заставил всех обернуться. Да и не глядя, было каждому ясно, что скачет большой отряд всадников.

На площадь въехал сам наместник Гесслер со своей свитой: сто всадников с копьями охраняют его.

Важно восседает господин наместник на белом жеребце. Из-под тяжелых красных век злобно смотрят маленькие глаза.

А рядом с ним восемь именнейших австрийских дворян покачиваются в тисненых золотом и серебром седлах на вороних конях. Реют яркие перья, сверкают драгоценные камни, блестит переливчатый атлас.

— Что здесь происходит? — проскрипел наместник Гесслер.

Как из-под земли, выскочил вертлявый длинноногий шпион

с головой, втянутой в плечи. Встал на цыпочки, подобострастно доносит наместнику:

— Вильгельм Телль... Смутьян... Срелок...

Медленно повернулся Гесслер к Теллю.

— Правда ли, Вильгельм Телль, что ты отказался исполнить мой приказ?

Спокойно посмотрел Телль в глаза наместнику.

— Не верю, господин наместник, чтобы могли вы отдать такой приказ. Тот, у кого в руках власть, должен быть с людьми прост и великодушен.

— Не веришь? А я вот верю всему, что мне говорят. Наверно, я стар и слишком доверчив. Сказали мне, ты лучший стрелок в Швейцарии, и я поверил. Может, зря?

— Отчего же? В ста шагах я сбиваю яблоко с яблони,— сказал Телль и увидел недобрый огонек в желтых глазах Гесслера.

— С яблони?.. Ну зачем же с яблони... зачем же с яблони...

Закрыв глаза наместник. Можно было подумать, что задремал он в седле, обо всем забыл. Вдруг в сонном лице Гесслера проступило что-то волчье, хищное.

— Ты собьешь яблоко с головы одного из твоих сыновей! — негромко сказал он.

Телль вздрогнул.

— Вы шутите, господин наместник!

— Разве ты когда-нибудь слышал о том, что я любитель шуток? Ты искусный стрелок. Не собьешь яблоко — не уцелет твоя голова. Сама скатится, как спелое яблоко. Где же тут шутка?

— Лучше сразу убейте меня! Кто решится на такой выстрел?

— Отец,— крикнул старший сын,— стреляй! Не бойся. Я не пошевельнусь.

Кто-то застонал, кто-то охнул позади Телля.

За полукружьем блестящих копий — толпа. Ужас на лицах у женщин. Гневом полны глаза мужчин.

— Отмерить сто шагов! — приказал Гесслер.

И опять, неизвестно откуда, выскочил вертлявый шпион и запрыгал на своих длинных ногах, отмеряя шаги. Каждый шаг в три шага.

— Вот сто шагов, сотый здесь, под липой,— донеслось с другого конца площади.

— Каждый твой шаг зачтется тебе, убийца! — крикнули из толпы.

Не ясно было, слышал или нет эти слова наместник, но тем, кто стоял рядом, видно было, как сжались и побелели его пальцы на рукояти меча.

— Возьмите младшего! — тяжело упали слова Гесслера.

Отстранил оружейник Конрад стражника и вышел вперед.

— Господин наместник, — сказал он, — отпустите Телля. Если он и виноват в чем-нибудь, он уже довольно наказан. Даже не взглянув на оружейника, хлыстом отстранил его Гесслер. Грозно повернулся в седле.

— Жду, — сказал он Теллю.

В толпе послышался громкий ропот. Сто острых копий разом уставились на толпу.

— Стойте! Стойте! Остановитесь! — закричал Телль. — Я согласен! Я выстрелю в яблоко.

— Тащите мальчишку к дереву! — приказал Гесслер.

Хотел солдат схватить мальчика — увернулся тот. Как угорь, выскользнул из цепких рук. Сам побежал к лице.

— Дай я завяжу тебе глаза!.. — крикнул оружейник Конрад.

— Не надо! Не хочу! Ведь это отец стреляет!

Солдат-наемник положил яблоко на голову мальчика. Не-подвижно, боясь пошевелиться, стоит он, смотрит на отца.

Снял Вильгельм Телль с плеча свой самострел. Достал из колчана две стрелы, одну из них спрятал у себя на груди.

Все разом замолкли. Многие зажмурили глаза, отвернулись.

Свистнула в воздухе стрела.

— Отец! — зазвенел радостный голос ребенка.

— Жив! Невредим! — словно один человек, вздохнули все люди на площади.

Бежит мальчуган навстречу Теллю — две половинки яблока у него в руках.

А стрела, как живая, покачивается в стволе липы.

Взял оружейник Конрад из рук Телля самострел, чтобы мог отец прижать сына к груди.

Позабыв о Гесслере и его страже, радостно теснились люди вокруг Вильгельма Телля.

И вдруг снова раздался голос наместника Гесслера:

— Скажи мне, Телль, а для чего ты спрятал на груди вторую стрелу?

— У нас, у стрелков, такой обычай, — сказал Телль и прижался щекой к голове ребенка. Пахнут волосы ребенка яблоком.

— Неправду говоришь, стрелок. Обычай вашей страны я знаю. Нет такого обычая. Не трусь, отвечай по совести. Что бы ты ни сказал, я дарю тебе жизнь.

Оружейник Конрад протянул руку — остановить Телля, удержать, но не успел. Телль уже шагнул к наместнику.

— Я скажу. Эта вторая стрела была для тебя. Если бы дрогнула моя рука, если бы попал я в своего сына, второй раз я бы уже не промахнулся...

Посмотрел Гесслер в глаза Вильгельму Теллю и увидел то, чего больше всего страшился.

Нет, не были покорны ему эти люди. Эти горцы. Видно, не зря доносили шпионы, что высоко в горах, куда не может проникнуть ни один солдат, собирается этот грязный сброд. И уже заключен тайный союз трех кантонов. До сих пор не до конца верил он этому. Скольких людей пытал он, допрашивал в подземельях своего замка — ни у одного не вырвал признания. А сейчас понял — все так и есть!

И тогда Гесслер сказал, задыхаясь от злобы:

— Я сдержу свое слово! Я оставляю тебе жизнь, Вильгельм Телль. Но отныне не увидишь ты ни луны, ни солнца. Сгинешь в подземелье моего замка. Схватить его, связать! Всех разогнать! Очистить площадь! Собаки и свиньи! Собаки и свиньи!

Солдаты разогнали народ. Очистили площадь. Связали Вильгельма Телля. А сыновей его увел к себе оружейник Конрад.

Замок наместника Гесслера стоит на берегу озера. Там в мрачном подземелье будет томиться Вильгельм Телль.

Двадцать лодок отчалило от берега. На первой лодке с пурпурным флагом сам господин наместник, с ним восемь именитейших дворян.

Летит ладья наместника по волнам. За ней, как журавлиная стая, несутся другие лодки. Дружно наклоняются гребцы вперед, рывком откидываются назад. На дне ладьи лежит связанный Телль. Не видит Телль родных берегов, но над ним родное небо.

На малиновой бархатной подушке сидит Гесслер. Молодой дворянчик, согнувшись в угодливом поклоне, наливает ему в кубок густое вино из серебряной фляжки.

Недоволен собой наместник. Там, на площади, едва не поддался он страху перед толпой. Но страх не оставлял его и теперь. По пальцам Гесслера потекло вино, проливаясь из кубка. Он повернул голову и увидел, что все вокруг изменилось. Надвинулось небо, набежал вихрь. Бросает лодку с волны на волну.

Убрали парус. С тревогой смотрит рулевой на скалистый берег. Темно стало, как ночью. Голубые молнии прорезают черное небо.

В страхе Гесслер кричит что-то гребцам, но ветер уносит слова — топят их в волнах. Все сбились в кучу, попадали на дно лодки. Намокли плащи, повисли на шляпах перья. Гесслер цепляется за скамью.

Ветер гонит лодку прямо к берегу, на острые скалы.

Кричит рулевой — руки ко рту приставил. Трудно прорваться слабому человеческому голосу сквозь грохот волн.

— Прикажите, господин наместник, развязать Телля! Один Телль может нас спасти — он лучше всех знает эти скалы.

— Развязать его! — приказал Гесслер. — Отдать ему руль-

С трудом пробирается рулевой к Теллю. Разрезает скользкие, намокшие веревки.

Бушует Озеро четырех кантонов*. Белая полоса вокруг скал — полоса смерти.

Ведет Телль ладью. С трудом взберется ладья на гребень кипящего вала и скользит с крутизны. Без конца — то вверх, то вниз; то в небо, то в преисподнюю. Все ближе, ближе берег. Вот уже видна скала с плоской вершиной.

Взглядом меряет Телль расстояние. Опять навалился на руль. Кормой разворачивается ладья к скале — черпает бортом воду.

Как барс перед прыжком, весь напрягся Телль. Вскочил на борт и словно перелетел через гребень высокой волны. А когда рассыпалась волна, все увидели Телля. Ветром взметнуло короткий плащ над головой. Скользят ноги Телля по мокрому камню. Как канатоходец идет Телль по узкому краю скалы. Еще минута — и скрылся Вильгельм Телль.

Спрятали Телля родные горы.

Кончилась буря. Звезды зажглись в небе. Последние дождевые капли лениво перекатываются с листа на лист, тяжело падают на землю.

Через горный перевал, по опасным тропам идет стрелок. Самый короткий путь выбирает. Не остановится, не передохнет.

Только в одну пастушью хижину зашел он. И хоть недолго там задержался, зато вышел оттуда не с пустыми руками. Снова в руках у Вильгельма Телля самострел. Луна ему в помощники нанялась — освещает дорогу к замку.

Вот он, замок наместника. Показались черные зубцы стен. Опущен подъемный мост, движутся пятна света. Больше всего факелов на мосту и у ворот — слуги ждут своего господина. Верно, уже давно выслали к самому берегу оседланных коней. Вот-вот появится наместник.

Раздвигает кусты стрелок, ждет.

Из-за поворота дороги выехал Гесслер со свитой. Сзади устало плетутся солдаты.

Тщательно целится стрелок.

Немало диких зверей убил он в горах. Прожорливых кабанов, свирепых медведей, хищных волков. Но этот зверь всех прожорливей, всех беспощадней!

Летит стрела.

Не промахнулся стрелок. Даже не охнув, валится на бок австрийский наместник. Кинулись солдаты к Гесслеру. В испуге на дыбы встал конь — сбросил с себя седока. Вниз с обрыва в пропасть покатился всадник, и вдогонку с грохотом посыпались камни.

Растерянно столпились солдаты на краю обрыва.

А Вильгельм Телль потайной тропой ушел в горы, туда, где ждали его верные друзья.

Звонят, звонят колокола на колокольне в Альтдорфе.

Как песня о свободе звучат они.

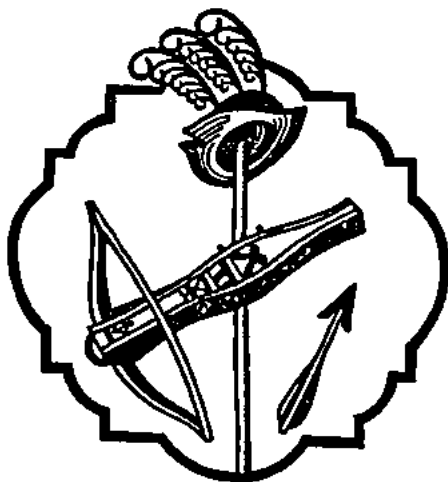
Славят колокола выстрел Вильгельма Телля.

Отозвались все колокола Ури и Шварцвальдена. Из кантона в кантон понеслась радостная весть.

Оружейник Конрад работает день и ночь со своими подмастерьями. Кует он мечи и наконечники для стрел. Уходят в горы и вооружаются вольные швейцарцы.

Не сразу придет желанная свобода. Еще восемь лет будет страна томиться под гнетом австрийцев. Но настанет тысяча триста пятнадцатый год, и в великой битве при Моргартене разобьют пастухи и крестьяне австрийское войско. Навсегда уйдут австрийцы с швейцарской земли.

Звоните, звоните, колокола свободных кантонов, славьте подвиг Вильгельма Телля!

Дон Жуан

Жил в городе Севилье молодой дворянин по имени дон Жуан Тенорио.

Природа щедро наградила его красотой и умом. Любезный, веселый, приветливый, дон Жуан владел даром привлекать людские сердца. Даже хмурые старики, беседуя с ним, начинали улыбаться.

Он был смел — и доказал это в двух военных походах.

Он был богат и знатен, но не кичился своим богатством. Дон Жуана любили за простоту и щедрость.

Отец его дон Луис воспитал сына с большой заботой и во всем служил ему добрым примером. Когда дон Луис говорил о своем сыне, то высоко поднимал голову и глаза его светились гордостью.

Как-то раз он сказал дон Жуану:

— Сын мой, тебе уже двадцать лет. Пора подумать о женьтебе. Я не хочу принуждать тебя жениться на богатой и знатной, как делают иные не в меру суровые отцы. Ты волен выбрать невесту себе по сердцу.

Дон Жуан ответил со вздохом:

— Я сам думаю, что сыновний долг велит мне искать невесту. И я приглядывался ко многим девушкам. Порою одна из них казалась мне прекрасной и достойной любви, но, когда я смотрел на нее пристально и долго, в красоте ее проступал изъян, незаметный вначале недостаток, и я уже не мог о нем забыть. О если бы можно было найти женщину совершенной красоты! Мне кажется, я не буду счастлив, пока не найду ее.

— Сын мой, ты на ложном пути,— с печалью и тревогой ответил дон Луис.— Ты выбираешь жену, как знаток выбирает картину. Полюби свою избранницу всей душой, взгляни на нее глазами любви, и она покажется тебе совершенством. Вот путь к счастью. Я любил твою матушку и не находил в красоте ее ни одного изъяна. Шли годы, а жена моя становилась для меня все милее и милее. В моих глазах матушка твоя всегда оставалась совершенством красоты. Вот мой совет: выбери себе невесту по сердцу и не гляди на нее никогда холодным взглядом оценщика. Любовь довершит остальное.

Внимательно выслушал дон Жуан эти слова и подумал, что отец его, может быть, прав.

Не прошло и месяца, как дон Жуан обручился с девушкой настолько милой и прелестной, что из тысячи красавиц нельзя было бы выбрать лучше.

Дон Луис был рад от души и готовился ласково встретить невесту в своем доме.

В доме с утра до вечера сутились мебельщики и обойщики. Слуги чистили серебряные подсвечники. Повара точили ножи и вертела, как солдат точит оружие накануне боя.

Осталось только два дня до свадьбы, когда дон Жуан навестил свою нареченную, чтобы, по обычаю, вручить ей богатый подарок.

Как раз перед самым его приходом девушку что-то огорчило, и она не сумела согнать с лица тень досады. Жених заметил, что лицо ее изменилось и словно подурнело. Губы стали тонкими и прямыми. Глаза потускнели и сузились.

Пристально посмотрел дон Жуан на свою невесту и не нашел в ней прежней прелести. В тот же день он расторг помолвку под каким-то пустым предлогом.

По городу поползли слухи, что неспроста дон Жуан отказался от невесты перед самой свадьбой. Девушка плакала, не осушая глаз. Погибло ее счастье, потеряно доброе имя.

Дон Луис сурово спросил сына:

— За что ты бросил свою невесту?

— Отец, глядеть на нее было бы для меня мукой,— ответил дон Жуан.— Я бы страдал всю жизнь, словно каторжник, прикованный к веслу галеры. Нет, я не могу на ней жениться.

Брат покинутой девушки вступился за ее честь и вызвал дон Жуана на поединок, но в искусстве фехтования дон Жуан

не знал соперников. Шпага его поражала быстро и страшно, как молния.

Только скрестились шпаги, как брат невесты упал на землю с проколотою грудью. Раненого принесли домой на носилках. Он еле дышал.

Как только раненый немного оправился, он вместе со своей семьей навсегда покинул Севилью. Но, уезжая, он поклялся, что когда-нибудь отомстит обидчику, страшно отомстит. Так у дон Жуана появились первые враги.

Прошло немного времени и дон Жуан посватался к девушке из небогатой семьи. Родители девушки были польщены и обрадованы. Какое счастье для бесприданницы!

Новая невеста дон Жуана была так хороша собою, что, когда она молилась в церкви, люди смотрели больше на нее, чем на изображения святых.

Дон Жуан часто навещал невесту и не сводил с нее придирчивых глаз, но лицо девушки всегда оставалось ясным и светлым. Она глядела на своего жениха, и улыбалась. На беду, приехала из деревни ее замужняя старшая сестра. Была она толстой, краснолицей простушкой. Увидев дон Жуана, сестра громко ахнула:

— Ого, какой барин к нам посватался! Что за красавчик!

«И моя нареченная, быть может, станет похожа на эту глупую бабу», — со страхом подумал дон Жуан... и отказался от невесты.

Как только дон Луис узнал об этом, он поспешил к покинутой невесте, чтобы утешить ее. Он назначил девушке большое приданое и обещал найти для нее хорошего жениха. Но покинутая невеста не слушала утешений. Она потеряла рассудок с горя.

И тогда дон Луис сказал сыну:

— Уезжай из Севильи. Пусть утихнут шум и пересуды. И мне тоже нужно время, чтобы успокоиться. А сейчас мне слишком больно глядеть на тебя.

Дон Жуан уехал в Мадрид. Первое время ему было тяжело и грустно. Он винил себя в том, что случилось, и проводил ночи без сна, вспоминая укоры своего отца.

Но в Мадриде все было так удивительно, так необыкновенно! Дон Жуан завел себе новых друзей, был представлен ко двору и понравился королю. Блеск придворных балов ослепил дон Жуана. Он больше не вспоминал Севилью.

Как-то раз в одном знатном доме дон Жуан увидел девушку удивительной красоты. Казалось, возле нее никогда не может быть темно, так светились ее глаза.

То была дочь старого командора ордена Подвязки, дона Гонсалеса де Ульоа. Командор прославился во многих сражениях. Вражеские мечи оставили на его лице глубокие шрамы.

«Вот она, моя подлинная избранница! — думал дон Жуан,

глядя на дочь командора донну Анну*.— Кончились мои поиски. Эта девушка — совершенство красоты*.

И он попросил руки донны Анны.

Нашлись люди, которые пробовали остеречь командора.

— Недобрые слухи ходят про дон Жуана, — говорили они. — Дон Жуан, как рассказывают, человек непостоянный. Нельзя ему верить.

Но дон Жуан так понравился командору, что старик не стал никого слушать.

А донна Анна отвечала:

— Я люблю его, и он меня любит. Отец мой согласен. О чем же больше говорить?

И она велела отказать от дома всем, кто осмеливался чернить ее жениха.

Дон Жуан был счастлив. Ждали только приезда его отца из Севильи, чтобы отпраздновать свадьбу.

Как-то раз жених с невестой сидели на скамье в большом саду, посреди которого стоял дворец командора. Донна Анна наклонилась, чтобы сорвать розу.

День был солнечный и ветреный. Облака то и дело закрывали солнце, и по лицу донны Анны пробегали золотые и темные тени. Дон Жуану показалось, что оно изменчиво, как отражение в зыбкой воде фонтана. Невольно для себя он стал вглядываться.

Вдруг дон Жуан с ужасом сказал себе:

«Не может быть! Как я не замечал раньше? Правый глаз чуть светлее левого... И черты лица не безупречны, нет в них полной соразмерности. Одна бровь чуть выше другой. Нижняя губа как будто чуть-чуть припухла. Донна Анна красива, но она не та единственная, которую я искал. Я снова ошибся и поймал только призрак совершенной красоты. А может быть, и нет ее на свете и все поиски мои напрасны? Я опять обманут!»

При этой мысли словно нож вонзился в сердце дон Жуана, он с холодной злобой сказал донне Анне:

— Поглядите на эти розы! Они хороши, не правда ли? А знаете ли вы, что на Востоке из лепестков роз выжимают масло? Довольно пролить две-три капли, и зимою покажется, что вокруг цветет розовый сад. И это большая радость для одиноких. Я подарю вам флакон розового масла.

Донна Анна с удивлением посмотрела на своего жениха. Его лицо показалось ей бледным и холодным, как сталь меча. А дон Жуан продолжал:

— Вы умеете вышивать розы, донна Анна?

— Да, и очень люблю.

— Вот занятие, способное скрасить многие часы печали и воспоминаний.

При этих словах девушка все поняла. Она с достоинством встала и вошла в дом.

Отцу она сказала:

— Отец, верните дон Жуану Тенорио его слово. Я никогда не выйду за него замуж. Ни за него и ни за кого другого. Командор увидел, что донна Анна глубоко оскорблена. Он не стал расспрашивать дочь, а только сказал:

— Хочешь ли, чтобы я отомстил за тебя?

Донна Анна покачала головой.

— Но, может быть, ты со временем примешь сватовство другого жениха? Я ведь не вечен. Что ты будешь делать, одинокая, в пустом и печальном доме?

— Я буду вышивать розы,— ответила донна Анна с грустной улыбкой.

А дон Жуан покинул Мадрид и уехал в дальние края. Он побывал в Италии, во Франции, в Англии и всюду продолжал поиски совершенной красоты. Многие женщины казались ему прекрасными, но ненадолго. Каждый раз — и все быстрее — приходило разочарование.

А те, которых покинул дон Жуан, не забывали его так легко. Они грустили и плакали. Одна умерла с горя, другая ушла в монастырь, третья бросилась в реку...

Мужья, отцы или братья вступались за оскорбленных женщин.

Дон Жуана вызывали на поединок; клинок ударял о клинок, но дон Жуан всегда выходил победителем.

Сердце дон Жуана становилось все более недоступным для жалости.

«Пусть разбиваются эти грубые глиняные поделки,— думал он,— эти женщины, которые стараются выглядеть прекрасными при помощи белил, румян, златошвеек, кружевниц и портных. Это не я обманщик, а они обманщицы. Но донна Анна... Никого не любил я так, как донну Анну. Помню, в тот злосчастный день тени пробегали по ее лицу... Что, если глаза изменили мне и донна Анна все же совершенство красоты? Я хочу увидеть ее опять!».

Дон Жуан вернулся в Мадрид. Но в дом командора ему не было доступа, а донна Анна, как ему сказали, нигде не бывала. Даже молилась она только в домашней капелле*.

Здесь — и невидима! Здесь — и недоступна! Но разве дон Жуана можно остановить, если он что-нибудь задумал? Нет для него преград!

Однажды в темный осенний вечер дон Жуан перелез через высокую стену и незамеченным пробрался в сад командора. Окно в покоях донны Анны еще светится. Значит, она не спит.

Напротив окна рос высокий платан. Дон Жуан забрался на него и, цепляясь за ветви, заглянул в комнату.

Донна Анна читала книгу. Она побледнела и осунулась за эти годы, но самый взыскательный художник не захотел бы подправить в ее лице хотя бы одну черту.

Вдруг донна Анна подняла глаза. Она увидела за окном бледное лицо с черной бородой. Книга выпала из ее рук. Донна Анна бросилась из комнаты и стала звать на помощь. В доме захлопали двери, застучали ноги бегущих слуг. Дон Жуан быстро спустился по стволу платана и спрыгнул на землю. Из дверей дома выскочили слуги с факелами и погнались за ним.

Дон Жуан стал отступать к ограде сада, обороняясь от наседавших на него людей ударами шпаги. Слуга дон Жуана сидел верхом на стене и держал наготове лестницу. Дон Жуан уже поставил ногу на первую ступеньку, как вдруг на него бросился со шпагой в руке сам старик командор.

— Что ты делаешь в моем саду, негодяй! — крикнул командор. При свете факелов он узнал дон Жуана. — Стой, говорю тебе, и защищайся!

— Ты осмелился оскорбить меня? — И дон Жуан скрестил свою шпагу со шпагой старика.

Силы были слишком неравны, и командор упал на траву мертвым.

Велик был гнев короля. Герой многих войн, прославленный полководец убит ночью у порога собственного дома! Схватить убийцу и предать беспощадному суду! Но дон Жуан скрылся бесследно. Золото всюду открывало дорогу беглецу. Король объявил преступника вне закона. Но в тот же самый день дон Жуан благополучно отплыл от берегов Испании на собственном небольшом корабле.

В одном из портов Франции его нагнало письмо отца.

«Уже много ночей не сплю я, думая о тебе, — писал ему дон Луис. — Люди потеряли счет твоим жертвам. Каждый раз, убивая на поединке, ты отсекаешь клинком часть собственной души. Ты убиваешь самого себя. Опомнись, сын мой, пока сердце твое еще не совсем омертвело».

Дон Жуан разорвал письмо отца на мелкие клочки. Плыть дальше, дальше, как можно дальше...

Он старался не вспоминать про донну Анну. Тогда ли он ошибся, когда поверил в ее совершенную красоту, или тогда, когда в ней усомнился? Кто знает? Он всегда решал быстро и раз навсегда, но здесь ничего решить не мог.

И дон Жуан упрямо продолжал свои поиски совершенной красоты. У него уже не было и тени надежды, но и отказаться от поисков он не мог. Иначе в его жизни не осталось бы никакого смысла.

Теперь он все меньше и меньше страдал после каждого разочарования. Понемногу дон Жуану стали казаться забавными его любовные приключения. Забавными, и только. Он смеялся, и в сердце его не было прежней боли, а только колод камня. Так было легче, так было совсем легко!

Дон Луис узнал, что имя его сына превратилось в обидную

кличку. Какого-нибудь ветреника, непостоянного в любви, называли в ссоре дон Жуаном, и оскорбленный хватался за шпагу.

Прошло несколько лет. Старый король умер, а молодой любил веселых собеседников. Он вспомнил о дон Жуане, простил его и снова призвал ко двору.

Дон Жуан приехал в Мадрид. Он купил великолепный дом и стал принимать множество гостей. В доме его не умолкала музыка, рекой лилось вино. Для такой жизни нужно было много денег, и дон Жуан решил жениться на богатой вдове. Она была немолода, нехороша собой, но что из того! Дон Жуана это не смутило. Теперь ему было все равно!

Он часто бывал при дворе как самый приближенный человек, рассказывал королю множество забавных историй, и молодой король смеялся без конца. Он говорил, что дон Жуан настоящий его наставник. Многие с Испании ненавидели дон Жуана, но враги его могли надеяться только на тайную месть. Кто посмел бы напасть открыто на королевского любимца?

Неожиданно дон Жуана навещил отец. Дон Луис приехал в Мадрид, но предпочел остановиться не у сына, а на постоялом дворе...

Волосы дон Луиса побелели, глаза потухли, спина сгорбилась, словно сыновний позор лег на его плечи огромной тяжестью.

Дон Жуан учтиво встретил отца, усадил его в кресло и велел подать завтрак.

Наступила минута молчания. Дон Луис с трудом начал разговор:

— Я много слышал о тебе, сын мой, последнее время...

— В самом деле, слава моя так велика?

— Слава может быть белой или черной, как день и ночь, — ответил дон Луис. — Разве тебе все равно, каким ты останешься в памяти людей? Есть имена, которые светят вечным светом. А ты, как пожар, оставляешь после себя черный, выжженный след. Теперь про любого ветреника говорят: «Он настоящий дон Жуан», как злого человека зовут Иродом, или предателя — Иудой, или...

— Список можно продолжить, если вам угодно, — прервал отца дон Жуан. — Но оставим это. Не хотите ли отведать каплуна? Повар мой, право, недурен. Кстати, у меня есть для вас радостная новость, отец. Я, наконец, женюсь. Согласитесь, пора! На этот раз не беспокойтесь — не раздумаю.

— Да, я слышал, ты женишься на вдове, на богатой вдове, на сундуках с золотом. О, если бы ты начал тем, чем кончил, я меньше бы презирал тебя! Во имя чего же страдало столько людей? Зачем ты покидал невест, убивал мужчин? Так вот чем кончились поиски совершенной красоты!

— Совершенная красота? Ее нет на свете, — улыбнулся дон Жуан, — я был глупым мечтателем. Нет совершенной кра-

соты! Нет любви! Нет верности! Басни! Рассказни! Смехотворные выдумки!

— Что же есть? — спросил дон Луис, бледнея.

Дон Жуан поднял свой бокал из венецианского стекла так, что лучи солнца заиграли в вине, красном, как кровь, и ничего не ответил. Багровый отблеск упал на лицо дон Жуана...

Тогда дон Луис встал и промолвил:

— Мне страшно быть с тобою... Прощай, сын мой, в этой жизни мы больше не увидимся... — И он пошел к выходу. У порога он все же обернулся и взглянул на сына.

Но дон Жуан не побежал за отцом и не вернул его, а продолжал медленными глотками пить вино.

Вечером дон Жуан пошел в один кабачок посмотреть на пляски цыган. Сопровождал его только один молодой паж. Дон Жуан надвинул шляпу на глаза — он не хотел быть узнаваемым.

Вдруг в глухом переулке на него напало несколько наемных убийц. Лица их были закрыты масками. Плащи оцетинились, прикрывая оружие...

Дон Жуан был отважен до безрассудства, но он понял, что надо спасаться бегством. Для таких головорезов нет законов чести — заколют в спину. Такая смерть казалась ему омерзительной и постыдной.

Дон Жуан бросился бежать, свернул в одну улицу, в другую, миновал какой-то пустырь и вдруг увидел перед собой одинокую часовню. Он с силой рванул дверь. А, не заперта! Дон Жуан проскользнул внутрь и очутился в полумраке. Огонек лампы не мог рассеять густые тени.

Дон Жуан перевел дыхание, поглядел вокруг и увидел надгробную статую. Наверное, она была изваяна по образу и подобию того, кто был похоронен в этой часовне.

Высокий воин из белого мрамора нес вечную стражу над могилой. Тяжелая рука горделиво лежала на щите. На нем был вырезан фамильный герб.

В часовню, запыхавшись и дрожа, вбежал испуганный паж:

— Сеньор, убийцы, кажется, потеряли наш след. Мы можем спрятаться здесь до утра, а дверь припрём изнутри.

— Недурная выдумка! Не прикажешь ли мне лечь спать без ужина вот на этой надгробной плите? Я сейчас так резво бежал, что не прочь закусить. Кто сегодня приглашен ко мне на ужин?

— Сегодня? Кажется, никто, сеньор. Вы собирались заочевать в кабачке.

— Ах, черт! Это досадно! В кабачок сейчас не сунешься — прирежут, как барана. Но погляди на это каменное чучело — как оно на нас пялит свои белые глаза. Прочти-ка надпись на могиле. Я хочу узнать, кто здесь похоронен.

Паж засветил свечу и поднес к надписи.

— Сеньор, это могила командора Гонсалес де Ульоа, сказал он, запинаясь.— Надпись гласит: «Здесь ждет благороднейший кабальеро, чтобы заслуженная месть постигла наконец его жестокого убийцу».

— Ба, командор, старый знакомый! — воскликнул дон Жуан. Опасность разгорячила его, и в нем кипело веселое бешенство.— Знаменитый командор, доблестный воин, ты вел за собой в сраженья многие знамена! А теперь стоишь здесь, высеченный из камня. Была ли слава твоя бела как день или черна как ночь? Теперь тебе все равно! Все равно! А помнишь ли, как ты ругал меня негодяем? Вот же тебе! — И дон Жуан схватил статую за мраморную бороду.— Приди ко мне на ужин сегодня, мой неудавшийся тесть, слышишь? Живот твой, верно, сосях от долгого поста...— И дон Жуан, отвернувшись, пошел прочь.

Тут молодой паж закричал не своим голосом:

— Сеньор мой, статуя кивнула головой. Она кивнула головой!

— Что ты мелешь, трус? У тебя от страха в глазах двоится,— спокойно отвечал дон Жуан. Но все же он не захотел ни минуты долее оставаться в часовне и вышел на улицу. Будь что будет!

Скоро убийцы заметили его и снова бросились в погоню.

А скрыться было негде. И справа и слева тянулись белые каменные стены.

Ветер бросал сухую пыль в глаза. Слышался лай собак, кто-то поспешно запер ворота...

Редкие прохожие шарахались в стороны. Крестьянин спрятался за спину своего мула. Монах перекрестился и нахлобучил капюшон. Только оливы и смоковницы выглядывали из-за стен и протягивали навстречу дону Жуану длинные темные руки.

Дон Жуан решил прислониться спиной к стене и дорого продать свою жизнь. В нем уже разгорелась знакомая радость боя.

Вдруг он услышал стук колес, и из-за поворота улицы выехала карета, запряженная четверкой лошадей.

Дон Жуан рывком открыл дверцу и на ходу прыгнул в карету.

В карете сидела молодая дама с дуэньей. Обе они вскрикнули.

— Не бойтесь, благородные дамы,— стал успокаивать их дон Жуан.— Я не грабитель. За мной гонятся по пятам наемные головорезы, и я в смертельной опасности. Но если я встретил вас, то скажите хоть слово, и я выпрыгну из кареты.

Молодая дама крикнула кучеру, который в испуге придержал лошадей:

— Гони во весь опор! Быстрее!

При звуках знакомого голоса дон Жуан вздрогнул. Донна Анна... Это была донна Анна! Пораженный, он не сразу мог найти слова для благодарности. Донна Анна сказала ему:

— Выходите из кареты, сеньор. Вы уже на людной улице. Здесь вам ничто не грозит. Я должна была бы вонзить вам в сердце кинжал, чтобы отомстить за смерть моего отца. Но этого я не сделаю. Пусть небо покарает вас.

Карета остановилась. Дон Жуан отворил дверцу и оглянулся на донну Анну. Факелы стражников озарили ее лицо. И дон Жуан увидел, ясно увидел: она была совершенством красоты. Дверца захлопнулась, и карета покатила дальше.

Дон Жуан стяхнул с себя оцепенение и словно нехотя, тяжелыми шагами направился домой. Вскоре и молодой паж благополучно вернулся и начал рассказывать слугам чудеса о своей храбрости. Трех головорезов наколол на шпагу!

Дон Жуан сел за стол и велел подать себе ужин, досадуя на одиночество. Оно оставляло слишком много простора для мыслей. Паж еще не совсем твердой рукой налил вина в бокал и зажег восковые свечи.

«Если б свершилось чудо,— думал дон Жуан, опершись локтем на стол,— если б донна Анна простила меня.. Но нет, что пользы! Я уже не могу любить по-настоящему. Слишком много страшных дел совершил я. Я словно камень скатился с крутого склона, и ничто уже не вернет меня на вершину! Но и жить без донны Анны я не могу... Слышал я, что пираты заставляют свою жертву пройти по доске, прежде чем низринуть в кипящее море. Я сам погнал себя на погибель. Вот он — конец доски».

Вдруг где-то внизу на улице возле входных дверей послышался какой-то непонятный шум. Казалось, что в дверь ударили тяжелым молотом. Испуганный крик, топот ног.

Дон Жуан нахмурил брови. Какая буйная ватага посмела ломиться в его дом?

В комнату вбежал привратник и сказал заплетающимся языком:

— Сеньор мой, в двери стучится какой-то гость... Только, сеньор, он каменный. Ей-богу, я не пьян! Вот и другие слуги видели, но они убежали, сеньор. Шмыгнули вверх по лестнице, словно мыши. Этот каменный идол говорит, будто вы его позвали на ужин. И как грохнет каменным кулачищем в дверь, чуть в щепки не разбил. Ей-богу, я не пьян...

— А ведь верно, я его пригласил,— ответил дон Жуан твердым голосом.— Ступай же и прими Каменного гостя с низким поклоном. А ты, паж мой, возьми подсвечник и посвети гостю на лестнице! Ну же! Что вы стали? Идите, я вам говорю!

Привратник и паж вышли.

Что-то со стуком покатилося по ступеням мраморной лест-

ницы. Верно, паж выпустил подсвечник из ослабевшей руки.

Раздались шаги мерные и тяжелые, как будто шагал в ногу целый отряд воинов. Посуда на столе запрыгала, зазвела. Вбежал испуганный паж.

— Спасайтесь, сеньор, спасайтесь, если жизнь вам дорога! Каменный гость на пороге...

— Пусть войдет, — усмехнулся дон Жуан. — Теперь мне все равно!

Дверь распахнулась с такой силой, что одна из створок соскочила с петель и рухнула с грохотом.

Тяжело ступая большими плоскими ступнями, вошла статуя командора. Огни свечей легли набок и выпустили синие дымные языки.

— Вот я, дон Жуан! Ты звал меня, — сказал Каменный гость таким голосом, словно все ветры мира загудели в печной трубе.

— Здравствуй, Каменный гость, я рад тебе. Эй, паж, принеси больше свечей, придвинь золоченое кресло! Убежал... Хорошо, я сам принесу тебе кресло. Ты устал так долго стоять, командор. Побеседуем.

— Дай мне твою руку, дон Жуан, если ты рад мне. Дай пожать твою руку!

— Вот она, бери! — твердо и бестрепетно отвечал дон Жуан. — Ты мертв, да ведь и я не живее...

Каменный гость медленно взял руку дон Жуана и сжал, словно в тисках.

Дон Жуан застонал от боли:

— Пусти меня! Пусти меня, командор! О донна Анна! Или и не было тебя никогда? Проклинаю свое безумие! Проклинаю зеленую землю, проклинаю солнце, проклинаю все, что я погубил, — счастье, любовь, верность...

И тут глухо задрожала земля, раздвинулся навощенный пол под ногами, и Каменный гость с дон Жуаном провалились в бездну.

И земля снова сомкнулась над ними.

„Летучий голландец,“

Было это лет триста пятьдесят назад, а может быть и больше. Теперь уже никто не скажет нам, как звали капитана этого корабля. Перелистывая пожелтевшие книги и старые судовые журналы, говорят одни, что, верно, это был капитан Ван Страа-тен из прекрасного города Дельфта*. Клянутся другие, что звали его Ван дер Декен.

Но как бы то ни было, в одном сходятся все: капитан этот был самым злым и самым свирепым человеком на свете. О нем говорили, что он всегда носит толстую плеть с свинцовым шариком на конце. А во время грозы его рыжая борода вспыхивает огнем.

Корабль его плавал и к далекой Яве, и к берегам Индии, и к Антильским островам. Там, где разбивались и погибали другие суда, его корабль оставался цел и невредим — ни одной пробоины, ни одной царапины на днище. Казалось, корабль заговорен, и все ему нипочем: и бури, и водовороты, и подводные рифы. Всюду сопутствовала капитану необыкновенная удача. Его знали во всех портах обоих полушарий. Был он тщеславен

и горд, как сам дьявол, любил золото, но слава была для него дороже золота.

Экипаж был под стать капитану: висельники, отпетые мерзавцы, головорезы. Какой честный матрос согласился бы по доброй воле служить под началом этого капитана? Одно имя его наводило ужас.

Он перевозил все: перец, корицу, шелка. Не брезговал и живым товаром. В трюме нечем было дышать. Рабы умирали десятками от болезней и голода.

Не беда! Мертвых за борт! Если в живых останется половина, все равно удастся перепродать их с барышом.

Акулы жирели, следуя за кораблем. Они не отставали от него: знали, что будет пожива.

— Мои главные рыбешки! — говорил капитан этим тварям. — Сегодня вы наелись досыта. Завтра опять устрою вам пирушку.

Говорят, при случае он поднимал черный флаг и нападал на торговые корабли. Но кто бы мог обвинить его в этом, ведь живых свидетелей не оставалось!

Когда капитан шел по узким улочкам портового городка, даже старые моряки стаскивали шапки с голов и гнули окостенелые от старости спины. Не успеешь поклониться, попробуешь его знаменитую плеть.

Он входил в кабачок. А за ним с гоготом и криками вваливалась его команда. Посетители старались незаметно убраться из кабачка подобру-поздорову. Даже забияки с пудовыми кулачищами разом скисали.

У хозяина тряслись поджилки. Он побыстрее начинал поворачиваться среди бочек с пивом. Один взгляд капитана — и его ноги становились проворней, чем ноги молодого оленя. Хозяин тащил на стол бутылки с лучшим вином, жареных индеек и каплунов. Он даже не смел заикнуться о плате.

И вот тогда, при робком мигании свечей, попыхивая длинной трубкой, капитан начинал свои рассказы.

О том, как в бурю рухнула фок-мачта*, но он все равно провёл свой корабль через кольцо рифов, хотя каждая волна грозила разнести его в щепки.

На севере его корабль чуть не затерло льдами. Мимо проплыла трехмачтовая шхуна, вмерзшая в айсберг. Люди облепили мачты, молили о помощи. Но и это не заставило его повернуть назад. Три матроса из его команды сошли с ума. Что ж! Он нашел для них неплохое лечение: за борт, в ледяную воду.

Капитан умолкал и придирчивым взглядом пробегал по лицам слушателей. Да они словно онемели! Смотрят на него не мигая. В глазах застыл ужас.

И тогда гордость переполняла его. Еще бы! Он — любимчик моря! Море послушно ему!

Горе тому новичку, кто осмеливается нарушить это молчание и вставить хоть слово:

— Помню, и я в тех же широтах, однажды...

Друзья начнут его толкать локтями в бок, да поздно.

К нему поворачивается бешеное, побагровевшее лицо капитана. Синие, пронзительные глаза мечут молнии. Удар кулака — и несчастный падает замертво. Потом двое матросов за ноги выволакивают его за порог, и всё, поминдай как звали...

Говорили, что проклятый капитан молится дьяволу и дьявол во всем ему помогает. Снова и снова выходил он в море и каждый раз возвращался с богатой добычей. Такая уж ему во всем дьявольская удача.

Однажды капитан должен был совершить плавание из Атлантического океана в Тихий океан, от острова Мартиника* к островам Хуан Фернандес*.

— Плыть в марте месяце мимо мыса Горн?* — говорили другие капитаны. — Кто на это решится, кроме него?

Когда уже грузили на корабль последние бочки солонины, подошел к капитану богато одетый юноша.

Он был чужим в этих краях и ничего не знал о страшной славе капитана.

— Отец моей невесты живет на одном из островов Хуан Фернандес, — сказал юноша капитану. — Он тяжело занемог и хочет благословить нас перед смертью. Если вы доставите туда меня и мою невесту, я щедро расплачусь с вами.

Принял их на борт капитан вместе с слугами и поклажей и вышел в море. Подпоил он одного из слуг и узнал, что юноша богат и везет с собой много золота.

По приказу капитана схватили матросы молодого испанца и бросили в море, а за ним следом всех его слуг.

— А ты, красотка, выбирай что хочешь! — крикнул капитан девушке. — Или будешь моей служанкой, или ступай вслед за своим женихом.

— Будь проклят, убийца! — воскликнула девушка. — Пусть же ты никогда больше не увидишь берега! — И бросилась в бездонную пучину.

Капитан только засмеялся сатанинским смехом. И словно в ответ послышался рев и свист урагана. Он налетел с запада.

Корабль как раз подплывал к мысу Горн.

— Беда! Пропали мы! — испуганно заговорили матросы.

Мыс Горн!

На погибель морякам высится тут черный утес, вечно окутанный туманом. С грохотом дробятся волны, разбиваясь о скалу.

Здесь сталкиваются течения двух океанов. Даже в такую погоду нелегко плыть мимо этой скалы.

— Мыс Горн — вход в преисподнюю! — говорят моряки. Но капитан и не думает повернуть назад.

Встречный ураган! Тем лучше! Обогнуть в такую погоду мыс Горн! Будет о чем порассказать, вернувшись в Дельфт.

Водяные горы обрушиваются на корабль. Град пляшет по палубе. Ледяной коркой покрываются мачты и снасти.

Корабль, весь треща и дрожа, карабкается на волну. Но всякий раз ветер отбрасывает его назад. Вот уже вторую неделю псом на привязи крутится корабль на одном месте.

В разрывах быстро несущихся туч то блеснет, то спрячется месяц.

Ужасна буря в зеленом свете месяца. Все перемешалось: клочья туч и обрывки пены. В волнах ныряют льдины и обломки разбитых кораблей. Видно, подмешался в эту дрянную похлебку и сам дьявол, потому что все, что может выть, беситься и бросаться на скалы, собралось сейчас тут.

Да, буря устроила тебе неплохую ловушку, капитан.

Море столько лет баловало тебя. Подбрасывало тебе топутный ветер, то штиль, то легкий шторм. А теперь оно решило показать, что ты такой же простой моряк, как и все остальные, такая же игрушка моря.

Капитан ослеплен яростью. О горе, он совсем потерял голову! Ему кажется, что буря уносит его славу вместе с клочьями парусов, флагом и кусками мачты.

Как? Повернуть назад, а потом людешки будут рассказывать, что он уступил, струснул, сдался? О конечно, при нем они будут молчать. Но разве он сможет стереть улыбку с их лиц, заткнуть им рты, едва только он отвернется. Они будут втихомолку издеваться над ним!

В ужасе смотрят матросы. Невесть откуда появился огромный черный ворон и уселся на мачте.

Ветер рвет канаты, ломает реи, а ворону все нипочем — он только топорщит перья.

«Кар-р!.. Кар-р!» — своим зловещим карканьем он словно пророчит им гибель.

— Сто чертей и тысяча ведьм! — кричит капитан. — Пусть дьявол заберет мою душу! Я обогну этот проклятый мыс Горн, даже если мне придется плавать до Страшного суда*.

Молнии, свившись в клубок, падают на корабль. Ворон с хриплым карканьем кружит над палубой.

Дьявол поймал тебя на слове. Ты проклят, капитан! Ты будешь плавать вечно. Тебе никогда не обогнуть этот мыс. Неслышной силы ураган будет всегда поджидать тебя около мыса Горн. Волны станут стеной, ветер отшвырнет твой корабль назад.

Сколько времени утекло с тех пор, никто не знает. На этом корабле больше никто не ведет счет времени. Никто никогда не сошел с этого корабля на берег.

Несется по волнам корабль-призрак. Даже имя у него стало

другим. «Летучий голландец» — так теперь называют его люди.

Вечно вперед и вперед. «Летучий голландец» не может остановиться. В тщетном усилии замедлить страшный бег впились в дно якоря. Долго пахали якоря дно, пока не лопнули якорные цепи.

Тоска по земле, по родине поворачивает его к берегу. Но едва лишь покажется вдали полоска земли, невидимая сила отталкивает, отбрасывает корабль от берега.

Беду предвещает встреча с «Летучим голландцем» посреди бушующего моря.

У того, кто его увидел, кровь стынет в жилах. Вот огромная волна подняла его на свой гребень. Нет, это не корабль, это только остов корабля. Он весь светится красным светом. Ветер свистит между ребрами шпангоутов*. Сломаны мачты, перекутаны канаты. Но до отказа надуты ветром рваные паруса. Нет, это не матросы сгрудились на его палубе, это призраки. А вот и проклятый капитан. Он стоит на носу корабля. Ветер вздыбил дырявый плащ за спиной.

«Летучий голландец» соскальзывает с волны. А ветер ревет все громче. Все выше вздымаются волны. словно «Летучий голландец» выпустил на волю все ветры и бури.

А те, кто увидел корабль-призрак, уже прощаются с жизнью. Горе морякам, утратившим мужество в час опасности! Им уже не совладать с бурей.

Только немногим счастливым удается уцелеть после встречи с «Летучим голландцем».

Вот что рассказывали английские моряки.

Трехмачтовый парусник «Глостер» шел к берегам Англии.

Вдруг среди бела дня, справа по борту, словно поднявшись из глубин моря, появился «Летучий голландец». Стоял штиль, но с немыслимой скоростью летел «Летучий голландец», будто был у него свой собственный ветер, надувавший его рваные паруса. Мгновенно он оказался возле «Глостера» на расстоянии одного кабельтова*.

От «Летучего голландца» отвалила лодка. Пронзительно закрипели уключины, когда навалились на весла матросы-призраки.

Люди на «Глостере» словно окаменели.

Лодка подошла совсем близко, и на палубу упал холщовый мешок. Ветхий холст расползся, и по палубе рассыпались письма.

И тут же как сгнула лодка. Пропал из глаз и «Летучий голландец».

С ужасом смотрели моряки на эти письма, не смея подойти к ним.

Громко вскрикнул юнга. Страшно мальчишке! Тут и бывалых моряков бьет дрожь. Море спокойно, и пропал из виду

«Летучий голландец», но как спастись, когда вот они, проклятые письма!

Все равно увлекут их эти клочки бумаги в пучину моря.

И тогда сказал старый матрос, с волосами белыми, как морская соль:

— Есть только одно средство, чтобы нам спастись. Слышал я о нем, когда еще был молод, от моряков, таких же старых, как я сейчас. Надо взять письма с «Летучего голландца» и прибить их гвоздем к фок-мачте*. Тогда «Летучий голландец» потеряет власть над нашим кораблем.

Самые отчаянные из матросов поспешно, торопя друг друга, прибивают письма к фок-мачте.

«Глостер» сходит с намеченного курса. Скорей в ближайший порт! Лишь бы избавиться от этой страшной почты.

Письма мертвецов пришли на родину.

Молодая голландка в белоснежном чепце с удивлением берет из рук почтальона мягкое, пожелтевшее письмо.

Странный адрес написан на нем: «Розе ван Хольц, на улице святого Николааса, в доме, где скобяная лавка, напротив трактира «Зеленый гусь».

Немало походил почтальон по городу с этим письмом. Давно уже нет трактира «Зеленый гусь», нет скобяной лавки, где-то на чердаке ржавеет ее железная вывеска.

Девушка роняет листок и боится поднять его.

Письмо адресовано ее прабабке, которая вот уже много лет покоится в могиле.

А «Летучий голландец» продолжает свой не знающий конца путь...

Сколько раз упорно и безнадежно возвращался он к мысу Горн! Но всякий раз, как щепку, подхватывал его яростный ураган, кружил в воздухе и отбрасывал назад в море.

Горе кораблю, если повстречается ему посреди океана «Летучий голландец» — предвестник верной гибели!

Испытывает ли радость его жестокий капитан, вымещая свою злобу и отчаяние на встречном корабле? Или устал он тащить за собой груз проклятий и слез?

Кто знает!

Как неприкаянный носится он по волнам морей и океанов. Сегодня светит ему Южный Крест, а завтра — созвездие Большой Медведицы.

Желанна и заманчива для него смерть. Измученный бесконечным странствием, сколько раз правил капитан свой корабль на скалы! Но скала, обернувшись волной, мягко подстилась под дырявое днище корабля.

На вечные скитания осужден «Летучий голландец».

Так гласит легенда.

Доктор Фауст

Доктор Фауст бросил колбу на пол.

Зазвенели осколки стекла, и густые капли ярко-шафранного цвета брызнули на каменные плиты. А еще недавно он считал эту жидкость драгоценной! В ней были соединены самые чудодейственные элементы из всех известных алхимикам*: «лилия» и «красный лев». Только так мог родиться эликсир «великий магистерий», иначе именуемый жизненным эликсиром.

Доктор Фауст создал его согласно тайным рецептам алхимиков.

Этот эликсир, говорили они, может превращать неблагородные металлы в золото, излечивать все болезни, даровать бессмертие людям.

И что же? Эликсир «великий магистерий» не превратил свинец в золото, а больной, испивший всего несколько капель этого снадобья, скорчился, как от яда, почернел и умер.

— Жизненный эликсир — обманчивая мечта, заблуждение... Природа не отдает так легко своих тайн! — воскликнул доктор Фауст. — Я опять — в который раз! — шел по ложной

дороге. Отец мой, алхимик, скончался среди своих колб и реторт, обманувшись во всех своих ожиданиях, и сам я стою у порога смерти с пустыми руками... Скоро меня положат в могилу вместе с пером, чернильницей, бумагой и книгами, как хоронят война вместе с его мечом.

Вечереет. В рабочей комнате доктора Фауста становится все темнее. Впрочем, комната эта и днем напоминает склеп. Каменные своды нависли над самой головой. Окна с частой решеткой, похожие на пчелиные соты, с трудом пропускают свет сквозь толстые цветные стекла.

В углах чернеют рычаги и колеса. Там стоят диковинные машины, похожие на скелеты рогатых чудовищ. Они уже заржавели. Прислонены к стене большие летательные крылья. Но кто когда-нибудь взлетал на них?

На столах круглые колбы, гнутые реторты с журавлиными носами, перегонный куб, мраморные ступки, весы с длинным коромыслом, песочные часы... В сосудах жидкости всех цветов: мутно-опаловые, зеленые, карминно-красные.

На стенах связками висят целебные растения. Здесь был даже похожий на человечка корень мандрагоры*, о котором говорили, что мандрагора кричит страшным криком, когда ее выкапывают из земли. Некогда задался Фауст целью: восстановить сожженное растение из пепла и золы, как делали иные алхимики, и понял — это фокус шарлатанов. Бросали они семена растений в золу и проращивали их.

Астролябия*, небесный глобус... А небо по-прежнему полно загадок! Много лет изучал он астрологию* и составлял гороскопы*. Но в нем зародились сомнения. Он проследил судьбы трех людей, родившихся в одну и ту же минуту, а значит, при одном и том же расположении светил. И что же? Один из них стал богачом, другой — бездомным нищим, а третий утонул в детстве. Вот до чего были различны их судьбы! О лживая наука — астрология, ты не больше способна предсказывать будущее по звездам, чем гадалка по картам!

Фауст печально оглянулся кругом. Сколько надежд похоронено в этих стенах! И все же он начал бы поиски и опыты снова, если б не был так стар.

Время — не песочные часы! Стоит перевернуть их — песок посыплется и опять начнет отсчитывать минуты. Но кто возвратит человеку его молодость?

Доктор Фауст, шаркая меховыми туфлями, прошел из рабочей комнаты в свой тесный кабинет.

Сколько книг! Полки с книгами от пола до самого потолка. Некоторые из них прикованы к полкам железными цепями. Свитки пергамента на столе и на полу.

Фауст опустился в кресло и забюхотел худые, морщинистые руки. На нем мантия, подбитая лисьим мехом, и теплая шапочка. Стоит весна, а ему холодно! В семьдесят шесть лет кровь уже плохо греет.

— Кровь моя холодна, как у ящерицы, — невесело улыбнулся он. — А огонь в душе все не гаснет, и это тоже одно из необъяснимых чудес природы.

Ящерица! Только он произнес это слово, как на память ему пришла саламандра — дух огня*.

Фауст повернулся к очагу, где висело на цепях железное кольцо. В кольцо был вставлен большой глиняный тигель, а внизу под тиглем лежала груда поленьев.

Начертав в воздухе магический знак, Фауст громко произнес заклинание. Он призвал духа огня. И сейчас же дубовые поленья в очаге запылали сами собой. Из пламени выглянула и весело заплясала маленькая юркая саламандра. Уж она-то не была холодна — в комнате сразу стало жарко.

— Саламандра, друг мой! — сказал ей Фауст. — Из всех стихийных духов природы я люблю тебя больше всего. Ты сродни мне. Духи воды — ундины — холодны и равнодушны. Сильфы — духи воздуха — летучи и непостоянны. Дух земли слишком могуч и грозен: его вид, его грозный голос страшат меня. Но с тобой я охотно делю свое одиночество. Вот беда моя, слышишь ли, саламандра! Я так же сильно, как в юности, жажду высшего познания, но не достиг его, а силы мои уходят...

Саламандра вдруг замерла на железной цепи в очаге и, свесив огненный хвост, казалось, внимательно слушала Фауста.

Фауст снял с полки несколько больших манускриптов* и, сгибаясь под их тяжестью, побрел к очагу.

— Вот книги, которые я создал. Долгие годы я писал их. Эта — «Ключи ада» — о тайнах магии, эта — о лекарственных травах, эта — о движении небесных тел... И все же правды в моих книгах слишком мало, а ошибок нет конца. Я уничтожу мои книги, как разбил колбу с бесполезным эликсиром, чтобы они не плодили новых ошибок. Сожги их, саламандра, обрати их в пепел!

И Фауст начал одну за другой бросать раскрытые книги в пылающий огонь. Листы зашевелились, почернели, по ним пробежала красная полоса. Но вдруг огонь погас. Саламандра метнулась вниз и скрылась среди обгорелых поленьев.

— Так ты не захотела сжечь мои книги, саламандра! Ты убежала от меня! — гневно вскричал Фауст.

Фауст упал в кресло и уронил голову на грудь. К чему все магическое искусство заклинаний! Ему ли повелевать капризными духами стихий, зоть он и безмерно выше их разумом!

Дверь скрипнула, просунулась рука с горящей свечой, и в комнату вошел ученик доктора Фауста — Кристоф Вагнер. Фаусту на миг показалось, что это ученик *серый*, почти бесцветный, как серая моль, которая живет в книжной пыли. Да, вот к чему не приходят видения!

— Вы сидите без света, дорогой доктор. Вздремнули или, может быть, я неосторожно прервал нить ваших мыслей?

— Она порвалась сама собой, мой друг,— тихо ответил Фауст.

— И вам не удалось прийти к выводу, который достойно увенчал бы труды этого дня? Как жаль!

— Нет, напротив, к выводу я пришел. Более того, я узнал итог всей моей жизни.

— Неужели? Он, должно быть, необъятно велик. Поведайте мне о нем, учитель.

— Скажу в двух словах: я — невежда!

От неожиданности Вагнер даже покачнулся и чуть не уронил подсвечник.

— Как — невежда? — ахнул он.— И это говорит Иоганн Фауст, «философ философов», доктор богословия, краса и гордость нашего Виттенбергского университета? Не вы ли всегда побеждали в ученом споре прославленных мужей науки, легко разбивая любые доводы?

— И все-таки я только невежда! Трижды неуч!

— Ушам своим не верю! Вы — великий врач, математик, астролог, алхимик... Вы столь же славный, как Теофраст* в древние времена или Парацельс* в наше время.

— И все же я жалкий неуч! Слава моя не по заслугам.

— Доктор Фауст — неуч! Разве не изучили вы языки латинский, древнегреческий, арабский, халдейский, французский, английский, испанский...

— Да, изучил настолько, что с трудом говорю на своем родном языке.

— И наконец, разве не учились вы искусству магии в университетах Кракова, Толедо, Саламанки? Стоит вам прочесть заклинание, и духи природы покорны вашему зову.

— Послушайте, Вагнер! Я подобен человеку, который стоит на берегу океана и собрал полную горсть цветных камешков. Это все, что подарили ему морские волны. Где-то там за горизонтом лежат неведомые страны, прекрасные острова, но нет у него корабля, чтобы достичь их. О пыльные книги, неужели я никогда не узнаю больше того, что написано на ваших страницах? Как я любил вас и как сейчас ненавижу!

— Что я слышу, доминус* доктор! Книжки, которые вам стоили столько денег! Книжки, привезенные из Италии, Франции, Англии, из стран Леванта*, бог знает откуда, выкопанные из земли, выкупленные из монастырей! Книжки, которые вы завещали мне как самому достойному из ваших учеников! Но я вижу, у вас приступ меланхолии, доктор. В крови вашей скопилось слишком много черной желчи. Вам нужно отдохнуть в теплой постели.

— Нет, Вагнер, нет! Сегодня ясная ночь. Можно ли пропустить ее? Я поднимусь на башню поглядеть на звезды. Зажгите фонарь, дорогой Вагнер.

— Я помогу вам подняться на башню. Верно вы говорили

мне, доктор: «Мысли мои не более удалены от звезд, чем ноги от земли».

— Красиво сказано, Вагнер. А святые отцы смеются надо мной, уверяя, будто я хочу провертеть дыру в небе. О как тяжело мне, старику, нести мое тело!

Фауст медленно поднимался на высокую башню по винтовой лестнице. Вагнер поддерживал его и освещал дорогу фонарем.

Ступень и еще ступень — семьдесят ступеней.

Но вот и верхняя площадка башни. Четыре открытых окна смотрят на четыре стороны света, и в проемах окон сияет звездное небо.

Вагнер поставил фонарь на пол.

— Здесь гуляет холодный ветер. Бр-р! Не советую вам долго тут оставаться, доминус доктор. Вот ваша палка. Доброй ночи, нащупывайте ногой ступени при спуске.

Оставшись один, Фауст устремил свой взор на небо:

— Церковь велит нам верить, что земля наша в центре Вселенной, а Солнце и планеты движутся вокруг нее. Над нами девять небес, одно над другим. Но я полон сомнений, и, кажется, даром... О истина, если б я мог узнать тебя!

И в отчаянии Фауст опустил свою седую голову на скрещенные руки. Каким маленьким и ничтожным он показался сам себе перед огромным небом.

Никогда ему не узнать истины! С башни вниз головой — вот все, что тебе осталось, несчастный Фауст. Ну же смелей, не медли!

Он подошел к окну и перегнулся через подоконник. Черная пропасть потянула его к себе. Голова закружилась...

И вдруг позади него раздался громкий скрипучий голос:

— Доктор Фауст! Доктор Фауст! Остановитесь, куда вы? Внизу камни, а вы не птица.

— Чей голос я слышу? Это вы вернулись, Вагнер?

— Ученик ваш Вагнер уже надел ночной колпак и пьет настойку, укрепляющую память. Ведь память — главный его талант.

— Но кто же вы? Где вы? Фонарь погас, здесь дьявольски темно.

— Ну вот видите, вы уже догадались! Имя названо, доктор Фауст.

При этих словах Фауст невольно вздрогнул. Он трижды начертил вокруг себя палкой магический круг и нарисовал волшебную пентаграмму*, отгоняющую злых духов.

— Не приближайся ко мне, исчадие ада!

— Что так грозно? Я, правда, прибыл самовольно, по собственному почину, но согласитесь, вовремя. Ваш покорный слуга — Мефистофель*.

— Зачем ты здесь? Я не звал тебя.

— Ваш крик отчаяния достиг глубин преисподней. Сознаюсь, я деловит, расчетлив и даже немного скряга. Такой великий ум, как доктор Фауст, и вдруг погибнет напрасно! Фауст разобьет себя, словно стеклянную колбу, о камни. О нет, нет! Позвольте предложить вам обоюдовыгодную дружескую сделку. Я поступлю к вам на службу и открою вам все тайны Вселенной. Сделайте последнюю попытку, доктор!

— Но что ты можешь? Что ты знаешь?

— Испытайте меня. Согласен с вами: ученый ничего не принимает на веру. Фауст-звездовидец, не угодно ли вам собственной персоной совершить прогулку по небу и взглянуть на звезды вблизи?

— Взглянуть на звезды вблизи? Разве это возможно? Но если возможно... Адский дух, где ты? Я больше не боюсь тебя.

— Трижды назовите меня по имени.

— Мефистофель! Мефистофель! Мефистофель! Явись, я хочу тебя видеть.

И тотчас откуда-то из-под пола вырвался туманный столб и стал ходить кругами, рассыпая вокруг багровые искры. В воздухе запахло серой.

Где-то жалобно завывала собака, заушали совы. Зашумели деревья, словно шарахнулись в сторону.

— Какой образ прикажете мне принять, доктор Фауст?

— Какой хочешь, но не оскорбляй моих глаз.

— «Сказано — исполнено» — вот мой девиз.

Туманный столб сгустился, багровые искры множеством точек нарисовали облик человека. Человек этот был еще прозрачен, сквозь него сверкал голубой Сириус в созвездии Гончих Псов. Но вдруг звезды исчезли.

Послышался тяжелый, чуть приглушенный стук копыт. Перед Фаустом в тускло-красном световом кругу стоял высокий, тонкий, как прут, незнакомец. Он был одет в алый шелковый камзол самого модного покроя, на голове берет с пером, шпага на перевязи, расшитой золотом, за плечами широкий плащ... Щеголь, да и только!

Лицо смуглое, с орлиным носом. Сверкающие, косящие глаза. Одна бровь вздернута кверху, словно с постоянной наемской.

Незнакомец держал в руке серебряный флакон.

— Сейчас я опрыскаю себя духами, доктор. Перебью запах серы. Что поделаешь, такой уж воздух в нашей мастерской. Но я замечаю, вы не признали меня?

— Разве мы встречались?

— Как же, мы учились вместе в Саламанкском университете. Я изучал там богословие. Помните, однажды вы в компании других студентов гуляли по одной стороне реки Тормес, я же по другой, в руках у меня была гитара. Один из студентов пожалел, что нет у него гитары. Ему хотелось спеть новую

песню, услышанную им в Мадриде. «Вот, возьмите гитару», — сказал я.

— Да, помню. Рука твоя стала вытягиваться, вытягиваться, пока не дотянулась до другого берега...

— Дело простое. Но эти дурни бросились бежать. Все, кроме вас, доктор Фауст. Вы один не побежали, а глядели на меня с таким любопытством, что мне пришлось провалиться сквозь землю.

— Но не будем терять даром слов, Мефистофель! Звезды, звезды! Или ты пошутил? Тогда оставь меня!

— Извольте садиться, доктор. Возок подан.

Послышался свист и грохот.

Фауст выглянул из окна и увидел, что по небу летит повозка. В нее были впряжены два дракона с когтистыми лапами и длинными хвостами. При свете луны чешуя драконов переливалась всеми оттенками от дымно-серого до густо-черного. Из широко открытых пастей валил дым. Повозка подлетела к окну и остановилась.

Мефистофель помог доктору Фаусту сесть в повозку. Сам он тоже уселся рядом.

— Гей, гей! — крикнул Мефистофель и взмахнул бичом. — Вверх — и во весь опор!

Драконы взвились вверх. Колеса повозки застучали так, будто она ехала по твердой земле, но из-под колес вырывались огненные языки. Фауст оглянулся — позади тянулася пылающий след.

Он взглянул вниз — там, внизу, синело море, два больших острова виднелись в нем.

— Сардиния и Корсика, — показал на них Мефистофель, — а вот пустыня Аравии. Скоро мы увидим Индию.

— Вели драконам лететь выше, прямо к звездам! — воскликнул Фауст.

— Повижусь, а жаль! Я показал бы вам в Индии немало чудес.

Мефистофель щелкнул бичом. Вокруг все потемнело. Земля стала похожа на большой глобус, освещенный только наполовину. Фауст искал взглядом материков и океаны, но почти ничего не мог угадать за пеленой облаков.

Казалось, не он летит, а Земля убегает от него в черную даль. И вот перед ним появилась Луна.

— Направо сворачивай! — кричал Мефистофель. — Объезжай, ослепли вы, что ли!

Вперед, вперед! Перед Фаустом возникла Венера — утренняя звезда, большая, как Земля. А дальше маленький Меркурий. И Солнце, огромное Солнце, исполинское Солнце!

— Так, значит, Коперник* был прав! — вскричал Фауст. — Солнце, а не Земля в центре мира. Пробатум эст* — сим доказано, князья церкви, ученые мужи и все, кто называл Ко-

перника глупцом. К Солнцу, ближе к Солнцу, я хочу поглядеть на него!

— Эге, вы ненасытны, доктор Фауст! Осмелюсь доложить, я — земной дух, и Солнце страшит меня. Да и драконы мои еле дышат. Того и гляди, загоним их. Вот будет штука, если мы не вернемся на Землю. Тпр-ру, проклятые, поворачивай назад!

Фауст нехотя уступил. Внизу снова появилась Земля. Фауст увидел, что в голубой воде океанов плывет остров — или то был целый материк? — похожий на яичный желток.

Запаленные драконы высунули языки.

Земля летела навстречу, Фауст невольно ухватился рукой за борт повозки.

Было уже далеко за полдень, когда повозка подлетела к окну башни Фауста. Фауст снова стоял на площадке башни.

— Ну, что скажете, доктор? Какова поездка? — спросил Мефистофель. — Нанимаете меня в слуги?

— Согласен. Я согласен!

— Тогда пишите договор. Вот здесь, на моей спине. Я буду верно служить вам. Сколько? Скажем, двадцать четыре года. Вам как раз исполнится сто лет для ровного счета. Я привык считать время на столетия.

— Двадцать четыре года прожить дряхлым стариком?

— О, у меня наготове чудесный перстень! Наденьте его на палец — и к вам снова вернется молодость.

— И ты будешь исполнять любое мое желание?

— Только шепните.

— А когда кончится срок договора?

— Ну что ж, тогда вы будете служить мне. Каждому свой черед.

— Ты хочешь купить мою душу, чтобы бросить ее после моей смерти в пылающее жерло ада?

— Не так просто, доктор. Я сделаю для вас новое, стальное тело, и вы совершите еще много славных дел. Само собой, под моим началом. А ужасы ада — это для легковерных кумушек.

— Но зачем я нужен тебе?

— Вы очень скромны, доктор. Клянусь, никого не ценю я больше, чем вас. Что перед вами императоры и короли, воины и князья церкви! Вы для меня бесценное сокровище, доктор Фауст.

— Дивлюсь, но не спорю.

— Итак, вот перо, пергамент и нож, острый как бритва.

— Нож?

— Да. Надрежьте себе палец на левой руке и напишите договор своей кровью. Таков у нас порядок.

— Вы, демоны, я вижу, законники, крючкотворы.

Фауст поморщился и слегка надрезал себе палец. Упало

несколько тяжелых темных капель крови. Фауст смочил перо и медленно, обдумывая каждое слово, начал писать:

«Я, Иоганн доктор Фауст, заключаю следующий договор с демоном ада Мефистофелем. Мефистофель обязуется с этого дня верно служить мне двадцать четыре года. По первому моему желанию он должен мгновенно перенести меня туда, куда я пожелаю».

Гусиное перо скрипело по бумаге, выводя букву за буквой.

— Пойдите. В договор надо внести еще одно условие. Вы не должны вступать в брак, доктор Фауст. Влюбляйтесь сколько угодно, чем чаще, тем лучше. Но обвенчаться с вашей возлюбленной — на это у нас запрет, это ни-ни!

— Жениться в мои годы! — усмехнулся Фауст. — Ты смеешься надо мною. Условие написано. Бери, вот договор, и на нем моя подпись.

— Прекрасно, а я приложу печать — мой коготь.

Вдруг послышалось громкое карканье, и большой ворон схватил своим клювом договор и улетел.

— Что это значит? — вскричал доктор Фауст.

— Это значит, что владыке ада Вельзевулу не терпелось получить договор в собственные руки. Ай-ай, недоверие! Но вы шатаетесь от слабости, доктор. Наденьте-ка перстень.

И Мефистофель подал Фаусту перстень, испещренный непонятными знаками. Фауст надел кольцо на палец. Сердце его страшно забилося... И вдруг Фауст почувствовал удивительную, давно забытую легкость в теле.

Глаза его теперь так ясно видели, словно весь густо запыленный, закопченный мир был начисто вымыт свежей водой.

Фауст побежал вниз по винтовой лестнице, перепрыгивая через две-три ступени.

— Ого, какая прыть! Вы, доктор, кажется, забыли, что я хром. Осторожно!

Фауст распахнул дверь в свой кабинет — и замер на пороге. Теперь, после полета по вольным просторам, он показался ему темной щелью.

— Как мог я прожить столько лет в этом каменном мешке, когда на свете есть города и горы, реки, леса и поля! И люди! Недаром сказал великий Парацельс: «Книгу природы надо пройти ногами. Что ни страна, то страница». Я слишком долго прятался от людей в своей каменной башне. Идти к ним, говорить с ними, узнать их радости и беды — вот что теперь хочу я! О если б я не был так стар!

— Взгляните-ка сюда. — И Мефистофель подставил Фаусту зеркало.

Фауст взглянул — и не узнал себя. Глаза сверкают молодым огнем, морщины разгладились, губы словно соком налились, борода стала черной и густой.

— Так, значит, вы хотите покинуть ваш уединенный ка-

бинет, доктор Фауст, и пуститься странствовать по свету? Ведь верно? Я угадал? Тогда не будем медлить. Узлы, баулы, сундуки — какая скука! Ненавижу дорожные сборы. Вот все, что вам нужно.

Мефистофель снял с себя плащ, скрутил его, развернул и вытряхнул на пол сапоги со шпорами, дорожный костюм из испанского бархата, перчатки, шпагу...

— Воронье кони ждут нас у порога. Это они мчали вас по небу в образе крылатых драконов. Вымоем руки здесь, а оботрем их в городе Лейпциге*.

— Отлично! Там, в Ауэрбаховском винном погребе*, я славно пировал с веселыми студентами в дни моей юности... Или, точнее сказать, в дни моей первой юности. Скачем в Лейпциг!

Фауст облачился в новую одежду и вышел из своего кабинета. Ему показалось, что он отвалил крышку гроба.

Два вороных коня рыли копытами землю и косили огненными глазами. Фауст легко вскочил в седло, конь рванулся с места. В ушах Фауста засвистел ветер. Вдруг под самыми копытами коня мелькнул золоченый петушок на шпилье колокольни. Конь неся по воздуху! Рядом с гиком и посвистом мчался Мефистофель.

И вдруг копыта заскрежетали о камни. Кони остановились. Фауст увидел перед собой вход в кабачок. Все та же знакомая вывеска, как и полвека назад, только немного подновленная. Те же истертые каменные ступени. Из кабачка, как и в былые времена, доносился нестройный хор голосов. Там горланила песню веселая компания студентов.

Фауст спустился вниз по каменным ступеням и толкнул дверь. Увидев двух незнакомцев, студенты примолкли.

— Это что за птицы? — тихо сказал один из пирующих другому. — Видно, важные господа. Долговязый-то вон как нагло смотрит. Вы откуда к нам пожаловали? — спросил он Мефистофеля.

— Да вот по дороге завернул на часок в Лейпциг отдохнуть и горло промочить. И приятеля с собой захватил.

— Вы, значит, путешественник?

— Ах, и не спрашивайте! Весь век в бегах и разъездах. Только присядешь дома погреться у кипящего котла в тепле да в уюте, ах, шалишь, не тут-то было! Король меня вспомнил, епископ по мне соскучился или какой-то рейтар* с пьяных глаз меня помянул... Всем-то я нужен, все меня зовут.

— Вот как хвастается, бахвал, фанфарон! — стали перешептываться студенты.

Хозяин кабачка с поклоном подошел к новым гостям:

— Не угодно ли вина, господа?

— Станем мы пить кислятину! Фу, поглядеть только, какую

бурду ты наливаешь,— скулы сводит. Нет, я угощаю всех вином из моего собственного погреба. Принеси-ка мне бурав и деревянных затычек, да побольше.

— Бурав? Да он забавник,— зашумели студенты.— Но где же бутылки, где бочки?

— А на что они? — Мефистофель высверлил буравом перед каждым из пирующих дырку в столе и каждую заткнул деревянной затычкой.— Готово! Говорите, господа, какого вина каждый из вас хотел бы отведать.

— Что, на выбор? Ваш погреб так богат?

— Самый богатый в мире. Могу предложить рейнское вино, французское, испанское, венгерское, итальянское. Кому благородную мальвазию? Не угодно ли эрвейн — вино для знатоков?

— Мальвазию мне! — закричал один студент.

— Подставляй кружку!

Мефистофель вынул затычку, и из дырки в столе брызнула струя вина.

— Ну, каково вино? — спросил он студента.

— Божественное!

— Я бы выбрал не то слово, но, согласитесь, я вам угодил.

— Мне рейнского! Мне шампанского! — зашумели студенты.— Вот это фокус! Это вам не голубя из шапки выпустить.

Все вытащили затычки, и каждый начал пить вино какое хотел.

— Вино-то хорошее, да обед дрянной,— посетовал один из студентов.

Мефистофель постучал ножом по столу, и все кружки и кувшины на столе начали плясать, кружиться и подпрыгивать.

Вошел темнолицый слуга на непомерно длинных журавлиных ногах.

— Что прикажете, господин мой?

— Сбегай-ка, Длинноногий, да принеси сюда те самые кушанья, что повара приготовили для епископа Зальцбургского. Помнится мне, я прошлый раз обедал у него с большим удовольствием.

Не прошло и минуты, как вдруг заиграли невидимые скрипки, арфы, трубы, загудели литавры.

— Первая перемена! — возгласил Длинноногий.

Слуги самого странного вида внесли в погребок серебряные блюда, покрытые крышками.

— Ну и слуги у этих господ! Нечего сказать, красавцы! — удивился кто-то.— Вон у того шесть рук.

— Эге, да у тебя, приятель, троечка в глазах. Видно, хмель ударил в голову,— усмехнулся Мефистофель.

— Славно я наелся: и жареного фазана попробовал, и паштета, и форели... Теперь чего бы еще? — хлопнул себя по лбу один из пирующих.— Эх, поел бы я свежего винограда! Фокусник, покажи еще раз свое искусство.

— Сказано — исполнено.— Мефистофель произнес заклятие: — Парлико-парлоке!

Вдруг перед каждым из пирующих выросла из отверстия в стене виноградная лоза с прекрасной, спелой, сочной кистью винограда.

У всех слюнки потекли.

Каждый приставил лезвие своего ножа к черенку ароматной грозди. Вот-вот срежут.

— Пойдите, виноград не совсем созрел! — крикнул Мефистофель.— Подождите немного, а не то оскомину себе набьете.

И тут студенты как от сна очнулись. Не виноградные гроздья хотят они срезать, а собственные носы... Славно же их обморочил чародей!

— Чтоб тебе провалиться! — пожелал один из студентов Мефистофелю.

— Нашел чем пугать! — спокойно ответил Мефистофель.

— Фигляр, шут гороховый! Бей обоим!

Кто схватил кочергу, кто полево, кто замахнулся тяжелым стулом.

— Ого, как расходились! Придется улепетывать отсюда.

Мефистофель сел верхом на бочку с вином, посадил впереди себя Фауста и гаркнул:

— А ну, толстуха, поворачивайся, пошла, да поживей!

Тяжелая бочка сорвалась с места, разбрасывая буянов во все стороны, и вылетела за дверь.

Долго еще шумели студенты... Уж не пригрезилось ли им? Исчезли серебряные блюда, но ведь стол-то продырявлен!

А между тем Фауст ехал на своем вороном коне опечаленный.

— Какая злая и глупая шутка! Ты испортил мне встречу с моей молодостью, демон. Когда-то я тоже учился здесь в Лейпцигском университете и думал, что хоть на час стану вновь весел и беззаботен в тесном студенческом кругу, вспомню старые застольные песни.

— Э, полно, доктор! Нашли о чем горевать! Впереди у вас еще много радостей. Далась вам эта пьяная ватага, горлодеры эти... Я остановил их единственно из уважения к вам. Хороший был бы сбор винограда! — И Мефистофель засмеялся так, что конь его завился на дыбы.

Немало еще городов и деревень посетил доктор Фауст в немецких землях и чужих странах. Он бывал в домах у крестьян и князей, епископов и ремесленников. Всюду за ним следовал Мефистофель то в образе человека, то в образе черного лохматого пса.

Много тогда ходило рассказов о докторе Фаусте.

Однажды гостил он в городе Эрфурте.

Там в университете состоялось торжественное присуждение ученых степеней. А потом профессора повели беседу между собой.

— Как прискорбно, что многие прославленные творения древних авторов безвозвратно погибли! — сокрушался один почтенный магистр*.

— Особенно я жалею, что не все комедии Плавта* и Теренция* дошли до наших времен, — вздыхал другой.

— А хотели бы вы разыскать утраченные комедии? Сильно желали бы? — спросил Фауст.

— Ничего, кажется, не пожалел бы! Юноши, читая сих римских авторов, хорошо постигают все трудности латинской грамматики...

— Плавт и Теренций глубоко проникли в человеческое сердце, — сказал доктор Фауст. — Правдивы их творения — вот почему они во все времена радуют людей. Я мог бы силою моих чар восстановить древние свитки, истлевшие в земле, погибшие в огне. Люди вновь прочтут утраченные произведения древних поэтов и философов. Хотите ли вы познакомиться с жизнеописанием великого Гомера?*

В конференц-зале стало тихо. Все поглядывали друг на друга.

— Но лишь на несколько часов могу я воскресить погибшие свитки. Созовите студентов, пусть перепишут все, что успеют...

Профессора побледили, замялись.

— А вдруг в сочинениях этих найдется что-либо противное учению церкви? Недаром же их некогда предали огню.

— А если нас обвинят в колдовстве? — воскликнул другой. — Идти на костер — слуга покорный!

— Я написал диссертацию о том, что Гомер никогда не жил на свете. Что же, диссертация моя ничего не стоит? — сердито спросил третий.

— Вы боитесь? Значит чудо не свершится, — сказал им доктор Фауст. — Только стойкая воля многих людей могла бы помочь мне в этом трудном деле.

Он встал, начертил пальцем какие-то знаки в воздухе и вышел.

Вдруг в зале раздался крик:

— Господин Бютнер, на вас нет головы!

Почтенный ректор университета схватил себя за голову и воскликнул:

— Моя-то на месте, а вот у вас, достопочтенный Манлиус, на плечах голова осла.

Посмотрели друг на друга присутствующие. У кого ослиная голова, у кого совсем будто бы нет головы. Все в страхе бросились к дверям.

— И-а, и-а! — слышался кругом ослиный рев.

— Что это? Разве карнавал уже начался? — спрашивали

друг друга студенты. Иные без стеснения хохотали. Ну и маски выбрали себе их ученые наставники!

Только через три часа кончилось действие волшебных чар. К тому времени весь город пришел в смятение. Послали стражников схватить доктора Фауста, но он ускакал на своем вороном коне.

Мефистофель ни на шаг не отставал от доктора Фауста. Он любил дразнить и морочить людей, а при случае и напугать их.

Много историй рассказывали о его проделках и проказах.

Один хозяин на постоялом дворе нагрубил ему, и что же! Все колбасы и окорока в печную трубу улетели. А жареный поросенок, только что поданный на стол, вдруг начал орать: «Каравул, режут!» Всех постояльцев распугал Мефистофель. И забросил хозяина на верхушку высокой сосны.

Но все-таки иногда людям случалось посрамить Мефистофеля.

*

Как-то раз Фауст с Мефистофелем зашли в один сельский домик.

Старый крестьянин радушно принял их и повел с ними беседу.

Но о каком бы человеке не заходила речь, Мефистофель глумился над ним и находил в нем только одно худое. Никого не пощадил.

Старик слушал, хмурился и, наконец, спросил Мефистофеля:—

— А кого же из людей ты считаешь достойным любви и уважения?

— Того, кто не родился на свет,— отвечал Мефистофель с язвительной усмешкой.

— А если человек добр и милосерден и творит другим людям добро?

— Хочешь сотворить людям добро — умри поскорее. Это будет лучшим подарком для твоих близких.

— И ты никогда никого не любил? Даже собственную мать?

При этих словах Мефистофель засмеялся смехом, похожим на карканье ворона.

— Я знал одного несчастливца, он проклинал весь человеческий род,— сказал старик,— но все же и он любил свою охотничью собаку. Быть может, ты любишь коня или цветы? Хоть что-нибудь на земле? Но я вижу, что нет. Так, значит, ты не человек, а демон! Прочь из моего дома, проклятый, я разгадал тебя!

— Уйди,— сказал Фауст Мефистофелю,— и смотри не смей мстить этому старику.

Мефистофель вышел вон и хлопнул дверью с такой силой,

что дом покачнулся, дверь слетела с петель и все молоко в крынках скисло.

Впрочем, больше ничего дурного со стариком не случилось.

*

Как-то раз во время своих странствий увидел Фауст в одной небогатой семье прекрасную девушку, добрую и разумную. Не мог Фауст отвести от нее глаз. «Счастлив будет ее муж», — подумал он.

Но только Фауст вышел на улицу, как перед ним вырос Мефистофель.

— Ого! Я видел, вы смотрели на эту девчонку прилежнее, чем на звезды. Признаюсь, недурна, хотя и не в моем вкусе.

— Молчи, молчи, злой дух, не смей говорить о ней! Ты все отравляешь своим дыханьем. Ни слова — не то мы сегодня же расстанемся.

— К чему такой гнев! Я как раз хотел похвалить эту девочку: она так чиста, что мне к ней и подступу нет. С любой знатной красавицей сладить легче. Видите вы этот замок на горе? Там живет одна графиня. Так важна, так надменна! А на поверку что? Ведьма, обыкновенная ведьма, летает на помеле и еще недавно почтительно целовала мне копыто. Нет, доктор, эта девушка не для нас с вами, вспомните-ка наш договор. Есть в нем одно условие...

— Злосчастный, трижды злосчастный договор! — воскликнул Фауст.

Но не мог он легко отказаться от своей любви. Каждый день доктор Фауст посещал дом, где жила девушка. В пламенных словах он рассказал ей, какое это чудо — любовь, и девушка слушала с удивлением и восторгом.

Однажды она сказала Фаусту:

— Отчего не попросите вы у моего батюшки меня в жены? Знаю, я девушка простая и не ровня вам... Но вы говорите, что полюбили меня. Я была бы вам верной, доброй женой.

— Увы, не спрашивай меня! — с болью и стыдом ответил Фауст.

«Если б мог я уничтожить страшный договор!» — думал он.

Мефистофель подслушал его мысли:

— Эге! Наш доктор во всем хватает через край! Как бы эта девочка не погубила все мое дело. Фауст ускользнет от меня. Черт, не дремли!

Он явился к Фаусту, когда тот сидел в одиночестве, погруженный в печальные мысли.

— Хотите, доктор, я покажу вам морские глубины? Вы увидите морские чудовища, затонувшие города и страны.

С этими словами он поднес Фаусту кубок вина.

Отпил Фауст глоток-другой, и образ девушки в его душе словно потускнел.

— Да, покажи мне чудеса морского дна, Мефистофиль. Давно я хотел их увидеть.

— К вашим услугам! Я помещу вас в хрустальную сферу, а вороной конь оборотится в морского змея и повезет ее. Эта хрустальная сфера уже две тысячи лет, как похоронена в земле, но я добуду ее с помощью подвластных мне гномов. Славно мы позабудемся!

Целый месяц странствовал Фауст в глубинах морей и океанов. А когда утомило Фауста путешествие в хрустальной сфере, Мефистофель предложил ему посетить Новый Свет. Фауст узнал там много любопытного. Он увидел растения, еще неизвестные в Старом Свете, — маис и табак.

Мефистофель охотно нюхал зеленые листья табака и говорил:

— Вот полезная травка, это вам не лопухи какие-нибудь! Она осчастливит Старый Свет. Кто раз подымит трубкой, тот уж от курева не отстанет. Больше не будут про нас, демонов, говорить, что мы одни выдыхаем дым через ноздри. Не угодно ли, я набью для вас трубку, доктор?

— Забава для дураков, — ответил Фауст.

Дни летели незаметно.

— Не пора ли домой, доктор? — спросил однажды Мефистофель.

При этих словах в душе Фауста снова проснулась боль и тоска. Захотелось ему увидеть любимую.

Морской змеей снова переплыл океан, выполз на песок и превратился в вороного жоня. Вскочил Фауст в седло и посткачал быстрее вихря.

Печальная весть ждала его на родине. Бойкая сваха подыскала девушке старого богатого жениха. И отец приказал ей идти замуж. Со слезами повиновалась девушка. До самого последнего дня все верила она, что вернется Фауст и спасет ее от ненавистного брака.

Но Фауст опоздал на один день.

— Это ты все подстроил, демон! — крикнул он Мефистофелю. — Твои адские козни.

— Не скрою, сваха у меня на службе. Но ведь подослал ее для вашего же блага. Знаете ли вы, какую неустойку пришлось бы вам платить по нашему договору?

— Ты принес несчастье моей любимой! Навек погибла наша любовь! Вот какой ценой плачу я за то, что хотел с помощью злого демона узнать тайны мироздания. Проклятый!

— За что меня проклипать? Вот, люди, узнаю вас! Не вы ли сами, по своей воле свернули с дороги познания, едва возвратилась к вам утраченная молодость?

— Свернул с дороги познания? Нет, в этом ты ошибаешься! Когда я, оставив свой ученый кабинет, шировал и беседовал с крестьянами и студентами, рыцарями и монахами, я шел

по дороге познания. Когда я полюбил, я шел по дороге познания. И сейчас, когда я постиг всю глубину человеческого горя, я все еще иду по дороге познания. Оставь меня, адский демон, наедине с моим горем.

— Ухожу, ухожу. Не говорю вам: прощайте! До скорого свидания, доктор Фауст.

И Мефистофель исчез.

*

Долго Фауст оставался один, предаваясь размышлениям.

«В чем смысл всей человеческой мудрости? — спрашивал он себя. — Для чего она? Я всю жизнь копил знания, как скупец золото. Но кого сделали они счастливей?»

И он ответил сам себе: «Высшая цель познания — приносить людям добро. Мир, в котором продали богачу прекрасную девушку, плохо устроен. Надо сделать жизнь людей счастливей — вот самая высокая цель. Но как? Что я могу сделать один, даже будь я всеведущ?.. Короли и императоры обладают великой властью. Не обратиться ли мне к ним за помощью?»

И Фауст снова призвал к себе Мефистофеля.

— Так я и думал, что вы соскучитесь по мне, доктор. И скоро. Чем могу служить?

— Я хочу побывать при дворе самых могущественных монархов мира. Быть может, они захотят сделать хоть что-нибудь для счастья своих народов.

— Ха-ха, вижу, вы не так хорошо знакомы, как я! Но я всегда рад побывать при дворе — возобновить старые знакомства. Итак, с кого начнем?

— В Париж к королю Франции.

— Недурной выбор. Обворожительный человек Франциск Первый *, веселый, так и сыплет шутками... Люблю бывать с ним. Недавно войско его разбил в бою император Карл Пятый *. Что народу полегло, даже чертям в аду стало тошно.

— Да, я знаю, сам король побывал в плену. Его постигло горе, он станет слушать меня. Ты смеешься, Мефистофель? Я хочу видеть Франциска и говорить с ним.

— Ну что ж, у меня есть при его дворе много знакомых. Вороньи кони ждут нас. В седло — и вперед!

Коня помчались быстрее ветра и скоро остановились посреди большого мощного двора. Перед Фаустом предстал королевский дворец Лувр во всем его великолепии.

Мефистофель сказал пароль, часовые взяли на караул.

Фауст поднялся по широкой мраморной лестнице. Перед ним открылась анфилада парадных залов. Казалось, им не будет конца. Большие зеркала словно раздвигали стены, бесконечно повторяя блеск и позолоту.

Фауст на ходу взглянул в зеркало и увидел, что он обла-

чен в одеяние мага: мантия причудливого покроя, на голове высокий остроконечный колпак, усыпанный звездами.

По залам пестрой толпой прохаживались придворные кавалеры и дамы.

Один из кавалеров, нарядный, как павлин, стоял, выдвинув вперед стройную ногу в длинном шелковом чулке, рука на эфесе шпаги.

— А-а, старый знакомый! — сказал Мефистофель и помянул его пальцем. — Дорогой маркиз, проведите-ка моего друга к королю.

— Сейчас нельзя: король занят государственными делами, — надменно ответил придворный.

— О, это правда очень важно. И все же доложите ему, что прибыл доктор Фауст, маг и чародей, великий мастер волшебства. Скажите королю, что доктор Фауст умеет творить чудеса. Вы качаете головой, маркиз? Не отказывайтесь, разве вы не узнали меня?

Мефистофель щелкнул пальцами — посыпались искры. Придворный побледнел. Куда девался его горделивый вид! Он поспешил чуть ли не бегом к единственной двери, которая была закрыта, и, отстранив пажу, скрылся за дверью. Через минуту он вернулся и с поклоном сказал Фаусту:

— Его величество благоволил принять вас. Пожалуйста!

Паж распахнул дверь перед Фаустом. Король Франциск сидел в кресле перед столом, разглядывая чертежи и рисунки. У короля был длинный лисий нос, плутовато-веселые глаза. Пышные рукава с разрезами перехвачены лентами.

— А-а, великий маг и чародей! И, уж наверно, сам черт у тебя на поводу, ха-ха! Вот, полюбуйся, чертежи и рисунки, целые вороха чертежей. И что же? Ни одной остроумной выдумки, все плоско и пресно. Словно у моих мастеров мозги ссохлись в горошину.

— Это новые изобретения, государь?

— Да, я готовлю во дворце праздник, каких еще не бывало. Ты бы мог помочь. Но что ты можешь? Что умеешь?

— Я многое могу.

— Послушаем!

— Государь, я могу построить каналы, и вода побежит на пересохшие поля. Я могу пригнать облака, и они прольются дождем на землю. Тогда никто больше не будет бояться засухи. Я добуду в далеких землях семена многих полезных растений, донные не ведомых в Европе. Дайте мне дозволение, государь, и я построю прекрасные солнечные города. В них будет легко и радостно жить. Я научу людей летать по воздуху, как птицы летают на крыльях...

Король нетерпеливо прервал его:

— Ха-ха, на крыльях! То же самое толковал мне и покойный Леонардо да Винчи*. Большой мечтатель и фантазер. Но тот

был, по крайней мере, мастер рисовать картины.

— Испытайте меня, государь, Я могу...

— Ну что ж, придумай какое-нибудь небывалое зрелище. Покажи на моем празднике чудеса магии, скажем, волшебные картины, чтобы я поверил в тебя.

— Небывалое зрелище? Государь, вы, разумеется, много слышали о Гомере, слепце Гомере, величайшем поэте Древней Греции? О том Гомере, который создал «Илиаду» и «Одиссею»?

— Еще бы, моя ученая сестрица бредит «Илиадой». Не хочешь ли и ты душить меня древностью?

— Нет, государь. Я могу показать на вашем празднике героев, воспетых Гомером. Вы и ваши гости увидите своими глазами благородного Гектора и хитроумного Одиссея, отважного Ахилла и великана Полифема с одним глазом во лбу... Они предстанут перед вами как живые.

— Придумал тоже! Показать Полифема, это чудовище! Он всех дам перепугает. Нет, лучше покажи мне знаменитых красавиц прошлого! Покажи Прекрасную Елену.

— Хорошо, государь, вы увидите Елену Троянскую. Но позвольте мне после праздника говорить с вами о том, что я задумал.

— Хорошо, хорошо, благодетель человечества. Я выслушаю тебя, если останусь доволен.

Когда Фауст ушел, король сказал, потрепав по голове свою любимую борзую:

— Первый раз вижу такого странного мага!

Борзая глухо ворчала, насторожив уши: она чуяла близость Мефистофеля.

До праздника оставалось всего три дня.

Фауст так хорошо знал героев Гомера, словно сам, своими глазами видел их. Эти образы он и хотел показать на празднике, наделив их при помощи магических чар видимостью жизни.

— Ну, доктор, здесь я вам не помощник,— сказал Мефистофель.— Я немецкий черт, и Древняя Греция не по моей части. Придется мне быть простым зрителем ваших чудес. Смотрите только не оступитесь в яму...

Настал вечер праздника. Дамы и кавалеры в маскарадных костюмах собрались в бальном зале. Было тепло и душно, как перед грозой.

На голове Дианы, самой прекрасной дамы французского двора, сверкал алмазный полумесяц, на поясе у нее висел колчан с позолоченными стрелами. Она изображала охотницу Диану — богиню луны.

Все шептали:

— Взгляните на нее! Она несравненна!

Вошел Фауст с волшебной палочкой в руке. За ним черной тенью проскользнул Мефистофель.

Фауст поднял палочку — и с потолка посыпались лепестки роз. Заиграла нежная музыка. И вдруг все вокруг зазеленело, как в саду. Запели, защелкали соловьи.

Зрители разразились громом аплодисментов и толпой окружили Фауста. Послышались голоса:

— Вы настоящий волшебник! Изготовьте для меня любовный напиток, чародей, чтобы я мог покорить сердце жестокой дамы.

— А для меня изготовьте мазь, чтобы я стала белее снега.

— Вот моя рука — предскажите мне будущее.

— Немного яду, чтобы скорей получить наследство... — прошептал кто-то на ухо Фаусту.

Фауст вышел на середину зала.

— Государь, вы сейчас увидите героев Троянской войны, воспетых великим Гомером. Но берегитесь подойти к ним близко и коснуться их хотя бы кончиком пальца. Случится беда. Дорогу, господа, дорогу, дайте дорогу, станьте вон там, позади колонн!

Толпа придворных расступилась, самые боязливые прижались спиной к стене. Король сел в кресло на возвышении. Невидимая музыка заиграла торжественный марш.

Двери по обе стороны бального зала растворились настежь, и в зал быстрыми шагами вбежал молодой воин в латах и пернатом шлеме. Он прикрылся великолепным щитом и угрожающе поднял меч. Лицо его пылало гневом.

— Вы видите перед собой быстрого Ахилла, — возгласил Фауст, и не успел он кончить, как герой уж скрылся в противоположных дверях.

Следом за ним вошел темнокудрый юноша с тигровой шкурой на плечах. Он шел медленно, словно хотел дать время наблюдателям своей красотой. Послышался восхищенный шепот дам.

— Это Парис, сын царя Трои Приама, — громким голосом сказал Фауст.

Парис скрылся за дверью. Его сменил человек в лохмотьях, с лицом, обожженным солнцем, огрубевшим от морского ветра. Он держал в руке обломок весла.

— А это царь Одиссей. Вот он перед вами, такой, каким был, когда его выбросили волны на берег безвестного острова...

— Все это очень забавно, — воскликнул Франциск, — но где же Елена? Я устал ждать.

— Настала и ее очередь. Государь, вы сейчас увидите прекраснейшую женщину на земле — Елену Троянскую. Некогда Парис похитил Елену у супруга ее, царя Спарты Менелая, и увез за море, в далекий город Трои. Гневом возгорелся Менелай на обидчика и призвал к себе на помощь других греческих царей.

— Право, я словно слышу ученую лекцию в Сорбонском

университете, — засмеялся Франциск. — Кончай свою лекцию, маг.

— Терпение, государь. На тысяче кораблей приплыли греки к тому берегу, где высились на холме белые стены Трои. Много лет длилась война, воинское счастье было переменчиво, но вот в огне запылала Троя, и погибли старец Приам и все его пятьдесят сыновей. Отравленная стрела поразила Париса. Вы увидите Елену в минуту грустного раздумья. Дорогу, господа, и еще раз говорю вам: остерегайтесь прикоснуться к Елене!

Замолк удивленный говор. Все глаза устремились на дверь.

В зал вошла прекрасная, величественная женщина. Золотые волосы, похожие на лепестки гиацинта, нежными завитками падают на высокий чистый лоб. Белый хитон струится складками, поверх него брошена пурпурная мантия. Но глаза прекрасной женщины неподвижны и печальны.

— Да, молва не лгала! Как она хороша, она божественно хороша! — вскричал король, вскочив с кресла.

— Это Прекрасная Елена? — заговорили дамы злым завистливым шепотом. — Но она даже не затянута в корсет. Какая широкая талия! Бог ты мой, как у прачки!

— Взгляните, государь, какая большая нога, — засмеялась Диана. — А голова маленькая...

Но король не слушал ее:

— Елена, богиня красоты, взгляни на меня!

Он сбежал с возвышения и протянул руки к Елене.

— Остановись! — закричал Фауст. — Назад, дерзновенный!

— Прочь от меня, плут, мошенник! Забыл, с кем ты говоришь? Завтра же ты у меня в петле повиснешь. Красотка, ну же взгляни на меня! — И король схватил Елену за руку.

Раздался громовой удар, видение исчезло. Король упал на землю, как сраженный молнией.

— Чародей убил короля. Схватить негодая! — закричали придворные. Десятки рук потянулись к Фаусту...

— Ну вот и конец комедии! Придется дать занавес. — И Мефистофель взмахнул своим плащом.

Поднялись клубы белого дыма и скрыли Фауста с Мефистофелем.

— Ну, доктор, — с издевкой сказал Мефистофель, когда Фауст оказался на одной из парижских улиц, — поздравляю с успехом! Хорошо, что черт поспел вовремя. Не лучше ли нам бежать прочь из Франции, пока вас не вздернули на виселице или не сожгли на костре?

— Нет, демон, нет, ты не испугаешь меня, — ответил Фауст. — Я хочу говорить с королем и буду говорить с ним.

— Это значит: «Черт, берись за дело!» Придется мне шепнуть придворным, чтоб они смягчили гнев короля.

— Делай что хочешь, я остаюсь.

Через несколько дней в гостиницу «Веселый кабан», где остановился Фауст, пришел молодой паж и пригласил его во дворец.

— Король принял Фауста с улыбкой.

— Ну, чародей-чернокнижник, славно же ты перепугал весь двор!

— Простите великодушно, государь, но я предупреждал вас...

— Знаю, знаю. Так вот, я поверил в тебя.

— О государь, доверьтесь мне, и с моей помощью вы обратите Францию в цветущий сад!

— Да, да, каналы, дожди и прочее. Но это потерпит, это потом. А пока вот что! Казна моя пуста. Можешь ли ты добыть клады? В моей стране похоронено много сокровищ.

— Постараюсь, государь.

— Хорошо. А теперь самое главное. Ты слышал, верно, что я побывал в плену у Карла Пятого? И он меня отвратительно содержал. Он, владыка Испании, Нидерландов и еще бесчисленных стран! Скупец кормил меня тухлой дичью и черствым хлебом. А чертова скука! Я изнывал от тоски. Чародей, помоги мне отплатить Карлу Пятому той же монетой. Я хочу еще раз встретиться с ним на поле битвы.

— Повинуюсь, государь. Силой своих чар я создам целую армию могучих, закованных в латы воинов. Они пойдут на врага с развернутыми знаменами, под бой барабанов. Враги увидят это полчище и в страхе побегут.

— А твои солдаты погонятся за воинами Карла: ату их! И всех перебьют. А Карла Пятого приведут ко мне, как осла на поводу. Воображаю, ха-ха, какую физиономию он скорчит.

— Но, государь, вы меня не поняли. Воины мои будут призрачными, как столбы тумана. Они наведут ужас на врага, а потом рассеются в воздухе... Вы сами должны будете завоевать победу.

— А-а, новый фокус! Солдаты твои, верно, будут в пернатых шлемах, как древние греки, а впереди пойдут Ахилл и Одиссей. То-то будет зрелище!..

И Франциск захохотал, но потом помрачнел и добавил:

— Но оружие-то мне нужно не призрачное, а настоящее, слышишь? Посильнее пороха. Ты, говорят, владеешь многими знаниями. Сделай для меня такое оружие, чтобы все войско врага — одним ударом!

Фауст, бледнее, отступил к двери.

— Простите, государь, это невозможно. Я...

— Ты не можешь? Ну так ступай! Я призову тебя, когда понадобится.

И король небрежным взмахом руки отпустил Фауста.

— Ну, доктор? — злорадно спросил Мефистофель. — Кто из нас двоих лучше знает сердца королей?

— Наверное, ты! Но вот мое сердце ты знаешь плохо. Я не успокоюсь на первой попытке.

Доктор Фауст посетил императора Карла Пятого, английского короля, папу римского, турецкого султана, Великого Могола* и столько королей и герцогов, что их и перечестъ нельзя.

Все они просили у него денег и оружия. Просили его построить властью своих чар дворцы и замки, подарить им волшебных коней и соколов. Королевы и герцогини умоляли сделать их молодыми и прекрасными.

А под конец каждый из них шептал: «Убей моего врага!»

Но едва Фауст начинал говорить о своих великих замыслах, как собеседники его становились глухи и немые. Все красноречие Фауста не могло тронуть их сердец.

А Мефистофель поглядывал на него и криво усмехался.

Наконец Фауст понял, что все попытки его бесполезны. Опечаленный, сумрачный, решил он вернуться к себе домой, в Виттенберг. В свой ученый кабинет, к брошенным книгам, забытым ретортам.

*

Когда Фауст открыл дверь кабинета, на него пахнуло знакомым запахом пыли и плесени. За столом, усердно скрипя гусиным пером, сидел Кристоф Вагнер.

— Как, это вы, доктор? — радостно удивился он. — Подумать только, как давно вы не бывали здесь! А странствия пошли вам на пользу. Помолодели — и не узнать. До нас дошли удивительные слухи! С позволения сказать, я за это время тоже во многом преуспел, стал магистром, читаю лекции...

— Рад этому, друг мой Вагнер. Вижу, вы стряхнули пыль с моих книг.

— Как же, я составил им полную опись. Никому не давал читать — переплеты портятся. Книги ваши стоят на полках в порядке...

— Более строгим, чем раньше. А что там в колбе?

— О, это секрет! От всех, кроме вас. В книге алхимика Парацельса я нашел рецепт, как создать в колбе гомункула*, живого маленького человечка. Я выращиваю его, как кристалл.

— Любопытный опыт! Я помогу вам создать гомункула, Вагнер, он будет мыслить — это главное — и, может быть, когда-нибудь выйдет из своей колбы и станет настоящим человеком.

И Фауст накрыл колбу своей мантией.

Когда же на другой день он снял ее, в колбе, свернувшись в розовый клубок, лежал гомункул.

— Солнце, я вижу солнце! — засмеялся он тоненьким голоском. — О радость, о счастье рождения! Откройте окно настежь, я хочу глядеть на солнце.

Колба с гомункулом взлетела на воздух и начала кружиться по комнате.

Гомункул глядел на солище, радовался и протягивал к нему ручки.

С тех пор Фауст полюбил беседовать с гомункулом. Это маленькое существо обладало великим разумом и угадывало мысли Фауста лучше, чем Вагнер или даже Мефистофель.

— О чем вы думаете? — спрашивал гомункул Фауста. — Нет, не говорите мне ничего. Я закрою глаза и увижу. Это слово сон. Круглые горы, оливковые рощи, стада кудрявых овец. А на пороге угрюмого дома, сложенного из гигантских каменных плит, плачет женщина — образ самой красоты. Золотые волосы завитками падают на чистый белый лоб.

— Это Елена, царица Спарты. Такой я вообразил ее себе и показал другим. Но если б я мог увидеть живую, настоящую Елену!

— Перенестись в Древнюю Грецию? Но для этого надо создать волшебный корабль.

— Ты прочел мои мысли, гомункул! Смотри, я уже начал делать чертеж этого корабля.

И вот во дворе застучали топоры, завизжали пилы. Мефистофель, посмеиваясь, доставлял из далеких стран все, что приказывал ему Фауст: самое легкое дерево и самое твердое. Немало топоров иступили и переломали плотники.

Наконец корабль был готов, остроносый, узкий. Паруса из тонкой, как паутина, ткани висели неподвижно: их мог надуть только ветер времени.

Фауст взял колбу с гомункулом и взобрал на палубу корабля. За ним нехоту последовал и Мефистофель.

— Право, доктор, вы тащите меня за собой, как собачку на привязи. Далась вам эта Елена! По мне, любая ведьма милее. Ох, служба, горькая служба! Тащись за Фаустом, Мефистофель! Ведь если вы провалитесь в Тартар *, пропали все мои труды. В греческой преисподней я на чужбине. Лететь к Елене за три тысячи лет назад! И это, по-вашему, путь познания?

— Познание слепо и бескрыло, если оно не ищет красоты, — сказал гомункул. — Но этого тебе не понять, хромой урод!

— Молчи, невысиженный цыпленок, а то как бы твоя бутылка не треснула!

Фауст взялся за руль. Корабль сам собою легко и плавно снялся со стапелей, паруса надулись ветром времени, и корабль стремительно поплыл.

Вокруг него проносились замки рыцарей, пожары и битвы. Картина сменялась картиной. Старый замок лежит в развалинах. Но вдруг упавшие стены поднимаются, их лижет пламя. Мгновение — и замок цел и невредим. Как грозно глядят высокие башни! И вот замка снова нет, камешники только закладывают его основание.

Мертвые кости белеют на поле, и вдруг скелеты встают и превращаются в живых воинов. Воины бьются в битве. Еще мгновение — и враги расходятся в разные стороны к своим домам и мирно садятся за стол пировать.

— О если б так кончались все кровавые битвы! — вскричал Фауст.

Корабль остановился посреди какого-то города.

Все вокруг осветилось пламенем пожара. Город пылал. В клубах дыма рушились дома, слышались вопли погибающих.

Несколько женщин с криками и плачем метались перед высоким каменным храмом. Они царапали себе лицо ногтями и били себя в грудь.

И только одна стояла на мраморных ступенях.

— Елена! — кричали женщины. — Это ты погубила Трои! Верни нам наших убитых мужей! Горе, горе!

Вдруг на площади появились воины с мечами и копьями.

— Вот царица Елена! — крикнул один из них. — Схватим ее. Жрецы хотят принести Елену в жертву богам.

Фауст подбежал к Елене, поднял ее на руки, и не успели воины опомниться, как Елена исчезла из глаз.

Елена лежала на плече Фауста в беспамятстве и очнулась только тогда, когда волшебный корабль вдруг замер на месте. Паруса его снова повисли. Корабль снова вернулся в Виттенберг.

— Где я и кто ты, чужеземец? Куда ты увлек меня?

— Подальше от твоих убийц, — ответил Фауст, — Я сберег для людей твою красоту, царица.

— А я, признаюсь, струхнул, — проворчал Мефистофель, — Что, если бы этот корабль поломался и мы бы пошли назад пешком, а? Но теперь вы сможете, доктор, говорить с ней по-гречески сколько душа пожелает.

С этого дня Елена поселилась в доме Фауста, и художники приходили рисовать ее портрет. Ваятели изображали ее в море.

Елена пела и ткала на кроснах прекрасный узор, пока Фауст трудился в своем кабинете. Но часто он покидал его и спешил на помощь к людям.

Он умел остановить чумный мор и не боялся войти в зараженные жилища. Не раз Мефистофель исподтишка мешал ему, унося семена заразы в соседний край, и чума вспыхивала снова.

Если Фаусту случалось узнать, что где-нибудь должны казнить невинного, он спешил ему на помощь. Топор палача ломался, веревка рвалась, пламя костра погасало, а человек, ожидавший смерти, исчезал.

— Черт унес его, — в страхе говорили люди.

— Клевета! — кривился Мефистофель. — Рады взвести напраслину на черта. Погодите, доктор, я терплю, терплю, но уж недолго мне терпеть...

Иногда ему удавалось снова погубить спасенного. И все же Фауст спас немало людей. Особенно ему были дороги поборники свободы и справедливости.

«Ради счастья людей!» — кричал он, похищая жертву с эшафота.

Шли годы.

Однажды Фауст, уже вновь постаревший, убеленный сединами, сидел в своем кабинете и думал:

«Нежели я никогда не увижу тебя, страна счастья? О если б у меня был волшебный рог, чтобы созвать всех людей, которые хотят ее построить! Фауст, ты слишком много хотел совершить один...»

Он открыл книгу астролога Нострадама* и вслух прочел слова:

— «Время — ничто! Любить, стремиться — в этом все».

Раздался стук копыт. Фауст поднял глаза — перед ним злобно улыбаясь, стоял Мефистофель. Руки с длинными острыми когтями тянулись к Фаусту. Так кот готовится схватить мышь.

— Так, по-твоему, время — ничто, Фауст? Ты привык шутить шутки со старцем-временем, но просчитался. Двадцать четыре года прошли, минута в минуту. Иди со мной! — И Мефистофель развернул свиток пергамента. — Вот твоя подпись на договоре — она начертана кровью. Эта кровь так свежа, будто пролита только минуту назад. Я долго служил тебе. Ты загормошил меня, Фауст. Из-за тебя я страдаю одышкой. Пришла твоя очередь служить мне. Довольно густых мечтаний — берись за дело. Ты будешь изобретать орудия убийства, одно страшнее другого. Чума, землетрясение, война — все хорошо, все годится, пока не исчезнут люди с лица земли.

— Мне служить убийству? — вскричал Фауст.

— Для чего же мне нужен доктор Фауст? Великий ум, ты придумаешь такое, что мне, простому черту, и в голову не придет. Я тебе предоставлю превосходную лабораторию в жерле вулкана Этны. Под твоим началом будут трудиться могучие адские чудовища. Ха-ха, вот пойдет работенка!

— Так ты хочешь взять меня в рабы, демон? Меня? — сказал Фауст, медленно вставая и выпрямляясь во весь рост.

— Да, тебя, великий ученый, благодетель человечества! Ха-ха, ха-ха-ха! Дерзкий разум, жажда познания предала тебя в мои руки. Не зря говорил я тебе, что ты мне дороже всех королей, вместе взятых. Они способны на многое, но ты, доктор Фауст, превзойдешь их всех.

— Так ты хочешь взять меня? — повторил Фауст. Он вдруг начал расти, расти, словно тень дерева на закате. — Ты хочешь бросить меня в свой крошечный ад и думаешь, что он вместит меня? Во мне умещаются и ад, и небо, и люди, и весь мир, а ты только часть мира, самая худшая. Не тебе владеть мной.

— О, ты мастер рассуждать, доктор Фауст! Но где твоя совесть? Ты обещал — исполний! — И Мефистофель протянул Фаусту договор. — Все эти годы я был у тебя на побегушках, и ты узнал все, что хотел. Ты сыт познанием, теперь ступай со мной.

— Разве можно насытиться знанием? Для этого тысячи жизней не хватит.

— Ого! Ты собрался прожить тысячу жизней? Полно, Фауст, ты с ума сошел! Или я недосмотрел, и ты в самом деле отведал эликсира бессмертия? Человек, ты коварней беса!..

— Демон, оставь свои упреки! — воскликнул гомункул. — Ты обещал Фаусту открыть все тайны Вселенной, а сам их не знаешь. Чтобы охватить мыслью весь мир, нужен не бесовский, а человеческий разум. Но разве ты человек?

— О если бы я был человеком! — скрежеща зубами, ответил Мефистофель. — Жалкий и великий род, неужели я вечно буду завидовать вам из глубины моей бездны?

— Прощай, Мефистофель! — сказал Фауст. — Ни я, ни Елена не умрем, а почему — не тебе понять. Когда в будущем другой ученый будет так же неудержимо стремиться к познанию, как я, побеждая сомнения и душевные муки, про него скажут: «В нем живет дух Фауста!»

— Вот новость! Теперь ты начал предсказывать будущее, как Нострадам, — усмехнулся Мефистофель.

— Я не предсказываю, я только предвижу.

— Пустые слова! Ты — моя добыча, и конец! Живым или мертвым я унесу тебя. Вот твоя подпись на договоре. Взгляни, затрепещи и погибни!

Пламя в очаге вдруг поднялось высоким столбом, и из него вырвалась гигантская саламандра. Она разинула свою пасть, выбросила длинный язык и лизнула пергамент, на котором был написан договор. Одну минуту еще виделось имя «доктор Фауст», потом пергамент почернел, рассыпался, и на полу осталась кучка золы.

— Брысь, проклятая! — закричал Мефистофель. — Слизала подпись! Начисто слизала! Как ты смела восстать против меня, владыки огня?

— Огонь — чистая стихия! — воскликнул Фауст. — Ты же владеешь лишь пламенем пожаров, гибели и ада. Вот почему ты так боишься Солнца. Саламандра смеется над тобой.

— Мой недосмотр. Я прикую эту негодную тварь к каменному столбу в самой глубокой впадине океана, пусть там шипит и глотает воду. В последний раз говорю тебе, Фауст: идем со мной, пока я не вызвал всех дьяволов на подмогу. Вот, вот, смотри левой, там разверзлась бездна ада. Вельзевул, Асмодей, Люцифер, Астарот, на помощь!

Но в тот же миг наверху раскрылся потолок, и показалось

звездное небо. И звезды, мерцавшие в высоте, приблизились и ослепительно засверкали.

Мефистофель скорчился от боли.

— Ай, ай, жгутся, проклятые! Слепят глаза, лезут в уши, совсем оглушили. Где же доктор Фауст? Скрылся, улизнул. Но куда? Назад, в Грецию, на волшебном корабле к этому бродяге Гомеру? Или вперед, в другие времена? Уж, наверно, вперед: Фауст любит неизведанное. Но погоди, доктор Фауст, мы еще встретимся! Я буду поджидать тебя на каждом повороте будущего. Ты еще послужишь мне, ты мне послужишь!..

— Никогда! — донесся откуда-то издалека голос Фауста.

Наутро пришел Кристоф Вагнер — и застыл на пороге. В потолке зияет дыра, стулья опрокинуты, на полу куча золы, пахнет смрадом и гарью. А доктор Фауст пропал бесследно. Только его докторская мантия висит на ручке кресла. Исчезла и Елена.

— Дьявол утащил Фауста, — в страхе говорили люди. — Фауст-чернокнижник продал душу дьяволу, и дьявол унес ее в преисподнюю.

— Случился взрыв во время опасного опыта, — вздохнул Кристоф Вагнер, — и доктор испарился в пространство... Какое несчастье! И от гомункула ничего не осталось. Хорошо еще, что хоть книги-то целехоньки: ведь они завещаны мне. И эта мантия тоже мне пригодится — я буду носить ее, когда мне присудят звание доктора. Но я не останусь неблагодарным: напишу о моем учителе Фаусте толстую книгу. И, чтобы люди не называли его колдуном и волшебником, я докажу в этой книге, что никаких чудес никогда и не было.

Кристоф Вагнер сел за стол доктора Фауста и, близоручко уткнувшись носом в страницу, вывел на ней крупными буквами:

«Жизнь и деяния знаменитого и досточтимого доктора Иоганна Фауста».

Примечания

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ РОЛАНДА

Роланд — один из любимейших героев средневековых легенд. В течение многих столетий о его подвигах пели певцы и писали поэты во Франции, Италии, Испании и других странах Европы.

В основу нашего рассказа мы положили «Песнь о Роланде».

«Песнь о Роланде», замечательный памятник французского народно-героического эпоса, повествует о битве франков с сарацинами, внезапно напавшими на них в Ронсевальском ущелье в Пиренейских горах. В бою погиб рыцарь Роланд вместе с большим отрядом франкского войска.

Песня о Ронсевальском побоище первоначально возникла, должно быть, в среде военных дружинников. От них ее переняли певцы-сказители и в течение долгих столетий развивали и обогащали.

До нас дошло несколько письменных версий «Песни о Роланде». Самая ранняя и лучшая была создана примерно в 1170 году.

Главные герои поэмы — рыцарь Роланд со своим другом Оливьером и император Карл Великий.

История почти ничего не говорит о Роланде. Один старинный летописец, описывая жизнь Карла Великого, мимоходом упоминает, что в Ронсевале были убиты три знатных франка, и в их числе Хруодланд (Роланд), начальник Бретонской марки (область на севере Франции). Но народное сказание прославило Роланда как великого героя. Возможно, он пользовался особой любовью воинов, и поэтому именно о нем сложили легенды.

Оливьер (Оливье), его верный друг, — лицо вымышленное.

Франкский король Карл Великий (742—814; франкский король с 768 г.; император с 800 г.) всегда изображается в народном эпосе седобородым стариком, мудрым императором. Таким рисует его и «Песнь о Роланде», хотя во времена Ронсевальской битвы Карл был еще молод. В идеализированном образе Карла воплотилась народная мечта о «добром короле», который объединил бы страну под своей властью и обуздал феодалов-притеснителей.

В 778 году Карл Великий совершил завоевательный поход в Испанию. В VIII веке большая часть этой страны принадлежала испанским арабам — мусульманам. В «Песне о Роланде» их называют маврами или сарацинами. Карл Великий воевал не только с ними — он взял в Испании приступом и разграбил христианский город Памплону.

Поход в Испанию был несчастлив. На обратном пути через Пиренейские горы 25 августа 778 года арьергард (отряд, прикрывающий отход главных сил) армии короля Карла был атакован ночью в самом узком и опасном месте — Ронсевальском ущелье — отрядом свободолюбивых басков — коренных жителей испанских гор.

«Песнь о Роланде» была создана в эпоху крестовых походов, когда европейские феодалы стремились завоевать страны Востока под видом защиты христианской веры.

В «Песне о Роланде» христиане-баски заменены сарацинами и сама битва изображена так, словно она происходила между большими отрядами конных воинов на широком поле. На самом деле баски сидели в засаде на вершине лесистой горы и бой происходил на узкой тропе. Франки, захваченные врасплох, не смогли защититься и были перебиты.

Народное сказание возвеличило героев Ронсевальской битвы. Оно все, с начала до конца, прикинуто чувством любви к «милрой Франции» и ее верным сынам.

Стр. 9. Жонглер (франц.) — бродячий певец, сказитель. Бродячие певцы-сказители хранили в своей памяти героические поэмы, лирические и шуточные песни. Многие из них сами были высокоодаренными поэтами. Они пели или рассказывали, аккомпанируя себе на старинной скрипке — виоле или на арфе. Вдобавок они умели потешать слушателей разными фокусами.

Стр. 9. Сарагоса — в «Песне о Роланде» столица короля Марсилья; город в северной части Испании.

Марсильи — в «Песне о Роланде» король испанских мавров, легендарная личность.

Вассал — феодал, получивший землю от другого, более крупного феодала, своего сюзерена. Вассал в свою очередь мог быть сюзереном по отношению к другим еще более мелким владельцам земель (подвассалам). Вассал был обязан верно служить своему господину как воин и выполнять ряд других повинностей.

Ахен — столица империи Карла Великого. Теперь город в Германии.

Стр. 10. Соколы ливаные (перелинявшие) ценились выше, потому что во время ливки сокол мог погибнуть.

...Мавританские послы — здесь: мавры то же, что сарацаны (испанские арабы).

Пэр — буквально: «равный» (королю), старший, самый влиятельный вассал. Двенадцать пэров в эпосе — лучшие воины в королевском войске.

Турпин (Турпен) — епископ Реймский (753—794); историческое лицо; изображается в эпосе как смелый воин.

Барон — так называли старшего вассала короля. Позднее — наследственный дворянский титул.

Стр. 11. А как вложит он свою перчатку вам в руку — то есть признает себя вассалом, согласно старинному рыцарскому обряду.

Сеньор (на латинском языке «старший») — владетельный феодал-земле-владелец. Здесь: как вежливое обращение.

Стр. 12. Франки, или французы, — подданные императора Карла, в более узком значении жители провинции Иль-де-Франс. Провинция эта с городом Парижем была расположена в центре нынешней Франции.

Стр. 13. Дротик — метательное копьё с коротким древком.

Стр. 15. Четыреста тысяч мавров — характерное для эпоса преувеличение.

Стр. 19. Поверх кольчуг выпустили рыцари свои бороды — старинный рыцарский обычай.

Стр. 22. Орифламма (на латинском языке значит «золотое пламя») — пурпурное знамя, штандарт французских королей.

КОРОЛЬ АРТУР И РЫЦАРИ КРУГЛОГО СТОЛА

Король Артур (Артус) — легендарный король бриттов, герой старинных кельтских сказаний, а позднее рыцарских романов.

Бритты, племена кельтского происхождения, обитали еще со времен глубокой древности на острове Альбионе — в Британии. В I веке до нашей эры римляне завоевали Британию. Она стала римской провинцией, но бритты во многом сохранили свою самобытность, свой язык, верования и общественный уклад.

В начале V века римляне отозвали из Британии свои легионы. Вскоре после этого в Британию начали вторгаться германские племена англов и саксов. Англи и саксы, жившие на севере нынешней Германии и Дании, переплывали Немецкое море на кораблях и высаживались на южном и восточном побережьях Альбиона.

Артур упоминается в старинных летописях как храбрый воин, предводи-

тель бриттов в их борьбе за независимость. В начале VI века он одержал победу над англо-саксонскими завоевателями при горе Бадон.

«Вот об этом Артуре, — говорится в одной летописи XII века, — британцы сложили многие легенды и с любовью рассказывают о нем и поныне. Истинно был он достоин, чтобы подвигам его было воздано должное не в досужих вымыслах, но в подлинной истории».

Артур был убит в битве, но британский народ наделил бессмертием своего любимого героя. Возникла легенда о том, что Артур когда-нибудь вернется, не умер он, а живет в волшебном царстве фей.

Британские кельты были побеждены в тяжелой борьбе.

Лишь на западе острова Альбиона, в Корнуолле и Уэльсе, и на севере, в Шотландии, кельты сохранили свою независимость. Многие бежали через море на континент. Побережье, где обосновались бритты, получило название Бретани (на северо-западе нынешней Франции). Из Бретани легенды о короле Артуре бретонские певцы занесли в глубь Франции.

Один ученый кельт, живший в Англии, Гальфрид Монмаутский, написал в начале XII века на латинском языке легендарно-сказочную «Историю королей Британии». Артур изображен в ней, наподобие Карла Великого, как могущественный король, владетель огромного государства. Рассказывает Гальфрид Монмаутский и о волшебнике Мерлине, и о фее Моргане, и о сказочном острове Авалоне. «История королей Британии» имела большой успех и была переведена на французский и другие языки.

В XII веке, в эпоху расцвета феодализма, появился «рыцарский роман». Родина его — Франция. Сначала роман писали стихами — ведь он возник из песенного эпоса, — и лишь начиная с XIII века роман стали писать прозой.

Создателями рыцарского романа были Кретьен де Труа и переселившийся в Англию нормандец Вас. В поисках новых занимательных сюжетов они обратились к старинным кельтским сказаниям. Но, заимствуя сюжеты из кельтских сказаний, сочинители романов писали в духе своего времени, не соблюдая исторической достоверности.

Древние герои кельтских легенд в романах ведут себя как учтивы рыцари, знакомые с придворными обычаями, носят французские имена. Подробно и точно, с большим знанием дела, описываются одежды, вооружение, турниры и поединки, замки того времени, когда создавались романы. Эти романы получили название бретонских.

Наибольшую известность приобрели рыцарские романы о короле Артуре и его рыцарях. В романах Артуровского цикла изображается содружество рыцарей Круглого стола с благородной целью защиты слабых и обиженных. Содружество рыцарей Круглого стола — поэтический вымысел, но вымысел этот вошел в число знаменитейших легенд.

Английские поэты вслед за французскими начали слагать стихотворные романы о короле Артуре и его рыцарях на своем родном языке. Примерно в XIV веке появилась замечательная поэма неизвестного автора «Сэр Гавейн и Зеленый рыцарь».

В середине XV столетия, когда «золотой век» рыцарства был уже позади, некий Томас Малори был брошен в тюрьму. Скукая от бездействия в темнице, Малори начал писать о короле Артуре и его рыцарях, собрав воедино разные кельтские сказания. Так был создан большой роман в прозе — «Смерть Артура».

Английские повести о короле Артуре отличаются от французских рыцарских романов по своему духу. Французские романы воспевают любовь и приключения, английские — больше повествуют о жестоких расправах, битвах и междоусобицах средневековья.

Рыцарские романы об Артуре создавались в течение столетий. Сначала в содруестве Круглого стола действуют рыцари старшего поколения: Гавейн, Изейн, епископ Кэй, впоследствии к ним присоединяются Ленселот Озерный, Персеваль (Парсифаль), сын Ланселота — Галахад, рыцарь без страха и упрека.

В наше время король Артур, его рыцари, волшебник Мерлин, фея Моргане — герои старинных сказаний — перешли в английскую литературу для детей и с успехом начали в ней новую жизнь. Можно назвать здесь оксфорд-

ское издание «Рассказов о короле Артуре и его рыцарях» в пересказе Барбары Л. Пикард.

Стр. 24. Камелот. — Предполагают, что в замок Камелот (Камаллат) стоял у реки Кам, возле Гластонбэри, в Южной Англии. В настоящее время там ведутся раскопки. Обнаружены остатки зданий, возведенных, возможно, в V—VI веках.

Стр. 26. Сюзерен — крупный феодал, которому подчинялись все остальные, как его вассалы.

Коровадия короля бриттов Артура в Лондоне не исторический факт, а романтический вымысел авторов рыцарских романов.

Стр. 26. Турниры, или «примерные бои», возникли из старинных военных игр и состязаний. Впервые они вошли в моду в XI веке во Франции.

В турнирах рыцари бьются или один против одного (джустан), или же ведется бой между двумя отрядами. Надо было усидеть в седле самому и выбить противника из седла тупым концом копыя, но, если решался вопрос чести, вызывали на смертный поединок.

Стр. 27. О р у ж е н о с е ц. — Будущий рыцарь рано начинал нести службу при своем феодальном господине — сначала как паж, потом, лет с пятнадцати, как конюший или оруженосец. Оруженосец должен был помогать господину и заботиться о его оружии, например иметь наготове запасное оружие. Он следовал за господином даже в битве.

Р и с т а л и щ е — площадь для конных и других состязаний.

Стр. 28. Герольды — глашатай, вестник. Герольды были также судьями на турнире (стражи турнира). Они хорошо различали знаки и рисунки (гербы) на щитах или знаменах, подавали знак к началу турнира и могли остановить слишком ожесточенный бой.

Стр. 30. Сенешаль — управляющий королевским дворцом; впоследствии почетный титул.

Стр. 31. Виллаи — крестьянин, находящийся в зависимости от владельца земли — феодала. Виллаи в Англии были по большей части крепостными. Они отбывали барщину, платили подати и не могли покидать землю без разрешения господина.

Стр. 37. Праща — метательное оружие.

Стр. 50. Стража оружия — старинный обычай. Накануне посвящения в рыцари воин проводил ночь в часовне на страже своего оружия.

Месса — католическое богослужение.

Стр. 52. Вторжение саксов в легенде представлено романтически, а не так, как это происходило в действительности.

ТРИСТАН И ИЗОЛЬДА

Народная легенда о любви Тристана и Изольды возникла очень давно, в эпической поэзии британских кельтов. Многие имена героев и названия местностей являются историческими: Лоонойс и лес Моруа расположены в Шотландии, Тинтагель (Тинтажель) — на берегу Корнуолла. Остатки стен его сохранились до наших дней. Один из королей Корнуолла, царствовавший в VI веке, носил имя Марка. Встречается в старых кельтских сказаниях и имя Друстан (Тристан).

Можно думать, что сказание о Тристане и Изольде занесли во Францию странствующие бретонские жонглеры — потомки британских кельтов. Во второй половине XII века французские и англо-нормандские поэты, писавшие на французском языке, создали несколько стихотворных произведений о любви Тристана и Изольды.

Талантливая поэтесса Мария Французская написала небольшую поэму (ла) «Жимолость». В ней содержится рассказ о том, как Тристан, тоскуя в разлуке с Изольдой, бросал в волны ручья, согласно старому кельтскому обы-

чаю, палочки, на которых были вырезаны послания к любимой. Дошла до наших дней и маленькая поэма неизвестного автора «Безумие Тристана».

Большой стихотворный роман поэта Берулла сохранился только в отрывках. Беруль хорошо передал в своей версии красоту и величие древнего сказания. Полный драматизма рассказ о том, как Тристан спас королеву Изольду от прокаженных.

Англо-нормандский поэт Томас в своем романе о Тристане и Изольде смягчил суровые нравы давнего прошлого эпохи. Он тонко рисует чувства влюбленных, переходы от ненависти к любви, борьбу между долгом и любовью.

В романах о Тристане и Изольде очень многое взято из древних сказаний: битва с драконом, колдовской напиток, который нечаянно выпили Тристан и Изольда, или рассказ о том, как выросли деревья и кусты на их могилах и тесно переплели свои ветви в знак того, что вечно и неразлучна их любовь.

Но поэты XII века переосмыслили древнее сказание: ведь они создавали свои романы в новую историческую эпоху. Любовь в поэзии того времени сильна и прекрасна, ее не подчинить чужой воле. Изольда выходит замуж по приказу родителей, но она не в силах победить своей любви к Тристану. Феодальный долг по отношению к старшему в роде королю Марку повелевает Тристану забыть Изольду, но он не может отказать ей. Авторы романов находят для них оправдание: Тристан и Изольда выпили колдовской напиток любви, но в то же время становится ясно: высокая любовь не требует оправданий.

Романы о Тристане и Изольде имели очень большой успех. Возникло множество подражаний. В начале XIII века немецкий поэт Готфрид Страсбургский создал стихотворный роман на эту тему, прославивший его имя.

О Тристане и Изольде писали поэты самых разных стран Европы: французские и английские, норвежские и немецкие, итальянские и испанские.

Романы на тему легенды о Тристане и Изольде были любимейшим чтением в течение трех столетий; потом она была надолго забыта.

В 1859 году немецкий композитор Рихард Вагнер, создав оперу «Тристан и Изольда», воскрешает легенду из забвения.

А в 1900 году французский ученый и писатель Жозеф Бедье (1864—1938) попытался воссоздать древнейшую версию романа, пользуясь всеми средневековыми источниками. Он сделал это так тонко и поэтично, что книга его «Роман о Тристане и Изольде» была переведена на разные языки и вошла в круг любимейших памятников мировой литературы. Русский перевод был опубликован издательством «Художественная литература» в 1955 году.

В основу нашего пересказа мы положили версию поэта Томаса и два старинных ла «Безумие Тристана» и «Жимелость».

Стр. 57. М е н е с т р е л ь — поэт, певец и музыкант.

ЛОЭНГРИН

Одним из первых рассказал о Лознгрине немецкий поэт-певец (миннезингер) Вольфрам фон Эшенбах (1170—1220) в своей рыцарской поэме «Парсифаль». Парсифаль после многих приключений становится хранителем Грааля. Лознгрин — сын Парсифала.

Вольфрам фон Эшенбах соединил воедино два сюжета: легенду о святой чаше Грааль с легендой о рыцаре Лебеда.

Легенда о чаше Грааль сравнительно позднего литературного происхождения. Возникла она в конце XII века и сразу стала очень популярной. На сюжет этой легенды написано много поэм и романов.

Вот что говорит она.

Где-то в таком месте, куда никто не знает дороги, находится высокая гора Монсальват. На ее вершине стоит замок из белого мрамора. В этом замке живут рыцари — хранители чудесной чаши Грааль. Рыцари появляются время от времени там, где нужно защищать слабых и обиженных.

В это предание Вольфрам фон Эшенбах вплет сказочный мотив. Чудесное существо, рассказывают многие народные сказки, может полюбить смертного человека под условием, что тот не нарушит какой-нибудь запрет. Когда запрет нарушен — а любопытство всегда заставляет его нарушить — чудесный супруг исчезает навсегда. В сказках он сам прилетает в образе лебеда. Но в более поздних легендах лебедь везет ладью с рыцарем.

Кроме поэмы Вольфрама фон Эшенбаха, известно еще много французских и немецких вариантов «Лоэнгринна».

В начале XIX века ученые стали собирать и изучать старинные сказки, легенды и предания. Знаменитые исследователи и собиратели сказок — братья Гримм опубликовали в своем пересказе предания: «Рыцарь Лебеда» и «Лоэнгрин в Брабанте». Это воскресило интерес к легенде о Лоэнгрине.

На сюжет легенды композитор Рихард Вагнер создал одну из лучших своих опер «Лоэнгрин» (1848).

Стр. 78. Брабант и Лимбург — старинные феодальные княжества. Располагались на территории нынешних Бельгии и Голландии.

Стр. 79. Генрих Птицелов — король Германии Генрих I (919—936). О нем сложилась легенда, что знаки королевской власти ему торжественно вручили, когда он был на своей любимой соколиной охоте — отсюда его прозвище.

Божий суд — назначался в средние века в тех случаях, когда трудно было решить, кто прав, кто виноват. Чаще всего это был поединок. Считалось, что «высшие силы» всегда обеспечат победу правому над лжецом и преступником. Если обвиняли женщину, она, конечно, сама с мечом в руке доказать свою невиновность не могла. Но за нее мог заступиться какой-нибудь рыцарь. Иногда обвиненного подвергали испытанию: например, заставляли держать в руке раскаленное железо, ходить по горячим угольям. Считалось, что невинный ожогов не получает. Божий суд — одно из самых мрачных суеверий средневековья. Церковь поддерживала его своим авторитетом. Божий суд послужил причиной гибели многих невинных людей.

РОБИН ГУД

Английский народ сложил много баллад о вольном стрелке Робин Гуде и его дружине. До наших дней дошли в записях баллады и о других вольных стрелках, но Робин Гуд самый любимый и популярный из них.

В честь Робин Гуда в старой Англии каждый год устраивались «майские игры». Деревенская молодежь пела и плясала вокруг «майского шеста». Это был радостный праздник весны.

Робин Гуд, каким его изображают баллады, — веселый, острый на язык, находчивый английский крестьянин — йомен. Народ наделял его лучшими качествами: смелостью, добрым сердцем, щедростью. Он «благородный разбойник». Добро, отнятое у ненавистных богачей, он раздает бедным и всегда готов прийти на помощь к несправедливо обиженным.

Трудно сейчас установить, существовал ли Робин Гуд на самом деле. Некоторые старинные хроники говорят, что он жил в XII веке, когда в Англии царствовал король Ричард Львиное Сердце. Во многих балладах упоминается король Эдуард, Королей, носивших это имя, было несколько, и первые из них правили в XIII—XIV веках. Возможно, тогда и возникли первые баллады о Робине Гуде. Песни о нем бытовали в английском народе многие столетия, и в них несомненно живет память о народных восстаниях.

В старые времена Англию покрывали густые прекрасные леса, богатые дичью. Нормандские феодалы, завоевавшие Англию в XI веке, объявили многие леса заповедными. Крестьянам запрещалось в них охотиться под страхом жесточайшей кары. Они ненавидели королевских лесничих и враждовали с ними.

Густая чаща леса давала верный приют для крестьян, бежавших от своих притеснителей. Там они вновь находили свободу. Поэтому баллады и воспевают леса, где поют птицы и пасутся олени.

Английские Йомены были хорошими стрелками. Меткая стрела, пущенная из большого лука, пробивала кольчугу и латы и была опасна даже для хорошо вооруженного рыцаря.

Робин Гуд ведет непримиримую войну с феодалами, церковниками и лесничими. Баллады не жалуют для них сатирических красок.

В балладах рассказывается о том, как Робин Гуд подружился с рыцарем Ричардом Ли. Это соответствует исторической правде: бедные рыцари становились иногда на сторону повстанцев. Но главные друзья Робин Гуда — крестьяне-Йомены и городские ремесленники.

Король, согласно балладам, сочувственно отнесся к Робин Гуду. Среди крестьян жила надежда на то, что король, враждовавший с сильными и своевольными феодалами, на стороне народа и принимает к сердцу его интересы. Это были напрасные надежды.

До сих пор не забыт Робин Гуд. О нем создаются книги и кинофильмы. Он — один из любимых героев юных читателей. У нашего читателя большим успехом пользуется повесть М. Гершензона «Робин Гуд», неоднократно издаваемая в издательстве «Детская литература».

Стр. 88. Йомены — в средневековой Англии крестьянин, владеющий наследственным земельным наделом и ведущий собственное хозяйство.

Шериф — главное должностное лицо в графстве, выполнял судебные и административные функции.

Ноттингемское графство расположено в Северной Англии. Именно там и находится знаменитый Шервудский лес, где скрывался Робин Гуд. Робин — уменьшительное от имени Роберт. «Гуд» — значит «колпак», кашпош, но некоторые исследователи думают, что это прозвище восходит к слову «лес» — по-английски «вуд».

Стр. 93. Город Йорк в то время был столицей Северной Англии.

Стр. 94. Аббатство — католический монастырь. Аббат — его настоятель.

Стр. 98. Ярд — мера длины, 0,914 метра.

Стр. 100. Король Англии Ричард I Плантагенет (1189—1199), по прозвищу Левинное Сердце, славился воинской доблестью. Он герой многих легендарных приключений.

ТОМАС ЛЕРМОНТ

«Немногие так прославлены в легенде, как Томас из Эрсилдуна, — говорит знаменитый английский писатель, шотландец родом, Вальтер Скотт. — Он соединил в себе — или, скорее говоря, предполагалось, что он соединил в себе, — поэтическое искусство и дар пророчества; вот почему и теперь еще так свято чтят земляки Томаса из Эрсилдуна его память».

Эрсилдун находится в южной части Шотландии. Это селение на реке Лидер, недалеко от того места, где она впадает в реку Твид. На холме видны развалины старого замка. В нем, по преданию, жил в XIII веке поэт Томас Лермонт, прозванный Рифмачом.

Искусство писать рифмованные стихи было тогда вновь. Вальтер Скотт сообщает, что Томас Лермонт сочинил большую поэму о Тристане и Изольде.

Как это неоднократно случалось с поэтами, создававшими стихи на фантастические темы, Томаса Лермонта стали самого считать причастным к тайнам волшебства и провидцем.

Много легенд сложено о Томасе Лермонте и об Эддонских холмах, которые находятся неподалеку от Эрсилдуна. Спят будто бы зачарованным сном в их пещерах рыцари короля Артура, а по ночам там бродит Томас Лермонт.

Вальтер Скотт, большой знаток шотландских преданий, опубликовал в начале XIX века сборник шотландских баллад. Он поместил в нем народные легенды о Томасе Рифмаче и небольшое исследование о нем.

В семье М. Ю. Лермонтова бытовал рассказ о том, что род их, возможно, происходит от шотландского рода Лермонтов. Этим рассказом навеяно юношеское стихотворение Лермонтова «Желание».

- Стр. 113. Оберон — фантастический король эльфов в народных сказаниях.
Стр. 114. Виола — род старинной скрипки.
Гюон и Ланваль — герои рыцарских романов.
Стр. 117. Мелюзина — фея водных источников, согласно средневековой легенде.

ЛОРЕЛЕЯ

Особенно много легенд возникло там, где сама природа — густые леса, темные горные ущелья, коварные стремнины — возбуждали тревожное воображение людей.

Богат легендами Рейнский край. На берегах Рейна высятся причудливые скалы, у их подножия челнок подстерегают опасные пороги и водовороты. И вот в незапамятные времена возникает здесь легенда, повествующая о том, что плывущий по Рейну завлекает в шучину волн своих чудесным пением живущая на высокой скале дева-чаровница.

Легенду связывали со скалой Лур-лей близ Бахараха.

Существует мнение, что скала эта названа по имени девы-чаровницы Лоры (слово «лей» в переводе с немецкого значит «шиферная скала»), и лишь позднее имя Лора трансформируется в Лоре Лей или Лорелею. Есть и другая точка зрения: полагают, что сама волшебница получила имя по названию скалы, на которой она пела.

Легенда это долго оставалась лишь местным преданием. Широкую известность она получила в начале XIX века. Вот что по этому поводу пишет советский литературовед А. Дейч: «Старинная рейнская легенда о речной фее Лорелей (по имени скалы Лур-лей на Рейне, близ Бахараха), естественно, привлекла к себе романтиков, пленявшихся поэтичностью образа волшебницы, поющей обольстительную песню на скале и заманивающую плывцов»¹.

Немецкий поэт-романтик и собиратель народных легенд Клеменс Brentано первый создал стихотворный вариант легенды о Лорелее (Лоре Лей) и поместил балладу в своем романе «Годен» (1801—1802). Он на свой лад разработал сюжетную линию легенды.

Писали о Лорелее и другие немецкие поэты.

Но лучшее стихотворение о ней создал великий немецкий поэт Генрих Гейне. Оно стало в Германии народной песней и получило всемирную известность.

Мы приводим его в переводе А. Блока:

Не знаю, что значит такое,
Что скорбью я смущен;
Давно не дает покоя
Мне сказка старых времен.

Прохладой сумерки веют,
И Рейна тих простор.
В вечерних лучах алесют
Вершины дальних гор.
Над страшной высотой
Девушка дышай красы
Одеждой горит золотою,
Играет алатом косы.

Златым убирает гребнем
И песню поет она:
В ее чудесном пенье
Тревога затаена.

¹ Александр Дейч. «Судьбы поэтов». «Художественная литература». М., 1968, стр. 194.

Пловца на лодочке малой
Дякой тоской полонит;
Забывая подводные скалы,
Он только наверх глядит.

Пловец и лодочка, знаю,
Погибнут средь зыбей;
И всякий так погибает
От песни Лорелей.

Прозаическую версию легенды о Лорелее создал известный французский исследователь народного творчества Э. Лабульз в книге «Немецкие сказки мифических времен» (1869).

Одним из источников нашей разработки послужил вариант легенды, приведенной в книге «Народные легенды, собранные Вернером Янсенем» (1922).

ГАМЕЛЬНСКИЙ КРЫСОЛОВ

Есть города, всемирную славу которым принесли легенды и сказки. Город Бремен знаменит благодаря небольшой сказке братьев Гримм «Бременские музыканты». Немецкий город Гамельн известен всему миру, потому что в нем сложилась знаменитая легенда о Гамельнском Крысолове.

По преданию, летом 1284 года бродячий музыкант избавил город от наводнивших его крыс, выманяв их звуками флейты и утопив в реке Везер. Не получивши за это условленной платы, Крысолов в отместку увел из города всех детей.

Улицы, по которой дети ушли из Гамельна, еще в XVIII веке называлась Беззвучной улицей. На ней никогда не раздавались звуки песен или музыкальных инструментов.

На старой городской ратуше была сделана надпись: «В году 1284 чародей крысолов выманил из Гамельна звуками своей флейты 130 детей, и все они до одного погибли в глубине земли».

Что произошло на самом деле? Может быть, случилась буря, может, обвал в горах, как раз тогда, когда в город пришел бродячий музыкант? Никто этого не знает. Невозможно определить меру правды и меру вымысла в легенде.

Согласно одному варианту предания, все дети утонули в Везере, по другому — скрылись в глубине горы Коппенберг. Есть и такой вариант: все дети прошли сквозь гору и оказались далеко от родного города, в Семиградье (в районе Карпат).

О Крысолове сложены народные баллады. Многих прославленных поэтов и писателей вдохновила эта легенда: великих немецких поэтов Гёте и Гейне, английского поэта Броунинга, шведскую писательницу Сельму Лагерлёф, русскую поэтессу Марину Цветаеву.

«Крысолов», «Дудка Крысолова» — эти слова стали нарицательными. Дудкой Крысолова люди называют лживые обещания, увлекающие на погибель.

Стр. 130. Р а т у ш а — большое здание, где заседает городской общинный совет. В средние века ратуша обычно была после главной церкви — собора — самым большим и красивым зданием в городе.

Стр. 130. В ю р г е р — житель средневекового города в Западной Европе, горожанин.

А л е б а р д а — старинное оружие, топорик, насаженный на длинное древо с острием на конце.

Б у р г о м и с т р — глава городского самоуправления.

Стр. 132. С у д н а д к р ы с а м и. — В средние века в Европе и в самом деле имели место суды над животными. Животных, признанных виновными, заворачивали в тюрьму или вешали на виселице.

Стр. 137. Цеховой старшина — глава цеха, то есть объединения ремесленников. В такое объединение входили ремесленники (мастера и подмастерья) одной специальности, например оружейники, каменщики, плотники.

ВИЛЬГЕЛЬМ ТЕЛЛЬ

Вильгельм Телль — легендарный герой освободительной войны швейцарского народа — лицо не историческое. Легенда основывается на древнем народном сказании о метком стрелке.

В XIII веке Швейцария была завоевана австрийцами. Через Альпийские горы шел торговый путь в Италию, и Швейцария была ключевым пунктом на этой дороге. Австрийские Габсбурги хотели присоединить Швейцарию к своим владениям и поставили во главе ее своих жестоких и корыстолюбивых наместников.

Расположенные в альпийских долинах лесные кантоны (то есть самостоятельные области) Швиц, Ури и Унтервальден заключили между собой тайный союз для борьбы за свободу (1291). Крестьяне и горцы поднялись на борьбу за независимость своей родины.

Легенда настолько срослась с былью, что хроника XVI века сообщает даже «точную» дату знаменитого выстрела Вильгельма Телля — 18 ноября 1307 года. Выстрел этот, как рассказывают, явился сигналом к народному восстанию. Спустя восемь лет вольные горцы разбили войско Габсбургов в битве при Мургартене и навсегда изгнали австрийцев из Швейцарии. Предание говорит, что Вильгельм Телль принял участие в этом сражении. Можно думать, что в легендах о нем живет память о подлинных героях народного восстания.

Вильгельму Теллю на его родине поставлены памятники. В том месте, где он, согласно преданию, выскочил на берег из лодки, сооружена часовня.

Немецкий поэт и драматург Ф. Шиллер написал драму «Вильгельм Телль» (1804). Драма эта в эпоху наполеоновских завоеваний призывала к борьбе за свободу.

Стр. 147. Озеро четырех кантонов (Ури, Швиц, Ультервальдена и Люцерн) — Фирвальдштетское озеро.

ДОН ЖУАН

Испанская легенда о дон Жуане — одна из самых знаменитых средневековых легенд.

Дон Жуан (дон Хуан) — лицо историческое. В хрониках и списках рыцарей ордена Подвязки упоминался некто дон Жуан Тенорно, придворный кастильского короля Педро Жестокоего (XIV в.). По преданию, дон Жуан, человек испорченных нравов и непостоянный в любви, убил однажды на поединке командора ордена Гонсалеса де Ульоа, защищавшего честь своей дочери; тогда монахи-францисканцы заманили дон Жуана в монастырь и убили. Чтобы скрыть убийство, распространили слух о том, будто дон Жуан был низвергнут в ад оскорбленной им статуей, — это ведь вполне отвечало народным поверьям.

Испанский литературовед Рамон Менендес Пидаль указывает в своей работе «Об источниках «Каменного гостя», что у многих народов существуют сходные предания о мести оскорбленных мертвецов. В Испании, например, пели романсы (народную песню) о том, как юноша схватил каменную статую за бороду и пригласил ее на ужин. С трудом спасся он от гибели.

Одной из первых литературных обработок легенды явилась пьеса испанского драматурга Тирсо де Молина «Севильский озорник, или Каменный гость» (1630). Дон Жуан изображен в пьесе дерзким нарушителем моральных и религиозных норм. Он не знает ни страха, ни раскаяния и бросает вызов самой смерти.

Такой характер мог появиться только в эпоху Возрождения, на пороге нового времени; он был порожден гуманистическим протестом против церков-

ных догм о греховности всего земного. Дон Жуан наделен особым обаянием, это сложная, богатая, противоречивая натура.

Таким он и вошел в последующую литературу.

С XVII века до наших дней появилось множество литературных, театральных и музыкальных произведений о дон Жуане, по-разному освещавших его образ.

Дон Жуана любит донна Анна. Образ ее овеян поэзией. Согласно одним версиям, она дочь, согласно другим — жена командора. В ее сердце происходит борьба между чувством и долгом, который, по старым понятиям о чести обязывал ее мстить дон Жуану.

На тему легенды о дон Жуане писали знаменитый французский драматург Мольер (комедия «Дон Жуан, или Каменный пир», 1665), великий английский поэт Байрон (сатирическая поэма «Дон Жуан», 1819—1820) и многие другие писатели разных стран и разных времен.

Великий Мопарт написал на либретто итальянского драматурга Лоренцо да Понте оперу «Дон Жуан» (1787), в которой подчеркнуты гуманистические черты дон Жуана, безудержно отдающегося радостям жизни.

В России к образу дон Жуана первым обратился А. С. Пушкин в трагедии «Каменный гость» (1830). Эта трагедия принадлежит к числу высочайших созданий его гения.

На темы легенды писали и другие русские поэты — А. К. Толстой, А. Блок. Украинская писательница Лесья Украинка написала в 1912 году драму «Каменный хозяин».

И в наши дни интерес к этой легенде не ослабевает — на ее темы пишется музыка, создаются пьесы и кинофильмы.

Стр. 152. Д о н и а А н н а. — Такое написание принято в русской литературе. Д о н и а — по-итальянски «госпожа»; по-испански следовало бы д о н ъ я.

Стр. 153. К а п е л л а — католическая часовня.

«ЛЕТУЧИЙ ГОЛЛАНДЕЦ»

Легенда о корабле-призраке «Летучий голландец» родилась в эпоху великих мореплаваний и географических открытий.

В поисках морского пути в Индию был открыт новый континент — Америка. Далекие плавания к неизвестным землям на парусных судах были очень опасны: нередко корабли пропадали без вести со всем своим экипажем.

В конце XV века смелому португальскому мореходу Бартоломео Диашу (Диасу) удалось обогнуть мыс Доброй Надежды. Но во время одного из своих последующих плаваний он пропал без вести вместе со своим кораблем (29 мая 1600 г.) возле этого самого мыса, который он первоначально назвал мысом Бурь.

Среди португальских моряков родилось поверье, что Диаш будто бы вечно скитается по морям на корабле-призраке.

Множество легенд, английских, испанских, немецких, рассказывает о корабле мертвецов, встреча с которым предвещает кораблекрушение. Особенно прославилась легенда о «Летучем голландце», возникшая в начале XVII века в Нидерландах (Голландия). Она донесла до нас имена двух капитанов, некогда живших в Голландии и, видимо, безвестно погибших в море. Согласно разным версиям легенды, капитана призрачного корабля зовут Ван Стравен или Ван дер Декен.

В наши дни «Летучими голландцами» называют корабли, оставленные своим экипажем. Никем не управляемые, без опознавательных огней, носятся они по волнам и представляют собой смертельную опасность для других кораблей в туман или в бурю.

Стр. 161. Д е л ь ф т — город в Нидерландах, неподалеку от Гааги.

Стр. 162. Ф о к м а ч т а — передняя мачта.

Мартиника — остров в группе Малых Антильских островов в Восточной Индии.

Хуан Фернандес — группа островов в Тихом океане, неподалеку от берегов Чили.

Мыс Горн — мыс на южном острове архипелага Огненная Земля, на самом юге Америки. Представляет собой почти отвесную скалу, которая поднимается на 150 метров над уровнем моря. Очень опасное место для мореплавания, особенно для парусных судов, из-за частых туманов и сильных бурь.

Стр. 164. Страшный суд — одно из христианских верований, иначе говоря: «конец мира».

Стр. 166. Шпанигоуты — деревянные ребра судна, к которым крепится наружная его обшивка, образующая корпус корабля.

Кабельтов — мера длины, равная 0,1 морской мили (185,2 м).

ДОКТОР ФАУСТ

Легенда о чернокнижнике — маге докторе Фаусте, продавшем свою душу дьяволу, возникла в XVI веке в Германии и быстро стала известна в Англии и других странах.

Эта фантастическая легенда таила в себе великие возможности для искусства. Образ доктора Фауста все усложнялся и вырос до титанических размеров.

Сначала появились в Германии народные кукольные комедии о докторе Фаусте, ученике его Вагнера, забавном слуге Каспере и демоне Мефистофеле. Они имели большой успех. Исполняли эти кукольные комедии и в Англии.

Замечательный английский драматург Кристофер Марло (1564—1593) содал драму «Трагическая история доктора Фауста». Его доктор Фауст — дерзкий, могучий ум, который отвергает средневековую схоластическую науку и ставит перед собой грандиозные цели, «чтоб равным стать отныне божеству». В помощь себе он берет демонов, которые в конце концов губят его.

В XVI веке в немецком городе Франкфурте-на-Майне была напечатана книга Иоганна Шписса «История о докторе Иоганне Фаусте, знаменитом чародее и чернокнижнике». В ней собрано множество народных легенд о докторе Фаусте. Но, кроме фантастических рассказов, в книге содержатся популярные сведения о географии и астрономии. Фауст с помощью Мефистофела совершает прогулку к звездам, видит всю Землю с высоты, посещает множество стран. Книга Иоганна Шписса — своеобразная научная фантастика того времени.

Фауст вызывает из глубины веков Елену, царицу Спарты. В эпоху Возрождения Елена была идеалом красоты античного мира.

«Бесконечно знаменательно это явление Прекрасной Елены в легенде о докторе Фаусте», — писал поэт Генрих Гейне.

Фауст пытается чудесным образом отыскать и воскресить потерянные творения греческих и римских классиков.

Великий немецкий поэт Иоганн Вольфганг Гёте (1749—1832) написал гениальную драматическую поэму «Фауст». Это история человеческого духа, путем мучительных поисков восходящего к вершинам познания. В конце своей жизни Фауст приходит к мысли, что высшая цель жизни — деятельное служение народному счастью:

Вот мысль, которой весь я предан,
Итог всего, что ум скопид,
Лишь тот, кем бой за жизнь изведен,
Жизнь и свободу заслужил.
Так именно, вседневно, ежегодно,
Трудясь, борясь, опасностью шутя,
Пускай живут муж, старец и дитя.
Народ свободный на земле свободной
Увидеть я хотел в также дни.

Тогда бы мог воскликнуть я: «Мгновенье!
О как прекрасно ты, повременя!
Воплощены следы моих борений,
И не сотрутся никогда они».
И это горжество превосхищая,
Я высший миг сейчас переживаю.

(Перевод Б. Пастернака)

Демон Мефистофель в «Фаусте» Гёте — язвительный и едкий циник, он ни во что не верит, но он как дух сомнения будит и тревожит человеческую мысль и тем самым против своей воли толкает ее вперед.

Вдохновленный поэмой Гёте, Пушкин создал «Сцену из Фауста» (1825). Один русский путешественник познакомил с ней Гёте, и тот послал Пушкину в дар свое перо, которым писал «Фауста».

Доктор Иоганн Фауст — лицо историческое. О встречах с ним (между 1507 и 1540 годами) свидетельствовали многие ученые-гуманисты.

Есть документальные сведения, что Фауст учился в нескольких университетах и получал ученые степени.

Фауст много странствовал по Германии и другим странам. Побывал он, возможно, и при дворе французского короля Франциска Первого. Обладая широкими познаниями, Фауст в то же время был несомненно авантюристом и шарлатаном. Он выдавал себя за великого гадалея, мага и знахаря, пользуясь легковерием богатых и знатных людей.

То было время великого переворота в науке, когда она только начинала путем пытливых поисков освобождаться от фантастических домыслов и представлений. В глазах многих все ученые (особенно алхимики и астрологи) были чародеями, и ловкие шарлатаны пользовались этим. Но, наделив Фауста колдовской мощью, народное воображение вместе с тем возвеличило и поэтизировало его. Фаусту приписывали даже изобретение книгопечатания.

Стр. 168. Алхимик. — Алхимия родилась на Востоке в глубокой древности. В середине XII века алхимия проникла на Запад. Алхимики считали, что все металлы образуются в земле из серы и ртути и что можно найти способ превращать неблагородные металлы в золото. Алхимики пытались получить в колбе эликсир «великий магистерий» (иначе «философский камень, или квинтэссенция»). Он якобы мог превращать все металлы в золото, исцелять болезни и даже наделить человека бессмертием. Конечно, такой эликсир получить было невозможно, но попытки алхимиков были не совсем бесплодны. Алхимики изучали химические реакции и открыли новые вещества и соединения.

Стр. 169. Мандрагора — «адамова голова», многолетнее травянистое растение из семейства пасленовых. Корень его считался целебным. Астролябия — угломерный прибор, служивший для определения долготы и широты в астрономии.

Астрология — ложная наука, учившая, что можно предсказать будущее, согласно расположению небесных светил, в первую очередь планет. Астрологи, однако, сделали многие ценные наблюдения и тем содействовали развитию научной астрономии.

Стр. 170. Саламандра — род ящерицы. Существовало поверье, что она будто бы не сгорает в огне, и поэтому ее стали считать духом огня. Согласно средневековым представлениям, все явления физического мира связаны с деятельностью так называемых стихийных духов: духи огня — саламандры, духи земли — гномы, духи воды — ундины и воздуха — сальфы.

Стр. 170. Манускрипт — рукопись на пергаменте или бумаге.

Кристоф Вагнер упоминается в народной книге о Фаусте как его ученик и наследник. Появилась народная книга и о самом Вагнере, в которой подробно описывалось его путешествие в Новый Свет (Америку).

Стр. 171. Теофраст (Феофраст, 372—287 до н. э.) — древнегреческий философ и естествоиспытатель, замечательный ботаник.

Парацельс (Теофраст Бомбаст фон Гогенгейм, 1493—1541) — талантливый немецкий врач и естествоиспытатель. Много сделал для развития химии и медицины. Про него были созданы фантастические предания, которые послужили одним из источников легенды о докторе Фаусте.

Доминус (лат.) — господин.

Левант — страны, расположенные на восточном берегу Средиземного моря: Сирия, Ливан и другие.

Стр. 172. Пентаграмма — магический знак в виде пятиугольника.

Мефистофель — в христианской мифологии один из демонов ада.

Стр. 174. Коперник Николай (1473—1543) — великий польский астроном, создатель гелиоцентрической системы мира.

Пробатум эст (лат.) — доказано.

Стр. 177. Лейпциг — университетский город в Германии.

В 1580 году некто Генрих Штример построил в Лейпциге дом и кинный погреб, которым он присвоил название своего родного городка — Ауэрбах. Ауэрбаховский винный погребок сохранился до нашего времени. Он украшен картинами и скульптурой, которые изображают Фауста и Мефистофеля. По преданию, Фауст однажды выплел из этого погребка, сидя верхом на вишней бочке.

Стр. 177. Рейтар — наемный солдат-кавалерист.

Стр. 180. Магистр — ученая степень.

Плавт (ок. 254—184 гг. до н. э.) — знаменитый римский комедиограф.

Теренций (ок. 185—159 гг. до н. э.) — римский комедиограф, родом из Африки.

Гомер — древнегреческий поэт; создал, по преданию, эпические поэмы «Илиада» и «Одиссея».

Стр. 184. Франциск I — французский король из династии Валуа (1515—1547). Вел в Италии феодальную войну против испанского короля Карла V. Французское войско было разбито при Павии (1525), и Франциск попал в плен, откуда с трудом освободился. Франциск содействовал укреплению абсолютной монархии. Следуя духу времени, он покровительствовал наукам и искусству.

Карл V (1500—1558) — король Испании с 1516 г.; император Священной Римской империи с 1519 г. Вел кровопролитные войны, стремясь к созданию Всемирной империи.

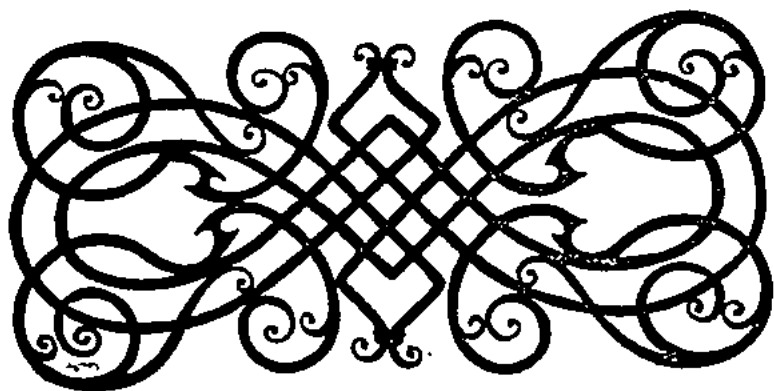
Стр. 185. Леонардо да Винчи (1452—1519) — великий итальянский художник и ученый. Провел последние годы своей жизни во Франции.

Стр. 190. Великий Могол — титул правителей Индии.

Стр. 190. Гомункул — согласно фантастическим представлениям алхимиков, человек, искусственно выращенный в колбе. Гомункулы будто бы обладали необыкновенным разумом. Алхимики верили, что могут создать такое существо.

Стр. 191. Тартар — в древнегреческой мифологии часть подземного мира, где находится ад.

Стр. 193. Нострадам — французский врач, астролог и «прорицатель», жил в XVI веке.

Кельтские
сказания
об Артуре
и его
витазах

Геран и Энита

I

Однажды, когда Артур пребывал среди своего блестящего двора в своей достославной столице, как раз в праздник святой Троицы, явились ко двору его послы — люди бывалые и умудренные опытом, искусные в красноречии и знающие. Придя к королю Артуру, они ему низко поклонились.

— Бог вам в помощь! — сказал им Артур. — Откуда вас Бог ведет?

— Государь! — отвечали послы, — мы пришли к тебе из Корнваллисса в послух от Эрбина, твоего дяди. Он шлет тебе поклон и приказывает передать, что стареет, слабеет, и что не под силу ему защищать теперь свои владения от дерзостных врагов. Вот почему он и молит тебя, государь, чтобы ты отпустил к нему его сына Герана на защиту родной земли и на отражение противников, которые начинают вторгаться в ее пределы.

— Господа послы, — сказал Артур, — ступайте, переоденьтесь с дороги, подкрепите ваши силы пищею и отдохните от

тягостей пути. Завтра, когда вы пуститесь в обратный путь, я дам вам ответ.

И затем они сели за стол.

И стал Артур раздумывать: не хотелось ему разлучаться с Гераном, да и нельзя было удержать его при себе, когда нужен был отцу для защиты владений. Со своей стороны и Гвеннивар, и все ее приближенные тоже горевали о том, что им придется расстаться с Энитой, которую все они полюбили.

Однако же всю ночь пировал Артур со своими рыцарями, а во время пира сообщил Герану о цели приезда послов из Корнваллисса.

— Как ты решишь, — сказал Геран, — так я и поступлю.

— Ну так знай же, — сказал Артур, — что хотя мне и больно с тобой расстаться, однако же я полагаю, что тебе следует теперь же вернуться на родину и принять на себя защиту своих владений. Я же со своей стороны даю тебе полное право избрать из среды моих верных рыцарей тех, кто тебе более люб как друг и товарищ по оружию.

— Благодарю, я поступлю сообразно твоим указаниям.

— О чем вы так беседуете? — вступила в разговор Гвеннивар. — Не о том ли, кого именно должен избрать Геран в свою свиту из числа твоих рыцарей?

— Да, ты угадала.

— Ну так, значит и я тоже должна подумать, кого из моих дам могу дать Эните в спутницы и какие припасы должна заготовить ей на дорогу.

— И отлично, если ты обо всем позаботишься! — сказал Артур.

II

На другой день Артур распростился с послами и сообщил им, что Геран последует за ними. И действительно, на третий день после того Геран пустился в путь, и многие благородные рыцари Артурова двора за ним последовали. В их числе были Гвальмай, сын Гвиара, и Передур, сын Эврока, и Кай, сын Кинера, и наконец Эдэиря, сын Нуза, которому королева Гвеннивар простила его вину за все вынесенные им страдания.

На другой день Геран со своей блестящей и многочисленной свитой приблизился к берегам Саверны, и когда переправился на другой берег реки, ему навстречу вышли благородные рыцари, составлявшие двор его отца, и его мать, и многие дамы, чтобы оказать почетную встречу супруге Герана, Эните. И все искренне радовались тому, что Геран, покрытый славой своих подвигов, возвращался теперь на защиту своей родины.

Когда же Геран со своими рыцарями прибыл ко двору от-

ца, то его и всех его спутников встретили там с полным радушием. Им приготовлено было роскошное угощение и богатые дары и вина всех сортов. Внимательная прислуга следила за каждым их шагом, а музыканты и всякого рода игры были всегда готовы к их услугам.

На другой день Эрбин призвал к себе Герана и его благородных спутников и сказал:

— Я становлюсь стар и хил, пока я мог охранять твои и мои владения, я охранял их. Теперь ты в полном цвету и развятии твоих сил — прими же на себя охрану твоих владений.

— Если ты пожелаешь уважить мою просьбу, то я бы просил тебя еще некоторое время нести на себе бремя власти, а мне позволить еще некоторое время остаться при дворе Артура.

— Нет! Я предлагаю власть тебе, — отвечал решительно Эрбин, — и ты сегодня же примешь присягу от своих подданных.

Гвальмай заметил на это:

— Не лучше ли было бы отложить принесение присяги на завтра, а сегодня удовлетворить всех тех, кто вздумал бы ходатайствовать о каких-либо милостях?

И отец, и сын согласились с Гвальмаем, и все те, у кого было о чем просить, получили просимое. А затем спутники Герана стали со своей стороны дарить приближенных Эрбина и от них принимать подарки, и все весьма довольные друг другом провели день и ночь в пирах и веселье.

Два дня спустя Артуровы рыцари, составлявшие свиту Герана, собрались в обратный путь, и Геран вместе с Энитой сопровождали их до границ своих владений. Проводив дорогих гостей, Геран объехал свои владения, осмотрел и отдаленнейшие их границы и затем стал править Корнваллиссом, как правил его отец.

III

Здесь с прежней страстью он предался военным упражнениям и турнирам, как и при дворе короля Артура, и его имя громко прославилось в среде великих бойцов и воинов. Целым рядом одержанных им побед он сумел обогатить свой двор и всех приближенных, всех рыцарей. У всех явились и чудные кони, и богатые доспехи, и превосходное оружие, и дорогие наряды и украшения. И слава Герана, не встречавшего себе соперников на турнирах, пронеслась далеко-далеко — из конца в конец света белого.

И вот, добившись этой славы, Геран полюбил покой и удобства, стал искать удовольствий, со страстью предаваться музыке и игре в кости. Кончилось тем, что он безвыездно стал

жить у себя во дворце, даже не выходил из спальни своей жены и только в ее обществе находил удовольствие. Пропало у него всякое пристрастие к охоте и военным упражнениям. Вместе с такой переменой в нем произошла перемена по отношению к нему самому всех его приближенных и придворных: они охладели к нему и стали терять уважение. Мало-помалу все стали издеваться над тем, что он предпочитает общество жены веселому кружку своих приближенных и благородных рыцарей. Когда же эти насмешки и ропот дошли до Эрбина, тот призвал к себе Эниту и спросил, не от нее ли произошла такая резкая перемена в Геране, забывшем и о нуждах народа, и о своих рыцарях.

— Нет, нет! — поспешила ответить Энита. — Верьте, что я сама очень опечалена этой странной переменой в моем муже.

Она решительно не знала, как ей быть: говорить об этом с Гераном было неловко, да и слушать ропот и насмешки придворных тоже было нелегко. Все это ее очень печалило.

Однажды ранним летним утром, когда Геран еще спал, а Энита уже проснулась, она залюбовалась прекрасным лицом своего супруга и его обнаженной мощной рукой, которую он закинул на изголовье. И невольно у нее сорвались слова:

— Горе мне! Неужели же я виновата, что эта мощная рука и это львиное сердце не служат больше той славе, которой они так заслуженно удостоились!

Произнеся эти слова, Энита прослезилась, и две горячие слезы ее, упав на грудь супруга, заставили его очнуться от сна.

Он увидел ее слезы и печальное лицо и тотчас подумал, что он наскучил ей, что она увлечена другим рыцарем, которого предпочитает ему. Эта мысль смутила его и подняла бурю в его сердце. Он кликнул своего оруженосца и приказал седлать коня и готовить ему доспехи и оружие, а затем обратился к Эните:

— Вставай, Энита, одевайся! Вели седлать твоего коня и нарядись в свое лучшее дорожное платье. Поедем со мной, и да погибну я, если ты, вернувшись в этот дворец, не убедишься в том, что я не настолько еще утратил мои силы, насколько ты думаешь! Если же ты окажешься права, то ступай и живи с тем, кто тебе милее меня!

— Я ничего не могу понять, не могу разобраться в твоих действиях, — сказала Энита.

— Не можешь, потому что не хочешь, — отвечал ей Геран и затем отправился к отцу своему.

— Государы! — так сказал он. — Я еду на разведки в пограничные области. Не знаю, когда я вернусь, и потому прошу тебя принять бразды правления до моего возвращения домой.

— С удовольствием,— отвечал Эрбин.— Мне только почему-то кажется странным твой слишком поспешный отъезд. Да и кто же будет тебя сопровождать? Ведь тебе не под силу будет одному проехать через всю страну враждебных нам лоссерийцев...

— Только одна особа будет сопровождать меня! — сказал Геран.

— Ну как знаешь! И дай тебе Бог счастливый путь!

После этого Геран пошел вывести своего коня. На нем самом был одет иноземный тяжелый и блестящий доспех. Сев в седло, он приказал Эните сесть на коня и ехать вперед. При этом строго-настрого приказал:

— Что бы ты ни увидела, что бы ты ни услышала угрожающее мне, не смей ко мне обращаться. И если я сам не заговорю с тобой, не смей со мною разговаривать.

IV

Так Геран и поехал с Энитой путем-дорогой. Он не избрал пути ровного и приятного, а напротив, избрал самый пустынный и наиболее лесной, где много водилось воров и разбойников, да и попадались ядовитые гады.

Долго ехали они этой дорогой, которая наконец привела их к густому лесу. Из того леса навстречу им выехали четыре всадника и стали между собою так разговаривать:

— Вот представляется нам отличный случай добыть себе двух коней и славный доспех, да, пожалуй, еще и даму в придачу...

— Ведь конечно же немудрено будет нам справиться с этим рыцарем! Едет он печальный, пасмурный, ниже плеч голову опустил.

Энита, помня строгий приказ Герана, долго не решалась передать ему эти разговоры, но наконец не вытерпела и сказала:

— Судруг и повелитель мой! Слышал ли ты, что говорят эти недобрые люди?

Геран насупил брови и бросил на нее гневный взгляд.

— Помни только то, что я тебе сказал: я требую от тебя молчания, а не советов... И хоть ты, видимо, желаешь, чтобы эти негодяи меня убили, янисколько не пугаюсь их.

В то время, как он заканчивал ту речь, старший из разбойников взял копьё наперевес и помчался к Герану, который свободно принял его удар, а затем ринулся на него, пробил копьём его щит и латы и проколол его насквозь, а потом вышиб из седла с такой силой, что он далеко откатился по земле. Тогда вслед за первым на Герана напал и второй всадник, и затем третий и четвертый — и всех их постигла та же участь, все они полегли мертвые на месте.

Энита все это видела и была печальна и задумчива, а Геран, покончив битву, спешился, собрал оружие и доспехи убитых разбойников, подвязал их к седлам, а их коней скрепил уздечками и снова сел на коня.

— Этих коней ты должна гнать перед собой,— сказал он Эните,— и все время ехать молча, как я тебе приказывал. И берегись, словечко не пророни — не то худо будет!

— Постараюсь по возможности выполнить твои приказания,— грустно отвечала Энита.

Так проехали они лес, выехали на небольшую поляну, которую пересекала речка, поросшая частыми кустами. Из-за чащи к ним навстречу выехали еще три всадника, с головы до ног покрытые боевыми доспехами точно так же, как и кони их. И Энита услышала, как говорили они между собой:

— Вот это для нас удачная встреча! Четыре коня, нагруженные четырьмя доспехами и оружием! Их уж, верно, не трудно будет отбить у этого вялого рыцаря. Да, кстати, захватить уж и эту молодую его спутницу с собой.

Энита сдержала своего коня и, когда Геран подъехал к ней, сказала ему:

— Слышишь ли ты, что говорят о тебе эти недобрые люди?

— А что бы такое?

— Да вот они говорят, что им нетрудно будет отбить у тебя эту твою добычу...

— Клянусь небом! — воскликнул Геран, — их глупые речи не так мне досаждают, как твоя неуместная болтливость и твое упорное неповиновение моим приказам.

Как раз в это время один из всадников устремился на Герана, копьё наперевес. Он налетел на Герана так свирепо и неистово, что думал покончить с ним одним ударом. Но Геран увернулся — удар миновал его, а он дал нападающему тотчас такой страшный удар, что тот растянулся на земле мертвый. Точно так же были побиты и следующие два всадника, когда решились напасть на Герана.

А Энита смотрела на борьбу со стороны, то трепеща за жизнь и безопасность Герана, то изумляясь его неустрашимому мужеству.

И точно так же, как после первой битвы, Геран спешился, снял доспехи и оружие с убитых им врагов, связал их коней уздечками и приказал Эните гнать всех семерых коней перед собой. И снова двинулись они в путь по-прежнему: она впереди, а он позади ее.

Проехав чащу, они вступили в обширную и мрачную равнину, на краю которой чернел густой дремучий лес. И тому лесу не видно было ни конца, ни края. Едва стали они подъезжать к его опушке, как оттуда, словно из земли, выросли, явились пятеро новых всадников, отлично вооруженных.

И кони у них тоже были бодрые, выхоленные, далеко по равнине разносилось их ржание.

Когда они подъехали на такое расстояние, что можно было расслышать их слова, Энита услышала, как они говорили между собой:

— Вот так добыча! Да и добыть-то ее немудрено! Как раз отобьем у этого рыцаря, на вид такого печального и хмурого. Отнимем у него все: и коней, и доспехи, и его милую подружку!

Энита не вытерпела и предостерегла Герана от грозившего ему нападения. Геран отвечал ей на это с горькою усмешкою:

— Вижу, что ты твердо решилась поступать наперекор всем моим приказаниям!

И затем он сразился поочередно со всеми этими пятью всадниками и побил их одного за другим. Потом собрал их оружие и доспехи подвязал к седлам коней, и всех двенадцать коней связал уздечками и приказал Эните гнать их перед собой. Энита повиновалась беспрекословно, а он, следуя за ней, испытывал тяжелое страдание от того, что видел жену в таком унижительном положении...

Когда они приблизились к лесу, густому и обширному, ночь уже наступила. Геран решил ночевать на равнине, не въезжая в лес. Сойдя с коня, он приказал Эните:

— Сон клонит меня, и я чувствую страшное утомление. Я прилягу, а ты сторожи лошадей и не спи.

— Хорошо,— отвечала Энита мужу.

И он растянулся на земле в полном вооружении и так проспал ночь, которая в летнюю пору была недолга.

V

Когда заря занялась, Энита хотела разбудить Герана, но он проснулся сам и даже не спросил ее, устала ли она, проведя ночь без сна, сказал ей сухо:

— Собери своих коней и ступай прямой дорогой по-вчерашнему.

Вскоре они проехали лес и выехали на открытую поляну, на которой поселяне местами были заняты уборкой сена. Среди поляны протекала речка, к ней они спустились, чтобы напоить своих коней.

Перебравшись вброд через речку, наши странники стали взбираться на ее противоположный крутой берег и повстречали юношу, который нес корзину за плечами, а в руке держал небольшую кружку и сосуд для питья.

Юноша поклонился Герану и вступил с ним в разговор, рассказал, что он идет из города. Юноша и его стал спрашивать, откуда он путь держит.

— А вон из того леса,— сказал Геран в ответ.— Мы в нем и ночевали...

— Ну так я готов поручиться, что ты не очень спокойно ночь провел, да, пожалуй, еще и спать-то лег без ужина.

— Совершенно верно,— сказал Геран.

— Так не пожелаешь ли ты чего-нибудь покушать? — спросил юноша.

— А что у тебя есть с собою? — спросил Геран.

— Хлеб, мясо и вино. Я нес это на завтрак косякам, но если ты пожелаешь, я могу предложить эти запасы тебе.

— Спасибо,— сказал Геран,— принимаю твое предложение с удовольствием.

И вот Геран сошел с коня, а юноша помог Эните спешиться, и они, вымыв руки, принялись за предложенные им хлеб, мясо и вино. А юноша разрезал хлеб, подавал им и прислуживал во время еды.

Когда супруги насытились, юноша сказал Герану:

— Теперь, с твоего разрешения, я пойду домой и принесу оттуда завтрак косякам.

— Нет, прежде сходи в город,— сказал Геран,— прикажи приготовить для меня помещение в лучшем квартале и чтобы там же была удобная конюшня для помещения моих лошадей. А в награду за оказанную тобой услугу выбирай себе любого из этих коней и лучшие из этих доспехов.

— Благодарю,— сказал юноша,— моя услуга совершенно ничтожна по сравнению с такой щедрой наградой.

И вот он отправился в город и нашел самую лучшую и самую веселую квартиру для Герана, а после того пошел в городской замок, показал там полученные от Герана коня и доспехи, явился к самому графу и рассказал все, что с ним случилось, а в заключение речи сказал:

— Теперь я пойду и провожу молодого рыцаря на квартиру.

— Ступай и скажи ему, что я весьма охотно приютил бы его у себя в замке,— сказал граф.

Юноша сказал об этом Герану, но тот предпочел остановиться на квартире, которую нашел прекрасной, а конюшню при ней — весьма удобной и обильно снабженной кормом для его коней, о которых позаботился тот же юноша.

Когда Геран и Энита переоделись, оправившись с дороги, Геран сказал ей:

— Ты поместишься в смежной комнате и пусть там тебе прислуживают женщины, но не переступай порог моей комнаты без моего разрешения.

— Исполню твое приказание,— сказала она и удалилась в свою комнату.

Затем они легли отдохнуть после переезда, а юноша ушел от них в замок, обещая вернуться вечером, чтобы служить им

за столом. От юноши граф узнал, где именно поместился Геран со своей спутницей, и когда тот под вечер собирался уйти из замка, сказал:

— Кланяйся рыцарю, и скажи ему, что я приеду его навестить сегодня вечером.

И действительно, явился в гости к Герану в сопровождении двенадцати главных своих рыцарей, и Геран встретил их с большим почетом. Когда все уселись, заняв места сообразно достоинству, граф вступил в беседу с Гераном и спросил его о цели путешествия.

— Я странствую без всякой цели, — отвечал Геран, — я ищу приключений и следую своей прихоти.

Во время беседы граф бросил взгляд в сторону Эниты и долго и внимательно в нее вглядывался. Он не мог не сознаться себе самому, что никогда не случалось ему видеть женщину, которая была бы красивее и привлекательнее Эниты. Крепко она ему понравилась, и он спросил у Герана позволения поговорить наедине с его спутницей.

— Сделай одолжение, — сказал Геран.

И вот граф обратился к Эните:

— Красавица, не думаю, чтобы ты могла находить удовольствие в странствованиях с этим рыцарем.

— Нет, я с удовольствием и по собственному желанию участвую в его странствованиях, — отвечала Энита.

— Но ведь у тебя нет для услуг ни паж, ни даже служанки!

— Так что же? — сказала Энита. — Я предпочитаю сама служить этому рыцарю, а пажи и служанки мне вовсе не нужны.

— Послушай же меня, красавица! — сказал граф. — Я отдам тебе все мое графство, лишь бы ты осталась жить со мной!

— Ни за что на свете! Этого человека я первого полюбила и останусь ему верна! — воскликнула Энита.

— Ты рассуждаешь весьма неблагоприятно, — заметил граф. — Если я убью твоего рыцаря и ты мне достанешься в добычу, то будешь моей полной рабыней. А если ты перейдешь от него ко мне по доброй воле, тогда я клянусь тебе, что ты будешь повелевать мной!

Энита сообразила по этим словам графа, что он затевает недоброе, и потому решилась подать ему некоторую надежду на возможность выполнения его замысла.

— Я согласна, — шепнула она графу, — но ты должен обещать мою честь... Приезжай завтра утром со своими рыцарями и похитить меня силой...

— Пусть будет так, как ты желаешь! — сказал граф, а затем распрощался и вышел со своею свитой.

Энита не сказала Герану ни слова о своей беседе с ковар-

ным графом, опасаясь разгневать и растревожить мужа.

Геран лег спать в обычное время и тотчас заснул, а Энита собрала и приготовила все части его вооружения, чтобы все было под рукою. Затем пошла в его опочивальню уже после полуночи и стала будить его, тихо нашептывая ему на ухо:

— Вставай, господин и повелитель мой, выслушай то, что говорил мне граф. Вот каковы намерения его по отношению ко мне...

И все от слова до слова передала Герану. На этот раз муж выслушал ее терпеливо и не прерывал, приказал засветить огонь и стал одеваться. Затем он позвал к себе хозяина квартиры.

— Сколько я тебе должен? — спросил он у него.

— Самые пустяки.

— Ну так возьми себе всех одиннадцать лошадей и одиннадцать доспехов.

— Спасибо, сударь! Да только дозвожь тебе заметить, что твои издержки не равняются по ценности даже и цене одного доспеха...

— Тем лучше для тебя, — сказал Геран. — Но за то попросу тебя проводить меня до выезда из города.

— С удовольствием, — сказал хозяин и проводил своих гостей в дорогу. Там Геран приказал Эните по-прежнему ехать вперед, а сам поехал на значительном расстоянии позади нее.

Когда же хозяин вернулся с проводов домой, он увидел на улице множество коней. Выглянув в окно, он увидел, что восемьдесят вооруженных с головы до ног рыцарей окружили его дом, охватив его словно железным кольцом. Сам граф во главе их спешно давал распоряжения и приказания.

— Где рыцарь, твой постоялец? — спросил граф у хозяина.

— Уехал очень недавно.

— Как же ты смел, негодяй, отпустить его, не известив меня о его отъезде?

— Ты, государь, мне об этом ничего не наказывал, а то я, конечно, исполнил бы твою волю.

— А по какой дороге они поехали?

— По большой.

И вот граф со своими рыцарями помчался по большой дороге. Там увидели они следы двух коней и пустились за ними вдогонку.

На восходе солнца Энита, оглянувшись назад, увидела громадное облако пыли, приближающееся к ним по дороге. Это ее растревожило, она была уже уверена в том, что это, вероятно, к ним приближается погоня. И точно, вскоре среди облака пыли заблестели рыцарские шлемы и доспехи.

«Нет! Уж что бы там со мною ни случилось, а все же я должна предупредить мужа об опасности», — подумала Энита и сказала, обращаясь к Герану:

— Государь мой, видишь ли ты этого рыцаря, который мчится вслед за тобой с толпою других вооруженных людей?

— Вижу,— отвечал Геран,— но вижу также и то, что ты упорствуешь в своем неповиновении моим приказаниям и не можешь удержать языка за зубами!

И произнеся эти слова, быстро повернул коня и с первого же удара поразил насмерть того рыцаря, который на него налетел. И точно так же одного за другим он поразил всех рыцарей графа, от самого слабого до самого сильного. Граф напал на него последним, сломал о его щит одно копье, потом другое. А Геран, изловчившись, нанес ему такой страшный удар копьём, что разбил вдребезги его щит и латы и вышвырнул его за смертью из седла.

Граф очнулся только тогда, когда Геран подъехал к нему, чтобы его прикончить. Он открыл глаза и попросил пощады.

Геран великодушно пощадил его и, отвернувшись от побитых и изуродованных им врагов, спокойно продолжал свой путь по-прежнему: Энита ехала впереди, а муж ее сзади на значительном расстоянии.

VI

Вскоре они выехали на одну из прекраснейших долин, какие им когда-нибудь случалось видеть. Речка пробегала вдоль этой равнины, через речку был перекинут мост, а за мостом на противоположном берегу, высился укрепленный город, обширный и красивый. Подъезжая к мосту, Геран повстречал рыцаря на высоком и статном коне и, обменявшись с ним поклоном, спросил:

— Откуда ты едешь, рыцарь?

— Еду из этой долины, которую ты видишь.

— А не можешь ли ты мне сказать, кому принадлежит эта долина и кто владеет этим крепким городом?

— Конечно, могу. Владеет всем этим Гиффер Малый, иначе называемый Маленьким Корольком.

— Могу ли я переехать через этот мост,— спросил Геран,— и миновать город, направившись по большой дороге, которая проходит под его стенами?

Рыцарь покачал головой и отвечал:

— Если ты переедешь мост и вздумаешь проехать мимо той башни, которая ближе всего подходит к мосту, ты должен будешь вступить в битву с Маленьким Корольком, который имеет обыкновение нападать на каждого рыцаря, проезжающего через его владения.

— Клянусь Богом! — воскликнул Геран.— Он этим меня не напугает, и я все же поеду своей дорогой.

— Смотри, не заплатишь за твою излишнюю смелость и самонадеянность.

Геран поехал своим путем, как и предполагал, и только миновал башню и стал взбираться на прибрежную кручу, как услышал позади себя топот коня. Обернувшись, он увидел высокого, сильного, грудастого коня в полном вооружении, а на том коне — рыцаря очень маленького роста в полном рыцарском доспехе.

Подъехав к Герану, он сказал ему:

— По незнанию ли, рыцарь, или по высокомерию твоему ты нанес мне оскорбление, нарушив установленный мной обычай?

— Я не слышал о том, — сказал Геран, — чтобы проезд по этой дороге путникам был воспрещен.

— Ты это знаешь! И потому ты должен явиться ко мне на суд и дать мне удовлетворение!

— Не только не явлюсь на твой суд, но даже на суд твоего сюзерена — разве только в том случае, если бы сюзереном твоим был сам король Артур.

— Клянусь правой рукой Артура, — воскликнул Маленький Королек, — ты или дашь мне удовлетворение, или побишь меня!

И они тотчас же сразились. Оруженосец Королька подавал ему столько копий, сколько тот ломал о щит Герана, и бились они долго и упорно. Герану было особенно трудно наносить удары Корольку, который был так мал ростом, что почти укрывался за своим щитом... Наконец истомленные кони пали на колени, и Геран, привстав на стременах, вышиб Королька из седла. Но тот и пеший продолжал биться и бился с Гераном настолько жестоко, что и латы были избиты и шлемы изрублены, и в глазах у них потемнело от пота и крови, которые обильно текли по их лицам. Наконец Геран, собравшись со всею своею силой, нанес страшный удар Корольку — разрубил и шлем его, и кожу на щеке до кости, а меч вышиб из рук, так что он отлетел от него на несколько десятков шагов. Тогда только Королек стал молить о пощаде.

— Хоть ты был по отношению ко мне груб и несправедлив, я дам тебе пощаду, — сказал Геран, — но только с тем уговором, что ты отныне будешь моим товарищем по оружию — поклянешься никогда более со мной не биться и, напротив того, поспешишь ко мне на помощь всякий раз, когда ты узнаешь, что мне угрожает опасность.

— С радостью соглашаюсь на это! — воскликнул Королек и поклялся ему в исполнении уговора. — А теперь, — добавил он, — поедем ко мне в замок, и ты там отдохнешь от трудов и утомления пути.

— Нет, не могу к тебе ехать, — ответил Геран.

Только тут Королек заметил Эниту, стоявшую в стороне, ему стало жаль эту молодую женщину, которая подвергалась стольким опасностям. И он еще раз сказал Герану:

— Государь мой, напрасно ты отказываешься от предлагаемого тебе отдыха и покоя. Ведь если ты теперь в том состоянии, в каком находишься, встретишь на пути своем какое-либо препятствие, тебе нелегко будет его преодолеть!

Но Геран не хотел слушать его советов и решил продолжить свой путь. Истомленный битвой, окровавленный, он все же сел на коня и по-прежнему двинулся далее той же дорогой. Энита ехала далеко впереди его, а он следовал за нею на некотором расстоянии, опустив голову и не обмениваясь с нею ни единым словом.

VII

Время приближалось к полудню. Латы Герана, смоченные его потом и кровью, льнули к его телу, и когда он въехал в ближний лес, то вынужден был сойти с коня, чтобы укрыться под деревом от палящих лучей солнца: раны его давали себя чувствовать и болели теперь гораздо более, нежели в то время, когда они были нанесены. Энита также сошла с коня и села под другим деревом.

И вот раздался звук рогов, а затем послышался лязг оружия и доспехов: то Артур со своей свитой рыцарей вступал в лес. Один из слуг Артура заметил Герана и донес об этом Кая, домоправителю короля.

Кай тотчас приказал седлать себе коня, взял в руки копьё и щит и направился к тому месту, где отдыхал Геран.

— Рыцарь! — так обратился к нему Кай. — Что ты тут делаешь?

— Укрываюсь от солнца под этим деревом.

— С какою целью ты странствуешь и кто ты таков?

— Ищу приключений и еду куда глаза глядят.

— Коли так, — сказал Кай, — то поедem к Артуру, который отсюда недалеко.

— Не поеду! — отвечал Геран.

— Не пойдешь доброй волей, так вынудим тебя силой! — крикнул Кай.

Тут Геран узнал Кая, но Кай не узнал Герана и устремился на него с оружием в руках. И Геран тоже рассердился и ударил Кая тупым концом копья так сильно, что тот полетел с коня...

Кай поднялся с земли, ошеломленный и ушибленный, вскочил в седло и поспешил в свою палатку. Потом вошел в палатку Гвальмая и сказал:

— Один из слуг моих донес мне, что видел в лесу раненого рыцаря в разбитом доспехе. Съезди бы ты да посмотри...

— Отчего же не съездить? — отозвался Гвальмай.

— Только не забудь надеть доспехи и взять с собой ору-

жие. Мне сказывали, что он не слишком вежливо встречает тех, кто к нему приходит.

Гвальмай вооружился, сел на коня, взял щит на руку и поехал к тому месту, где Геран отдыхал.

— Рыцарь, — сказал он, — с какой целью ты странствуешь?

— По своим делам и потому еще, что ищу приключений.

— Не желаешь ли ты мне сказать, кто ты таков или же ты желаешь сходить на поклон к королю Артуру, который близехонько отсюда раскинул свой стан?

— Не желаю ни с тобой дружбу водить, ни к королю Артуру на поклон идти, — отвечал Геран.

И тут только узнал Гвальмай, но Гвальмай не узнал его.

— Не отстану от тебя, пока не узнаю, кто ты таков! — сказал Гвальмай.

И они вступили в битву. И Гвальмай так сильно ударил копьём в щит Герана, что щит разлетелся вдребезги. В это время они съехались очень близко и Гвальмай, внимательно всматриваясь в лицо Герана, узнал его.

— Ах, Геран! Да неужели это ты?

— Я не Геран, — отвечал упрямый рыцарь.

— Да Геран же, клянусь Богом! — воскликнул Гвальмай. — И не стыдно ли нам, двум безумцам, вступать в ожесточенную битву!..

Тут он заметил и Энигу в стороне, любезно ей поклонился и опять сказал рыцарю:

— Геран, пойдем к Артуру! Ведь он и сюзерен твой и родственник.

— Не могу, — отвечал Геран, — я не так одет, чтобы ходить по гостям.

Тут подошел к Гвальмаю юноша и стал с ним говорить, а Гвальмай через него передал Артуру весть о Геране, приказал сказать, что он лежит тут израненный и что на него жалко смотреть. Все это он успел передать юноше так, что Геран ничего не слышал и не заметил.

— Попроси Артура, — сказал между прочим Гвальмай, — чтобы он перенес свою палатку сюда поближе. Герана теперь не уговоришь пойти к королю, так пусть король сам его посетит.

Юноша передал все это Артуру, и тот велел перенести свою палатку как раз к самой дороге. А Гвальмай, к великой радости Эниги, успел так устроить, что Геран и Артур встретились у дороги.

— Государь, — сказал Геран, — кланяюсь тебе!

— Бог тебе в помощь! Но кто ты таков — я не знаю, — сказал Артур.

— Да это Геран, — сказал Гвальмай, — он на хотел к тебе идти...

— Геран? — переспросил Артур. — Да что же он, в уме рехнулся что ли?

В это время подъехала и Энита, Артур приветствовал ее ласково и одному из своих приближенных приказал помочь ей сойти с коня.

— Энита! — сказал затем Артур, — что за странную поездку вы с мужем предприняли?

— Не знаю, — отвечала Энита, — Я только следую за ним всюду, куда ему вздумается идти...

— Государь, — заговорил в это время Геран, — с твоего разрешения мы сейчас пустимся в дальнейший путь.

— Куда же ты поедешь? — сказал Артур. — Теперь ты не можешь ехать далее, не подвергая свою жизнь опасности.

— Да вот он не хочет слушать моих советов! — сказал Гвальмай с горечью.

— Но должен будет послушать моих, — спокойно решил Артур, — и не уедет от нас, пока не вылечится.

— Отпустите меня! — настаивал по-прежнему Геран.

— Нет! Ни за что! — воскликнул король. И тотчас же приказал одной из женщин отвести Эниту в палатку Гвеннивар. И Гвеннивар ей обрадовалась, и все приближенные встретили Эниту с распростертыми объятиями, сняли с нее ее дорожную одежду и дали ей другое платье на смену.

Артур же велел немедленно раскинуть для Герана особую палатку и позвать к нему своего придворного медика Морган-Гуда с помощниками.

Так Артур со свитой около месяца прожил в этих местах, выжидая того времени, когда Геран выздоровеет. Когда он почувствовал себя исцеленным, он явился к Артуру и стал проситься в отъезд.

— Да вполне ли ты излечился от ран? — спросил его Артур.

— Вполне, государи! — отвечал Геран.

— Не тебе об этом судить, а медикам! — сказал Артур и спросил о здоровье Герана у своего придворного врача.

— Да, он теперь здоров, — сказал Морган-Гуд.

Тогда Артур разрешил Герану отправиться в путь, и Геран тотчас уехал с Энитой в дальнейшее странствование, и в тот же день Артур приказал убрать палатки и отправился домой, в свою столицу.

VIII

Опять пустились супруги в путь-дорогу и ехали точно так же, как и прежде: Энита впереди, а Геран в некотором расстоянии от нее позади. И в то время, когда они таким образом продвигались вперед по дороге, где-то в стороне послышались громкие пронзительные вопли.

— Подожди меня здесь,— сказал Геран Эните,— я поеду посмотреть, кто это так кричит.

— Изволь, я подожду тебя,— отвечала Энита. Геран направился в сторону небольшой прогалины, расположенной близ дороги. На той прогалине он увидел двух коней, один из которых был оседлан мужским седлом, а другой — дамским. Около этих коней лежал на земле убитый рыцарь в полном вооружении, а над ним убивалась молодая женщина, и раздирающие вопли ее разносились по всему лесу.

— Сударыня,— спросил ее Геран,— дозвожь спросить, что с тобой случилось?

— Я странствовала с моим милым супругом, и вдруг на нас напали три великана и без всякой причины убили моего мужа.

— А куда они направились отсюда? — спросил Геран.

— Они пошли в ту сторону по большой дороге.

Тогда Геран вернулся к Эните и сказал ей:

— Ступай к той даме, что там плачет над своим убитым мужем, и ожидай моего возвращения.

Это приказание мужа очень опечалило Эниту, однако же она повиновалась ему и осталась при даме, оплакивавшей супруга, и, слушая ее вопли, все думала, что ей никогда не придется увидеть своего дорогого Герана.

А Геран между тем гнался за великанами, нагнал их и увидел, что каждый из них был втрое больше обыкновенного человека и каждый нес на плече огромную дубину. Он напал на одного из них и пронзил его копьем своим. Тем же копьем он пронзил и второго, но третий избежал удара и сам успел нанести ему страшный удар своей тяжелой палицей. Он разбил его щит и расшиб ему плечо, а при этом раны его открылись и кровь хлынула из них. Однако Геран не смутился. Он бросился на великана с мечом в руках и страшным неотразимым ударом разрубил ему голову и шею по самые плечи — и великан рухнул на землю без признаков жизни.

Покинув убитых им великанов, Геран вернулся к Эните, но, подъехав к ней, лишился чувств и упал с коня. Энита страшно вскрикнула, бросилась к нему и припала к груди.

Около того времени владетель Лимурский проезжал мимо по дороге со своей свитой и, услышав вопли женщин, свернул с дороги в прогалину.

— Какая беда тебя постигла? — спросил он у Эниты.

— О, дорогой господин мой,— отвечала Энита,— единственный человек, которого я любила в своей жизни так, как никогда уже никого любить не буду, и тот умер, умер!

— А у тебя какая печаль? — обратился он с вопросом к другой даме.

— Те же великаны убили и моего мужа.

— А кто же их-то убил?

— Должно быть, этот рыцарь, который после битвы с нами вернулся сюда, истекая кровью.

Владелец Лимурский приказал похоронить мертвого. Предполагая, что Геран не умер и что его еще можно будет возвратить к жизни, он велел положить его на щит и на носилках отнести в замок. Обе дамы направились туда же. Когда прибыли в замок, Геран был положен на возвышенном ложе, как покойник, в том же зале, где все собирались садиться за стол обедать. Перед обедом все переоделись, и владелец Лимурский предложил Эните переменить ее дорожное платье.

— Нет, я останусь в том же платье,— отвечала она.

— Охота тебе, сударыня, так печалиться!

— Удивляюсь тому, что ты решаешься мне это сказать! — отвечала Энита.

— Я постараюсь заставить тебя забыть того рыцаря. У меня владение богатое и обширное, и я его предлагаю тебе вместе с моей рукой. Будь же отныне и счастлива, и весела!

— Призываю Бога в свидетели того, что я не буду более счастлива никогда, никогда! — с отчаяньем проговорила Энита.

— Но все же присядь с нами за стол.

— Нет, клянусь небом, что не могу сесть с вами за стол.

— А я готов поклясться, что сядешь!

И он силой посадил ее за стол и долго уговаривал приняться за угощения.

— Нет,— отвечала Энита,— я только тогда приму пищу, когда ее разделит со мною тот, кто теперь лежит перед нами бездыханный!

— Тебе не сдержать этой клятвы,— сказал владелец Лимурский,— ведь ты же видишь, что этот человек мертв!

— Я не отступлюсь от своей клятвы! — сказала Энита.

Тогда он поднес ей кубок, полный вина.

— Испей этого вина,— сказал он,— оно облегчит тебе сердце.

— Да будет мне стыдно, если я отведаю этот кубок, которого не могу разделить с моим господином!

— Вижу, что ты не заслуживаешь ласкового и снисходительного обращения с тобой,— гневно проговорил владелец Лимурский.— Так я сумею обуздать тебя строгостью...

И он ударил Эниту по лицу. Она громко и пронзительно вскрикнула и проговорила:

— О, горе мне, горе! Если бы жив был мой дорогой супруг, ты бы не посмел и подумать оскорбить меня!

И вдруг при этом крике Эниты Геран, лежавший в глубоком обмороке, очнулся, поднялся и встал со своего ложа. Он нащупал рукой свой меч в ногах и бросился на владельца Лимурского и нанес ему по голове такой ужасный, такой сокрушительный удар, что разрубил голову, шею и грудь надвое.

Меч даже впился лезвием в край стола. Все сидевшие за столом, вообразив, что покойник поднялся со своего смертного одра, чтобы отомстить за оскорбление, нанесенное его жене, вскочили со своих мест и бросились врассыпную.

Тут Геран взглянул на Эниту и почувствовал вдвойне угрызения совести. Он заметил, что Энита побледнела и похудела за последнее время, а также убедился в том, что его подозрение было совершенно несправедливо.

— Не знаешь ли ты, — спросил он у нее ласково, — где поставлены наши кони?

— Знаю, что твой конь здесь в конюшне, но решительно не знаю, что случилось с моим конем.

Он пошел в конюшню, вывел оттуда своего коня, вскочил в седло. А затем, взяв Эниту на руки, посадил ее к себе на колени и съехал с нею со двора Лимурского замка.

IX

Дорога, по которой Геран ехал с Энитой, была окаймлена живой изгородью. Они ехали, а между тем наступила ночь. И вдруг позади их заблестали копыта, до слуха долетел топот коней и бряцание оружия.

— Я слышу приближение вооруженного отряда, — сказал Геран Эните, — я укрою тебя за этой изгородью.

Так он и сделал. И тотчас после того какой-то всадник, держа копьё наперевес, помчался ему навстречу. Когда Энита увидела это, она вскрикнула:

— О, кто бы ты ни был, рыцарь, *неужели ты не видишь*, что нападаешь на человека полумертвого! Какая тебе будет слава, если ты его убьешь?

— Ах, Боже мой! Да это Геран! — воскликнул рыцарь.

— Ну конечно! — сказала Энита. — А ты кто же?

— Я Маленький Королек и иду вам на помощь, потому что услышал об угрожающей вам опасности. Вот видишь, Геран, если бы ты последовал моему совету, тебе не пришлось бы испытать всех этих неприятных случайностей.

— Совет советом, — отвечал Геран, — однако же ничего не случается без поущения Божия.

— Нет, нет, теперь по крайней мере послушайся меня: поедем вместе в замок зятя моей сестры неподалеку отсюда, там тебе подадут всякую необходимую помощь, так как там лучшие медики во всем королевстве.

— Охотно соглашаюсь, — сказал Геран.

И вот для Эниты подан был конь одного из оруженосцев Королька, и все вместе отправились в замок барона. И Геран с женою были там приняты весьма радушно, им было оказано самое широкое гостеприимство. Наутро послали за медиками, которые явились тотчас же и ухаживали за Гераном до тех

пор, пока он не вполне оправился. Между тем как они заботились о Геране, Королек приказал исправить его вооружение, которое было приведено в прежний вид. Так Геран провел в замке около шести недель.

Тогда Королек сказал ему:

— Ну, теперь поедем в гости ко мне, чтобы отдохнуть и развлечься.

— Если ты ничего не будешь иметь против того, я предложил бы тебе сначала денек постранствовать, а потом уже отправиться к тебе в гости,— сказал Геран.

— Отчего же? Согласен и на это,— отвечал Королек.

Х

На другое утро очень рано выехали из замка. В тот день Энита испытала столько радости и удовольствия, сколько ей давно уже не приходилось на долю. Ехали они, ехали и добрались наконец до места, где дорога разделялась надвое. Они обратились с расспросами к пешеходу, который шел по одной из этих дорог, желая узнать, откуда он идет:

— Я возвращаюсь домой, меня посылали с известием в ближайшую местность.

— Скажи мне,— обратился к нему Геран,— которую из этих дорог я должен избрать?

— Конечно, вот эту,— отвечал прохожий,— а если пойдешь по той дороге, никогда не вернешься домой, потому что по ней приедешь к пространству, окруженному непроницаемыми туманами. Среди тех туманов происходят постоянно какие-то волшебные игры, и еще никто из тех, кто проникал внутрь этого тумана, не выходил оттуда живой. А по нижней дороге приедете вы во владения графа Овенна, который разрешает пребывание в своем городе только тем чужестранцам, которые сначала посетят его в его замке.

— Ну, само собой разумеется, что мы поедем по нижней дороге,— проговорил Геран смеясь.

И вот они, прибыв в город, избрали себе там самую удобную и самую лучшую квартиру. Едва успели они разместиться на новом месте, как явился к ним юноша, посланный из замка, и, учтиво раскланявшись, заявил, что владетель города граф Овенн приглашает их к себе в замок.

— Охотно соглашаемся,— отвечал Геран.

И последовав за графским посыльным, они все явились в замок и были приняты графом и графиней с величайшим радушием. Вскоре после их прибытия столы были накрыты, гостям за столами были отведены почетнейшие места, и началось пиршество.

Но Геран вспомнил о волшебных играх туманов и ни есть, ни пить не мог. Он сознался Овенну в своей затаенной думе

и просил, чтобы ему указали дорогу, по которой он мог бы проникнуть внутрь туманного круга, внутри которого, как он слышал, эти игры и происходили. Овенн со своей свитой сам вызвался его проводить по окончании пиршества.

Тогда Геран, поднявшись вместе со всеми присутствующими из-за стола, приказал приготовить себе коня и доспехи и, вооружившись, с большой свитой и с самим графом поехал к туманной преграде. Там в тумане виден был высокий-превысокий тын, и на каждой жерди, кроме двух, надето по молодецкой головушке...

— Откуда же должен войти я внутрь ограды? — спросил Геран.

— Я и сам не знаю, — отвечал Овенн, — войди там, где тебе покажется удобней.

Тогда Геран, не пугаясь и не колеблясь, ринулся вперед, сквозь массу тумана. Промчавшись сквозь туман, он выехал в обширный плодовый сад и увидел среди сада полянку, а на полянке — шатер из красного атласа. Вход в шатер был открыт, над верхом росла густая яблоня и к одной из ее веток был привешен большой рог.

Геран спешился, вошел в шатер и увидел там молодую девушку, сидевшую на золотом стуле. Другой такой же стул был поставлен против нее.

— О рыцарь, — сказала молодая девушка, — не садись на этот стул.

— Это почему? — спросил Геран.

— Тот, кому этот стул принадлежит, никогда не позволял никому на него садиться.

— А мне-то какое дело, — отозвался Геран.

Тут около шатра послышался большой шум, и Геран вышел посмотреть, что там такое. Он увидел перед шатром рыцаря в полном вооружении на высоком и статном боевом коне.

— Скажи мне, — спросил он у Герана, — кто позволил тебе сесть на мой стул?

— Я сам себе позволил, — отвечал Геран.

— Ну так ты покаешься в своей дерзости! Садись на коня и бейся со мной!

Они стали биться и бились долго, ломая копыя за копыями. Наконец Геран вскипел и, вонзив шпоры в бока своего коня, устремился как буря на своего противника, пробил копьем его щит, порвал ремни его вооружения и высадил его из седла с такой силой, что тот полетел навзничь с коня и растянулся на земле.

— Пощади меня, рыцарь! — воскликнул он, обращаясь к Герану. — Я исполню все, чего ты пожелаешь.

— Желаю только одного: чтобы туманная пелена, окутывающая эту местность, развеялась, чтобы здешние волшебные

игры уничтожились и ограда в виде тына исчезла бесследно, чтобы сюда всем был открыт проезд и доступ!

— Все будет исполнено!

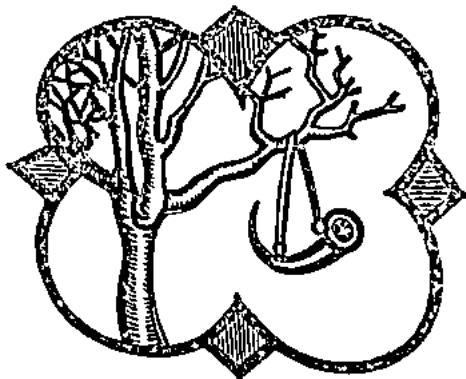
— Коли так, чтобы моя воля была исполнена немедленно!

— Возьми этот рог и протруби в него, все волшебство и очарование исчезнут, как только в него затрубит мой победитель.

И точно, при первом же звуке рога туман и ограда, и весь плодовый сад на поляне — все исчезло, и пролегла тем местом дорога прямоезжая, по которой взад и вперед все могли ходить и ездить, прославляя Герана.

Энита встретила мужа своего со слезами радости, а граф Овенн уприся Герана и Королька провести в его замке хоть еще одну ночь.

Затем все они дружески распростились и разъехались. Геран вернулся в свои владения, где и проживал с той поры спокойно и счастливо, а его имя, как и имя его верной жены Эниты, прогремело со славой во всех странах света белого и перешло в роды и роды.

Геран, или Рыцарь сокола

I

Вот как рассказывают повесть о Геране, Эрбинове сыне. Король Артур сидел однажды в ясный весенний день за столом среди своих рыцарей. И вот во дворец к нему явился высокий темноволосый юноша, одетый в атласное платье с накинутым поверх него плащом. Меч с золотой рукоятью висел у него на боку, а ноги были обуты в башмаки из тонкой кожи. Приблизясь к Артуру, он сказал:

— Привет тебе, государь!

— Да благословит тебя Господь, — сказал Артур, — и твой приход в мой дом! Добрые ли вести ты нам приносишь?

— Добрые, государь.

— Но кто же ты? Я тебя не знаю.

— Дивлюсь я, что ты меня не знаешь, государь, я твой лесник из Дэнского леса, зовут меня Мадок, сын Тургадорна.

— Ну, сказывай свои вести.

— Случилось мне увидеть в лесу такого оленя, какого я еще отродясь не видывал.

— Что же в нем было диковинного?

— Вся шерсть на нем белая, серебристая, и держит он себя так гордо, что с явным пренебрежением относится к остальным лесным зверям. Так вот я и пришел к тебе за приказанием... Что ты повелеть изволишь?

— Я приказываю, — сказал Артур, — чтобы завтра на рассвете вся моя охота была наготове. Оповести это сегодня же всему моему двору через моего старшего ловчего.

Молодой лесник исполнил приказание Артура, и старший ловчий послал его вперед разведчиком.

Гвеннивар, супруга Артура, сказала при этом:

— Государь, не желаешь ли ты, чтобы и я тоже присутствовала при охоте за тем оленем, о котором тебе докладывал молодой лесник?

— Что же, очень рад буду, если поедешь с нами, — сказал Артур.

— Ну, так я и поеду с вами.

Тогда и Гвальмай, в свою очередь, от себя вставил словечко.

— Государь! А не дозволишь ли ты, чтобы тот охотник, будь он рыцарь или простой человек, что нагонит оленя первый, срезал бы ему голову и поднес бы ее в дар кому вздумается — своей ли даме, или даме своего друга?

— И на это согласен, — сказал Артур.

Затем во весь остальной вечер король и его приближенные забавлялись беседой, слушали музыку, играли в разные игры, а когда пришло время спать, все разошлись по своим комнатам.

На рассвете все поднялись разом. Артур проснулся в числе первых, позвал к себе молодых придворных, постоянно охранявших дверь его опочивальни ночью, и стал с их помощью одеваться. Гвеннивар не проснулась при этом. Молодые люди хотели ее разбудить, но Артур не велел ее тревожить.

— Коли ей приятнее спать, чем ехать с нами на охоту, так и оставьте ее в покое, — сказал он.

Затем он вышел из дворца, и тотчас раздался звук рогов. Один трубил у дома главного ловчего, а другой у дома главного конюшего. Вскоре вся охота была в сборе и двинулась к лесу.

Она только что съехала со двора, как Гвеннивар проснулась, позвала своих девушек и стала поспешно одеваться, затем она послала одну из девушек в конюшню и велела приготовить себе верховую лошадь. Немного спустя Гвеннивар и одна из ее девушек уже сидели на конях и пустились также к лесу по следам охоты.

В то время, когда они ехали к лесу, в стороне послышался конский топот, и навстречу им выехал рыцарь на молодом и статном коне. То был красивый молодой человек благород-

пой осянки. Роскошные локоны его волос ниспадали ему на плечи. Короткое атласное платье и такой же плащ не покрывали его обнаженных ног, обутых в тонкую кожаную обувь. Меч с золотой рукояткой болтался у него на перевязи, а с другого плеча свешивался синий бархатный шарф с золотой бахромой на обоих концах. Конь под ним выступал игриво и весело. Поравнявшись с Гвеннивар, он поклонился ей и пожелал ей доброго утра.

— День добрый,— сказала ему Гвеннивар.— Я узнала тебя, Геран, еще издали. Да хранит тебя Бог! Но отчего же ты не на охоте с моим супругом?

— Потому что я не знал, в котором часу он на охоту выедет,— отвечал Геран.

— Ты не знал, а меня он нарочно не разбудил,— смеясь заметила Гвеннивар.

— Это уж действительно странно с его стороны, государыня.

— Я спала так крепко, что и не слыхала, как он уехал! Но ты, милый юноша, будешь мне весьма приятным спутником, и я очень рада тому, что мы с тобою будем стоять в стороне от остальной охоты. Мы услышим издали звук рогов и лай собак, когда их станут спускать со свор.

Беседуя таким образом, они прибыли к опушке леса и остановились около нее.

— Вот,— сказала королева,— отсюда мы все увидим и услышим.

II

Но прежде чем до них долетел звук рогов и лай собак, они услышали в стороне шум и топот коней, оглянулись и увидели прежде всего карлика верхом на высоком горячем коне, взмыленном до ушей. В руках у карлика была длинная плеть. Рядом с карликом на прекрасном белом коне ехала дама в платье из золотой парчи. А рядом с дамой на высоком боевом скакуне гарцевал рыцарь, с головы до ног закованный в железо. Вооружение на нем и на коне было блестящее и массивное... И сам рыцарь, и его конь, и все их вооружение поражали своей громадностью...

Вскоре они поравнялись с Гераном и его дамами.

— Геран,— сказала Гвеннивар,— знаешь ли ты этого высокого рыцаря?

— Нет, не знаю, да притом у него на голове такой странный убор, что я даже не могу рассмотреть его лица.

Тогда Гвеннивар обратилась к девушке и приказала ей спросить у карлика, как зовется тот рыцарь.

Девушка направилась к карлику, а тот, видя это, сдержал коня и выждал ее. Когда же она спросила, он грубо ответил ей:

— Не скажу.

— Ну, если ты так плохо воспитан, что не желаешь ответить на мой вопрос, так я спрошу о том же у самого рыцаря.

— Клянусь, что ты не посмеешь этого сделать! — воскликнул карлик.

— А почему бы так? — спросила она.

— Потому что ты слишком низкого происхождения и недостойна чести говорить с моим господином.

Когда же девушка, не обращая внимания на эти слова карлика, двинула коня к рыцарю, карлик с размаху ударил ее плетью по лицу, так что кровь брызнула на платье бедняжки, которая, не стерпев такого оскорбления, в слезах вернулась к королеве.

— Негодный грубиян! — воскликнул Геран. — Я сам поеду и узнаю, кто этот рыцарь.

— Поезжай! — сказала Гвеннивар.

— Как зовут этого рыцаря? — спросил Геран, подъезжая к карлику.

— Не скажу и тебе.

— Так я у самого у него спрошу, — сказал Геран.

— Не спросишь! — сказал карлик. — Ты недостойн говорить с моим господином.

— Случалось мне говорить с людьми и повыше твоего господина, — возразил Геран и дал шпоры коню. Но карлик заградил ему дорогу и точно так же, как девушке, нанес и ему такой сильный удар плетью по лицу, что кровь закапала на его шарф.

Геран схватился было за рукоять своего меча, но тотчас сообразил, что, убив ничтожного карлика, он не смеет с себя оскорбления, а с рыцарем без доспехов ему биться невозможно, и потому повернул коня и возвратился к королеве.

— Ты поступил разумно и осторожно, — сказала ему Гвеннивар.

— Государыня, — сказал Геран, если ты мне дозволишь, я поеду вслед за этим рыцарем и в первом же замке, куда мы прибудем вместе с ним, я позаимствую у кого-нибудь вооружение и буду с ним биться.

— Ступай вслед за ним, — сказала Гвеннивар, — и не нападай на него плохо вооруженный, помни, что я буду тревожиться, пока не получу от тебя известий.

— Если буду жив, ты получишь их не позже, как завтра после полудня.

И, сказав это, он поехал вслед за рыцарем и карликом.

III

Долго ехал Геран путем-дорогою и наконец приехал к ближнему городу, в котором с одной стороны въезд был за-

щищен сильной крепостью, а с другой — крепким замком.

При въезде рыцаря в город все жители его приветствовали и ему кланялись весьма почтительно. А Геран, следуя за ним издали, проезжал по городу и внимательно осматривался на все стороны, надеясь где-нибудь увидеть знакомого человека. Но ожидания его оказались тщетны. Он не встретил ни одного знакомого и не нашел ни одного человека, который бы ссудил его доспехами и оружием. А между тем все дома в городе были битком набиты военным людом, всюду чистили доспехи, точили мечи, подковывали коней и подновляли щиты.

Он видел издали, как дама и карлик вместе с рыцарем въехали в замок и как радостно встретила их толпа, теснившаяся у ворот.

Убедившись в том, что рыцарь и дама остановились в замке на ночлег, Геран стал и себе искать ночлега и решился приютиться на краю города в полуразрушенном дворце, на пороге которого был весьма приветливо встречен почтенным старцем, украшенным сединами и одетым в жалкие лохмотья.

— Молодой человек, — сказал Герану старец, — скажи, чем ты озабочен?

— Да вот не знаю, где мне приютиться на ночь...

— Я дам тебе приют на ночь, — сказал старец, и когда Геран спешился у входа во дворец, он провел его в небольшую комнатку около залы. Там он познакомил его со своей престарелой супругой и с прелестной дочерью, и Геран увидел, что они при всем благодестве осанки и внешности своей были одеты в такие же жалкие лохмотья, как и сам старец.

— Пойди и позаботься о коне этого юноши, — сказал старик, обращаясь к девушке, — ведь ты знаешь, что у нас нет слуг для приема гостей и услужения им.

— Будь спокоен, — сказала девушка, — я беру его коня на свое попечение и ему самому сумею услужить.

И действительно, она помогла Герану снять с себя оружие и верхний плащ, а коню его принесла корму и соломы на подстилку.

Когда она вернулась, старик сказал ей:

— Ступай в город и запасись съестным, да не забудь добыть и хорошего вина, чтобы было чем угостить гостя.

— Будь спокоен, я все справлю, — сказала она и ушла исполнять поручение отца.

Вскоре после того она возвратилась из города, неся в корзине белые хлебы, а в узле пироги, сверх того позади нее юноша нес на одном плече большую кружку лучшего меда, а на другом большой кусок мяса.

— Я ничего не могла найти лучше этого, — сказала молодая девушка, входя в залу, — никто не захотел мне поверить и не дал в долг ничего другого.

— И этого довольно, — сказал Геран.

Когда ужин был изготовлен, они уселись за стол, и Геран занял место между седовласым старцем и его женой, а молодая их дочь прислуживала за столом. Когда все достаточно насытились и утолили жажду, Геран спросил старика, кому принадлежал тот дворец, в котором его приютили.

— Этот дворец выстроен мной, — отвечал старец, — и этот город тоже принадлежал весь когда-то мне, и тот замок, который ты видел в городе.

— Как же могло случиться, что ты всего этого лишился?

— Не только этого... Я владел еще обширным графством, которое также утратил, и вот каким образом. У меня был племянник, братник сын. В его малолетство я завладел его имениями. Когда он пришел в возраст, то потребовал, чтобы я возвратил ему все, что ему принадлежало, а я отказался исполнить его требование... Тогда он объявил мне войну и отнял у меня все мое имущество и все мои владения.

— А не можешь ли ты объяснить мне, — продолжал расспрашивать Геран, — по какому поводу рыцарь, дама и карлик, за которым я следовал, прибыли теперь в город? И что обозначают все эти военные приготовления, которые я видел всюду в городе?

— Это объяснить нетрудно, — отвечал старец. — Все готовится к тем военным играм, которые назавтра здесь дает молодой граф. Среди той луговины, которую можешь видеть отсюда, водрузят две вилы, а на них положат серебряную жердинку, на которую посадят сокола. Этот сокол предназначен в награду тому, кто будет победителем в играх. Все люди, все кони, все оружие, которое тебе мельком удалось увидеть в городе, все это завтра будет участвовать в играх. И каждый рыцарь должен с собой привести на игры даму своего сердца, это неперемное условие, без которого рыцарь не может приступить к играм и выиграть сокола. Тот рыцарь, которого ты встретил с дамой на карем коне, в последние два года оставался победителем на этих играх и если теперь еще раз будет победителем, то местные жители обязаны будут каждый год посылать ему сокола в подарок. А он уж более не явится сюда и сверх того получит навсегда право называться Рыцарем Сокола.

Тогда Геран рассказал об оскорблении, которое нанес ему карлик, и спросил старца:

— Как, по-твоему, должен я поступить, чтобы отомстить рыцарю за оскорбление, нанесенное его карликом мне и девушке из свиты Гвеннивар, супруги Артуровой?

— Трудно дать тебе совет в этом случае, потому что при тебе здесь нет ни дамы, ни девицы, в честь которой ты мог бы участвовать в играх. А, впрочем, если б ты вздумал участвовать, знай, что у меня есть оружие и доспехи, которыми я смог бы тебя ссудить, и конь, которым ты мог воспользоваться, если бы нашел, что он лучше твоего.

— Благодарю тебя за предложение, — сказал Геран. — Я воспользуюсь твоим оружием и доспехами, но не променяю своего коня на твоего, потому что к нему привык. Но дозвожь мне, достойный друг, принять участие в играх в честь твоей дочери — этой юной красавицы. Если выйду из битвы цел и невредим, то клянусь, что всю жизнь мою буду любить твою дочь! В противном случае она останется так же в девицах, как и теперь.

— С удовольствием соглашаюсь на это, — сказал старец. — И если ты окончательно решился, то знай, что твой конь и твои доспехи должны быть готовы к рассвету. На рассвете рыцарь, известный тебе, выступит на поле битвы и произнесет свой вызов, а затем попросит свою даму положить руку на сокола и обратится к ней со следующими словами:

— Ты красивейшая из женщин, и два года кряду ты уже выигрывала сокола на этих играх. Если кто ныне дерзнет оспаривать у тебя этого сокола силою — я тому противник.

— Поэтому, как ты изволишь видеть, необходимо, чтобы ты был там уже на рассвете — сказал старец, — и мы втроем будем сопровождать тебя на игры.

Так они уговорились, а когда наступила ночь, легли спать.

IV

Они поднялись еще до света и поспешили одеться, а когда рассвело, они все четверо уже находились на лужайке, предназначенной для игр. Рыцарь, победивший в два последних года, уже произносил свой вызов и призывал свою даму к тому, чтобы она прикоснулась к соколу.

— Постой, — сказал Геран, — выступая вперед. — Вот молодая девушка, которая и красивее, и милее твоей дамы, а потому и более достойна предлагаемой тобой чести!

— Если ты предполагаешь, что она более моей дамы имеет право на сокола, то выходи со мною на бой!

И вот Геран вступил с ним в бой и противники спшиблись раз и другой, и третий, и каждый раз ломали по копью, а потом еще много раз насакивали друг на друга, каждый раз ломая все те копьа, которые им подносили. И когда рыцарь стал одолевать, молодой граф и его свита рукоплескали и выражали свою радость громкими ликованиями, а старец, его жена и дочь опускали голову в тревоге. И старец беспрестанно подносил Герану все новые и новые копьа, точно так же, как карлик подносил их рыцарю. Наконец, старец поднес Герану последнее копье и сказал:

— Вижу, юный друг мой, что плохое копье не выдерживает крепости твоей руки! Возьми же вот это — оно было при мне в тот день, когда я был посвящен в рыцари, и я никогда не мог его изломать. Да и острие этого копьа закалено на славу!

Геран взял копьё и поблагодарил старца.

Но карлик тотчас же подал новое копьё своему господину, говоря:

— Вот тебе копьё, которое ничуть не хуже того. Да кстати припомни, что никогда и ни один рыцарь еще не мог так долго тебе противиться, как этот твой противник!

— Клянусь небом! — воскликнул Геран. — Никакое копьё не спасет твоего господина, если я останусь в живых!

И они еще раз сшиблись с такой яростью и ожесточением, что Геран нанес своему противнику такой страшный, такой сокрушительный удар, что расколол его щит надвое, изломал его копьё вдребезги и сбросил его вместе с седлом на землю.

И сам тотчас же спешился и, полный ярости, бросился на противника с мечом в руках. Но и тот уже поднялся и тоже ожидал его с обнаженным мечом. И стали они биться пешим боем, так что искры дождем сыпались от мощных ударов их мечей о доспехи. А они все бились и бились, хотя истома уже начинала туманить их взоры... Когда одолевал Геран, старец, жена его и дочь радовались и ликовали, когда перевес склонялся на сторону его противника — ликовал граф и свита...

И вот в то самое мгновение, когда страшный удар обрушился на Герана, седовласый старец подбежал к нему и сказал в ободрение:

— Помни о нанесенном тебе оскорблении! Неужели ты не сумеешь отомстить ни за себя, ни за Гвеннивар, супругу Артура?

Эти немногие слова удвоили силы Герана: он взмахнул мечом что было мочи и нанес такой удар рыцарю, что рассек ему шлем и череп до мозга.

Тогда рыцарь упал на колени, выпустил меч из рук и стал просить о пощаде.

— Я готов пощадить тебя, — сказал Геран, — но при условии, что ты отправишься отсюда к Гвеннивар, супруге Артура, и дашь ей удовлетворение, какого она потребует за оскорбление, нанесенное твоим карликом ее прислужнице. Что касается меня, то я вполне вознагражден твоим унижением за то оскорбление, которое вы оба, ты и карлик, нанесли мне. Итак требую, чтобы ты не сходил с коня до тех пор, пока не явишься перед королевой Гвеннивар и не подчинишься тому наказанию, которое будет на тебя наложено при дворе Артура.

— Я на все согласен, — покорно отвечал рыцарь. — Но дозвожь узнать, кто ты?

— Я Геран, сын Эрбина. А ты кто?

— Я Эдэирн, сын Нуза.

И Эдэирн, несмотря на свою жестокую рану, сел верхом на коня и отправился в путь ко двору короля Артура в сопровождении своей дамы и своего карлика, которые были так по-

ражены тем, что произошло на их глазах, что не смели и головы поднять и ехали вслед за рыцарем потупившись.

V

Молодой граф со своей свитой подошел к победителю, поклонился ему и пригласил в замок.

— Не могу,— отвечал ему Геран,— я должен и эту ночь провести там же, где провел прошлую.

— Если так, то предупреждаю тебя, что и в том доме в изобилии найдешь то, что я мог бы предложить тебе в моём. Сверх того я прикажу тебе приготовить такой бальзам, который возвратит тебе силы, утраченные тобой в битве.

— Да благословит тебя Бог! — сказал Геран.— Я сейчас же возвращусь к себе домой.

И Геран возвратился с графом Эниуль, его женой и дочерью в их полуразвалившийся дворец. И когда они туда явились, весь дворец был полон слуг и подручных молодого графа: они усыпали соломою полы и разводили огонь во всех комнатах. Вскоре и бальзам был изготовлен, и Геран приказал себе умастить им голову. Немного спустя явился и граф с сорока благородными рыцарями, составлявшими его свиту, и все, кто был им приглашен для присутствия на пире. Геран вышел к нему, и граф стал приглашать его в столовую, чтобы участвовать в общей трапезе. Но Геран выждал графа Эниуля, жену его и дочь и за столом занял главное место. По правую руку от него сидел молодой граф и рядом с ним граф Эниуль, по левую — графиня Эниуль с дочерью, а затем уже и все остальные гости по старшинству и достоинству.

Обед был сытный, разнообразный и превосходный по качеству блюд. Беседа завязалась и оживилась, и молодой граф стал на завтра приглашать Герана к себе в замок.

— Нога моя не будет в твоём замке,— сказал Геран,— пока граф Эниуль будет оставаться в нищете и невзгоде. Завтра я отправлюсь с этой молодой девушкой ко двору Артура главным образом с той целью, что хочу позаботиться об улучшении участи престарелого графа.

— Но послушайте же, юный друг мой, разве же я виноват, если граф Эниуль лишился в тяжбе со мною всего, что имел?!

— Клянусь, что он недолго останется в этом положении, и если Бог поможет, я постараюсь вернуть ему отнятые у него владения! — сказал Геран.

— Ну так я выбираю тебя третьейским судьей в моей тяжбе с графом Эниулем, заранее говорю, что стану на сторону твоего мнения и подпишусь под твоим решением.

— Я требую только одного,— сказал Геран,— чтобы ему возвращено было то, что составляет его собственность, и что-

бы ты вознаградил его за все то время, в течение которого ты владел его имениями и его имуществом.

— Я на это соглашаюсь охотно из желания сделать тебе приятное, — отвечал молодой граф.

— Так пусть же все те, которые некогда были вассалами графа Эниуля, преклонятся перед ним и принесут ему клятву верности!

И все бывшие вассалы графа Эниуля к нему приблизились и преклонились перед ним, и графу возвращен был и его замок, и все его владения, и все то, что было у него отнято, до мелочей. И престарелый граф Эниуль со слезами признательности подошел к Герану, подвел к нему свою дочь и вложил в его руку ее руку. И на другой же день они отбыли из этого города и направились ко двору Артура.

VI

В то время, когда происходили все эти события, жизнь при дворе Артура шла своим чередом; та охота, на которую Артур направился со всем своим двором, закончилась так: собаки были спущены со свор и направились за оленем, первой нагнала его любимая собака короля Артура по прозванию Каваль, она далеко оставила позади себя всю остальную стаю, вынудила оленя ещё раз вернуться навстречу охотникам, и Артур нанес оленю смертельный удар. Прежде чем кто-либо успел к нему приблизиться, он ловко срезал ему голову. И все затрубили в рога, извещая о смерти оленя, и собрались около короля.

Когда же по окончании охоты все веселой гурьбой направились домой, между охотниками завязался спор о том, кому достанется голова оленя. Один утверждал, что она должна быть по справедливости присуждена его дочке, другой напротив отстаивал права своей подруги. И так очень весело и шумно прибыли во дворец Артура.

Узнав об этом споре, Гвеннивар сказала Артуру:

— Государь, вот мое мнение: я полагаю, что голова этого оленя никому не должна быть присуждена до тех пор, пока Геран, сын Эрбина, не вернется из своего странствования.

И тут она сообщила Артуру, по какому поводу Геран покинул его дворец и отправился вслед за своим оскорбителем.

— Совершенно согласен с твоим мнением, — сказал Артур, выслушав свою супругу.

На том и было порешено.

На другой день Гвеннивар поставила особых сторожей на башнях Артурова замка, чтобы они еще издали высмотрели приближение Герана и возвестили ей об этом заранее.

И вот вскоре после полудня сторожа известили ее, что по дороге к замку приближаются верхами какой-то безобразный

карлик и дама, а за ними высокий раненый рыцарь. Гвеннивар тотчас догадалась, кто могли быть эти странники...

Немного спустя явился привратник и доложил, что к воротам замка подъехал рыцарь, окровавленный, израненный, в помятых и разбитых доспехах.

— Он так страдает,— добавил привратник,— что на него и смотреть жалко.

— А как его зовут? — спросила королева.

— Его зовут Эдэирн, сын Нуза — так он сказал мне.

— Я его не знаю,— сказала Гвеннивар.

Однако же вышла к входным дверям навстречу ему, и он вошел. И как только она увидела его в таком жалком положении, в ней пробудилось чувство сострадания к нему, хотя следом за ним вошел в залу его грубиян-карлик.

Эдэирн поклонился королеве.

— Бог да хранит тебя! — отвечала она ему приветствием на поклон.

— Государыня,— сказал рыцарь,— Геран, сын Эрбина, лучший и храбрейший из твоих рыцарей, шлет тебе поклон.

— Разве тебе пришлось с ним встретиться? — спросила она.

— Да, государыня, и как видишь, мне недешево обошлась эта встреча! Должен однако же сознаться, что я сам виноват в своей невзгоде. Геран понудил меня сюда приехать, чтобы дать тебе удовлетворение за оскорбление, нанесенное моим карликом твоей прислужнице. Свою обиду он считает достаточно отмщенной, но мне вменил в обязанность явиться к тебе и подчиниться твоей воле: какую кару ты на меня наложишь, такую я и должен буду повести.

— А где он сражался с тобою и победил тебя? — спросила Гвеннивар.

Рыцарь подробно и без утайки рассказал ей обо всем, что с ним случилось, обо всех подробностях битвы, о том, в честь какой красавицы сражался Геран.

— А как ты думаешь, когда именно может Геран сюда возвратиться? — спросила королева.

— Думаю, что завтра, и предполагаю, что он вернется не один, а со своей красавицей.

Во время этого разговора подошел и Артур, и рыцарь поклонился ему, а король, всмотревшись пристально в его лицо, сказал:

— Должно быть, ты Эдэирн, сын Нуза.

— Да, государь,— отвечал рыцарь,— и если ты видишь меня таким, то лишь потому, что я выдержал бой насмерть и получил весьма тяжелые раны...

И он подробно рассказал королю о своих приключениях.

— По тому, что я от тебя слышу,— сказал Артур,— я сужу, что Гвеннивар должна тебя простить.

— Я готова простить ему, если ты его прощаешь,— сказала Гвеннивар,— так как эта обида для тебя и меня общая.

— Ну и тем лучше! — сказал Артур.— Теперь пусть лекари окажут ему необходимую помощь, а когда он выздоровеет, тогда он тебе даст такое удовлетворение, какое присудят мои рыцари.

И Артур позвал Морган-Гуда, своего главного медика, и приказал ему позаботиться о лечении Эдэирна, а королева Гвеннивар приняла на свое попечение ту молодую девушку, которая его сопровождала.

На другое утро сторожа, поставленные на башнях, оповестили королеву о том, что Геран показался вдали на дороге.

— Его сопровождает дама,— сказал один из сторожей,— она одета очень просто, вся в белом. Кажется, что платье на ней из холстины.

— Соберите всех моих женщин,— приказала Гвеннивар,— выйдем все навстречу Герану и примем его торжественно.

Когда он поравнялся с королевой и поклонился ей, она воскликнула:

— Бог да хранит тебя, будь нашим желанным гостем! Поздравляем тебя с удачей и с новой славою. Благодарю тебя за то, что ты так грозно отомстил за нанесенное мне оскорбление!

— Я сделал все, что мог, государыня! Но только благодаря этой молодой девушке я мог привести мое намерение в исполнение.

— Привет и ей! — сказала королева.— Она вполне заслуживает того, чтобы мы ее приняли радушно.

Затем Геран явился на поклон к королю Артуру, и тот принял его радостно и сказал ему:

— Ты много приобрел себе славы, одержав победу над Эдэирном, сыном Нуза.

— Видит Бог, что он страдает не по моей вине, его наглость вывела меня из терпения. Я должен был во что бы то ни стало узнать его имя и помериться с ним силами.

— Но где же та молодая девушка, в честь которой, как мне говорили, ты принимал участие в играх?

— Королева Гвеннивар увела ее в свою комнату,

И король сам пошел на поклон к молодой девушке, он сам и все его приближенные рыцари и придворные приняли ее с радостью и не могли на нее налюбоваться.

На другой день при дворе Артура торжественно была отпразднована свадьба Герана с Эвитой, дочерью графа Эниуля, и король Артур по поводу этого торжества раздал всем дорогие подарки.

А на следующий день после свадьбы королева Гвеннивар сказала своему супругу:

— Вот видишь, как я благоразумно решила тогда сохра-

пить голову оленя до возвращения Герана? Теперь именно и представляется возможность распорядиться этим почетным даром по достоинству... Пусть будет она поднесена Эните, наиболее уважаемой из дам моего двора. Полагаю, что никто не будет у нее оспаривать права на этот дар, потому что все здесь уже успели ее полюбить.

Все одобрили эту речь королевы и Артур в особенности. Голова оленя была поднесена в дар Эните, которая приняла этот дар с благодарностью, и все с той поры стали оказывать ей уважение и почет.

А Геран год от года более и более прославлялся своими подвигами на военных играх, где ему не встречалось соперников. Так прошел год, два и три после его свадьбы, а слава его все распространялась и дошла наконец до крайних пределов Артурава королевства.

Передур, или таинственный союз

I

Граф Еврок владел на дальнем Севере пространством небольшим и небогатым. У него было семь сыновей. Жил он не столько доходами со своих владений, сколько тем, что получал с турниров, да добычею от войн и различных набегов, в которых он принимал участие. Но, как это часто случается с людьми, живущими исключительно военным ремеслом, он был убит на войне вместе с своими шестью сыновьями.

Седьмой звался Передуром и был младший из всех. Будь он постарше, он ушел бы, конечно, вместе с отцом и братьями на войну и тоже был бы убит, как они. Его мать была женщиной очень осторожной и заботилась о своем единственном сыне и его владениях. И вот она решилась покинуть свет и уйти в уединение пустынной глуши, где могла бы окружить себя только женщинами, детьми и людьми, ничего не смыслившими в военном деле.

И никто не смел владеть ни конем, ни оружием на глазах ее сына, чтобы он этого не увидел и сам не вздумал сес ь на

копья и взяться за оружие. Вся забава ребенка состояла только в том, что он каждый день ходил в лес и там занимался метанием в цель палок и кольев.

Однажды случилось увидеть ему двух ланей, которые подошли близехонько к стадам его матери, и по простоте своей он был очень удивлен тем, что у ланей нет рогов. Он подумал даже, что это безрогие козы, случайно заблудившиеся в лесу и там потерявшие рога, стал загонять их домой и загнал в хлев.

Тотчас после того он побежал к матери и рассказал ей о своей удаче. Отовсюду сбежались люди, чтобы посмотреть на двух диких ланей, загнанных Передуром в хлев. Они дивились его догадке, проворству и предсказывали, что он, когда вырастет, будет славным бойцом и смелым охотником.

II

И вот однажды на дороге, пролежавшей вдоль леса, показались три рыцаря. Это были Гвальмай, сын Гвиара, Гвестель и Овенн, сын Уриена. Они были посланы Артуром на поиски того волшебного рыцаря, который взялся делить между красавицами Артурова двора заколдованные золотые яблоки волшебника Мерлина и, очаровав всех своими сладкими речами, скрылся из глаз у всех рыцарей, никем не замеченный.

Передур, увидев рыцарей, спросил:

— Матушка, что это за люди?

— Это ангелы, сын мой, — отвечала мать.

— О, если так, то и я тоже хочу быть ангелом, — отвечал ей Передур.

Он направился к рыцарям и нагнал их.

— Скажи мне, голубчик, — обратился к нему Овенн, — не видал ли ты вчера или сегодня рыцаря, который проезжал тут мимо?

— Рыцаря? Да я даже и не знаю, что такое рыцарь, — добродушно отвечал Передур.

— Да вот такой же, как я, — сказал Овенн.

— Если ты ответишь мне на мой вопрос, то и я отвечу тебе на твой.

— Изволь, голубчик.

— Вот это что такое и как называется?

— Это седло, — сказал Овенн.

И вслед за тем Передур расспросил его точно так же о каждой отдельной части конской сбруи и о каждой части рыцарского доспеха и вооружения. Расспросил и о том, как владеют оружием; и когда Овенн вполне удовлетворил его любопытство, Передур сказал:

— Поезжай все прямо этой же дорогой. По ней действительно проезжал некто, похожий на тебя. А я поеду за тобой следом.

И, возвратясь к своей матери, Передур сказал:

— Матушка, то были не ангелы, а честные рыцари.

При этих словах мать обомлела от страха и волнения. А Передур отправился на конюшню, выбрал там из рабочих коней лучшего, привязал ему на спину мешок вместо седла и возвратился к матери, которая тем временем успела оправиться от испуга.

— Как, сын мой? — спросила она. — Неужели ты собираешься уходить?

— Да, с твоего разрешения.

— Ну, так я должна тебе прежде дать некоторые наставления.

— Охотно их выслушаю, только говори скорей.

— Так вот тебе прежде всего мой совет. Поезжай прямо ко двору короля Артура, так как там собираются лучшие, великодушнейшие и храбрейшие рыцари. Если поедешь мимо церкви, помолись, если проголодаешься или почувствуешь сильную жажду и никто не потрудится предложить тебе ни еды, ни питья, бери все сам, не спрашивая. Если услышишь чьи-либо стоны, в особенности женские, сейчас же спеши на помощь. Если найдешь какую-нибудь драгоценность, то не держи ее при себе, а подари кому вздумается и этим заслужишь ото всех внимание и вызовешь похвалы своей щедрости. К красивым женщинам относись почтительно и вежливо и заслужишь их любовь и уважение.

Когда она смолкла, Передур сел верхом на коня, взял в руки с десяток дротиков с острыми наконечниками и пустился в путь.

III

Проблуждав два дня и две ночи по пустыням и лесам, не пивши и не евши, Передур въехал в большой дремучий лес и в том лесу завидел еще издали ровную поляну. Посредине той поляны он увидел раскинутый шатер, который и принял за церковь, и стал про себя творить молитву.

Подъехав ближе, он направился к шатру, у входа в который на золотом кресле увидел молодую женщину, прекрасную собой. Ее чудные каштановые волосы поддерживала золотая повязка с камнями, а на пальце блистало золотое кольцо.

Передур сошел с коня и вошел в шатер. Молодая женщина была, видимо, этому рада и приветствовала его поклоном. В шатре он увидел на столе две бутылки вина, два карава белого хлеба и нарезанную кусками свинину.

— Матушка моя, — сказал Передур, — наказывала мне, чтобы я ел и пил всюду, где будет возможно.

— Кушай сколько тебе вздумается, — сказала молодая женщина. — Добро пожаловать!

Передур съел ровно половину всего, а затем опустился на колени перед молодой женщиной и сказал ей:

— Матушка моя сказывала мне, что всюду, где мне удастся найти какую-нибудь драгоценность, я могу ее взять.

— Бери все, что тебе любо! — сказала молодая женщина.

Тогда Передур снял с ее руки кольцо, сел верхом и пустился в путь.

Между тем рыцарь, которому принадлежал шатер, не замедлил возвратиться. Он увидел около шатра конские следы и спросил у молодой женщины:

— Кто здесь побывал в моем отсутствии?

— Человек с очень странными приемами, — отвечала молодая женщина и описала рыцарю внешность Передура и рассказала подробно все, что произошло.

— Скажи мне, не позволил ли он себе оскорбить тебя чем-либо?

— О, нет! Он ничем меня не оскорбил.

— Так ли, полно! Я тебе не верю. И двух ночей не пройдет до того мгновенья, когда я с ним встречу, отомщу за нанесенную мне обиду и вымещу на нем гнев мой!

Сказав это, рыцарь поднялся с места и пустился за Передуром.

Между тем Передур направился ко двору короля Артура. Незадолго до его прибытия туда произошло нечто весьма прискорбное для всех рыцарей Артурова двора. Ко двору приехал какой-то надменный и наглый рыцарь, вошел в залу без доклада, дав привратнику золотой перстенек за то, что тот взялся поддержать его коня. Затем он вошел в залу, где Артур и весь его двор сидели за столом. Тут же присутствовала Гвеннивар со своими дамами. Молодой прислужник подавал королеве золотой кубок с вином. Приезжий рыцарь подошел к королеве, вырвал у нее кубок из рук, расцеловал вино ей на платье, и сказал:

— Если кто дерзнет отнять у меня этот кубок и вздумает отомстить королеве, тот пусть последует за мною в поле, там буду я ждать себе супротивника.

Сказав это, он удалился, унося с собою кубок, и стал в поле ждать себе бойца. Все были до такой степени поражены его наглостью, что совсем растерялись. Все друг за друга хоронились, опасаясь, что их попросят вступить за честь королевы, а между тем заезжий рыцарь представлялся им неодолимым соперником и бойцом, одаренным сверхъестественной силой.

Как раз в это время явился Передур верхом на своей кляче, в своей странной одежде, с пучком дротиков в руке.

Кай стоял среди залы, когда Передур вступил в нее и обратился к нему с вопросом:

— Скажи мне, именитый муж, где здесь находится король Артур?

— А тебе какая до него нужда? — спросил Кай.

— Матушка приказала мне ехать ко двору короля Артура с тем, чтобы он посвятил меня в рыцари.

— Ого! — заметил Кай, оглядев Передура. — Для рыцаря ты и наряжен, и вооружен уж чересчур легко!

И все вместе с Каем стали подтрунивать над Передуром. Но вдруг явились в залу Карлик и Карлица, которые уже целый год жили при дворе Артура, ходатайствуя о какой-то милости и о том, чтобы Артур принял их под свою защиту. В течение целого года ни Карлик, ни Карлица не заговорили ни разу ни с кем из придворных Артура, но при виде Передура Карлик воскликнул:

— Да хранит тебя Бог, прекрасный Передур, сын Еврока, краса бойцов и цвет рыцарей!

— Как! — воскликнул взбешенный Кай. — Целый год ни с кем из нас ты и слова не проронил, а теперь перед лицом короля Артура и всех его приближенных дерзаешь величать этого заезжего молодца красою бойцов и цветом рыцарей!

И он так ударил Карлика по уху кулаком, что тот упал на пол без чувств. Но вслед за мужем и жена его, Карлица, также воскликнула:

— О, Передур, сын Еврока! Да хранит тебя Бог — краса бойцов и цвет рыцарей!

— Как, и ты тоже! — воскликнул Кай. — Целый год ты здесь жила и рта не разинула, чтобы похвалить кого-нибудь из рыцарей Артура, а тут вдруг вздумала превозносить первого встречного и поперечного!

И он, озлобившись, дал ей такого пинка, что и она тоже упала без чувств.

— Именитый муж, — продолжал настаивать Передур, — да покажешь ли ты мне наконец Артура?

— Молчи! — огрызнулся Кай. — Коль хочешь быть представлен Артуру, ступай немедленно вслед за рыцарем, который сейчас сюда наезжал, взял отсюда золотой кубок и ждет себе супротивника в поле. Побей его, отними у него кубок, овладей его конем и вооружением — и тогда приходи сюда посвятиться в рыцари!

— Ладно! — сказал Передур и тотчас же направился в поле к ожидавшему там рыцарю.

Когда Передур выехал в поле, то увидел там рыцаря, надменно и гордо сидевшего на коне, полного уверенности в своих мощи и мужестве.

— Не видел ли ты, — спросил его рыцарь, — едет ли кто-нибудь от двора Артурова, чтобы переведаться со мной в этом поле?

— Никого не видел. А вот тот именитый муж, которого я там встретил, предложил мне побить тебя, отнять у тебя кубок и овладеть твоим конем и доспехом.

— Молчать! — крикнул рыцарь. — Вернись ко двору Артура, самого его высылай со мною биться, или кого-нибудь из его рыцарей. Да скажи им, что если они не явятся тотчас, то я их и ждать не намерен долее!..

— Ну уж нет! — сказал Передур. — Любо или не любо — а я все же добуду от тебя и коня, и оружие твое, и кубок.

Взбешенный этими речами рыцарь устремился на него и нанес ему копьем жестокий удар между шеей и плечом.

— Недурно, молодчик! — сказал Передур. — Слуги моей матери не играли со мною в такую игру, но я готов с тобой и так поиграть, пожалуй...

И он пустил в него один из своих дротиков, который попал ему в глаз и вышел в затылок, — и рыцарь пал наземь мертвый.

А между тем Овенн, сын Уриена, выговаривал Каю:

— Неразумно ты поступил, отправив этого дурака в погону за рыцарем. Ведь уже само собой разумеется, что случиться должно одно из двух: он будет или побит, или убит. Если побит, то рыцарь станет хвалиться, что побил одного из лучших рыцарей Артурова двора, а это для Артура и для нас всех будет вечным позором. А если он будет убит, то нам тоже будет невелика честь, да притом и жаль, что этот юноша поплатится за свою неосторожность. Надо поехать посмотреть, чем там дело кончилось.

Овенн выехал в поле и увидел, что Передур тащит доспехи с убитого рыцаря. Он спросил юношу с изумлением:

— Что это ты делаешь?

— Да вот, никак не могу стянуть с него эту железную одежду! — отвечал Передур. — Напрасно я стараюсь изо всех сил — ничего не могу сделать.

Овенн помог ему снять доспехи с рыцаря и сказал:

— Вот тебе, простая душа, достались теперь и доспехи, и конь получше того, что у тебя были. Надень эти доспехи и поедем к королю Артуру, чтобы он посвятил тебя в рыцари, ибо ты вполне того достоин.

— Нет! И не подумаю туда показаться! — сказал Передур. — Вот снеси от меня кубок королеве и скажи Артуру, что где бы я ни был, я всегда останусь его вассалом и буду служить ему верой и правдой. Но ко двору его не вернусь ранее, как сразившись с тем именитым мужем, которого я там встретил, и отомстив ему за оскорбление, нанесенное им Карлику и Карлице.

Тогда Овенн возвратился ко двору и передал Артуру и королеве Гвеннивар то, что поручил ему Передур. И Каю тоже передал угрозу Передура.

А Передур тем временем пустился в путь. Едучи путем-дорогою, увидел, что навстречу ему едет рыцарь.

— Откуда ты едешь? — спросил тот.

- От Артурова двора, — отвечал Передур.
- Да ты уж не вассал ли его?
- Да, ты угадал.
- Не велика честь быть вассалом Артура!
- Это почему? — спросил Передур.

— А вот я тебе сейчас поясню. Я всегда ненавидел Артура, всегда бился со всеми его рыцарями и всегда побивал их.

Тут, не теряя времени, они сразились, и Передур вышвырнул своего противника из седла и заставил просить пощады.

— Охотно пощажу тебя, — сказал Передур. — Но ты должен мне поклясться, что поедешь ко двору Артура и скажешь ему от меня, что я победил тебя ему во славу и что я вернусь ко двору не ранее, как отомстив за Карлика и Карлицу.

Рыцарь поклялся, что все это исполнит, и действительно поехал ко двору Артура, и сдержал свое слово, и передал угрозу Передура по отношению к Каю.

А Передур ехал да ехал все вперед и вперед, в течение недели сразился с шестнадцатью рыцарями. Он отправил их всех ко двору Артура с тем же наказом к королю и с той же угрозой к Каю. И Артур крепко-накрепко выговаривал Каю за то, что тот так дурно обошелся с Передуром, и Кай был этим очень опечален.

VI

Передур между тем продолжал свой путь и въехал в глубь глухого леса, в чаще которого увидел налево от себя озеро, а направо прекрасный замок. На берегу озера седовласый старец почтенной наружности, в темной атласной одежде, сидел на шелковой подушке и смотрел, как сопровождающие его люди ловили в озере рыбу.

Когда старец увидел Передура, он поднялся со своего места и направился прихрамывая к замку. Передур въехал в открытые настежь ворота замка и вступил в залу, где старец уже сидел перед огнем, разведенным в камине. Все лица, окружавшие старца, а также и все слуги поднялись навстречу Передуру, чтобы его принять и снять с него оружие.

Старец предложил гостю сесть с ним рядом у каминна. Передур сел и вступил в разговор со старцем. Когда же пришло время обеда, слуги накрыли столы и все уселись за них. По окончании обеда старец спросил у Передура, умеет ли он владеть мечом?

— Не знаю, умею ли, — отвечал Передур. — Но когда меня научат, то буду уметь.

— Кто умеет биться на палках, прикрываясь щитом, тот сумеет владеть и мечом, — сказал старец и тотчас вслед за тем обратился к своим сыновьям, белокурому и черноволосому.

— Детки,— сказал он,— побейтесь на палках, покажите гостю эту игру.

И оба юноши показали Передуру, как бьются на палках.

— Ну вот теперь скажи, милый друг,— который из этих двух юношей, по твоему мнению, бьется лучше?

— Мне сдается, что белокурый бьется лучше черноволосого.

— Ну так теперь твоя очереди! Возьми палку и щит из рук черноволосого и, если сможешь, побей белокурого.

Передур повиновался. Он стал биться на палках с белокурым сыном старика и бился так ловко и сильно, что мигом подбил ему глаз.

— Хорошо, друг мой! — сказал старец. — Ступай сюда и садись рядом со мною. Вижу, что ты будешь со временем одним из первых бойцов на мечах во всей Британии. Скажу тебе еще, что я тебе дядя — брат твоей матери. Я желаю, чтобы ты остался у меня некоторое время для изучения обычаев различных стран и правил вежливости, светского общепития, обхождения с людьми. Позабудь все то, что наказывала тебе мать, научись действовать, говорить не так, как она действует. Я сам займусь твоим перевоспитанием и посвящу тебя в рыцари. Помни, что отныне ты должен будешь вести себя так: если случится тебе увидеть чтонибудь такое, что вызовет в тебе удивление, ни у кого не спрашивай объяснений; а если никто не потрудится тебе эти объяснения дать, то вини не себя, а меня, потому что я — твой наставник.

И так долго беседовал с ним дядя, давая ему советы и наставления, которые должны были пригодиться в жизни. Они расстались только тогда, когда наступила ночь.

VII

Поднявшись на заре, Передур простился с дядей, сел на коня и пустился в дальнейший путь. Проехав еще один лес, он выехал на поляну и увидел там большой замок в стороне. Направившись к замку, он въехал в открытые ворота его и вступил в залу, где седой и почтенный старец сидел в углу, окруженный молодежью, которая вся поднялась, чтобы с почетом принять приезжего гостя. Ему отвели место рядом с хозяином дома. И когда все расселись, старец спросил Передура, умеет ли он владеть мечом.

— Коли меня поучишь, так я думаю, что сумею,— сказал Передур.

А надо заметить, что среди залы в каменный пол ее был вбит огромный и толстый железный крюк. Указывая на него, старик сказал Передуру:

— Вот тебе меч... Ударь мечом по этому крюку!

Передур ударил мечом по крюку с такой силой, что и крюк, и меч разлетелись на две части.

— Возьми крюк и меч,— сказал старец,— и сложи их край с краем.

Передур сложил крюк и меч край с краем, и они опять спаялись вместе.

Он еще раз ударил мечом по крюку с такой силой, что еще раз разбились и меч, и крюк на два куска. И так же, как в первый раз, по приказанию старца, составил их край с краем, и они спаялись сами собою.

Ударил он в третий раз, но на этот раз разбил и меч, и крюк вдребезги, так что их и составить было невозможно.

— Ну, дитя мое,— сказал старец,— подойди и сядь со мною рядом. Благославляю тебя на подвиги. Ты и теперь уже владеешь мечом лучше, чем кто-либо в Британии. Но теперь ты достиг еще только двух третей своей силы. Когда же войдешь в полную силу, никто не в состоянии будет состязаться с тобой. Я это знаю и предсказываю тебе, так как я тебе родной дядя — брат твоей матери и брат того старца, у которого ты провел вчерашний день и ночевал сегодня.

В то время, когда они таким образом беседовали, в залу вошли двое юношей. Они несли очень длинное копьё, с острия которого капнуло на землю три капли крови. С этим копьём они направились через залу в соседнюю комнату.

Все присутствовавшие, увидев этих юношей с копьём, стали плакать и стонать от горя. Но старец продолжал свою беседу с Передуром, и так как он не считал нужным объяснить Передуру, что происходит у него на глазах, то юный витязь не дерзнул об этом спросить.

Когда же крики и стоны несколько утикли, в залу снова вошли две молоденькие девушки. Они несли круглый сосуд вроде шара, и в нем лежала человеческая голова, из которой сочилась кровь, наполняя собою сосуд. И при виде этих девушек все присутствующие подняли такой вопль, что его и слышать было невозможно без трепета, а затем, спустя мгновение, все стихли. Вскоре после того Передуру отведена была просторная комната, в которой он и провел ночь.

VIII

На другое утро Передур распростился с дядей и пустился в путь. Дорога привела его к лесу. И чуть только он вступил в него, как услышал издали чьи-то стоны. Подъехав, увидел красивую женщину, а около нее оседланного коня и распростертый на земле труп. Несчастная женщина пыталась поднять труп на коня, но он снова падал на землю, а она, сознавая свое бессилие, сокрушалась и плакала.

— Скажи мне, сестрица, о чем ты так сокрушаешься? — спросил ее Передур.

— А тебе какое дело, богоотступник Передур! Разве ты когда-нибудь сожалел обо мне?

— Почему же я богоотступник?

— Потому что ты был причиной смерти твоей матери. Когда ты покинул ее против ее воли, она загрустила о тебе, да с грусти и померла. А те Карлик и Карлица, которых ты видел при дворе Артура, — это добрые гении твоей семьи. Я же — твоя молочная сестра, а этот рыцарь (она указала на убитого) был моим мужем. Его убил рыцарь, который и теперь стоит станом поблизости, вон в той лесной прогалине. Но остерегайся его: он убьет и тебя.

— Сестрица, — сказал Передур, — ты несправедливо укоряешь меня... Когда бы я еще дольше оставался дома, так теперь мудрено было бы с этим рыцарем справиться. Не печалься по-пустому. Я похороню твоего мужа, а затем пойду и разыщу рыцаря, его убийцу, и посмотрю, нельзя ли отомстить ему за это убийство.

Совершив погребение, они направились к тому месту, где должны были встретить рыцаря, и увидели, что он гордо расхаживал взад и вперед по лужайке. Он обратился к Передуру и спросил его:

— Откуда путь держишь?

— Еду от двора короля Артура.

— Да ты уж не его ли вассал?

— Да, несомненно.

— Нечего сказать, велика честь быть вассалом Артура! И они тотчас же сразились, и Передур сразу одолел рыцаря и вынудил его просить пощады.

— Я тебя пощажу, — сказал Передур, — но с одним условием: ты должен взять эту женщину себе в супруги и относиться к ней с уважением и почетом, какого она заслуживает, поскольку ты без всякой причины убил ее мужа. А затем ты отправишься ко двору короля Артура и передашь ему, что я тебя победил в честь его и ему на прославление. Да еще добавишь, что я вернусь к нему во дворец не иначе, как повстречавшись с тем именитым господином, который так дурно меня тогда принял. Я должен этому нахалу отплатить за оскорбление Карлика и Карлицы.

Рыцарь принял все эти условия. Он добыл для дамы коня и поехал вместе с нею к Артурову двору. Там он передал королю все, что произошло, и тот вызов, который Передур послал Каю. И еще раз Артур и все его приближенные стали почитать Кая за то, что он отдалил от королевского двора такого славного рыцаря, как Передур.

Овенн, сын Уриена, сказал при этом:

— Этот юный витязь, видно, тогда только придет к коро-

левскому двору, — когда здесь уже не будет Кая.

— Клянусь своей волей, — сказал Артур, — что я посету все трущобы и дебри Британии, но добьюсь-таки того, что разыщу Передура и воочию увижу то, кто сильнее в бою и крепче — Кай или Передур.

IX

А Передур между тем все ехал да ехал и попал в дремучий лес, где не видно было ни человеческого, ни звериного следа, а всюду была лишь непроницаемая чаща кустов и диких порослей. В самой середине леса он увидел большой замок с крепкими башнями. Подъехав к его воротам, Передур увидел, что въезд в них зарос высокими и густыми травами. Он ударил в ворота тупым концом копейного древка и тут только увидел худощавого длинноволосого молодого человека, который стоял в башне на часах.

— Храбрый витязь, — сказал Передуру юноша, — желаешь ли ты, чтобы я тебе прямо отпер ворота или чтобы сначала доложил хозяевам замка о твоём прибытии?

— Доложи. И если они пожелают меня видеть, я заеду в замок.

Юноша сошел с башни, некоторое время спустя открыл Передуру ворота. Когда же Передур вступил в залу, то увидел там восемнадцать юношей, тоже худощавых и схожих лицом с юношей, который его встретил, и так же одетых. Все они были вежливы и предупредительны, помогли ему снять с себя одежду, доспехи и оружие, а потом вступили с ним в беседу.

Во время этой беседы пять молодых девушек вступили в залу, впереди шла госпожа их, владелица замка. Передуру показалось, что он еще никогда не видывал такой красавицы. На ней было старое поношенное платье, которое местами уже превратилось в лохмотья, но сама она была бела как снег, а ее брови черны как смоль, и ее щеки были алы как розы. Эта красавица приняла Передура очень ласково, обняв его, посадила около себя.

Вскоре после его приезда в залу вошли две монахини, одна из них несла бутылку вина, а другая шесть караваев белого хлеба.

— Сударыня, — сказали они, обращаясь к хозяйке дома, — свидетельствуем Богом в том, что на сегодня только и осталось у нас в монастыре вина и хлеба...

Затем все сели за стол. И тут Передур заметил, что молодая девушка хочет дать ему в кушанье долю бодеи всех других.

— Друг мой, — сказал Передур. — Дозволь мне самому разделить всем и хлеб, и вино.

— О нет, мой милый!

— Нет, я этого непременно хочу!

И Передур взял хлеб и разделил его по равной доле между всеми. Точно так же распорядился он и вином.

Когда он удалился в комнату, отведенную ему для сна, тот юноша, который впустил Передура в замок, обратился к красавице-хозяйке и сказал:

— Сестрица, мы все, твои братья, хотим дать тебе добрый совет.

— Какой? Говорите, — отвечала красавица.

— Ступай в комнату к заезжему рыцарю и предложи ему быть ему женою или подругою — по его желанию.

— Как это возможно, — спросила красавица. — Я никогда еще не сблизилась ни с кем из рыцарей. И вдруг теперь пойду к нему навязываться в жены или в подруги?! Как хотите, я не могу на это решиться!

— Ну так мы тебе клянемся, что если ты этого не сделаешь, то мы передадим тебя в руки врагов твоих, и пусть они поступают с тобою, как им угодно!

Красавица была очень напугана этой угрозой и, проливая слезы, направилась в комнату Передура. Тот проснулся, услышав, что дверь отворяется. И увидел красавицу, которая плакала и сокрушалась у его дверей.

— Скажи мне, милая моя, — спросил ее Передур, — о чем ты плачешь?

— Я тебе все скажу и прошу меня выслушать. Отец мой владел большим и богатым владением, и этот замок также принадлежал ему. Сверх того он управлял одним из лучших графств в королевстве. Но вот за меня стал свататься сын соседнего графа. Отец же мой не хотел ни за него, ни за кого бы то ни было выдавать меня против воли. По смерти отца все его владения перешли по наследству ко мне, и я, конечно, еще менее прежнего расположена была выходить за графа-соседа. Тогда он объявил мне войну и завоевал все мои владения за исключением только одного этого замка. И только благодаря тому, что защиту замка приняли на себя эти юноши, которых ты видел (они мне молочные братья), и благодаря неприступности замка он до сих пор не одолел меня. До сих пор мы могли защищаться, потому что у нас не было недостатка в съестных припасах, но теперь, как ты видишь, наши запасы истощены, и то уже в последнее время нас питали монахини из соседней обители. Но и у них запасы пришли к концу. И не далее как завтра граф грозитя нагрянуть к замку со своими силами. Ты понимаешь, что если я попаду в его руки, он отдаст меня своим конюхам на посмеяние и позор! И вот, дорогой гость мой, я прибегаю к тебе, умоляя защитить меня! Спаси меня, уведи отсюда или здесь защити меня от врага моего, по твоему усмотрению!

— Ступай и спи спокойно, моя милая! — сказал Пере-

дур.— Я уеду отсюда лишь тогда, когда исполню твое желание и увижу, в какой степени я могу быть тебе полезен.

Красавица вернулась в свою опочивальню, а на другой день рано утром опять пришла к Передуру и поклонилась ему.

— Ну, моя милая! С какими вестями пришла ты ко мне? — спросил Передур.

— С очень дурными. Граф с многочисленным войском наступил к замку и окружил его со всех сторон. Все поле кругом покрыто палатками, множество рыцарей ждут с нетерпением сигнала, чтобы вступить в битву.

— Вот как? — сказал Передур.— Ну, так вели же мне приготовить коня моего.

Ему подали коня; он вскочил в седло и отправился в поле. Там горделиво гарцевал на коне рыцарь, который только что подал знак к началу приступа. Передур сразился с ним и мигом сбросил его с коня. Затем он устремился на окруживших его воинов, стал избивать их и гнать перед собой, так что они, наконец, не могли перед ним устоять и словно стадо баранов устремились с обрыва в бегство, вопя о пощаде и ни о чем не помышляя, кроме спасения жизни.

Под вечер того же дня съехался он с одним из важнейших рыцарей графского войска. Передур одолел его и вынудил просить пощады.

— Кто ты? — спросил его Передур.

— Я управитель дворца графа.

— А какая часть владений графини тебе принадлежит?

— Мне принадлежит одна треть.

— Так вот, возврати ей ту треть да прибавь к ним и те доходы, которые были тобой получены. Да сверх того прикажи сегодня же вечером отправить в замок запасов на сто человек и на сто коней и оружие на такое же количество бойцов. Ты должен остаться в плену у владительницы замка, которая, может быть, не удовольствуется твоим выкупом.

Все это было выполнено немедленно. И в ту же ночь красавица, счастливая и довольная, спала спокойно, так как замок был в изобилии снабжен всяким запасом.

На следующий же день Передур вновь выехал в поле и вновь побил многих рыцарей, а под вечер опять с ним на бой выступил какой-то знатный рыцарь. Передур победил его, наступил ему ногою на грудь и заставил просить пощады.

— Кто ты? — спросил его Передур.

— Я кравчий при столе моего графа.

— А какая часть графини тебе досталась?

— Одна треть.

— Ну так ты возвратишь владелице замка все ее владения, да сверх того пришлешь немедленно в замок запасов и вина на двести человек, да корму для двухсот коней и соот-

ветствующее число доспехов и оружия. Сам же ты, лично, до поры до времени останешься ее пленником в замке.

И все это было выполнено в точности.

И на третий день Передур еще раз выехал в поле, побил еще больше рыцарей, чем в оба предшествующие дня, а под вечер съехался с самим графом, побил его и вынудил просить пощады.

— Хорошо,— сказал Передур,— я сохраню тебе жизнь с тем уговором, что ты возвратишь владелице замка ее графство, да в придачу к нему отдашь ей и свое. Сверх того пришли в замок оружия и доспехов на триста человек и питья и еды на такое же количество людей.

И это тоже было исполнено.

Передур пробыл после того еще три недели в той стране. Он всех заставил принести присягу верности владелице замка и восстановил ее прежнее могущество.

— Ну, теперь, с твоего разрешения,— сказал Передур,— я думаю пуститься в путь.

— Неужели, дорогой мой, ты уедешь?

— Да, уеду. И если бы я так не полюбил тебя, то конечно не провел бы здесь столько времени.

— Милый мой, кто же ты, как тебя зовут?

— Я Передур, сын Еврока, из Северного графства. Если ты когда-либо будешь в беде или опасности, то извести меня — если будет возможно, я приеду к тебе на помощь.

Х

Передур пустился в дальнейший путь. Долго, долго ехал он, когда его нагнала какая-то дама, ехавшая верхом на исхудалой сильно истощенной лошади. К удивлению Передура, дама ему поклонилась, как знакомому. Оказалось, то была дама рыцаря, в шатре которого он поел и попил без приглашения в то время, когда только что выехал в странствие. Она и рассказала ему всю печальную историю своей ссоры с рыцарем и своих странствований.

— Вижу я,— сказал Передур,— что я являюсь виновником всех твоих бедствий. Но я сумею образумить того, кто так дурно и несправедливо с тобой обошелся.

Вскоре после того подоспел и тот рыцарь, который искал встречи с Передуром, и юный витязь сказал ему:

— Я тот, кого ты ищешь, и должен тебе сказать прямо, что ты поступил с этой женщиной недостойным образом, она совершенно невинна.

Тут они съехали на битву, но битва продолжалась недолго: Передур вышиб своего противника из седла и заставил его просить пощады.

— Я пощажу тебя,— сказал Передур,— если ты вернешься

сейчас же домой и всенародно заявишь, что снимаешь всякое обвинение к этой женщине и признаешь ее ни в чем не виновной.

Рыцарь поклялся Передуру, что исполнит его условие, а Передур поехал далее своим путем-дорогою. Увидел он замок в стороне и поехал к нему. Когда он постучался у ворот, ему отворил темноволосый красавец-юноша, рослый и сильный на вид. Когда Передур вошел в залу, он увидел там высокую даму пожилой наружности, сидящую в кресле, а около нее нескольких девиц. Дама эта весьма обрадовалась ему. По окончании беседы дама, однако же, сказала ему:

— Лучше было бы для тебя, рыцарь, если бы ты ушел ночевать куда-нибудь в другое место.

— Это почему?!

— А потому, что здесь в замке есть девять волшебниц, это известные волшебницы из Керлоу. При них отец их и мать. И если нам не удастся бежать отсюда еще до рассвета, мы погибли! Они уж и так захватили и опустошили всю здешнюю страну, и только этот замок до сих пор находится не в их власти.

— Послушай,— сказал Передур,— я все же хочу провести здесь ночь, а если с вами случится что-нибудь недоброе, по мере сил помогу вам.

С тем все и разошлись на покой по своим комнатам. На рассвете Передур услышал громкие крики. Он поспешно вскочил с постели, наскоро оделся, взял свой меч и вышел из комнаты. Он увидел, что одна из волшебниц напала на часового, стоявшего на башне, и тот кричал благим матом. Передур устремился на нее и с такой силой ударил ее мечом по голове, что расплющил ее шлем в лепешку.

— Прости мне мою вину, Передур, прекрасный сын Еврока! — воскликнула волшебница.

— А откуда же ты знаешь, волшебница, что меня зовут Передуром?

— Знаю все будущее, а потому знаю и то, что мне было предназначено пострадать от тебя. Возьми моего коня и мой доспех и последуй за мной: я поучу тебя рыцарским приемам и владению оружием.

— Прощу тебя только в том случае,— сказал Передур,— если ты поклянешься мне, что никогда более не сделаешь никакого зла графине.

Волшебница поклялась. И Передур с разрешения графини последовал за волшебницей в ее замок, пробыл там три недели, выбрал коня и доспех по себе и пустился в дальнейший путь.

Однажды утром он выехал в долину и на конце той долины нашел хижину пустытника, который принял его у себя очень радушно и оставил на ночь. Поднявшись рано утром, он вышел из хижины и увидел, что земля покрыта снегом, выпавшим ночью. На снегу перед дверью хижины лежала птичка, заклеванная вороном, который сидел на ней, собираясь ее починать.

Передурра поразила резкая противоположность белизны снега по сравнению с чернотой ворона и с ярко-красным цветом капель крови. Он представил себе ясно образ своей милой, у которой волосы и брови были черны, как смоль, лицо бело, как снег, а щеки румяны, как розы...

Между тем Артур и его приближенные, давно уже выехав на поиски Передурра, именно в это время въехали в ту же долину.

— Не знает ли кто,— спросил Артур,— какой это рыцарь стоит на том берегу реки, опираясь на свое длинное копьё?

— Государь,— вызвался один из юношей в свите Артура,— я сейчас пойду и справлюсь.

И точно: явился к Передурру и спросил его, кто он и что тут делает?

И так как воображение Передурра было исключительно занято думами о его возлюбленной, то он не ответил на вопросы. Тогда юный посланец Артура ткнул копьём в доспех Передурра, а тот обернулся, мигом вышиб его из седла и сбросил на землю.

Еще двадцать четыре других посланца Артуровых подъехали к Передурру точно так же и с такими же вопросами, и он ни одному из них не отвечал ни слова и всех принимал точно так же, одним ударом сбрасывая с коня.

Тогда уже вслед за ними явился Кай и обратился к Передурру с резкими и грубыми укорами. Юный витязь вместо ответа ткнул его копьём под бороду, приподнял высоко из седла и так сильно ударил оземь, что переломил ему руку и плечо, а затем еще много раз переехал через него, топча под ногами своего коня. И в то время, как Кай от боли лишился чувств, лежал распростертый на земле, его испуганный конь помчался к своим.

Увидев это, спутники короля бросились к месту битвы и сначала думали даже, что Кай лежит мертвый, но затем, убедившись, что он жив и лежит без чувств, подняли его, отнесли в стан Артура и передали в руки искусных врачей.

А Передур, несмотря на присутствие всех этих лиц, все же не вышел из своего глубокого раздумья и стоял по-прежнему, опираясь на копьё.

Тогда Гвальмай так повел речь:

— Неприлично и несогласно с правилами рыцарской вежливости так нарушать раздумье благородного рыцаря. Ведь поводов к такому раздумью может быть только два: или он обдумывает нанесенное ему оскорбление, или вспоминает о своей возлюбленной. Тот, кто послан был к нему последним, по всей вероятности, сам виноват в том, что его постигло. Не считаете ли вы нужным, государь, чтобы я поехал и лично убедился в том, вышел ли рыцарь из своего раздумья и возможно ли вступить с ним в беседу? В последнем случае я весьма учтиво попрошу его, чтобы он посетил ваш двор.

Но Кай был крайне раздражен и не мог вспомнить о рыцаре без гнева и досады.

— Гвальмай,— сказал он,— я очень хорошо понимаю, что ты хочешь воспользоваться утомлением этого рыцаря, чтобы одержать над ним верх. Но ты не приобретешь ни славы, ни похвал, одержав победу над человеком, истощенным в битве со мной. Впрочем, тебе уж не впервые так достается твоя слава. Но только мне кажется, что такой сладкоречивый говорун, как ты, не пуждается даже вовсе в боевом доспехе. Тебе достаточно и тонкой холщовой одежды. Притом же тебе, конечно, не придется ломать ни копыя, ни меча с этим рыцарем — так я его хорошо отделал!

Гвальмай отвечал Каю:

— Ты бы мог говорить со мной повежливее, но ты сердисься, и тебе просто нужно успокоиться. Смею надеяться, что я приведу сюда рыцаря миром, не вынуждая его перешибать мне ни плеча, ни руки.

Тогда Артур сказал Гвальмаю:

— Ты говоришь как человек разумный; облекись в свой доспех и садись на коня.

Гвальмай вооружился и поспешно направился к тому месту, где Передур все еще стоял по-прежнему в раздумье, опираясь на свое копьё. Гвальмай приблизился к нему, не выказывая никаких враждебных намерений, и сказал:

— Если бы я думал, что беседа со мной доставит тебе такое же удовольствие, какое беседа с тобой может доставить мне, я бы вступил с тобой в разговор. Притом же мне поручено передать тебе приглашение Артура, с которым к тебе уже являлись и другие.

— Да, являлись, но вели себя недостойным образом. Они прямо нападали на меня, и я был оскорблен их способом действий, потому что мне было неприятно, что они мешали моему раздумью. А я думал о моей милой, и ее прекрасный образ стоял передо мной, как живой.

— Приятное раздумье,— заметил Гвальмай,— и, конечно,

никто не может быть доволен, если такое раздумье нарушать.

Но Передур перебил его вопросом:

— Кай все еще при дворе Артура?

— Да. Это тот самый рыцарь, который бился с тобой последний. Но для него было бы лучше, если бы он вовсе не бился с тобой. Ты так сильно вышиб его из седла, что он сломал себе правую руку и плечо при падении.

— Вот как! Ну, так я тебе скажу, что я очень доволен таким началом отмщения ему за оскорбление, нанесенное Карлику и Карлице, добрым гениям моего семейства!

Тут только Гвальмай решился положить ему руку на плечо и спросить, как его зовут.

— Зовут меня Передуром. Я сын Еврока, а ты сам — кто таков?

— Я — Гвальмай.

— Очень рад тебя видеть, — сказал Передур, — во всех странах, какие мне довелось объехать, всюду слышал я похвалы твоей храбрости и мудрости. Будем же друзьями!

— С великою радостью! Будем друзьями!

И они весело направились к тому месту, где Артур стоял станом. И когда Кай увидел их издали, он сказал с досадой:

— Ну вот! Я так и знал, что Гвальмаю не придется вступить в битву с рыцарем! Впрочем, я не удивляюсь, что он там много приобретает славы — он достигает гораздо больших удач своими медоточивыми речами, нежели я своей силой.

Передур между тем направился к шатру Гвальмая, и они там сняли с себя доспехи и переоделись, а затем явились на поклон к королю Артуру.

— Вот, государь, тот самый рыцарь, которого ты искал так долго! — сказал Гвальмай.

— Милости просим, юный витязь! — ласково сказал Артур. — Надеюсь, что ты отныне останешься при моем дворе. Если бы я знал прежде, то не дозволил бы тебе так быстро удалиться от моего двора. Карлик и Карлица, оскорбленные Каем, недаром говорили, что ты сумеешь за них отомстить!

Вскоре явилась и королева со своими женщинами и тоже обласкала приезжего рыцаря. Затем все вернулись очень довольные и веселые в столицу Артура, Кэрлеон.

Здесь-то Передур и встретил красавицу Ангарад Златорую.

— Клянусь тебе, — сказал ей Передур. — Ты и красавица, и прелестная девушка. Если бы ты мне это дозволила, я бы стал любить тебя более всех женщин.

— Клянусь и я, — отвечала девушка, — что не полюблю тебя и никогда любить не буду!

— Ну, так я призываю Бога в свидетели, что до тех пор не произнесу ни единого слова ни с одной душой христианской, пока не заставлю тебя полюбить меня более всех мужчин на свете!

На другой день, съехав со двора короля Артура, Передур направился куда глаза глядят. Проехав довольно много времени, он очутился в долине, в глубине которой видны были дикие скалы, а среди них какие-то жилища, сколоченные на скорую руку из толстых, необделанных древесных стволов, без порядка наваленных и нагроможденных.

Передур сошел с коня, привязал его на опушке леса, а войдя в лес, увидел цепь скалистых возвышений, по которым пролегла дорога. Около той дороги на одной из скал лежал лев, прикованный цепью. Около того места, где он лежал, простиралась глубокая пропасть, заполненная костями людей и животных. И вот Передур, выхватив меч, ударил им льва так, что тот скатился в пропасть и повис на цепи. Другим ударом меча он перерубил и цепь, и лев рухнул в пропасть.

Затем Передур сошел со скалы в долину и увидел прекрасный замок, к которому и направился. У самого замка, на лугу, он увидел мужчину громаднейшего роста, в серой одежде, а около него двух юношей, белокурого и темноволосого, которые играли ножами. Передур поклонился этому сумрачному хозяину дома, а тот только и сказал:

— Будь он проклят, этот привратник мой косматый!

Передур понял, что речь шла о льве. После того все они вошли в замок, богато украшенный внутри, а далее — в залу, где столы были уже накрыты и заставлены кушаньями и напитками...

К обеду из смежной комнаты вышла пожилая дама и при ней молоденькая дочка. Они умыли руки и сели за стол. Передуру пришлось сидеть за столом рядом с молоденькой дочкой, которая очень печально на него поглядывала, так что он наконец даже спросил у нее, почему она так печальна.

— Я грущу по тебе, друг мой! — отвечала девушка. — Как только я тебя увидела, так ты полюбился мне больше всех людей, каких мне случалось видеть. И вот мне очень грустно подумать, что завтра тебя уже не будет в живых. Ведь ты, вероятно, заметил в долине эти грубо сколоченные из толстых деревьев жилища? Они все принадлежат вассалам моего отца, а эти вассалы — великаны, которых он завтра призовет сюда, чтобы тебя погубить.

— Коли тебе так жаль меня, то вот о чем я тебя попрошу: устрой так, чтобы мой конь и все мое оружие были у меня под руками, около той самой комнаты, где я буду ночевать.

И он растолковал ей, где он оставил коня, а она пообещала ему сделать все возможное.

На другое утро спозаранок Передур услышал шум множества людей и топот коней около замка, а потому вооружился, сел на коня и выехал в поле. Против него выступило целое

войско великанов, из которых целую треть он побил еще до вечера, не получив ни одной раны. Между тем жена сумрачного владельца замка, стоя рядом с ним на замковой стене, просила его, чтобы он пощадил жизнь молодому витязю.

— Ни за что! Не уйдет он отсюда живой! — отвечал он ей грозно.

В это время Передур вступал в битву с белокурый сыном хозяина замка, вышиб его из седла и убил на месте. Тогда налетел на него темноволосый сын — и тот не ушел живой из рук Передура.

— О, отец мой, — воскликнула дочь, — вот уже оба твои сына убиты! Теперь и тебе самому не уйти от руки юного витязя!

— Ступай, проси его, чтобы он нас пощадил, — сказал оробевший злодей. — Передай ему от меня, что мы все отдаемся на его волю.

Молодая девушка пришла к Передуру и просила его пощадить ее отца и всех его вассалов, которые еще остались в живых.

— Ради тебя я их пощажу, — сказал Передур, — но с условием: отец твой и все его вассалы пойдут ко двору короля Артура и принесут ему присягу в подданстве и при этом скажут, что вынудил их к тому его вассал Передур.

Затем, узнав, что молодая девушка, ее родители и все вассалы — язычники, Передур поставил непременным условием, чтобы они крестились, а сам про себя подумал:

— Благодарю Бога, что я не нарушил клятвы, которую дал моей возлюбленной, я говорил только с язычниками...

XIV

На другое утро все вассалы и сам владелец замка с семейством своим направились ко двору Артура, а Передур продолжал свое странствование. Переехав довольно обширную и совершенно бесплодную пустыню, Передур, наконец, наехал в глуши на какое-то жилие, перед порогом которого на скамье сидели три молодые девушки, одетые в одинаковую одежду. Передур подъехал к ним, поклонился и сел рядышком на скамейку. Одна из девушек взглянула на него и заплакала:

— О чем же ты плачешь? — спросил Передур.

— О том, что ты такой молодец и красавчик, а между тем тебе не сносить головы на плечах! Тебя убьют.

— Да кто же меня убьет?

— Отец мой. Он убивает каждого, кто без разрешения подъедет к его жилищу.

— А кто же твой отец, и почему он может так убивать ни в чем не повинных людей?

— Мой отец большой злодей. Он угнетает и мучит всех

своих соседей, и на него нельзя никому найти никакой управы.

В то время, когда они это говорили, послышался шум и гул, и к жилью подъехал громадный черный человек, кривой на один глаз. Молодые девушки встали перед ним и помогли снять ему доспехи.

— Кто этот рыцарь? — спросил он после некоторого раздумья.

— Этот рыцарь, — отвечала одна из молодых девушек, — один из самых благородных и прекрасных юношей, каких я когда-либо видала. Пощади его ради Бога и ради твоей славы.

— Хорошо. Ради тебя я дарую ему жизнь на эту ночь.

После этого все они сели за стол, пили и ели вместе, и Передур провел ночь под кровом черного человека. На другое утро он, едва поднявшись с постели, вооружился и, придя к Передуру, сказал:

— Вставай и готовься к смерти.

Передур, не смущаясь, отвечал ему:

— Разве ты хочешь убить меня без оружия? Либо скинь доспехи и будем биться без оружия, либо дай мне время вооружиться.

Черный человек согласился дать Передуру время на вооружение, прибавив с усмешкой:

— Дивлюсь я твоей дерзости и постигнуть не могу, как ты решаешься со мной биться?

Но как только бой начался, Передур сразу его одолел, смял под себя и заставил просить пощады.

— Хорошо, черный человек. Я готов тебя пощадить, но с тем, что ты мне скажешь, как тебя зовут и кто тебе вышиб один глаз?

— Зовут меня Черный Мучитель за то, что я всех людей по соседству мучил и угнетал, а глаз я потерял в битве с Горным Змеем, который живёт в пещере на горе Скорби. В хвост этого змея вправлен драгоценный камень, кто тот камень возьмет в руку, у того в другой сейчас же окажется столько золота, сколько он пожелает. Вот в битве с этим-то Змеем я и потерял глаз.

— А далеко ли до той горы? — спросил Передур.

— На один день пути отсюда лежит замок сыновей Короля-Мученика.

— Отчего его так называют?

— Оттого, что каждый день чудовище Авонк, живущее на берегу соседнего озера, убивает у него всех сыновей. Миновав его замок, ты приедешь к замку Дамы-Воительницы. А за этим замком уже недалеко и до горы Скорби, охраняемой стражею Горного Змея, который живет под горой в трехстах палатках.

Выслушав все это, Передур после некоторого раздумья все же убил черного человека, подумав про себя:

«Слишком уж много зла он всем сделал! Пусть никому более не вредит!»

Вскоре после того подошла к нему одна из молодых девушек и сказала:

— Ты убил черного человека и теперь можешь завладеть всем его богатством и любую из нас выбрать себе в жены.

— Я сюда не жениться приехал. Богатства вашего мне не надо, а замуж можете выходить за кого вам угодно.

XV

На другой день Передур приехал к замку сыновей Короля-Мученика. Войдя в замок, он был встречен только женщинами, которые, впрочем, приняли его весьма радушно. В то время, когда он вступил в беседу с ними, к замку примчался боевой конь и принес в седле мертвого всадника.

Тогда одна из женщин поднялась со своего места, сняла мертвого всадника с коня и опустила его в бассейн с горячей водой, поставленный около ворот замка, а затем потерла дорогим бальзамом — и всадник ожил и подошел к Передуру, кланяясь и приветствуя его радушно.

Вслед за первым всадником явились еще двое, точно так же, как и первый, и молодая девушка поступала с ними точно так же: купала их в бассейне с горячей водой и умащивала тела их бальзамом.

Тогда Передур спросил у них, что это значит. И они ему отвечали, что недалеко от их замка гнездится в пещере чудовище Авонк, которое убивает их ежедневно.

На другое утро (в ту ночь Передур ночевал в замке трех братьев), когда три брата собирались съезжать со двора, юный витязь попросил их, чтобы они его взяли с собою. Но они наотрез отказали ему в этом.

— Если бы ты был убит, — сказали они ему, — тебя бы никто не мог оживить.

Когда же они удалились, Передур последовал за ними. Когда же они скрылись из виду, Передур, чтобы высмотреть, куда они поедут, взобрался на высокую гору — и вдруг на вершине ее увидел даму необычайной красоты.

— Я знаю, чего ты добиваешься, — сказала она. — Ты хочешь сразиться с Авонком. Но знай, что он тебя непременно убьет: не силой одолеет, так хитростью. Он живет в пещере, а перед входом в нее стоит каменный столб, за которым он прячется так искусно, что видит всех, кто подходит к пещере, а его никто не видит. Из-за этого столба он и пускает свои смертоносные отравленные дротики. Если же ты обещаешь мне, что полюбишь меня более всех женщин, то я тебе дам

драгоценный камень, при помощи которого тебе легко будет увидеть Авонка, тогда ты сам станешь ему невидим.

— Охотно соглашаюсь на твои условия! — сказал Передур. — Как же тебя не любить — такую красавицу! Я чуть только увидел тебя, как уже почувствовал к тебе сильнейшее влечение. Но скажи, где же мы с тобой встретимся?

— Когда ты вздумаешь меня отыскать, ищи меня в ближайшем соседстве с Индией.

И, произнеся эти слова, дама исчезла, передав Передуру драгоценный камень, обладавший чудесной силой.

Продолжая свой путь и пытаясь отыскать дорогу к пещере Авонка, Передур повстречался на пути с благородным юношей, который, стоя на одном из придорожных холмов, держал на смычке двух превосходных борзых, собираясь их спустить на зверя, которого гончие должны были выгнать на поляну из леса. По этой поляне в разные стороны расходились три дороги, и Передур спросил у юноши, куда ведут эти дороги.

— Одна из них ведет к моему замку, и мне было бы очень приятно, если бы ты избрал ее. Другая дорога ведет к городу. Третья — самая узкая — ведет к пещере Авонка.

— Вот эта-то мне и нужна, — сказал Передур и распрощался с юношей.

Подъехав к пещере Авонка, он взял драгоценный камень в левую, а копьё в правую руку, высмотрел Авонка за столбом, пронзил его быстрым ударом копьё и отсек ему голову.

При выходе из пещеры он лицом к лицу повстречался с тремя сыновьями Короля-Мученика. Они преклонились перед витязем и сказали ему:

— Исстари было предсказано, что тебе суждено убить Авонка.

Передур передал им в руки голову Авонка, а они в благодарность за это предлагали ему избрать любую из сестер себе в жены и предлагали половину своего царства за нею в приданое.

— Я пришел сюда не для женитьбы, — отвечал Передур, — а должен ехать далее, чтобы совершить другой подвиг. Вам же я желаю всякого благополучия.

XVI

После многих дорожных встреч, после всяких блужданий и странствований, после того, как Черный Змей также пал от руки его, Передур прибыл однажды на берег живописной реки. Множество полотен всех возможных цветов было раскинуто по берегам ее. Но особенно удивило Передура то количество ветряных и водяных мельниц, которые были построены и по реке, и на возвышенных берегах ее.

В то время, как Передур дивился на эти мельницы, с ним поравнялся высокий темно-русый мужчина в рабочем платье, и Передур спросил его, кто он таков.

— Я хозяин всех этих мельниц,— отвечал тот.

— Не приютишь ли ты меня у себя?

— Очень буду рад! — отвечал мельник.

Поместившись в доме мельника, Передур стал его расспрашивать, почему именно на берегах этой речки собралось такое множество народа.

— Видно, что здесь чужанин,— сказал мельник.— Сюда пожаловала издалека царица Кристинобль Великая и объявила, что ищет себе жениха, а выйдет замуж только за самого храброго из храбрых, за того, кто на здешнем турнире победит всех остальных рыцарей. Вот и съехалось сюда такое множество народа, что не хватило запасов хлеба для прокорма приезжих гостей и пришлось построить все эти мельницы для снабжения их мукой.

Передур решил попытать счастья на турнире. На другое утро спозаранок он вооружился, сел на коня и поехал на поле, где должен был происходить турнир. Но на пути, проезжая мимо богато украшенной палатки, он увидел прелестную девушку, которая у входа в палатку расчёсывала свои длинные волосы, и красота этой девушки совсем затуманила разум. Он стал смотреть на девушку и не спускал с нее глаз с утра до полудня и с полудня до вечера и простоял весь день, как прикованный к месту, что забыл о турнире.

То же было и на другой день, и, вероятно, было бы на третий, если бы около полудня Передур не был бы выведен из сильного оцепенения ударом дубиной по плечу! Он оглянулся и увидел мельника, который ему сказал:

— Да будет ли этому конец? Ты так засмотрелся, что и турнир прозеваешь!

Передур усмехнулся в ответ на это добродушное напоминание и отправился на турнир. И все те, кто вступал с ним в битву в тот день, были им побиты. И всех побежденных он посылал в дар царице, а коней и доспехи их отправлял к мельнику и мельничихе в уплату за постой.

Тогда царица пожелала видеть юного витязя и приказала пригласить его к себе, но Передур не пошел ни по первому зову, ни по второму. На третий раз царица отправила за ним сто рыцарей, чтобы они привели его силой. Но Передур всех рыцарей побил и все же не пошел. Тогда уж царица догадалась послать за ним одного из своих мудрецов, который сумел уговорить упрямого рыцаря, и тот, придя в шатер царицы, побыл у нее недолго и поговорил с ней немного.

На другой день, вновь приглашенный к царице, он очарован был ее красотой и любезностью, и они уже стали беседовать очень нежно... И вдруг в шатер явился черный рыцарь,

державший в руках золотой кубок с вином. Преклоняя колени перед дамой, он сказал:

— Отдай этот кубок тому, кто в честь тебя выйдет со мною на бой!

Царица оглянулась на Передура.

— Дай кубок мне,— сказал он.

Вино выпил, а кубок отослал на мельницу.

За первым черным рыцарем явился второй, еще выше ростом, и с теми же словами подал царице турий рог, наполненный вином.

— Государыня! Дай мне этот рог! — сказал Передур и тотчас вино из рога выпил, а рог отослал на мельницу.

За вторым рыцарем явился третий черный рыцарь, самый громадный и самый страшный из всех. Он подал царице кружку с вином и повторил то же, что сказали первые двое.

Передур и кружку вызвался выпить и затем вышел на битву со всеми тремя рыцарями и убил их всех троих.

Победителем вступил он в шатер царицы, и она сказала ему:

— А помнишь ли ты, что ты сказал мне и в чем поклялся, когда я дала тебе чудный камень-талисман и научила, как тебе следует биться с Авонком?

— Помню, помню! — воскликнул Передур и вдруг узнал в царице ту даму, которую когда-то видел на горе.

И царица вышла за него замуж и четырнадцать лет разделяла с ним труды и заботы по управлению своим царством.

XVII

Артур много лет спустя держал по обычаю свой двор в Кэрлеоне — столице своего королевства. Среди залы его славного дворца разостлан был мягкий бархатный ковер и на нем сидели четверо славнейших бойцов Артурова двора: Овенн, сын Уриена, Гвальмай, сын Гвиара, Передур, сын Еурока, и Гозль, сын принца Арморикского.

И вдруг в залу дворца на пепельно-сером муле въехала молодая девушка удивительно безобразной, отталкивающей наружности. Она поклонилась Артуру и всем присутствующим, кроме Передура. Подъехав к молодому витязю, обратилась к нему с речью, полной укоров и гнева:

— Тебе, Передур, я не кланяюсь, потому что ты и поклона не заслуживаешь. Да будет тебе стыдно, что ты, приехав некогда ко двору хромого короля и увидев юношей, несших окровавленное копьё и другие диковины, даже не потрудился спросить объяснения этим диковинам у окружающих. Если бы ты заговорил тогда об этом с королем, король бы выздоровел, а его королевство было бы избавлено от войны, между тем как теперь там идут ожесточенные битвы и осады замков.

И рыцари его в битвах гибнут, и жены их остаются вдовами, и дочери лишаются приданого! И все это из-за тебя!

Затем она обратилась к Артуру:

— Если кому-нибудь из твоих рыцарей вздумается достигнуть верха рыцарской славы и почестей, то я ему могу сказать, где этого можно добиться. Есть в одной стране высокая-превысокая гора, на той горе Замок Чудес, а в замке молодая девушка, которую там держат в заточении. И вот тот рыцарь, который отыщет тот замок и освободит из заточения девушку, тот достигнет верха рыцарской славы и почестей!

Сказав это, она повернула мула и удалилась из залы Артурова дворца.

Тут Гвальмай первый нарушил молчание и сказал:

— Клянусь, что не засну спокойно, пока не попытаюсь освободить эту девушку из заточения!

И многие из рыцарей Артурова двора решили к нему присоединиться. А затем и Передур сказал:

— Клянусь и я, что не засну спокойно, пока не добьюсь, откуда взялось это окровавленное копьё и какое значение оно имеет.

И, недолго думая, рыцари вооружились, снарядились в путь, съехали со двора Артурова замка и разъехались в разные стороны.

Много дней и недель ехал Передур и всюду всех расспрашивал о том, где находится Замок Чудес и где живет та безобразная девушка, которая приезжала ко двору Артура — никто не мог дать ему никаких указаний.

Приехав однажды в долину, по которой извивалась речка, Передур повстречался с охотой и среди прочих охотников заметил человека важной и благородной осанки, которому и поклонился. Тот ответил на поклон витязя и сказал:

— Если ты хочешь со мною поохотиться, то я буду очень этому рад. Но, может быть, ты предпочтешь отправиться на отдых в мой замок? В таком случае я отправлю с тобою кого-нибудь из моей свиты известить мою дочь о твоём приезде. А возвратясь с охоты, постараюсь удовлетворить тебя во всех твоих желаниях, насколько будет возможно.

И король дал ему в провозатые карлика в желтой одежде.

Когда они прибыли в замок, королева только что собиралась сесть за стол. Она приняла Передура самым радушным образом, посадила его за столом около себя и они стали есть. Между ними завязалась оживленная беседа, и при каждой шутке Передура она смеялась настолько громко, что все придворные в других комнатах слышали ее голос.

И вот желтый карлик, придя к королю, сказал ему:

— Этот молодой заезжий рыцарь слишком уж близок к твоей дочери. Как бы не случилось того, что она покинет тебя и убежит с ним.

— А что же ты посоветуешь мне сделать? — спросил король, нахмурившись.

— Собери несколько человек посильнее да заключи его до поры до времени в тюрьму, а там посмотрим, что с ним надо будет сделать.

Король последовал совету карлика и заключил Передура в тюрьму. А королева пришла к королю и спросила отца, за что он так жестоко поступил с этим рыцарем Артурова двора.

— Про то я знаю, — отвечал ей король-отец, — и не выпущу его из темницы ни сегодня, ни завтра, ни послезавтра.

Дочь ничего не ответила отцу, но пошла к заключенному и спросила его ласково:

— Что, тебе, верно, очень нехорошо здесь, в темнице?

— Нет, ничего, мне везде хорошо, — отвечал Передур.

— Ну, так ты не беспокойся, я велю тебе и здесь доставлять разные удобства и развлечения, и я сама буду тебя навещать при первой возможности.

И действительно, она исполняла свое обещание.

XVIII

На другое утро Передур услышал в замке шум и движение.

— Скажи мне, красавица, что это за шум? — спросил он у королевы.

— Это войско и рыцари моего отца собираются сегодня отовсюду в замок.

— Зачем же они собираются?

— Да вот тут, недалеко, живет по соседству граф, обладатель двух графств. Он почти так же могуществен, как король, и мой отец должен сегодня с ним сразиться.

— Ну, так вот о чем я тебя попрошу, милый друг! — сказал Передур. — Достань мне коня и вооружение, чтобы я тоже мог принять участие в битве. Клянусь тебе, что вернусь сюда после боя.

Королева охотно на это согласилась, достала ему и коня, и вооружение, дала еще сверх того красную епанчу, чтобы накинуть на плечи поверх доспеха, а на руку ему повесила желтый щит.

И он принял участие в битве. И все рыцари свиты графа, вступившие в бой с Передуром, были побиты. А затем он вернулся в тюрьму.

Королева стала спрашивать Передура о битве, но он ничего не отвечал на ее вопросы. Тогда она стала расспрашивать отца, который из его рыцарей более отличился в битве. И отец отвечал, что более всех отличился неизвестный ему рыцарь с желтым щитом на руке и красной епанчой, накинутой поверх доспеха. Дочка в ответ на это улыбнулась, вернулась

к Передуру и поздравила его с успехом.

И то же повторялось еще в течение трех дней, и Передур, никем не замеченный, после битвы возвращался опять в свою тюрьму. На четвертый день Передур убил самого графа. А королева опять бросилась к отцу с вопросом о вестях.

— Вести отличные! — сказал король. — Граф убит, и теперь оба графства перейдут ко мне во владение.

— А знаешь ли ты, кто его убил?

— Да, знаю! Тот же самый рыцарь в красной епанче с желтым щитом.

— Государь, а ведь я этого рыцаря знаю!

— Скажи же, Бога ради, кто он?

— Да тот же самый витязь, который по твоему приказу посажен в тюрьму!

Тогда король явился к Передуру в тюрьму и сказал ему, чтобы он назначил такую цену за оказанные им услуги, какую сам пожелает.

Когда в тот день сели за стол, Передур был посажен на самое почетное место, между королем и его дочерью.

— Я готов за тебя отдать мою дочь и половину моего королевства и эти два новые графства — все тебе в приданое за нею.

— Очень тебе признателен за доброе желание, — отвечал Передур. — Но я не для того сюда пришел, чтобы жениться.

— Что же тебе нужно?

— Я разыскиваю дорогу к Замку Чудес.

— О! Я вижу, что твое честолюбие превосходит твои силы, — сказала королева. — Но я все же дам тебе проводника к этому замку. Он проводит тебя до самого рубежа владений моего отца. Дам тебе и достаточный запас на дорогу. Ты должен знать, что ты мне милее всех!.. А вот тебе и указание пути: поднимись на эту гору и по ту сторону ее увидишь озеро, и среди озера стоит этот Замок Чудес, как его называют... Какие в нем чудеса — это мне неведомо, но знаю, что все его так зовут.

XIX

Передур направился по указанному направлению и пришел к замку на озере и нашел ворота открытыми настежь. Вошел в ворота, направился в залу и увидел, что двери в залу также настежь открыты.

Войдя, он увидел на столе шахматницу, шахматы двух противоположных сторон двигались сами собою. Та сторона, около которой Передур остановился, чтобы взглянуть на игру, проиграла партию. Тогда все фигуры противоположной стороны испустили радостный крик, словно живые существа. Передур оторопел от этой неожиданности, схватил шахматницу и швырнул ее в озеро.

В это мгновение в залу вошла та девушка безобразной наружности, которую Передур всюду разыскивал.

— Что ты наделал?! — воскликнула она, всплеснув руками.

— В чем же моя вина? — спросил Передур.

— В том, что ты швырнул в озеро шахматницу царицы, за которую она не взяла бы всего своего царства в промен. Ступай же и добудь теперь эту шахматницу от того черного дикаря, который живет в замке Избидигондиль и страшно опустошает владения царицы. Только убив его, ты добудешь от него эту драгоценную шахматницу. Но я все это говорю тебе напрасно, потому что ты, конечно, не выйдешь живой из битвы с ним.

— Не возьмешься ли ты меня проводить к тому замку? — спросил Передур.

— Изволь, — отвечала девушка.

И вот Передур добрался до заветного замка Избидигондиль, вступил в битву с черным дикарем, долго с ним бился и наконец убил его. И едва только убил, дивная шахматница сама собою перенеслась на прежнее место в Замок Чудес.

Когда и Передур вернулся в замок, девушка сказала ему:

— Царица не выйдет к тебе и не допустит тебя к себе на очи, пока ты не убьешь чудовище, обитающее в соседнем лесу.

— Какое чудовище?

— Это олень-единорог, быстрый и неуловимый, как ветер. На лбу к нему один только рог, длиной с твоё копьё, и острый, как игла. Этим рогом он отшибает ветви у самых лучших деревьев в лесу и убивает всех зверей и животных, какие ему попадаются навстречу. Но всего хуже то, что он каждую ночь выпивает все озеро, и большая часть рыбы в озере дохнет прежде, чем опять удаётся наполнить его водою.

— А не покажешь ли ты, где мне его найти? — спросил Передур.

— Не могу показать, потому что в тот лес, где обитает этот олень-единорог, запрещено входить кому бы то ни было в течение этого года. Но я дам тебе в провозатые маленькую собачку моей госпожи, она выгонит тебе оленя на поляну, и он сам на тебя упадёт.

Так и случилось. Собачка выманила оленя-единорога из леса на поляну. Олень яростно устремился на Передура, но тот увернулся от его удара и одним взмахом меча отсек ему голову.

В то время, когда он еще осматривал эту голову и любовался золотым ожерельем, которое было у оленя-единорога на шее, явилась перед ним статная и красивая дама, подхватила с земли собачку себе на колени, а потом поставила перед собой на седло и голову оленя-единорога, а Передуру сказала:

— Витязь! Я очень тобою недовольна: ты убил лучшее украшение всего моего царства!

— Мне сказали, что ты этого желаешь!.. Но чем же, однако, я могу загладить свою вину перед тобою?

— Въезжай на эту гору. Там увидишь лес, а в лесу большой надгробный камень. Громким троекратным кличем вызови из могилы того воина, который покоится под этим камнем, и вступи с ним в битву. Этим ты загладишь свою вину.

XX

Передур немедленно пустился в путь, приехал к опушке леса и трижды громким воинским кличем вызвал древнего, давно почившего воина из могилы.

И вот сумрачный воин верхом на скелете бывшего боевого коня, прикрытый ржавой броней, вышел из-под могильного камня и вступил с ним в битву. И сколько раз ни высаживал его Передур из седла, он каждый раз вновь быстро вскакивал на коня и вновь вступал в битву. Тогда Передур спешился, отбросил копьё и взялся за меч... Но сумрачный воин уже скрылся у него из глаз, уведя с собой и коня Передура.

Передур побрел пешком, обошел кругом горы и очутился перед каким-то красивым замком на берегу реки. Он направился к замку, вошел в его ворота, а из ворот без доклада и препятствий проник через настежь открытые двери в залу. В глубине залы сидел на кресле хромой старец, убеленный сединами. Передур подошел к нему и сел против него. Тогда вбежал в залу русоволосый юноша, преклонил колени перед Передуром и сказал ему радостно:

— А знаешь ли ты, витязь, что ведь это я являлся тебе под видом безобразной девушки на пепельно-сером муле, когда ты был при дворе короля Артура? Я же сопровождал тебя под видом этой девушки при совершении твоих последних подвигов!.. Я же проходил некогда мимо тебя с тем копьём, с которого струилась алая кровь. А помнишь ли ты голову в окровавленном сосуде? То была голова твоего двоюродного брата, которого умертвили волшебницы из Керлоу. Они же изувечили и этого старца — твоего дядю. Здравствуй же, славный Передур, и обними своего дядю и брата!.. Самой судьбою ты теперь послан нам, чтобы быть за нас мстителем!

Передур обнял брата и дядю и на другой же день послал весть ко двору короля Артура, приглашая Гвальмая и других Артуровых рыцарей к борьбе не на живот, а на смерть со злыми волшебницами. А когда Артур явился со своим рыцарством на помощь Передуру, они общими силами осадили замок волшебниц и перебили их всех без пощады, навсегда избавив страну от их злобных ухищрений и опустошительных набегов.

На том и кончаются сказания о славных подвигах бесстрашного Передура.

Овенн, или Дама Источника

I

Однажды во дворце короля Артура собрались все лучшие рыцари, постоянно составлявшие его свиту. Тут был и Овенн, сын владетельного князя Уриена, и Кенан, сын Кледно, и Кай, сын Кенра. Сам Артур восседал среди залы на своем любимом кресле, плетеном из камыша и обитом лазоревым сукном. Он опирался локтем на пунцовую атласную подушку и оглядывал всех окружающих с благодушной улыбкой. Супруга его, Гвеннивар, окруженная своей свитой, в стороне у окна была занята рукоделием, в котором помогали ей девушки.

— Я полагаю, что недурно будет мне немного соснуть перед обедом, друзья мои! — сказал Артур, приветливо обращаясь к своим витязям. — А вы тем временем потешайте друг друга рассказами... Да и спросите себе по кружке меда!..

Сказал и после того погрузился в дремоту.

Тогда все рыцари обратились к Кенану, прося его рассказать одну из тех любопытнейших историй, которых он так

много знал на память. Сначала тот стал было отнекиваться, но когда Кай сбегал в погреб и принес оттуда меду, то язык у Кенана развязался сам собой, и он согласился потешить своих товарищей. Все приготовились слушать, а Кенан начал так.

«Смолоду я был очень смел и самонадеян и воображал себе, что не встречу соперника по силе и мужеству. Такое убеждение побуждало меня к странствиям и поискам приключений, в которых я сам неразумно напрашивался на опасности...

Однажды после долгого переезда по стране безлюдной и мне неизвестной я очутился в прекраснейшей долине. Там, по берегу живописной речки, извивалась тропинка, по которой я и пустил своего коня. До самого вечера следовал я этой тропинкой и наконец завидел вдали большой красивый замок, окруженный с трех сторон водой. К нему-то я и направился. Когда я подъехал к замку, навстречу мне вышел сам хозяин со своими двумя сыновьями, взял меня под руку и ввел в главную залу этого обширного здания. В этой зале увидел я у окна за работой двадцать четыре девицы, они вышивали золотом по атласу. Все они были стройны и красивы, и могу вас уверить, что самая некрасивая из них была бы много лучше всех наших красавиц, а красивые могли бы соперничать красотой с нашей знаменитой Гвеннивар, супругой короля Артура!

И вот шесть из числа этих девиц поднялись со своих мест, подошли ко мне и сняли с меня мои доспехи, а другие шесть тотчас омыли их в тазу и вычистили так, что они горели как жар. Шесть подруг их стали накрывать на стол и подавать кушанья, а остальные шесть сняли с меня грязное и пыльное платье и переодели с головы до ног в чистое белье и платье. Потом усадили меня на подушки, подстлали мне под ноги ковер и подали серебряный таз и рукомойник, в котором я мог умыться перед обедом и омыть руки. Те же девицы, которые сняли с меня доспехи, позаботились и о моем коне: расседлали его, разнуздали, вычистили, поставили в стойло и насыпали ему корму в ясли. Затем мы сели за стол. Я сел рядом с хозяином и его сыновьями на одном конце стола, а все женщины и слуги сели на другом конце стола. В начале обеда ни хозяин, ни сыновья его не заговаривали со мной, но когда они увидели, что я утолил свой голод и что беседа была бы мне приятна, то разговор между нами завязался сам собой. Я объявил хозяину свое имя и сообщил ему между прочим, что странствую по белу свету, отыскивая себе супротивника, с кем бы мог помериться силами и потягаться в мужестве.

Хозяин в ответ на это улыбнулся и сказал:

— Мне нетрудно будет указать тебе достойного соперника. Переночуй здесь и встань завтра пораньше. Выхав из замка,

поезжай прямо по долине, пока не доедешь до леса. В том лесу выезжай на прогалину, посреди которой сидит одноглазый черный великан: он сторожит там лес и пасет в нем стада диких зверей. У него спросишь ты, как тебе проехать к источнику, и он же укажет тебе, как найти того, кого ты ищешь.

Долга показалась мне эта ночь! Едва только занялась заря на востоке, как я уже был на ногах и седлал коня, готовясь в дальний путь. И вот я выехал из замка, доехал до леса, видневшегося вдаль. В том лесу среди широкой прогалины действительно увидел я черного одноглазого великана, который пас бесчисленные стада диких зверей. Я подъехал к нему и объяснил, что, странствуя по свету, ищу себе супротивника, равного по силе и храбрости, а затем просил его указать мне, как проехать к источнику.

— Вот тебе тропинка, — сказал великан, — и ступай по ней в гору до самой вершины. Там среди долины под деревом увидишь источник. Рядом с источником — камень. Зачерпни воды из источника и плесни на камень — тогда увидишь, что из этого выйдет. Предупреждаю, однако, что если ты из этого приключения выйдешь цел и невредим, то ты можешь себя считать решительно непобедимым и никого на свете не опасаться.

По указанию великана я разыскал источник, зачерпнул из него воды и плеснул на камень... И вдруг загрохотал гром, полился ливень с градом и разразилась такая гроза, что на дереве над источником не уцелело ни одного листка. И только что гроза приутихла, вдаль послышались жалобные стоны, и в долине появился рыцарь на вороном коне, а сам весь в черном с головы до ног, с черным копьём в руке. Он еще издали кричал мне:

— О рыцарь! Зачем явился ты сюда? Зачем вызвал и поднял ты бурю, плеснув водой из источника на камень? Или ты не знаешь, что эта гроза не оставила в живых никого из моих людей и из моих стад, кого только застигла в открытом поле!

Тут мы с ним спшиблись, и между нами завязалась битва, которая, однако же, длилась очень недолго, потому что мой противник вскоре выбил меня из седла, причем я ударился о землю и лишился чувств, а он преспокойно повернул своего коня и ускакал, захватив, кстати, и моего коня с собой...•

Нетерпеливо и жадно прислушивался к этому рассказу Овенн — лучший из витязей Артура, — и когда Кенан стал излагать подробности своей борьбы с черным рыцарем, Овенн не вытерпел и спросил его:

— Что же случилось потом?

— Ничего! — преспокойно отвечал Кенан. — Очнувшись от удара, я поднялся на ноги и пешком добрался до замка, в котором ночевал накануне. А затем я вернулся ко двору Артура на том прекрасном гнедом коне, который мне был подарен

любезным владельцем замка. И, признаться, я дивлюсь только тому, что еще никто из храбрых рыцарей Артурова двора не побывал у этого дивного источника и не померялся силами с могучим черным рыцарем.

Этих слов было совершенно достаточно, чтобы задеть за живое неустрашимого Овенна. Он тотчас удалился в свою комнату, заперся в ней, стал чистить свои доспехи и оружие и все изготовлять на завтра, чтобы пуститься спозаранку в дальний путь...

И точно: с рассветом на другой день он уже выехал из Артурова дворца и направился по указаниям Кенана в ту прекрасную долину, где находился замок гостеприимного владельца, его двух сыновей и двадцати четырех дочерей.

Все случилось с ним точно так же, как и с Кенаном, а потому мы и не станем пересказывать тех приключений до той минуты, когда он, воспользовавшись указанием одноглазого черного великана, прибыл, наконец, к источнику и, зачерпнув из него воды, плеснул на камень. Тотчас вслед за этим раздался страшный удар грома и пролился сильный ливень. Но и гроза, и ливень скоро миновали, небо снова очистилось, и когда Овенн взглянул на дерево, которое росло над источником, то увидел, что на нем не осталось ни одного листочка. Пока он осматривал дерево, на ветви его опустилась стая птичек и все они стали петь так сладостно, что Овенн невольно их заслушался.

И вдруг из глубины долины послышался стон, и черный рыцарь на вороном коне бурею налетел на Овенна. Однако же Овенн не смутился, встретил его мужественно, и они сшиблись с такой силой, что копыта их сразу разлетелись вдребезги. Тогда оба витязя одновременно схватились за мечи, и бой возобновился, но длился недолго. Овенн нанес мечом такой тяжелый удар черному рыцарю, что рассек гребень его шлема, а также и шапку под шлемом и череп до самого мозга.

Черный рыцарь почувал, что ранен насмерть, повернул коня и помчался обратно, а Овенн пустился за ним вслед, но не мог его настигнуть, чтобы нанести ему решительный удар.

Преследуя черного рыцаря, Овенн очутился в виду обширного и богатого замка, который возвышался стройною и величавою громадой на высоком холме, выступая из темных масс густого почти дремучего леса. Пораженный громадностью и великолепием этого замка, Овенн на мгновение даже сдержал коня, но затем вновь устремился в погоню за рыцарем и они одновременно подъехали к его воротам, но только один черный рыцарь успел в них вскочить. Овенна чуть не придавила чугунная тяжелая решетка, которая так быстро была опущена, что перебила задние ноги его коня и даже обломилась концы шпор у рыцаря! В довершение бедствия внутренние ворота замка также захлопнулись, и Овенн очутился между

створами ворот и решеткой как в клетке.

В то время, когда Овенн обдумывал свое положение и поглядывал сквозь щели ворот внутри замка, он увидел, как к ним с той стороны подошла молодая девушка с распущенными по плечам белокурыми кудрями и стала ему нащептывать:

— Ничего не опасайся! Я много о тебе слышала хорошего и знаю, как ты бываешь верен в любви и дружбе, а потому постараюсь сделать все от меня зависящее, чтобы тебя спасти. Вот возьми этот перстень и надень его на палец. Стоит только тебе повернуть его камнем внутрь да зажать в руке — и ты станешь невидим...

При этих словах она передала ему перстень через щель ворот и продолжала:

— Сейчас придут здешние люди и отворят ворота, чтобы тебя схватить и убить и очень будут удивлены, когда тебя не увидят... А ты воспользуйся их приходом, чтобы выбраться из своей клетки, и ступай прямо к тому крыльцу, на котором я тебя буду ждать. Когда подойдешь ко мне, положи мне руку на плечо, чтобы я могла ощутить твое присутствие около себя. Потом сам увидишь, что будет...

Как она сказала, так и случилось. Немного спустя пришли люди, чтобы схватить его и умертвить, но нигде не нашли его, долго искали и были этим крайне удивлены. А Овенн этим воспользовался, чтобы войти во двор замка, направился к тому крыльцу, на котором его ожидала молодая девушка, положил ей руку на плечо и последовал за нею. Она привела его в большую роскошно убранную комнату, помогла умыться и переодеться, развела огонь в камине и так вкусно, так сытно накормила и напоила, что он давно уже не пил так и не ел. Затем она уложила его спать на свежей роскошной постели...

— Что это за шум? — спросил Овенн.

— Несут священные Дары к умирающему владельцу замка, — ответила девушка.

Овенн заснул, но ровно в полночь был вновь пробужден воплями в замке.

— Что это за вопли? — спросил Овенн.

— Несут тело покойного владельца замка в церковь, — сказала девушка.

Овенн подошел к окну, отворил его и был поражен тем множеством вооруженных людей, которые наполняли собою весь замок. Много было в толпе и благородных дам верхом на конях. Перед гробом шествовало духовенство и певчие, громко раздавалось их пение, сливаясь со звоном колоколов и резкими звуками военной трубы. Гроб несли на руках разные бароны и рыцари в богатых одеждах, а за гробом в глубоком трауре, в слезах, отчаянно ломая руки, пладала дама дивной красоты...

И едва только Овенн увидел ее, сердце его исполнилось любви к ней, и он спросил молодую девушку:

— Кто эта дама?

— Можно смело сказать и даже призвать Бога в свидетели, что это самая красивая, самая скромная и самая великодушная госпожа во всем свете. Притом она отличается и умом и благородством. Это госпожа моя, ее зовут Дама Источника, она была женой убитого тобой рыцаря.

— Клянусь Богом, что она нравится мне более всех женщин и что я люблю ее всем сердцем! — сказал Овенн.

— За нее я ручаюсь, что она тебя не любит... Но я все же попытаюсь за тебя похоронить.

И она вновь послужила ему, умыла, одела, гладко выбрила ему голову и бороду, напоила и накормила и, когда он прилег отдохнуть, заперла его на ключ в своей комнате, а сама пошла в замок и прямо направилась в опочивальню своей госпожи. Та была погружена в свою скорбь и никого не хотела ни видеть, ни принимать, но Люден (так звали эту молодую девушку), любимейшая из приближенных Дамы Источника, прямо подошла к ней, опустилась около нее на колени и взяла ее за руку. Желая утешить свою госпожу, Люден сказала ей:

— Я думала, что ты разумней отнесешься к постигшему тебя горю. Разве можно так безумно оплакивать твоего супруга или всякое иное благо, которым мы уже не можем пользоваться?

— О! Как мне его не оплакивать! — воскликнула Дама Источника. — Мне никогда не суждено уже встретить человека, который бы хотя сколько-нибудь походил на моего покойного супруга!

— Пустое! Найдется еще и не один, равный ему по достоинствам. А может быть найдутся и такие, которые будут более него достойны твоей руки.

Услышав это, Дама Источника с гневом прогнала Люден и запретила ей показываться в замке.

— Хорошо, — сказала Люден. — Я уйду, но не знаю, много ли ты от этого выиграешь. Я желала тебе добра и хотела дать дружеский совет... Коли не хочешь меня слушать, я удаляюсь.

И пошла из опочивальни. Однако ж госпожа ее одумалась, поднялась со своего места и, подойдя к порогу, кашлянула довольно громко. Люден обернулась и увидела, что госпожа манит ее к себе.

— Я верю в твое доброжелательство и отношение ко мне и желаю выслушать твой ответ.

— Изволь, — сказала Люден, — ты сама отлично понимаешь, что ты не в силах будешь защищать свои владения от внешних врагов. Значит, надо тебе поискать кого-нибудь, кто бы взялся их защищать...

— Да! Но где же мне найти такого человека? — в недоумении проговорила госпожа.

— Пожалуй, я готова даже и указать тебе, где найти его... Охрана твоего источника и твоих владений, на мой взгляд, только одному из рыцарей короля Артура могут быть поручены. И я предлагаю тебе привести в твой замок такого витязя, который сумеет защитить и твой источник, и твои владения от всякого посягательства на них — защитить еще лучше, нежели это делал твой покойный супруг...

— Мудрено этому поверить, — сказала госпожа. — Но что же? Попытайся, съезди за рыцарем.

Люден удалась к себе, как будто уехала из замка, а ровно месяц спустя доложила своей госпоже, что она привела ей одного из рыцарей Артурова двора.

— Приведи его ко мне завтра! — сказала Дама Источника с видимым удовольствием. — Завтра я буду готова принять его.

На другое утро Люден приваридила Овенна и привела его к своей госпоже.

— Люден, — сказала госпожа, внимательно оглядев Овенна, — по внешности этого рыцаря не заметно, чтобы он совершил дальнейшее путешествие.

— Так что же такого? Тем лучше, — сказала Люден.

— Я убеждена, — продолжала ее госпожа, внимательно вглядываясь в Овенна, — что это тот самый рыцарь, который убил моего покойного мужа.

— А если бы даже и тот, — сказала Люден. — Если бы он не был сильнее и мужественнее твоего супруга, он, конечно, не одолел бы его. Да притом минувшего не воротить!

— Хорошо, уведи пока этого витязя. Я соберу всех моих вассалов на совет и решу все.

Действительно, Дама Источника собрала на другой день всех баронов, изложила перед ними откровенно свое беспомощное положение и в заключение сказала:

— Предлагаю вам выбор: или пусть один из вас изберет меня в супруги и примет на себя обязанность защищать мои владения, или же я сама изберу себе мужа по склонности, и такого, который бы принял на себя тяжкую обязанность охраны моего источника и моих владений.

Бароны подумали, потолковали между собой и разрешили Даме Источника избрать себе мужа, кого она пожелает.

И вот немного спустя собрались отовсюду в замок епископы и архиепископы и обвенчали Овенна и Даму Источника, а все бароны принесли ему клятву в верности. И Овенн принялся охранять владения супруги своей копьем и мечом. Он побеждал каждого рыцаря, который дерзал его вызвать на бой у источника, и выскивал с него выкуп более или менее тяжкий, соответственно достоинству и положению своего про-

тивника. Этот выкуп он обыкновенно разделял между своими баронами и рыцарями и подобной щедростью приобрел общую любовь и преданность всех своих вассалов. И так протекло три года.

II

В конце третьего года король Артур стал жаловаться одному из витязей своих Гвальмаю на то, что он очень тоскует по Овенну.

— Неужели я его утратил навсегда? — говорил он в полном отчаянии. — Мне жаль моего верного рыцаря, и я бы хотел во что бы то ни стало узнать, какая участь его постигла.

— Я знаю, кто виноват в том, что мы утратили Овенна, — сказал Гвальмай. — Это все наделал Кенан своим заманчивым рассказом!

— Я готов собрать всех своих вассалов и двинуться на поиски моего дорогого витязя! — сказал Артур.

— К чему собирать вассалов? — сказал Гвальмай. — Ты один со своими рыцарями можешь отомстить за Овенна, если он убит, или избавить его из плена, если он в плену, или, наконец, вернуть его к нам, если он цел и невредим.

Артур решил последовать совету своего рыцаря и немного спустя двинулся на поиски Овенна со своими рыцарями. А этих рыцарей было, не считая прислуги, три тысячи копий. Кенан, сын Кледно, взят был в провозатые.

Долго ли, коротко ли они странствовали, но наконец, миновав знакомый нам замок гостеприимного владельца, миновали и долину, в которой черный одноглазый великан пас бесчисленные стада дивных зверей. Артур и его свита очутились у знакомого нам источника. Тогда Кай сказал Артуру:

— Государь! Дозволь мне первому вступить в битву с черным рыцарем!

И когда он получил разрешение Артура, то зачерпнул воды из источника и плеснул на камень. Грянул гром и разразился ливень с градом, и все согласилось с тем, что им отродясь не приходилось слышать такого грома и видывать такого града! И чуть только буря миновала и небо прояснилось, все увидели скачущего к ним черного рыцаря на вороном коне. Кай встретил его смело и они сразились, но битва длилась недолго: Кай был сразу выбит из седла.

Затем рыцарь раскинул шатер и расположился в нем на отдых, и Артур со своими рыцарями тоже раскинул лагерь.

Когда же они поднялись на другое утро, черный рыцарь уже был готов к бою и ждал противника. И Кай еще раз попытал своего счастья и вступил в бой с противником и был

вновь выброшен из седла и настолько тяжело ранен, что не мог более продолжать битву.

Вслед за Каем все приближенные короля Артура вступали поочередно в единоборство с черным рыцарем, и все были выбиты им из седел. Оставались только двое, кто еще не бился,— сам Артур и рыцарь Гвальмай.

И вот Артур стал готовиться к битве и оправлять на себе вооружение, но Гвальмай предупредил его желание и просил разрешения вступить в битву с грозным черным рыцарем первым. Артур разрешил, и Гвальмай двинулся на коне к своему супротивнику. На нем поверх доспехов была надета желтая атласная одежда — дар принцессы Анжуйской, в которой при опущенном забрале его невозможно было узнать. И на коне его была попона того же цвета.

И вот они съехались и сшиблись копытами и бились целый день вплоть до вечера, но ни один не мог одолеть другого. На следующий день они вооружились копытами крепче первых, и ни один все же не смог получить перевеса. На третий день переменяли и эти копыта на более твердые и более длинные. Полные ярости сшиблись они и бились до полудня. Дошло до того, что подпруги у лошадей наконец не выдержали — лопнули, и оба рыцаря разом очутились на земле. Но тотчас вскочили, выхватили мечи и вновь продолжали битву. И все присутствующие при этом утверждали, что никогда еще им не приходилось видеть двух бойцов, равных по силе и мужеству.

Наконец Овенну удалось нанести мечом такой удар, который свернул Гвальмаю шлем набок и открыл его лицо. Овенн узнал своего противника и сказал:

— Гвальмай, я никак не мог тебя узнать в этой твоей одежде. Ты мне брат и друг, возьми мой меч и все мое вооружение.

— Овенн,— сказал Гвальмай,— ты победил, ты и возьми мой меч.

Артур, видя, что бойцы вступили между собой в беседу, приблизился к ним.

— Государи! — сказал Гвальмай,— будь свидетелем того, что Овенн меня победил, а между тем не хочет принять от меня оружие.

— Государь,— сказал между тем и Овенн в свою очередь,— не я его, а он меня победил и не хочет взять моего меча.

— Давайте сюда ваши мечи,— сказал Артур.— Ни одного из вас не могу признать победителем!

Тогда Овенн бросился обнимать Артура и они расцеловались. И вся свита Артура бросилась к Овенну, все спешили его обнять, и около него произошла изрядная давка.

Затем они всю ночь провели под шатрами в поле, а наутро Артур стал собираться в обратный путь.

— Государь,— сказал Овенн.— Ты это пеладно задумал. Ведь вот уже три года минуло с той поры, как я тебя покинул, и все это время я готовился к тому, чтобы встретить тебя достойным пиршеством, ибо я знал наверно, что ты повелел искать меня всюду. Итак, приди же в мой замок, омойся, отдохни от пути и раздели со мною трапезу.

Артур согласился и со своими рыцарями двинулся к замку Дамы Источника. И тот пир, к которому все в замке готовилось в течение трех лет, был весь потреблен в течение трех месяцев пребывания Артуровых рыцарей в замке. И все признались, что им никогда не случалось есть сытнее и пить вкуснее.

Наконец Артур собрался в обратный путь и стал просить у Дамы Источника, чтобы она разрешила Овенну только три месяца провести при дворе Артура. Она согласилась, но, правду сказать, очень неохотно.

Итак, Овенн вернулся вместе с Артуром к его двору, и когда очутился вновь в кругу своих родственников и старых друзей, то на душе у него стало так светло и весело, что он и не заметил как вместо трех месяцев прожил при дворе Артура целых три года.

III

Однажды, когда Овенн сидел за столом Артура, вдруг въехала в залу дама на буланом коне с густою волнистою гривой. Конь, оседланный золотокованным седлом, был весь взмылен. Дама подъехала к Овенну, сорвала с его пальца венчальное кольцо и сказала:

— Так поступаю с тобой, потому что ты поступил со мной, как изменник, как бессмысленный юноша!

Вслед за тем она быстро повернула коня и удалилась из замка. Тогда только память вернулась к Овенну и он впал в тяжкую тоску.

И вот по окончании пиршества он удалился в свой покой и стал готовиться к отъезду. На следующий день, ранешенько, покинул дворец Артура и направился к той пустынной земле, среди которой расположены были владения Дамы Источника. Но напрасно блуждал он по этой земле — он не мог ни найти, ни припомнить пути к цели своих стремлений. И блуждал он долго-долго, так долго, что и платье на нем износилось, а сам он похудел и почернел и стал на себя не похож. Даже тело его поросло длинной шерстью, как у дикого зверя. С дикими зверями в пустыне жил он бок о бок, как равный с равными, питаясь травами и кореньями.

И вот, бродя в таком жалком виде по пустыне, он однажды случайно спустился с какой-то горы в долину и попал в чудный роскошный сад. Сад этот, как оказалось, примыкал к замку, принадлежавшему молодой прекрасной вдове. Эта

благородная дама как раз шла в это время по берегу озера, занимавшего середину сада и заметила на траве какое-то подобие человека. Все страшно перепугались. Оправившись от испуга, они подошли к этому чудищу, стали к нему присматриваться и прикасаться и убедились в том, что он еще жив, хотя и очень ослабел.

Дама возвратилась в замок, взяла там склянку с очень дорогим бальзамом и передала одной из своих прислужниц.

— Возьми эту склянку, — сказала она, — садись на этого коня и захвати с собой запас одежды для того человека, которого мы видели сейчас в саду. Потри ему бальзамом около сердца, он, конечно, оживет и придет в сознание. Когда ты увидишь, что бальзам произведет свое действие, удались и наблюдай издали.

Девушка отправилась в сад, чтобы исполнить приказание своей госпожи, вылила всю склянку бальзама на тело Овенна, затем оставила около него коня и одежды, а сама спряталась в кусты, чтобы посмотреть, что он будет делать.

Несколько минут спустя Овенн стал двигаться, развел руками, приподнялся, оглядел себя и покраснел, увидя себя в таком ужасном виде. Затем он заметил коня, стоявшего около него, и одежды, привязанные к седлу. Кое-как дотавившись до коня, он с большим трудом оделся и еле-еле мог взобраться в седло.

Как раз в это время девушка вышла из-за кустов и поклонилась ему, а он очень ей обрадовался и спросил, где он теперь находится.

— Этот замок, — сказала девушка, — принадлежит молодой вдове. — Покойный ее супруг, умирая, оставил ей два больших владения, а теперь у нее остался только один этот замок — и то пока он не отнят у нее молодым графом, ее соседом, за которого она отказалась выйти замуж.

— Это очень печально, — сказал Овенн.

Он отправился в замок, куда его проводила девушка. Там отвела она ему прекрасную комнату, зажгла огонь в камине и ушла. Придя к госпоже, она подала ей склянку.

— А где же бальзам? — спросила госпожа.

— Да я же его весь издержала...

— Как? Издержала на 140 ливров бальзама на исцеление человека, которого я вовсе и не знаю? — воскликнула дама. — Это непростительно! Однако все же ухаживай за ним, пока он не выздоровеет...

И молодая девушка исполнила приказание госпожи, кормила и поила Овенна и ухаживала за ним, лечила его, пока он совсем выздоровел. И по мере того, как он выздоравливал, шерсть с его тела мало-помалу опала. Три месяца спустя он был совершенно здоров, вошел в полную силу и стал по-прежнему красив, бел и дороден.

IV

Однажды, проснувшись утром, Овенн услышал шум в замке и бряцание оружия и спросил у девушки, что это значит.

— А это тот самый граф, о котором я тебе уже говорила. Он явился с большим войском, обложил весь замок и хочет подчинить мою госпожу своей воле.

Тогда Овенн спросил, есть ли у ее госпожи добрый конь и хорошее оружие.

— Да, конечно, — ответила девушка, — есть и чудные кони, и превосходное оружие.

— Так вот, ступай, принеси мне доспехи и оружие. Я поеду, порассмотрю поближе неприятеля.

— Хорошо, — сказала девушка.

Дама приказала выдать Овенну коня и оружие, но при этом сказала:

— Не знаю, на что ему может понадобиться рыцарский конь и вооружение.

И вот к Овенну привели отличного боевого коня, оседланного и взнузданного. Принесли и коню, и ему полное вооружение. Овенн снарядился, вскочил в седло и выехал из ворот замка в сопровождении двух слуг, тоже вооруженных с головы до ног.

Выехав из замка, они увидели перед собой войско графа, которому ни конца, ни края не было видно. Тогда Овенн спросил у одного из слуг, в какой части войска может находиться сам граф?

— А вот в этой части, где развеваются четыре желтых знамени!

— Хорошо. Так возвратитесь же опять к замку и обождите меня около ворот.

Они повиновались. А Овенн направился к указанному месту, где находился граф, бурей налетел на него, вышиб из седла, подхватил его в охапку и, мигом поворотив коня, примчал его к воротам замка, где ожидали его слуги. Затем, приведя графа к молодой вдове, он передал ей своего пленника в дар и сказал:

— Вот тебе дар за тот бальзам, который ты издержала на мое исцеление.

Войско графа, между тем, продолжало стоять около замка. И вот граф, чтобы выкупиться из плена, должен был возвратит молодой вдове захваченные им владения. Прибавил к ним часть своих земель, отдал все свое золото, серебро и драгоценные камни да сверх того представил еще и заложников.

Молодая вдова не знала, как ей выразить свою признательность Овенну. Она и все ее приближенные умоляли его остаться в замке подольше, но Овенн распростился с ними и опять отправился странствовать по пустынной земле.

Однажды, в то время, как он проезжал по густому лесу, Овенн услышал грозное рычание, которое повторилось в другой и третий раз. Он направился к тому месту, откуда это рычание слышалось, и увидел среди леса обширную пещеру, заваленную у входа сероватой каменной глыбой. В этой глыбе была трещина, а из трещины выползла змея с злобным шипением и набрасывалась на черного косматого льва, который пытался проникнуть в пещеру.

Овенн обнажил меч, подошел к глыбе и в то время, как змея выползла из своей норы, рассек ее мечом надвое, а затем преспокойно поехал своею дорогой. Проехав немного, он заметил, что лев бежит вслед за ним, прыгает и ласкается к нему, как ручная охотничья собака.

Так они и продолжали вдвоем свой путь до вечера, а когда наступило время отдыха, Овенн сошел с коня, пустил его пастись на луг, а сам развел огонек. И лев тотчас натаскал ему столько хвороста и дров, что этого запаса хватило бы на то, чтобы поддерживать огонь в течение трех лет. Затем он скрылся и вскоре вернулся, таща в зубах молодую дикую козочку, от которой Овенн отрезал себе кусок мяса для ужина, а остальное отдал льву на добычу.

В то время, когда Овенн готовил себе ужин, он услышал чей-то глубокий вздох, потом другой, третий и спросил:

— Кто тут так вздыхает? Человек или дух?

— Человек, — отвечал ему чей-то голос.

— Кто же ты?

— Я Люнед, служанка Дамы Источника.

— Что же ты тут делаешь?

— Я здесь нахожусь в заточении из-за одного рыцаря Артура двора, который женился на моей госпоже, оставался при ней некоторое время, потом возвратился ко двору Артура и с тех пор сюда не прибывал, этот рыцарь был мне друг. И вот двое врагов моей госпожи обвинили его в преднамеренном обмане, а я его защищала, отстаивала от этого обвинения и сказала им, что они оба не стоят его мизинца. За эту правду они меня посадили в темницу и поклялись, что казнят меня, если к назначенному дню мой рыцарь не явится сам, чтобы избавить меня от смерти. День этот наступает послезавтра, и у меня нет никого, кто мог бы известить его о моем положении. Этот рыцарь не кто иной, как Овенн, сын Уриена.

— Но уверена ли ты в том, что он явился бы для твоего избавления, если б знал об угрожающей тебе опасности?

— О! Вполне уверена! — отвечала Люнед.

Когда мясо изжарилось, Овенн поделился им с несчастной и они еще долго вели между собою беседу через решетчатое окно ее тюрьмы.

Поутру Овенн спросил у Люнед, где бы он мог на время приютиться в ближайших окрестностях, найти себе стол и кров для ночлега.

— Ступай прямо по этой дороге, потом по берегу реки и вскоре увидишь прекрасный замок с высокими башнями. Владелец его — человек весьма радушный и приютит тебя на ночь.

В эту же ночь, которую приходилось провести под открытым небом, лев охранял Овенна как самый лучший и верный страж.

VI

Наутро Овенн оседлал своего коня, переехал реку вброд и увидел перед собою на холме замок. Приехав к воротам его, он был принят с почетом, а конь его был поставлен в конюшню к яслям, до краев насыпанным кормом. Лев Овенна тоже улегся в конюшке, так что никто не дерзал и приблизиться к коню рыцаря.

Одно поразило Овенна: приняли его радушно, но на всех лицах была глубокая печаль. Сели за стол, хозяин дома посадил Овенна между собою и своей дочерью, молодой красоткой. Тогда же и лев пришел в залу и лег у ног Овенна, он получил свою долю от всех кушаний, какие подавались на стол. Когда все насытились, Овенн спросил у хозяина, почему он сам и все домашние так печальны?

— Как мне не печалиться? — отвечал тот. — У меня было два сына, оба отправились вон на ту гору охотиться, а на той горе живет чудовищный людоед. Он захватил обоих моих сыновей и требует, чтобы я за них отдал ему свою дочь... Вот почему мы так печальны.

— Да, это действительно печально! — сказал Овенн. — Что же предпринять?

— О, конечно, я решусь скорее на то, чтобы он пожрал моих сыновей, нежели добровольно передам ему мою дочь на позор и гибель.

Затем разговор перешел на другие предметы, и Овенн, оставшись в замке, провел всю ночь под его кровом.

На следующее утро все услышали ужаснейшие крики: это людоед тащил к замку сыновей владельца, который был в отчаянии и решительно не знал, как ему защитить замок от чудовища и избавить своих сыновей от гибели. Тогда Овенн вооружился и вышел из замка на борьбу с людоедом, который был ростом великан. Лев последовал за Овенном.

Великан-людоед первый напал на Овенна, но вместе с Овенном на него яростно кинулся лев.

— Послушай! — крикнул Овенну великан. — Я вышел на борьбу с тобою, а не с этим зверем!

Тогда Овенн отвел льва обратно в замок и запер за ним наглухо ворота, а сам возвратился продолжать борьбу. Но лев страшно рычал в замке, прислушиваясь к ударам, которые дождем сыпались на Овенна. Он не вытерпел, пробрался в залу замка, с нее на крышу, а с крыши спрыгнул наземь и устремился на помощь к Овенну. И в один миг, бросившись на людоеда, он нанес своей мощной лапой страшный удар, что великан повалился наземь мертвый, и Овенн мог возвратиться отцу его милых сыновей.

Признательный отец после этого умолял Овенна остаться погостить у них в замке, но Овенн отказался от угощения и поспешил возвратиться туда, где Люнед была заточена в тюрьме.

Подъезжая к тому месту, он увидел, что на лужайке, где он проводил ночь, был разведен большой костер, и двое молодых людей с распущенными по плечам шелковыми волосами тащат несчастную Люнед к костру. Овенн остановил их и спросил, за что они собираются казнить молодую девушку.

— Овенн не явился ее избавить в назначенный срок, вот за это мы и хотим сжечь ее на костре!

— Я знаю Овенна как честного рыцаря и готов заступиться его место, а потому вызываю вас обоих биться со мною!

— Будешь биться! — сказали молодые люди. И оба одновременно вступили в борьбу с Овенном. И он уже начал слабеть, когда лев вступился в битву и стал одолевать молодых бойцов.

— Рыцарь, — сказали они, обращаясь к Овенну. — Мы взяли биться с тобою одним, а не с этим зверем, с которым нам труднее справиться, нежели с тобой.

Овенн отвел льва в ту темницу, где заключена была Люнед, а вход в темницу заложил тяжелыми камнями. Затем вернулся и продолжал битву с юношами, постепенно теряя силы и слабея...

А лев между тем рычал и метался в темнице, зная, что его господин подвергается большой опасности. И стал он лапами разметывать камни, заграждающие вход, и, вырвавшись из темницы, одним скачком поверг на землю одного из бойцов, а другим — другого.

Таким образом Люнед была спасена от смерти на костре, и Овенн вернулся с нею в замок Дамы Источника, а вскоре после того он и ее отвез ко двору Артура, и она была его любимой и милой женой до самой смерти.

VII

На пути ко двору Артура, когда Овенн отправлялся туда с женой, с ним было еще одно приключение. Он захал для ночлега в один из замков на пути. Никем не встреченный

у ворот, он вошел прямо в залу замка и тут увидел двадцать четыре дамы, одна другой лучше, но одетых почти в лохмотья. На их лицах была глубокая печаль. Когда Овенн спросил их, почему они так несчастны, они отвечали ему:

— О, рыцарь! Ты не знаешь, в какой замок тебя завела твоя злая судьба! Мы все дочери графов, тоже ничего не зная, заехали сюда с нашими мужьями и были приняты с почетом и радушием. Потом нас угостили ужином и опоили сонным зельем в вине. И когда мы все заснули, явился Черный разбойник, хозяин этого замка, перебил всех наших рыцарей, отнял у нас наших коней, ограбил нас и наших несчастных мужей дочиста. И даже тела их вместе со многими другими брошены здесь же в замке без погребения.

— Очень жалею вас! — сказал Овенн.

— А мы жалеем тебя, потому что и тебя здесь должна постигнуть та же участь.

И действительно, вскоре явился в замок Черный разбойник и встретил Овенна весьма приветливо и дружелюбно.

— Клянусь Богом, — сказал Овенн, — что я пришел сюда не за тем, чтобы с тобою дружбу водить!

— Так что же? Давай биться!

И вскоре после того они вступили в битву и бились с ожесточением. Но Овенн не долго длил битву — вышиб своего противника из седла, скрутил ему руки за спину и вынудил просить пощады.

— Победитель мой! — сказал Черный разбойник. — Мне было предсказано, что ты приедешь сюда и одолеешь меня в битве, и ты действительно пришел и одолел меня. До сих пор я жил разбоем, и дом мой был разбойничьим притоном. Но если ты пощадишь меня, я обращу мой замок в странноприимный дом, который будет равно открыт для слабого и для сильного, и я буду содержать тот дом до конца моих дней во спасение души твоей!

Овенн принял его предложение и ту ночь провел в его замке. А наутро он взял с собой все двадцать четыре дамы, которым Черный разбойник возвратил их коней и все, что отнял у них, и все они вместе отправились ко двору короля Артура.

Рад был Артур, свидевшись с Овенном после первой отлучки, и, кажется, еще больше был рад, свидевшись с ним теперь. Те из дам, которые приехали вместе с Овенном из замка Черного разбойника, были приняты Артуром и его супругой приветливо и ласково. Одни остались при дворе Артура, другие уехали к себе. И пока Овенн с женою жил у Артура, все оказывали ему почет и дружбу, и все вспоминали его с любовью, когда он уехал в замок к жене.

Наша повесть окончена, она зовется повестью о Даме Источника.

Сказание о Беовульфе

В Дании некогда правил славный род Скильдннгов. Один из королей этого славного рода, по имени Хродгар, особенно счастливым в войнах с соседями и накопивший от этих войн большие богатства, задумал ознаменовать свое царствование достойным памятником. Он решился выстроить для пиршеств своей дружины такую залу, которой не было и не могло быть во всем свете. Задумано — сделано. Собрав отовсюду искусных строителей, Хродгар не пожалел ни труда, ни издержек на дорогую и громадную постройку, и здание это как по внешней своей красоте, так и по внутреннему убранству оказалось в самом деле бесподобным. И чуть только эта дивная, богато изукрашенная зала была закончена, Хродгар перешел в нее со своими витязями и вся окрестность огласилась шумными кликами его пиршества, звоном дорогих чар, ковшей и кубков и громкими песнями королевских певцов, которые услаждали пирующих, щедро награждаемые из королевской казны. Но — увы! — это шумное веселье длилось недолго. Недолго звучали в той дивной зале чары и кубки, недолго раздавались веселые песни и клики, недолго рекою лилось пенистое

пиво и золотисто-прозрачный мед... Шум пиршеств короля Хродгара каждый вечер доносился по ветру в мрачное жилище страшного и громадного чудовища Гренделя, которое недалеке от дивной залы Хродгара укрывалось в обширных прибрежных болотах. Людское веселье тревожило Гренделя и возбуждало в нем непримиримую злобу... И вот однажды ночью это чудовище неслышно подкралось к зале. Там после долгого и веселого пиршества расположились на ночлег беспечные сподвижники Хродгара. Грендель набросился на них среди сна, выхватил разом из их среды тридцать витязей и быстро повлек их за собою в свое мрачное жилище, жадно терзая и пожирая их на пути.

Вопли ужаса сменили утром клики веселья, и никто не знал и не мог объяснить, откуда пришло такое страшное бедствие. Куда девались Хродгаровы витязи и кто похитил их из дивной залы пиршеств? После многих сокрушений и догадок беспечность взяла верх над опасениями и страхом. Хродгар и его витязи снова стали собираться для пиршеств в той же зале и стали оставаться в ней на ночь. И то же страшное бедствие постигло их снова: чудовище Грендель стало являться каждую ночь и каждую ночь уносить с собою по нескольку Хродгаровых витязей и приближенных. Скоро все уже догадались и даже убедились в том, что в залу по ночам вторгается чудовищный Грендель, что именно это страшное чудовище похищает и пожирает королевских витязей. Но никто из приближенных Хродгара не дерзал и думать о борьбе с грозным Гренделем. И напрасно сокрушался добрый король, напрасно молил он богов об избавлении его страны от неожиданного и тяжкого бедствия...

Пришлось покинуть дивную залу: пиры в ней прекратились, смолкло веселье, и только Грендель изредка посещал ее по ночам, отыскивая добычу и распространяя кругом себя ужас и тишину смерти...

Слух об этом страшном бедствии распространился далеко. Донесся он и в землю геатов, где жил в то время славный витязь Беовульф, знаменитый из богатырей короля Хигелакка. Он заявил своему королю о желании подать помощь престарелому королю Хродгару, вступив в борьбу с чудовищем Гренделем. Как ни старались старые и опытные люди отговорить его от этого намерения, он снарядил свой корабль к плаванью и отплыл к берегам Дании. С ним вместе поплыли на том корабле четырнадцать храбрейших витязей, избранных им из всей его дружины.

Ободраемый счастливыми предзнаменованиями, Беовульф благополучно переплыл за море, к берегам Дании. Едва успели они причалить и выйти на сушу, как к ним уже выехал навстречу береговой сторож, чтобы расспросить их о цели прибытия и оповестить затем короля Хродгара о приезде гостей.

Беовульф и его товарищи тем временем вооружились и по дороге, вымощенной пестрыми камнями, направились к зале пиршеств. Все любовались крепким сложением и мужественным видом этих иноземных воинов, у которых головы были прикрыты блестящими шлемами с изображением вепрей, крепко закаленными в огне, для защиты головы от ударов в бою. Любовались их светлыми крепкими бронями, падежными поверх кольчуг, звонко бряцавших при каждом их шаге. Дивились тем широким мечам, которые были у них привешены сбоку, и тяжелым копьям, которые они легко, без малейшего усилия, несли в своих могучих руках, облаченных в железные рукавицы. Навстречу приезжим гостям вышел из залы Вульфгар — один из приближенных короля. Расспросив геатов, он вернулся в залу к Хродгару и сказал:

— Сюда прибыли по морю богатыри из далекой страны геатов. Я слышал, как они называли своего предводителя Беовульфом. Они просят о дозволении повидаться с тобою, король, и вступить с тобою в беседу. Не откажи им в этом, ибо они, судя по их внешнему виду и доспехам, достойны вести с тобою речь и заслуживают уважения благородных.

— Знаю я этого Беовульфа, — отвечал Хродгар. — Не раз слышал о нем от гостей-корабельщиков, привозивших нам дары и товары из земли геатов. Они говорили мне, что в мощных руках Беовульфа заключается сила тридцати витязей. Чует мое сердце, что эти заезжие богатыри пришли сюда биться с Гренделем. Зови их скорее!

Вульфгар передал приветствие короля приезжим гостям и его желание видеть их у себя на пиру. Тогда они тотчас, отстегнув от пояса мечи, отложив щиты и составив копья в угол, в одних шлемах и бронях последовали за Вульфгаром, оставив двоих воинов стеречь оружие.

— Здравствуй, Хродгар! — сказал Беовульф, подойдя к королю. — Я родной племянник короля геатов Хигенака. От заезжих гостей-корабельщиков прослышал о тех бедствиях, какие вы терпите здесь от Гренделя. Мне рассказывали, будто зала твоя, лучшая в свете, стоит без всякой пользы для твоих богатырей. И вот я пришел сюда избавить тебя от чудовища по совету людей, которым известна моя сила и которыми часто приходилось видеть, как я, возвращаясь из сражения весь в крови, разом вязал по пяти врагов. Но, решаясь на этот новый подвиг, прошу тебя об одном: чтобы только мне и моим товарищам дозволено было очистить твою залу от чудовища. В случае же, если паду в битве с Гренделем, перешли королю Хигенаку мою броню, лучшую из всех на свете, выкованную некогда вещим кузнецом Виландом.

Хродгар благодарил Беовульфа за его готовность помочь ему и рассказал подробно о том, как Грендель вторгся в его залу и сколько его витязей загубил. Затем король пригласил

Беовульфа и его спутников к участию в общем пиршестве и предложил им подкрепиться медом.

По велению короля тотчас была очищена для геатов скамья за столом и слуги стали их потчевать пивом и медом, поднося напитки в кружках с прекрасной резьбой. И в то время, как они пили, в зале пиршества весело пел певец, услаждая слух витязей.

Видя, с какой честью король Хродгар принимает приезжих из-за моря геатов и их вождя, многие из датчан стали смотреть на них с завистью и недовольством. Один из них, Гунфред, любимец короля Хродгара, постоянно сидевший на пирах у его ног, дерзнул даже обратиться к Беовульфу с задорными и заносчивыми словами. Ему неприятно было видеть у себя на родине, и даже за столом короля, этого заезжего богатыря, который должен был вскоре затмить славою всех его земляков.

— Не тот ли ты Беовульф, — так начал задорный Гунфред, — который некогда плывал с Брекою взапуски по обширному морю? Помнится, слышал я, что тогда родные и близкие тщетно пытались вас обоих отклонить от выполнения вашего безрассудного намерения — измерить глубины и мели грозного, многошумящего моря! Никому не внимая, вы уже устремились в море с высокого берега и, разводя руками, рассекая ими поверхность моря, уже пробивались вперед сквозь бурный и пенистый прибой. Достоверные люди мне сказывали, что Бреки тогда одолел тебя в искусном умении плавать. И сколько бы ты ни рассказывал о своей опытности и неустранимости в боях, я все же за тебя стану опасаться, если ты останешься здесь на ночь в ожидании прихода Гренделя.

— Я думаю, любезный друг Гунфред, — так отвечал ему Беовульф, — что выпитое тобою за нынешним пиршеством туманит тебе голову... Иначе ты, конечно, не говорил бы так о моем состязании с Бреки. Действительно, был с нами такой случай в ранней юности. Друг мой Бреки и я, мы оба, задумали однажды вплавь пуститься за море с обнаженными мечами в руках ради защиты от морских чудовищ. Задумано — сделано. Пять ночей плыли мы так вместе по морю, пока буря с туманом не разлучила нас, не разогнала в разные стороны. Тогда ободрившись морские чудовища, стали они на меня нападать и старались лишить меня бодрости духа. Но крепкая кольчуга и броня защитили мое тело от их когтей и зубов, а я неустанно и смело работал моим мечом, беспощадно их поражая, нанося им направо и налево удары. И вот на рассвете увидел я, как волны морские носили множество их окровавленных тел. С той поры они, дерзновенные, уже не преграждали путь морякам по пенистым волнам. Как видишь, наше состязание с Бреки совсем не могло состояться, но мне при этом пришлось выдержать на море такую борьбу с мор-

скими чудовищами, о которой я еще и не слыхивал. А ты между тем ни единым словом не упомянул о ней! Я же в ответ на твои зазорные речи только одно и скажу тебе: не себя ли считаешь ты храбрейшим из храбрых? Если так, то скажи, отчего же допускаешь ты, чтобы в этой зале могло так злодействовать алчное чудовище? И зачем же ты дозволяешь, чтобы геат для борьбы с ним приехал из-за моря?

Такими и тому подобными словами Беовульф заставил Гунфреда умолкнуть и изумил своею мудростью самого короля Хродгара, который еще более проникся доверием к славному гостю. И снова смех и веселье наполнили залу пиршества, а затем королева, супруга Хродгара, по обычаю датчан обошла всех гостей с кубком меда в руках и с приветственным словом...

Долго бы еще продолжался шумный и веселый пир и, верно, затянулся бы далеко за полночь, если бы король Хродгар не вспомнил вовремя, что страшный бой ожидает храбрых в этой же зале, в тот час, когда скроется солнце и темная ночь опустится на землю и прикроет ее своим тенями. Вспомнив о предстоящей битве с Гренделем, король Хродгар поднялся в тревоге, а за ним и все стали прощаться с гостями.

На прощанье Хродгар, обратясь к Беовульфу, сказал:

— Тебе, первому из богатырей, поручаю я охрану моей залы. Знай, что если ты точно избавишь нас от бедствия, ты можешь потребовать из моего имени то, что тебе придется по вкусу.

Оставшись наедине со своими товарищами, Беовульф приказал затворить двери залы и запереть их крепким засовом. Потом он снял с себя броню и кольчугу, отцепил и меч с бедра и сказал:

— Отлагаю оружие в сторону, ибо знаю, что в борьбе с Гренделем никакое оружие не поможет. Надеюсь только на силу свою, и пусть судьба решит битву, к которой я готов.

Сказав это, он спокойно заснул со всеми своими, и только один из геатов остался на стороже.

Между тем темная ночь опустилась на землю, все кругом залила она своим мраком, под покровом которого тишина и сон водворились повсюду. Только жалобные крики сов и филинов на высоких старых деревьях вокруг залы нарушали ночное безмолвие...

Так настал и полуночный час. И вот ровно в полночь вышел из своего болота чудовищный Грендель и тихо подкрался к дверям залы, из-за которых слышался громкий храп крепко заснувших геатов. Мигом отбил Грендель запор у дверей, и вот он уж в зале, и жадно обводит огнистыми сверкающими глазами всех спящих, заранее избирая себе жертву. Вот наконец жертва избрана. Грендель, подкравшись, хватает одного из них, разрывает пополам, раздробляет его кости, высасыва-

ет кровь из жил и тут же глотает свою добычу огромными кусками! Потом неасытное чудовище тянется за другим, ближайшим воином, но вдруг чувствует, что чья-то мощная рука хватает его за лапищу и стискивает так, что все кости трещат в ней, все хрящи ноют. Ужас овладевает Гренделем: он рвется, он хочет бежать, но уж поздно. Бесстрашный Беовульф вскакивает с лавки и, не выпуская толстую лапу Гренделя, устремляется на него...

Тут началась неслыханная борьба, один на один, не на жизнь, а на смерть, борьба двух сил, громадных и страшных, как волны во время грозно бушующей бури. Затрещал толстый дубовый пол, задрожали стены залы, срубленные из вековых дубов, зашаталось и ходуном заходило все несокрушимо прочное здание. Попадали на пол тяжелые скамьи, которых никогда и никто не мог даже сдвинуть с места. Все датчане, издали заслышав гул и треск в зале, пришли в ужас. Они с трепетом ждали, что вот-вот обрушится вся зала и раздавит могучих борцов!

Но успех уже явно клонился на сторону Беовульфа, он одолевал Гренделя, и тот помышлял только о бегстве, о том, чтобы поскорее вырваться из рук могучего богатыря и ускользнуть в свое мрачное болото. Но помыслы эти были напрасны: лапа Гренделя по-прежнему оставалась в руках Беовульфа, словно в железных тисках. Наконец чудовище, собравшись с последними силами, рванулось что есть мочи — и вот жилы, тяжи и мускулы порвались в плече, лопнули кожа и мясо, кости выскочили из суставов, и вся лапа Гренделя до самого плеча осталась в руках Беовульфа, а чудовище, искалеченное и пораненное насмерть, повлеклось издыхать в свое болото.

Когда прослышали датчане, что битва окончилась победой Беовульфа, то одни устремились к зале, а другие пошли по кровавым следам Гренделя до самого болота и там, на воде, заметили кровавые струи. В зале толпа сбежавшихся любопытных с ужасом смотрела на следы грозного ночного боя, на поваленные скамьи и столы, на стены, обрызганные кровью чудовища, на могучую лапу Гренделя, оторванную у него Беовульфом. И все славные богатыри, и сам Гунфред должны были перед ним смолкнуть, когда он спокойно и просто стал рассказывать всем о ночной битве с чудовищем. Сам Хродгар, этот мудрый король датский, хорошо знакомый с древними сказаниями, сложил песню в честь Беовульфова подвига.

Затем король приказал очистить залу, поправив в ней все, что распаталось и попадало во время битвы, и когда все было исправлено, Хродгар вновь велел приготовить богатое пиршество. За этим пиром Хродгар, обратившись к Беовульфу, сказал:

— Часто случалось мне награждать и гораздо более слабо-

го бойца за меньшие подвиги. Тебя же, Беовульф, я стану отныне считать своим сыном. Знай, что тебе не будет и не может быть отказа ни в чем из всего принадлежащего мне, и прошу тебя принять от меня дары, достойные тебя и твоего подвига.

И он поднес Беовульфу броню, шлем и копье из чистого золота да сверх того драгоценный меч и восемь коней, а при них дорогое седло, на котором он сам в былое время сиживал, когда кругом его раздавался звон мечей.

Беовульф принял все эти дары с полным кубком в руках. А затем подошла к нему королева и подала ему другой кубок с приветствием и в то же время надела ему на обе руки обручи из крученого золота, кольца на пальцы, накинула на плечи богатый плащ, а на шею надела драгоценное золотое ожерелье, самое тяжелое из всех ожерелий на свете.

И после поднесения даров продолжался пир, полный шума, веселья, звона круговых чаш при громких песнях певцов, прославлявших подвиги древних героев. Король и королева с детьми поздно удалились из залы, а гости, изрядно отяжелевшие от меда, разостлали на скамьях постели и, сложив в головах свое оружие, расположились на ночь там же, где пировали. Только Беовульфу и его спутникам в виде особого почета отведен был особый покой на эту ночь. Вскоре все в зале преспокойно заснуло, нимало не заботясь о том, что ожидает их в близком будущем.

Но вот в глухой полуночный час опять затрещали двери залы и распахнулись настежь. В них ввалилось другое чудовище, подобное Гренделю: то была мать Гренделя, явившаяся мстить за сына. Шум ее появления разбудил всех датчан. Они поднялись разом, но ужас их при виде ночного чудовища был так велик, что им и в голову не приходило взяться за оружие или прикрыть полунагое тело доспехами, которые были свалены кучей у изголовий. Все бросились врассыпную. А мать Гренделя, явно напуганная всеобщим пробуждением, тоже решила бежать обратно в свое болото, впопыхах захватив только одного из ближайших к ней датчан. И чудовище, и товарищ исчезли вмиг из глаз перепуганных витязей, которые громко завопили от ужаса. Побежали рассказать о случившемся королю, и тот немедленно послал за Беовульфом. Когда же Беовульф явился в залу, Хродгар сказал ему:

— Прежнее бедствие постигло нас, Беовульф! Эскер, мой лучший собеседник и советник, мой подручник в битвах, погиб от нового чудовища, вероятно, приходившего сюда мстить за Гренделя. Но слухам нам известно, что какие-то два мрачных чудовища обитают в ближнем приморском болоте. Над тем болотом, угрюмо и неприветно склонясь, нависли густыми ветвями старые деревья, и каждую ночь там чудится страшное чудо: ярким светом озаряются мрачные воды боло-

та. И никто никогда не решался в то болото ногой ступить. Даже олень, изнуренный преследованием собак, скорее решается погибнуть, нежели укрыться в той труппе. Лишь ветер, завывая, колышет там обросшие мхом деревья, о корни которых плещутся мрачные волны. Ты один можешь решиться проникнуть в мрачную бездну, один ты можешь избавить нас от бедствий! И если избавишь, то вновь обещаю тебя наградить из моей золотой казны.

Склоняясь на слезные мольбы престарелого короля, Беовульф обещал ему, что будет преследовать чудовище и проникнет даже в самое убежище его — в мрачный омут болота.

Когда же Беовульф решил привести свое намерение в исполнение, Хродгар вызвался проводить его со всеми своими приближенными. Вскоре все они направились к болоту по неизведанным дорогам и тропинкам. Всюду по тому пути виден был след бежавшего чудовища, и в том месте, где этот след терялся в болоте, вся вода под топким берегом была окрашена кровью... Здесь же, на берегу, нашли голову несчастного Эскера, которого горько оплакивал старый король Хродгар.

Спешившись с коней, Беовульф с немногими избранными воинами подошел к окраине болота, и все они ясно увидели в воде страшных змей и морских драконов, увидели и водяных никсов, которые сидели на подводных скалах. Заслышав шум по прибрежью, быстро заметались в воде морские чудовища и водяные змеи. Одно из этих чудовищ Беовульф подстрелил в воде, а когда оно всплыло на поверхность, его спутники добились это чудовище копьями.

Потом Беовульф обратился к Хродгару со следующей речью:

— Высокочтимый король! Готовый спуститься на дно болота ради избавления твоей страны от страшного чудовища, я иду навстречу верной смерти, а потому и прошу тебя: в случае, если я погибну от чудовища, не оставь твоей милостью моих добрых земляков-геатов, и перешли дяде моему, королю Хигелаку, все дары, полученные мною вчера.

Окончив эту речь, он взял из рук Гунфреда меч Хрунтинг, древнее, омоченное в яде и закаленное в крови оружие, опоясал на себе покрепче кольчугу и ринулся с берега в омут страшного болота. Король Хродгар не успел и вскрикнуть, как уже мрачные волны бездонного омута поглотили храброго витязя.

Целый день, с утра до вечера, опускался Беовульф на дно страшной бездны среди чудовищ, которые яростно бросались на него и хватили зубами то за плечи, то за руки, но их злобные нападения оказывались тщетными, всюду встречали они либо непроницаемо-твердую броню, либо частую сеть крепкой железной кольчуги. Когда же он наконец коснулся ногами дна этого страшного омута, на него тотчас же яростно набросилась мать Гренделя, самого страшного из всех водяных чу-

довищ. Охваченный могучими лапами чудовища, Беовульф не мог двинуть в воде ни рукой, ни ногой, не мог даже обнажить меча своего, а мать Гренделя, между тем, быстро увлекла его куда-то в сторону из мрачного омута. И вдруг он увидел, что они очутились в каком-то неведомом углу бездны. Беовульф убедился, что вода туда не проникала, что эта мрачная подводная пещера была освещена каким-то бледным светом. И тут только он ясно разглядел то чудовище, которое держало его в своих мощных когтях. Быстро оправившись, Беовульф встряхнул плечами, вырвался из лап чудовища и, выхватив меч Хрунтинг, яростно напал на своего грозного противника. Но увя! — крепкая благородная сталь не могла нанести чудовищу никакого вреда и только скользила по его чешуям... Тогда Беовульф, отбросив оружие, вступил в борьбу с матерью Гренделя, сбил ее с ног, но потом, поскользнувшись, сам упал, и чудовище навалилось на него всей своей тяжестью, пытаясь его раздавить или задушить. Но Беовульф был опытный борец: улучив минуту, он выбился из-под чудовища, вскочил на ноги, сорвал со стены громадный меч, выкованный некогда древними великанами, и, собрав все силы, с размаху ударил им чудовище по шее. Затрещали кости, все раздробил страшный меч. Бой окончился одним ударом. Обливаясь кровью, чудовище пало мертвым к ногам Беовульфа.

Тогда, торжествуя победу, славный богатырь тем же мечом отрубил громадную голову от трупа Гренделя, лежавшего в углу, и, взяв ее в одну руку, хотел другую унести из подводной пещеры древнее орудие великанов. Но каково же было его изумление, когда он увидел, что громадный меч стал таять как лед в его руках и в несколько мгновений растаял до самой рукоятки, так что только эту рукоять он и мог унести с собою на землю в память о страшной битве.

Между тем спутники Беовульфа, сопровождавшие его до болота, давно уже отчаялись увидеть его в живых. Они ждали его целый день, от раннего утра до наступления вечера, и уже собрались уходить домой, когда их внимание было привлечено странным необыкновенным явлением. Вода в мрачном омуте болота стала краснеть, окрашиваясь струями свежей крови. Все так и подумали, что это кровь Беовульфа, что он погиб в борьбе с чудовищем, и уже собирались горько оплакать славного богатыря — красу и честь земли геатов, — как вдруг Беовульф показался из воды и подплыл к берегу. Все радостно бросилось к нему и помогли выйти на сушу и самому обсушиться, так как красноватая влага ручьями сбегала с его доспехов и одежды. Товарищи помогли ему освободиться от доспехов, усадили на коня, а четверо из них торжественно понесли за ним на носилках чудовищную голову Гренделя, так как одному ее нести никому было не под силу.

Шумно и весело сели в тот вечер все гости за стол короля

Хродгара, пировали далеко за полночь и легли спать спокойно, твердо уверенные в том, что, благодаря подвигу Беовульфа, никто уже теперь не нарушит их покоя.

На другой день геаты стали собираться домой. Щедро одаривши и Беовульфа, и всех его спутников, Хродгар распростился с ними и весьма сердечно, весьма искренне пожелал им счастливого пути.

Счастливо переплыл Беовульф многошумное море и прибыл к берегам своей родины, где король Хигелак и все его родные встретили Беовульфа радушно и весело. Тут Беовульф рассказал им подробно о своем пребывании в земле датчан, о грозной битве с чудовищами, о тех опасностях, которым он подвергал свою жизнь, сражаясь для общего блага. И громко славил его подвиг певцы под звон заздравных кубков. В конце пиршества он щедро наделил короля Хигелака и все его семейство из сокровищ, поднесенных ему в дар Хродгаром. Хигелак тоже не остался у него в долгу: он одарил Беовульфа лучшим из своих родовых мечей да сверх того дал ему еще землю и замок в пожизненное владение...

Затем прошло много лет. Хигелак пал в битве, и сын его тоже пал под мечами врагов: Королем над геатами пришлось быть Беовульфу, и он мудро и счастливо правил ими около полувека, как вдруг прослышали о новом и тажком народном бедствии... В его владениях появился крылатый змей, который всюду летал по ночам, людей умерщвлял и дома их зажигал. Этот змей был хранителем клада, зарытого в пещере неприступной скалы. Никому не ведомая тропинка вела внутрь той скалы, и по этой тропинке человек проник случайно в жилище змея. Не по доброй воле, не для того, чтобы разыскать богатый клад змея, зашел этот случайный гость в мрачную пещеру горного чудовища. Он зашел туда, убегая от преследований своего неумолимого жестокого владыки и господина.

И вдруг, зайдя в пещеру, заглянув под ее мрачно нависшие своды, он увидел пред собой груды блиставших сокровищ! Их скрыл здесь некогда последний потомок одного старинного рода, у которого смерть отняла всех близких, так что ему выпало на долю только одно: оплакивать своих близких и сетовать на свою горькую участь. Он снес все сокровища своего рода в ту неприступную пещеру, сложил там в кучи ярко блестевшее золото.

— Пусть земля примет в свои недра те сокровища, которыми уже не может владеть никто из моих близких! Все они погибли жертвою мечей и копий! Никого из них не осталось, кто мог бы владеть этими заветными мечами, пить из этих драгоценных кубков, носить эти блестящие доспехи! Смолкли в наших замках звонкие арфы, не слышно более пения певцов, не видно перелетающих по залам соколов и кречетов, и двory их

не оглашаются топотом быстрых коней. Беспощадная смерть рано похитила у меня всех близких и родных.

Так горько сетовал на свою судьбу одинокий, проводя дни и ночи в тоске и печали, пока и его не коснулась холодная рука смерти...

Клад, оставленный этим горемычным и одиноким скитальцем, был впоследствии разыскан змеем, который поселился в той пещере и триста лет лежал в ней спокойно на своем золоте, пока не потревожил его своим посещением бедный изгнанник, который из всего клада взял только кубок, и тот принес к ногам своего неумолимого господина, чтобы вымолить у него себе пощаду.

И вот, заметив похищение, змей поднялся со своего логовища и устремился вслед похитителю. Но нигде не нашел его. И с той поры, мстя за обиду, нанесенную ему человеком, он стал летать по ночам по всей земле Беовульфа, пыша огнем, все пожирая на пути, не щадя ничего живого.

Предслышал о том Беовульф, узнал также, чем вызваны были эти страшные опустошения. Как добрый король, отец своего народа, он тотчас же решился избавить свою страну от неожиданного бедствия. При этом он, как опытный воин, приготовился к битве надлежащим образом. Он знал, что ему предстоит вступить в борьбу со змеем, который дышит огнем, и потому приказал выковать для себя большой железный щит. Вооружившись с головы до ног и взяв этот щит на руку, он в сопровождении двенадцати опытных витязей направился к пещере, где залегал змей на своих сокровищах.

Предводителем Беовульфу и его спутникам служил тот, кто был невольным виновником всех бедствий.

Только ему одному и была известна тропинка, по которой легко можно было проникнуть в жилище змея. Но этого проводника нелегко было заставить, чтобы он указал всем роковой путь. Он не хотел идти добровольно, упирался, испускал жалобные вопли. Витязи должны были связать малодушному руки за спину и насильно гнать его перед собой.

Беовульф, состарившийся в бурных битвах, готовый и еще раз, на закате дней своих, совершить новый подвиг, вступить в последний бой, на этот раз был грустно настроен. Напрасно старался он ободрить себя, перебирая в памяти все те опасности, каким подвергался в жизни. Несмотря ни на что, прежняя бодрость духа не возвращалась. Он предчувствовал, что уже близок назначенный судьбою час, в который душе его предстояло расстаться с телом...

Но вот уже и достигли они цели своего путешествия. Преодолев себя, Беовульф сходит по тропинке к убежищу страшного змея вместе со своими спутниками — и видит перед собою каменный свод глубокой пещеры, из-под которого, пылая огнем, бежит бурный могучий поток. Никому нельзя было да-

же и помыслить приблизиться к тому месту, и Беовульф, видя перед собой такое неожиданное и неодолимое препятствие, стал громко и гневно вызывать змея на бой и выкликать его из пещеры. Заслышав человеческий голос, змей из пещеры вышел, увидел перед ее входом готового к бою Беовульфа, который ожидал его, прикрывшись щитом. Увидел и приостановился. Долго и очень внимательно высматривали друг друга противники, видимо опасаясь друг друга, и сразу устремились в битву. Змей так грозно выбрасывал из своей пасти пламя, обдавал всех таким страшным жаром, что ужас напал на всех спутников Беовульфа, они, отчаявшись, без оглядки бросились бежать к сосновому лесу, предоставив своего короля и владыку на волю судьбы и помышляя только о своем спасении. Один Виглаф, неизменно преданный Беовульфу, остался при нем и напрасно пытался мольбами и упреками остановить беглецов. Видя, что все его усилия напрасны, он решился умереть со своим господином и стал мужественно помогать Беовульфу в борьбе со змеем, то осыпая змея ударами своего меча, то прикрывая короля щитом.

Но могучая рука Беовульфа даже и в старости была слишком тяжела еще для меча, даже самого твердого, самого лучшего. В разгар битвы знаменитый меч, который уже много лет служил ему в битвах, разлетелся вдребезги от удара о голову чудовища, и пока он успел отбросить в сторону обломки и выхватить другой запасной меч, змей сумел нанести Беовульфу смертельную рану. Чувствуя это, могучий боец собрался с последними силами, вновь устремился на змея и поразил его.

Когда змей пал, наконец, под ударами Беовульфа и Виглафа и, свернувшись в кольцо, издох, сам Беовульф стал изнемогать от раны и почувствовал, что его уже не держат ноги... Он опустился наземь, оперся спиной о скалу и обратился с речью к своему верному Виглафу, который снимал с него доспехи и подавал ему свежую воду:

— Пятьдесят лет правил я своею страной! — так сказал он. — Полвека охранял ее с мечом от врагов, не коварствуя, не произнося клятвы, которую бы не исполнил. И вот теперь, в последние минуты жизни, могу себя успокоить тем, что никто не упрекнет меня в убийстве родных или друзей. Но чтобы я мог умереть спокойно и твердо, ты, верный Виглаф, ступай в пещеру и вынеси мне напоказ все те сокровища, которые я в этой последней битве отнял у грозного змея.

Виглаф поспешил исполнить последнюю волю умирающего короля. Войдя в пещеру и быстро оглядев жилище змея, он захватил оттуда лучшие из множества собранных там сокровищ, вынес и положил к ногам Беовульфа, который уже впал в забытие. Желая пробудить его к сознанию, Виглаф стал обливать его холодной водою и еще успел привести в чувство.

Умиравший бросил взгляд на сокровища и сказал:

— Я умираю, вели же схоронить меня на берегу — и пусть высоко над прибоем будет виден мой могильный холм, чтобы все моряки и заморские гости-корабельщики, заведя его издали, знали, что это Беовульфова могила... А ты, последний в моем роде, неизменно верный мне, возьми все мои доспехи и носи их со славою!

С этими словами он заснул навеки. Видя это, Виглаф тотчас поспешил воротить беглецов из леса, усоветивал их, упрекал в низком поступке, потом при их помощи вынес все сокровища из пещеры змея, а для Беовульфа соорудил великолепно украшенный громадный костер на берегу многошумящего моря... Совершив с соблюдением всех древних обычаев обряд сожжения над Беовульфовым телом, Виглаф по завещанию героя насыпал высокий холм над его славным прахом. И моряки, издали направляя свои корабли на этот холм, действительно говорили друг другу:

— Вон, высоко над прибоем виднеется могила Беовульфа. Честь и слава ему!

Песнь о Нибелунгах

Песнь о Нибелунгах начинается вешим сном Кримгильды, сестры бургундских королей — Гунтера, Гизелера и Гернота. Красавице Кримгильде снится, будто два орла налетают на нее, в то время, когда она на охоте едет по полю со своим любимым соколом на рукавице. Сокол этот вскормлен ею, ею приручен и приучен к охоте; она никогда с ним не расстается. А орлы налетели, сорвали его с ее рукавицы и на глазах ее растерзали, разметав его перья. «Страшный сон! Горестный сон!.. Он не пророчит ей ничего доброго!»

И она, поднявшись с постели, спешит к своей матери и просит ее пояснить значение загадочного сна.

Мать печально покачала головою и сказала дочери:

— Любимый сокол твой означает любимого благородного рыцаря, которого ты полюбишь всем сердцем. И да хранит его Господь, так как тебе придется потерять его.

Предсказания матери вскоре начинают отчасти сбываться. Является рыцарь, к которому Кримгильда должна впоследствии привязаться всем сердцем...

Слава об умной и прекрасной Кримгильде разносится

вширь и вдаль по всем окрестным странам, и вот узнает об этой красавице удалой сын Сигмунда, короля нидерландского, прекрасный и мощный витязь Сигфрид. Уже смолоду этот витязь прославился многими дивными подвигами и теперь, задумав жениться, решил добыть себе в жены красавицу Кримгильду, сестру могущественных королей бургундских. Напрасно отговаривают его родные и близкие, напрасно указывают ему на других невест-красавиц: Сигфрид с небольшою избранною свитой едет ко двору бургундских королей.

— Кто эти рыцари, что въехали во двор нашего замка? — спрашивают друг друга короли-братья, Гунтер, Гизелер и Гернот, пристально вглядываясь в приезжих гостей из окна замковой залы.

Никто не может им на это дать ответа, потому что никто не видал еще в Бургундии рыцарей в таких богатых блестящих доспехах, на таких чудных могучих конях. Тогда короли-братья решаются спросить о приезжих у сурового Хагена, одного из своих приближенных рыцарей; а этот рыцарь славится тем, что ему близко известны все соседние страны и гербы всех знаменитых рыцарских родов.

Когда Хагену задан был этот трудный вопрос, он долго и внимательно всматривался в приезжих витязей и наконец сказал:

— Это, должно быть, не кто иной, как доблестный Сигфрид Нидерландский — тот самый, что прославился битвою со змеем и лукавым карликом Альберихом, старым кудесником. Бился он с ними за обладание богатейшим их кладом и победой этой приобрел несметные богатства да, кстати, и еще одну диковинку — шапку-невидимку, при помощи которой он всюду может проникнуть незримо. Одно могу вам посоветовать: примите храброго витязя как можно лучше, ибо он вполне достоин такого приема.

Братья-короли последовали разумному совету Хагена, приняли Сигфрида с великим почетом и щедро угощали и его, и его свиту. Но сколько они ни пытались добиться от него, что именно побудило его предпринять столь далекое путешествие, сдержанный Сигфрид ни единым словом не обмолвился о главной цели своего приезда к бургундскому двору.

Впрочем, королям-братьям и не пришлось слишком долго беседовать со своим именитым гостем: на Бургундию неожиданно надвинулась военная гроза. Король Саксонский внезапно объявил войну бургундским королям и вторгся с войском в их владения. Тогда короли-братья собрались на войну, и Сигфрид по доброй воле вызвался им помогать. Только заручившись помощью такого беззаветно храброго витязя, короли-братья могли одержать победу над мужественными саксами и вернуться домой с пленными и трофеями, отбитыми у неприятеля. За победу последовал целый ряд блестящих

празднеств и шумных пиршеств при бургундском дворе, и вот на одном из этих празднеств удалось наконец Сигфриду увидеть красавицу Кримгильду.

Дивная красота Кримгильды поразила юного витязя, и Кримгильду также поразила мужественный вид молодого и прекрасного рыцаря, перед которым все остальные витязи казались ничтожными и незаметными. И вот между Сигфридом и Кримгильдой зародилось чувство, которое должно было привести их под венец.

В то время, когда Сигфрид уже готовился свататься за Кримгильду и просить ее руки, один из братьев-королей, Гунтер, прослышал, что где-то далеко на севере живет царевна по имени Брунгильда, знаменитая своею красотой и недоступностью. Всякого витязя, дерзающего ей предложить свою руку и сердце, эта царевна подвергает трем испытаниям, и если он не выдержит хоть одного из них, то должен поплатиться за это жизнью. Эти испытания состоят в обычных воинских упражнениях, которые известны каждому витязю; но дело в том, что царевна в них так искусна и ловка, что лишь немногие рыцари могут с нею тягаться.

Прослышав об этой царевне и о тех затруднениях, которыми был обставлен доступ к ней, Гунтер возгорелся желанием во что бы то ни стало добыть себе Брунгильду в жены и с этой целью решил пуститься в дальний путь к ее царству.

Добродушный Сигфрид и тут вызвался помочь Гунтеру, который, конечно, был очень доволен возможностью заручиться таким мужественным и мощным спутником; при этом они даже вступили в такое соглашение: Гунтер дал слово Сигфриду, что если тот поможет ему жениться на Брунгильде, то в благодарность получит руку красавицы Кримгильды.

Сборы в путь были недолги. Гунтер великолепно снарядился с немногими избранными спутниками в дальнейшее странствование. Сели в ладью, богато изукрашенную, подняли парус и отплыли от берега среди всеобщих пожеланий.

Сам Сигфрид стал на руле и правил ладью, которая поплыла сначала вниз по Рейну, а затем вышла в море, и бурные волны быстро помчали ладью бургундских витязей к скалистым берегам Брунгильдина острова.

Высадившись на острове, Гунтер выдал Сигфрида за своего вассала, скрыв его имя и его именитое происхождение. И Сигфрид сам старался поддержать это показание Гунтера и ввел всех в заблуждение тем, что выказывал Гунтеру подобо-

страстное уважение, держал ему стремя, когда тот садился на коня, и одевался очень скромно в простые одежды, как самый обыкновенный смертный.

Брунгильда приняла дальних заезжих гостей ласково и с большим почетом и вскоре после этого, узнав о цели их приезда, назначила Гунтеру время для предстоящих ему испытаний. Она и не подозревала, что ей при этом придется вступать в состязание не с Гунтером, а с первым в мире рыцарем и бойцом Сигфридом Нидерландским.

А Сигфрид между тем успел приготовиться на помощь Гунтеру; он добыл из ладьи свою дивную шапку-невидимку, надел ее и, скрытый от глаз Брунгильды, стал усердно помогать Гунтеру во всех назначенных ему испытаниях: в стрельбе из лука, в метании копья и огромных камней, в умении владеть мечом и боевым топором. Оказалось, что во всех этих упражнениях воинственная дева Брунгильда была необычайно искусна да и силу выказывала такую, что Гунтер без помощи Сигфрида никак не мог бы с нею справиться. Но благодаря скрытой помощи Сигфрида Гунтер вышел победителем из всех состязаний, и побежденная им Брунгильда согласилась выйти за него замуж.

Вскоре после того Гунтер торжественно возвратился со своей невестой в Бургундию, а несколько дней спустя он исполнил обещание, данное накануне отъезда Сигфриду: две свадьбы были отпразднованы в один день — Гунтер венчался в соборе с Брунгильдой, а Сигфрид с Кримгильдой. За свадебной церемонией последовал роскошный пир в замке братьев-королей, и за тем пиром конца не было радостным кликам и здравницам за молодых; но свадебный пир закончился далеко не одинаково для обоих витязей, повенчанных в тот день в соборе... Когда Гунтер остался наедине со своей супругой и хотел ее приласкать, она вдруг вздумала показать ему свое превосходство в силе и ловкости: схватила его за плечи, связала по рукам и ногам и повесила на стену за пояс. Как он ни бился, как ни старался освободиться от уз, он ничего не мог сделать и должен был сознать свое ничтожество перед могучею девою, которая наконец над ним сжалилась и сняла его со стены, но отвернулась от него с пренебрежением и не удостоила его даже взглядом. Бедный Гунтер всю ночь не смыкал глаз, мучимый оскорбленным самолюбием и сознанием своего бессилия.

На другой день, когда обе молодые супружеские пары сошлись вместе за общей трапезой, Гунтер отвел своего друга Сигфрида в сторону и рассказал ему с грустью обо всем, что случилось. Добродушный Сигфрид от души пожалел друга

и тотчас же вызвался ему помочь, не предвидя того, что он тем самым должен будет погубить себя...

В тот же вечер, надев свою шапку-невидимку, он проскользнул незаметно в опочивальню Брунгильды вслед за Гунтером, и когда Брунгильда хотела опять поглумиться над своим мужем, Сигфрид помог Гунтеру в борьбе с ней, одолел ее и передал в руки друга, а сам, в знак победы над могучей воинственной девой, унес с собой ее пояс. После того, попирав еще несколько дней при бургундском дворе, Сигфрид со своею молодой супругой и богатой свитой отправился в обратный путь в Нидерланды.

Затем минуло несколько лет, в течение которых Сигфрид мирно и счастливо жил со своею супругой и успел почти позабыть об услугах, оказанных им Гунтеру. Но гордая и заносчивая Брунгильда, которая почитала Сигфрида вассалом своего мужа Гунтера, несколько раз справлялась у него, почему Сигфрид не является к нему на поклон, как другие, а живет в своей земле, как полновластный владыка ее, и не присылает Гунтеру ни даров, ни дани. Гунтер каждый раз отвечал жене уклончиво, опасаясь того, что она может угадать его настоящее отношение к Сигфриду и, конечно, не смея пояснить, что он сам гораздо более обязан оказывать почтение Сигфриду, чем Сигфрид ему. Но Брунгильда не давала ему покоя, продолжая упрекать его в слабости и слишком снисходительном отношении к вассалам; и вот наконец Гунтер решился пригласить к себе Сигфрида в гости, не сказав о том ни слова жене своей, которая должна была подумать, что Сигфрид по собственному побуждению явился отдать долг почтения своему господину, королю бургундскому.

По этому поводу отправлены были нарочные гонцы в Нидерланды и вернулись оттуда с известием, что Сигфрид с супругою и своими приближенными вскоре явится ко двору бургундских королей-братьев.

И действительно, вскоре после того Сигфрид с женою и отцом Сигмундом, окруженный многочисленной и богатой свитой, явился в Вормс, откликаясь на дружеское и родственное приглашение братьев-королей.

Но радость свидания была вскоре омрачена теми перекорами и даже ссорами, которые с первых же дней начались между обеими красавицами-королевами. Гордая Брунгильда, принимая Сигфрида за вассала, обязанного почтением и повиновением воле ее мужа, требовала и от Кримгильды приниженного и подобострастного отношения к себе. Кримгильда же, напротив того, проникнута была восторженным почтением к супругу своему и ставила его выше всех витязей на свете;

по ее мнению, с Сигфридом никто не дерзал и думать равняться; и потому, когда Брунгильда заговаривала о достоинствах и деяниях своего супруга, короля Гунтера, Кримгильда резко возражала ей, что эти достоинства ничтожны по сравнению с доблестями Сигфрида. Этот спор породил в Брунгильде желание проучить Кримгильду при всех и доказать ей вполне очевидно, что ее муж не более как вассал и подчиненный короля Гунтера. Для этой цели она решила воспользоваться первым удобным случаем, который и представился ей, когда в ближайший воскресный день обе королевы — Брунгильда и Кримгильда — со своими свитами сошлись у входа в собор.

Брунгильда, даже не удостоив Кримгильду вниманием или поклоном, хотела прежде ее войти в собор, но Кримгильда загородила ей дорогу и сказала во всеуслышание:

— Ты не смеешь войти в собор прежде меня, потому что мой муж знаменитее твоего мужа и более его славен силой и мужеством своим. Если бы мой муж не помог твоему мужу в борьбе и состязаниях с тобой, то Гунтеру никогда не удалось бы одолеть тебя. Вот взгляни, в знак победы над тобой мой Сигфрид снял с тебя тот пояс, которым теперь я опоясана.

Брунгильда бросила быстрый взгляд на пояс Кримгильды и узнала в нем тот самый, который действительно пропал у нее в свадебную ночь. Злоба, стыд и жажда мести разом овладели ее гордым сердцем. Она изменилась в лице и не знала, что сказать, что ответить... А Кримгильда между тем быстро прошла мимо нее в собор со всею своею свитой.

Слух об обиде, нанесенной Кримгильдою Брунгильде, быстро распространился по всему городу Ворсму и вызвал самые разнообразные и шумные толки. Брунгильда стала жаловаться мужу и требовала удовлетворения за оскорбление, нанесенное ей. Сверх того она потребовала у мужа объяснения: каким образом ее пояс мог попасть в руки Кримгильды? Гунтер при этом вопросе так смутился, что даже и не знал, что ответить на вопрос жены. Кое-как отделавшись от нее, он ради своего оправдания решился на отчаянное средство: он откровенно рассказал Сигфриду о ссоре их жен и умолял как-нибудь уладить дело...

Тогда добродушный и благородный Сигфрид, чтобы выручить своего друга-шурина из беды, заявил во всеуслышание, что его жена, Кримгильда, оклеветала Брунгильду без всякого основания и на Гунтера, брата своего, тоже возвела напраслину.

Таким образом мир внешне был установлен, и всякие несогласия должны были этим закончиться. Но Брунгильда не

умела прощать: в ее душе затаилась страшная ненависть к Сигфриду и всему его роду. К тому же и Гунтер стал опасаться Сигфрида, который всегда мог выдать его тайну; а при этих опасениях Брунгильде нетрудно было возбудить и поддержать в Гунтере озлобление против благородного Сигфрида. К Брунгильде и Гунтеру против Сигфрида присоединился еще и Хаген, приближенный вассал и правая рука бургундских королей. Этот свирепый неукротимый воин, которому милее всего на свете была честь его господина, не мог ни простить оскорбления, нанесенного Кримгильдой Брунгильде, ни примириться с мыслью, что Сигфрид был богаче, сильнее и мужественнее короля Гунтера. Он полагал, что по смерти Сигфрида не останется никого, кто бы мог защитить и ограбить его богатство от притязаний со стороны родственников его жены. Притом и в личных отношениях с Брунгильдой Хаген успел набраться от нее такой злобы и ненависти против Сигфрида, что вскоре он стал убеждать Гунтера в необходимости убить Сигфрида.

— Но как его убьешь?! — сказал однажды Гунтер Хагену. — Не говоря уже о том, что справиться с таким богатырем вам и обоим будет не под силу, но разве же ты не знаешь, какая на нем кожа?

— Какая кожа? — с удивлением переспросил Хаген.

— Его кожа неуязвима для оружия. Она как рог дикого тура! И на теле его есть только одно место, в которое он может быть ранен. Но никто не знает, где оно — это место.

— Но почему же он покрыт такой кожей? Откуда у него взялась такая дивная природная броня? — спросил изумленный и раздосадованный этим обстоятельством Хаген.

— В то время, как он убил змея Фафнира, он догадался искупаться в его крови, и эта-то кровь придала такую непроницаемость его коже. Только в одном месте листок, упавший с дерева, прильнул к его телу, и только в этом месте кровь змея его не омочила.

— Так надо бы у него самого или у близких его хоть как-нибудь, похитрее и поискуснее, разузнать, где именно это место? — сказал королю Хаген.

— Подумаем... Посмотрим — попытаем! — отвечал ему Гунтер.

И точно: придумал лукавую и хитрую затею! Прежде всего он распустил при дворе своем слух, будто один из соседних королей идет на него войной и обратился к Сигфриду с просьбой помочь ему в войне; и тот, конечно, на это согласился. Кримгильда, вежно любившая Сигфрида, сильно встревожилась, узнав об этой предстоящей войне, тем более, что ее в это время мучили какие-то странные мрачные предчувствия. Воспользовавшись этим настроением сестры, Гунтер стал к ней очень нежен, лукаво расхвалил перед ней Сигфрида, называя

его своим лучшим другом, и в то же время выспрашивал у Кримгильды, где находится на теле Сигфрида место, уязвимое для оружия?

— Ты знаешь, как я люблю его, как он мне дорог!.. Так вот и пойми, что я хотел бы знать это место для того, чтобы защищать его от опасных ударов. И если бы я знал, я сумел бы укрыть это место моим щитом!

Кримгильда же в простоте душевной отвечала ему:

— Это место у мужа моего на спине, между лопатками, так как листок с дерева, под которым он купался в крови Фафнира, упал на это место и крепко-накрепко к нему прильнул.

— Так надо бы его хоть чем-нибудь обозначить на одежде, чтобы я мог его наглядно видеть и постоянно держать в виду,— продолжал настаивать лукавый Гунтер.

— О! Я это сделаю... Я обозначаю тебе это место, любезный брат мой! Я нашу шелком кружок на одежде Сигфрида как раз над тем местом, где прильнул листок. И молю тебя — защити, защити его от ударов.

На другой день Гунтер подготовил Сигфрида ехать с ним и со всеми придворными на охоту. Сигфрид, страстно любивший охоту, тотчас согласился на предложение своего шурина, не предполагая даже коварного умысла, который крылся в этом предложении. И тщетно старалась его отклонить от этой поездки Кримгильда, которая в последнее время постоянно терзалась самыми мрачными, самыми тягостными предчувствиями.

— Не езди ты на эту охоту,— говорила она со слезами своему дороговому мужу.— Мне так и кажется, что с тобой должно случиться что-то недоброе. Послушай, какие страшные сны мне снятся! То я вижу в прошлую ночь, что на тебя упали две горы и скрыли милого от моих глаз... То вдруг представилось мне, что за тобой по пятам гонятся два вепря, что они терзают тебя, и кругом вся трава обагрена кровью... О, не езди сегодня на охоту, останься со мною!

Но добродушный и благородный Сигфрид постарался успокоить жену... Совесть его была чиста и свободна от всяких укоров, а потому он и в сердце окружавших его людей не способен был видеть их черные замыслы. Ласково уговаривал он Кримгильду не тревожиться, обещал вернуться с охоты пораньше; а затем надел свое легкое охотничье платье, привесил меч к поясу, взял копьё и щит в руки, простился с женою и направился с Гунтером и Хагеном на охоту в дремучий Отенский лес. Большая свита королей бургундских, псаря, загонщики, стая гончих и других собак, а также обоз с запасами

ми,— все это двинулось вслед за королями и их мрачным спутником Хагеном.

Охота оказалась очень удачною. Зверь так и шел на ловца, и много всякой лесной дичи и зверя досталось в тот день в добычу. Смелый и ловкий на охоте Сигфрид всех удивлял проявлениями своей силы и умения. Начатая на рассвете охота затянулась почти до полудня, и когда солнце стало к нему близиться, Сигфрид почувствовал непреодолимый голод и потребность в отдыхе и направился к тому соборному месту, к которому давно уже созывали охотников громкие звуки рогов...

А между тем Гунтер с Хагеном, тщательно обдумав свой черный замысел, все предусмотрели и приготовили так, чтобы он мог закончиться удачно. Поэтому они распорядились устроить сборное место и раскинуть шатры для отдыха охотников в безводном уголке — далеко от ключа. При этом повару был дан приказ нарочно пересолить все кушанья, предназначенные для королевского стола, а напитков никаких на стол не подавать. Расчет их был верен. Жажда должна была вынудить Сигфрида искать студеной ключ, он должен был туда направиться, а за ним следом — и его убийцы, которые не дерзали совершить свое богомерзское дело на глазах у всей своей свиты.

Все случилось как по писанному. Сигфрид явился на сборное место голодный, жадно принялся за предложенные ему кушанья, ел много и с удовольствием и, почувствовав сильную жажду, хотел утолить ее вином. Тогда Гунтер с некоторым смущением стал перед ним извиняться, что его люди по непростительной оплошности не захватили с собой никакого вина на охоту...

— На нынешний день,— так добавил король Гунтер,— нам придется довольствоваться водой из лесного ключа.

— Кстати, я знаю на некотором расстоянии отсюда светлый и прекрасный ключ в лесной глуши,— сказал Хаген.— Там хватит воды на нас всех — и притом еще чудной, студеной... Предлагаю благородному Сигфриду бежать отсюда к тому ключу взапуски со мною! Кто обгонит, тот первый напестует из ключа и выиграет заклад...

— Я бегая настолько быстро,— сказал Сигфрид,— что мне немного найдется в беге соперников. И я не хочу выиграть от тебя заклад без всякого труда!

— О, нет! Ты ошибаешься: в беге я смогу с тобою смело тягаться! — настаивал Хаген.

— Пожалуй, уж если ты так думаешь, я готов бежать с тобою взапуски,— сказал Сигфрид,— однако с тем, что ты победишь налегке безо всякого оружия, а я с мечом на бедре и с копьём и щитом в руке.

Поспорили, согласились и побились об заклад. Когда же

бег начался, все действительно увидели, что Сигфрид был прав: он далеко оставил за собою Хагена и мчался к ключу с быстротой оленя.

Добежав первым до ключа, Сигфрид отстегнул меч от пояса, отбросил в сторону копьё и щит, расположившись на траве, жадно припал разгоряченными устами к струе холодной оживляющей влаги. Хаген, прибежав к ключу вслед за Сигфридом, тотчас решил воспользоваться удобной минутой для выполнения своего черного замысла... Осторожно подкравшись, он поднял страшный Сигфридов меч с травы и отнес его далеко в сторону, потом схватил его острое копьё и, высмотрев внимательно кружок, нашитый шелками по платью, вдруг изо всей силы ударил копьём в этот кружок и проколол насквозь грудь Сигфрида так, что копьё проникло до самого сердца.

Сигфрид сразу почувствовал, что рана смертельная. Собранный с последними силами, он вскочил еще на ноги, как разъяренный лев, и увидел Хагена, который убегал от него, как заяц. Он хотел устремиться вслед за ним с оружием в руках — искал оружие... Но оружия не было под руками. Тогда схватил он лежащий на траве щит свой и мощной рукой метнул его вслед убийце. Щит со свистом рассек воздух, и если б Хаген не успел отскочить в сторону, был бы убит наповал... Но это последнее усилие окончательно сломило Сигфрида, и он пал на траву, истекая кровью.

Когда страшная весть об убийстве Сигфрида распространилась между бывшими на охоте, все поспешили к ключу, у которого знаменитый витязь лежал, готовый встретить смерть без робости и уныния. Увидев в окружавшей его толпе Гунтера и Хагена — своих коварных убийц, не постыдившихся прийти вместе с другими к ключу, — Сигфрид, обращаясь к ним, сказал укоризненно:

— Верьте мне, вы на себя сами наложили руки!

Когда же он навек закрыл очи, Гунтер и Хаген приказали охотникам взвалить его тело на телегу и отвезти в Вормс. И там они имели жестокость покинуть тело Сигфрида на пороге опочивальни его дорогой и любимой супруги Кримгильды.

Можно себе представить отчаяние Кримгильды, горесть старого Сигмунда, ужас, овладевший всеми нидерландцами, когда на другой день разнеслась по Вормсу весть о страшном злодеянии, которое нарушало все права гостеприимства и порывало все дружеские и родственные связи между двумя королевскими домами. Все нидерландцы вооружились и собрались около своего старого короля. Грозно и злобно смотрели они на бургундцев, но численность их была так незначитель-

на, что они не посмели и думать о мщении за своего господина.

Похороны храброго из храбрых были очень трогательны, и картина их в «Песни о Нибелунгах» принадлежит к лучшим страницам этой замечательной немецкой поэмы:

«Отслуживши в соборе, понесли тело Сигфрида к могиле — и весь народ кругом сокрушался и плакал, жалея о почившем. Прежде чем гроб опустили в могилу, над ним еще долго читали и пели духовные, которых множество собралось отовсюду на похороны Сигфрида. Несчастливая Кримгильда так убивалась у тела его, что ее много раз должны были отливать водою: безмерна была ее печаль, и нельзя не дивиться тому, что она перенесла ее и осталась в живых... Воплям Кримгильды вторили многие женщины. Когда, наконец, уже следовало опустить гроб в могилу, королева сказала:

— Дайте мне еще раз его обнять, еще раз взглянуть ему в лицо!

И она просила так упорно, так настойчиво, что ей не могли отказать и взломали для нее богатый гроб Сигфрида. Тогда она приподняла его прекрасную голову и принесла последнее лобзание благородному рыцарю... А из светлых ее очей капали кровавые слезы! Она не могла более устоять на ногах и без чувств упала на руки окружавших ее женщин.»

По окончании всех печальных церемоний Кримгильда впадала в то тяжелое оупение, которое следует за каждым истинным горем. Она не вникала ни во что, происходившее кругом ее, и ко всему относилась безучастно. В Нидерланды она не захотела уехать, не пожелала покинуть Вормс, где погребен был ее милый незабвенный Сигфрид, а когда ее мать Ута основала близ Вормса монастырь и заняла в нем одну из келий, к ней на житье переселилась и Кримгильда, велев туда же перенести останки Сигфрида.

Между тем бессовестные убийцы, Гунтер и Хаген, пользуясь угнетенным и подавленным состоянием несчастной женщины, потребовали у нее ключи от Сигфридовой казны — и она беспрекословно отдала им эти ключи. Тогда они завладели всем кладом Нибелунгов, оставив Кримгильде лишь самую ничтожную часть сокровищ, составлявших этот древний и богатейший клад. Мало того, желая обеспечить себя и на будущее время от всяких притязаний со стороны Кримгильды, они предложили ей с ними помириться. Она и на это изъявила согласие, но в сердце у нее затаилось иное чувство!..

Прошло некоторое время. Кримгильда немного очнулась от своего тяжелого оупления и мало-помалу стала сознавать всю громадность злодеяния, совершенного Гунтером и Хаге-

ном, всю горечь своего одиночества и беспомощности. Затаив в груди своей неистощимую и непримиримую злобу против злодеев, она стала с наслаждением думать о мести, стала искать кругом себя твердой руки, на которую ей можно было бы опереться. Вскоре она нашла эту опору...

Могущественный король гуннов, Этцель, как раз около этого времени овдовел и отправил послов к братьям-королям, предлагая Кримгильде руку и сердце. Братья посовещались между собой и пришли к убеждению, что если бы Кримгильда вышла замуж за Этцеля и удалилась в далекую страну гуннов, они бы тем самым избавились от всяких опасений и укуров совести. Поэтому они стали усиленно уговаривать Кримгильду, чтобы она приняла предложение Этцеля.

Кримгильда думала недолго. Она сообразила, что при помощи своего будущего могущественного супруга сможет отомстить страшно своим братьям и Хагену и приняла предложение короля гуннов. Братья очень обрадовались такому решению Кримгильды, вовсе не вникая во внутренние побуждения, которые вынудили ее согласиться на второй брак. Один только Хаген понял душевное настроение Кримгильды и не советовал Гунтеру отдавать ее замуж за Этцеля. Но его не послушали и на советы его не обратили внимания.

И вот, простившись с родными, получив богатые дары, но не получив обратно клад Нибелунгов, Кримгильда через многие страны и множество городов пустилась в путь к пределам земли могущественного Этцеля, лежавшей далеко за Дунаем. На всем протяжении этого далекого пути ее всюду встречали с почетом и принимали с полным радушием. Особенно ярко в поэме описан прием, оказанный Кримгильде ее дядей, епископом Пассауским, и маркграфом Рюдигером.

И так семь лет кряду Кримгильда, будучи замужем, тщательно таила ото всех и даже от своего мужа свою непримиримую ненависть к братьям. Только тогда, когда она уже твердо была уверена, что сможет отомстить и отомстить жестоко, она стала упрашивать Этцеля, чтобы он пригласил бургундских королей к себе в гости.

— Я ведь уж так давно не видала своих братьев, что даже соскучилась,— притворно уверяла она Этцеля.

Этцель не мог отказать любимой жене в ее просьбе и отправил послов с поклонами и приглашениями в Вормс к королям-братьям. Кримгильда же, со своей стороны, призвала к себе послов перед отъездом, чтобы братья непременно взяли себе в проводники опытного витязя Хагена: тому, по ее словам, были отлично известны все окрестные страны и все соседние народы.

Это приглашение приехать в гости в далекую страну гуннов было сразу понято так, как и задумывалось. Мучимый укурами совести, Гунтер совершенно ясно представлял себе,

что его сестра не могла, конечно, простить ему злодеяние, и потому предположил, что она готовит ему месть. Хаген твердо был уверен в том, что всем им готовят западню и гибель и отговаривал братьев-королей от этой дальней поездки. Но отговорить Гунтера оказалось невозможно, на все доводы Хагена он отвечал одно:

— Чему быть, того не миновать! Будем смело глядеть в лицо смерти: ведь от своей судьбы не уйдешь!

Видя такую решимость короля, Хаген сказал, что он готов ехать с ним, но при этом добавил:

— Если уж нам действительно придется погибнуть, то все же примем меры к тому, чтобы продать жизнь свою как можно дороже!

Напрасно отговаривала королей их мать Ута, они решили ехать и быстро собрались в путь.

С небольшим, но избранным войском Гунтер с братьями и Хагеном выехал из Вормса. И почти все эти храбрые витязи были уверены в том, что им уже не суждено вернуться домой из дальнего похода. Но это несколько их не смущало, и они бодро двигались вперед по своему пути и, пройдя уже большую половину его, подошли к берегам Дуная. Надо было через эту широкую реку переправиться, а между тем нигде не видно было перевозчика; тогда Хаген вызвался его отыскать и пошел по берегу реки, внимательно его осматривая. И вдруг в одной из укромных заводей за густыми порослями камыша услышал плеск воли, веселый смех и говор. Осторожно подкравшись, Хаген из-за кустов увидел, что в Дунае купаются вещие морские девы и беспечно переговариваются меж собой, побросав свои лебединые сорочки на берегу. А Хаген знал, что если он захватит эти лебединые сорочки и морские девы заметят это, они готовы будут на всякую услугу, лишь бы выручить назад свои сорочки. Так он и поступил: выскочил из-за кустов, схватил сорочки в охапку и сделал вид, будто собирается их унести.

Морские девы взмолились к нему тотчас же:

— Не уноси, не уноси! Мы все исполним, чего ты потребуешь!

— Так вот же: если хотите выручить свой сорочки, то откройте, что ждет меня и моих спутников в близком будущем? Да смотрите, предсказывайте так, чтобы я был доволен вашим предсказанием!

И лукавые девы, чтобы действительно угодить Хагену, предсказали ему благополучный исход предпринятого бургундцами похода.

Но едва только успел Хаген возвратить им лебединые сорочки, как они тотчас бросились врассыпную, и одна из них, удаляясь, прокричала Хагену:

— Мы обманули тебя: предсказали не то, что с вами дол-

жно случиться! Гибель грозит вам всем до единого! Один только из вас спасется — тот капеллан, что едет с вами в дальний путь.

И морская дева исчезла вместе со своими подругами к великой досаде Хагена, раздраженного обманом, который был почти вынужденным. Взволнованный той встречей с морскими девами, Хаген, однако ж, продолжал свои поиски и успел привлечь с той стороны Дуная какого-то перевозчика, насулив ему всевозможные награды, если он переправит его с товарищами за реку. При этом он назвался чужим именем. Но перевозчик, много выдавший на своем веку, сразу понял, с кем имеет дело. В то время, когда Хаген был готов ступить на его судно, он вдруг отказался переправить его за Дунай. Хаген вскочил на борт ладьи, а дюжий перевозчик, рассчитывая на свою силу, задумал тотчас столкнуть его в воду... С неслом в руках он устремился на Хагена. Завязалась отчаянная борьба, которая длилась недолго: Хаген нанес перевозчику смертельный удар, выбросил его в воду и, овладев судном, сам переправил всех бургундцев на ту сторону Дуная. При этом еще раз Хагену пришлось в голову испытать судьбу...

Во время одного из переездов через широкий Дунай, на середине реки и на самой ее быстрине, Хаген вдруг схватил капеллана и, несмотря на вопли, его мольбы и сопротивление, бросил несчастного в воду. Капеллан после долгой и трудной борьбы с волнами все же достиг желанного берега и кое-как на него выкарабкался.

— О, теперь я верю в то, что нам всем суждено погибнуть! — воскликнул Хаген и тотчас рассказал своим спутникам о зловещем предсказании морской девы.

Затем, совершив последний переезд, Хаген мощным ударом ноги оттолкнул судно от берега и долго смотрел, как волны реки уносили его вдаль...

Вскоре после переправы бургундцам пришлось выдержать нападение братьев-баронов Эльзы и Гельфрата; те ожидали их с войском на пути, так как до них дошел уже слух об убийстве их вассала-первозчика. Произошла кровавая схватка, во время которой грозный Гельфрат все рвался вперед, ободряя своих воинов личным мужеством и восклицал:

— Вперед, вперед! Не падите этих Нибелунгов!

(Так стали все называть братьев-королей и самого Хагена с тех пор, как они умертвили Сигфрида и завладели принадлежащим ему кладом Нибелунгов).

Но грозный Гельфрат пал от руки Хагена, и все войско баронов было рассеяно дружным натиском бургундцев.

Дальнейшее странствование их совершалось беспрепятст-

венно и, по-видимому, было обставлено такими благоприятными условиями, которые способны были рассеять все мрачные мысли о будущем... Так, в Пассау братья-короли были чрезвычайно радушно приняты своим родственником епископом Пассауским, который угощал их и чествовал не менее, нежели их сестру Кримгильду, когда она проезжала в землю гуннов. Еще приветливее и ласковее были они приняты маркграфом Рюдигером, который устроил целый ряд пиршеств и празднеств по поводу прибытия королев-братьев. Празднества эти заключились тем, что юный Гизелер был обручен с дочерью маркграфа Рюдигера. Когда же бургундцы изготовились в путь и собирались уже покинуть гостеприимный кров маркграфа, приютившего их на несколько дней, он всем им поднес подарки на память.

Немного спустя Нибелунги прибыли ко дворцу Этцеля. Их встретил знаменитый богатырь Дитрих Верянский с товарищами и предупреждал их об угрожающей им опасности и гибели, которая им готовится.

— Вережьтесь! — говорил он братьям-королям. — Вы сюда приехали не на радость. И хотя сам могучий владыка гуннов ничего дурного не замышляет, зато его супруга таит в груди своей непримиримую злобу против вас.

Но Кримгильда, как бы в явное опровержение этих предостережений дружественного Нибелунгам богатыря, приняла братьев-королей дружелюбно и с подобающим почетом. Этот прием, однако ж, не мог скрыть от Нибелунгов той ненависти, которой дышало каждое слово Кримгильды. Она уже с первого дня их пребывания при дворе Этцеля начала строить козни против них, особенно против Хагена. Но Хаген говорил прямо товарищам:

— Я знаю, что мне не избежать судьбы моей, а потому презираю всякие предосторожности.

И как бы в подтверждение этих слов он действительно шел навстречу своей судьбе, выказывая явное пренебрежение ко всем придворным обычаям гуннов и козням Кримгильды.

Начинается с того, что она подговаривает четыреста преданных ей гуннов убить Хагена. Гунны приступают к нему в то время, когда он с певцом Фолькером сидит на страже в сенях замка и громко, не стесняясь приближенных и Кримгильды рассказывает о том, как он убил Сигфрида. Гунны приближаются к нему, готовые на него устремиться, но пугаются его грозных пламенных взглядов и не дерзают подступить.

Но это неудавшееся покушение на жизнь Хагена еще не нарушает общего спокойствия: бургундцы семь дней пируют беззаботно во дворце Этцеля. Первый день пребывания Нибелунгов

лунгов при дворе короля гуннов проходит без кровопролития. Ночью Кримгильда вновь подсылает к зале, где ночуют бургундцы, новых убийц с приказанием тайно умертвить Хагена... Но и на этот раз ее замысел оканчивается неудачей: Хаген и Фолькер не спят, а стоят на страже у входа в залу, и гунны, подсланные Кримгильдой, не решаются даже и приблизиться к обоим богатырям.

Видя все это, Хаген на другое утро убеждает королей не снимать с себя оружие. В боевых доспехах короли-братья отправляются со свитой в церковь. После службы между их служилыми людьми и гуннами завязалась было ссора, которая не обошлась без кровопролития. Но сам Этцель принял меры к тому, чтобы восстановить спокойствие между враждующими сторонами и как-нибудь замять неприятное столкновение, поспешив пригласить бургундских королей со свитой к себе на пир.

Но Кримгильда не оставляет своих замыслов. Она подстрекает брата своего мужа, чтобы он во время пира перебил всю прислугу бургундских рыцарей. Брат Этцеля с девятью тысячами гуннов отправляется, чтобы исполнить ее поручение, в ту часть города, где разместились бургундцы. Он нападает на них, начинает их избивать и оказывается сам убит одним из первых. Озлобленные этим гунны с яростью нападают на бургундцев, одолевают их своей численностью и гибнут все, кроме одного. Брат Хагена, Данкварт, успевает пробиться сквозь ряды гуннов. Весь в крови, он прибегает в залу пиршества и приносит братьям-королям весть о том, что вся их прислуга предательски перебита. Тогда уж бешенство Хагена не знает границ! Он выхватывает меч, взывает к братьям-королям о мщении и начинает рубить гуннов направо и налево... Фолькер, певец-воин, следует его примеру. Благородному Дитриху Бернскому с большим трудом удается уговорить Гунтера, чтобы он дозволил выйти из залы Кримгильде, Этцелю и всем спутникам Дитриха. Между тем все бургундцы следуют примеру Гунтера и Фолькера и с неистовыми криками: «Смерть гуннам!» набрасываются на своих недавних собеседников. Кровь льется рекой, гунны гибнут сотнями под мечами своих грозных противников, которые тащат трупы убитых из залы и сбрасывают их с лестницы, чтобы очистить себе место в зале. При виде этого зрелища ужас нападает на гуннов, толпами окружающих залу пиршества, никто из них не решается подать помощь своим избиваемым собратьям. Тщетно пытается Кримгильда возбудить в них мужество, тщетно предлагает она золото, замки и земли тому, кто принесет ей голову Хагена. Никто не трогается с места и не дерзает вступить в бой со

свиренным бургундцем и его свитой, руки которых обгарены еще не остывшей гуннской кровью.

Наконец Иринг, маркграф датский, вступает со своей воинской дружиною в залу и завязывает бой с Нибелунгами. Первый натиск его удачен — бургундцы поколебались. Но Иринг, ободренный успехом, рвется вперед и падает от руки Хагена. Тогда бургундцы с яростью набрасываются на его дружину и всю ее беспощадно избивают.

Следом за Ирингом являются в залу его друзья с воинами, готовые мстить за него — Хаварт, король датский, и Ирнфрид, ландграф Тюрингенский. Во главе своих воинов они устремляются в залу, бьются насмерть с Нибелунгами. Но никто из них не уходит живой, в зале снова водворяется мертвое молчание, нарушаемое только воплями толпы, стоящей вокруг.

Но Кримгильда, неутомимая в своем мщении, посылает на своих братьев новые и новые толпы гуннов, которых те, однако ж, успевают отразить с успехом. Но их уже начинает одолевать утомление, их мучит страшная жажда — и короли-братья решаются предложить Кримгильде мир.

— Мир только на одном условии: если вы выдадите мне Хагена головой!

— Никогда! — отвечают ей короли-братья и готовятся к новым битвам.

Тогда Кримгильда приказывает зажечь залу с четырех концов. Пламя охватывает ее стены, врывается красными языками вовнутрь полопавшихся окон, наполняет едким дымом всю залу, но стены ее толсты, своды прочны, и зала выдерживает натиск пламени... Однако бургундцы выносят тяжкую муку: задыхаются от дыма, пьют кровь, чтобы утолить сжигающую их жажду. Многие из них падают от изнеможения, только шестьсот человек еще способны владеть оружием и биться с врагом, но приступы гуннов все же отбиты с большим уроном.

Тогда уж Кримгильда и Этцель обращаются с мольбами к маркграфу Рюдигеру, убеждая его вступить в борьбу с Нибелунгами и сломить их упорное сопротивление. Благородный и великодушный Рюдигер всеми силами старается отклонить от себя эту тяжкую необходимость борьбы с королями-братьями, но он — вассал Этцеля и связан с ним клятвою верности. Затаив в сердце грусть и досаду, он весьма неохотно выступает со своими воинами против Нибелунгов. Следя за его движением, Нибелунги даже начинают думать, что Рюдигер идет к ним на помощь.

Когда Рюдигер со своими воинами вступает в залу, между обеими сторонами происходят весьма трогательные сцены. Так, Гизелер, помолвленный с дочерью Рюдигера, заключает с ним договор: избегать встречи во время предстоящего боя.

Затем, когда Рюдигер, вступив в битву с Хагеном, расколол его щит ударом своего меча и уступил ему свой, тот, тронутый его великодушием, дал ему слово не касаться его даже в том случае, если бы Рюдигер перебил всех бургундцев. Но Гернот не может равнодушно видеть, как Рюдигер побивает его дружину, он устремляется навстречу маркграфу, они бьются долго и упорно — и оба падают мертвые. Вскоре после того и все воины Рюдигера падают один за другим в битве, победа вновь переходит на сторону Нибелунгов.

Слух о гибели Рюдигера разносится всюду и вынуждает Дитриха Бернского выйти из бездействия. Он высылает старого богатыря Гильдебранда и своих родичей разузнать, справедлив ли слух о гибели Рюдигера. Старый Гильдебранд и Амелунги все разузнают в подробностях и решают мстить за Рюдигера, тем более что и насмешка Фолькера возбуждает их к мести.

Завязывается последняя ожесточенная беспощадная битва. В ней гибнут все: и Нибелунги, и Амелунги. В живых остается только Гильдебранд, который и приносит Дитриху печальную весть о гибели Амелунгов. Тогда Дитрих вступает в битву сначала с Хагеном, а потом с Гунтером (только они одни и уцелели из всех бургундцев), побеждает их обоих и связанных передает Кримгильде.

Кримгильда сажает всех врагов в отдельные темницы и начинает настаивать на том, чтобы Хаген возвратил ей клад Нибелунгов, некогда принадлежавший Сигфриду. Но тот отвечает ей:

Пока жив хоть один из господ моих, никто никогда не узнает, где этот клад хранится.

Тогда по приказу Кримгильды к нему приносят голову Гунтера и бросают к его ногам... Но это побуждает его еще более упорствовать в сохранении тайны.

Видя бесплодность дальнейших расспросов, Кримгильда в исступлении отрубает Хагену голову мечом Сигфрида, а вспыльчивый Гильдербранд, возмущенный ее злодействами, не может терпеть их долее — выхватывает меч и поражает им Кримгильду.

Этцель и Дитрих горько оплакивают гибель стольких храбрых витязей и восхваляют их доблести. Этим плачем и заканчивается поэма о Нибелунгах.

ПЕСНЯ КОРОЛЯ РЕГНЕРА

Мы бились мечами на чуждых полях,
Когда горделивый и смелый, как деда,
С дружиной героев искал я победы
И чести жить славой в грядущих веках.
Мы бились жестоко: враги перед нами,
Как нива пред бурей, ложилися в прах;
Мы грады и села губили огнями,
И скальды нас пели на чуждых полях.

Мы бились мечами в тот день роковой,
Когда, победивши морские пучины,
Мы вышли на берег Гензинской долины,
И, встречены грозной, неожиданной войной,
Мы бились жестоко; как мы, удалые,
Враги к нам летели толпа за толпой;
Их кровью намокли поля боевые.
И мы победили в тот день роковой.

Мы бились мечами, полночи сыны,
Когда я, отважный потомок Одина,
Принес ему в жертву врага-исполина,
При громе оружий, при свете луны.
Мы бились жестоко: секирой стальнойю
Разил меня дикий питомец войны;
Но я разрубил ему шлем с головою,—
И мы победили, полночи сыны!

Мы бились мечами. На память сынам
Оставлю я броню и щит мой широкий,
И бранное знамя, и шлем мой высокий,
И меч мой, ужасный далеким странам.
Мы бились жестоко — и гордые нами
Потомки, отвагой подобные нам,
Развесят кольчуги с щитами, с мечами
В чертогах отцовских на память сынам.

Н. М. Языков

Кельтские
сказания
о бардах

КЕЛЬТСКИЕ СКАЗАНИЯ О БАРДАХ

В ненастный зимний вечер, два века тому назад, слепой старец сидел у огня в одном из старинных замков княжества Валлийского. Перед ним стоял молодой человек, жадно прислушивавшийся к древним песням, которые старец пел тихим и торжественным голосом. Большого труда стоило молодому человеку упросить старца спеть ему какую-нибудь старую песню, а тот знал их много, память его была неистощимой сокровищницей древних песнопений, но он редко решался делиться с кем-нибудь этими сокровищами.

Старец пел, а молодой человек быстро-быстро записывал в записную книжку слова песен. Старый певец не видел этого, потому что был слеп, но если бы он узнал, что за ним записывают, он бы, верно, замолк и предал тяжкому проклятию того, кто так невинно обманывал его для пользы науки.

Молодой человек был валлийский грамматик Дэвис Рес, прославившийся впоследствии исследованиями по части отечественного языка и древностей. А слепой певец был последним потомком тех самых бардов, которые в старину занимали первое место в уважении всех племен, населявших Англию и Ирландию, потом подверглись страшному, неумолимому гонению от позднейших английских королей и, наконец, были совершенно истреблены одним из них, Эдуардом I.

Кто же были эти барды? Какое право имели они на уважение соплеменников?

Кельты называли бардами членов особенной касты, которая должна была воспевать подвиги храбрейших воинов: так толкуют нам их имя греческие и римские писатели. А под именем кельтов известно сильное и многочисленное племя, в глубокой древности уже заселявшее Европу. Кельтов считают первыми выходцами из Азии в Европу. Жрецы кельтских богов назывались друидами. Они постоянно совершали все свои обряды в дубовых рощах, которые считались священными. Само слово друид происходит от бретонского слова «дуб». Гай Юлий Цезарь и все писатели древности согласно указывают на Британию (Англию) как на средоточие, как на главную школу, в которой преподавались все тайны бардиче-

ской и друидической премудрости. В незначительном числе сохранились кельты и до нашего времени в Бретании, в княжестве Валлийском, Ирландии и северной Шотландии.

Кельты почитали касту бардов, друидов и гадателей одним из важнейших классов народа и ставили их даже выше своих королей. Это уважение, впрочем, происходило не оттого только, что они были народными певцами, а потому, что на высших членов этой касты возложены были обязанности религиозные, исправление которых передавалось от отца к сыну. При каждом храме (по словам Гекатея, писателя, жившего за два с половиной века до Р. Х.) был свой бард; на него возложена была обязанность воспевать под звуки арфы славные деяния бога, которому он служил, охранять его храм и управлять ближайшим городом. За этим высшим классом бардов следовал второй, воспевавший героев на поле сражения. Третий и низший класс составляли жившие при дворе королей. Предметов для песен у последних было всего три: родословие королей, их богатство и храбрость.

Вот все, что знаем мы о бардах до Рождества Христова и в первые четыре века после него. Они так высоко ставили себя сами, так всегда удалялись от толпы, так любили глушь и уединение, что до нас дошли известия самые скудные, и ничего нельзя сказать определенного ни о происхождении их касты, ни о месте, которое она занимала в обществе до IV века по Р. Х. С IV века известия становятся полнее. Около этого времени римское правительство приказало жестоко преследовать друидов в Британии (нынешней Англии): друидов всюду хватили, сажали в темницы и казнили, опасаясь их влияния на народ. Барды, тесно связанные с ними, как служители богов, также подверглись гонению и должны были укрываться в непроходимых дебрях и лесах, чтобы избежать участи своих гибнущих собратьев, а римляне между тем свирепствовали страшно: вырубали священные рощи, разрушали храмы... Мало-помалу после избиения друидов барды-священники исчезли совершенно, и остались только два низших класса их, состоявших из бардов-поэтов.

Когда римляне, владевшие Британией в течение 400 лет, наконец покинули ее в начале V века, барды снова ожили: громко раздались их песни, и опять стали они пользоваться прежними выгодами, прежним уважением и прежним влиянием. Один только высший класс их — барды-священнослужители — не воскрес уже более...

Да и к чему было бы ему воскресать? В Ирландии уже давно процветало христианство, весьма быстро распространившееся там; вскоре принесено было оно и в Британию и кротко, мирно, почти без всякой борьбы вытеснило скоро оттуда и язычество, и друидов, построив первые церкви из их священных друидических камней и начертав имя Спасителя на

таинственных дольменах. (Дольменами, т. е. каменными столами, называют весьма древние памятники, сохранившиеся и до нашего времени во всех странах, где жили кельты. Они состоят из трех камней: два стоймя, а третий, большой и плоский, положен на них сверху. Значение их до сих пор не вполне определено).

Но барды-певцы не исчезли и после распространения христианства в Британии, они, напротив, теснее, чем когда-либо, слились в отдельные общины, которые управлялись одинаковыми законами, одарены были равными правами, занимались исполнением одних и тех же обязанностей. Христианские проповедники не преследовали их, видя, что они оказывают полезное влияние на народ.

Барды у кельтов-бретонов, заселявших всю Южную Англию, делились, обыкновенно, на три класса: на учеников, домогавшихся вступления в касту бардов; на бардов-придворных; на главных, или учителей.

Желавшие вступить в число бардов, поступали сперва на несколько лет в учение к одному из главных, который подвергал их поэтические способности различным испытаниям и имел право принять их в касту или не принять, смотря по таланту. Этим ученикам, в годы учения, позволялось (также в виду испытания) петь при разных торжественных случаях, но из денег, полученных за это, они всегда должны были отдавать третью часть барду, у которого учились. Если они покидали своего наставника, по неспособности или по какой-нибудь другой причине не добившись звания барда, то все же получали право всегда носить с собой арфу, и таким образом пропитание их было навсегда обеспечено. Когда же ученик преодолевал все трудности испытаний, то поступал во второй разряд, в число бардов королевских, или придворных.

Этот второй разряд принадлежал ко двору королей и играл при них роль довольно значительную. Когда, бывало, короли садились за стол у огромного очага, в низенькой зале своих деревянных дворцов, и около них собирался их двор, барды всегда сидели по сторонам короля, наравне с высшими придворными чинами. Они обыкновенно помещались во дворце, и каждый получал лошадь с королевской конюшни. Король, сверх того, обязывался давать барду и жене его платье, довольно дорогое по тому времени, потому что за него платили три коровы.

Придворный бард всегда держал в руках арфу, подарок короля, и носил на пальце золотое кольцо, которое дарила ему сама королева в день вступления в касту бардов. Если королю угодно было слышать пение, то бард должен был спеть ему, точно так же, как и всякому благородному, три различные песни. Если королева призывала к себе барда и просила его петь, он должен был спеть ей три песни о любви, но вполголо-

са, чтобы не беспокоить придворных. Если же простой поселянин просил барда петь, то закон повелевал ему петь «до изнеможения», так как считалось, что народ должен стоять к барду гораздо ближе, нежели король, королева и все знатные. На войне он обязан был петь во время битвы, и за то при разделе добычи, сверх части, которую получал каждый воин, ему дарили быка.

Сверх золотого кольца и арфы (с ними бард во всю жизнь не должен был расставаться), бард получал еще во владение пять акров (т. е. полторы десятины) земли, с которой не взывалось никаких налогов.

В эти времена невежества, когда такую важную роль играла грубая сила, лучшим из всех преимуществ барда было право защищать слабого, право останавливать и вести к королю всякого обидчика. Он пользовался этим прекрасным правом, по словам закона, «во все время между своей первой песней на рассвете и последней при вечерней заре», — т. е. постоянно.

Личность самого барда была неприкосновенна. За оскорбление его законом налагалась тяжелая пеня в 6 коров и 120 серебряных монет, а за убийство его — 252 коровы или столько же серебряных монет — сумма огромная для того времени. За убийство всякого знатного не налагалась такой тяжелой пени, и даже убийство королевского доктора, лица, чрезвычайно важного в то время, искупалось половиной этой стоимости. Вообще, народ так высоко ставил личность барда, что в истории кельтов можно указать только один случай убийства, совершенного над бардом, за что убийцу предали тяжкому проклятию, прокляли и орудие убийства. Дерзнувший на жизнь барда остался в памяти народа под именем обесчещенной головы.

О главной обязанности бардов древние бретонские законы выражались так: «Бард да сохранит воспоминание обо всем достойном похвалы в отдельном лице, племени и современных ему происшествиях». Сверх того, закон воспрещал им носить оружие и повелевал «поддерживать и распространять всюду знания, вместе с любовью к добродетели, мудрости и гостеприимству».

Высший разряд, главные барды-учители, происходили из описанного нами среднего разряда, из бардов придворных. Этого достоинства можно было достигнуть только поэтическим состязанием.

Каждые три года, на какой-нибудь горе, происходило под открытым небом торжественное собрание всех бардов из окрестной страны. О происхождении таких собраний известно только, что обычай их в V и VI веках уже считался весьма древним и прежде, вероятно, был связан с какими-нибудь религиозными обрядами, но мало-помалу, когда древняя религия друидов сменилась христианской, старые обряды забы-

лись, и эти собрания обратились в поэтические состязания, на которых каждый из явившихся бардов пел свою песню под звуки арфы. В присутствии короля и начальников разных кланов (родов, колен), в громадном собрании народа выслушивались эти песни и определялось, которая из них была лучше всего. Тому, кто сложил такую песню, королевский судья вручал серебряную арфу; его опоясывали голубым шарфом, сажали на золоченый стул и при громких, радостных криках толпы, при торжественном согласном бряцании кельтйских арф (арфы с тройным рядом струн, что придавало звукам их особенную силу и приятность) объявляли главным бардом всей страны и бардом, возведенным на трон.

С этой минуты бард вступал в высший класс народа и уже не принадлежал более к придворным короля: он целой головой стоял выше всех их благодаря новому достоинству. Ему отводилось помещение во дворце наследника престола. Когда он был при дворе, никто из бардов не смел петь прежде него; едва появлялся он при входе в залу пиршества, как по знаку короля должен был на пороге спеть две песни: одну во славу Божию, другую — в честь королей бретонских. Когда он заканчивал, один из бардов королевских вставал и затягивал свою песню, но закон повелевал ему, из уважения к главному барду, петь вне залы, ниже сеней. Затем главный бард садился за стол по правую руку наследника престола, то есть на высшее, почетнейшее место. По обычаю того времени всем сидевшим за столом кушанье разносилось отдельными порциями, которые назывались скупной мерой, но главному барду закон позволял не подчиняться этому обычаю, а есть и пить сколько душе угодно.

Права главного барда были очень значительны. Ни один из обыкновенных бардов не мог ничего просить у короля иначе, как через него, ему принадлежало право оценки поэтических произведений их, ему поручали учение и воспитание юношей знатнейших фамилий, которыми обыкновенно окружал себя наследник престола.

И выгоды со званием барда были соединены немалые. К пяти акрам земли, которыми владел всякий бард, ему с получением нового звания прибавлялся значительный участок, при всех празднествах и торжествах он постоянно получал плату вдвое более против обыкновенных бардов, каждая из молодых девушек, выходившая замуж в окрестностях, приносила ему по подарку.

Закон вменял в обязанность всякому главному барду «знать наизусть все древние песнопения, сложенные в честь королей и именитых мужей бретонских, в особенности сочиненные главными бардами». Так сам закон заботился о сохранении преданий, переходивших из уст в уста.

Высокое значение главного барда выражалось и ценностью

арфы, которую получал он в виде награды на состязании. Эта серебряная арфа должна была, по закону, стоить 120 серебряных монет, следовательно, вдвое дороже серебряного воинского щита и самого лучшего меча с серебряной рукоятью, в одиннадцать раз дороже плуга; ясно, что народ, создавший подобный закон, ценил вдохновенные песни барда выше всех сокровищ.

Мы должны упомянуть еще об одном и, вероятно, самом важном преимуществе барда: бретонские законы того времени о нем говорили так: у всякого раба два сына могут быть свободными: первый — бард, второй — духовный, ибо как только сын раба пострижется или поступит в учение к бардам, его господин уже не имеет более никакого права над ним.

Итак, поэзия освобождала наравне со священством. От этого закона произошла у бретонов и поговорка: «Березовая ветвь срывает с ног оковы». Барды носили на голове венки из березовых ветвей.

Да, велико было назначение барда у древних кельтов. Он свято хранил в памяти предания о старине и научил своих современников действовать по примеру доблестных предков, он строго наблюдал за правдивым исполнением законов, карая едкой насмешкой всякого нарушителя их и поощряя завидной похвалой все доброе, все прекрасное в своих современниках. Он смело вступался за всякого невинно страдавшего и слабой рукой мог обуздать гордого и могучего. Вот на каких прекрасных началах основывалось влияние бардов на народ. Вот почему благосклонно смотрели на них христианские проповедники.

От отца к сыну, вместе с кольцом и арфой, передавалось уважение к старине, любовь к добродетели, и пышно цвели новые поколения поэтов под кровом старых, как молодые отпрыски дубов в тени своих могучих, столетних, широколиственных предков.

* * *

Много разных песен сложили бретонские барды, но до нас дошли сочинения лишь весьма немногих. Больше всего осталось песен Талиезина, Анерена и Ливарха, любимых поэтов древних кельтов-бретонов.

Когда в начале V века римляне принуждены были покинуть Британию, все население ее вдруг словно ожило. Племена бретонов, никогда не покорявшиеся владычеству иноземцев, были оттеснены силой римского оружия в юго-западный угол Англии. Там, за неприступными горами, долго жили они среди голых скал и дремучих лесов, предпочитая бедность и свободу довольству и рабству. По удалении римлян, бретоны первые восстановили у себя древний образ правления (бре-

тоны делились на множество мелких колен, и в древности каждое колено управлялось отдельным князем). Они также возобновили прежний союз между своими отдельными племенами. Более сорока лет прожили они в мире, спокойствии и довольствии. Возвратившись на свои прежние земли, они успешно бились с внешними врагами своими, пиктами и скоттами, от которых, казалось, одни римляне были в состоянии защитить их, да и те так опасались этих беспокойных соседей, что для прикрытия своих владений от набегов перегородили всю Англию толстой стеной и целым рядом укреплений, остатки которых и теперь еще видны между устьем Клейда и заливом Фортским.

Пикты (жившие на востоке Англии вдоль берегов) и скотты (занимавшие северо-западные берега Шотландии), однако же, не успокаивались, несмотря на то, что были разбиты бретонами несколько раз кряду. Тогда-то задумали бретоны просить помощи у саксов, воинственного германского племени, которое занималось морскими разбоями и также беспокоило иногда набегами берега Британии. Те согласились за известную дань помочь кельтам в борьбе с северными племенами и в большом числе высадились на британский берег. Но им так понравилась южная Британия, что они решились отнять ее у бретонов и поселиться в ней. С этой целью они не только не стали воевать против пиктов и скоттов, а вошли с ними же в тесные дружественные сношения и общими силами ударили на бретонов.

Принужденные защищаться от неприятеля, нападавшего на них одновременно с северо-востока и юга, бретоны выказали геройское мужество, защищались упорно и долго; но кто бы мог устоять в такой неравной борьбе? Они принуждены были снова удалиться в свои родные неприступные леса и горы и с лишком 70 лет в них отсиживались.

Одно время (во второй половине VI века) для них блеснул луч надежды на избавление от чужеземного ига, но ненадолго. Во главе союза бретонских городов явился Урнен, человек необыкновенный, умевший всех заставить действовать согласно против общего врага. Одержав несколько побед над саксами, он отнял у них часть завоеванных ими земель, но остальные князья бретонские глядели с завистью на его успехи, и Урнен был тайно умерщвлен подосланным к нему убийцей.

С этой минуты начинается бесконечный ряд утрат и несчастий. На северо-западе англв (последнее германское племя, высадившееся на берега британские) окончательно утвердилось на родимой почве бретонов и основали два королевства. На юге саксы, взяв три бретонских города и умертвив трех бретонских королей, обложили тяжелой данью все мелкие племена, которые не были самой природой защищены от их нашествия.

Местами борьба между тем или другим кланом и саксами — борьба неравная, безнадежная и отчаянная — длилась несколько столетий. Часть бретонцев даже переплыла на материк (из них-то и образовалась нынешняя французская провинция Бретань). Дольше всех отстаивали свою независимость бретонцы валлийские, которым более других обязаны мы и сохранением бардических песен.

Посмотрим же, какое участие принимали барды в борьбе за независимость своего Отечества.

Талезин

У одного могущественного бретонского начальника племени, говорит предание, был сын по имени Эльфин, которому ничего никогда не удавалось. Много горевал об этом отец и не знал, чему приписать постоянные неудачи сына. Наконец, посоветовавшись с друзьями своими, он решился отдать на его попечение тони на морском берегу и таким образом в последний раз испытать его счастье.

Посетив свою тонию в первый раз, Эльфин увидел, что в ней не было ни одной, даже мелкой, рыбы, хотя весной ловы в этом месте всегда были очень хороши. Опечаленный новым доказательством своего постоянного несчастья он собирался уходить с тони, когда вдруг заметил что-то черное на плотине у самого плюза. Ему показалось, что это был кожаный мех. Один из рыбаков сказал ему:

— Видно, нет тебе ни в чем удачи. Уж на что лучше этой тони, бывало, в ней каждый год первого мая ловилось многое множество всякой рыбы, а нынче всего вон только и вытащил, что кожаный мех.

Подошли они оба к тому, что казалось им издали кожаным мехом, и увидели корзину, плетеную из ивовых прутьев

и покрытую кожей. Подняли крышку, и каково же было изумление их: в корзине спал прекрасный младенец. Минуту спустя он открыл глазки, улыбнулся и потянул к ним свои маленькие ручонки.

— O tal-iesin! (то есть на бретонском языке: какое сияющее чело),— воскликнул рыбак, указывая на ребенка и в изумлении расставляя руки.

— Tal-iesin! — повторил Эльфин, вынимая ребенка из корзины и прижимая его к своей груди.— Так пусть же и называется он Талиезин!..

Держа младенца на руках, Эльфин сел осторожно на коня и тихонько поехал домой. Он не мог удержаться от слез, глядя на ребенка и раздумывая о своей постоянной неудаче. Вдруг ребенок зашел, и песня его скоро утешила Эльфина.

— Полно плакать, Эльфин,— говорил он в ней,— твое отчаяние не поможет. Полно лить слезы! Не всегда ты будешь несчастлив. Бог посылает человеку богатства и со дна морской пучины, и с высоких горных вершин, и из волн речных. Хотя я слаб и мал, а придет время, когда я буду тебе полезнее множества рыбы. Не сокрушайся. Во мне, по-видимому, нет вовсе силы, но зато уста мои чудесно одарены свыше. Пока я буду с тобой, тебе нечего опасаться.

Эльфин приехал домой веселый.

— Ну, что же ты поймал? — спросил его отец.

— То, что гораздо лучше рыбы,— отвечал сын.

— Да что же такое?

— Я поймал барда,— сказал Эльфин.

— Барда? Да на что он может тебе пригодиться? — печально возразил отец.

Тут Талиезин сам вступился за себя:

— Бард будет ему полезнее,— сказал он,— чем тебе твоя твоя.

— Как! Ты уже умеешь говорить, малютка! — воскликнул изумленный начальник племени.

— Да, я могу отвечать прежде, чем ты меня спросишь,— сказал Талиезин и зашел:

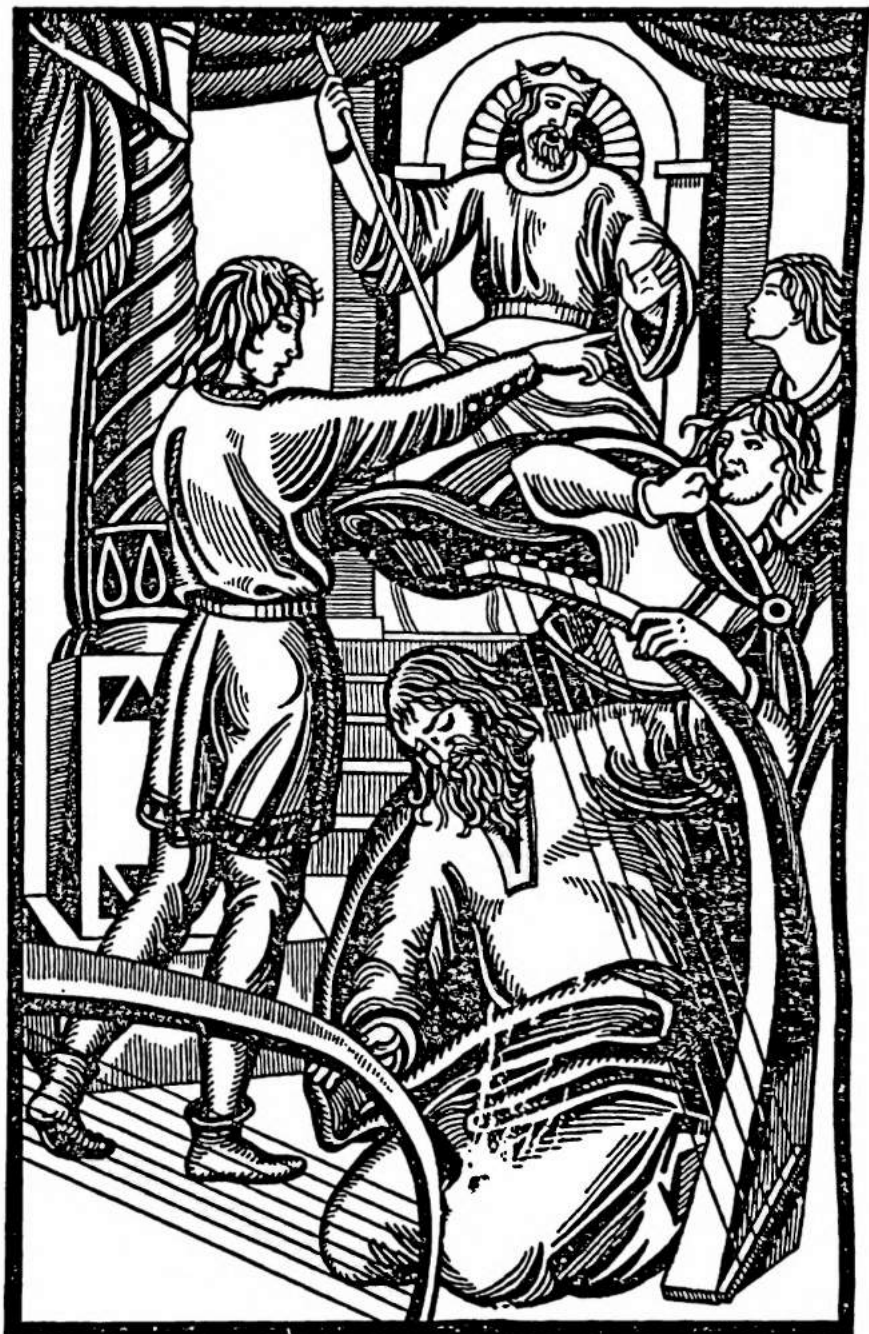
— Мне известно все: и прошедшее, и будущее.

Эльфин отдал Талиезина на руки доброй кормилице, и с этого дня в течение целых двенадцати лет счастье не оставляло его дома.

В год, когда Талиезину минуло тринадцать лет, Мэльгун, король гвенедский, пригласил к себе Эльфина на праздник. Случилось это на самую Пасху, и потому торжество у короля было великое: столы ломились под тяжестью яств. Когда все гости порядочно подгуляли, отовсюду послышались самые преувеличенные похвалы хозяину.

— Есть ли на свете король славнее Мэльгуна,— король, у которого и барды были бы искуснее его бардов,— говорили гос-

ти,— и воины хабрее, и лошади быстрее его лошадей, и борзые лучше его борзых? Нет, такого короля не найдешь в целом свете.

Такая лесть раздосадовала Эльфина.

— Конечно,— сказал он,— трудно тягаться с королем в чем бы то ни было, но что касается до бардов, то я смело могу сказать, что у меня дома есть бард, который всех королевских за пояс заткнет.

Все барды Мэльгуна и между ними Гейнин восстали против Эльфина, и двор, и гости ужаснулись неслыханной дерзости и донесли о том королю. Повелел король бросить бедного Эльфина в тюрьму и держать его в цепях до тех пор, пока тот не докажет, что его бард мудрее бардов королевских.

Когда слух о пленении Эльфина дошел до Талиезина, он незамедлительно явился к королю. У того как раз шел пир со знатными людьми королевства. Талиезин вошел в залу пира и спрятался в угол, мимо которого должны были проходить придворные барды, направляясь на поклон королю. В то время, как барды проходили мимо него, он стал корчить им гримасы, на которые те не обращали внимания; но когда они остановились перед королем, желая приветствовать его, ни один из них не мог выговорить ни слова. Когда же король велел им петь, то все они против своей воли скорчили королю рожи и стали что-то бормотать себе под нос. Король вообразил, что они пьяны, и в гневе обратился к главному из них, Гейнину, требуя, чтобы он объяснил странное поведение бардов, угрожая ему страшным наказанием.

Гейнин пал к его ногам:

— Государь, не излишнее употребление вина заставляет нас являться к тебе в таком странном виде: мы не пьяны, но нас попутал бес, он сидит вон там в углу, приняв вид ребенка.

Услышав такую речь, Мэльгун велел призвать к себе Талиезина и спросил его, кто он и откуда пришел. Мальчик отвечал ему на это:

— Я главный из бардов Эльфина. Звездное небо — мне родина. Никому не известно происхождение мое, а мне известно все: и прошлое, и будущее.

Король был очень изумлен, услышав это, и, вспомнив, как Эльфин нагло бахвалился, приказал Гейнину состязаться с Талиезином в пении.

Едва только Гейнин вздумал запеть свою песню, как вдруг смешался, стал опять гримасничать и бормотать невнятные слова. Напрасно Мэльгун грозил ему и, словно разъяренный лев, метался во все стороны, приказывая каждому из бардов своих петь, как, бывало, певали на пирах, напрасно умолял он их поочередно не срамиться перед бардом его подданного: все придворные барды делали то же, что и Гейнин, самый искусный из них.

Наконец Мэльгун обратился к Талиезину:

— Вижу могущество твое, — сказал он, — но чего же ты от меня требуешь? Зачем ты пришел сюда?

— Я пришел сюда, — отвечал мальчик, — чтобы освободить моего благодетеля из твоих оков. Знай, что много заключается тайной силы в моей песне, что мне стоит только запеть, и ни камни, ни железные цепи — ничто не устоит против моей песни. А тебе я скажу, что с тобой приключится за твою высокомерие.

И он запел грозным голосом песню, от которой кровь застыла в жилах Мэльгуна:

— Вон поднимается на море страшное диво, вон несется оно сюда наказать гордого Мэльгуна, короля гвенедского: и лицо, и глаза, и волосы его желтеют, как золото! Смерть ему, неправдивому!.. Сами боги несут эту страшную кару, поднимая ее своим могучим дыханием со дна пучины на Мэльгуна, короля гвенедского.

Чуть только успел он произнести последние слова песни, как с моря вместе с сокрушительным порывом ветра налетел на дворец громадный водяной столб и разбился о его стены. Пошел по всем покоям от этого удара треск и гул. И король, и весь двор выбежали из дворца, ожидая с каждой минутой, что он обрушится на их головы.

— Скорее освободите Эльфина и ведите его сюда! — закричал в ужасе Мэльгун.

Привели Эльфина и отдали его Талиезину, который тут же спел такую сладкую песню, «цепи сами собой упали с его благодетеля».

Вот что рассказывает нам народная легенда. В ее наивных словах видно все высокое, величавое и грозно-могучее представление, какое составилось в воображении народа о личности барда. Теперь обратимся мы от сказок к действительности и опишем личность Талиезина такой, какой она является нам в древних бретонских памятниках и в его собственных песнях.

Талиезин родился в первой половине VI века. Лучшие историки и критики согласно утверждают, что родиной его был Кумберланд, а не Валлис, как думали валлийские летописцы. Отец его, Ионис, пожелал дать сыну хорошее воспитание и поручил его надзору св. Кадока, который в то время основал в южной Англии школу для туземного юношества. В этой школе Талиезин ближе всех сошелся с Гильдом, который впоследствии прославился как ревностный христианский проповедник и был причтен за то к лику святых. Несколько лет провели они вместе. Наконец настало время, когда оба, окончив ученье, должны были выйти из школы. Святой наставник призвал к себе Талиезина и Гильда, благословил их и, поцеловав, дал им следующий мудрый совет:

— Дети мои! Трудно жить на свете, и много нужно в жиз-

ни осторожности. Послушайте же меня. Когда вам придется говорить, рассудите, во-первых, о чем вы говорите; во-вторых, как вы говорите; в-третьих, с кем вы говорите; в-четвертых, в чью пользу вы говорите; подумайте, что выйдет из ваших слов и кто может стороной слышать вашу речь. Соблюдая такую осторожность в речах, вы никогда не подвергнетесь никакому несчастью.

На пороге училища Талиезин расстался со своим другом, и пошли они в жизни по двум разным дорогам.

Вскоре после того Талиезин, ловивший рыбу с лодки, недалеко от берега, был захвачен в плен морскими ирландскими разбойниками. Горько было ему, когда с борта ладьи увидел он, как родные берега исчезали в туманной дали. Мысль о побеге не оставляла его ни на минуту. В бурную темную ночь, воспользовавшись удобным случаем, он отвязал свою маленькую лодочку от разбойничьей ладьи и пустился в море, захватив с собой деревянный щит вместо весла и решаясь скорее умереть, чем в тяжелой неволе тосковать по отчизне. Долго носило его по морю, много раз грозил ему смертью шумящий вал и выкинул его, наконец, изнеможенного, беспомощного, на побережье, принадлежавшее Эльфину, сыну Уриена, могущественного и доблестного князя бретонского.

Ум, знания, поэтические способности Талиезина изумили Уриена и весь его двор. Талиезину велел он дать клочок земли, поручил воспитание своих детей и сделал его главным придворным бардом.

С этих пор благодетельствованный им Талиезин горячо привязался к нему и во всю жизнь не покидал доброго Уриена, не раз оказывая ему очень важные услуги. Эти-то события и были обращены народом в сказку, которую рассказали мы читателям в начале главы.

Время правления Уриена было временем торжества бретонцев над внешними врагами: саксами, пиктами и скоттами. Но недешево обходилось это торжество Уриену и всем его подданным (Уриен правил Регедом, княжеством, простиравшимся на север от Гембера). Они почти не снимали с себя кольчуг и шлемов, почти не выпускали из рук тяжелых топоров, острых мечей, крушительных палиц. Уриен всем подавал пример неутомимости, воздержания, и ему легче было переносить все эти трудности, потому что с ним был Талиезин, который подкреплял его мужество своими сладкозвучными песнями и щедро награждал похвалами его подвиги.

Когда грозно сходились в бою воины Уриена с враждебной ратью, Талиезин, ободряя их, являлся в первых рядах и, воспевая подвиги предков, побуждал их к таким же подвигам. Но когда шумный бой загорался, когда завязывалась лютая сеча, в которой со звуком мечей смешивался громкий нескончаемый хор предсмертных стонов и воплей ярости, тогда Та-

лиезин удалялся на ближайший холм, с его вершины зорким взглядом следил за битвой, и ничего не ускользало от взоров его. Светлое, торжественное вдохновение овладевало им и помогало сложить живую, пламенную песню, в которой не пропадали ни один звук, ни одна черта боевой тревоги.

Легко было на сердце утомленных воинов, весело было им слушать вечером, после боя, новую песню своего вдохновенного певца, когда под открытым небом располагались они у ярко пылавших костров и подкрепляли истощенные силы круговым рогом меда, оплетенным серебряными обручами.

Так Талиезин был во всех битвах вместе со своим покровителем и другом: он был и при Аргоде (одна из местностей в долине Клейда), где бретонцы бились с саксонцами от восхода до заката и смешали их кровь с кровью союзных им беспокойных скоттов, и при Гвен-Эстраде, где бретонцы под стенами этой крепости погребли целую саксонскую армию, искусно отбросив одну половину ее к реке, в которой враги погибли среди смятения, не отыскав брода; он был и при Менау, где в самом пылу битвы страшный Ида, саксонский богатырь-предводитель, пал от копья Овена, сына Уриенова.

С самым неподдельным восторгом говорил Талиезин в своих песнях о богатой поживе бретонцев, почти по пальцам пересчитывая быков, коров, лошадей и всю захваченную ими добычу. Но все песни свои заключает он непременно обращением к Уриену, которому говорит в одной из них, что «перестанет улыбаться, когда Уриена не будет более в живых». А в другой прибавляет: «Какое мне дело до того, любят ли меня все короли Севера или нет, когда все мое высшее благо заключается в тебе, Уриен, свет мой. В день твоей смерти скорбь пойдет по пути перед тобой; когда смерть посетит тебя, она придет и ко мне».

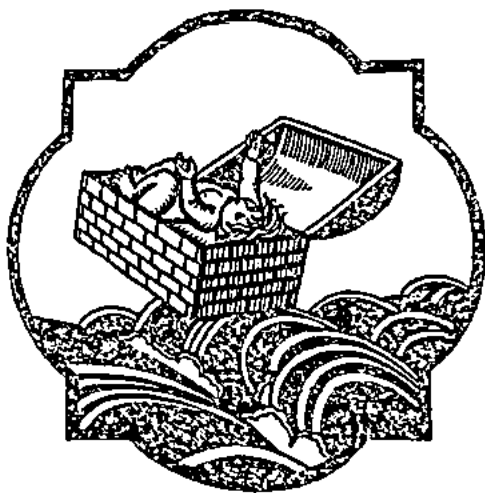
Все эти похвалы и изъяснения привязанности могут показаться лестью только тому, кто позабыл, что Уриен был освободителем отечества; он был непобедимо мужественен, но кроток и, следовательно, вполне достоин восторженных похвал, пристекавших из нежной сердечной привязанности, от истинного и понятного изумления, а не от желания угодить сильному. Все песни Талиезина вообще проникнуты этой приятной нежностью, и его образы далеко не так резки, жестки и кровавы, как образы других бардов.

Горько оплакав кончину Уриена, Талиезин не покидал его сыновей, но вскоре они пали в битвах, и сам, покинутый всеми, лишившись лучших своих радостей, он удалился в Валлис, на берег озера Кернарвона, где один из начальников клана подарил ему небольшой клочок земли и хижину. Там часто, печальный, одинокий, сидел он на берегу и в глубокой горести повторял: «Горе мне! Я видел, как облетели цветы; я видел, как отсохла ветвь, носившая их».

Пришла наконец и старость, с ее недугами и слабостью. Наследники того начальника клана, который приютил Талиезина в своей земле, не пожалели старого барда, отняли у него хижину и последний клочок земли. Бесприютным сиротой покинул он Валлис.

В несчастьи невольно вспомнил он свое беззаботное детство, своего мудрого наставника и св. Гильда — друга, с которым разлучили его жажда славы и бранные тревоги, так долго находившие себе отголосок в его сердце. Но этот друг был тогда далеко: вместе со значительной частью бретонского населения он, по примеру св. Кадока, переселился на материк Европы — в Арморик (нынешнюю Бретань). До Талиезина дошли слухи о том, что в Арморике царствуют мир и спокойствие, тогда как около себя он видел только торжество грубой силы да тягость чужеземного ига... И захотелось ему, беспомощному, отдохнуть от тревог и бедствий под гостеприимным, мирным кровом дружбы. Он сел на первое судно, отплывавшее в Арморик, и покинул берега своей родины.

Где умер он? Спокойно ли? Об этом ничего не знают летописцы.

Анёрен

Анёрен родился в начале VI века близ Дунбартона, столицы клейдских бретонов, живших у границы шотландской. Он был братом св. Гильда. Вместе выросли они, вместе получили первые начатки образования от придворных бардов своего отца, вместе выучились музыке и пению; но одного влекло на юг, туда, где процветало христианство, где в мирных стенах монастырских, у святых наставников, пылкое юношество училось кроткости, смиренню и божественной мудрости; другого прельщали жизнь, слава и громкие деяния предков, погибших в честном бою с иноземцами-притеснителями. Гильд отправился на юг, к св. Кадоку, а Анёрен поступил в касту бардов и принял горячее участие в борьбе за свободу отчизны.

Отличительной чертой Анёрена была пылкость характера, самая сильная восприимчивость всех впечатлений и расположение к поэтическому бешенству. Невозможно иначе передать смысл бретонского прилагательного, которое обыкновенно соединяли с именем Анёрена его современники и писатели последующих веков, называя его бешенно-вдохновенным. Ничто лучше этого слова не передаст необыкновенной способно-

сти Анёрена к живому представлению кровавых и ужасных картин, к вставлению в песни свои таких страшных проклятий, которые дыбом поднимают волосы у каждого слышащего их и могут исходить только из уст человека, находящегося на высшей степени раздражения и нравственного, и телесного.

Около 578 года все бретонские кланы (на пространстве от Сольвэсского залива до озера Ломонда и от устья Форта до устья Клейда) соединились в один обширный союз для отражения—пиктов, скоттов и англов, которые пытались с севера пробиться сквозь ряд стен и укреплений, построенных еще римлянами и служивших кельтам защитой от набегов воинственных соседей. На защите этих стен основывалось счастье и довольство всего бретонского населения. За этими стенами были их жены, дети, старики и могилы предков, все добро их и земля родная, вспаханная в поте лица, орошенная кровью близких... Немудрено, что 363 начальника кланов поспешили на защиту этой священной стены, едва только стала на севере собираться грозная туча. Между этими начальниками кланов на первом месте стоят: бард Анёрен (тогда правивший Гододином, небольшой областью на берегах Клейда), Овен, старший сын и наследник Уриена, и Менезок, король эдинбургский.

Защита стены длилась семь дней и сосредотачивалась преимущественно около главного ее пункта — крепости Кальтраез. Сначала перевес был на стороне бретонов; но потом, увлеченные успехом, они возгордились, забыли осторожность и осмотрительность, главные качества всякого хорошего воина, и стали только петь песни да бражничать. Тогда враги, воспользовавшись их беспечностью и невоздержанностью, напали на них ночью и всех перебили. Это происшествие Анёрен описал в превосходной поэме, которую назвал, по имени своей области, «Гододин».

«Шумно и весело,— говорит бард в начале своей поэмы,— стекались к Кальтраезу отряды воинов; но бледный мед, их любимый напиток, отравил их, погубил их. Непоколебимо, упорно, без усталости бились они с врагом своими огромными, кровавыми мечами. Их было всего три сотни против одиннадцати сотен. Много крови пролили их копыя, но сами они пали один за другим в рядах Менезока, славного вождя храбрых, пали от метких стрел Смерти прежде, чем успели в церквах покаяться!»

Так бард начинает свою поэму и описывает потом мелкие стычки первых двух дней, в которых перевес был постоянно на стороне бретонов.

«С восходом солнца на третий день,— продолжает бард,— Тудвульер и многие другие бретонские вожди взобрались на вершину башни для наблюдения над неприятелем; потом, собравшись вместе, испустили общий военный крик и устремились на врага из-за стен. Дружно подкрепленные своими, они

бились целый день и произвели в рядах неприятельских беспримерное опустошение. Их могли отделить от врагов одни волны прилива, шумно бежавшие с моря на берег и уносившие на себе в пучину груды тел, бледных, страшно искаженных могучими ударами.

Принужденные вернуться в крепость, бретоны предались своей обычной невоздержанности: всю ночь пропировали они и осушили много бочек крепкого меда. Хотя на другой день они продолжали мужественно биться с врагами и вновь отражали их от стен, но уж они бились не так хорошо, как прежде, потому что в голове их бродил хмель, ослабляющий руки.

На следующее утро битва возобновилась с таким ожесточением, что сам Анёрен не вытерпел и, бросив на землю арфу, в порыве своего бешеного восторга с мечом в руке устремился в самую середину сечи и завоевал бретонам победу, но попал в плен и, скованный по рукам и ногам, был брошен в темную и сырую яму. Долго бы пришлось ему пробыть в этом ужасном положении, если бы Кенев, сын Ливарха, не заметил его отсутствия и не заплатил дорогого выкупа «золотом, серебром и сталью» за его жизнь и свободу.

Поражение неприятеля в этот день было решительное: он отступил, оставив тела своих убитых в добычу волкам и хищным птицам. Громко, весело выли над ними волки, а бретоны шумно пировали в Кальтраезе, празднуя успех свой невоздержанным употреблением крепкого меда.

Между тем к неприятелю, уже отступавшему, пришло подкрепление. Он вернулся под стены Кальтраеза, ворвался в него и окружил залу пиршества. Однако же барды спасли на этот раз бретонов: они запретили пить мед и запели военные песни — осажденные взялись за оружие и отражали нападение после долгой и трудной сечи.

Но на седьмой день, когда бретоны все продолжали пировать по-прежнему и до того много выпили меда, что даже не слышали, как неприятель вторично ворвался в крепость, сами барды не смогли спасти их. Напрасно зывали они к ним и умоляли взяться за оружие, кричали, что неприятель приближается к дверям. Опьяневшие воины продолжали сидеть за своими столами, не думая браться за оружие».

«Овен, Мезенок и несколько храбрых вождей долго защищали вход в залу, — говорит бард, — но тысячи шли за тысячами против них, и зала наполнилась кровью бретонских воинов, вместе с которыми погибла и последняя надежда на спасение отечества от врагов и на свободу».

Так заключает Анёрен свою песню об осаде Кальтраеза, о гибели цента бретонских воинов. Из 363 вождей спаслось всего трое, успевших очистить себе дорогу мечом, да он, спасенный своей арфой и сединами. Но жизнь была в тягость старому барду, пережившему своих близких и принужденному

уступить чужеземцам родной очаг и поле. Он взял свою арфу и явился ко двору одного бретонского князя, не участвовавшего в общем союзе и без боя покорившегося врагам отчины. Смело и грозно упрекал он его при всех придворных в трусости и низости. Его насмешки были колки и резки. В ярости своей изменник приказал схватить барда и бросить в темницу... Никто не решался исполнить его приказание, а бард все продолжал петь. Тогда один из княжеских воинов, Эдин, желая угодить своему повелителю, бросился на старого певца и ударом боевого топора разрубил ему голову. Все присутствующие онемели от ужаса. Тяжко пало проклятие современников на убийцу и его оружие...

Замечательно, что Анёрен был первым бардом, который поднял меч рукой, бряцавшей на мирной и мудрой арфе. Судьба словно хотела наказать его за такое отступление от высокого назначения барда-певца, и в лице его, в первый и последний раз во всей истории кельтов, бард пал жертвой убийцы, не побоявшегося поднять на него оружие.

Ливарх

Ливарх (или, чаще, Ливарх-Хен, то есть Ливарх старый) родился в конце V века (около 480 года), на севере, среди лесов Аргоеда, где царствовал его отец Элидир, где он сам должен был впоследствии царствовать. С севера отправился он в молодости своей для воспитания на юг, ко двору друга Элидирова, Эрбина, короля корнваллийского.

По бретонскому обычаю, все молодые воспитанники находились при дворах под покровительством наследника престола, почему и помещались на его половине вместе с бардом, занимавшимся их воспитанием. Герент, старший сын Эрбина, полюбил от души молодого Ливарха, почти не расставался с ним и решил даже взять его с собой в поход против Порта, начальника саксонцев, высадившихся на берегу Корнваллиса.

Ливарх был тогда еще очень молод: ему было лет 16. Страшное кровопролитие, которое приходилось ему видеть в первый раз в жизни, груды трупов, блеск и стук оружия, испуганные кони, покрытые белой пеной и бешено скакавшие по телам павших воинов, — одним словом, вся многосторонняя и ужасная картина битвы произвела на юношу такое

сильное впечатление, что он превосходно воспел победу бретонцев при Лонгборте и смерть своего молодого покровителя Герента, который, по его выражению, пал в битве, но своим падением раздавил саксов.

По смерти Герента Ливарх поступил в касту бардов и хоть наследовал отцу своему в правление Аргоedom, однако же большую часть года проводил при дворе своего родственника, знаменитого Уриена.

Это время, по его словам, было счастливейшим временем его молодости. Иноземцы боялись его оружия, подданные любили, женщины хвалили его красоту, храбрые удивлялись его силе и ловкости, все заслушивались его песнями.

«Пиры да песни — в них протекала вся моя молодость», — говорил про себя бард. Смерть Уриена была тяжким ударом Ливархову счастью. «Бедствие Уриена — мое бедствие, — говорил бард в своей элегии на смерть этого доблестного князя. — Хвалебные песни будут теперь редко слышны из уст моих, потому что Уриена нет более!»

Междоусобные войны и неудержимый напор чужеземцев-завоевателей лишили вскоре Ливарха его владений. Он вместе со своим семейством должен был покинуть их и пришел ко двору Кенделана, одного из валлийских королей, просить себе убежища. Кенделан принял Ливарха чрезвычайно радушно, уважая его высокое звание, преклонные годы и несчастье. Старый бард с удовольствием вспоминает об этом ласковом приеме и почестях, оказанных ему добрым королем. Но бедствия преследовали Ливарха: и под новым кровом не дали они ему покоя. Кенделан вступил в союз с двумя другими королями, и в 577 году в сражении с саксами войско его было разбито наголову, а он сам пал в битве, вместе с сыновьями Ливарха.

В одну ночь несчастный старец лишился и семьи, и крова. В своих песнях он превосходно описывает эту бедственную ночь, когда, склоняясь над гробом Кенделана, он оплакивает его смерть в той самой зале, где еще незадолго слышны были звуки его арфы и шум пиров, а теперь царствовали мрак и мертвая тишина, которая нарушалась только криком горного орла, жаждавшего упиться недавно пролитой кровью.

С той поры несчастный старец поселился в небольшом шалаше, на берегу реки Ди, недалеко от аббатства Ланворского, где и теперь еще одна глухая и уединенная местность называется его именем. Грустно было там жить осиротевшему старику; только недуг, скорбь да бессонница разделяли с ним его тяжкую долю.

«Я стар, я одинокий, я сгорблен, я хил теперь. Поддерживай меня, костыль мой! Ведь недаром же зовут тебя верным другом слабющего тела!» — восклицает бард в одной из песен своих.

Чаще всего вспоминал он в своем уединении о храбрых сыновьях, павших в битве, и в горести своей не раз восклицал, сидя на берегу реки и смотря на беспокойные, шумные волны: «Ударь в берег, волна! Покрывай собой прибрежный песок! Горе тому, кто слишком стар, чтобы отомстить за смерть своих сыновей. Горе тому, кто теряет вас, дети!»

Не раз предавался он вполне своему отчаянию и тщетно умолял смерть прийти к нему скорее, укорял ее в измене, проклинал ее медлительность; не раз в своем пламенном поэтическом вдохновении призывал он небо, землю и тени погибших героев отомстить врагам отчизны за смерть его детей, за его бедствия и горько оплакивал свое бессилие...

Часто случалось, что в эти-то горькие минуты за рекой раздавался с колокольни аббатства Ланворского мерный и торжественный благовест, призывавший иноков к молитве; часто даже легкий ветерок доносил до ушей старого барда согласное и стройное пение их, долетавшее из окон церкви... Тогда мысли его как будто изменились; на мгновение ему казалось, что он не один, что и в трепетных слабо дребезжавших звуках колокола, и в отрывке священного пения, долетавшем до него, слышалось что-то знакомое, почти родное и сладостно-примирительное.

Иноки ланворские изредка посещали Ливарха, предлагая ему свою помощь, желая приютить бесприютного под кровом святой обители; но он каждый раз отвечал на все их увещания: «Я стар, мне ничего вашего не надо; мне нужна одна могила».

Под конец, однако же, мысль о Боге, как единственной опоре и надежде всякого страждущего, всякого удрученного и бедствиями, и годами, привлекла все внимание Ливарха; только в ней привык он видеть облегчение своей горести, в последней своей песне бард говорит:

«Мои слезы и вздохи ясно доказывают мне, что Бог не дает счастья горделивым, что все на свете обманчиво, кроме милосердия Божия, только в нем нельзя обмануться!»

Предание утверждает, что незадолго до своей смерти он обратился к Богу, поступил в число ланворских иноков и был погребен в их обители. И действительно, имя его было недавно открыто и прочтено на стене трапезной этого древнего аббатства.

* * *

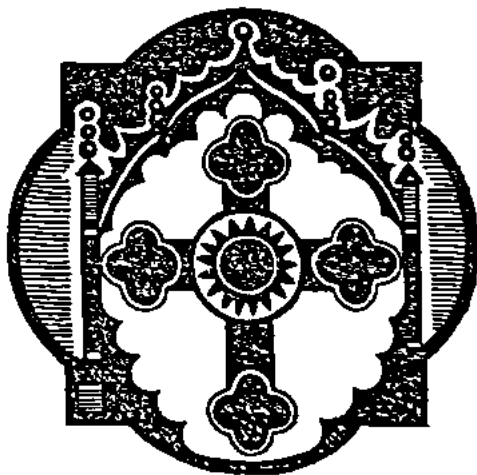
Прошло много веков. От могущественного племени кельтов остались незначительные обломки в разных углах Европы. Исчезли барды и их законы, но слава их продолжала жить в народе, и пример их не раз одушевлял многих любовью к истине и справедливости.

Король английский Генрих VIII, желая ввести поскорее реформу в своих владениях, жестко преследовал католиков и всеми мерами принуждал их принять новую веру, отказаться, против воли, от старых убеждений. В один теплый летний вечер, когда Генрих VIII сидел у окна своего Виндзорского замка, к воротам его подошел дряхлый, слепой старик и стал что-то петь под звук арфы. Король пожелал узнать, кто он такой, и, услышав, что старый певец величал себя бардом, велел позвать его к своему окну, заставил петь и приказал переводить слова его песни. И что же стал ему петь старик? Твердым и торжественным голосом произнес он стихи Таллезина:

«Я скажу вашему королю, что с ним приключится: вон поднимается на море страшное диво; оно несется сюда наказывать несправедливость Мельгуна, короля гвенедского, которого лицо и волосы, и глаза пожелтеют, как золото; оно приходит умертвить Мельгуна, короля гвенедского!»

Разгневанный король приказал казнить старика лютой казнью, и тот пошел на смерть с улыбкой.

Видно, и тогда еще был жив в народе древний дух бардов.

НОРМАННЫ, ИЛИ ВИКИНГИ, КТО ОНИ?

Норманны (от Nord и mann, т. е. «северные люди») — под этим именем известны германские племена, населявшие Скандинавию (Норвегию, Швецию, Данию, Ютландию) и совершавшие с VIII века набеги на берега почти всей Европы. Морские экспедиции норманнов восходят к древнейшей исторической эпохе севера. Многие причины заставляли жителей скандинавских стран покидать родину, уходить на поиски «добычи и славы». На первом месте в ряду этих причин должно поставить недостаток средств питания в неплодородных северных частях Скандинавии. Вследствие тех препятствий, которые природа и климат ставят здесь земледелию, населению их приходилось жить главным образом охотой и рыбной ловлей, т. е. промыслами, которые не могут прокормить сколько-нибудь густого населения. Обширное рыболовство рано приводило к развитию мореходства, тем более, что вода была самым удобным средством сообщения между глубоко изрезанными берегами. Неурожай и голодовки случались в Скандинавии часто, и недостатком средств питания объясняется практиковавшийся здесь жестокий обычай забрасывания детей, а также необходимость выселения избытка населения. Наследство переходило обыкновенно к старшему сыну, младшие же должны были на стороне искать средств к жизни. Часто выселялись и дети королей, кроме тех, которые получали после отца власть на родине.

Развитию мореходства содействовала также торговля (сушеной рыбой, пухом, мехами и т. п.). Далее, побудительной причиной к эмиграции служило опасение кровавой мести со стороны родственников убитого и изгнание, служившее наказанием за некоторые преступления. Когда в Скандинавских странах начался процесс сосредоточения власти в немногих сильных руках, подчиненные крупными королями мелких, прежде независимых владетелей, тогда лица, не желавшие подчиняться на родине гнету новой власти, в большом числе стали покидать родину. Наконец, в том же направлении влияла и просто жажда деятельности, воспитанная условиями природы, свойственная прибрежным народам страсть к морским предприятиям, разогретая рассказами о предыдущих удачных экспедициях, надежда на богатую добычу и т. д. Суровая природа Скандинавии, особенно северных частей ее, требуя от человека непрестанно борьбы с ней, вырабатывала физическую силу и отличающийся железной твердостью суровый характер, ясно выражавшийся в скандинавской религии. Эта религия, обещающая павшему в битве блаженство в Валгалле или в чертоге Тора, будучи сама порождением народного духа, в свою очередь действовала на него, поддерживала в норманнах беззаветную храбрость. Пиратство было для многих норманнов обычным занятием; многие из них почти всю жизнь проводили на морях, на своих кораблях, которые они называли образно «морскими волками» или «морскими конями». Норманны увлекались иногда битвой до того, что в воинственном опьянении доходили до настоящего неистовства, рубили, не разбирая своих и чужих.

Корабли норманнов были малы (вместляли до 60 человек), могли идти и под парусами, и на веслах, и были вооружены башней, откуда норманны метали в неприятеля стрелы и камни. Нос корабля украшался обыкновенно позолоченным изображением какого-нибудь зверя, чаще всего — дракона. Так как

корабли были малы, то число их во флотах викингов было иногда очень значительно, достигая нескольких сотен. Во главе норманнских отрядов, состоявших в массе из свободных поселян, стояли обыкновенно лица знатного, княжеского происхождения, которые, собрав себе отряд, назывались королями, морскими королями. Высадившись на неприятельском берегу, норманны грабили, что можно было забрать, уводили жителей в плен и потом продавали их в рабство на скандинавских рынках. Норманны беспощадно жгли сёла, монастыри (норманны язычники особенно свирепствовали против христианского духовенства), целые города. О том ужасе, какой внушали их нападения, свидетельствует читавшаяся тогда в церквях молитва: «а fugote Normannorum libera nos, Domine».

В разных странах туземцы различно называли норманнов. Во Франции их звали большей частью пиратами, у испанских арабов они известны были под именем «Madschus», т. е. язычников, у кельтических яров — под именем остманнов, в Англии — датчан, в восточных странах — варягов. По всей вероятности, сначала норманны совершали экспедиции по берегам самой Скандинавии, дробившейся тогда на массу мелких владений, часто враждебных друг другу. Позднейшие морские экспедиции норманнов совершались по трем главным направлениям: на запад — к берегам Англии, Ирландии, Шотландии, Исландии; на юго-запад — к берегам Германии, Франции и далее в Испанию и в Средиземное море, и на восток — на берега Балтийского моря.

В Англии норманны явились в первый раз в 787 году. Со второй четверти следующего столетия высадки их там стали повторяться очень часто. Так, значительное число их высадилось в 835 году на Корнуаллском берегу. Норманны были отбиты, но все новые и новые толпы их продолжали приплывать к берегам Великобритании. Норманны вскоре стали прочно селиться в стране, подчиняя себе туземное население. Так началась в Англии упорная борьба между англо-саксами и пришлыми «данами» (датчанами), которым удалось подчинить своему игу сначала Останглию и Нортумберланд, а потом распространять временами свою власть почти на всю Англию (в конце X, в первой половине XI веков). Лишь несколько лет спустя по смерти Канута Англия освободилась от датчан, но лишь для того, чтобы вскоре, по смерти Эдуарда Исповедника, быть завоеванной выходцами из французской Нормандии. Норманны рано стали посещать также Шотландию и окружающие острова (Гейбридские, Оркадские и др.). Оркады долго служили пиратам местом отдыха и убежища. В 861 году норманн Надодд был бурей прибит к берегу Исландии и его рассказы вскоре привлекли туда много колонистов из Норвегии. В 982 году норманны открыли Гренландию, южный берег которой был колонизован ими. Они плавали даже к берегам Северной Америки, так что им принадлежит честь открытия этой части света за пять столетий до Колумба.

Во Франции норманны появились при Карле Великом (ок. 800 г.) и произвели большие опустошения. Тогда же датчане сделали нападение на оботритов, поселённых в саксонских областях, и вторглись во Фрисландию. При ближайших преемниках Карла Великого набеги норманнов стали учащаться, повторяясь почти ежегодно. Им благоприятствовали раздоры сыновей Людовика Благочестивого, а потом слабость последних Каролингов и феодализация Франции, приводившая к ослаблению центрального правительства. Норманны грабили северный и западный берега Франции, поднимались вверх по рекам

(по Шельде, Сомме, Сене, Лауре, Гаронне, Роне и др.). Они были настолько сильны, что, не ограничиваясь грабежами сельских округов, они стали нападать на большие города, грабили Суассон, Париж, Тур, Орлеан, Анжер, Труа, Шалон, Дижон и ин. др. Особенно страдала Франция от них при Карле Толстом, часто откупавшемся от норманнов значительными денежными суммами — но это лишь еще более приохотивало норманнов к набегам. После неудачной осады норманнами Парижа (885—886) Карл, вызвавший своей слабостью общее неудовольствие, был низложен и королём стал защитник Парижа, Эд. В конце IX века во главе норманнских отрядов, вторгшихся во Францию, стал знаменитый Роллон. После нескольких набегов он утвердился в Руанской области, население которой радо было подчинением ему освободиться от постоянных разорений. Захваченные Роллоном земли были впоследствии формально уступлены ему Карлом Простоватым. Так было основано в начале X века герцогство Нормандия. Набеги норманнов на французские области продолжались и после утверждения Роллона в Нормандии.

Нападениям норманнов подвергались также Фландрия, Фрисландия и северный берег Германии: они плавали вверх по Рейну, Маасу, грабили Кёльн, Ахен, Бонн, Трир, Вормс. Но в Германии они встретили более сильное сопротивление, чем во Франции. Плавая вдоль западного берега Франции, норманны стали проникать далее на юг. Впрочем, экспедиции норманнов в Испанию и в Средиземное море происходили сравнительно редко. В 844 норманнами напали на Астурийский берег, но были отбиты. Они разграбили много мавританских поселений, явились под Севильей, разбили войско эмира. При следующих вторжениях они грабили берега Галиции, арабской Испании, часть африканского берега, остров Минорку, остров Майорку и др. В XI веке норманны часто занимались в Испании для борьбы с маврами. В Италии норманны явились в половине IX века. Опустошив Балеарские острова, они вошли в порт тосканского города Луны и хитростью овладели им. В 1016 году многочисленный (по летописным известиям, 40 человек) отряд норманнов, возвращавшихся из пилигримства в св. Землю, помог князю салернскому в борьбе с сарацинами, осаждавшими его город. Итальянцы, поражённые храбростью и силой норманнов, стали приглашать их к себе на службу. С тех пор всё новые и новые отряды норманнов прибывали в Южную Италию, и им удалось вскоре основать там маленькое норманнское владение. Несколько времени спустя Роберт Гюискар создал в Южной Италии и Сицилии сильное норманнское государство.

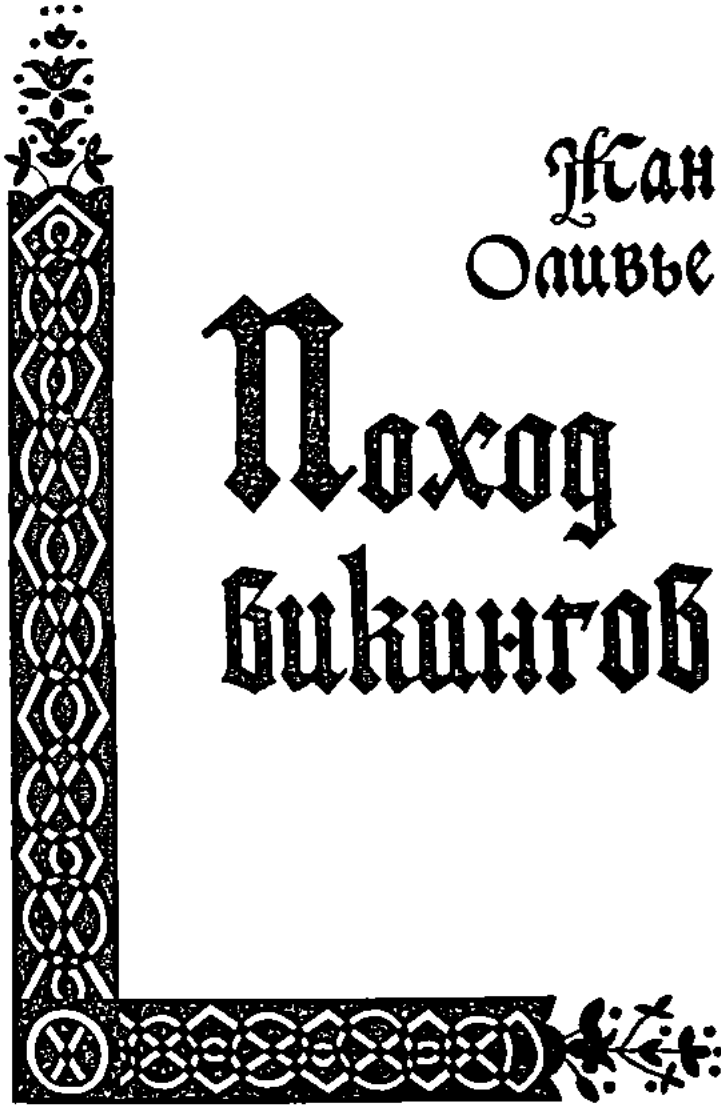
На восток от Скандинавии, на восточном побережье Балтийского моря, норманны появились очень рано. Здесь они частью вступали в мирные торговые сношения с туземным населением, частью насильственно утверждались среди него. В значительном числе встречались норманны и в Византии, большей частью в качестве наёмных воинов. Византийские императоры высоко ценили их храбрость и силу.

Д. К.

(Энциклопедический словарь
Брокгауза и Ефрона, СПб, 1897)

Жан
Оливье

Лексикон
Букваров

Эта повесть, ребята, расскажет вам об интересной и малоизвестной странице истории — открытии Америки скандинавскими мореплавателями — викингами в конце X века, за пятьсот лет до плавания Христофора Колумба. Герой повести, подросток Лейф Турлусон, совершил свое путешествие в Америку на корабле Эйрика Рыжего. Об приключениях Лейфа и его брата Скъольда вы прочтете в этой, увлекательной книге.

Перевод с французского
А. Брандис и Э. Шрайбер

ПОХОДЫ ВИКИНГОВ И ОТКРЫТИЕ АМЕРИКИ

Спроси кого хочешь: «Кто открыл Америку?» — и тебе ответят: «Известно кто — Христофор Колумб».

В любом учебнике можно прочесть, что отважный генуэзский мореплаватель отправился в 1492 году на поиски морского пути в Индию и «нечаянно» открыл Новый Свет, который, по недоразумению, был назван Америкой — в честь флорентийского географа Америго Веспуччи, кажется и не принимавшего непосредственного участия в поисках земель по ту сторону Атлантического океана.

Самому Колумбу и его современникам казалось, что открытые им многочисленные острова и богатейший, обширнейший материк — не что иное, как тропическая Восточная Азия, иначе говоря — окраинные острова и полуострова Старого Света. А потом, когда окончательно установили, что Христофору Колумбу посчастливилось открыть новый континент, его имя, озаренное мировой славой, навсегда вошло в историю.

Все это давно и всем известно. Но в действительности, как показали новейшие исследования, с именем Колумба связано одно из величайших исторических заблуждений.

Конечно, он совершил географический подвиг и достоин своей славы. Однако к берегам Нового Света Колумб направлялся не наугад, а имея под руками более или менее точные карты и лоции, составленные для него неизвестными мореходами, побывавшими в Америке еще раньше.

Советский ученый Д. Я. Цукерник установил, что первая карта Кубы была создана не моряками Колумба, а их предшественниками. Тот же исследователь, изучая дневник Колумба, записки его сына Фердинанда, участников первой экспедиции Колумба к берегам Америки и другие источники, сделал вывод, что генуэзский мореплаватель заранее знал, что плывет не в Азию и не прокладывает морской путь в Индию. Он уверенно шел в Новый Свет!

Впрочем, эти поправки, внесенные советским ученым в историю открытия Америки, дела не меняют. Ведь только со времени плаваний Колумба началось массовое переселение европейцев в Новый Свет, было положено начало географическим исследованиям и освоению громадных территорий за океаном, хищническому разграблению природных богатств, порабощению и истреблению индейцев.

Так началась в истории Америки новая эпоха — жестокая и кровавая эпоха колониального разбоя.

Однако ни сам Колумб, ни его безвестные ближайшие предшественники не были первыми европейцами, проникшими на американские земли. Еще лет за пятьсот до Колумба в Америке появлялись скандинавские викинги. Правда, их редкие поселения были разбросаны не на островах Карибского моря и не на берегах Центральной Америки (так далеко на юг викинги не заплывали), а в северной части континента, на полуострове Лабрадор и пониже — под сороковыми широтами.

Скандинавские мореплаватели — первые европейцы, которым принадлежит бесспорная историческая заслуга открытия Нового Света. Но плавания скандинавов в Америку пришлось не ко времени и не могли привести к таким значительным последствиям, как экспедиция Колумба.

В скандинавских странах не существовало тогда крепкой государственной власти и богатых купцов, которые могли бы поддержать, как это делалось позднее, инициативу смелых мореходов. Торговые связи между странами в эпоху раннего средневековья были слабы, судоходство развито недостаточно, да и не было еще необходимости в освоении новых земель за океаном. Поэтому попытка викингов колонизовать Северную Америку оказалась всего лишь случайным героическим эпизодом, в истории географических открытий. Обстоятельства не позволили скандинавам прочно закрепиться на этих далеких берегах. Но то, что им удалось совершить на исходе X века, вызывает изумление и сейчас, спустя почти тысячу лет после тех незабываемых событий, о которых рассказывает Жан Оливье в своей увлекательной повести «Поход викингов».

Историческая правда не во всем совпадает с художественным вымыслом писателя. Опираясь на подлинные документы и старинные предания, он дополняет в воображении недостающие факты, а в некоторых случаях совмещает события, происходившие в разное время. Но, прежде чем говорить о самой повести, посмотрим, как происходило все в действительности и какие сохранились сведения о невыдуманных героях этой книги.

Родина викингов — Норвегия. Суровая природа, скудная почва, высокие горы, бездонные пропасти и глетчеры, отделяющие одну заселенную долину от другой, трудность обработки земли и ограниченность территорий, пригодных для земледелия, — все это заставляло предприимчивых скандинавов искать счастья на стороне. Издавна этот народ связал свои судьбы с морем. Холодное, северное море сделало викингов бесстрашными. В постоянном единоборстве со стихиями природы выживали самые сильные и выносливые. Рослые, крепкие, могучие скандинавы были рыбаками, и купцами, и пиратами. С юных лет привыкли они к опасным плаваниям среди бесчисленных островов и рифов, охраняющих норвежские берега от ярости океана, научились лавировать в излучинах глубоких фьордов, словно

вырубленных в отвесных скалах богатырским мечом Одина — бога войны, дарующего победу в битвах.

Во всей Европе не было тогда более искусных моряков и кораблестроителей. Их прочные дубовые корабли выдерживали любые штормы и отличались поразительной быстротой. Эти вместительные суда с прямыми парусами, узкими обводами, острым килем, рассчитанные на двадцать — тридцать пар весел и несколько десятков человек экипажа, имели спереди мощный волнорез, поверх которого вздымалась голова дракона — высокий загнутый нос в форме буквы S.

Объединенные в воинские дружины — «морские короли», так себя называли викинги, — проводили на кораблях большую часть жизни. Суеверные язычники, они упорно сопротивлялись влиянию христианской церкви и долго еще продолжали следовать своим варварским обычаям после того, как в начале XI века христианство стало официальной религией в скандинавских странах.

Викинги приносили жертвы богам, одухотворяли силы природы, верили в магию и волшебство, прислушивались к предсказаниям прорицателей. Они презирали смерть и богам своим пророчили гибель. Каждому богу приписывались свои спутники — животные, и душа человека, его двойник, являлась после смерти в зверином облике. Мир викинга был населен «оборотнями», призраками и всевозможными таинственными существами.

Мифологические представления древних скандинавов отражают воинские идеалы так называемой эпохи викингов (800—1050). Верховный бог Один — творец и создатель рода человеческого, бог-воитель, мудрец и судья, покровитель мореплавания и торговли, напоминает племенного вождя — конунга. Жена его Фригг (или Фрейя) — богиня плодородия. Брат Тор — бог-громовержец, вооруженный каменным молотом, покровительствует земледелию и походит на скандинавского бонда (крестьянина), который его и почитает. Дочери Одина и Фрейи, валькирии — воинственные девы, — приводят храбрейших воинов, павших в бою, в чертог мертвых — Валгаллу, где они пируют вместе с богами. Бог Локи, злой и неуживчивый, вносит в мир разрушительное начало. Он стоит между богами и великанами и будет сражаться с богами в последней битве перед концом мира. Кроме великанов, олицетворяющих стихийные, разрушительные силы природы, скандинавская мифология знает еще карликов — троллей, владеющих несметными сокровищами в недрах гор, лесных духов — эльфов, духов огня, воды и т. п. В сказаниях о богах, полнее всего запечатленных в мифологических песнях «Эдды» (так называется сборник старинных песен, составленный в XIII веке), отразились и более древние семейные отношения матриархата, когда во главе рода стояла женщина — мать.

Мифологические представления определяли миросозерцание скандинавских викингов, а в прозаических сагах, записанных в XII—XIII веках, но сложенных двумя столетиями раньше, выражалась их житейская мудрость. Саги рассказывали на посиделках в длинные зимние вечера, и одной саги могло хватить на целую неделю. Чтобы запомнить наизусть несколько пространственных саг, нужно было обладать необыкновенной памятью. Таких людей было немного, и они пользовались всеобщим почетом.

Герои большинства саг — реально существовавшие лица, которые прославили свой род подвигами в сражениях или в морских походах. Потомкам было лестно сознавать, что к их роду принадлежали такие замечательные люди. Поэтому в каждой саге сначала излагается родословная героя до десятого колена и выше, а потом уже начинается рассказ о его жизни и подвигах. Большое место занимает в любой саге история распрей героя с соперниками, судебных тяжб, кровавых поединков и убийств, порожденных жестокими обычаями родовой мести. В одной из таких саг, «Сага об Эйрике Рыжем», рассказывается об открытии исландскими мореплавателями Гренландии и Северной Америки. Наряду с другими сказаниями эта сага послужила первоисточником, откуда Жан Оливье почерпнул необходимые исторические сведения для повести «Поход викингов».

Пускаясь в далекие плавания, скандинавы совершали дерзкие набеги на города и селения, расположенные по морскому побережью и течению больших судоходных рек. Само слово «викинг» первоначально означало морской набег на прибрежное поселение или бухту («вик»). Викинги или, как называли их в других странах, норманны («северные люди») опустошали берега Франции, терроризировали внезапными нападениями жителей Италии и Британских островов, бороздили Средиземное море, добираясь до Константинополя, грабили феодальные замки, сжигали монастыри, завоевывали земли и основывали на них норманские поселения. Дружинные певцы — скальды — прославляли в своих витиеватых песнях удадь и отвагу «морских королей», отнюдь не считая морское разбойничество зазорным промыслом. Норманские водные пути опоясывали всю Центральную, Западную и Южную Европу. Не довольствуясь этим, викинги проходили через русские земли по рекам и суше, до самого Черного моря, а оттуда — в столицу Византии Константинополь. Этот древнерусский торговый путь — «из варяг в греки» — значительно сокращал расстояние, хотя и был нелегким: между реками тяжелые ладьи приходилось протаскивать волоком.

В глубине России, отрезанные от широкого моря, викинги не осмеливались промыслять грабежами и разбоем, предпочитая вести мирную торговлю. Недаром русские называли их варягами (от слова «варяжить» — торговать). В некоторых са-

гах содержатся упоминания о походах викингов в Древнюю Русь, которая была известна скандинавам под именем Гардарики («Страна городов»).

Варяги нередко нанимались на военную службу к русским князьям или к византийскому императору, чтобы вернуться через несколько лет на родину с богатой добычей или сложить буйную голову на чужой земле.

Вообще норманны удивительно легко умели приспособляться к любым условиям и перенимали язык, нравы и обычаи более передовых в культурном отношении народов, чьи земли они разоряли и завоевывали (северная часть Франции и поныне называется Нормандией).

Одновременно викинги прокладывали морские пути и в северо-западном направлении, постепенно осваивая и заселяя Оркнейские, Гебридские, Шетландские и Фаррерские острова, где еще раньше селились поодиночке или небольшими группами ирландские монахи-отшельники. А еще дальше к западу простирались обширные пустыющие земли, которые вскоре также были открыты, исследованы и колонизированы викингами, и эта колонизация имела особенно большое значение для истории скандинавских стран.

Началось с того, что норвежский конунг Гаральд Прекрасноволосый после долгой междоусобной войны объединил под своей властью среднюю и северную Норвегию. К 872 году ему удалось сломить сопротивление мелких племенных вождей и установить в стране единодержавие. И вот тогда знатные норманны — ярлы, — не желавшие подчиниться королевской власти, стали покидать Норвегию вместе со своими дружинами, родичами и рабами. Они грузили на корабли свое имущество, скот и даже бревна для постройки домов, чтобы восстановить на новых землях старые порядки. К тому времени была уже открыта Исландия, куда и хлынул основной поток переселенцев. Несколько десятилетий спустя, к 930 году, в Исландии насчитывалось около 25 тысяч жителей.

До середины XII века, пока Исландия не подпала под власть норвежских королей, там сохранялся общинно-родовой строй. Во главе каждого округа стоял старейшина — жрец и одновременно судья, которого избирали из своей среды свободные общинники — бонды. Они же и смещали старейшину, если он не оправдывал доверия. Все спорные дела решались на сходках — тингах. Кроме того, раз в год «самые умные люди страны» собирались на общенорвежский тинг — альтинг.

За исключением рабов, все исландцы были свободными. Но число рабов постепенно уменьшалось, а к концу XI века рабовладение и вовсе исчезло.

В этих своеобразных условиях воспитывались свободолюбивые люди, обладавшие сильным характером, завидным мужеством и чувством собственного достоинства. Позже, когда власть

родовых старейшин стала переходить по наследству, патриархальная демократия начала быстро разрушаться и в стране усилились внутренние раздоры.

Исландия была своего рода заповедником древней скандинавской культуры. Долгое время здесь сохранялись в неприкосновенности старинные обычаи и предания, забытые в феодальной Норвегии. Здесь были сложены многочисленные саги и песни скальдов — замечательные произведения художественного творчества древних скандинавов. От изрезанных фьордами исландских берегов отправлялись корабли в далекие неизведанные моря.

В начале X века один норвежец, по имени Гунбьерн Ульфсон, плыл в Исландию. Буря отбросила его далеко на запад, к скалистым островкам, за которыми виднелась гористая, покрытая снегом земля. Тяжелые льды помешали Гунбьерну высадиться на эту землю. Позже выяснилось, что норвежский викинг достиг прибрежных гренландских островов, названных шхерами Гунбьерна. Прошло около восьмидесяти лет, но таинственные шхеры Гунбьерна продолжали манить воображение мореплавателей.

Из Норвегии был изгнан за убийство Эйрик Торвальдсон, по прозвищу Рыжий. Это был человек неумеренной энергии и к тому же еще своевольный. Он поселился в Исландии, но не ужился и на новом месте. По решению альтинга он должен был удалиться в изгнание «за беспокойный нрав». Ослушание грозило смертью, да и в Норвегию путь ему был заказан. И тогда, как гласит старинная рукописная «Книга земледельцев», Эйрик Рыжий решил искать страну, которую видел Гунбьерн, сын Ульфа, когда он блуждал по морю к западу от Исландии и открыл шхеры Гунбьерна. Он (Эйрик) уверял, что вернется к своим друзьям, когда найдет эту страну.

Так и случилось. Эйрик не только достиг шхер Гунбьерна (это было в 981 году), но двинулся дальше в юго-западном направлении, вдоль гренландского побережья, и высадился на зимовку возле мыса Фарвель (южная оконечность Гренландии). В течение трех лет (таков был срок изгнания) он внимательно исследовал гренландские берега, облюбовывая участки для будущих поселений. На юго-западной стороне оказались в некоторых местах защищенные от ветра и покрытые зеленью долины, что и дало Эйрику основание назвать эту суровую северную страну Гренландией («Зеленая Земля»). В той же «Книге земледельцев» говорится по этому поводу следующее: «Он назвал ее Гренландией, так как полагал, что люди больше будут стремиться в страну с красивым названием».

Вернувшись в Исландию, Эйрик стал восхвалять страну, лежащую за шхерами Гунбьерна, и вербовать колонистов. В 985 году он повел в Гренландию флотилию из двадцати пяти судов, из коих до места назначения дошли только четырнад-

цать: одни повернули вспять, другие были потоплены бурей. Основанный Эйриком Рыжим поселок Братталид и другие селения стали быстро разрастаться. Из Исландии прибывали новые суда с колонистами, искавшими вторую родину на этой скованной льдами земле. Впрочем, историки утверждают, что в те времена климат в Гренландии был значительно мягче.

В том же 985 году, когда Эйрик привел в Гренландию первые исландские корабли, случилось еще одно примечательное событие. Норвежский викинг Бьярни Херюльфсон прибыл со своей дружиной в Исландию, чтобы повидаться с отцом. Узнав, что его отец отправился вместе с Эйриком в Гренландию, Бьярни пустился за ними наугад, но был отнесен ветрами и течением к далекой лесистой земле, которую позднейшие историки отождествили с материком Северной Америки. Ветер переменялся, и Бьярни, даже не высадившись на незнакомый берег, повернул корабль и благополучно достиг Гренландии. Эйрик Рыжий был очень недоволен, узнав, что Бьярни не исследовал неизвестную страну, куда был заброшен «по дикой прихоти волн». Но только пятнадцать лет спустя Лейф Эйриксон, сын Эйрика Рыжего, снарядил корабль и отправился в далекий путь, указанный Бьярни.

Лейф и его спутники (приблизительно в 1000 году) высадились сначала на пустынном каменном берегу Хеллуланда («Страна плоских камней»), потом поплыли вдоль береговой линии к югу и высадились вторично в лесистой местности, названной Маркландом («Лесная страна»). По-видимому, это был остров Ньюфаундленд. Наконец, путешественники спустились еще южнее, к заливу, известному под именем «Мэн». Привлеченные мягким климатом, рыбными реками и зарослями дикого винограда, найденного дружинником Туркиром, норманны назвали эту благодатную землю Винеландом («Страна вина»), а самому Лейфу присвоили прозвище «Счастливый». Благополучно перезимовав в бревенчатом доме Лейфсбудир («Жилище Лейфа»), мореплаватели на следующий год вернулись в Гренландию. Так было открыто восточное побережье Северной Америки. А потом начался следующий этап — колонизация новых земель.

Не прошло и года, как брат Лейфа, Торвальд Эйриксон, вместе с викингом Торфином Карлсефни отправился тем же морским путем на запад и основал на земле Винеланд первый норманский поселок. Норманны вошли в соприкосновение с местными жителями — скрелингами, которые были одеты в звериные шкуры и очень боялись быков и коров, привезенных колонистами из Гренландии.

Кто такие скрелинги? Высокие плечистые норманны так называли низкорослых эскимосов. Вполне возможно, это слово («скрелинг» — значит «карапуз») приобрело и более широкий смысл, как обозначение всякого «туземца». Ведь в тех ши-

ротах, где предположительно находилась земля Винеланд, норманны могли встретить не только эскимосов, но и стройных, красивых индейцев, к которым слово «скрелинг» в своем первоначальном значении никак не применимо.

Как бы то ни было, мирная меновая торговля скоро сменилась враждебными действиями с обеих сторон. В одной из стычек Торвальд Эйриксон был убит скрелингами. Его заменил Торфин Карлсефни, приведший на эти земли в 1007 году несколько кораблей с новыми колонистами. Несомненно, плавание норманнов в Америку продолжались и дальше, но документальные свидетельства до нас почти не дошли. Известно только, что норманские поселения существовали там до середины XIV века.

В повести «Поход викингов» использованы основные исторические факты об открытии норманнами Гренландии и Северной Америки. Но не следует забывать, что это художественное произведение, а не научное исследование.

Выдвинув в центр повествования Эйрика Рыжего, автор заставил его совершить путешествие не только в Гренландию, но и в Америку, хотя известно, что одно событие было отделено от другого пятнадцатью годами и героем второго плавания был сын Эйрика, Лейф Эйриксон. Сам же Эйрик, по-видимому, не принимал непосредственного участия в открытии Северной Америки.

Есть в повести и некоторые другие отклонения от летописных источников и старинных сказаний, запечатленных в исландских сагах. Но вряд ли следует упрекать за это автора, так как древние источники часто противоречат друг другу и дают, в общем, очень скудный фактический материал. Для воплощения художественного замысла писателю приходилось иной раз жертвовать установленными фактами или, наоборот, добавлять вымышленные; чтобы создать напряженное действие — стягивать события во времени; ради стройности сюжета — устанавливать между героями произвольные родственные связи (например, Лейф Счастливый в действительности был родным, а не названным сыном Эйрика Рыжего). Но при всем том повесть Жана Оливье в основном верна исторической правде.

Писатель прекрасно воссоздает своеобразный колорит эпохи викингов, породившей неустрашимых мореплавателей и первооткрывателей новых земель; рисует суеверные обычаи и суровые нравы скандинавов, показывает особенности уцелевшего в Исландии и уже обреченного на исчезновение патриархально-общинно-родового строя.

Выразительно очерчены и образы героев. Решительный и упорный характер Эйрика Рыжего, этого богатыря исландских саг, основавшего в Гренландии первые норманские поселения, соответствует сохранившимся о нем сведениям. Рядом с монолитной фигурой Эйрика мы видим его верного спутника Бьярни

Турлусона, скальда, воспевающего подвиги своего друга. Как живые встают перед нами и оба брата, Лейф и Скъольд, которым суждено совершить немало славных дел. Скъольд остается с поселенцами в Гренландии, а Лейф, одержимый желанием открыть новые земли, отправляется вместе с Эйриком и Бьярни еще дальше — на юго-запад, где они находят счастливую страну Винеланд. Как ни жаль было Лейфу разлучаться со Скъольдом, он не мог поступить иначе: мудрый обычай предков не позволяет братьям плыть на одном корабле, чтобы в случае гибели не пресекся род.

Волнующая сцена встречи норманнов с американскими индейцами и заключения между ними дружеского союза, быть может, не так уж далека от исторической правды. Мы знаем из саг, что на первых порах викинги мирно уживались с местными жителями — скрелингами. Но самое главное в этих ярких эпизодах — благородная мысль о необходимости установления мира и дружбы между народами разных континентов, мысль, обращенная скорее к нашему времени, чем к эпохе тысячелетней давности, когда народы, разделенные морями и горами, жили обособленно и мало знали друг друга.

Следует обратить внимание и на образы отрицательных персонажей — Рюне Торфинсона, его сына Торстейна и всех приспешников этого разбогатевшего неправедными путями исландского клана. Обрисованы они не менее выразительно и с не меньшей жизненной правдивостью, чем положительные герои. Алчность, злоба и мстительность родовой верхушки, фактически уже отколовшейся от рядовых дружинников, ускорили, как мы знаем, разложение патриархальной демократии норманнов.

Жан Оливье, автор этой книги, — современный французский писатель, успешно работающий в жанре исторического романа для юношества. Во Франции его книги пользуются большой популярностью и неоднократно были отмечены премиями на конкурсах лучших произведений для детей и юношества.

Имя этого писателя известно и в нашей стране. В русском переводе в 1961 году была издана его историческая повесть «Колен Лантье», воскрешающая в художественных образах события Жакерии — антифеодальной крестьянской войны во Франции XIV века. И в повести «Колен Лантье» и в «Походе викингов» Жан Оливье раскрывает события далекого прошлого с позиций передовой исторической науки нашего времени. Писатель дает правильное представление о расстановке и борьбе общественных сил разных исторических эпох, и это делает его книги еще более интересными и поучительными для наших читателей.

Евг. Брандис

Часть первая

Глава I

ВОЗВРАЩЕНИЕ ЭЯРИКА РЫЖЕГО

Мальчики прижались к скале и перевели дух. Старший, Лейф, повернулся к брату. Его смелое лицо стало суровым от напряжения.

— Мужайся, Скъольд! До вершины уже недалеко, а моя шапка полна яиц. Океан ревнив. Слышишь, брат, как он ревет, словно бык?

В его ясных зрачках заиграли веселые огоньки, смягчив резкие очертания носа, крепко вылепленных скул и широкого подбородка. И он с облегчением засмеялся, как бы гордясь своими мускулами, своей ловкостью и сообразительностью, которые помогли ему преодолеть крутую стену, нависшую над фьордом, — безраздельное и неоспоримое владение чаек, тушиков и морских ласточек. Ослепительно белые зубы сверкали, как у молодого волка. Улыбка раздвигала сочные губы, резко выделявшиеся на матовом лице. Он медленно обвел взглядом бескрайнюю даль, будто желая запечатлеть в памяти всю необъятную Вселенную, окаймленную тонкой линией туч.

На горизонте небо и море, казалось, покачивались воедино. Безмятежное спокойствие воздуха и морских просторов нарушалось лишь равномерными набегами волн. С глухим рокотом они разбивали свои пенные гребни о серые рифы Боргарфьорда.

— Ну как, Скъольд, отдохнул? Карабкайся за мной, не бойся!

— Дай мне отдышаться, Лейф. У меня все руки в крови и

кружится голова. Так недолго и разбиться об эти проклятые скалы. Я не могу двинуться с места.

Лейф сунул за пазуху шапку с яйцами и протянул брату руку:

— Неужели ты боишься, викинг?

— Нет, Лейф, я просто выбился из сил.

Лейф опять засмеялся, да так громко, что вспугнул чаек, вивших гнезда в расщелинах скалы.

— Скъольд, Скъольд,— продолжал он,— спой во весь голос песню Рагнара Лодброка, и кровь, как огонь, снова побежит по твоим жилам. Никогда не забывай, Скъольд, сын Вальтёфа, что ты из породы ярлов, презирающих усталость и страх. Пой, брат! Пой громче!

Скъольд рассмеялся вслед за братом и запел. Казалось, слова знаменитой песни бросали вызов береговому утесам, беспредельному морю, крикливым чайкам. Мальчика увлек ритм песни. Голос его крепчал, становился все громче, звонче и разносился над каменным хаосом до самого небесного купола, омытого весенними грозами:

Я гибну, но мой смех еще не стих.

Мелькнув, ушли дни радостей моих.

Я гибну, но пою последний стих*.

Выражение восторга преобразило его доброе, с тонкими чертами лицо, озаренное какой-то необычайной мягкостью, которая струилась из глубины его глаз. В зеленых зрачках Скъольда отражались озера, снежные вершины, тучи и грозы. Эти два зеркала, одинаковые, как близнецы, отражали все смятение его чувств.

Песня лилась, а голос звенел все громче и громче. Когда последние слова эхом отдались среди береговых скал, к мальчику уже полностью вернулось спокойствие духа.

— Я готов, Лейф,— сказал он.— Я крепко стою на ногах.

И Скъольд еще туже стянул свою куртку кожаным поясом с костяной застежкой.

— Держись крепче, брат! Нам еще придется трудно, но я уже вижу траву на вершине.

Нога Скъольда ощущала каждую неровность скалы. Тропинка, протоптанная дикими козами, казалось, висела в пустоте, как легкий каменный мост. Внизу, на расстоянии двухсот футов, по обеим берегам речки Хвиты, раскинулись поселок и пристань Эйрарбакки, образуя прихотливый узор из квадратов и прямоугольников, окруженных стенами оград и массивными скалами, загородившими фьорд. Уединенные фермы на склонах узкой долины, небольшие амбары, разбросанные там и сям на дальних пастбищах, дозорные башенки, посаженные на камен-

* Здесь и далее стихи в переводе Д. М. Горфинкеля.

ные зубцы утесов,— все это с такой головокружительной высоты казалось придавленным громадой каменной гряды.

Чем дальше мальчики подвигались вперед, тем сильнее бились их сердца. Еще немного, и они победят гору!

Олаф и Торфин, лучшие среди их сверстников ползуны по скалам, и те никогда не осмеливались на такой подвиг.

Да и среди взрослых мало кто отважился хоть раз в жизни пройти по этой козьей тропе. Рассказывали, правда, что давным-давно, еще в первые годы поселения викингов на берегах Исландии, некий Ивар без костей в любое время года, пренебрегая опасностью, пробирался по отвесной стене к гнездам белых с черными пятнами диких соколов — за птенцами, которых он затем дрессировал. Но это были только предания далеких времен, когда на земле еще властвовали боги — Один, Тор и могучая Фрейя.

Из-под ног Лейфа выскользнул камень, но юноша успел ухватиться за выступ скалы, окаймлявшей плоскогорье. Камень покатился вниз, подпрыгивая и ударяясь о гранитную стену. Четыре, пять, шесть отскоков! Прижавшись к стене, Скульд не услышала шума от удара камня о прибрежные рифы.

Лейф напряг мускулы и подтянулся на плато.

— Дай труку, Скульд!

Он привлек брата к себе и положил ему руки на плечи. Глаза его сверкали, как в тот день, когда на состязаниях в Брейдавики он победил в единоборстве Эгиля.

В эту минуту у Скульда мелькнула мысль, что в опасных подвигах — вся прелесть жизни для его брата.

— Скульд! — воскликнул Лейф. — Подумай только, ведь мы взобрались на самую вершину скалы! Завтра ты должен будешь воспеть этот подвиг, как скальд Стюркар воспел победы Глума Вонтеля. Эта новая сага прогремит в мире. Моряки и кушцы, покидающие наш остров, донесут до родной земли наших отцов славу о сыне Вальтофа, Лейфе Турлусоне, которому в пятнадцать лет удалось победить скалу над Боргарфьордом.

Скульд нахмурился. Уже не в первый раз Лейф в час победы приписывает всю славу себе одному и забывает о брате. Но почему? Только потому, что он на два года старше, что плечи его шире, а мускулы крепче? А может быть, потому, что он привык верховодить сверстниками во время игры в мяч, стрельбы из лука и метания дротика? Или потому, что он с легкостью может переплыть фьорд и уже научился объезжать никакорослых полудиких лошадей, которых разводит их отец в горной долине Окадала?

А разве он, Скульд, при этом испытании рисковал меньше Лейфа? Разве он не прошел вслед за братом весь опасный путь?..

Лейф угадал мысли младшего брата. Но сейчас было не время для обид.

— Скъольд! Слушай, зеленоглазый викинг! Я хочу сказать тебе, что слава сыновей Вальтёфа перелетит через моря. Но в нашем роду испокон века старший сын носит оружие викинга, а младший воспевает великие подвиги своего времени. По словам нашего отца, Вальтёфа, род Турлусонов всегда тем и был знаменит, что одновременно воспитывал и воинов и поэтов. А их современники равно почитали и тех и других.

— Ты прав, Лейф, Арни Турлусон Тихий в давно минувшие времена привел наш род из Норвегии на остров Флокки, который он назвал Исландией. И, как только первый норвежский домик появился в Окадале, отец Арни, Освир Турлусон, сложил большую сагу о новой земле. Это было давно, очень давно, но нить преданий никогда не обрывалась. Вот и наш отец Вальтёф — воин, он доходил на своем дракаре до берегов страны франков. А наш дядя Бьярни Турлусон...

— Тише, Скъольд! Не искушай неведомых духов, с которыми, может быть, борется в эту минуту наш дядя Бьярни Турлусон, великий скальд.

Братья умолкли. На их загорелые лица падали мелкие брызги, приносимые ветром с моря, и в то же время другой ветер, из глубины острова, насыщенный талой водой ледников, развеивал светлые волосы мальчиков.

Лейф и Скъольд находились на неровном плато, выпуклом, как щит, и усеянном серыми камнями и пучками исландского мха. Это было место, где сталкивались ветры, мчавшиеся из неведомых краев. Далеко-далеко из розовой дымки утра выступали высокие горы Исландии, перерезая горизонт. У подножия горной гряды раскинулась унылая, бесплодная страна. Недаром весь остров сохранил название «Исландия», данное ему первым поселенцами. Это одновременно могло означать «Страна ледников» и «Пустынная страна».

Лейф бросил в воздух горсточку соли — дар древним богам, которым давно уже не поклонялись. Один, Тор и Фрейя канули в небытие вместе с древними легендами, но старинный обычай бросать богам щепотку соли не был забыт, и о нем вспоминали в дни значительных событий. Лейфа не покидало восторженное состояние.

— Скъольд! Мы победили скалу! Этими словами будет начинаться сага о братьях Турлусонах. Наша жизнь будет полна подвигов, как амбар — зерна. Мы с тобой отправимся в далекий путь на дракаре с длинными веслами. Я буду сражаться, а ты — петь. Имя твое прославится, сочетаясь с моим. Твои песни останутся в памяти нашего народа, властителя морей. Спой же, брат мой, песню о дракаре, спой ее для меня здесь, над морем!

— Но ведь песню о дракаре сложил дядя Бьярни, а ты знаешь, что с того дня, как он уехал, наш отец...

— Мы здесь одни, Скъольд! Слушай, я доверяю тебе важную тайну! — Юноша понизил голос: — Вальтёф, наш отец, тоску-

ет со времени отъезда своего брата, Бьярни, как тосковал бы и я, если бы ты уехал от меня в далекие страны. По ночам он ворочается в постели, стонет, призывает брата. После смерти нашей матери дядя Бьярни стал для отца самым дорогим человеком и таким же священным, как старое дедовское кресло с резными ручками, стоящее у очага. Отец говорил мне, что дядя Бьярни прославил нашу мать на веки веков, воспев мужество, с каким она приняла смерть. Так прекрасно этого не мог бы сделать ни один скальд. Когда дядя Бьярни вернется, отец встретит его с распростертыми объятиями и забудет оскорбление, которое тот ему нанес, пустившись в незнакомое море с изгнанником Эйриком Рыжим...

— Лейф! Лейф! Не произноси этого имени!

Лейф рассмеялся, и в голосе его звучала вся гордость викинга.

— Не произносить? Да я поклялся быть похожим на этого человека, который на голову выше всех...

— Замолчи, Лейф, замолчи! — Скъольд подскочил к брату, пытаясь зажать ему рот. — Горе тебе, Лейф! Старейшины Исландии строго-настрого запретили произносить имя Эйрика Рыжего.

Но Лейф смеялся все громче и громче, и, казалось, никакие силы мира не могли бы удержать слова, рвавшиеся из его уст:

— Эйрик Рыжий — самый великий и самый гордый из викингов! Он осмелился бросить вызов судьям альтинга. Он осмелился сказать им, что море не кончается у шхер Гунбьерна. Что море катит свои седые волны гораздо дальше! Он не побоялся сказать, что намерен перейти запретную границу и плыть дальше шхер.

— Эйрик Рыжий изгнан, Лейф... Ты не имеешь права...

— Эйрик Рыжий свободен, как и все, кто последовал за ним. Свободен и наш дядя Бьярни. Судьи альтинга не пустятся искать их в чужие моря, которые бороздит «Большой змей», Эйрик Рыжий — морской ярл, и я, Скъольд, той же породы. Я не побоюсь пропеть сложенную нашим дядей песню дракара перед жителями Эйрарбакки и перед судьями, приговорившими его к изгнанию...

Я сяду на лихого скакуна.
Меня помчит он в голубые дали.
Холмы, леса — они не для меня,
Я полюбил изменчивое море.

Ветры, кружившие над плоскогорьем, подхватывали стихи Лейфа, разнося слова, как дикие семена, что прорастут потом на неведомой земле. Голос Лейфа звучал сурово и глухо, иногда обрываясь чем-то похожим на стон.

Мальчики были одни на огромном плоскогорье. Грубая шерстяная куртка и кожаные штаны, прихваченные у колен и за-

правленные в высокие сапоги из воловьей кожи, похожие на толстые мокасины, мало защищали от порывов ветра, но братья, казалось, даже и не чувствовали холода. Им не давала покоя мысль, которая с прошлой весны, после решения судей альтинга об изгнании Эйрика Рыжего, будоражила умы всех жителей Эйрарбакки: кончается ли море у шхер Гунбьерна, этого пустынного архипелага, замеченного некоторыми моряками после двух суток плавания на запад? А что, если...

— Лейф! Лейф! Смотри на море... туда...

Вытянутой рукой мальчик указывал какую-то точку на горизонте, где в море вдавалась западная коса фьорда. К великому удивлению Скъольда, Лейфа это несколько не поразило.

— Я заметил это раньше, Скъольд. Это парус дракара поднимается из-за морских вод. Я не спешил об этом говорить, приняв его сначала за облачко на горизонте. Но теперь я уверен, что это парус. Ты понимаешь, Скъольд, — парус судна!

— Парус судна. Но оно не из наших, не из Эйрарбакки, не с Гебридских островов, не из Брейдавика. Весь наш флот в море, у восточного побережья. Люди из Брейдавика говорили, что пошли большие косяки трески и суда останутся там до тех пор, пока канаты не сотрут в кровь руки рыбаков.

— Все это я знаю. Слепая ворона и та заметила бы, что в гавани пусто. Неужели ты не догадываешься, Скъольд, какой корабль направляется к нам с запада? Это... это... Клянусь кольцом Фрейи, это...

«Кольцом Фрейи!» Эта старинная клятва произносилась только в самых торжественных случаях... Смутная мысль зародилась в мозгу Скъольда. По спине его пробежала дрожь — дрожь ужаса и восторга.

— Ты думаешь, Лейф?.. Ты клянешься кольцом Фрейи и молниями Тора?

Каждый из них разделял восхищение другого, не решаясь выразить обыкновенными словами то, что их так волновало и в чем они больше не сомневались.

— Нужно, чтобы мы были первыми. Дозорный на молу не может заметить судно, которое так далеко. Он долго еще не поднимет тревоги.

— Нужно, чтобы мы были первыми, — мечтательно повторил Скъольд. — Поэтому мы, наверно, и заговорили о дяде Бьярни... — И он приложил ладонь к глазам, чтобы лучше видеть. — Да, да, потому мы о нем и заговорили. Ветер с моря донес до нас дыхание дяди Бьярни.

Не в силах больше сдержаться, Лейф воскликнул:

— Эйрик Рыжий вернулся! Эйрик Рыжий уже близко! Он правит прямо на Эйрарбакки. Теперь-то мы узнаем, где кончается море. Если Эйрик Рыжий нашел проход через шхеры Гунбьерна, значит, он побывал в самом конце моря.

— И дядя Бьярни сплет сагу о новых землях. О Лейф, ве-

ришь ли ты, что Эйрик нашел за морем другие земли... земли, подобные тем, откуда пришли наши отцы, где деревья сплелись вершинами и уходят в необозримую даль?

— Не знаю, видел ли он деревья, но я уверен, что дядя Бьярни смотрел в оба.

Воцарилось молчание. Парус рос на их глазах, расправляясь, как птичье крыло. Он был квадратной формы и укреплен на мачте, вделанной нижним концом в большую деревянную колоду.

Высоко приподнятые нос и корма не оставляли сомнения в том, что это за корабль. Это был «Большой змей», построенный по замыслу Эйрика Рыжего, — торговое судно, достойное плавать в океане и противостоят бурям в открытом море.

Солнечный луч, скользнув по волнам, на мгновение осветил находившееся все еще далеко чудесное судно, и Лейф со Скульдом отчетливо различили красные полосы паруса и алую голову дракона над носом корабля.

— Эйрик Рыжий вернулся! Пойдем, Скульд, и поскорее расскажем всем!

— Но ведь Эйрик Рыжий был изгнан из Эйрарбакки, — опасно заметил Скульд.

— Теперь его уже никто не изгонит. Эйрик Рыжий везет важные вести. Он узнал правду о море, которое находится за островами...

Порывистым движением Лейф выхватил из куртки свою шапку с яркой бахромой, наполненную яйцами чаек.

— Я жертвую всю нашу добычу во славу Эйрика Рыжего, дяди Бьярни, во славу всех храбрых моряков с «Большого змея»! Пусть донесет ее к ним волна! — И он вытряхнул над грозной пучиной содержимое шапки.

— Пойдем, Лейф, — сказал его брат. — Пора поделиться со всеми нашей новостью.

И они пустились бегом по скале. В пятистах шагах была расщелина, и там начинался покатый склон к выгону, где паслись стада их отца, Вальтьофа.

Глава II

«БОЛЬШОЙ ЗМЕЙ»

«Большой змей» мощно взрывал волну. Далеко в море вдавалась горловина фьорда, похожая на глотку собаки, ощерившей клыкастую пасть.

Эйрик и Бьярни неподвижно стояли на носу судна, не в силах оторвать взор от берегов родной Исландии, где они не были уже целый год. Вскинув голову, Эйрик отбросил назад две огненно-рыжие косы, по обычаю схваченные на затылке костяным гребнем.

— Послушай, Бьярни: необходимо, чтобы нам дали обо всем рассказать. Мы должны найти верные слова. Такие слова, которые поведали бы о наших подвигах. Слова, внушающие уважение.

— Достаточно и того, что ты вернулсЯ, Эйрик. Это будет красноречивее всяких слов.

В Эйрике Рыжем угадывалась необыкновенная сила. Это был человек больше шести футов ростом, с округлыми, как гладкие скалы, плечами и такой широкой грудью, что стягивавшая ее оленья куртка, на которой Рагнар Кузнец расположил сотни металлических кружков, похожих на чешуйки большой рыбы, казалось, вот-вот должна была лопнуть по швам. От колен до щиколоток шерстяные штаны были защищены тюленьими крагами. На викияге были сапоги из кожи задних ног вола, сшитой таким образом, что копыто служило каблукoм, предохраняя моряка от скольжения на палубе. На поясе висел кинжал с узким клинком и рукоаткой, инкрустированной ракушками. Рукава куртки, закатанные выше локтя и заколотые костяными булавками, открывали волосатые, с выпуклыми мышцами руки, похожие на ветви дуба, которыми размахивают могучие ветры на плоскогорьях Финмарка*.

Холодная решимость его взгляда внушала уважение. Голубые глаза под дугами косматых рыжих бровей освещали все его лицо каким-то особым блеском, подчеркивая резкие скулы, тяжелые челюсти, мощный подбородок. Лицо это словно высечено было из непокорного гранита рукою смелого скульптора, который обработал его лишь вчерне, пренебрегая мелкими деталями. Широкий лоб, крупный нос, решительные губы, глубокие складки на щеках от глаз до подбородка — все выражало в нем твердую, властную, непреклонную волю. Тот, на ком хоть раз останавливался этот пристальный взгляд, никогда уже не мог забыть Эйрика Рыжего.

Бьярни Турлусон был скроен на тот же лад, но на голову ниже Эйрика. Волосы, собранные и станутые на затылке узким ремешком, свободно ложились на плечи. На его подвижном лице, как в зеркале, отражалось все, что было на сердце, а веселая беспечность, искрившаяся в глазах, смягчала суровость, свойственную всем мореплавателям.

— Эйрарбакки!.. — тихо произнес Бьярни. — Мой брат Вальтгоф, наверно, потерял покой и сон с тех пор, как мы оставили родные места. Он питал к тебе большое уважение, Эйрик, но, когда я последовал за тобой, гневу его не было границ. «Ты идешь против закона, Бьярни, против закона! Альтинг, изгнав Эйрика, потому что никто не может покинуть Исландию без разрешения судей. Ты пошел против закона, и закон обернется против тебя». Вальтгоф человек мудрый. С него достаточно и родных горизонтов, и он гордится лугами Окадала.

* Финмарк — старинное название Дании.

Эйрик положил руку на плечо друга.

— А все же, что бы ты ни говорил, я буду просить твоего брата Вальтёфа отправиться с нами на новую землю. Человек он благоразумный и, я уверен, не откажется нас сопровождать.

— Как бы не так! Да он никогда не покинет своих земель, своей фермы в Окадале, своих хлевов и скота, своих сыновей и рабов, своего корабля и запасов ячменя.

— Да ему ничего и не придется покидать, кроме дома и пастбища. Сыновья и рабы последуют за ним на новую землю. Он поплывет туда на своем корабле и захватит с собой все свои богатства. Этой ночью я много раздумывал, Бьярни. Мы не имеем права брать себе всю огромную землю, что открыли за шхерами Гунбьерна. Эта новая страна должна расширить владения викингов. На южных склонах там прекрасные пастбища. Мы создадим новые поселения, и для этого надо, чтобы за нами последовали десятки исландских семейств. У нас будут десятки кораблей и десятки ферм. Это будет продолжением великого похода викингов на Западное море. Мы посеем ячмень и посадим капусту, а рыбы в тех местах такое множество, что ничего подобного не увидишь в водах наших фьордов. Оба лагеря, которые мы уже наметили, со временем превратятся в такие же, как Нидарос на Гебридских островах... А потом... потом, Бьярни, мы поднимем паруса и пойдем дальше, дальше, дальше, может быть — прямо на солнце!.. — И он решительно сплюнул в бурлящее море. — Но не это я им скажу, Бьярни. Викинги в Исландии давно разучились понимать язык моряков. Я буду говорить с ними на языке земледельцев, так чтобы они меня поняли. И, клянусь, мне это удастся. Тором и Гердой клянусь, нашими великими богами...

Он проговорил это глухо и печально. Две глубокие складки на его лице выступили еще резче.

— Раз ты вернулся сюда, Эйрик, великая мечта викингов не погибла... — вполголоса произнес Бьярни.

— Судьи альтинга изгнали меня за то, что я решил покинуть Исландию и уйти в море навстречу неизвестности. «Ты больше не вернешься на свои земли, Эйрик, — сказали они мне. — Ты сам отрезаешь себе путь в Исландию». Какая насмешка и какое оскорбление для наших предков! Обуреваемые страстью к путешествиям, они отважно пускались в путь, едва закончив весенние работы на полях. В этом был смысл их жизни. Они с песней брали на бордаж новые моря. Но теперь все изменилось. Нынешние законы Исландии определяют пути кораблей и людей, как день и ночь определяют часы бодрствования и сна.

— В прежние времена законы были разумны, Эйрик. Все мужчины уходили торговать с родиной отцов¹ на новых судах, способных вынести любые бури, а работу на полях предоставляли рабам.

¹ Имеется в виду Норвегия.

— Эти времена давно миновали,— усмеялся богатырь.
— Правда, кое-кто сохранил в сердце любовь к морю, но таких можно по пальцам перечесть. Среди них и твой брат Вальтёф. Вот эти люди мне и нужны.

Бьярни весело засмеялся:

— Ты шутишь, Эйрик! Вальтёф больше всего на свете любит горную долину Окадаля и луга, где пасется его скот. Мне ли не знать Вальтёфа, своего родного брата! Человек он ровный и тихий. Мы с Вальтёфом ровесники. Мы сидели с ним рядом на веслах. Вместе сражались у берегов страны франков, вместе без страха шли навстречу опасностям. Мы делили с ним и лишения и добычу. Такого человека нужно только хорошенько расшевелить, и он прозреет.

«Большого змея» сопровождали пронзительные крики чаек. Зеленые блики на море свидетельствовали о близости берега.

Бьярни умолк. Великая мечта Эйрика Рыжего распалила его воображение, но ему не верилось, чтобы исландские викинги поддались на уговоры. Ведь до новых земель плыть нужно долго. А в Исландии, на этом суровом острове, выросло совсем другое племя: оседлое, трудолюбивое, мало склонное пускаться навстречу опасностям, даже следуя за таким умным и храбрым человеком, как Эйрик Рыжий.

Все двадцать пять человек экипажа высыпали на палубу, заполнив боковые проходы между баком и ютом. Несколько человек, чтобы лучше видеть, даже взобрались на шкуры, натянутые над трюмом между обоими проходами. Только два моряка оставались у мачты, чтобы управлять парусом. Эти люди, все без исключения, раньше были рабами и принадлежали роду Эйрика. Еще два года назад они носили белые одежды, как было положено невольникам, и ходили с бритыми головами. Из чувства преданности Эйрику они последовали за ним в изгнание, а он в день отплытия на запад поднес каждому кубок пива в знак освобождения от рабства.

Среди них преобладали датчане, коренастые и молчаливые, но были также потомки пиктов* и уроженцы Гебридских островов. Этих последних легко было отличить по внешнему виду. Высокие, темноволосые, с зелеными задумчивыми глазами, они были сыновьями или внуками военнопленных, выросли в Исландии, обзавелись семьями и носили имена викингов: Гаральд, Торвальд, Рагнар, Эгиль, Торстейн, Бранд, Веф, потому и не чувствовали себя в этом племени чужаками. К дому Эйрика Рыжего они были привязаны скорее по старой привычке, чем из необходимости повиноваться. Когда Эйрик решил держать курс на запад, они распрощались с семьями в полной уверенности, что никогда больше не ступят на землю, куда нельзя будет вернуться их господину.

* Пикты — племя, населявшее древнюю Шотландию.

А теперь они снова видели перед собой Исландию и возвращались в родные края людьми свободными, с длинными волосами. Естественно, что все были веселы и взволнованны.

Уроженцы Гебридских островов затянули песню, переходившую у них из поколения в поколение, медленную и протяжную, проникнутую тоской по родине. Слова этой песни были непонятны даже им самим, но мелодия чаровала всех, кто ее слушал, и растрогала Эйрика и Бьярни.

Волны становились все сильнее и все чаще ударяли в борта судна. Солнце уже было высоко, и тень, отбрасываемая мачтой, постепенно сокращалась. Мол Боргарфьорда тонкой полоской протянулся в море, а за ним на сером горизонте уже угадывались очертания поселка.

— Ты готов следовать за мной, Бьярни?

— До конца... даже предстать рядом с тобой перед судьями альтинга. Скоро мы услышим, как зарычит от гнева Рюне Торфинсон, этот поборник законов, когда узнает о нашем возвращении.

Веселые огоньки заиграли в глазах Бьярни. Еле заметная усмешка скользнула по губам Эйрика.

— Слушай, Бьярни, что греха таить: ведь мы, как безумцы, готовы уплыть на край света и ради этого не посчитаемся ни с какими законами. Но теперь мы от радости блеем, как этот старый козел Рюне Торфинсон. А почему? Потому, что перед нашими глазами — пристань Эйрарбакки и утесы Боргарфьорда, куда мы детьми всегда мечтали взобраться.

— А помнишь, Эйрик, как мы развесив уши слушали рассказы о похождениях Ивара без костей, этого дьявола, которого и на свете-то не существовало?

Эйрик Рыжий промолчал. Видимо, он раскаивался, что на какую-то минуту дал волю чувствам.

— Ветер меняется, Бьярни. Сейчас самое время взяться за весла, чтобы войти в воды фьорда.

На кауп-скипе, торговом судне с широким обводом, которое называли круглым, в отличие от длинного дракара, веслами пользовались только для подхода к берегу.

Эйрик дал отрывистую команду, и большая часть экипажа тотчас же скрылась в глубине трюма. Не прошло и минуты, как десять пар длинных весел начали равномерно разрезать волну.

«Большой змей» выровнялся и пошел дальше без крена.

Бьярни остался на носу и поглаживал шею вознесенного над кораблем дракона, как гладят верное животное. Эйрик не спеша подошел к нему и положил руку на плечо друга.

— А ты знаешь, Бьярни, что ждет тебя, если альтинг откажется нас выслушать и снова осудит?

Бьярни скорчил шутливую гримасу.

— Знаю, Эйрик: веревка палача и могила на торфяном болоте. Я рискую тем же, чем и ты. Но я уверен — они тебя

выслушают. Они устроят тебе торжественную встречу: ты возвращаешься победителем, а они так нуждаются в твоей силе! Да, да, они тебя непременно выслушают — недаром у них в жилах еще течет кровь великих викингов.

— Эта кровь отяжелела, Бьярни!

— Кровь викингов не может отяжелеть — она наполовину из морской воды. А если мы застанем Руне Трофинсона в живых, он подскочит до потолка, когда мы объявим, что открыли новый материк.

Люди, не занятые на веслах, стояли, облокотившись о борта, и указывали друг другу разные места вдаль на берегу — знакомые бухты, загоны для скота на склонах долины, и грубые северные имена в их устах становились благозвучными.

— Ты ищешь дом Вальтёфа, Бьярни?

— Его нельзя различить до тех пор, пока мы не войдем во фьорд. Я думал о сыновьях Вальтёфа — Лейфе и Скъольде. Старшему, Лейфу, в начале новой луны минуло пятнадцать лет. Этот будет настоящим викингом. Еще ребенком он мечтал о морских бурях.

— Пятнадцать лет. Взрослый мужчина! В его годы я уже ходил на дракаре Гаральда Длинноволосого и считался самым сильным гребцом. Когда Гаральд стал ярлом на Оркадских островах, он отдал мне свой дракар. Это был корабль на пятнадцать пар весел... От души желаю твоему племяннику познать морскую славу!

— Гляди, Эйрик, вот и Эйрарбакки!

Теперь селение уже отчетливо выступало из серых вод, и гладкие камни на крышах блестели, как рыба чешуя.

— Послушай, Эйрик, — сказал Бьярни, — здесь ничто не изменилось, а мне Эйрарбакки кажется теперь меньше, еще более скученным, чем в тот день, когда мы подняли парус.

— Это мы изменились, Бьярни, и расширились наши горизонты. Мы раздвинули границы моря. Разве поймут нас те, кто живет за этими изгородами и ничего не видит дальше своего пастбища и домашнего очага? Разве будут им понятны наши слова?

— Если у стариков сердце стало таким же заскорузлым, как кожа, нам, Эйрик, надо будет обратиться к молодым. Эти-то нас поймут!

Внезапно «Большой змей» перестал скрипеть и стонать: южный волнорез Боргарфьорда сразу укротил волну. Впервые за много дней палуба перестала качаться под ногами у моряков. Расслабив мускулы, привыкшие к постоянному напряжению, они вдруг ощутили приятную истомиу, а глаза, утомленные однообразием морских просторов, сощурились при виде отвесных скал, вздымавшихся, казалось, до самых небес.

— Смотри, Эйрик, на молу уже собираются люди!

— Любопытно, нет ли среди них этого старого козла Руне

Торфинсона? Он-то никогда не забудет старую вражду. Это так же верно, как то, что Эйрик Рыжий и Торстейн Торфинсон до самой смерти останутся врагами.

Две глубокие морщины, перерезавшие щеки викинга, поблгровели, словно кровь внезапно прилила к рубцам старых ран.

— Торстейн Торфинсон никогда не вернется в Исландию, Эйрик. Он страшится твоего гнева. Он живет в изгнании, и никто не знает, в какой стране...

Позабыть это было невозможно.

Три года назад Торстейн, сын Рюне Торфинсона, убил Торвальда Рыжего, отца Эйрика, из-за спорного клочка земли в верховье реки Хвиты.

Преступник скрылся, но Бьярни знал, что подобная ненависть прекращается только со смертью. Там, где несправедливо была пролита кровь, ячмень уродится соломой. Для Торстейна лучше было бы никогда не возвращаться в Исландию.

Весла равномерно ударили по воде. Чайки, крича, кружили над мачтой.

С расстояния в четыре полета стрелы от пристани Бьярни разглядел Рюне Торфинсона, отца Торстейна-убийцы, старшину альтинга, к чьему голосу прислушивались в совете. Облаченный в красную мантию, которую он носил на собраниях альтинга, Рюне что-то говорил, обращаясь к кучке таких же старцев, как сам.

Эйрик, казалось, и не замечал этого человека, особенно пылко ратовавшего за его изгнание.

— Я вижу твоего брата Вальтгофа, Бьярни. Он пришел с обоими сыновьями. За время нашего отсутствия орлята заметно подросли. Они пришли встретить тебя. А вот меня никто не ждет. Разве что мои враги!..

Крупным шагом он пересек бак и, взяв из рук моряка шкот квадратного паруса, громко отдал команду.

Подняв весла, викинги дали судну медленно подойти к причалу;

Неторопливо, точными движениями перехватывая шкот, Эйрик спустил большой парус.

Никто не заметил, как по его щекам скатились две слезы.

Глава III

ГНЕВ ЛЕЙФА

Альтинг был одновременно и народным собранием и судом Исландии. Двадцать четыре старейшины — главы наиболее старинных и уважаемых родов острова — собирались в Длинном Доме, средоточии общественной жизни Эйрарбакки,

и вершили суд и расправу. Собрания происходили в простом зале, вымощенном большими каменными плитами. В том же помещении в зимние дни юноши и взрослые мужчины состязались в силе и ловкости — боролись, гоняли мячи деревянными клюшками. В этом же зале год назад двадцатью головами против четырех Эйрик Рыжий был осужден на пожизненное изгнание, если не выбросит из головы безумную мысль вывести свой дракар в открытое море, за шхеры Гунбьерна.

В день возвращения непокорного Эйрика возле Длинного Дома царило необычайное возбуждение.

Как только парус был спущен и «Большой змей» пришвартован веревкой из моржовой кости к одному из битенгов причала, Эйрик Рыжий, Бьярни и их спутники, не произнося ни слова, не отвечая на вопросы, которые сыпались на них со всех сторон, даже не здороваясь с родными и друзьями, направились прямо к зданию альтинга, показывая этим, что веряют себя защите закона. Они шли ухабистой дорогой, по обе стороны которой за изгородами виднелись норвежские домики с мощными дворами. Эйрик даже не взглянул на свою собственную ферму, наблюдение за которой доверил Лункдюру, бывшему рабу, отпущенному на волю еще Торвальдом Рыжим, его отцом.

Следуя обычаю, путники оставили оружие на борту «Большого змея».

Раб, приставленный к Длинному Дому, распахнул перед ними дверь, и каждый, перед тем как переступить каменный порог, ударял по нему правой ногой. Раб стоял у входа, дожидаясь окончания этой церемонии. Толпа, следовавшая за ними, остановилась на просторной площадке перед Длинным Домом. Впереди стояли старейшины — Руне Торфиксон и другие члены альтинга. Глубокие морщины залегли на лбу у Руне и окружавших его старейшин. От обиды, злости и досады почернели лица их приверженцев. Но каковы бы ни были их чувства, все эти люди держались с большим достоинством.

Вальтоф стоял рядом с сыновьями, которым удалось первыми принести ошеломляющую новость.

Когда Лейф, запыхавшись, неожиданно вбежал во двор, он застал отца на крыше дома за починкой кровли: старик заменял новыми плоские камни и куски торфа, сорванные осенней бурей.

— Отец! — кричал Лейф. — Эйрик Рыжий вернулся! Я узнал «Большого змея», узнал красный с белыми полосами парус!

Юноша умышленно не упомянул имени Бьярни.

Вслед за старшим братом ту же новость сообщил Скъольд.

— Эйрик Рыжий вернулся! Эйрик Рыжий сейчас будет здесь! — кричал он.

Вальтоф тотчас же накинул на рубаху с короткими ру-

кавами широкий плащ из козьих шкур. Нужно было предупредить Рюне Торфинсона и членов альтинга. «Боги, молю вас,— твердил он, запыхавшись,— сделайте так, чтобы брат мой Бьярни остался цел и невредим!»

Он увидел Бьярни, и сердце радостно застучало в его груди. Как только взгляд его встретился со взглядом младшего брата, все недовольство исчезло, как улетучивается дурной сон с наступлением дня. А этот огонек, что искрится в серых глазах Бьярни! Нет, путешествие его совсем не изменило.

— Отец,— спросил Скъольд,— как ты думаешь, что решит альтинг?

— Не знаю, сын мой. Старейшины уже совещались между собой. В Брейдавик, Скаттакот и к восточному берегу, где идет лов рыбы, посланы конные гонцы. Людям предложено как можно скорее вернуться в Эйрарбакки. Видимо, будет созван всенародный сход, на котором члены альтинга сообщат о своем решении.

Лейф, не сдержавшись, перебил отца:

— А Эйрик Рыжий и дядя Бьярни получают право защищаться?

— Сначала, сын мой, будут говорить судьи, хранители закона.

— Но будет слишком жестоко, если самым смелым из викингов вынесут приговор, не дав молвить слова в свою защиту!

— Эйрик Рыжий был изгнан за то, что восстал против законов, Лейф. Исландские викинги не могут жить без законов. Рано или поздно это привело бы нашу страну к полному упадку. Какими бы достоинствами ни обладал Эйрик, он не может безнаказанно бросать вызов законам.

Толки в толпе вокруг Вальтофа и его сыновей разом смолкли. Все с одобрением прислушивались к мудрым словам хозяина Окадала. Даже сам Рюне Торфинсон наострил уши.

— Но разве люди, подобные Эйрику и Бьярни, не выше закона? — упрямо продолжал Лейф. — Разве их смелость не искупает вину? Ведь раньше никто не отважился выйти за шхеры Гунбьерна.

Рюне Торфинсон грубо оттолкнул мальчика.

— Вальтоф,— сказал он,— с каких это пор молокососам дозволено разглагольствовать в собраниях взрослых? Ты внушаешь сыновьям пагубные мысли. Уж не взойшли ли тут семена, посеянные Бьярни? Разве для твоей семьи мало брата, который не посчитался с законами и последовал за изгнанником?

Злой огонь зажегся в плутоватых глазах Торфинсона. Голос его звучал угрюмо и глухо.

Вальтоф опустил голову. Ему было недовольно чувствовать себя мишенью для сотен глаз... Он пробормотал что-то

в свое оправдание. Скъольд робко прижался к отцу. Старый Рюне Торфинсон внушал ему страх. Он не осмеливался заглянуть в его маленькие холодные глаза, зоркие, как у морской чайки.

— Лучше бы ты вернулся на свою ферму, Вальтьоф! Тебе тут нечего делать. Твой брат Бьярни Турлусон и без того доставил нам много неприятностей. И, если мне не изменяет память, ты был в числе немногих, защищавших Эйрика Рыжего перед альтингом. Что же касается твоих сыновей, то не пора ли им подрезать коготки? Эти Турлусоны...

— Турлусоны ни в чем не уступят Торфинсонам! Если бы ты не был таким старым гнилым бревном, я заставил бы тебя, Рюне Торфинсон, подавиться своими ядовитыми словами! Посмотри на меня хорошенько, беззубый старец! Я — Лейф Турлусон, сын Вальтьофа, племянник Бьярни, морской викинг.

Лейф сдавил руками плечи Рюне Торфинсона и тряс их, как пыльное одеяло.

Многие из присутствующих кинулись вперед, чтобы утихомирить юношу, но остановились, услышав его слова:

— Я скажу полным голосом то, что думают втихомолку сотни людей. Ты завидуешь мощи и отваге Эйрика Рыжего, Рюне! Завидуешь его молодости и силе! Ты хотел изгнать его навсегда, чтобы все забыли, что твой сын Торстейн — убийца благородного Торвальда Рыжего...

— Замолчи, Лейф! Заклинаю тебя, замолчи! — кричал Вальтьоф.

Но легче было бы остановить ураган. Глаза Лейфа метали молнии, а молодая кровь румянила бледные щеки...

— Так вот, раз все молчат, раз все викинги Исландии гнут спину, как рабы, я не побоюсь сказать то, что думаю!

Наступило молчание, прерываемое только криками чаек. Люди, схватившие было Лейфа, отступили и взглянули на юношу с уважением, которое невольно внушает храбрость.

Лейф повернулся к брату.

— Скъольд, — сказал он, — наша тайна принадлежит мне лишь наполовину. Разрешешь ли ты мне ее открыть?

Вальтьоф смотрел на сыновей так, будто они вдруг перестали быть плотью от его плоти, и в его круглых, слегка нависающих глазах можно было прочесть растерянность.

Рюне Торфинсон в последний раз попытался вмешаться:

— Вальтьоф! Я требую именем закона: прикажи своему дьяволенку заткнуть глотку!

Но люди, стоявшие в первом ряду, заметили, как внезапно дрогнул голос непреклонного старца. Его поблекшие щеки драблом обвисли, а глаза стали похожи на две узкие щелки, в которых сквозила тревога. Красная шерстяная мантия болталась на его старческом теле, которое, казалось, на глазах у всех осело и съежилось, словно уклоняясь от удара.

Скольдь шагнул вперед. Отец не стал его удерживать.

— Лейф,— воскликнул он,— скажи им всю правду! Пусть у викингов развяжутся языки!

Лейф вскочил на большой камень у входа в Длинный Дом и поднял руку, чтобы произнести клятву.

— Слушайте меня, люди! Торстейн Торфинсон, убийца Торвальда Рыжего, прячется здесь, в Исландии, а его отец, Рюне Торфинсон, хранитель законов, вот уже полгода, как укрывает сына от приговора альтинга. С каких это пор в законах Исландии появилось два разных мерила?

Медленно повернувшись в сторону главного судьи, Лейф скрестил руки на груди и продолжал:

— Разве я солгал, Рюне Торфинсон? Разве твой сын Торстейн с женой Альфид и десятком рабов не скрываются в глубоких пещерах на северной стороне фьорда Аслакстунга? И разве он не спрятал за скалой свой дракар, сняв с него мачту?

По рядам пробежал глухой ропот, шум стал разрастаться, слышались бранные слова, удивленные восклицания, гневные выкрики. Однако Рюне Торфинсона так боялись, что никто не решился потребовать от него ответа на тяжкое обвинение. Меж тем закон викингов был ясен: под страхом суровой кары никто не смел приютить у себя преступника или оказать ему помощь.

Хитрый старик уловил это колебание и понял, что еще может склонить чашу весов на свою сторону.

Его губы скривила презрительная усмешка, обнажив остатки гнилых зубов, которым он и был обязан своим прозвищем — Рюне Беззубый. Ровным и спокойным голосом он обратился к толпе:

— Детские речи — что игра света на воде и отпечатки волн на песке. По ним можно судить, какие разговоры ведут между собой старшие у домашнего очага.— И он указал пальцем на Вальтьофа, неподвижно стоявшего в первом ряду.— Вальтьоф Турлусон, ты вонзил в сердце своего сына острые стрелы вражды. А теперь, как раз в тот день, когда вернулись изгнанники, ты хочешь пустить в ход клевету и внести сумятицу в нашу жизнь. Каждый из присутствующих здесь знает, что мой сын Торстейн покинул Исландию и отправился в неизвестные края. Викинги с открытой душой! Взгляните же на Вальтьофа Турлусона! Он вобрал голову в плечи! Он не знает, как себя вести, и застыл, как ворона в снегу. Отвернитесь же от Вальтьофа Турлусона! Клеветнику нет места в нашей общине!

Бедный Вальтьоф и впрямь походил на виновного. Хитрый Рюне Торфинсон ловко воспользовался его замешательством. Вальтьоф всегда был молчалив, а после смерти жены своей Гурид все больше и больше отдалялся от жителей Эйрарбакки. Он хорошо чувствовал себя только среди обитателей Ока-

даля, так же как и все они, носил одежду из звериных шкур и грубого сукна, довольствовался сушеной рыбой, кашей и сыром. Происходя из рода херсиров, он в молодости плавал по морям, но после смерти отца с головой ушел в хозяйство... Его лошади считались лучшими в Исландии, и уходу за ними он уделял большое внимание. Среднего роста, коренастый, немного неуклюжий, он с виду ничем не отличался от простых крестьян, еще недавно бывших рабами. Он был немногословен, говорил с трудом, а добровольное затворничество сделало его еще более нелюдимым. Он души не чаял в своем брате Вьярни и всячески его оберегал. Потом, став отцом семейства, Вальтьоф делил свою любовь между братом и сыновьями, любовь тайную и нежную, но он не мог понять характеров Лейфа и Скульда, их жизнерадостности и восторженности, как не понял когда-то отважного, своенравного, обаятельного Бьярни.

Он стоял растерянный, заикался и ничего не мог возразить на желчные нападки Рюне Торфинсона. Его бессилие можно было принять за признание вины.

— Что же ты молчишь, лгуи Вальтьоф, говори же! — издевался старик.

Соседи невольно отодвинулись от Вальтьофа, а из дальних рядов раздались крики:

— Отрезать ему язык!

— Лжец! Подлый лжец! Пусть убирается отсюда и лжет на другой земле!

— Нужно хорошенько высесть сыновей лжеца! И накормить их солью!

— Правильно! Пусть едят соль, пока не распухнут их языки!

Рюне Торфинсон усмехнулся.

А Лейф даже не шелохнулся. Стоя на камне, он возвышался над шумной толпой. Юноша еще раз протянул руку, и этот простой и властный жест заставил умолкнуть крикунов. Настала грозная тишина.

— Слушайте меня, исландские викинги! Если мои уста произнесли ложь, я готов принять кару Большого орла. Сегодня я отвечаю за честь Турлусонов, потомков морских ярлов.

Его звонкий голос разносился во все стороны и звучал как удары молота о железный щит.

— Слушайте меня, Торgrim, Ньюорд и Льет Криворотый! Вы только что кричали на моего отца, Вальтьофа. Так вот, если я лгал, я поставлю спину под ваши острые мечи, чтобы вы вырезали на ней орла, и пусть этот кровавый орел дойдет до моих костей. У Рюне Торфинсона хорошо подвешен язык,

---

* *Херсир* — один из мелких племенных вождей в Норвегии до образования государства.

и ему легко вас морочить. Но я собственными глазами видел в водах фьорда Аслакстунга судно Торстейна и самого Торстейна, наблюдавшего за своими рабами во время рыбной ловли. Кольцом Фрейи клянусь, что это чистая правда!

— Я тоже клянусь! Мой брат Лейф сказал правду. Я был вместе с ним в Аслакстунге, — промолвил Скъольд и стал рядом с братом.

Глум Косоглазый, гигант с тяжелой челюстью из клана Рюне Торфинсона, прочистил горло и вышел вперед.

— Мы никогда не бываем в таких далеких краях, как Аслакстунга, — сказал он. — Ведь там ничего не растет, кроме мха. Зеленые глаза Скъольда лукаво сверкнули.

— Вот потому-то там и скрывается Торстейн. Лодка его отца доставляет туда караван ячменного хлеба, сыр и козьи мехи с пивом. Торстейн ест, спит и прячется в берлогое, как медведь.

— Скажи, Вальтьоф, — обратился к викингу Гаральд Толстопузый, — это правда, что ты позволяешь сыновьям ходить в северную часть острова, куда не забираются даже рыбаки? Их речи начинают меня убеждать.

Вальтьоф помотал головой и собрался с силами, чтобы ответить.

— Лейфу пятнадцать лет, — сказал он. — Лейф охотится, ловит рыбу и умеет управлять парусом. Он присматривает за младшим братом. Почему же мне запрещать им ходить куда вздумается? Когда их предку Арни Мудрому было пятнадцать лет, он уже стоял во главе флота. В пятнадцать лет викинг настоящий мужчина. — И он замолчал, будто утомившись от непривычно длинной речи.

— Лейф, — продолжал Гаральд Толстопузый, — если все, что ты говоришь, правда, почему же ты молчал до сих пор?

Этот вопрос был на устах у всех. Старый Рюне Торфинсон понял, что общее мнение меняется не в его пользу. Он попытался возвести последнюю плотину против волны, которая увлекала бы его за собой, если бы сын Вальтьофа доказал, что он прав. Необходимо было выиграть время, чтобы Торстейн успел покинуть Исландию. Как отвлечь внимание толпы, отвести ее любопытство в другую сторону?

— Слушайте меня, викинги! Мы потратили много времени на пустые пререкания. Пусть Вальтьоф с сыновьями возвращаются к себе, а Эйрик Рыжий, Бьярни Турлусон и их люди ожидают в Длинном Доме, пока судьи альтинга вынесут свое решение... Прежде чем выскажутся старейшины, я предлагаю выслушать сейчас главаря изгнанников. Пусть Эйрик Рыжий заявит во всеуслышание, что побудило их вернуться в Исландию. Если он и те, кто с ним, нарушили закон, пустившись в далекое плавание, то еще более неслыханная дерзость — их возвращение к берегам Боргарфьорда.

Рюне Торфинсон ловко вывернулся. Весть о возвращении Эйрика Рыжего прогремела как гром среди ясного неба, взволновав все население Эйрарбакки. Даже ярые приверженцы хитрого старика сгорали от нетерпения узнать историю изгнанников.

— Именем богов, Рюне Торфинсон, мы тебе доверяем! — заревел Глум. — Пусть Турлусоны убираются к себе домой, а Эйрик Рыжий предстанет перед нами!

— Я хочу ответить на вопрос Гаральда Толстопузого! — закричал Лейф.

Рюне нетерпеливо щелкнул пальцами. Глум Косоглазый, грубо расталкивая стоявших плотной стеной людей, набросился на Лейфа с кулаками. Его широкие ноздри раздувались от гнева.

Он схватил Лейфа за локоть и, прежде чем Вальтьоф успел защитить сына, столкнул его с камня.

Началась свалка. Сразу же образовалось два лагеря, и посыпалась ругань.

Рюне Торфинсон завернулся в красный плащ. Ему удалось отвести бурю. Он наклонился к сопровождавшему его рабу и шепнул ему что-то на ухо. Верный раб покорно склонил бритую голову и исчез в разъяренной толпе.

Лейф был крепкий юноша. Он с такой силой ударил Глума по шее, что гигант покачнулся. Разъяренный Скъольд впился зубами в правую руку врага, сжимавшую нож с широким лезвием.

— Проклятые змееныши! Именем Торса кляпусь, а сейчас раздавли вас каблуком!

Тщета пытался Вальтьоф пробиться к сыновьям.

Верзиле Глуму достаточно было хватить Скъольда кулаком, чтобы повалить его на землю. Окровавленной рукой гигант схватил Лейфа за плечо и сильно сжал его. У мальчика побелели губы, но он не издал ни звука.

Рюне Торфинсон с безучастным видом наблюдал за дракой. Льот Криворотый и Торгрим стали по обе стороны Вальтьофа. Приверженцы партии Торфинсона внезапно сбросили маски.

Большинство присутствующих осуждало эти грубые действия, но высокое положение главы альтинга удерживало их от вмешательства.

И в то же время становилось ясно, что, если бы нашелся хоть один смельчак, который решился бы выступить против Рюне, толпа перешла бы на сторону Вальтьофа и его сыновей. Хитрые слова старейшины вначале разожгли людей, как капли жира, попавшие в огонь, но вскоре шаткость его доводов стала очевидной для многих.

— Рюне Торфинсон, — закричал Гаральд Толстопузый, — прикажи Глуму отпустить мальчика!

Старик только развел руками, будто дело вовсе его не ка-

салось, и, не мешкая, прошамкал беззубым ртом короткий приказ:

— Пусть приведут Эйрика Рыжего! Я уже приказывал это сделать! Именем альтинга!

— Меня не нужно приводить, Рюне Торфинсон, я здесь!

Мощный голос викинга эхом отозвался в прибрежных утесах. В Исландии уже успели забыть силу этого голоса, способного заглушать вой бури, рев моря, порывы ветра.

— Неужели я вернулся в родную страну, чтобы присутствовать на таком постыдном зрелище, когда Глум Косоглазый обижает ребенка на глазах у жалких сыновей викингов? Подлые рабы!

Он усмехнулся, а скалистая стена еще долго повторяла этот гордый вызов.

— Убери руки, Глум, сын волка! Я пришел сюда как человек свободный, чтобы ответить перед лицом закона. Я ждал под сводами Длинного Дома. Но теперь я вижу, что здесь уже нет законов, а есть люди с опущенной головой и бегающим взглядом... Слышишь, Глум, отпусти ребенка! Это приказывает тебе Эйрик Рыжий! Ты слышишь мой приказ?

Его огненные пряди развевались за плечами, а сжатый кулак, твердый, как палица, медленно поднялся над его головой. Грудь Эйрика вздымалась подобно кузнечным мехам, растягивая полоски с металлическими кружками, нашитыми на оленью куртку, которая, казалось, вот-вот разорвется по швам.

Пронзительные крики чаек, словно осколки камней, падали с высоты на толпу, разрывая невыносимую тишину.

Тем временем Глум Косоглазый с вызывающим видом ударил Лейфа по зубам и, согнувшись вдвое, похожий на хищника, выжидающего первого промаха противника, чтобы накинуться на него, начал приближаться к Эйрику Рыжему.

Толпа любопытных расступилась.

Льот Криворотый и Торgrim отпустили Вальтьофа. Лейф рукой вытирал кровь, струившуюся с его губ.

Лежа на земле, Скъольд не мог оторвать взгляда от сжатого кулака Эйрика Рыжего.

Рюне Торфинсон стал белее снега. Казалось, что он с каждым мгновением делается все меньше и меньше и еще немного — совсем растает в группе своих растерянных приспешников, теснившихся вокруг повелителя.

Внезапно Глум Косоглазый прыгнул с легкостью, несвойственной его тяжелому телу. В его правом кулаке сверкнул нож, с каким ходят на зверя.

Эйрик Рыжий не двинулся с места. Молниеносным, точно рассчитанным ударом он остановил прыжок Глума. Тот упал, словно сраженный молнией бык. Его лобные кости затрещали, как сломанные ветви.

Эйрик даже не удостоил взглядом гиганта, распростер-

того у его ног. Подойдя к Лейфу, который ощупывал ушибленные челюсти и рассеченные губы, он положил руку на плечо юноши.

— Лейф, сын Вальтёфа,— сказал он,— ты один показал себя достойным великого имени викинга. Ты один!..

Можно было подумать, что он говорит только с Лейфом. Юноша зарделся от волнения. Взгляд Эйрика скользнул от него на дорогу, пересекавшую Эйрарбакки, на узкую щель фьорда, на серый мол, на «Большого змея» и на волны открытого моря, догонявшие одна другую.

— Эйрик Рыжий!.. Эйрик! — пробормотал Лейф.

Моряк вздрогнул, словно его вырвали из другого мира, возникшего из пенистой дали.

— Слушай, Лейф, теперь ответь на вопрос Гаральда Толстопузого: почему ты до сих пор не сообщил о пребывании Торстейна в горах фьорда Аслактунга, а дожидался этого дня?

Он говорил громко, чтобы слышно было всем.

Лейф вытер кровь с рассеченной верхней губы. В глазах его зажегся гневный огонь.

— Я был уверен, что ты вернешься, Эйрик Рыжий. И вот мы договорились с братом Скъольдом, что будем ждать твоего возвращения и тогда разоблачим двуличного Рюне Торфинсона. Это чистейшая правда. Не так ли, Скъольд?

— Да, это чистейшая правда,— подтвердил мальчик, крепко сжимая загрубелую руку дяди Бьярни.

— Ну вот, теперь все ясно,— сказал Эйрик.— Викинги Исландии, вы можете судить изгнанников, но сначала назначьте должную кару Торстейну Торфинсону и его отцу Рюне, которые сами нарушили закон... Что касается нас, то мы можем уплатить вам выкуп и готовы это сделать. Мы с Бьярни Турлусоном и нашими спутниками привезли богатства, невиданные в Исландии... Мы возвратились сюда, не страшась ни бурь, ни блуждающих льдов, чтобы отдать вам все, что мы сумели добыть...

Люди приблизились к нему, невольно поддаваясь притягательной силе этого мощного голоса.

Даже Льот, Торгрим и самые ярые приверженцы Рюне Торфинсона сразу отбросили всю свою злобу и ненависть к его врагам.

— Значит, море не кончается у шхер Гунбьерна? — вполголоса произнес Гаральд Толстопузый, как бы желая преодолеть суеверный страх.

Голос Гаральда, казалось, прозвучал из глубины столетий, воскрешая дух викингов древних времен.

Все ждали. На какое-то мгновение людьми овладело чувство вновь обретенного единства. Одна и та же кровь в одинаковом ритме билась в жилах этих людей, одинаковым увле-

чением горели их взгляды. Все запреты были отброшены в сторону, и, если бы не распростертое на земле тело Глума Косоглазого, все недавно случившееся казалось бы дурным сном.

Эйрик Рыжий повернулся к Бьярни. «Как по-твоему, — спрашивал его взгляд, — не пора ли уже сказать им все, что мы думаем?»

Веселый и озорной огонек зажегся в серых зрачках Бьярни Турлусона.

Не в силах сдержаться, Лейф обеими руками схватил руку Эйрика Рыжего:

— Эйрик! Скажи же! Значит, море не кончается у шхер Гунбьерна?..

— Море, мой мальчик, беспредельно, а шхеры Губьерна — всего лишь камешки среди неизведанного океана... Мы сами решили, что эти скалы — граница океана. Мы были недостойны крови викингов, наших предков, да и сердца наши, должно быть, одрахлали.

— О Эйрик! Я тоже так думал! Говори же скорее, с чем ты вернулся? Ты открыл для нас новые земли?

— Больше того! Я обрел сам и вдохну в вас силу и мужество, чтобы идти вперед, все вперед и вперед. В поисках новых морей!

Говоря это, Эйрик с удивлением подумал, что обращается только к этому мальчику с пытливыми глазами. Между сердцем отважного викинга и сердцем Лейфа протянулась незримая нить крепче якорной цепи.

— Именем Фрейи, клянусь, я это знал! — с восторгом воскликнул Лейф. — Ты открыл за шхерами Гунбьерна большую землю! Расскажи нам о ней. Как ты ее назвал?

— Ты прав, мальчик. Там в самом деле оказалась большая земля. Двое суток мы плыли вдоль ее берега к северу, и все время, насколько хватал глаз, чередовались мысы и бухты. Но мы вынуждены были повернуть назад, ибо путь нам преградили ледяные горы, высокие, как утесы. Итак, мы открыли большую землю, где в изобилии водятся медведи и тюлени, а в долинах растет густая трава. Вот почему мы назвали эту землю Гренландией.

— Гренландия?.. Красивое название!

И вдруг долго сдерживаемое волнение прорвалось. Толпа закидала Эйрика Рыжего вопросами. Все говорили одновременно. Может ли там расти ячмень? Много ли рыбы в тамошних водах? Долго ли там лежат снега? Придется ли отвоевывать эту землю у коренных обитателей? Тысяча вопросов, теснивших друг друга, как овцы у водопоя.

Глум воспользовался общим возбуждением и уполз на четвереньках. Хоть он еще не совсем пришел в себя, но понял, что прибытие Эйрика Рыжего сильно поколебало положение Рюне Торфинсона.

Длинное и просторное жилище Торфинсонов было единственной деревянной постройкой в Исландии. Двадцать лет назад старый Рюне за дорогую цену вывез из Норвегии еловые бревна. «Деревянный дом», как его теперь называли, свидетельствовал о прочном благосостоянии семьи Торфинсонов и служил как бы символом их могущества.

Не успел Глум Косоглазый миновать изгородь, отделяющую двор от дороги, как к нему во всю прыть кинулся кривоногий Хаук Свинопас.

— Не входи, Глум! Не входи! Там Торстейн. Он остервенел от злости. Я видел его глаза, когда он входил в дом. Они вращались, как мельничные жернова.— Хаук понизил голос:— Мне кажется, Глум, у него сейчас бешенство берсерка*: на губах выступила пена, и он кусает свой щит.

Глум Косоглазый молча скривил губы — это у него означало улыбку. Уж если ярость Торстейна пригнала его сюда, Эйрик как он ни силен, должен теперь поостеречься. Раз сын Рюне Торфинсона покинул свое убежище во фьорде Аслакстунга, значит,— Глум в этом не сомневался — он собирается драться с мореплавателем. Должно быть, тролли**, горные духи, поведали Торстейну о возвращении его врага.

— Не переступай порога, Глум! — заклинал Хаук, цепляясь за меховую безрукавку Косоглазого.

— Отвяжись, проклятый горбун!

Привлеченный шумом, Торстейн открыл тяжелую, окованную железными полосами дверь. В руке он сжимал короткое копьё, готовый нанести удар.

— Ах, это ты, Глум! Входи!

У Торстейна был хриплый и низкий голос. Длительное пребывание в диких пещерах Аслакстунга оставило след на его тупом лице. В глубине глаз затаился беспокойный огонек, трепетавший, как искра на ветру. Ноздри его раздувались, как у волка, учуявшего запах съестного, принесенный бурей или морским ветром.

— Я не могу больше так жить, Глум! Медведи и те счастливее меня. Мой дозорный Серли с высоких скал Аслакстунга заметил, как приближался в тумане «Большой змей». Это была воля богов. Глум, ты пойдешь к Эйрику Рыжему и передашь ему от моего имени вызов на хольманг...***

Старый Рюне, сидя на скамеечке возле резного кресла, седалища предков, жаловался на злосчастную судьбу, и его

---

* Берсерк — сарешый воин, приходящий в иступление и одержимый припадками безумия. Согласно поверью, воина, в которого вселился берсерк, делался неуязвимым.

** Тролли — в скандинавской мифологии сверхъестественные существа, враждебные человеку.

*** Хольманг — древний вид поединка, обычно происходивший на одном из островков.

причитаниям вторил щенок, прикорнувший у его ног. В одну минуту со старого Рюне слетели вся его надменность и самоуверенность. От главы альтинга осталась только тень, оплакивавшая свою утраченную власть.

Торстейн подтолкнул Глума к двери:

— Ступай же и объяви, что я его вызываю. Мы будем драться на островке не на жизнь, а на смерть. Передай еще, что я не успокоюсь до тех пор, пока не выпущу из его трупа всю кровь и он не станет плоским, как кожа зарезанной свиньи или пустой бурдюк. Иди же, Косоглазый, иди, пока на тебя не обрушился ужасный гнев, который клокочет в моем сердце и обжигает мои кулаки.

Испуганный Глум бросился прочь. Видит Фрейя, поход на остров был бы ужасным. Уже долгие годы в этих местах не прибегали к хольмгангу. Древние северные боги снова воскрешали смертельную вражду.

Эйрик и его спутники, смешиваясь с толпой возле Длинного Дома, вели оживленную беседу. Ветер дул теперь явно в их сторону. Переменчивые исландцы столпились возле изгнанников. Только и разговору было, что о новой земле и о связанных с нею мечтах и надеждах. Таинственная Гренландия распалила их воображение.

Злоба вновь обуяла Глума. Он стал, подбоченившись, посреди дороги, в двадцати шагах от входа на Тинг — так называлась площадь перед Длинным Домом, — выпятил бычьей грудью и с дикой радостью проревел:

— Эйрик Рыжий! Торстейн Торфинсон передает тебе моими устами вызов на хольмганг. Один из вас лишний на этой земле! — И, войдя в раж, Глум слово за словом повторил проклятие Торстейна: — «Я не успокоюсь, — сказал он, — до тех пор, пока не выпущу из его трупа всю кровь и он не станет плоским, как кожа зарезанной свиньи или пустой бурдюк».

Глава IV

ЛЬОТ КРИВОРОТЫИ

«Хольмганг», или поход на остров, — так назывался у викингов самый древний вид поединка, который обычно устраивали на одном из островков фьорда. Противники дрались на мечях, при участии щитоносцев, избираемых среди юношей не моложе пятнадцати лет. По обычаю, вызванный на единоборство делал первый выпад, объявляя тем самым поединок открытым. В зависимости от уговора противники выкрикивали одновременно традиционные слова. «Бой до первой крови!» или «Бой насмерть!»

Этот обычай был распространен у викингов на материке,

но совсем не был в ходу у исландцев. Старики рассказывали как о значительном событии о поединке, происходившем в первые годы обоснования в Исландии. Сражались Гуннар Гримсон и Клауфи Пьяница из-за дележа быков. Говорили, что при первой же схватке рука Гуннара была так сильно рассечена у запястья, что кровь забрызгала все лицо Клауфи, а сам он от страха потерял дар речи.

Но на этот раз все понимали, что бой будет не на жизнь, а на смерть. Ведь ставкой тут была не пара быков! От исхода поединка зависела судьба всей Исландии. Победа Торстейна означала бы укрепление клана старого Рюне и конец морским походам, тогда как победа Эйрика Рыжего подготовила бы колонизацию только что открытой легендарной Гренландии.

Островок, выбранный для поединка, находился приблизительно в трехстах шагах от причала, на равном расстоянии от обоих берегов фьорда. Не превышая в поперечнике трех полетов пущенной из лука стрелы, островок этот был совершенно круглый, в центре немного приподнятый, что делало его похожим на щит. Между плоскими камнями, отшлифованными приливной волной, здесь росли одни только лишайники. Для поединка это было превосходное место. Чтобы попасть туда, противники должны были переправиться на лодках с того и другого берега и покрыть одинаковое расстояние, отделявшее их от ровной площадки, где и решалась судьба в поединке. Разгоряченные бегом, противники не тратили силы на предварительные маневры. Миг встречи одновременно означал и начало боя.

Жители Эйрарбакки столпились на береговых утесах. Рыбаки, только утром вернувшиеся с восточного побережья, жадно слушали рассказы о невероятных событиях вчерашнего дня: о возвращении «Большого змея», о разоблачениях, сделанных сыновьями Вальтёфа, и о вызове, брошенном Эйрику Рыжему Торстейном Торфинсоном. Окруженный слушателями, Гаральд Толстопузый повествовал о схватке Эйрика с Глумом:

— Он вернулся еще сильнее, чем был. Мне думается, он мог бы одной рукой свернуть Глуму шею. Да, Торстейну Торфинсону придется нелегко.

Мнения разделились. Многие вспоминали былые подвиги Торстейна, его ловкость и упорство.

Торстейн подобен волку, который держит в пасти зайца. Даже под ударами он ни за что не выпустит бедного зверька, едва живой, найдет в себе силы, чтобы мертвой хваткой вонзить клыки в добычу.

Но большинство присутствующих предпочитало помалкивать — не хотелось раньше времени делать предсказания. Ведь это была не обычная распря. После поединка, смотря по тому, чья возьмет, разгуляются страсти, и победитель постарается обессилить вражеский клан, как бы довершая этим свою победу.

Торгрим, Ньорд и Льот Криворотый — самые ярые приверженцы Торфинсона — переходили от группы к группе, прислушиваясь к разговорам. Они не преминули бы передать своим покровителям слова зрителей, подслушанные на берегу. Но осторожность подсказывала им не упреждать событий, не петь преждевременной хвалы ни той, ни другой стороне. К тому же необходимо было подчиняться старинному обычаю викингов: во время хольмганга одобрение громогласно высказывали только при особенно ловких ударах и необычайных проявлениях мужества.

Старый Руне и члены альтинга заняли места на самом возвышенном месте берега, откуда открывался вид на весь островок, выбранный для поединка. Само присутствие старейшины обеспечивало честное соблюдение правил боя. Прежде чем противники заняли места в своих лодках, старейшины должны были проверить длину мечей и вручить щитоносцам по три кожаных щита, допускаемых условиями единоборства.

Льот подошел к тому месту, где стояли Бьярни Турлусон, Вальтьоф и Скульд.

— Ты что, Криворотый, наелся гнилой рыбы, что ли, и тебе не сидится на месте? — съязвил Бьярни. — Ступай прочь — от тебя дурно пахнет!

— Равно ты загордился, Бьярни Турлусон! Я бы на твоём месте воздержался от оскорбительных слов. — Эйрик Рыжий еще не правит в Исландии.

Бьярни расхохотался. Веселый огонек, который так любил Скульд, зажегся в его глазах и, казалось, осветил все лицо.

— Ах, вот почему ты бродишь по берегу из конца в конец с непогодьем Торгримом и этим мерзким хорьком Ньордом! Неужели Торстейн Торфинсон так слабо верит в свое оружие и для прославления своей доблести нуждается в подобных глашатаях? Смотри мне в лицо, Криворотый, и не дрожи, как осиновый лист! Клянусь Фрейей, что, если ты приблизишься ко мне еще хоть на один шаг, я сброшу тебя с этой скалы. Ветер с моря обострил мое обоняние, и я говорю тебе при всех, что от тебя разит тухлятиной! Ты весь провонял трусостью и предательством. А ну-ка, подойди ближе, жалкий раб! Может быть, хоть этим докажешь, что ты человек.

Раскатистый смех могучего скальда вспугнул пролетающую чайку.

Льот опешил и переминался с ноги на ногу. Смех Бьярни, как отточенное лезвие, вонзался в его нутро. Отступить — значило потерять навсегда всякое уважение жителей Эйрарбакки. А если пренебречь угрозой скальда, надо было быть готовым к опасной драке. Бьярни был крепок, как скала.

— Ты ведь безоружен, Бьярни Турлусон...

К ним приблизилось несколько человек. Все напряженно ждали начала хольмганга. Эта перебранка немного разря-

дила тяжелую атмосферу, ослабила томительную неопределенность.

— Ты ведь безоружен, Бьярни Турлусон, — повторил Льот.

— Неужели ты думаешь, что мне нужно оружие, чтобы переломать кости какому-то Льоту Криворотому? Когда я отгоняю пса, мне не нужен меч. Пса отпихивают ногой или стегают ремнем.

Ответ скальда был встречен одобрительным смехом. Викинги повеселели.

— Ты сам этого хотел, Турлусон!

Льот обнажил меч и нацелил его в сердце Бьярни.

— Берегись, дядя Бьярни! — крикнул Скьольд. — Льот целится в сердце, а метит в живот.

Вальтоф привлек сына к себе. И зачем понадобилось Бьярни впутываться в эту историю? Неужели любовь к острому слову будет постоянно брать у него верх над разумом?

Дикий рев Льота эхом отозвался в Боргарфьорде, и в ответ послышался могучий хохот Бьярни. Викинги сузили круг.

Льот пригнулся и бросился вперед, стараясь нанести противнику опасную рану в живот. Но скальд не дрогнул, а только слегка повернулся на каблуках, и клинок скользнул по его кожаной безрукавке. Широкий меч Льота, ударив о камень, высек из него целый сноп искр. Тогда Бьярни с удивительной точностью поймал руку Льота и начал выворачивать и сжимать ее запястье. Льот завопил и выронил меч, который отлетел в сторону, как уже ненужная вещь.

Пальцы Бьярни сжимались все сильнее, и люди, стоявшие близко, слышали, как хрустели и дробились кости. Бьярни не уступал в силе легендарному Аудуну Длиннобородому, который во время охоты легко скручивал шею схваченному живьем орлу.

Торгрим и Ньорд издали видели, как туго пришлось их приятелю, но и не подумали вмешиваться. Все были восхищены победой Бьярни, и это сбило с них спесь.

— Брось его на съедение рыбам, Бьярни!

— Мы уже достаточно нагляделись на его глупую рожу! Брось его, как бросают сломанный нож!

— В море его! Хватит ему угрожать нам законами альтинга!

Бьярни не торопился. Он выжидал, пока лодки обоих бойцов отплывут от берегов Боргарфьорда. Он не хотел, чтобы возбуждение викингов улеглось. Бьярни не сомневался, что победит Эйрик Рыжий и что его победа сплотит всех жителей острова. Это сплочение было необходимо Эйрику для успеха колонизации Гренландии.

— Отпусти меня, Бьярни Турлусон! Фрейей и Тором клянусь, я не причиню вреда никому из твоих друзей!

Больших усилий стоило Льоту молить о пощаде, но невы-

носимая боль доходила уже до плеча и отдавалась в затылке. На пепельно-сером лице блуждали безумные глаза.

— Но ведь я поклялся свернуть тебе голову, Льот, а клятва Турлусона дороже золота.

Викинги подошли к ним так близко, что Льот ощущал на затылке их горячее дыхание. Кто-то из них торопил Бьярни скорее разделаться с доносчиком.

— Не верь ни одному его слову, Бьярни! Он будет клеузничать до последнего вдоха. Поторопись разделаться с ним! Судьи альтинга уже проверили щиты противников. Эйрик и Торстейн со своими щитоносцами садятся в лодки.

— Не думай, что я слепой! — ответил скальд.

Гнев его понемногу утих, и ему противно было приканчивать Льота.

Но клятва викинга была превыше всего.

Теперь Льот уже хныкал, как ребенок, и его плечи судорожно вздрагивали от всхлипываний.

— Послушай, дядя Бьярни! — вдруг заговорил Скульд.— Клятва, произнесенная одним Турлусоном, может быть снята другим. Мой брат Лейф будет участвовать в поединке как щитоносец Эйрика Рыжего. Ты омрачишь славу его первого боя, если растопчешь ногой этого гада, Льота Криворотого.

Юноша произнес эту тираду, не переводя дыхания. Бьярни, не ожидавший ничего подобного, застыл от изумления.

— Именем троллей из саги клянусь, что ты говоришь, как настоящий скальд, мой мальчик! Ты прав: не будем омрачать сегодняшнее солнце ничтожной тенью Льота! С глаз долой, Криворотый, и помни, что спасением ты обязан заступничеству моего племянника Скульда Турлусона.

Викинги расступились и пропустили Льота. Кое-кто разочарованно ворчал. А тем временем Криворотый улелетывал, сжимая в левой руке искалеченное запястье правой.

Бьярни привлек к себе племянника:

— Помни об этом поединке, Скульд Турлусон! Боги Севера благоволят к тебе: в твоих руках начало большой поэмы. Ибо в этот день будет положено начало чему-то неслыханному.

Скульд не совсем ясно понял смысл этих слов. Между тем на противоположном берегу Эйрик Рыжий сел в лодку, его весла уже пенили воду. Гордость и страх боролись в душе Скульда.

Опасная честь отражать щитом направленные на Эйрика удары выпала на долю Лейфа. Один из Турлусонов участвовал в самом знаменитом хольмганге, когда-либо решавшемся на исландской земле.

— Скажи, дядя Бьярни, Лейф не может пострадать от какого-либо незаконного выпада? Я боюсь этого Торстейна, как смерти.

Бьярни не ответил. Он только сжал могучей рукой плечо Скъольда.

На двести футов ниже по гладким водам фьорда скользили лодки Эйрика Рыжего и Торстейна Торфинсона. С двух сторон приближались они к островку, где должен был состояться хольмганг.

Глава V

ПОХОД НА ОСТРОВ

Лейф греб к островку, где должен был состояться поединок. На душе у него было радостно. Из двадцати юношей Эйрик Рыжий выбрал себе в щитоносцы именно его. О такой чести он не смел и мечтать. Когда накануне великий викинг, обратившись к его отцу, запросто спросил: «Разрешить ли ты сыну, Вальтьоф, принять участие в хольмганге?» — ему на мгновение показалось, что сердце вот-вот выскочит из груди.

Тогда Вальтьоф повернулся к сыну:

— Считаешь ли ты себя достойным, Лейф, носить щит Эйрика Рыжего?

Сначала Лейф не знал, что ответить. Слова застряли в гортле и не могли вырваться на свободу, а он вовсе не хотел показаться нерешительным или даже смешным. Однако Эйрик улынулся и сказал:

— Я заранее знаю его ответ, Вальтьоф. Рука Лейфа не дрогнет!

Скоро Торстейн и Эйрик должны будут скрестить оружие. Рассекая воду веслом, Лейф не мог оторвать взгляда от лежащего рядом на скамье обоюдоострого меча викинга. Длинною он был более трех футов от острия до рукоятки и блестел на солнце, как золотой луч. Средняя часть меча была шириной с ладонь, в обе стороны он равномерно сужался, отливая голубым блеском. На рукояти из полированного дерева, инкрустированного костью, были изображены охотничий рог и голова орла. Сейчас этот большой меч, который нужно держать обеими руками, встретится с мечом Торстейна, высекая снопы искр. Любой удар мог оказаться смертельным, а кожаный нагрудник с железными полосками и шлем из тюленьей шкуры, подбитый роговыми пластинками, не давали надежной защиты. Способность щитоносца предусмотреть вражеский выпад, его умение отразить неожиданные удары, быстрота, с какой он мог подставить щит, — все это более обеспечивало безопасность, чем плохо сшитая и не всегда хорошо пригнанная броня. Вот почему эта роль предоставлялась юношам, более гибким и ловким, чем зрелые мужи.

Торстейн взял себе в помощники Скаллагрима, старшего

сына Глума. Лейф хорошо знал этого невзрачного парня, двумя годами старше его, с длинными, как паучьи лапы, руками и тонкими ногами. Скаллаgrim обладал юркостью угря. Соцный с виду, он вдруг оживал, чем и заслужил прозвище «Скаллаgrim» — «Рыболовный Крючок». Лейф был уверен, что Скаллаgrim будет защищать Торстейна с храбростью и коварством, но не питал к нему никакой злобы, хотя тот и был сыном негодяя Глума.

Весла внезапно заскребли по песку... Эйрик еще раз рванул лодку вперед, и она остановилась.

— Готов ли ты, викинг? Не дадим ли Торстейну первым явиться на поле боя, — сказал Эйрик.

Он взял свой меч и один из щитов. Лейф захватил два остальных.

Прибрежные камни были окаймлены бахромой из рыжих морских водорослей. Эйрик второпях поскользнулся и чуть не упал.

— Это боги призывают меня к осторожности! — засмеялся он.

Лейф бежал следом за викингом. Поспеть за ним было нелегко. Мальчик и не предполагал, что мощное тело гиганта может быть таким подвижным.

В десяти футах от вершины холма им послышался глухой топот. Это бегом поспешали Торстейн и Скаллаgrim. Встреча должна была состояться на бугре, в самой середине острова. Это было справедливо. Каждый из противников имел в своём распоряжении равное пространство, на котором он должен был либо победить, либо погибнуть.

Эйрик Рыжий, ещё не добежав, бросил щит на двадцать шагов вперёд, как бы обозначив этим для себя границу поля битвы. Отступать от неё нельзя было ни на шаг.

То же самое сделал и Торстейн. Оба щита столкнулись на лету."

Судьи альтинга, собравшиеся на берегу фьорда, и другие жители Эйрарбакки, столпившиеся на береговых утесах, узрели в этом случайном происшествии знамение судьбы: накипевшая ненависть предвещала поединок не на жизнь, а на смерть. А может быть, сами боги, столкнув вместе оба щита, хотели этим показать, что они тоже могут принять участие в хольманге со всем своим грозным могуществом?

Согласно обычаю, Эйрик, получивший вызов, должен был нанести первый удар. Это был совсем не опасный, скорее, почётный удар, возвещавший о начале единоборства. Скаллаgrim Рыболовный Крючок легко отразил удар острой кромкой щита. Церемония была соблюдена. Эйрик Рыжий и Торстейн отступили каждый на три шага, а их помощники с высоко поднятыми щитами стали по правую руку, в двух шагах от того и другого викинга, подавшись чуть назад.

В эту минуту с мола донёлся протяжный рёв. Это напоминал о себе большой старый бык, приведённый с горной долины для жертвоприношения, — рыжее чудовище с низко опущенной мордой и налитыми кровью глазами, разъярённое тем, что его привязали за ноздри к столбу. Победитель хольмганга должен будет зарезать этого быка в знак благодарности Тору, древнему богу. Кровь жертвы потечет в холодное море, а судьи альтинга будут следить за справедливым дележом священного мяса.

— Да постой ты спокойно, — ворчал погонщик, — тебя ведь еще не режут! Поединок может продлиться до ночи.

Впрочем, бык сейчас никого не интересовал. Все глаза были устремлены на островок.

Эйрик Рыжий и Торстейн вертелись, как танцоры, близ того места, куда они запустили свои щиты. Не раз уже сирещивались их тяжелые мечи, и каждый раз юные помощники, искусно действуя кожаными щитами, отводили в сторону опасные удары. Торстейн, как баран, кинулся в атаку, надеясь захватить противника врасплох и неожиданно обойти его. Но Эйрик Рыжий встретил его атаку и последующие выпады со спокойствием каменной скалы. Казалось, гнев Торстейна должен был исчерпать себя, настолько слабым было противодействие мореплавателя. А на утесах даже самые яркие приверженцы Эйрика стали понемногу охладевать. Они надеялись на молниеносную победу смельчака, вернувшегося в Исландию с ореолом первооткрывателя новой земли.

И что же оказалось? Он несколько не отличался от других викингов, тоже не решавшихся идти на разъяренного Торстейна.

Ньорд и Торgrim, растерявшиеся было после постыдного бегства Льота, снова воспрянули духом. Они переходили от группы к группе, и их ядовитые замечания не встречали отпора.

— Видали мы этого горлана Эйрика Рыжего! Пока что он с грехом пополам защищает свой кожаный панцирь. А вы слушали развесив уши этого жалкого искателя приключений!

Даже Вальтёф заколебался и избегал отвечать на вопросы соседей. Один только Бьярни сохранял в глазах огонек, но и скальд не разжимал губ.

— Ты слышишь, Бьярни, что говорят люди? — осмелился спросить Скъольд, когда ветер донёс до них ядовитые слова Ньорда.

— Гранит не боится ни дождя, ни ветра, Скъольд! Гранит не спешит.

— Дядя Бьярни! Смотри! Ведь Эйрик не отвечает на удары!

— Эйрик сам знает, что ему делать. Ты лучше посмотри на своего брата Лейфа. Он не позволяет себе ни одного лишнего движения и при этом ухитряется ни на шаг не отходить от Эйрика. Да, Лейф из породы отважных. Посмотри-ка на

него, нет, ты только посмотри!.. Послушай, Вальтьоф,— обратился он к брату,— когда я уезжал, мои племянники были птенцами, а вернувшись, я застал орлов. Смотри!..

Остальные слова Бьярни потонули в гуле толпы.

При очередном выпаде Торстейна, мгновенно прикрытой ловким Скаллагримом, Эйрик вынужден был уклониться и отступить на пять-шесть шагов. В этот миг у него подвернулась нога в кожаном мокасине с шипами на подошве. Потеряв равновесие, викинг упал и выронил меч. Теперь он был во власти врага, который обеими руками поднял оружие, готовясь обрушить его на голову противника. В нескольких шагах от него застыл Скаллагрим, низко опустив щит.

Тогда Лейф Турлусон, сын Вальтьофа, перескочив через лежащего на земле Эйрика, поднял обеими руками свой щит и поставил его под удар тяжёлого меча Торстейна... Это был безумно смелый поступок. Если Лейф мог спасти Эйрика от чудовищного удара врага, то неизбежно должен был погибнуть сам, поставив под клинок не только щит, но и свою незащищённую голову.

Скьольд⁴ испустил крик, который прокатился по всему фьорду,⁵ разорвав тишину, внезапно нависшую над сотнями опечаленных голов.

Сталь и в самом деле прошла сквозь толстую кожу, но в ту же секунду Лейф сумел слегка повернуть свой щит. От неимоверного усилия мальчик даже подпрыгнул... Между тем люди, наблюдавшие с береговых утесов Боргарфьорда за поединком, от испуга инстинктивно втянули голову в плечи. Меч Торстейна новым ударом рассек три слоя моржовой кожи, но удар этот был ослаблен деревянным каркасом щита, окованным железом. Это ослабило силу удара. Бросив щит, Лейф отскочил в сторону. Торстейн поспешно нагнулся, чтобы высвободить свой клинок, на две трети вошедший в деревянную раму щита. С него градом катился пот. Тяжелая усталость, как плащ, опустилась на его тело. Бешеный ритм первой части поединка вызвал внезапное изнеможение. Неловкими движениями он высвободил меч.

Тем временем Эйрик Рыжий вскочил могучим прыжком и бросился вперед. Торстейн парировал боковой удар. Усталость не помрачила его разума. Он с ужасом понял, что противник так бодр и свеж, словно только что встал после отдыха на меховых шкурах. Он был поработан злобещим спокойствием Эйрика Рыжего. В его светлом взоре Торстейн прочел холодную решимость.

Ловкий удар выбил из рук Скаллагрима щит и ранил его в правое плечо. Это дало Эйрику Рыжему еще немного пространства. Торстейн почувствовал, как меч отяжелел в его руке. Несколько раз он жадно глотнул воздух. Казалось, его грудь вот-вот разорвется от напряжения.

Эйрик следил за каждым его движением, подтверждавшим, что враг теряет силы. Волчьи ноздри Торстейна начали быстро раздуваться, а в узких глазах зажегся огонек тревоги. В любое мгновение Торстейн мог оказаться во власти Эйрика, но ему хотелось чтобы отступление врага еще ярче оттенило победу... Он принялся размахивать мечом, как дровосек топором. В руках Скаллагрима треснул второй щит. Торстейн уступил противнику еще пять шагов. Скоро начнется склон. Оба это знали.

Эйрик не терял из виду линию серых камней, обозначающих начало склона. До них уж едва оставалось двадцать шагов. Этот опасный рубеж был за спиной Торстейна. А тот даже не осмеливался обернуться, чтобы измерить расстояние, отделявшее его от этих предвестников неумолимой судьбы. Если ещё отступить, придётся уже драться на склоне. Торстейн с огромным упорством пытался отвоевать хоть несколько шагов потерянного пространства. Он решил рискнуть, шагнул вперед, но при этом обнажился. Эйрик зашёл слева и плашмя ударил его в бок. Оглушённый ударом, Торстейн закачался и широко раскрыл рот. Ужасная боль пронзила ему грудь.

Струсивший Скаллагрим двумя прыжками хилых ног очутился у линии камней. Но Торстейн не последовал за ним. Мысль о позорном бегстве лишь усилила его звериную ярость. Желание унижить и прикончить врага взяло у него верх над благоразумием. Любой ценою он должен был пролить кровь Эйрика Рыжего... В его руках меч превратился в топор и молот, чтобы рубить и дробить. Подхваченный гневом, как волной, он на пять шагов продвинулся вперед. На губах у него выступила пена. Правила наступления и защиты были забыты.

— Я ждал минуты, когда ты снова станешь волком, Торстейн Торфинсон! Так было, когда ты убил моего отца.

— Собачье племя! — прорычал Торстейн. — Я свалил твоего отца одним ударом!

Эйрик кинулся навстречу сыну Рюне.

— Отойди, Лейф! — крикнул он. — Остальное я сделаю сам!

Лейф бросил к ногам уже ненужный щит. Он понимал, что отныне поединок будут решать только тёмные силы ненависти и мести.

Скаллагрим сбежал со склона и столбом застыл на берегу. Этот юнец бежал с поля боя, но Лейф не мог его осуждать, как жалкого труса. Такой поединок был делом необычным. Он был выше понимания щитоносцев, а может быть, даже и самих противников.

Вокруг клинков сверкали молнии.

Викинги с береговых утесов слышали яростные крики Торстейна Торфинсона. Битва достигла апогея.

А на молу без устали ревел рыжий бык и бил копытами о камень, будто и его захватило безумство людей.

Бьярни Турлусон наклонился к Скъольду:

— Вспомни-ка сагу Флоаманна, племянник. Этот бой по ярости не уступает поединку Дуфбакра и Сторольфа, сына Хенга. Припомни!

И вдохновенный скальд вполголоса произнес слова легендарной саги:

Медведь и бык сошлись на поле Хвелл,
И завязел смертельный, ярый бой.
Сочилась кровь у них из тяжких ран.
Казалось, поразил их град камней.
Медведь взял верх. Когда ж забрезжил день,
Червела там изрытая ложбина.

Грудь Торстейна вздымалась, как кузнечные мехи. Пот и слюна смешались у него на бороде. Из раны на шее капля за каплей сочилась кровь. Ему ни разу не удалось коснуться врага, и унижение томило его не меньше, чем усталость, сковывавшая мышцы. Порой ему казалось, что он атакует стену, а она все время уклоняется от ударов.

Вдруг Эйрик перешел в нападение, словно торопясь его прикончить.

— Земля расступается под твоими ногами, Торстейн Торфинсон, уже видна твоя могила.

Торстейн в ответ хотел произнести проклятие, но был оглушен страшным ударом. Эйрик Рыжий наносил ему пощечины лезвием меча. Волна горечи затопила сердце Торстейна. Но вдруг он почувствовал, что у него в груди забился страх, как испуганный барсук в норе. Он был во власти страха! Это открытие его потрясло. Теперь в его плоти жили уже два Торстейна Торфинсона. Один из них еще кое-как отвечал на удары. Эйрика Рыжего, но его двойник с ужасом наблюдал, как все выше, тленом тумана, поднимается непреодолимый страх.

Сотни раз видел Торстейн, как ужас изменяет лица людей. Он знал, что страх зарождается глубоко внутри человека, а его дупальца протягиваются и обволакивают бока, грудь, шею, постепенно сковывая ноги. Сотни раз Торстейн Торфинсон преодолевал это отвратительное чувство. Он считал себя сильнее страха.

Растерявшийся, обезумевший, он отступил, наткнулся на один из серых камней и зашатался, как пьяный. Эйрик Рыжий не переставая гнал его вниз своим мечом. Пятясь, Торстейн мало-помалу сползал со склона. В ушах его внезапно и грозно усилился шум моря.

А на молу ревел рыжий бык и пытался вырваться из своих пут. Старый Рюне провел дрожащей рукой по лбу, на котором выступил холодный пот.

Бьярни Турлусон широкой рукой закрыл глаза Скъольду.

— Это конец, Скъольд! Это финал, как в саге Эгиля! Вспомни, мой мальчик, конец этой саги.

И Скъольд медленно прочитал:

Тогда Эгиль, отбросив меч и щит,
Схватился врукопашную с Атли.
Их силы оказались неравны:
Атли вмиг рухнул навзничь, и Эгиль
Ему тотчас зубами впился в горло.

Скъольд и не хотел смотреть. Он с восторгом думал о брате Лейфе, который в этом бою показал себя настоящим викингом.

Торстейну часто случалось сражаться спиной к морю. И тогда нежный лепет волн и завывания бури возбуждали в нем пыл, умножали наступательную силу.

Когда ноги Торстейна коснулись ледяной воды, остатки боевого чутья побудили его броситься вперед. Но страх, поселившийся в теле, неумолимо терзал внутренности. Перед полуослепшими глазами Торстейна плясали рыжие косы Эйрика и вспышки солнца на его мече.

Море быстро дошло ему до колен. Люди на береговом утесе что-то кричали, но до него, как сквозь густой туман, доносились лишь приглушенные возгласы.

Он споткнулся. Вода уже была по пояс. Ему казалось, что все жизненные силы сосредоточились у него в голове.

Лейф стал возле Скаллагрима. Они не обменялись ни словом. Обоих ошеломил этот торжественный марш к смерти. Видно, сам Тор, черный бог с огромными крылами ворона, был судьей в этом хольмганге. Может быть, это он вел руку Эйрика Рыжего?

Море покрывало уже грудь Торстейна. Быстрое течение мелкими водоворотами разбивалось над черными головами подводных камней, чуть высывавшихся из воды.

— Ты сейчас умрешь, Торстейн Торфинсон! Я сразу тебя одним ударом, как ты сразил моего отца!

Быть может, сам Тор говорил устами викинга?

Торстейн выбросил руки вперед, словно отстраняя невидимого врага.

Эйрик Рыжий нанес удар. Только один. На краткий миг море окрасилось алым. Торстейн медленно начал падать назад, точно улегся на волну, чтобы уснуть. Тело поплыло меж двух волн, его подхватило бурное течение, перерезавшее гладь Боргарфьорда, и прибрежная пена тотчас вновь вернула себе свою молочную белизну.

А на молу без устали ревел рыжий бык. Рюне Торфинсон лежал простертый на холодных камнях. Он поднес руку к груди, и это было в тот самый миг, когда меч Эйрика пронзил Торстейна. Сердце старика перестало биться, а его приверженцы в тупой растерянности смотрели на это безжизненное тело,

скорчившееся под ярко-красным плащом и еще вчера принадлежавшее главному судье альтинга.

* * *

Эйрик Рыжий медленно подошел к тому месту, где стоял Лейф. На песке отпечатались двойные следы. Скоро ветер и песок покроют эти следы, и на островке, где происходил поединок, ничего больше не будет напоминать о Торстейне Торфинсоне.

Эйрик как будто вдруг заметил своего помощника.

— Ты сделал все, что нужно, Лейф! Смерть Торстейна была необходима: без нее викинги не могли бы идти вперед. Ну, нам пора — нужно принести в жертву Тору быка.

Лейф нагнулся и подобрал оба неповрежденных щита.

Часть Вторая

Глава I

БУРНОЕ МОРЕ

Веревка лопнула в руках Лейфа, как трухлявая деревяшка, и от острой боли из груди мальчика вырвался крик, смешавшийся с неумолчным ревом бури.

Трос из моржовой кожи врезался в ладонь, и кровь окрасила пальцы. Раздосадованный, он положил руки на борт судна, через который захлестывали волны, и подставил стертые места действию морской соли. Этим мальчик бросал вызов обрушившейся на «Большого змея» буре, шумным волнам, катившимся по этим незнакомым водам, черному, как сажа, небу, похожему на крышку огромного котла, надвинутую на горизонт, и враждебной судьбе, только что сорвавшей с мачты парус. Ветер втянул в свою воющую пасть и проглотил разодранную холстину. Гордый парус «Большого змея» разлетелся в клочья, и ничего от него не осталось.

Столб бурлящей воды с головокружительной быстротой вздыбился над судном, на мгновение как бы откинулся назад и с оглушительным свистом, напоминавшим пронзительные крики невообразимого множества чаек, всей тяжестью обрушился на носовую часть судна и на скамьи гребцов. Обшивка «Большого змея» жалобно закричала, глухо затрещало дерево в трюме. Сквозь густую завесу пенистых гребней Лейф увидел, как трое или четверо моряков были сорваны со скамей и отброшены чудовищным валом далеко от судна, в клокочущую бездну. Кто это мог быть? Улаф, Гаральд Толстопузый, Йом Тригвасон, Эйрик Рыжий или дядя Бьярни? Лейф инстинк-

тивно прижался животом к палубе и уцепился за плетеный кожаный трос, протянутый вдоль борта. На палубе от носа до кормы перекачивались волны, затопляя трюм, вырывая клинья уключин, заливая оба боковых прохода. Основание мачты подломилось и больше не могло выдерживать ее огромный вес. Среди кипящей пены мелькнуло лицо викинга. Расширенные от ужаса глаза вылезали из орбит. Лейф узнал Магнуса Арнисона, ловца трески из Боргарфьорда. Волна швырнула вперед его тело, притиснула к мачте, и тут же водяной смерч могучим рывком подбросил его на пятьдесят футов. Казалось, нет той силы, которая могла бы противостоять этому водяному хаосу, завладевшему «Большим змеем». Снасти гудели и трещали. С минуты на минуту судно, потеряв управление, могло завертеться волчком.

Лейф почувствовал на себе тяжесть водяных жерновов. По телу, от шейных позвонков до лодыжек, прошла нестерпимая боль. Кипящая водяная глыба рвала на части, давила, крушила. Лейфу казалось, что она никогда уже не отпустит его. В ушах звенели колокола Эйрарбакки, во рту был тошнотворный привкус крови, но юноша сосредоточил всю свою волю, всю яростную жажду жизни в израненных руках, сжимавших тугой трос.

Перед тем как пуститься в плавание, Эйрик Рыжий долго говорил об опасностях, подстерегавших путников в море. Какими далекими казались теперь Исландия, и ферма в Окадале, и день возвращения Эйрика Рыжего, и хольмганг посреди Боргарфьорда! После победы Эйрика события развернулись с удивительной быстротой. Старый образ жизни был отброшен. За три месяца Исландия познала больше волнений, чем за десять предшествовавших лет. Все дела на острове пошли в темпе, указанном Эйриком Рыжим и Бьярни Турлусоном. Все помыслы были направлены на предстоящее путешествие в Гренландию. Четыреста семейств согласились последовать за Эйриком на новые земли. Это составляло около полутора тысяч человек. Сторонники Рюне не возражали против такого массового переселения. Самые ярые из них — Глум Косоглазый, Торгрим, Льот и Ньорд — исчезли. Ходили слухи, что они ушли в горы. По правде говоря, Эйрика и его друзей их судьба на очень интересовала. Труп Торстейна Торфинсона найти не удалось. Никто не сомневался, что течение унесло его в открытое море. Правосудие свершилось в согласии с законом. С прошлым было покончено.

Альфид, вдова Торстейна, покинула убежище во фьорде Аслакстунга и поселилась со своими людьми в просторном доме Рюне Торфинсона, но выходила оттуда очень редко. Альфид происходила из богатой исландской семьи. У нее было бледное, худое лицо, на котором резко выделялся острый нос. Серые глаза, круглые, как ягоды можжевельника, не выража-

ли никаких чувств. До замужества ее называли Альфид — Ледяной Глаз.

Все, кто собирался в путь, перегнали своих коров и овец в загоны. Внезапно наступило лето, ячмень созрел рано, и приходилось торопиться с уборкой урожая. В каждом дворе сушили на больших плетенках палтус и треску, а детям и рабам было поручено следить за тем, чтобы не переставая шел густой дым. Во всех трех бухтах фьорда кипела работа: мужчины крепили обшивку кораблей, тесали привезенные из Норвегии драгоценные древесные стволы, вколачивали гвозди и до глубокой ночи обсуждали все приготовления к экспедиции. Эйрик собирался повести за собой флотилию из двадцати семи крепких судов, способных выдержать любые штормы. Они были шире дракаров, с настланной палубой и высокими надводными бортами. Двенадцать судов не отличались от «Большого змея», а пятнадцать были крупнее, с обширными трюмами, приспособленными для перевозки скота и запасов семян, которые переселенцы хотели захватить с собой в Гренландию.

Что же случилось с флотилией, которая только четыре дня назад обогнула шхеры Гунбьерна, миновав те самые скалы, которые находились на расстоянии всего лишь одного дня плавания от Исландии, но долгое время считались границей, замыкающей мир викингов? Где могли быть сейчас отец Лейфа и Скульд?

Оглушенный, притиснутый к палубе, измученный, как загнанный зверь, Лейф ясно представлял себе, что рассеянные бурей суда носились теперь наугад по бурному морю, во власти ветров и течений. Правда, Эйрик подробно объяснил всем старшим на судах, какого курса нужно держаться, но при таком разгуле стихий эти наставления могли оказаться бесполезными. Сколько судов со сломанными мачтами и разбитым корпусом уже покоятся на дне! А сколько уцелевших переживают в эти минуту агонию!

Вальтоф и Скульд сели на один из самых больших судов. Им поручено было сопровождать лошадей, взятых из Окадаля. Да Вальтоф и сам не согласился бы никому доверить уход за своими жеребцами и кобылами. Кроме того, морская традиция требовала, чтобы человек, отправлявшийся в плавание с несколькими сыновьями, распределил их по разным кораблям. Этот мудрый обычай викингов обеспечивал в случае несчастья продолжение рода.

Лейф был убежден, что и остальные суда не могли уйти от бури. Истерзав «Большого змея», она должна была избрать другую жертву. Бурные волны, как покорные звери одной стаи, мчались на просторе под рев разъяренных ветров. И все же сила бури была на ущербе. Можно было подумать, что волны уносили ее с собой. Дыхание моря становилось спокой-

нее. Волнение утихло, юрд-вест ослабевал. Слабые лучи света прорезали крошечную черноту туч. «Большой змей» все еще переваливался с боку на бок, но корпус больше не скрипел.

Лейф приподнялся на колени. Он выдержал испытание и чувствовал, как в нем поднимается волна гордости. Он не поддался страху. Он с честью перенес боевое крещение, он не пал духом перед ураганом, пронесшимся над Западным океаном. На палубе «Большого змея» теперь раздавались громкие возгласы, и в каждом слышалась тайная радость людей, счастливых тем, что остались живы.

Неизвестно откуда появился Эйрик Рыжий. По его волосатой груди струилась вода. Огненные косы были перевязаны на макушке, и эта прическа дикаря делала его еще выше. Моряки один за другим собрались под мачтой. Эйрик осмотрел всех, соображая, кого из них недостает. Потом он окинул взглядом серое море, по которому волны все еще перекачивали свои пенистые гребни. Презрительная усмешка скривила его верхнюю губу.

— Клянусь Тором, мы продвинулись довольно далеко. Вот это буря! Она помогает нашим гребцам и толкает нас как раз туда, куда мы должны плыть.

Лейф с восхищением смотрел на великана. Половина гребцов «Большого змея» потонула в пучине — их смыло вместе с веслами, — ураган разорвал в клочья парус, судно чуть было не погибло, флотилию разбросало в разные стороны, а этот человек не потерял присутствия духа и вновь бросал вызов океану! В эту минуту Лейф мысленно поклялся идти за Эйриком хоть на край света.

Бьярни, скрестив на груди руки, горестно обозревал разрушения, причиненные бурей.

Эйрик положил руку на плечо друга:

— Слушай, Бьярни Турлусон. Буря мчится на север. Мы плывем на запад. Наши пути больше не сойдутся. На западе к нам присоединятся уцелевшие суда. Тор похитил у нас парус, но в трюме лежит запасной. Однако, прежде чем его поставить, мне кажется, надо бы всем закусить и откупорить бочку пива. Мы обязаны совершить возлияние в память тех, кто от нас ушел. Они погибли в море, а потому прямо попадут в жилище богов и останутся там среди Ванов и Азов*, которые будут подносить им пиршественные чаши. Этим молодцам наверняка достанется пиво получше нашего.

Лейф никогда не слышал, чтобы кто-нибудь так запросто говорил о богах и духах.

— Лейф, — сказал Эйрик, — у тебя ноги быстрее, чем у всех нас. Спустись-ка в трюм! Тебе даже не придется поднимать шкуру над трапом. Об этом уже позаботилась буря.

В большом трюме царил неопишуемый беспорядок. Хлынув-

---

* *Ваны и Азы* — божества в скандинавской мифологии.

ший сюда водяной вал перевернул все вверх дном. Снасти из моржовых шкур, скрученные из волоса канаты, медные сосуды — все плавало в воде. Бурдюки из козлиной кожи с пресной водой, кули ячменя, мешки с крупой, связки сушеной рыбы — все подмокло и громоздилось друг на друга, издавая острый запах. Волна с огромной силой швырнула железный якорь на деревянную переборку, и он вцепился в нее лапами. Сорвавшийся запасной кабан протаранил бочонки, котлы и яри с одеждой. У перевернутого плуга торчал кверху сломанный лемех. Высокие резные кресла — символ домашнего очага, — стоявшие в домах Эйрарбакки на почетном месте, валялись вперемешку целые с поломанными. На ручках кресел, принадлежавших роду Эйрика, — они уже пересекали Западное море — было изображено колесо рядом с козлиной головой. Покидая Исландию, моряк снова забрал с собой эти кресла. Яростные волны пощадили их. Две бочки и бочонок с пивом, привязанные к толстому бревну, тоже не пострадали. Это было единственное уцелевшее бревно из двадцати погруженных в Эйрарбакки. Вода кипела в трюме, как в котле. Борты «Большого змея», только чудом устояли против такого натиска.

— Ну как, Лейф? Оставила нам буря что-нибудь, чтобы промочить горло?

Против света отчетливо вырисовывалась голова Эйрика Рыжего, склонившегося над люком. Каждая морщинка, каждая складка на лице выдавали его чувства. На людях викинг скрывал владышние им ярость и гнев, вселяя в других мужество, но здесь, при виде загубленного добра, он не мог сдержаться. И под сорванной маской полубога, насмежавшегося над ураганом, Лейф увидел скорбное человеческое лицо.

— Не беспокойся, Эйрик! Пива у нас хватит до самой Гренландии, хватит и ячменя, чтобы не умереть с голоду, и хватит мужества, чтобы победить!

Говоря так, Лейф был послушен велению сердца. Чутье подсказывало ему, что в эту минуту великий викинг нуждается в чем-то другом, кроме беспрекословного повиновения своих спутников.

— Эйрик Рыжий! Все мы знаем, что удары судьбы жестоки, но наши отцы побеждали и не такие бури, преодолевали и не такие препятствия!

Эйрик вздрогнул, словно его ужалила змея. На какую-то долю секунды Лейф испугался, что был слишком дерзок. Имел ли право он, безбородый юнец, не видевший ничего, кроме серой полоски исландского моря, говорить так с человеком, который первым обогнул шхеры Гунбьерна и открыл путь на запад? Но лицо викинга смягчилось, ярость в глазах погасла. И тихо, так, чтобы только мальчик расслышал его, он промолвил:

— Большое тебе спасибо, Лейф Турлусон! Море — наш

давний враг. Вместе мы его победим. Мы будем все дальше на запад отодвигать наши рубежи. Для самых смелых Гренландия будет лишь передышкой.

Но вот его зычный голос снова загремел в полную силу:

— Лейф Турлусон говорит, что пиво не пострадало! Пусть трое людей спустятся в трюм и выкатят самую большую бочку. Мы откроем ее на палубе, и пусть каждый осушит полный рог. Викинги Исландии, нам нужно отпраздновать этот день! А как только море успокоится, мы выпустим ворона, и он отыщет нам землю.

* * *

Когда разразилась буря, судно, на котором плыли Вальтьоф со Скъольдом, было во флотилии крайним справа. С ними было тридцать мужчин, двенадцать женщин и четырнадцать детей. Старший на корабле, хитрый старик, прекрасно знавший коварство северных морей, немедленно велел спустить парус и дал приказ гребцам выбраться как можно скорее из центра урагана.

Вальтьоф тотчас же указал ему, что, идя теперь к северу, они нарушат распоряжение Эйрика все время держать курс на запад.

— Ты больше не дорожишь своей шкурой, Вальтьоф? Эйрик сейчас ничем не может нам помочь. «Большой змей» угодил в самую гущу бури. Глянь-ка в ту сторону! Можно подумать, что Один пашет на воде и на небе. Поверь мне, Вальтьоф, с этой минуты каждый должен думать о себе. Но рано или поздно наш ворон приведет нас к суше.

Вальтьоф не ответил. Он думал о Лейфе, плывущем на «Большом змее».

Судно «Гусь» шло, опережая бурю. Море было беспокойно. Дул сильный ветер, но старший правильно рассчитал курс: его корабль оказался в стороне от бури.

— Сколько дней так может продолжаться, Йорм?

Старик пожал плечами:

— Одному Тору известно. Два, три, десять дней... Плохи наши дела, очень плохи! — Он сердито кусал гнилыми нижними зубами толстую губу. — Буря сильнее воли Эйрика Рыжего. Быть может, на новой земле нам придется избрать нового вождя.

Вальтьоф готов был резко возразить ему. Он никогда не благоволил к жадному, продажному Йорму, которому Руне Торфинсон щедро платил за оказанные грязные услуги.

— Эйрик еще не умер, Йорм, и рано говорить о новом вожде, — сказал он.

Йорм захихикал и отвернулся, глядя на юго-запад, затянутый густой мглой.

— Немногим кораблям удастся там уцелеть.

— На борту «Большого змея» мой брат! — воскликнул Скольд.— Зачем же ты говоришь это моему отцу?

Иорм едва удостоил мальчика взглядом и раздраженно прикрикнул:

— Шел бы ты лучше в трюм подбирать навоз за своими лошадьми! Благодарю богов, что наше судно не очень качает, а то бы я велел выбросить за борт этих вонючих животных!

— Этим ты посягнул бы на имущество нового поселения, Иорм!

Последние слова принадлежали Вальтьофу. Он говорил спокойно, но гнев бурлил в его крови. Вальтьоф прекрасно понимал, что старые распри, ненависть, соперничество, как и зерна, привезенные из Исландии, произрастут на новой земле. Ведь Иорм не исключение. Соперничество между родами скоро нарушит покой новой колонии, и неизбежно появятся недовольные.

Лошади были возбуждены, и Вальтьофу пришлось спуститься в трюм. Жеребцы, самые беспокойные, били копытами в пол. Они чуяли близость бури.

На следующий день к «Гусю» присоединились еще два судна — «Коза» и «Медведь». Они следовали тем же путем и мечтали как можно дальше оторваться от бури. На «Медведе» было более сорока переселенцев. «Коза» до ватерлинии была загружена ячменем. Старший на «Медведе», моряк, по имени Бьори, сообщил, что не хватает двух судов.

И вот уже трое суток все три судна плыли вместе. Воздух был чист, как кристалл. Дул холодный северный ветер, и наутро парус заблестел частицами льда. К середине третьего дня на серой поверхности моря появились плавучие льды. Они медленно скользили на юго-запад. Большинство льдин возвышалось лишь на пять-шесть футов над водой. Но их внезапное появление взбудоражило людей на борту. Иорм отдал приказ плыть прямо на запад. Старшие на «Медведе» и «Козе» последовали его примеру.

Вальтьоф с тревогой думал о том, что на «Гусе» не все спокойно. Люди обменивались ядовитыми замечаниями. Начались ссоры, и, если бы дальше все пошло в том же духе, это могло привести к пагубным последствиям.

Вальтьоф поднимался из трюма. Лошадей пришлось стреножить. И тут он оказался невольным свидетелем сцены, еще более усилившей его опасения. У подножия мачты ссорилась кучка моряков. К ним подошло несколько хозяев ферм. Один из них был некий Эгиль, владелец сорока голов рогатого скота и большого стада овец. Бывший старейшина альтинга, он принадлежал к тем немногим из богатых людей, кто согласился переселиться в Гренландию.

— Сейчас ты так же беден, Эгиль, как самый нищий из твоих рабов. И ты не скоро услышишь, как мычат твои коровы и блеют твои овцы.

Это был голос Йорма. Раздались злобные и веселые смешки. А тот продолжал:

— Овцы — это те, кто слепо пошел за Эйриком Рыжим. Послушать их, так сам могучий Тор спустился на землю им помогать. Нечего сказать, хорошему богу они доверились! Едва ли Эйрику удалось вывести из бури хоть один корабль. — Голос Йорма скрипел, как трещотка, смазанная желчью. — К счастью, — продолжал он, — есть еще такие люди, как я, умеющие распознавать ветры и причуды моря. Разве нам не удалось сойти с опасного пути без всяких потерь?

Кто-то заметил, что Эйрик мог увести свой флот на юг.

— Не мели вздора! — оборвал его Йорм. — Я обращаюсь к людям здравомыслящим, а не к болванам. Я только хотел сказать, что среди нас найдется сотня таких, которые стоят Эйрика, и не менее десятка более достойных, чем он. Не думайте, что я говорю о себе. Я только моряк, умеющий управлять судном. Но вот, к примеру, ты Эгиль Павлин. Ведь ты правил делами в Эйрарбакки. За тобой пошли твои друзья и слуги. Видно, тебе очень верят бедные люди, если Гренландия мерещится им раем. Ты ловок, умеешь разговаривать с людьми. Ты великодушен, и я знаю — не забудешь тех, кто поможет тебе умерить бахвальство Эйрика Рыжего и Бьярни Турлусона.

Лукавый язык Йорма расточал яд весьма умело. Слушатели уже видели себя на лучших общественных должностях, и толстый Эгиль, конечно, не мог остаться бесчувственным к этой лести. Неважно, что его называли Эгилем Павлином. Разве в такое время можно было обижаться?

— Тором клянусь, ты мудро рассуждаешь, Йорм! Незачем отдавать в руки Эйрика Рыжего и его дружков все богатства Гренландии. Вместо него нужен справедливый, рассудительный человек, думающий об общем благе, осторожный и сильный, которого поддержат друзья.

Эгиль Павлин с тупой самонадеянностью честолюбца быстро поддался игре ловкого Йорма. Тот попросил присутствующих хранить все это в тайне и пообещал, что те, кто примкнул к заговору с первого дня, получат наибольшие блага.

— Эгиль сумеет оценить достоинства каждого, друзья мои. А теперь те, кто не должен стоять на вахте, могут отправляться спать.

— Да благословит великий Тор все наши начинания! — напыщенно произнес Эгиль Павлин. — Идите к себе да накройте хорошенько шкурами! Ночь очень холодная.

Эгиль вдохновился предложением Йорма и уже видел себя вождем. Он с большим достоинством удалился. Йорм тоже направился по проходу, ведущему к полубаку. Его люди последовали за ним.

Дрожь пробежала по спине Вальтёфа. Они еще не успели

добраться до новой земли, а уже затеваются низкие заговоры. К этим людям могут примкнуть все недовольные и глупцы, которые польстятся на их посулы. Йорм и несколько таких же честолюбцев сделают Эгиля своим слепым орудием и будут вертеть им, как захотят.

Подлые псы! Презренные душонки!

Вальтьоф сжал огромные кулаки. Зависть к могуществу лишила заговорщиков последних остатков разума. Ведь Эйрик подарил им новый материк. Он приобрел их к великому начинанию, а вместо благодарности эти ничтожные пигмеи собирались его погубить.

Холодный ветер, который пронесился над палубой, не умерил его гнева. Вальтьоф задыхался. Он расстегнул ворот рубашки, чтобы стряхнуть невидимую руку, сдавившую ему горло, и облокотился о планшир. Ему нужно было собраться с мыслями.

Серое, как рыба чешуя, море освещала бледная луна. Вдали невидимое течение относило ледяные глыбы. Их верхушки отливали то пламенем, то серебром. Блуждающие громады, оторвавшиеся от неведомых берегов, казались видениями другого, таинственного мира. Рассказывали, что там, на севере, где всегда царит ночь, льды и снега — безраздельные властители земли. А может быть, эта ледяная стена, плывущая навстречу трем кораблям, не что иное, как преграда, которую темные силы воздвигли в противовес человеческой храбрости?

Это невиданное зрелище немного разрядило гнев Вальтьофа. Эйрик и его приверженцы были достаточно сильны, чтобы справиться с кучкой предателей, объединившихся вокруг Йорма и Эгиля Павлина. Нужно так или иначе сообщить Эйрику о назревающем заговоре. Вальтьоф один владел этой тайной. Это было нелегкое бремя. Ведь он в любой день мог погибнуть. Йорм не любил его, потому что ненавидел Бьярни. Долго ли случиться беде?..

Мысли путались в голове Вальтьофа. На этом судне не было человека, которому он мог бы довериться. Разве что Скъольд? Он больше не колебался и пошел по проходу вперед. В конце этого прохода было место, где спал его младший сын. Мальчик лежал, закутавшись в медвежью шкуру. Вальтьоф задумчиво посмотрел на него. Споры нет, хранить подобную тайну — тяжкая ноша для ребенка. Но выбора не было.

— Скъольд, проснись, это я, Вальтьоф, твой отец!

У Скъольда был чуткий сон. Это было наследственное свойство охотников и воинов, передававшееся из поколения в поколение.

— Я должен поговорить с тобой, сын. Ступай за мной! В трюме нет никого, кроме животных, а это немые свидетели. Вальтьоф не любил спать на нарах в полубаке. Он предпо-

читал охалку соломы в трюме, возле лошадей. По ночам он гладил их, успокаивал, называя по именам.

Заслышав знакомые шаги, животные тихо заржали.

— Спокойно, спокойно, мои милые! Я поговорю с вами потом.

Скьольд погладил шею Грома, своей любимой лошади. Это был лихой жеребец с белоснежной гривой.

— Садись, Скьольд, и слушай меня внимательно!

Вальтьоф рассказал обо всем случившемся. Он говорил медленно, боясь упустить малейшую подробность, обращая особое внимание на то, что ему казалось наиболее важным. Оторопевший Скьольд слушал отца. Неужели люди его племени, исландские викинги, могли так погрешить против чести и закона! Ведь Эйрик Рыжий, открывший новые земли и вернувшийся, чтобы сделать их достоянием сотен людей, стяжал себе большую славу, чем наиболее почитаемые морские ярлы! Что же двигало Йормом, Эгилем и им подобными, подрывавшими его власть?

— Ты ничего не забудешь, мой мальчик? Если со мной что-нибудь случится — нет, нет не бойся, моей жизни не угрожает опасность! — ты передашь все это Эйрику и дяде Бьярни. А теперь повтори, что я сказал.

Вальтьоф был, как всегда, спокоен и рассудителен. В его любви к порядку многие видели признак недалекого ума. Он не успокоился до тех пор, пока Скьольд слово в слово не пересказал ему всю историю заговора.

— Хорошо, сын мой! Нам придется бороться до тех пор, пока в Гренландии не восторжествуют неподкупные законы викингов. А теперь оставайся здесь и спи!

Он заботливо накрыл Скьольда и посидел рядом с ним, пока не услышал ровное дыхание мальчика. Вальтьоф запрещал себе думать о Лейфе. Бьярни обещал ему присмотреть за сыном. Но ведь и Бьярни был бессилен перед будущей стихией.

Вдруг забеспокоился белогривый жеребец, любимец Скьольда. Вальтьоф встал и подошел к лошади. Она вздрагивала, словно чуя приближение опасности.

— Успокойся, сын ветров, успокойся! Это я, Вальтьоф!

Он погладил коня и почувствовал, как по телу животного от гривы до колен пробежала дрожь.

Глава II

«ГУСЬ» И «МЕДВЕДЬ»

Скьольд проснулся от какого-то странного топота на палубе. Вальтьоф был уже на ногах. Сквозь просветы в наплотно

сшитых шкурах, натянутых над трюмом, пробивалась серая мгла — предвестница утренней зари.

— Что случилось, отец? На нас напали?

— Гром всю ночь бил копытами. Видно, чуял в воздухе опасность.

До них доносились гул голосов, слова команды, приглушенные всплесками волн, ударявшихся о борт судна. Отец и сын поспешно оделись и поднялись на палубу, застегивая на ходу меховые куртки. Уже на трапе у Скъольда перехватило дух. От морозного воздуха у мальчика валили изо рта клубы пара. После отъезда из Эйрарбакки ему еще не привелось испытать такой лютый холод.

Все моряки столпились у правого борта.

— Что случилось, Грим? — спросил Скъольд одного из них, стоявшего у кабестана.

Лицо у Грима было землистого цвета.

— Айсберги! Истряслось же такое! «Коза» попала в ледяной плен.

«Коза» находилась менее чем в трех кабельтовых от «Гуся», в центре узкого треугольника, образованного тремя ледяными горами. Скъольд никогда не видел ничего подобного. Рыльме и все же грозные, эти горы на сто футов возвышались над морем, покачиваясь на волнах. Рыбакам не раз приходилось встречать в Исландском море блуждающие ледяные глыбы, но о таких гигантах не упоминалось даже в самых преувеличенных рассказах.

И сразу же произошло непоправимое. Одна из ледяных глыб перевернулась, удивительно похожая на резвящегося кита. Ее вершина погрузилась в воду близ носа «Козы», выбросив струю воды, равную по высоте утесам Боргарфьорда. В то же время основание ледяной горы очутилось на поверхности. Переворачиваясь, ледяная громадина задела судно, которое мгновенно расколосось пополам. Взметнувшаяся волна обрушилась на «Гуся». Еще минута, и все мужчины уже валялись на палубе, оглушенные мощным ударом ледяного чудовища. А гигантская льдина снова спокойно покачивалась на седых волнах.

От «Козы» не осталось и следа. Ни одно тело не поднялось из морских глубин, ни один обломок не всплыл на воду. Огромная воронка втянула все в себя.

Скъольд поднялся одним из первых.

Безграничный ужас отразился на лицах людей. Истощенным голосом вопила какая-то женщина: ее брат был гребцом на «Козе». Пришлось запереть ее в трюм. Охваченная безумным отчаянием, она хотела броситься в море и била кулаками каждого, кто к ней приближался.

— Ледяная гора идет на нас! Она уже близко! Мы прокляты богами!

Эгиль Павлин, белый как мел, дико закричал, протянув руки к морю. Лыдина на самом деле плыла к судну. В трюме ржали лошади. Обезумевшие жеребцы дрались и кусали друг друга.

— Поднять якорь! — крикнул Йорм. — Гребцы, на весла! Поставить парус! Ветер нам поможет.

Все приказы были выполнены мгновенно. Каждому хотелось скорее покинуть эти гибельные места.

— Держать на юго-запад!

Лучше было плыть навстречу сотням бурь, чем быть раздавленными этими льдами, неизвестно откуда возникавшими из глубины ночи. Все задавали себе вопрос: почему дозорные на «Козе» не сообщили о появлении ледяных гор? Ведь ночь ясная и люди стояли на вахте. Вопрос этот, конечно, остался без ответа, и в душе у моряков затаился страх. Уж не за этими ли непроходимыми рубежами живут черные эльфы, коварные духи царства мертвых?

Эгиль Павлин, упав на колени у основания большой мачты, приказал, чтобы все слушали его клятву Тору.

— Если я когда-нибудь вернусь в Исландию, обещаю принести в жертву по рыжему быку на каждой из священных площадок — в Эйяфьорде, Дьюпадалре, Гнупуфелле и Эйрарбакки.

А в трюме, как волчица, выла женщина.

— «Медведь» обогнал нас, — сказал Скъольд Вальтьофу. — Прав был Эйрик, когда говорил, что надо все время держать курс на запад.

Вальтьоф не ответил. Он думал о тех, кто слаб духом и не вынесет подобного испытания, о тех, чье воображение воспламенили рассказы о новой жизни, кто видел в плавании Эйрика лишь победное движение вперед. Такие люди станут теперь послушными орудиями Эгиля и Йорма...

Двое с половиной суток «Гусь» шел на юго-запад. Дул ровный ветер. Утром третьего дня бросили плавучий якорь, и Йорм в присутствии всего экипажа выпустил за борт ворона. Птица недолго покружилась над судном и полетела на запад. Ее прождали полдня, но она не возвратилась.

— Видимо, поблизости на западе есть земля, — сказал Йорм, — и наш ворон опустился на нее.

* * *

«Большой змей» приближался к Восточному поселку, основанному Эйриком Рыжим еще во время первого плавания. Пока весь этот поселок состоял из трех низких просторных строений в глубине фьорда. Но кругом не было недостатка в камне. Здесь и задумано было создать для исландцев большой поселок. Еще за два дня до того, как на горизонте показалась

земля, Эйрик перестроил свои восемь кораблей, мало пострадавших от бури. Они были нагружены ячменем, скотом и сельскохозяйственными орудиями.

У входа во фьорд Восточного поселка «Чайка» Олафа Тривигсона, на которой было семьдесят переселенцев, лишенная мачты и сильно потрепанная бурей, ждала помощи. Спасательные работы были выполнены без помех. Груз, состоявший из рыболовных сетей, крючков, гарпунов и связок сушеной рыбы, не пострадал.

Едва ступив на землю, Бьярни Турлусон разложил торф и зажег большой костер на утесе, прикрывавшем вход во фьорд. На рассвете следующего дня приплыли еще три судна со ста шестьюдесятью двумя переселенцами.

Прошел еще день, но новые паруса не показывались. На четвертый день после окончания бури люди поняли, что последняя надежда дожидаться потерпевших кораблекрушение утрачена. Но Лейф Турлусон не отчаивался. Пока переселенцы знакомились со своей новой родиной, он оставался на берегу, поддерживая огонь. Это было делом нетрудным: по склонам плоскогорья в изобилии росли сухой лишайник и разные кустарники.

Лейф не терял надежды. Он был убежден, что Вальтьоф и Скульд живы и находятся где-то в море. В глубине души что-то подсказывало ему, что они не погибли. Если бы Скульд, его младший брат, утонул, то связывавшая их незримая нить оборвалась бы и он, Лейф, не мог бы этого не почувствовать. Вот почему юноша был спокоен.

— Дядя Бьярни, — обратился он к викингу, который принес ему миску каши и кусок сыра, — я буду ждать столько, сколько потребует. Пройдет, быть может, много ночей и дней, но я не устану смотреть вдаль, чтобы первому заметить парус «Гуся».

— Йорм хороший моряк, — уклончиво заметил Бьярни.

— Йорм прежде всего гнусный торгаш. Он брал четырехкратную плату за лес, который привозил из Норвегии для исландцев по распоряжению Рюне Торфинсона. Но сейчас это безразлично. Когда у входа во фьорд покажется парус «Гуся», я готов буду петь хвалу Йорму...

Бьярни исчез в холодной ночи, окутанной белесым туманом, а Лейф, завернувшись в медвежью шкуру, укрылся меж двух скал. Его костер был ярким пятном во мраке. Лишайники долго питали небольшой огонек, плясавший на красных углях. Лейф без усталости смотрел на причудливые тени, беспрестанно рождавшиеся в игре пламени. То подплывал дракар, распустив парус по ветру, то рушилась или вздымалась гора, то в глубине волшебного леса взлетала сказочная птица-дракон. Затем в мерцании огня показались тонкие черты Скульда. Он улыбался. Лейф залюбовался этим счастливым видением и заснул.

От неутихавшего ветра по морю стлались клочья серого тумана, и волны швыряли их о стену береговых утесов с равномерностью бьющегося сердца.

Быть может, рожденный в пламени дух Скъольда всю ночь беседовал со спящим Лейфом. Стая крикливых чаек над безымянным мысом приветствовала одновременно пробуждение юноши и появление в водах фьорда «Гуся» и «Медведя». Дозорные, вглядываясь в даль, заметили в ночи красный огонек костра. Старшие на судах, несмотря на желание плыть вперед, бросили якоря, и люди, пробуждаясь один за другим, забывали в эту минуту обо всех пережитых бедах. На берегу горел костер, зажженный для них! Их простые сердца, как почки весной, раскрывались для чувств, которые удивляли их самих. Ведь люди на невидимом берегу освещали им путь!

Скъольд сжимал в руке пальцы Вальтьофа.

— Это Гренландия, отец! Наши уже здесь.

Он говорил «наши», чтобы обмануть злого духа. Мальчик не осмеливался произносить имена Эйрика Рыжего, Лейфа, Бьярни.

— Да, Скъольд, там наши. Они указывают нам путь.

Огонек съезжился, на мгновение сверкнул, как падающая звезда, и погас. Лишь тогда Вальтьоф и его сын почувствовали ночной холод. Неподвижные стояли они во мраке, ожидая нового знака. Они так пристально вглядывались в темноту, что у них заболели глаза. Серый свет зари уже мало-помалу разливался над морем, а они еще оставались на том же месте.

Теперь уже отчетливее выделялась линия берега, закрывавшая горизонт. Внезапно открывшийся провал меж двух скалистых выступов указывал вход в фьорд.

Иорм и Эгиль Павлин стояли на носу судна.

— На месте решим, что нужно делать, Эгиль, — сказал Иорм. — Знай: что бы ни случилось, даже если мы застанем Эйрика в живых, к тебе все равно примкнут многие. Власть на новых землях будет принадлежать тому, кто сумеет ее захватить. Ты стоишь не меньше Эйрика Рыжего, Эгиль, а твой род куда древнее, чем его.

— Я никого не боюсь. Вы все в этом убедитесь, — хорохорился Эгиль Павлин. — Мои предки принадлежали к королевскому роду. Это о них говорилось в саге: «Для этих гигантов спать под крышей или долго сидеть у очага считалось позорным». А моя кровь не хуже их крови.

Хитрый Иорм повернулся, чтобы скрыть улыбку. Этот дурень пойдет за ним в огонь и в воду. Жребий был брошен. Иорм дал приказ держать курс прямо во фьорд.

Оба судна прошли под скалой, где с надеждой в сердце бодрствовал Лейф. «Гусь» шел впереди, а «Медведь» — в кабельтове за ним.

Лейф видел все, оставаясь незамеченным. Отвесный утес,

на котором тысячами гнездились чайки, был похож на береговой утес Боргарфьорда, и гребень его на триста футов возвышался над палубами кораблей. Вытянувшись на жестком граните, мальчик пытался узнать знакомых ему исландцев, двигавшихся на палубе «Гуся». Он узнал Йорма, владельца судна, и Эгиля Павлина, важно восседавшего на месте загребного, и Грима, и Торольфа Волка, и Бьорна Кальфсона, кузнеца, и Хравна, которого называли «Хравн» — «Сын Лосося», потому что его мать, Фригга, приносила с рыбной ловли в реке Хвита лучший улов, чем мужчины. И, наконец, он увидел Скъольда, стоявшего рядом с отцом.

— Слава Йорму, хозяину «Гуся», который благополучно доставил моего отца и моего брата! Слава Йорму Храброму!

Лейф отвернулся и сплюнул. Юноша ненавидел Йорма. Тем не менее он сдержал слово.

Он поспешил спуститься с крутого склона. До лагеря Эйрика было не меньше мили. Быть может, ему повезет и он первый принесет дяде Бьярни счастливую весть.

Глава III

ЗАГОВОРЩИКИ

Из двадцати семи судов, отплывших из Исландии, только пятнадцать стали на якорь у Восточного поселка. Двенадцать судов с широким обводом погибли в бурю, унеся с собой более пятисот пятидесяти переселенцев. В Гренландии высадилось триста мужчин и женщин и около четырехсот детей и подростков. Первое знакомство с новой родиной не оправдало надежд исландцев. Гренландия представлялась им зеленой страной, наделенной сказочными богатствами, а на деле все оказалось совсем иным. Там, где они ожидали увидеть леса, как в Норвегии, просторные пастбища, плодородную землю, простиралось серое каменистое плоскогорье. Его перерезали горные долины, покрытые редкой травой, чахлым кустарником и искривленными ветром корнями, которые звездообразными щупальцами спускались к фьорду. Скалистый щит был непригоден для жилья. Ни одна из возвышенностей не могла сдержать дикие порывы ледяных ветров.

Эгиль Павлин, снова ставший счастливым обладателем большого стада и по-прежнему богатый, выказал недовольство в первый же день прибытия на новые земли.

Эйрик Рыжий и Бьярни наблюдали за выгрузкой скота, сельскохозяйственных орудий и съестных припасов, тогда как несколько землепашцев, под началом Вальтёфа, наспех строили загон для лошадей, коров и овец. В трех больших домах с помещениями для сна, для стирки и для хранения припасов

суетились женщины. Они варили в котлах сушеную треску.

Зная, что Йорм и его моряки находятся рядом, Эгиль Павлин с дерзким видом обратился к Эйрику:

— Ты посулил нам зеленую страну и огромные просторы земли, а что же мы нашли? Одни лишь камни, а растений не больше, чем на пустошах в Эйрарбакки.

Эйрик ожидал подобного взрыва. На этот случай он подготовил убедительные слова:

— Быстро ты теряешь терпение, Эгиль! Мы прибыли сюда в плохое время года. Ведь нам пришлось выждать в Исландии, пока поспеет ячмень. Зима здесь будет суровой. Снега покроют всю землю. Ледяные языки поползут по фьорду и доберутся до наших судов. Наши отцы изменили Исландию не за один год. Нам придется строить, сеять, распахивать землю, сажать растения, обносить поля каменными оградами. На западе, по другую сторону мыса Братталид, есть и другие долины. Весной мы разделимся и построим новые селения. Это не скоро делается, викинг!

Эгиль ухмыльнулся. Случай был подходящий, чтобы затеять ссору.

— Если я тебя понял верно, Эйрик, ты предлагаешь нам работать на тебя. Сначала мы отстроим сотню домов и складов в Восточном поселке, ты поселишься в них со своими людьми, а нам предоставишь какой-нибудь пустынный фьорд. Так знай же, Эйрик Рыжий, что мы тебе не рабы.

Эйрик с величайшим трудом сдерживал гнев.

— На этой земле нет и не будет рабов, Эгиль. Все переселенцы, кем бы они ни были в Исландии, станут здесь свободными людьми. Поля будут вспаханы и засеяны для общего блага, а жилища все приехавшие получают по справедливости. Не пытайся же вселять тревогу в души слабых, Эгиль!

Чванный Эгиль отступил перед суровыми, но убедительными доводами Эйрика, однако Йорм полагал, что на этом успокаиваться не следует. Поскольку яд уже начал просачиваться, нужно, чтобы он как можно глубже растравлял рану. Йорм обладал способностью подливать масло в огонь.

— Эйрик, — сказал он, — я не хочу вмешиваться в твою распрю с Эгилем. Оба вы и правы и неправы. У нас, викингов, горячая кровь порой заглушает разум. Ты открыл этот край и назвал его Зеленой Землей, чтобы увлечь нас и распалить наше воображение. Пусть будет так! Мы последовали за тобой. Но ведь нельзя отказать Эгилю в мудрости. К его голосу прислушивались в альтинге. Он достаточно сметлив, чтобы с пользой заниматься делами поселка. Так почему бы вам с ним не разделить власть?

Йорм говорил спокойно, равнодушным голосом, будто все это для него, человека, непричастного к спору, не имело никакого значения. Он прекрасно знал, что его слова западут

в душу некоторых разочарованных викингов, которые сейчас один за другим оставляли работу и подходили послушать разговор.

Эйрик, подобравшись, как пес, отражающий нападение, сделал Йорму знак молчать, но лукавый моряк не обратил на это внимания. Вдруг, повернувшись к стоявшим полукругом безмолвным слушателям, он облизнул тонкие губы и сплюнул на сторону. Так поступают, когда хотят показать чистоту своих намерений.

— Викинги! Ваше дело решать! Согласны ли вы, что мое предложение справедливо?

Он был так уверен в своих силах, что даже не повысил голоса. Вкрадчивый старик, полузакрыв глаза, стоял и ждал, чтобы высказались его сторонники. Их восторженное одобрение неизбежно должно было найти отклик среди многих колеблющихся — людей, привязанных к Эйрику, но ожесточившихся после трудного плавания и разочарования, ожидавшего их на новых землях.

Но послышалось только несколько возгласов из кучки приверженцев Йорма. Среди них были Торольф Волк, Грим, Хравн.— Сын Лосося, Скиди Норвежец, Ивар Горлан и еще десяток других. Наиболее хитрый из них, Грим, сдерживал безрасудный пыл своих товарищей. Он считал, что бесполезно им реветь подобно ослам, если предложение Йорма не вызывает бури одобрительных криков.

Эгиль Павлин волновался. Напротив него, менее чем в десяти шагах, стоял Бьярни Турлусон и в упор смотрел на него. Этот пристальный взгляд раздражал Эгиля. Что еще может прийти в голову проклятому скальду, и почему так слабо поддерживает друга Йорм?

Бьярни положил руку на правое плечо Эйрика Рыжего, как бы советуя ему не торопиться. Эгиль почувствовал, что слишком рано сбросил маску. Он ощутил на спине неприятный холодок, будто потекла стуйка ледяной воды.

Йорма тоже охватило беспокойство. Тихим, миролюбивым голосом он повторил свое предложение:

— Отвечайте же, викинги! Считаете ли вы Эгиля достойным разделить власть с Эйриком Рыжим?

Сыну Лосося надоела вся эта неразбериха, и, чтобы покончить с нею, он заорал во всю глотку:

— Эйрик Рыжий нас обманул! Пусть его заменит Эгиль, хотя его и называют Павлином!

Торольф Волк, Скиди Норвежец и Ивар Горлан, опешив, переглянулись. Грим, поняв, что дело проиграно, переметнулся к другой группе. Дурак Лосось испортил все дело. Со всех сторон послышались смешки. Викинги облегченно вздохнули. Теперь они больше не боялись смотреть друг другу в глаза. Козни Эгиля были шиты белыми нитками. Йорм Хитроумный,

убедившись в провале своего замысла, решил дожидаться лучших дней. Подражая бесстрастному голосу судьи, наблюдающего за правильным ходом поединка, он обратился к Эйрику Рыжему:

— Я ведь только хотел помочь нашему устройству на Зеленой Земле, но раз викинги не принимают моего предложения, говорить больше не о чем.

Покинутый всеми, Эгиль молча удалился. Глаза Бьярни Турлусона поблескивали, и заговорщик прочел в его взгляде жестокую насмешку. Неожиданно споткнувшись о камень, Эгиль упал ничком и, не в силах вынести раздававшихся кругом взрывов хохота, остался лежать, обессиленный, смешной, лишенный всего своего ложного величия. Он дрожал от ярости, как связанный бык.

Иорм закричал еще раз настолько громко, чтобы все услышали:

— Ну, вот и хорошо! Мне добавить нечего.

Люди в нерешительности топтались на месте, будто не удовлетворенные исходом этой ссоры.

— Если тебе больше нечего добавить, Сын Лиса, то вместо тебя скажу я... — раздался вдруг из толпы незнакомый голос.

И Вальтоф Турлусон, за которым, как две тени, следовали Лейф со Скъольдом, смело раздвинул ряды слушателей. В толпе зашумели: Вальтоф заменил имя отца Иорма самым оскорбительным прозвищем, какое только могло быть: он назвал Иорма Сыном Лиса.

Те, кто хорошо знал Вальтофа, были поражены его смелостью. Впервые за многие годы его взгляд выражал спокойную уверенность.

Он шагнул к Иорму, который растерянно смотрел на него, не зная, как ответить грозящий ему удар.

— Ты так оскорбляешь меня, Вальтоф, будто я причинил тебе какое-нибудь зло. Не забывай, что я привез тебя на борту моего корабля. Отца моего и вправду звал Рыжим, но это не имеет ничего общего с обманчивым нравом Лиса.

Его маленькие глазки метали искры и впивались в лицо Вальтофа, словно искали объяснения этому неожиданному выпадку. Вальтоф, не выказывая волнения, остановился перед Иормом.

— Твой отец здесь ни при чем, Иорм! Лис притаился в глубине твоей души, и с того самого дня, как ты появился на свет, вы связаны с ним, как быки в одной упряжке. Вас может удивить, друзья мои, что Вальтоф Печальный, Вальтоф Тихий вдруг заговорил перед таким многолюдным собранием. Но ведь сейчас решается успех всего нашего дела.

Он отвернулся от Иорма и продолжал:

— Я заговорил потому, братья, что от этого зависит наша жизнь. Я прошу вас выслушать меня внимательно. Потом

вы вольны будете поступить, как найдете нужным. Всего лишь трое суток мы находимся на новой земле, куда добровольно последовали за Эйриком Рыжим, а уже среди нас поселилась вражда.

От этого человека исходила какая-то удивительная сила убеждения. Он еще не успел высказать свои обвинения против Йорма, но все уже почувствовали, что ни малейшая ложь не сойдет с уст этого человека, на лице которого залегли преждевременные морщины.

Йорм лучше кого-либо другого понимал, какая опасность над ним нависла.

— Вальтьоф хочет обвинить меня в вымышленных грехах! — закричал он отчаянным голосом. — А почему? Да потому, что Бьярни Турлусон завидует мне. Замолчи, Вальтьоф, и останемся добрыми друзьями! У тебя нет более преданного друга, чем я!

Не обращая внимания на эти льстивые слова, Вальтьоф привлек к себе обоих сыновей и выдвинул их вперед.

— Слушайте, викинги! Вот мое единственное сокровище на этом свете. Головами детей моих кланусь говорить только правду. А если я погибну раньше, чем dokonчу мой рассказ, младший сын заменит меня. Я поведал ему о предательстве Йорма, хозяина «Гуся», чтобы зло не осталось безнаказанным.

— Ложь! Ложь! — завопил Йорм. — Скажите же ему, что это ложь! Ведь вы все знаете меня!

Он призывал в свидетели моряков своего судна, но его протесты не находили отклика. Торольф Волк, Скиди Норвежец и Ивар Горлан смотрели куда-то в сторону. Один лишь Сын Лосося поддержал его, проворчав несколько необдуманных слов, окончательно подорвавших доверие, на которое надеялся Йорм.

Выждав, чтобы Йорм перестал бесноваться, Вальтьоф спокойно продолжал:

— Я обвиняю Йорма, Эгиля Павлина, Скиди Норвежца и десяток других, чьих имён я не знаю, в том, что они хотели поднять бунт против Эйрика Рыжего. Это было однажды вечером на борту «Гуся». Я поднимался из трюма, где ухаживал за лошадьми...

Лицо Вальтьофа оживилось, будто гнев стёр с него серый налёт, покрывавший его, как маска.

Викинги почтительно слушали, как разматывался клубок заговора. Эгиль Павлин попытался протиснуться сквозь первый ряд, чтобы затеряться в толпе, но кузнец Бьорн Кальфсон грубо вытолкнул его на середину круга. Тогда Эгиль бросился на Йорма и стал изо всех сил бить его в грудь кулаками.

— Это всё ты подстроил, Йорм! По справедливости наказан должен быть ты один. Я хотел только земли, чтобы мой стада приносили больше дохода.

Эйрик Рыжий, который до этой минуты стоял неподвижно, подошёл к Вальтёфу:

— Тебе незачем продолжать, Вальтёф! Эгиль сам признал своё участие в заговоре, и Йорму нечего возразить. Очень досадно, что на земле, которой ещё не коснулась мотыга, уже начинаются распри. Но, может быть, это и к лучшему. В Гренландии пока нет законов, мы их ещё не установили. Я не стану мстить ни Йорму, ни Эгилю. С востока на запад тянутся обширные земли. Все недовольные могут поселиться там, где им заблагорассудится. Они получают свою долю орудий, скота и семян. «Гусь» — собственность Йорма. Пусть он у него и останется! Вдоль западного побережья нет недостатка во фьордах.

— А я могу увезти своё стадо? — спросил Эгиль.

— Этим ты окажешь нам услугу, — пошутил Эйрик. — Если твои быки похожи на тебя, они будут только портить наших. Соберай их скорей и уходи отсюда прочь!

— Дай мне немного времени на сборы, — попросил Йорм. — Хоть несколько дней.

Дело обернулось для заговорщиков не так уж плохо, и склочник Йорм немного воспрянул духом. Быть может, эта отсрочка позволит увезти из Восточного поселка побольше людей.

— Вы уедете сегодня же вечером, — резко оборвал его Эйрик. — Пока Эгиль будет считать коров, ты Йорм, собери своих людей. Клянусь Тором, я охотно уступаю тебе Скиди Норвежца, Грима и всех им подобных. А Сын Лосося сумеет позабыть нас по вечерам.

За Йормом и Эгилем последовали двадцать семейств и двенадцать неженатых мужчин. Это составляло семьдесят девять человек, включая детей. Тут были моряки с «Гуся», к которым присоединились недовольные, ожидавшие найти в Гренландии жизнь, свободную от всяких забот. Бьярни и Лейф Турлусон занимались выдачей отъезжающим их доли ячменя, съестных припасов и сельскохозяйственных орудий. Когда настала очередь Йорма, Лейф оказался с ним с глазу на глаз.

Йорм склонился к Лейфу:

— Предупреди отца, Лейф Турлусон, что я ничего не забуду. Юноша прямо смотрел ему в глаза:

— Если когда-нибудь на этой земле с моим отцом случится несчастье, а твоя рука или твой язык будут тому виной, я проломлю тебе голову, Сын Лиса. И знай, что это не пустая угроза.

Йорм отошел со своей сетью и двумя гарпунами. Лейф проводил его взглядом до песчаной отмели фьорда. Изгнанники переносили на борт «Гуся» свою долю имущества. Из трюма, где содержался скот, шел едкий запах пота и прелой соломы. На носу и на корме громоздились тюки звериных шкур и мехов. Трое подростков, вооружившись длинными ремнями, отгоняли рои чаек, слетавших с высоты на парусину, где были разложены зерно и сушеная рыба. Чем меньше времени оставалось до

отплытия, тем больше все суетились, бегая с корабля на берег и с берега на корабль. В этой сутолоке не смогла перебраться женщина, рассаживавших маленьких детей под скамьями гребцов, чтобы уберечь от холодного ветра, дующего с суши.

Эгиль Павлин стоял, опершись на перила, безучастный ко всему, что происходило вокруг него. Его не огорчал отъезд из Восточного поселка. Где бы «Гусь» ни бросил якорь, где бы изгнанники ни решили основать поселение, везде он будет первым по богатству и положению. А здесь он должен был подчиняться Эйрику Рыжему. Судьба обернулась против него. Но он не таил злобы на великого алкинга. Весь гнев и ненависть сосредоточились у него на Вальтьофе Турлусоне, который раскрыл перед всеми тщательно подготовленный заговор.

Придет время, и он отомстит этому человеку, унижившему его при всех. У Эгиля в ушах до сих пор отдавался оглушительный взрыв хохота, приветствовавшего его плачевное падение.

По сходням шел на корабль Йорм. Эгиль двинулся ему навстречу. Эгилю очень хотелось знать, как встретит его теперь хозяин «Гуся».

Йорм опустил широкую ладонь на руку Эгиля.

— Забудем взаимные обиды, Эгиль! — сказал он. — Теперь нам необходимо объединиться. Если мы с тобой найдем общий язык, нам не придется склонять голову перед Эйриком и его дружками. Наше положение выгоднее, чем их.

И, так как Павлин, пораженный бодрым настроением Йорма, удивленно поднял брови, моряк наклонился к Эгилю и сказал так, чтобы никто не мог его услышать:

— У нас то преимущество, Эгиль, что мы знаем, где их найти, а сами можем долгое время скрываться от них. Они выделили нам нашу долю семян и скота, орудий и гарпунов. Клянусь Тором, настанет срок, и мы вернемся сюда за всем остальным. Наши предки были пиратами, Эгиль. Если ты согласен, мы восстановим их обычай на новой земле, а тебя выберем вождем.

— Ты умен, Йорм! Твои слова мне по душе. Знай, что здесь остается человек, у которого я мечтаю вырвать сердце из груди. Ради этого я готов стать пиратом или берсерком.

— А заодно приятно будет разделить добычу, Эгиль! Позднее мы будем совершать более далекие набеги.

— Я пойду за тобой, Йорм, но поклянись, что ты сможешь мне отомстить этому человеку. Ведь ты понимаешь, о ком я говорю?

— Конечно, о Вальтьофе Турлусоне. Не бойся, Эгиль, у меня накопилось не меньше обид на этого медведя! Обещаю тебе, что жертвой первого же набега станет Вальтьоф Турлусон. Если мы захватим его живьем, можешь, если тебе захочется, растерзать его. Если же он от нас ускользнет, то, быть может, нам удастся взять его детенышей.

— Ты дальновиден, Йорм. Хорошо, что ты мне доверился. Эгиль Павлин принял важный вид, напыжился и тоном, подобающим вождю, произнес одну из тех фраз, какими прежде любил пересыпать свои речи перед судьями альтинга в Исландии:

— Я сумею проложить новые пути, Йорм!

Йорм одобрительно кивнул. Сейчас не время было противоречить этому напыщенному чурбану.

Между тем заканчивалась погрузка сельскохозяйственных орудий. Грим и Скиди Норвежец, завершая шествие, катили боченок с крепким пивом, которое получалось от брожения брусничных и можжевельных ягод. Двум пройдохам удалось выклянчить его. В ту минуту, когда Йорм уже отдавал приказ поднять парус, к «Гусю» подошли Эйрик Рыжий и Бьярни Турлусон с сыновьями Вальтофа.

— Эгиль, Йорм и все, кто последовал за вами! — обратился к отъезжающим Эйрик. — Я желаю вам доброго пути. Гренландия велика, и места хватит всем. Желаю вам успехов и процветания, но не вздумайте возвращаться в Восточный поселок. Если вы это сделаете, я прогоню вас, как собак. Для нас вы отныне чужие, и мы не хотим больше видеть ни вас, ни ваших потомков.

Это была не угроза. Это были издавна принятые слова которыми провожали изгнанников. Эгиль, Йорм и их приспешники своими делами сами отделяли себя от общины, и община порывала с ними всякую связь.

Спорить было не о чем. Йорм поднял руку, и двенадцать пар весел погрузились в воду. Судно отвалило от берега. Жители Восточного поселка возвратились к прерванным работам.

— Дядя Бьярни, — задумчиво сказал Лейф, — что их ожидает?

Скальд пожал плечами.

— На этом судне слишком много плутов и лодырей, а таких едва ли ожидает завидная участь. Скажу тебе по совести, мой мальчик: не будь на борту женщин и детей, я пожелал бы, чтобы «Гусь» раскололся пополам в открытом море.

Глава IV

ДЛЯ БУДУЩЕГО УРОЖАЯ

Отъезд Эгиля, Йорма и их приспешников мало отразился на жизни Восточного поселка. Колонистов ждало множество неотложных дел, и каждый час был дорог. Скоро суровая северная зима, как голодная волчица, набросится на долины и фьорд. Эйрик, Бьярни и все те, кому уже дважды привелось зимовать в Гренландии, знали, что нужно хорошо использовать

двух- или трехнедельную отсрочку. К счастью, ветры не меняли юго-западного направления. Они гнали перед собой по небу тяжелые тучи, которые внезапно разражались ливнями. Эти поздние осенние дожди не только не охлаждали трудовой пыл викингов, но даже подстегивали их старания. Ведь стоит ветрам повернуть, как на смену дождям придут снега, и зима воцарится на всем плоскогорье.

Строительного камня было хоть отбавляй. Его даже не нужно было выламывать из скал. Гранитные плиты и толстые пласты сланца покрывали склоны фьорда.

Стоило лишь нагнуться, и можно было выбрать подходящий для кладки стен материал. Болотистая низменность в долине с избытком поставляла глину и торф.

За одну неделю двенадцать длинных строений и тринадцать поменьше, похожих на исландские постройки, начали расти по обе стороны от трех домов, возведенных Эйриком в предшествовавшем году. На время холодов и люди и животные найдут кров. А весной в свободное время можно будет расширить поселок и предложить каждой семье поставить собственный дом.

С каждым приливом во фьорд заносило огромные косяки трески. В некоторых местах вода бурлила под натиском рыбы. Словно серебряная дорога протянулась по морю. Даже самые бывалые исландские рыбаки не видали ничего подобного. Для лова трески не требовалось ни закидывать сети, ни прибегать к помощи гарпунов. Кузнец Бьорн Кальфсон роздал всем железные пики длиной от шести до семи футов, и мужчинам оставалось только глушить эту кишашую массу, которая два раза в сутки заполняла фьорд. Добычу перестали считать. Груды битой трески были выпотрошены и прокопчены над кострами из морских водорослей, разведенными на песчаном берегу.

Лейф и Скъольд предпочли бы разделить труд рыбаков, но Вальтёф забрал под свое начало всех юношей поселка и приобщил их к однообразной и неблагодарной работе по расчистке и вспашке почвы. Отлынивать не приходилось. Будущая жизнь всей колонии зависела от их упорных усилий. Сейчас самые насущные нужды поселка взрослые мужчины удовлетворяли охотой, рыбной ловлей и строительством, тогда как женщины собирали морские водоросли, укаживали за коровами, овцами и козами, конопатили щели в стенах, готовясь к долгой зимовке. Вальтёф и молодежь заботились о будущем урожае. Весь день Лейф, Скъольд и другие подростки — Торомы, Олафы, Гюнланги, Бьорны, Ульфы, Хруты, — карабкаясь по склонам трех долин, очищали пашню от валежника, корчевали кустарник, взрыхляли острыми мотыгами каменистую почву, удобряли ее, закапывая в борозды мох и навоз.

Однажды утром юноша, по имени Торкель, взбунтовался. Хватит с него по прихоти Вальтёфа унавоживать эту тощую землю!

— Такой труд недостойн воина, Вальтьоф! Ты заставляешь нас работать, как рабов. Я пожалуюсь отцу!

Вальтьоф вместо ответа схватил Торкеля за шею и повалил лицом вниз, в грязь.

— На этой земле, — вмешался Эйрик Рыжий, — нет рабов. Так научись же любить камни Гренландии, которая сделала тебя свободным человеком. Отныне твоя родина здесь. — И, не обращая внимания на вопли Торкеля, он вымазал ему лицо навозной жижей. — Эта земля твоя, никто ее прежде не обрабатывал. Здесь воины не нужны. Так вставай и не обижайся — ведь многие из твоих дружков думают про себя то, о чем ты сказал вслух.

Вальтьоф взглянул на Лейфа. Сын опустил глаза.

Торкель, не проронив ни слова, принялся за работу.

Ни Эйрик, ни Бьярни не могли бы добиться большего от этих строптивых мальчишек, чем удалось Вальтьофу. В любую погоду он шел всегда впереди, спокойный, добродушный, внешне безразличный ко всему, что происходило вокруг. Но стоило тому или другому пареньку вспомнить игры в Эйрарбакки, площадки для борьбы, прибрежные скалы Боргарфьорда, старик оборачивался и говорил:

— Вы теперь чужие в том краю. В Исландии, на старой земле, для вас нет места. Вам первым носить имя гренландцев. История этой земли начинается с вас. У нее еще нет героев, песен, саг. Вы должны дать все это Гренландии!

Лейф, Скъольд и их друзья внимательно слушали Вальтьофа и повиновались ему во всем. Поэтому, когда он приступил к первой запашке, юноши весело впряглись в плуги, когда-то привезенные из Норвегии. Самые сильные волокли их, а те, кто послабее, изо всех сил налегали на ясеневые рукоятки.

— Ну, Вальтьоф просто подменил наших сыновей! — говорили отцы. — Они работают улыбаясь и ложатся спать поздней ночью. Старик просто чародей!

Однако некоторые находили, что бывший хозяин Окадаля слишком требователен к их мальчуганам.

А кое-кто не верил в успешность его нового способа сева.

— Где это видано, чтобы человек в здравом уме в такое время года готовил землю под ячмень! Все зерно, конечно, сгниет.

Площадь в семь тысяч на семь тысяч футов была перепахана в низменной части трех долин. Дожди выпадали все реже. Внезапно налетали ветры и снова улетали, как бы боясь, что их здесь захватит зима. Нельзя было медлить и людям.

Вальтьоф и его юные помощники сеяли ячмень и крапиву на самых высоких участках, а овес, который называли его старинным именем «гестакорн», — в наиболее защищенных от ветра и влаги уголках.

Как-то вечером, когда они досевали последний клочок зем-

ли, Вальтоф привлек к себе Лейфа. Старик держал на заско-
рузлой ладони горсточку овсяных семян.

— Вот первые семена, сынок, которые люди доверяют этой
земле. И я чувствую, что она не останется неблагоприятной. Быть
может, вам, молодым, я порой казался грубым, но нужно было
добиться, чтобы именно вы подняли в Гренландии целину. Со
временем вы этим будете гордиться.

Лейф поднес к губам узловатую от работы руку отца. В этом
порыве лучше, чем на словах, выразились его восхищение и
признательность. Никогда еще отец и сын не были так близки
друг другу. Вальтоф улыбался, и в блеске его глаз Лейф уло-
вил веселый огонек, который придавал такую живость взгляду
дяди Бьярни.

На следующий день в Гренландию пришла зима. Снег падал
не переставая, ночи стали прозрачны, как кристалл. Вскоре
воздух словно загустел и застыл. Ледяные языки поползли по
фьорду, захватывая в плен стоящие на причале суда. Все сна-
сти на них мужчины предусмотрительно смазали жиром. Оле-
деневшие склоны долин покрылись несметными стаями гаг,
тушиков и полярных сов. Они прилетели из более холодных
мест.

Морозы были менее люты, чем в Исландии, но исключи-
тельная чистота воздуха, казалось, усиливала колючие поры-
вы ветра, метавшегося по долинам.

В домах с плотно закрытыми дверьми ровное тепло под-
держивалось очагами, в которых горели торф и сухой навоз.

У огня объединялись близкие по родству семьи. Съестные
припасы были общими, и по утрам глава каждой семьи полу-
чал для себя и для своих близких положенное количество рыбы,
крупы, капусты или бобов.

По всем приметам охота обещала быть обильной. Белые
медведи в поисках рыбы бродили по берегу моря. Ловкие охот-
ники окружали страшных зверей и нападали на них с пика-
ми и рогатинами. За один день Эйрик Рыжий, Бьярни Турлусон
и Бьорн Кальфсон забили шестерых медведей: четырех самцов
и двух самок. Моржи легко подпускали к себе людей, и нередко
удавалось в одно утро добыть несколько штук.

Как правило, в новолуние снежные бураны нарушали покой
фьорда. Разбушевавшиеся на просторе ветры завывали вокруг
жилищ, и, пока не стихала вьюга, нечего было и думать об охоте
и рыбной ловле.

Лейф и Скульд подружились с Бьорном Кальфсоном. Бьорн
принадлежал к старинному роду кузнецов, выходцев из Дании.
Шести футов ростом, широкоплечий, рыжеволосый и рыжебо-
родый, с мохнатой, как у медведя, грудью и мрачным, испещ-
ренным мельчайшими ожогами лицом, кузнец был страшен на
вид. Как и Вальтоф, Бьорн по природе был молчалив, он мог
за целый день не проронить ни слова. Тогда казалось, что вся

его сила сосредоточивалась на квадратной, высотой в фут наковальне, на которой он без усталости ковал косы и топоры, ножи и гарпуны, замысловатые крючки для ловли палтуса, всевозможные орудия и железные части для судов.

Кальфсон устроил свою кузницу, в пристройке за домом Вальтёфа. Пока он бил молотом, наслаждаясь жаром у наковальни, Лейф или Скьольд раздували мехи над торфяным очагом.

— Давай живее, тролль! Посмотри на мои руки: мой отец, Бьорн Рыжая Голова, заставлял меня с пяти лет раздувать мехи.— У кузнеца были огромные, с набухшими жилами руки.— Самый первый викинг был кузнецом, малыш! В давние времена, собираясь в поход, викинг ковал себе меч, а когда возвращался в Норвегию, ковал себе лемех для плуга. А я, я чую железо в земле, как лиса чует зайца. И я буду искать железо везде, даже подо льдом, и, когда найду его, выкую для каждого мужчины меч, который не разъест ржавчина.

Он громко хохотал, и смех придавал его лицу еще более свирепое выражение. Порой Бьорн своей медвежьей лапой брал Лейфа за подбородок.

— Из тебя вышел бы неплохой кузнец, но тебя ждет иная судьба... на море. Что ж, добрый моряк стоит хорошего кузнеца!

В тесном общении с огнем и металлом Бьорн Кальфсон обрел дар предвидения, недоступного простым смертным. Он предсказывал будущее, и не раз его проникновение в тайны грядущего поражало окружающих его людей, но Бьорн упорно отказывался делиться с викингами своими знаниями. Только для Лейфа, сына своего друга, кузнец делал исключение.

Когда Бьорн пел, кузница гудела тысячей отголосков. Могучий бас Кальфсона будил душу, вложенную кузнецом в ножи, железные котлы и косы. Бьорн знал только одну песню, песню Грима, непревзойденного кузнеца:

Кузнец подняться должен до зари,
Коль ждет награды за упорный труд.
Мехами буйный ветер порожден.
Железо докрасна раскалено.
Тяжелый молот мой кует его
Под мерное гудение мехов.

И он наносил удар за ударом. Наковальня разбрасывала кругом венки искр, а молот с ураганным грохотом обрушивался на раскаленный металл.

Лейф с уважением посматривал на Бьорна. После Эйрика Рыжего, дяди Бьярни и его отца, Вальтёфа, кузнец Кальфсон был наиболее почитаемым человеком на острове. И разве не предсказывал он славное будущее тем, кто уходит в море?

Эйрик и Бьярни часто заходили в кузницу. Они делились с Бьорном своими планами на весну, советовались об ограждении полей, о постройке новых домов и верфи, которую можно было возвести прямо на песчаном берегу.

Бьорн поглядывал на обоих моряков, хмурия почерневшие от угля брови.

— Таким, как вы, долго не усидеть на одном месте. Ваши глаза уже обращены к морю.

Эйрик и Бьярни возражали ему, но кузнец в ответ лишь медленно покачивал головой.

— Вы не лукавите, когда обещаете поселиться здесь навсегда, но беспокойство уже охватило и гложет вас, хотя вы этого еще не замечаете. Так соль разъедает парусину, разрушая ее понемногу. Парус на вид совсем крепкий, но в один прекрасный день расплзается у вас в руках. Придет час, когда тяга к дальним странам окажется сильнее всех привязанностей, которые удерживают вас здесь.

Лейф жадно прислушивался. Разве Эйрик Рыжий не говорил ему во время бури, что Гренландия для них только временная остановка? Речи викинга запечатлелись в памяти юноши. Он мог повторить их от слова до слова: «Море — наш давний враг. Вместе мы победим его. И мы будем всё дальше на запад отодвигать наши рубежи».

Казалось, Бьорн Кальфсон сам был свидетелем этих смелых слов. Разговор на этом прервался. Бьярни и Эйрик только посмеялись в ответ на речь кузнеца.

— Пойдемте с нами, ребята, — сказал дядя Бьярни. — Этого вещуна-кузнеца нужно оставить одного в его логове.

Лейф и Скъольд проводили Эйрика и Бьярни до большого дома, где женщины мололи меж двух каменных кругов зерно и красили отваром мха, вереска и морских водорослей привезенные из Исландии полотна.

Бьорн и Вальтьоф остались одни. В этот вечер, вопреки привычке, они долго беседовали. Бьорн предложил другу поставить на косогоре ближней долины ферму и кузницу на общем участке.

— Морозы не так уж суровы, чтобы помешать нам работать и зимой. Камни лежат под снегом. Стоит только разгрести сугробы, чтобы их достать. Может быть, ты находишь, что я нетерпелив, Вальтьоф? Согласен. Но должен же кто-нибудь показать пример. Нужно, чтобы люди привыкли считать эту землю своей родиной. Нужно, чтобы они здесь закрепились. А для этого пусть застраивают ее. Эйрик Рыжий и твой брат по праву своему морские бродяги, море необходимо им, как дельфинам. Они снова уйдут скитаться по морям в погоне за сказкой.

— Понимаю тебя, Бьорн, понимаю! Если мы станем строить теперь, остальные поступят так же весной. Человек не покинет дома, который он воздвиг своими руками. Поселок должен уцелеть. Мы больше не норвежцы, не исландцы, не жители Гебрид. Мы теперь гренландцы. Я готов хоть завтра заложить фундамент большого дома. Ты будешь ковать, а я — разводить лошадей среди ячменных и овсяных полей. Мне бы лучше жить поодаль от селения, Бьорн.

Кузнец задумчиво посмотрел на Вальтьофа.

— Ты много склада, чем твои сыновья, Вальтьоф. Я долго присматривался к Лейфу и Скульду: оба они близки по породе Бьярни Турлусону, которому никогда не сидится на месте.

— Когда сыновья возвратятся, Бьорн, они найдут приют под отцовской кровлей. Но я строю для иной цели — я строю для того, чтобы те, кто сегодня живет в общих домах, последовали нашему примеру.

— Ты мудрец, Вальтьоф, а я до последнего времени плохо знал тебя.

— Завтра я поднимусь на рассвете, кузнец, и мы возьмем-ся за дело.

Ночь была ясная, и полная луна ровным светом заливала гладкую поверхность фьорда.

* * *

Зима, как хилый больной, еще цеплялась за Восточный поселок. На крышах снег лежал таким твердым пластом, что нередко приходилось пробивать в нем дыру для выхода дыма. Но под снегом жизнь продолжалась, возрождаясь и развиваясь. Жизнь текла подземной рекой, с бесчисленными ответвлениями, от очага к очагу, от жилья к жилью. Одни колонисты обрабатывали дерево, другие — звериные шкуры, третьи ткали полотно. В еде не было недостатка. Исландия уже казалась далекой землей.

Жители без конца толковали о длинном доме Вальтьофа и Бьорна, который строился на склоне ближней долины, и о посеянных осенью семенах.

Удастся ли к весне подвести дом под крышу?

Когда сойдут снега, окажутся ли под ними зеленые всходы — залог будущего урожая?

Никто не вспоминал об Эгиле и Йорме, ушедших на поиски иной доли. Да и к чему? Ведь их жизнь пошла по другому руслу, и все были уверены, что никогда их не увидят.

В эту зиму, первую гренландскую зиму, у Лейфа Турлусона стала пробиваться борода.

— Ты опередил остальных молодцов, — шутил дядя Бьярни. — У Бьорнов, Тормальдов, Ульфов подбородок еще гладкий!

— Он сильнее всех этих мальчишек, — убежденно произнес Скульд, окинув старшего брата восхищенным взглядом. — Лейф мечет копьё дальше Ивара, сына Одуна, и он бросил на землю Арнора Торольфсона, который на две весны старше его. И знай, дядя Бьярни, твой племянник мечтает о великих подвигах. Кузнец Бьорн Кальфсон видел в отблесках кузнечного пламени, что Лейфу суждено прославиться на море.

Смущенный Лейф переминался с ноги на ногу, поглядывая в сторону дяди Бьярни. Скальд положил руку на голову Лейфа, он больше не смеялся.

— Великие дела вершатся в море, Лейф, а мы еще не достигли его границ.

И на этот раз Лейф понял, что Бьярни скоро уедет.

Глава V

КОГО ВИДЕЛ ТЮРКЕР

Теплый ветер дул над плоскогорьем и разносил по долинам свежие весенние ароматы. Снег больше не скрипел под лыжами. Вода, выступая повсюду на поверхность, с шумом размывала толстый снежный покров. Бесчисленные ручейки пробивали белую броню и упорно прокладывали себе путь в твердых пластах, образовавшихся еще во время осенних снегопадов. Во многих местах забили ключи талой воды. Они сбегали по склонам, вливаясь в стремительные горные потоки. Лед во фьорде ломался с треском, как сухое дерево. Огромные ледяные глыбы внезапно срывались с места и ползли по откосам до самого моря. Но в глубине долины зима еще отстаивала свои права. Твердый, как камень, снег цеплялся за почву. Однако вся природа уже пришла в движение, и было ясно, что на этот раз весна не отступит.

В Восточном поселке с первыми признаками весны из световых отверстий в домах вытащили лукошки, набитые соломой и глиной, сняли со стен звериные шкуры. Жилища, долгие месяцы лишенные света, жадно дышали, выпуская наружу запахи скученных человеческих тел и животных и едкий дым, густой пеленой повисший между глиняным полом и торфяной крышей.

Лейф и его сверстники, несмотря на увещевания старших, голышом ныряли в ледяные воды фьорда. Следуя древнему, завезенному из Норвегии, обычаю, они приветствовали весну и ее таинственные силы омовением своих тел. Это был своеобразный дар солнцу, знак благодарности первоисточнику жизни.

Деятельность колонии оживилась. Рыболовные суда подняли полосатые желто-синие паруса и начали бороздить гладь фьорда. Вдали, увлекаемые невидимым течением, медленно скользили айсберги. Груды льда, оторвавшиеся от берегов и подгоняемые весенним ветром, плыли на юг, постепенно тая. Ледоход делал опасной ловлю рыбы и охоту на тюленей. Но поселку не грозил голод. Скоро во фьорд должна была войти долгожданная рыба, и прежде всего — обещанный Эйриком драгоценный лосось.

В этих фьордах, где лососям никогда не приходилось остерегаться человека, они ловились тысячами. День за днем жирные и сильные рыбыны поднимались к истокам рек, верные

инстинкту, который заставляет рыбу нереститься в тех местах, где она появилась на свет.

Лосося ждали с нетерпением, видя в нем обеспеченное будущее. Ход лосося привлекал сотни тюленей, моржей и прожорливые стаи больших синих дельфинов. Жадные до рыбы белые медведи располагались у речных мелей. Новая жизнь начиналась при наилучших предзнаменованиях.

Как только сошли снега, Лейф и Скъольд привели в порядок большой дом, который Вальтьоф и Бьорн построили в полумиле от поселка, на солнечном косогоре ближней долины. Вокруг мощенного плоскими плитами двора разместились обширная конюшня, хлев, кузница Бьорна и сам дом, состоявший из трех просторных помещений с глиняным полом. Дом, в котором, по норвежскому обычаю, было два входа — южный и западный, — окружала дорожка, усыпанная галькой. Бьорн выковал из железных брусков две медвежьи головы, которые он прибил над притолокой.

Очаг находился посредине самой большой комнаты. Это был круг, выдолбленный в полу на глубину в полфута и обложенный плоскими черными камнями, которые, быстро накаляясь, вбирали в себя весь жар от огня. Широкие скамьи вдоль стен, покрытые медвежьими шкурами, служили ложем. В углу, в глиняной чаше, под теплой золой сохраняли тлеющие угли, с помощью которых наутро разводили огонь.

Лейф и Скъольд разместили здесь лари с одеждой, котлы, горшки и все домашние пожитки, взятые Вальтьофом с собой из Исландии. Бьярни, у которого ничего не было за душой, сложил под крышей брата свои воинские доспехи: кожаный щит и оружие, выкованное в стране франков. Потом с большой торжественностью Вальтьоф и Бьорн вбили перед очагом привезенные из Исландии столбы, которые стояли там у почетного сиденья. Бьорн при переезде потерял резные столбы, украшавшие прежний очаг, но, так как отныне он вошел в семью Вальтьофа, родовые знаки Окадаля стали и его родовыми знаками. Вальтьоф и Бьорн подвесили только к одному из столбов, как выражение дружбы, голову и лапу медведя, вырезанные из клыка моржа: на норвежском языке слово «бьорн» означает «медведь».

Кони вскоре привыкли к склонам нового пастбища, а козы и овцы были выпущены на луг, где росли карликовый можжевельник, ароматный вереск и дикий ягель. Через месяц после переезда на новое место сыновья Вальтьофа пошли из дома в дом, приглашая глав семейств принять участие в жертвенных возлияниях по случаю новоселья. При этом они произносили предписанные обычаем слова:

— Вальтьоф и Бьорн Кальфсон просят вас вымыть ваш пиршественный рог и прибыть к порогу их жилища.

Гостей пришло много, все ели скир* и пили крепкую брагу и мюсу — хмельной напиток, приготовленный из кислого молока.

Эйрик Рыжий с пониманием дела похвалил работу новых хозяев, а Бьярни Турлусон спел песню, сложенную им в честь первой фермы в Гренландии. Когда рога были осушены до дна, главы семейств поклялись Тором и Фрейей, что каждый из них к будущей зиме выстроит себе дом. Пример Вальтьофа и Бьорна принес желаемые плоды.

Таяли последние залежи снега, и большие стаи гаг и диких уток возвращались на прибрежные скалы.

Каждое утро Лейф бежал на засеянное прошлой осенью поле и с тревогой вглядывался в обнажившуюся землю.

— Отец, всходов ячменя все не видать!

— Дай им время проложить себе дорогу к свету, сынок. Но я понимаю, что тебе невтерпех.

— А разве уже не пора?

— Земля не обманет, Лейф. Если ячмень и овес не всходят, она неповинна. Пойдем-ка работать!

Спокойствие Вальтьофа не развенчало опасений Лейфа.

Однако принести добрую весть удалось не ему, а Скульду. Вальтьоф, Лейф и Бьорн сидел за столом, подкрепляясь овсянкой и обжаренными катышками из рыбы, как вдруг мальчик вихрем ворвался в горницу. Он раскраснелся, и на лице его отражалось волнение.

— Ячмень взошел! — закричал он. — Взошел, взошел, взошел!

Лейф и двое взрослых, забыв о еде, бросились глядеть на чудо прорастания семян. Земляной покров под напором тысяч молодых, острых, как шило, ростков покрылся трещинами. Лейф, у которого судорожно забилося сердце, опустил на колени, чтобы лучше видеть. Нежно-зеленые листки еще скрывали стебли, наполненные живительным соком.

— Земля не предала нас, — сказал Вальтьоф. — Добрый будет урожай!

По всему вспаханному полю зеленели ровные и густые всходы.

Лейф никогда особенно не задумывался над полевыми работами. Пахота, жатва, молотба в Исландии сменялись со временем года, но там это были явления привычной жизни, простые, как дыхание и еда. Здесь же, в Гренландии, все вдруг приобрело особое значение.

— Первый ячмень в Гренландии! — прошептал юноша.

— Первый ячмень! — повторил Бьорн Кальфсон. — Отец моего отца был еще малым ребенком, когда ячмень, привезенный из Норвегии, впервые вырос в Исландии. Отец вспоминал об этом до самой смерти.

* Скир — исландское молочное кушанье.

— Лейф,— приказал Вальтьоф,— беги к Эйрику и дяде Бьярни и обрадуй их. Вот теперь земля Гренландии нас окончательно усыновила!

До самого вечера люди толпились у поля. Взрослым и детям не надоедало любоваться неисчислимыми ростками, оцетнившимся подобно остриям крохотных пик.

В честь нового ячменя Эйрик велел раскупорить последнюю бочку пива, привезенную из Исландии. Раз будет новый ячмень, дело не станет и за ячменным пивом!

Вскоре после этого события покой на ферме Окадала — длинный дом Турлусонов и Бьорна получил название ближней долины — был внезапно нарушен.

Охотник, по имени Тюркер, задыхаясь, вбежал во двор. Вальтьоф, который занимался домашними делами, заметив его смятение, подошел к нему.

Тюркер тяжело опустился на камень и с трудом переводил дух.

— Я тебе нужен, Тюркер?

— Погоди, погоди, Вальтьоф. Я так бежал, что сердце вот-вот выскочит у меня из груди.

В Исландии Тюркер принадлежал к дому Эйрика Рыжего. Старый Торвальд ребенком привез его из похода в страну франков, и молодой раб рос вместе с Эйриком, деля с ним пищу и игры. Тюркер был смуглолицый, стройный и проворный. Замечательный бегун, он оставлял позади самых закаленных охотников-викингов и не имел себе равных, когда требовалось выследить зверя. Тюркер слыл ловким и хитрым. Эйрик охотно прислушивался к его советам. Хотя франк давно был отпущен на свободу, он не решался покинуть дом своего бывшего хозяина и взять себе жену.

Когда Тюркер обрел обычное хладнокровие и у него прошла поразившая Вальтьофа сильная дрожь, он согласился войти в дом Вальтьофа и залпом осушил рог с мясой, который подал ему Лейф. Хозяин не торопил охотника.

— Я был в одном дне ходьбы отсюда, за высокими холмами. Медвежий след увел меня вглубь от берега. Зверь меня почуял и скрылся среди скал. Тор свидетель, что я был трезв! (Тюркер был равнодушен к крепкой браге.) Я выслеживал медведя, карабкаясь по этим проклятым скалам. Вдруг я заметил трех мужчин. Они шли со стороны моря. Они были далеко, и я не мог как следует разглядеть их. Я бросился плашмя на камни. На всех троих были тюленьи куртки, а на голове меховые шапки. Каждый нес лук и нож.

Вальтьоф и Лейф не слышали, как в горницу вошел Бьорн Кальфсон.

— А Йорма ты не узнал среди этих людей, Тюркер? — спросил тот.

Лейф вздрогнул. Минувшие месяцы стерли в его памяти

воспоминания об Эгиле, Йорме и прочих изгнанных. Юноша почувствовал смутную тревогу. Может быть, кузнец, более дальновидный, чем кто-либо другой, и способный угадывать будущее, что-либо знает? Вот почему Лейф облегченно вздохнул, когда Тюркер отрицательно замотал головой.

— Я узнал бы Йорма среди тысяч других людей, кузнец. Но Йорма там не было. Я даже не уверен, что это были викинги. Наконечники их стрел сделаны из рыбьих и моржовых костей.

Бьорна Кальфсона это несколько не убедило.

— Йорм, Эгиль и другие пережили тяжелую зиму. Им не хватало теплой одежды, и они должны были охотиться за тюленями и моржами, чтобы из их шкур выкроить себе куртки и штаны.

— Но костяные наконечники... — перебил его Лейф. — Наши никогда их не употребляют.

— Я знаю тех, кто последовал за Йормом. Стрелы с железными наконечниками они истратили без толку, а когда оказались с пустыми руками, им волей-неволей пришлось что-то придумывать.

Беспокойство Бьорна передалось его друзьям.

Вальтоф почесал щеку.

— А ты не подобрался к ним ближе, Тюркер?

— Я обогнул скалистую гряду, чтобы зайти к ним в тыл, но это отняло у меня много времени. Я сбился с дороги, а разъяренная медведица заставила меня поворачивать то туда, то сюда. Когда я вышел с другой стороны горы, люди исчезли.

— А в какую сторону они шли?

— Было еще рано, и они двигались навстречу солнцу.

— Они пробирались на восток — в глубь острова или к другому берегу. Следует предупредить Эйрика Рыжего.

Тюркер беспомощно развел руками:

— Я бежал оттуда не останавливаясь, но Эйрик мне не поверит. Он посмеется и скажет, что я хлебнул лишнего. А может, это духи сыграли со мной злую шутку, кузнец? Не думаю, чтобы кто-нибудь из наших забрался так далеко от Восточного поселка.

— Духи тут ни при чем. Эйрик был слишком добр к этим людям, — проворчал Бьорн. — Если собака кусается, ей вышибают зубы. Я вижу пламя и кровь. Сейчас я еще не могу назвать по именам тени, которые копошатся во мраке. Огонь, как зловещее солнце, озарит небо, и прольется кровь, кровь невинного. Я вижу... да, да, я вижу Йорма и Эгиля по-прежнему во власти старой вражды.

Несмотря на вечернюю прохладу, Бьорн Кальфсон был весь в поту. Он говорил с трудом. Можно было подумать, что каждое слово причиняет ему страдание.

— О, ночь будет багрова!

Вальтоф, Тюркер и Лейф никогда не видели кузнеца в та-

ком возбуждении. Они испуганно поглядывали на дверь. Какое неизвестное божество овладело душой Бьорна Кальфсона, самого разумного из людей?

Кузнец задрожал и устремил на Лейфа блуждающий взгляд. Затем тыльной стороной руки вытер испарину на лбу.

— Нужно как можно скорее повидать Эйрика. Может быть, еще не поздно что-либо предпринять.

Лейф заметил, что по телу Бьорна пробегала дрожь, а руки тряслись, как у человека, опьяненного старым медом.

* * *

Эйрик Рыжий и Бьярни внимательно выслушали рассказ Тюркера, но, несмотря на предостережения кузнеца, не проявили особого беспокойства.

— Клянусь Фрейей, — весело воскликнул глава викингов, — голод погнал их на охоту далеко от лагеря. Сейчас Йорм, Эгиль и другие слабы, как новорожденные младенцы. Зима, словно хорек, перекусила их хребет. Негодяи не осмелятся напасть на нас. Мы достаточно сильны, чтобы встретить их должным образом, и они это понимают.

— Плохо же ты знаешь Йорма, Эйрик Рыжий! Это коварный зверь. Он не нападет на тебя, как любой честный викинг, который открыто, при дневном свете, вызывает своего врага. Йорм воспользуется темнотой. Он хитер.

— Даже в темноте Йорм не уйдет от меня. Одной рукой я сверну ему шею. А ты, Бьорн, ударом кулака вобьешь ему голову в плечи.

Бьярни расхохотался:

— А может быть, эти трое только померещились Тюркеру? У франков изображение богаче нашего. Вдобавок хмель быстро ударяет Тюркеру в голову. Скажи-ка, приятель, ты, наверно, немало выпил перед дорогой?

— Не помню, шесть или семь раз я осушил рог, как подобает доброму охотнику. Но эти трое не были духами ячменного пива.

Эйрик так заразительно рассмеялся, что его веселость передалась Бьярни, Вальтьофу и Лейфу.

Бьори Кальфсон, нахмурившись, шагнул через порог. Врата будущего на миг приоткрылись пред ним грозным предвестием. В Восточном поселке прольется кровь. Надвигался неотвратимый рок.

КРОВАВАЯ НОЧЬ

Ячмень высоко выкинул колос, и склоны трех долин украсились золотистой гривой. Лейф целыми днями работал на «Большом змее» Эйрика Рыжего. Судно вытащили на песчаный берег по настилу из смазанных салом бревен, уложенному на дне выемки, шириной в шестьдесят футов. Целых пять дней ее рыли пятьдесят человек. Одно за другим все суда викингов должны были пройти через этот сухой док для необходимого ремонта. Гроздь ракушек, клубки морских водорослей прилипли к бортам под ватерлинией, и приходилось терпеливо очищать от них корабли, выскивать древоточцев, конопатить щели в обшивку кузова при помощи сплетенных из волокон крапивы жгутов, пропитанных моржовым жиром.

Солнце заходило над Восточным поселком, окрашивая багрянцем зеркальную поверхность фьорда и верфь на берегу, где мачта «Большого змея», похожая на полированный сосновый ствол, вздымалась среди песков.

Около трех десятков домов, отстроенных весной, растянулись по склонам долин. Созданные по одному образцу, они поднимались среди впервые вспаханных земель. Глядя на них, можно было заключить, что хозяева не решаются слишком отдаляться от поселка. Поэтому двор Бьорна и Вальтьофа по-прежнему оставался одиноким на косогоре, в полумиле от ближайшего жилья.

Лейф шел напрямик через поля. Усики колосьев щекотали ему голые ноги. Когда он добрался до дома, уже наступила ночь. У входа и в большой горнице горели плашки с ворванью.

Скьольд сварил похлебку из крупы и голов свежей трески.

— Ты поздно возвращаешься, брат: отец и Бьорн ждут тебя.

Все быстро поужинали. На лицах отражалась усталость после трудового дня. Бьорн и Вальтьоф мало разговаривали друг с другом, их дружба не нуждалась в словах. Бьорн больше не упоминал о своих мрачных предчувствиях, но Лейф заметил, что с того дня кузнец запирает обе двери изнутри на засов и поставил в угол комнаты длинный норманский меч и тяжелый кузнечный молот.

Впрочем, и сам Лейф тайком от отца и Скьольда сложил в клеть, где он спал, меч, копьё, лук и щит, которые дядя Бьярни оставил в Окадале.

Вальтьоф первым поднялся из-за стола:

— Доброй ночи всем! Завтра я огорожу пастбище для коней.

— Да хранит тебя Тор, Вальтьоф!

Старик пристально посмотрел на друга и погладил Скьольда по голове.

Бьорн спал в кузнице, но Лейф был убежден, что Кальфсон еще долго бодрствует, после того как совершит обход дома, хлева, конюшни и заткнет охапкой боярышника лаз, сделанный в изгороди из можжевельника, которая окружала усадьбу. Лейф спокойно заснул. В соседней каморке что-то во сне бормол Скъольд.

— Вставай, Вальтьоф!

Мощный голос кузнеца громом прокатился по всему дому. Лейф первый был на ногах. Скъольд спросонок звал отца. Фитиль в плошке с жиром излучал скудный свет... Бьорн Кальфсон, вооруженный железным брусом, ворвался в горницу в тот миг, когда Лейф соскочил со своего ложа, сжимая в руке копьё дяди Бьярни.

Ярость перекосила мрачное лицо Бьорна.

— Во дворе Йорм и его свора, они хотели перерезать нас спящими.

Кузнец протянул железный брус Вальтьофу, а сам схватился за тяжелый молот.

— Ты говоришь, Йорм...

— Йорм, Эгиль и два десятка других. Я уверен, что Йорм и Эгиль...

Бьорн не закончил фразу.

Двор наполнили дикие крики. Мечи, дротники и копыя громко лязгали о каменные плиты.

— Негодяи приставили к ограде лестницу и прыгают прямо во двор,— проворчал Бьорн.— Сейчас они лакинутся на дверь.

Гнев удесятил его силы. Кузнец придвинул к выходной двери огромный сундук и велел Лейфу и Скъольду наложить в него крупные камни от очага. Затем без заметного усилия Бьорн преградил выход в другую комнату и сени, закрыв его широким столом, вытесанным из цельной каменной глыбы. Таким образом, горница превратилась в крепость, где им предстояло выдержать приступ. Медлить было некогда. Люди Йорма устремились к двери.

Вальтьоф посмотрел на сыновей. Лейф, вооружившись копьем, стоял рядом с Бьорном. Лицо юноши пылало. Такого не уведешь с поля боя. Скъольд окаменел в своем углу.

— Бьорн,— сказал Вальтьоф,— Скъольду здесь не место.

— Выход через заднюю дверь еще свободен,— прошептал кузнец, опасаясь, чтобы его не услышали враги, ломившиеся в горницу.— Они еще не успели обойти дом.

— Скъольд может помочь нам; он поднимет тревогу в Восточном поселке и прежде всего предупредит Эйрика и Бьярни.

Заднюю дверь заменяло отверстие всего в два фута вышиной, закрытое широкой доской. Оно выходило в заросли можжевельника и колючих кустарников.

— Беги, Скъольд! Ты все понял? Скажи дяде, что на нас

напали Иорм и Эгиль, а с ними не менее двух десятков бедельников, перепившихся брагой и медом. Погоди, я проверю выход. — Вальтьоф приподнял доску.

Струя свежего воздуха ворвалась в сени. Минуту спустя старик возвратился:

— Путь свободен. Они все еще взяты во дворе.

Мрак поглотил Скъольда.

Дверь трещала под ударами мечей и натиском плеч.

Крики стихли, но беспрерывно скрипели засовы в хлеву и конюшне.

— Они ищут бревно, чтобы высадить дверь, — пробормотал Бьорн.

Его пальцы на рукояти молота побелели от напряжения.

Кузнец заметил присутствие Лейфа.

— Ты храбр, Лейф Турлусон. В эту минуту передо мной открыта твоя судьба, она величественна, как море. В твоей жизни будут корабли, много кораблей и молодая девушка из чужих земель, какой до сих пор никто у нас не видал. Но крепись, Лейф, твой отец Вальтьоф не увидит новой зари над фьордом.

Зрачки Бьорна потускнели, и взор затуманился, словно он заглянул в недоступный мир, в головокружительную бездну.

Вошел Вальтьоф. Он был спокоен, как всегда. Слышал ли старик предсказание Бьорна? Лейф в этом не сомневался, увидев ободряющую улыбку, с которой к нему обратился отец.

— Скъольд уже по ту сторону изгороди. Он еще не достиг ратного возраста. Если я умру, мне хотелось бы чтобы ты, Лейф, убил одного из этих псов, что носят человеческие имена Эгиля и Иорма.

— Они совсем ошалели, — прервал его Бьорн. — Разбойники немало выпили, чтобы взбодрить себя, и теперь сопят и зацепляют друг друга оружием. — Бьорн тихо рассмеялся. — Хмель улетучится, как дым. А когда он спадет, у них останется лишь тяжесть в желудке... Ого, они волокут по двору что-то тяжелое. Прислушайся, Вальтьоф!

— Это дышло от большого плуга. Оно послужит им тараном.

Раздался пронзительный голос:

— Я знаю, ты здесь, Вальтьоф Турлусон! Ты и двое твоих лисят. Клянусь Тором, что утренний свет озарит три трупа!

Первый же удар тарана сверху донизу расколос дверь, и сундук с камнями зашатался под ударом.

Бьорн, Лейф и Вальтьоф изо всех сил уперлись в него. Угроза Иорма пробудила бурю воплей, ругательств и проклятий.

— Я узнал Грима и Скиди Норвежца, отец!

— А я — Эгиля Павлина. Я слышал, как он уговаривал других замолчать. Он боится, как бы крики не разбудили наших братьев в поселке.

Дверь стонала под градом ударов.

Вновь послышался голос Иорма:

— Сейчас ты нам дорого заплатишь, Вальтьоф, за все муки, которые из-за тебя мы перенесли на Западном побережье. Мы ютились в пещерах, как звери. Всею твоею кровью и кровью твоих сыновей не хватит, чтобы вознаградить нас за эти беды!

В пробитой тараном двери блеснуло острое пики, прощупывая путь. Бьорн ухватился за железный наконечник и сильно дернул его на себя. Послышался глухой удар о дверь, и вслед за этим отчаянный вопль. Владелец копья, должно быть, разбил себе нос о створку двери.

— Все они пьяны, — сказал Бьорн, — и едва держатся на ногах. Мне надоело ждать и торчать колом перед этой дверью, которая вот-вот разлетится на куски.

Внезапно во дворе заржала лошадь.

— Отец, они уводят Грома и других коней!

В полумраке Лейф увидел, как болезненно скривилось лицо отца.

— Никто не посмеет сказать, что Вальтьоф Турлусон прятался в доме, пока эта мразь угоняла его лошадей. Выпусти меня, Бьорн.

— Ну что ж, Вальтьоф!

Они вдвоем отодвинули сундук, и Бьорн сорвал дверь с петель. В горькую хлынул ночной ветер и вместе с ним ворвались нападавшие.

Узкий серп луны слабо освещал мощный двор. Лейф нанес кому-то удар. Юноша орудовал копьем, как дубиной. Раненный им человек пошатнулся.

Головорезы Йорма поспешно выбегали из хлева и конюшни, гоня перед собой перепуганных коров и лошадей. Таран умолк. В наступившей тишине они впервые почувствовали опасность. Йорм и Эгиль рисовали им эту ночную вылазку как простой набег за добычей, и они поверили этому.

«Я отдаю вам на разгром усадьбу Вальтьофа. Если вам и придется обнажить меч, то лишь для того, чтобы принести быка в жертву Тору. У Эгиля, Грима, Скиди Норвежца и у меня счеты с Вальтьофом, но это наше дело».

Казалось, Йорм все предусмотрел. Грим, Скиди и Сын Лосося предварительно ходили на разведку. Они-то и были теми тремя незнакомцами, с которыми повстречался Тюркер. Дом Вальтьофа стоял далеко от поселка. Это также было благоприятно. Боги покровительствовали их замыслам. Если б не бдительность кузнеца, планы Йорма осуществились бы полностью.

Неожиданное появление трех осажденных вызвало у врагов крайнее замешательство. Особенно испугало их присутствие Бьорна. Кузнец, нанося страшные удары, вдохновенно пел:

Мехами буйный ветер порожден.
Железо докрасна раскалено.
Тяжелый молот мой кует его

Под мерное гудение мехов,
И некогда мне дух перевести.

С каждой строкой на землю падал человек, и это был грозный счет. Скиди Норвежец и Сын Лосося валялись в агонии, а Грим с раздробленным плечом выл, как волк на луну.

Иорм незаметно пробрался к Эгилю за изгородь и из-за этого прикрытия подстрекал своих людей к продолжению борьбы.

— Их всего только трое! Во имя Тора, покажите же, что вы мужчины!

Тьма мешала точнее определить место, где скрывался Иорм. Лейф и Бьорн продвинулись до конюшни и хлева, в котором, протяжно мыча, метались коровы. Кузнец и сын Вальтьофа как одержимые наносили удары, и гнев отгонял усталость, от которой уже немели руки и плечи.

— Сбивайте их с ног, ведь их всего трое! — надсаживался Иорм.

Однако грабители не проявляли воинственного пыла. Пьяный угар рассеялся, и они испытывали тошноту и слабость. Иорм их обманул. Рукопашный бой не входил в условия договора. Их осыпала ударами, а добыча от них ускользала. Сделка оказалась невыгодной. Многие из громил, побросав оружие, пролезали под оградой и убегали. Четверо, истекая кровью, лежали, уткнувшись лицом в землю.

Вальтьоф загонял коров и быков в хлев, успокаивал лошадей, называя их по именам, и свистом призывал двух или трех коней, захваченных людьми Иорма.

— Фью-фью, Гром! Буря! Смелый!

Вражеское копьё задело ему бедро, но он не чувствовал боли от раны. Старый викинг слышал пророчество Бьорна и не пытался уйти от судьбы. Единственной его заботой было собрать разбежавшуюся скотину. Гордость переполняла сердце отца: Лейф бился храбро. Честь Турлусонов не померкнет с его, Вальтьофа, смертью.

Старик погнался за молодой кобылкой, которая бежала вдоль изгороди, как вдруг перед ним словно из-под земли выросли две тени. При тусклом свете луны он узнал Иорма и Эгиля Павлина. Подстерегали они его или он сам выгнал их из убежища, где они затаились, ожидая случая бежать?

Вальтьоф все еще держал в руке железный брус, которым его вооружил Бьорн. Эгил сжимал в руке рукоятку острого норманского меча, а Иорм размахивал копьём. Вальтьоф первым нанес удар, выбив копьё из рук Иорма.

— Вы, как воры, забрались сюда ночью! — В голосе старика звучал скорее упрек, чем злоба или презрение. — Бьорн Кальфсон и мой сын Лейф прогнали ваших людей. Ты опоил их брагой, Эгиль!

Вальтьоф отразил боковой выпад Эгиля, пригнувшись, что-

бы меч скользнул мимо. На долю секунды он упустил из виду Бьорна.

Тогда хозяин «Гуся», перегнувшись через изгородь, дважды всадил Вальтёфу между лопаток нож.

Взор Вальтёфа померк. В помутневших зрачках застыло безграничное удивление. Когда острая боль пронизала все тело, раненый испустил предсмертный крик. Он хотел позвать сына, но его крик прозвучал протяжной жалобой, которая пронеслась над равниной и оборвалась, как крик птицы, сбитой в вершине полета.

Одним прыжком Лейф очутился у тела отца. Склонившись над умирающим, юноша услышал стук по камням поспешно удаляющихся шагов. Это убегали убийцы Вальтёфа.

Лейф не колебался ни секунды. Жажда мести обуяла его. Темный зов крови предписывал сыну уничтожить тех, кто убил его отца.

Он подтянул кожаный ремешок на запястье, на котором висело копьё, и, увлекаемый безудержным порывом, перескочил через изгородь. Шум щебня, осыпавшегося по склону под ногами беглецов, свидетельствовал об их стремлении добраться до лабиринта холмов.

Кровь стучала у Лейфа в висках, в ушах звенело, но он подчинил все силы одной цели: преследованию врагов. Юноша не смотрел, куда он ступает, хотя поминутно рисковал свернуть себе шею. Горькое удовлетворение при мысли, что каждый шаг сокращает расстояние, которое отделяет его от врагов, бодрило Лейфа, как крепкий напиток.

Он увидел преследуемых в ту минуту, когда они достигли горного хребта. Их было двое: один опережал другого на тридцать или сорок шагов.

— Во имя Тора, покажите свои лица!

Но они не обернулись. Тот, кто бежал вторым, споткнулся, упал и снова поднялся. Его спутник резко свернул вправо, туда, где на протяжении доброй мили в хаотическом беспорядке были разбросаны валуны, оставленные ледниками. Он покинул своего товарища и пожертвовал им, чтобы выгадать время.

Лейф выкрикнул проклятие. Вначале он тешил себя надеждой, что быстро покончит с оставшим беглецом, а затем погонится за другим. Теперь он должен будет удовлетвориться мстью лишь одному врагу.

Человек, которого догонял Лейф, одной рукой вцепился в корни вереска, а другой сжимал меч. Лейф ясно видел, как мгновенным блеском вспыхивало лезвие.

Юноше оставалось пробежать каких-нибудь двадцать шагов. Преследуемый обернулся. Как раз в это мгновение взошла луна, до сих пор скрытая плотной завесой облаков, и осветила растерянное лицо Эгиля Павлина.

Эгиль тоже узнал Лейфа. Его отвислые, дряблые щеки затряслись от хриплого смеха.

— Так это ты так шумел, жалкий хорек?

У Эгиля была более выгодная позиция.

Сын Вальтёфа не мог обойти его ни справа, ни слева: этому препятствовали крутые склоны с обеих сторон.

— Возвращайся-ка домой, Турлусон, ведь еще не остыл труп твоего отца!

Лейф, прислонившись к выступу скалы, наблюдал за Эгилем.

— Убирайся! Клянусь Фрейей, я не дерусь с мальчишками!

Лейф запустил в Павлина камнем и угодил ему в живот.

— Ты трусишь, Эгиль! Ты раздуваешь ноздри, как кузнечные мехи, а ноги подгибаются под тобой, словно прогнившие жерди.

— При мне мой меч, и я заставлю тебя подавиться своей бранью!

Лейф презрительно захохотал. И от этого хохота, повторенного раскатистым эхом, у Эгиля заледенела кровь в жилах.

— Ты сейчас умрешь, Эгиль Павлин! Мое копьё пригвоздит тебя к скале, и ты подохнешь здесь в одиночестве, как ворон.

— Не подходи ко мне, Лейф Турлусон, не подходи!

— А мне и незачем подходить к тебе, Эгиль! Мое копьё отлично достанет тебя.

Обезумевший взгляд Эгиля задержался на остром наконечнике копьё.

— Ведь не я убил твоего отца, Лейф Турлусон, не я, а Иорм. Ты слышишь, это сделал Иорм, Иорм!

Эгиль Павлин вопил истошным голосом.

— Боги займутся Иормом, а ты, Эгиль, в моей власти.

Лейф сдернул с кисти ремень, на котором висело оружие, и медленно, не сводя глаз с Эгиля, поднял копьё до уровня плеча.

Юноша повторял священные слова, которыми сопровождается смертельный удар и провозглашается справедливость такой кары:

— Фрейя взрастила для меня колосья мести.

Эгиль, вытаращив от ужаса глаза, бросился вперед. Несмотря на утреннюю прохладу, по его лицу от висков к подбородку стекали струйки пота.

В тот же миг его пронзило копьё. Эгиль судорожно глотнул и повалился на бок.

— Ты умрешь, как я сказал, Эгиль Павлин! Ты будешь умирать медленно и одиноко. И не знать тебе покоя, потому что жил ты, как трус, и принял смерть, как раб.

Лейф спустился с холма. Настало время отдать последние почести телу Вальтёфа.

От поцелуев утренней зари серое небо над морем покрылось багрянцем. Занялась заря, которую Вальтёфу уже не да-

но было увидеть. Теперь Лейф заплакал. Вальтоф унес с собой частицу его души. И он плакал, потому что был один: слезы викинга не должны иметь свидетелей.

* * *

Все розыски следов Йорма окончились ничем. Никто из нападавших на Окадаль, кого изувечил молот Бьорна или пронзило копье Лейфа, не выжил, и поэтому не удалось установить, где на Западном побережье был разбит пещерный лагерь изгнанников. Жители поселка опознали трупы Грима, Скиди Норвежца и Хравна — Сына Лосося. Оставшиеся в живых участники набега скрылись кто куда.

Похороны Вальтофа были просты и величественны. Тело возложили на костер, который развели Эйрик Рыжий, Бьярни Турлусон и кузнец Бьорн. Бьярни — новый глава семьи — поджег вереск, покрывавший деревянный настил. Яркий огонь поднялся к небу... И тогда скальд Бьярни спел не простую вису*, но суровую строфу из песни об Инглингах, которую обычно посвящали победителям, вождям и воинам, прославившимся верностью долгу:

Изранен тяжело был король Хаки
И понял, что дни жизни сочтены.
Тогда велел он боевой корабль
Для плавания морского снарядить,
Руль закрепить, все паруса поднять,
Сложить из дров на палубе костер
И факелом просмоленным поджечь.
Дул ровный, сильный ветер от земли.
Лежал Хаки, простертый на костре.
Меж островов пройдя, его корабль,
Пылая, устремился в океан.

В Гренландии слишком драгоценны были корабли, чтобы можно было хоть один из них отдать для последнего приюта мертвецу. Поэтому прах Вальтофа, несмотря на общую любовь к нему, был развеян по земле ветром.

После погребального обряда Бьорн Кальфсон подошел к Бьярни и сыновьям Вальтофа.

— Бьярни Турлусон, дом Вальтофа отныне дом его сыновей и твой. А я выстрою подальше новую кузницу.

— Бьорн, кров моего брата отныне твой кров. Я попрошу тебя взять к себе и растить Скъольда, пока ему не минет пятнадцать лет. О Лейфе позабочусь я сам.

— Почему я должен расстаться с братом Скъольдом, дядя Бьярни?

— Потому что обычай не допускает, чтобы два брата плавали на одном корабле.

И тогда Лейф понял, что великая мечта Бьярни скоро ста-

---

* *Виса* — строфа в поэзии скальдов.

нет явью. Смутная радость захлестнула его сердце. Корабль, захватив и его, уйдет покорять Западное море.

— Скольдь останется со мной до твоего возвращения, Бьярни Турлусон,— сказал кузнец,— и я воспитаю его так, как воспитал бы родного сына. Когда же ты думаешь выйти в море?

Бьорн говорил так спокойно, словно подобное плавание было самым обычным на свете делом.

— Когда Эйрик все наладит в поселке и когда задует попутный ветер. Ну, а пока пусть этот разговор останется между нами.

Скольдь, насупившись, ковырял носком землю. Бьярни угадал, какие чувства волнуют мальчика.

— Настанет и твой черед, Скольдь!

Бьорн заскорузлой рукой приподнял за подбородок голову младшего из братьев.

— Раз ты теперь мой сын, я открою тебе тайны металла и огня. Твоя участь будет не хуже, чем у брата. Я помогу тебе отыскать четыре вида терновника, три вида мха и семь видов водорослей на скале, которые наделяют даром провидения и мудростью.

Скольдь поднес к губам громадную руку Бьорна.

Лейф знал, что Эйрик Рыжий и Бьярни отплывут после уборки урожая. Ячмень поднялся высоко, и колосья его созрели для жатвы.

— Одно не дает мне покоя, дядя Бьярни: Йорм избежал мщения.

Бьорн начертил на земле круг:

— Йорм никогда не вырвется из круга крови. Он будет метаться в нем, как запертый в загоне зверь.

Ему не пришлось пояснить свою мысль. Эйрик Рыжий широким шагом пересек площадь, на которой ранее был разведен костер.

— Ты мне нужен, Бьорн Кальфсон. Я снова уйду на «Большом змее» в долгое плавание. Бьярни говорил тебе об этом. Восточному поселку нужен будет глава. Я думаю, что это отличие — твое по праву.

— Мне легче приказывать молоту, чем людям, Эйрик!

— Клянусь Тором, у тебя крепкая рука, кузнец, и доброе сердце. Ты сумеешь ковать и закалять в людях мужество не хуже, чем куешь и закаляешь сталь.

* * *

Йорм плыл в Исландию.

Однажды ночью, в глубокой тайне, он погрузил на борт «Гуся» около двух десятков верных дружинников и снялся с якоря, оставив в пещерах десять мужчин, двадцать женщин и двенадцать душ детей.

После убийства Вальтьофа Йорм не чувствовал себя в без-

опасности на гренландской земле. Смерть Эгиля послужила ему предостережением.

Ненависть, которую он питал к Эйрику Рыжему, Бьярни Турлусону, Бьорну Кальфсону и сыновьям Вальтьофа, осталась неутоленной. Хозяин «Гуся» знал, что она будет гореть в его сердце всю жизнь. В Исландии он найдет союзников. Торстейн, несомненно, погиб, но род Торфинсонов по-прежнему силен. Он, Йорм, пробудит у этих людей дремлющие в их душах страсти. Он заманит их богатствами Гренландии, процветающим хозяйством Восточного поселка. Он знает к кому обратиться. Альфид — Ледяной Глаз, вдова Торстейна, конечно, поможет ему, он ее хорошо знает. Йорм не сомневался, что, выйдя замуж за Торстейна, Альфид разделит ненависть мужа к его врагам и что она готова выцарапать глаза Эйрику Рыжему.

Через несколько месяцев, быть может, уже через несколько недель могучий флот выйдет из Эйрарбакки и возьмет курс на Восточный поселок, флот, во главе которого станет он, Йорм.

Ключи к мщению будут тогда в его руках.

Ветер надувал парус. Белые гребешки волн разбивались впереди, указывая путь в Исландию.

Часть третья

Глава I

НА ПУТИ В НЕВЕДОМОЕ

Лейф стоял на корме «Большого змея». Плавание началось при счастливых приметах. Тучи постепенно растаяли в бескрайнем голубом просторе. Уже много месяцев юноша не дышал таким чистым воздухом. Было раннее утро, но солнце успело очертить в небе немалую дугу.

Дядя Бьярни стоял возле Лейфа, и казалось, что все его внимание сосредоточено на отвесных прибрежных скалах фьорда Восточного поселка, стиснутых, как рыба в верше.

— Сегодня, племянник, самый длинный день в году. Солнце совершит долгий путь над морем. Но и через тысячу лет люди скажут: в самый длинный день девятьсот девяносто девятого года викинги Восточного поселка на корабле Эйрика Рыжего «Большой змей» ушли в неведомые западные моря.

Лейф подумал, что из такого путешествия можно и не вернуться и тогда люди будущего никогда не узнают, что же нашли викинги по ту сторону моря, но он отогнал эти мысли и приветливо улыбнулся дяде Бьярни. Юноша не испытывал и тени тревоги, но восторженные речи его спутников порой надоедали ему. Все, что с ним происходило, Лейф считал в порядке вещей. Здесь свершалась его судьба. Каждым мускулом своего тела, каждой каплей крови Лейф ощущал, что прожитые им шестнадцать лет были только подготовкой к этому великому подвигу. Гренландия — вторая Исландия. Ее открыл Эйрик Рыжий, а он, Лейф, приехал туда позднее. Теперь же он сам плы-

вет по неизведанному морю, которое не бороздил еще ни один корабль.

Грозная неизвестность, таившаяся за этим морем, будила в Лейфе жгучее любопытство.

Гренландия оказалась безлюдным островом, но юноша почувствовал, что в этом плавании они встретят новых, никем еще не виданных людей.

Он и не пытался их себе представить. Саги о героической старине повествовали о славянах, германцах, кельтах, франках, с которыми норвежские викинги сталкивались в чужих странах. Правда, эти племена мало чем отличались от самих викингов. Франк Тюркер, который тридцать лет плывал с Эйриком на «Большом змее», стал таким же, как они. Но что из этого следует?

Дядя Бьярни будто прочел мысли племянника.

— Лейф, этот поход прежде всего твой поход: из всех нас ты самый молодой, и твоим надеждам не должно быть преград.— Скальд беззвучно рассмеялся, и в его глазах сверкнули веселые искорки.— Разве Бьорн Кальфсон не говорил, что на море тебя ждет славное будущее, и не сулил тебе встречу с молоденькой девушкой-чужеземкой, какой еще никогда не видели в наших краях?

Лейф покраснел под густым загаром. Не раз думал он об этом пророчестве. Оно слишком совпадало с его заветными мечтами, чтобы можно было о нем забыть.

— Ты уже взрослый мужчина, Лейф, у тебя широкие плечи и крепкие мышцы. Год, проведенный в Гренландии, превратил тебя в настоящего викинга. Ты носишь за поясом нож и меч, и даже среди взрослых мало найдется таких, кто попытается бы оспаривать у тебя место, которое ты себе облюбовал.— Бьярни говорил внушительно, как глава семьи, сознающий свою ответственность — Эйрик Рыжий очень рассчитывает на тебя, Лейф, и сам тебе об этом скажет, когда найдет нужным. Ты с честью отомстил за отца и в ту кровавую ночь сражался, как подобает мужчине. Бьорн Кальфсон это подтвердил.

Бьярни ткнул крепким кулаком в широкую грудь Лейфа, которая загудела под его ударом.

— Мы держим курс на новые земли, Лейф, ибо у моря тоже свои границы. И неизвестно, что мы там найдем. Выйдя из фьорда Восточного поселка, мы будем идти на юго-запад, пока боги не поставят перед нами новую сушу.

«Большой змей» входил в один из извилистых проходов. В последний раз Лейф старался запечатлеть в памяти вид Восточного поселка. Строения норвежского образца сгрудились в глубине фьорда вокруг трех длинных домов Эйрика, как бы приплюснутых к земле складчатыми разветвлениями трех долин, где площадки со стерней недавно сжатого ячменя и участки, засеянные кормовыми травами, чередовались, как темные и

светлые квадраты на шашечной доске. Дом Окадаля, его родной дом, чернел на самом высоком из ближних склонов. Начал ли Бьорн обучать юного Скъольда тайной премудрости прорицателей и хранителей рун?

Постепенно привычный пейзаж скрылся из глаз, и, когда Лейф повернулся, перед ним раскрылся выход в открытое море. До самого горизонта оно было покрыто барашками, и в брызгах пены играли солнечные блики.

Берега фьорда расступились, и бескрайнее море погнало свои стремительные волны навстречу бесстрашному кораблю, которому северное солнце указывало путь.

Как только серая полоса берега расплылась далеко позади туманной дымкой, все двадцать восемь человек на борту запели победную песню, которую три века назад сложил Ивар Лодбrog, когда впервые ступил на английскую землю.

Эйрик и Бьярни тщательно подобрали своих людей. Многие из них, как и в первом походе, принадлежали к роду Эйрика и происходили от рабов, захваченных на острове Эйрин*. Рослые и рыжеволосые, беспечные, суеверные и смелые, они, как и норвежцы, были искусными моряками и любили опасные приключения. Их настоящую цену можно было узнать только в разгаре бури, когда они запросто обращались к духам, которые, уверяли они, по своей прихоти спускают с цепи свирепые волны.

Они забыли родной язык и говорили только по-норвежски, но ирландские предания, передаваемые из поколения в поколение, продолжали населять их внутренний мир.

«Большой змей» был хорошо снаряжен. Помимо съестных припасов и воды, необходимых для долгого морского перехода, на корабле везли пять коров и десяток коз, которые должны были восполнять нехватку в мясе. Бык и козел стреноженные в трюме, будут принесены в жертву Тору, лишь только на горизонте появится суша.

Добрую половину дня Эйрик Рыжий стоял за рулем, ведя судно на юго-запад.

Лейф участвовал в развлечениях, которые устраивал моряк, по имени Сигвал, умевший искусно жонглировать ножами. Юноше быстро наскучило причудливое сверканье лезвий, и он согласился на предложение франка Тюркера сыграть с ним в кости.

— Клянусь Тором, мы сейчас назначим такие ставки, которые по плечу только самым богатым хозяевам Исландии! — шутил франк.

— В таком случае, я не могу играть, Тюркер: все мое богатство — одежда, которую я ношу, и нож за поясом. Да еще лук и меч, они лежат у подножия мачты.

Тюркер расхохотался.

* *Остров Эйрин* — древнее название Ирландии.

— Да разве это богатство, Лейф Турлусон! Ну-ка, брось кости, увидишь, какая это занятная игра.

Лейф встряхнул в руке маленькие кубики из амбры, на гранях которых было выбито от одного до шести кружочков.

— Три, три и еще раз три, — сказал Лейф, когда кости улеглись на его ладони.

— Три — волшебное число. Ты король, Лейф Турлусон! И ты выиграл целую долину в той стране, которую мы откроем. Отдаю ее тебе. — Тюркер громко прыснул. — Видишь, какие у меня крупные ставки? Я отдаю тебе целую долину. Ну, а теперь мой черед. Пожалуй, с меня хватит и клочка земли, лишь бы он был на солнечной стороне.

Тюркер выбросил на двух кубиках по четыре очка, на одном два очка.

— Тролли лишили меня своего покровительства! Что же ты мне дашь, Лейф? Ты раздаешь богатства; будь щедр со своим слугой.

— Что ж, я могу отдать тебе половину моей долины, ведь она мне ничего не стоила.

— Ты великодушен, Лейф. А знаешь, что я посажу на той половине долины, которую ты мне даришь?

— Наверное, ячмень?

— И не подумаю! Ячмень хорош для бедных крестьян севера. Ячмень — грубый детина, заросший бородой, которая защищает его от мороза. А я мечтаю о счастливой долине, где допоздна не заходит солнце.

Тюркер отодвинул кости и задумчиво глядел вдаль. Быть может, в его памяти вдруг ожили забытые с детства картины природы его родины — страны франков. Разве не приходилось ему слышать, что там, на плодородной земле, все произрастало в изобилии?

— А ты мне так и не ответил, Тюркер, что ты посеешь или посадишь на своем косогоре.

— Я посажу виноград, Лейф Турлусон. Виноград, из которого делают вино. Ах, да ты ведь ни разу в жизни не пил вина, которое равняет людей с богами, вина, Лейф, перед которым любой напиток просто бурда! — Предвкушение блаженства преобразило лицо Тюркера. Глаза у него заблестели, и он причмокивал, словно уже прикладывался к краю незримой чаши. — Да будет благословенна земля, на которой мы высадимся, если на ней созревает виноград.

Все мужчины, оставив игры, подошли к ним.

Сигвал, жонглер, был недоволен тем, что Тюркер завладел вниманием моряков, и злобно возразил франку:

— Чтобы найти край виноградников, нужно плыть много дней на юг, в страну франков или иберов. А теперь у нас впереди только море да враждебные земли, населенные духами. Гренландия — последняя суша на западном пути.

Трое или четверо мужчин одобрительно заворчали, но Тюркер не обратил на них внимания.

— Не так давно мы думали, что Исландия — край земли, и любопытство не влекло нас дальше шхер Гунбьерна. Как знать, плывя на запад, не увидим ли мы вдруг берега Норвегии?

— Но ведь Норвегия на востоке, позади тебя, Тюркер!

Лукавые глаза франка так сощурились, что остались лишь две смеющиеся щелки.

— А если земля круглая и мы обогнем ее, разве мои слова окажутся глупыми?

Оглушительный взрыв смеха приветствовал эту шутку.

— Земля, по-твоему, круглая, как шлем? Да наш Тюркер самый удивительный врун, какого я когда-либо знал! — воскликнул Сигвал.

Лейф смеялся вместе со всеми:

— Если земля круглая, мы в один прекрасный день окажемся вниз головой.

— А из моря хлынет дождь, как с неба! — давился от хохота Гаральд Толстяк.

Тюркер потряхивал зажатými в руке костями.

— Не смейся, Лейф, под солнцем много такого, чего смертным не понять.

До самого вечера шутка Тюркера служила пищей для разговоров, и все единодушно признали, что давно человеческие уста не произносили такой чудовищной нелепости.

В середине второго дня небо покрылось тучами, море заволновалось, но ветер по-прежнему нес «Большого змея» в нужном направлении. Холодные ливни сменяли друг друга, как будто тучи выливались одна за другой.

Однако приятный образ жизни на борту не изменился. Дядя Бьярни часами пел саги, которые все викинги и без того знали наизусть. Одаренный скальд вкладывал в них всю страсть своей души.

Днем и ночью моряки по двое несли вахту на носу корабля, сменяясь каждые два часа. Лейф всегда радовался, когда его товарищем оказывался Тюркер. Франк был неистощимым рассказчиком. Он сопровождал Эйрика Рыжего во всех его смелых походах и хранил в своей памяти воспоминания о любой вылазке или сражении. Лейф подозревал, что Тюркер приукрашивает события и толкует их на свой лад. Тем не менее, стоя на вахте и окидывая море рассеянным взглядом, юноша невольно поддавался чарам этого красноречия.

Ночи были ясные. Их бледный, молочный свет облегчал путь морякам, а над головой сквозь эту белизну успокоительно сияла самая яркая звезда из колесницы Одина, похожая на шляпку золотого гвоздя.

На четвертый день восход солнца разогнал легкий туман, висевший ночью над морем.

Тюркер, полузакрыв глаза, дремал, опершись на свернувшегося в кольца дракона. Он говорил ровным голосом, время от времени приподнимая веки, чтобы посмотреть, слушает ли его Лейф.

— Что значит плыть три дня по морю? Пустяк! Ничтожная пылинка времени. На западе, как и на востоке, можно открыть еще много земель, но мы, люди, хотим завладеть всем сразу. Ты не знал Торвальда Рыжего, отца Эйрика, которого убил Торстейн Торфинсон? Торвальд был одним из последних настоящих морских ярлов. Он-то знал, что стоит лишь отойти от берегов Норвегии, как перед тобой откроются новые миры. Я был еще совсем мальчишкой, но Торвальд взял меня к себе на борт. Мы отправились из Нидароса на восток и шли так четыре дня, а потом, когда подул северный ветер, повернули на юг и в середине пятого дня увидели устье широкой реки, где оказалась множество китов мелкой породы. Мы плыли один день вверх по этой реке. И, хотя земля там замерзла и дули свирепые ветры, мы нашли людей, которые ютились в жилищах, сложенных из глыб льда. Они, низкорослые, широкоскулые, а кожа на их лицах коричневая, как некоторые водоросли. Они смазывают волосы каким-то вонючим жиром и называют себя бьярмами*. Я никогда не встречал более ловких стрелков из лука. Мы потребовали с них выкуп, и они доставили нам моржовые шкуры, китовый жир, ремни и птичьи перья. Самые богатые из них должны были каждый за себя уплатить особую дань: десять шкур выдры, две шкуры медведя, трех живых оленей, полный мешок пера и канаты, плетенные из тюленьих шкур, длиной в тройную длину нашего корабля. Торвальд Рыжий оставался там, пока все не было выплачено, а на это потребовался почти год. Ах, Лейф, Лейф, поверь мне, земные сокровища разнообразны и неисчерпаемы! — Тюркер открыл правый глаз и глубоко вздохнул. — Но ни одно сокровище нельзя сравнить с виноградной лозой, отягченной гроздьями ягод!

Лейф снова перевел взгляд на море. Этот Тюркер и впрямь был удивительный человек.

— Тюркер! Эй, Тюркер! — вдруг закричал Лейф.

Волнение сдавило ему горло.

— Неужели уже земля? — спросил франк, даже не повернув головы.

Лейф чуть не бросился на него с кулаками. Как мог Тюркер в подобную минуту так владеть собой!

— Нет, это не земля, это... Да посмотри же, посмотри! — Он круто повернул франка, который показался ему легким,

---

* Бьярмы — финское племя (древнерусское — пермы), жившее на побережье Белого моря.

как пушинка. — Глаза меня не обманывают? Скажи же, Тюркер, ты видишь?

— Да, вижу. Я поражен, Лейф, право, поражен!

Глава II

ПОХОД НОРМА

Через четыре дня после того, как Йорм покинул Гренландию, его корабль бросил якорь во фьорде Эйрарбакки. Возвращение «Гуся» стало известно в селении. Дозорные, прятаясь в расщелинах скал, уже более часа как подали сигнал о приближении торгового судна.

Исландцы, сгорая от любопытства, толпились на молу. Всем хотелось узнать, как живется в Гренландии и почему так внезапно явился Йорм.

— Ни одного слова о том, что там произошло! — предупредил Йорм, отдав распоряжение спустить на воду ялик. — Нам несдобровать, если мы не будем держать язык за зубами. Не плохо было бы разведать, чей род сейчас забрал власть на острове.

Не успел Йорм сойти на берег, как был окружен толпой и засыпан вопросами. Ведь у каждого из этих людей был родственник, свойственник или друг на новой земле.

— Я дам объяснения перед альтингом, — осторожно сказал Йорм. — А кто сменил старого Рюне Торфинсона?

— А тебе что за дело? Ведь ты приехал от Эйрика Рыжего?

Вопрос прозвучал грубо. Йорм узнал голос Глума Косоглазого и облегченно вздохнул. Если Глум осмеливается так дерзко говорить, значит, род Торфинсонов по-прежнему занимает в Эйрарбакки первое место.

— Мне сейчас недосуг толковать с тобой, Глум. Мне надо скорее повидать твою хозяйку, Альфид, вдову Торстейна Торфинсона.

Это был хитрый ответ, и Йорм знал, что им он закроет рот каждому, кто попытался бы затеять ссору. Поэтому хозяин «Гуся» несколько растерялся, когда в толпе то там, то здесь послышался ехидный смех. Глум просто заржал от удовольствия. Встревоженный неожиданным оборотом, который принял разговор, Йорм решил подождать, пока Глум или кто-нибудь другой нарушит молчание.

В первые ряды насмешников, гримасничая, пробрался Льот Криворотый.

— Значит, ты приехал посвататься к Альфид? У тебя, Йорм, будет сильный соперник.

Так вот чем объяснялось общее веселье! Очевидно, у Альфид завелся друг, прочно обосновавшийся в Длинном Доме Торстейна.

— Я ни у кого не собираюсь оспаривать сердце Альфид, Льот. Меня привело сюда иное.

Смех усилился. Иорм решил изобразить гнев:

— Не для того я пересек Западное море, чтоб надо мной потешалась кучка бездельников! Коли так, я, пожалуй, вернусь на борт и подниму парус.

Этот ловкий ход вызвал желаемый ответ. Даже Глум заговорил примирительно:

— Не сердись, Иорм. Мы не хотели тебя обидеть. Но, понимаешь, Альфид не ищет мужа. Понятно, где тебе знать, что...

— Мне совершенно все равно, кто женился на Альфид. Я хочу поговорить с ней о деле.

— Ну, если тебе надо поговорить о деле, так уж говори с самим Торстейном Торфинсоном.

Иорм так опешил, что даже отступил на шаг, чтобы лучше взглядеться в лицо Глума.

— Я думал, что Торстейн мертв и что его унесло море, после того как его сразил Эйрик Рыжий.

— Тор сохранил ему жизнь. Море выбросило Торстейна на песчаную отмель Хеймгиль, где его подобрал и выходял пастух из его рода. Одна Альфид знала, что Торстейн жив, но весть об этом разнеслась по острову лишь после того, как флот рыжего дьявола Эйрика обогнул мыс Боргар. Сейчас Торстейн совсем поправился.

Иорм не мог скрыть радость. Торстейн жив! Это превосходило все его надежды. Иорм был близок с сыном Рюне и знал, что муж Альфид не из тех, кто забывает о мести.

— Глум, беги скорее к Длинному Дому Торфинсона и сообщи о моем приезде. Хозяин не пожалеет, если примет меня под своей крышей.

Глум Косоглазый больше не колебался. Уверенные слова Иорма произвели на него впечатление. Он помчался стрелой, расталкивая по пути людей, которые не успели посторошиться.

Толпа, тоже покоренная речами Иорма, расступилась перед ним, и он в сопровождении Льота Криворотого и Ньорда направился по мощеной улице к дому Торфинсона.

— Иорм пыжится, как лягушка, — громко сказал кто-то. — Видно, что море отделяет его от Эйрика Рыжего.

Толпа заколебалась, а потом на почтительном расстоянии последовала за Иормом, который выступал с важностью иноземного посла.

Торстейн ждал Иорма на пороге. Его высокая фигура несколько не согнулась после болезни, и рана, нанесенная мечом Эйрика, казалось, не уменьшила его медвежьей силы. Но Иорм уловил в его глазах какую-то растерянность.

— Ты удивлен, что нашел меня в живых, Иорм? — Торстейн ухмыльнулся, и его хищные, как у волка, ноздри раздулись.

— Моя радость не менее сильна, чем мое удивление, Торстейн.

— Ты вернулся с новой земли? Расскажи мне об Эйрике Рыжем.

— Я расскажу тебе об Эйрике Рыжем да и о других, но прежде всего знай, что Эйрик стал моим заклятым врагом. Ненависть угаснет только с его или моей смертью. Я пришел к тебе как друг, Торстейн! Вот этой рукой я убил Вальтьофа Турлусона, но потерял своих самых верных друзей: Грима — Сына Лосося и кое-кого еще. Лейф Турлусон предательски умертвил Эгиля.

— Эгиль Павлин никогда не был настоящим воином.

— Но он был умным человеком, которому осточертела власть Эйрика. Гренландия богатая страна, Торстейн, и Эйрик хочет один распорядиться ею. Того, кто победит его в поединке, ждет великая награда.

Не прерывая рассказа, Иорм пристально смотрел на Торстейна и с удовольствием убедился, что его слова попадают в цель.

— Продолжай, Иорм, я хочу все знать.

Иорм на свой лад изложил события, которые привели к расколу среди поселенцев. Упомянул о соперничестве между ними и о смерти Вальтьофа. Он изобразил Восточный поселок местом раздоров, где произвол и всякие дразги значительно подорвали власть Эйрика Рыжего.

У Торстейна затуманился взор, и он внимательно слушал.

— А что ты думаешь делать теперь, Иорм, после высадки в Исландии?

— Я считал тебя мертвым, Торстейн, и собирался предложить союз против Эйрика Рыжего твоей жене Альфид или какому-нибудь отважному воину твоего рода.

— Ты хочешь, чтобы я сопутствовал тебе на новую землю?

— Да, Торстейн. Я выйду в море, как только корабль будет готов к отплытию.

— Я заключу с тобой союз, Иорм. Каждую ночь во сне я вижу, как Эйрик Рыжий насмехается надо мной и осыпает бранью. Мне нужно избавиться от этого наваждения. Я хочу, чтоб голова скатилась с его плеч, а улыбка скривила его лицо в предсмертной муке. Мне не нужен целый флот, Иорм, хватит моего корабля и двадцати или тридцати смелых викингов. Если считать и твоих людей, нас будет шестьдесят доблестных воинов. Дело не в числе, Иорм. — Шалые огоньки вспыхивали в глазах Торстейна.

— Но у Эйрика Рыжего все еще большая дружина, Торстейн!

Резким взмахом руки Торстейн отвел это возражение:

— Я должен поведать тебе кое-что, Иорм. Избежав смерти, я остался берсерком.

Иорм побледнел и отпрянул на шаг. Так вот чем объяснялись иступление во взоре Торстейна и нездоровый блеск его глаз! Считалось, что берсерк — это человек, одержимый злым духом и не похожий на других людей. Рассказывали, что берсерк может по своей воле сменить свою кожу на шкуру медведя. А на самом деле берсерк был помешанный и страдал пачуей. Когда больной впадал в неистовство, тяжкий недуг придавал ему необычайную силу. В такие минуты берсерк не отвечал за свои поступки. Сдирал с деревьев кору, кусал свой щит, брызжа слюной, долго топал ногами и наконец молнией обрушивался на врага. Буйный приступ сменялся изнеможением, но в бою берсерк мог одолеть двадцать человек, и редко кто осмеливался вступать с ним в схватку.

Иорм попятился к двери, но тут в комнату вошла Альфид. Никогда еще к ней так не подходила кличка Альфид — Ледяной Глаз. Она положила костлявую руку на лоб Торстейна, и он понемногу успокоился.

— Я все слышала, Иорм. Ты хорошо сделал, что приехал. Если бы Торстейн умер, я сама обручилась бы с его мезтью. Тору было угодно вселить мочу берсерка в тело Торстейна. Эйрик Рыжий должен умереть, чтобы на роду Торфинсонов не лежало позорное пятно. Мы поплывем в Гренландию и, если не найдем этого дьявола на новой земле, погонимся за ним хоть на край света.

Иорм на миг задал себе вопрос, не смиряется ли дух берсерка перед этой неумолимой женщиной с желтым и гладким, как полированная кость, лицом?

— Так что же ты решил, Иорм? — спросила Альфид.

— Я отвезу тебя и Торстейна к Восточному поселку в Гренландии. Эйрику Рыжему не устоять перед яростью берсерка. Торстейн тяжело вздохнул.

— Смех Эйрика преследует меня в глубокой ночи, от него у меня трещит в ушах. Давно пора снести этому дьяволу голову с плеч.

Иорм повернулся к Альфид:

— Ты знаешь, где меня найти, Альфид. Я к твоим услугам.

Иорм вышел. Громкий стук захлопнувшейся двери не заглушил воя Торстейна, на которого опять накинулись его призраки.

Глава III

ЛАДЬЯ ПОСЛЕДНЕГО ПУТИ

— Эйрик Рыжий! Эйрик Рыжий!

— Дядя Бьярни! Дядя Бьярни!

Тюркер и Лейф всполошили всех на «Большом змее».

Внутри корабля послышался топот бегущих ног. Ни за что на свете викинг и франк не оставили бы сейчас своего поста: они боялись, что возникшее перед ними видение исчезнет. Бьярни Турлусон первый вынырнул из люка:

— Что случилось, Лейф? Кит или земля? — Он пытался скрыть волнение под маской веселья.

— Не кит и не земля, дядя Бьярни. Вон там, на западе, лодка в море.

— И на ней люди?

— Это лодка, — еще раз повторил Тюркер. — Но, если на ней люди, они прячутся за ее бортами.

Эйрик и многие викинги также поднялись наверх. Почти все вооружились, опасаясь нападения.

— Смотрите вон туда! — закричал Тюркер.

Солнце разорвало завесу тумана, и утлое судёнышко выглядело яснее.

В призрачной белизне зари длинная и узкая лодка со странно приподнятым носом покачивалась на волнах. Она находилась в трёхстах или четырёхстах футах по правому борту от «Большого змея». На ней не видно было ни души.

— Это, может быть, западня! — сказал Тюркер. — Лодки служат для того, чтобы перевозить людей.

— Наверно, это попросту марево, — заметил моряк по имени Олаф. — Когда подойдем ближе, оно рассеется, как дым.

— Богиня Фрейя и тролли любят морочить людей, — проворчал Сигвал Ловкач. — Не лучше ли нам повернуть в другую сторону?

Все вдруг вспомнили северные предания о блуждающих кораблях. Разве не шла в них речь о безумцах, которые дерзали гнаться за этими призраками? Смельчаков неизменно затягивало в огромную воронку, где они были обречены вечно носиться по кругу.

— Именем Тора, Эйрик Рыжий, скажи, кто плывёт на нашем корабле — викинги или бабы? — Лейф сам удивился своей дерзости, но отступать было поздно. — Быть может, эта лодка сорвалась с причала у незнакомых берегов, а люди на ней могли погибнуть в бурю. Вели, Эйрик, спустить на воду ялик. Я поеду сам к этой лодке и попытаюсь подцепить ее багром за борт.

Просьба Лейфа была встречена оглушительным хохотом. Эйрик согнулся от смеха так, что слезы текли у него из глаз.

— Лейф Турлусон, ты не уступишь в храбрости самому великому ярлу Гудбранду. Ну и нахал мальчишка! Сравнить моих моряков с бабами! Я знал времена, Лейф, когда за такую наглость тебя выбросили бы за борт. Но ты мне по душе, викинг. Черт поberi! Спустим немного парус и все вместе подойдем к этой лодке.

Длинную лодку медленно несло течением в ту же сторону, куда плыл «Большой змей».

Эйрик отдал несколько распоряжений, и корабль осторожно повернул. По мере приближения «Большого змея» к лодке, викинги могли лучше рассмотреть ее.

Деревянный остов был как бы обтянут чехлом, сшитым из шкур морских животных. Швы между шкурами тянулись вдоль и поперек бортов и были окаймлены по всей длине красными, черными и оранжевыми полосами.

Почти все моряки «Большого змея» бороздили океан у норвежских берегов, ходили от датских островов до Исландии, побывали вблизи Гебридских островов и Эйрина; Бьярни и Эйрик Рыжий проплыли вдоль побережья страны франков до большого Иберийского залива, а Тюркеру с Торвальдом Рыжим удалось даже достичь северных морей, омывающих земли бьярмов, но никто из них не мог похвастать, что когда-либо встречал лодку такого вида.

На ней по-прежнему не заметно было следов жизни, и тишина, окружавшая хрупкий челн, затерянный в океане, как-то особенно соответствовала загадочности этой встречи.

Высокая волна поднесла лодку к правому борту «Большого змея». В то же мгновение несколько багров мелькнуло в воздухе.

Полоса парусины, испещренная разноцветными рисунками из кружков, ломаных линий, «елочек», треугольников, была протянута от носа к корме и закрывала всю лодку. Нетрудно было догадаться, что человеческие руки немало потрудились, чтобы добиться полной водонепроницаемости швов. Узкий кожаный ремень, пропущенный сквозь деревянные дужки вдоль всей обшивки, крепил узорчатое покрывало к краям лодки.

Перегнувшись через борт, викинги боязливо разглядывали эту старательно закрытую лодку. Ее подтянули баграми к борту «Большого змея». Таинственные знаки, которыми была расписана парусина, возбуждали во всех жгучее любопытство. В подборе и размещении различных частей узора чувствовалось стремление к какой-то гармонии.

Оранжевые и черные кружки сосредоточивались на середине и по четырем углам покрывала, в то время как из конца в конец шли ломаные линии, переплетаясь с полосами из красных треугольников. «Елочки» размещались по двум диагоналям и были попеременно черного и красного цвета.

Викинги не сомневались в волшебных свойствах этих странных знаков, и невозможность раскрыть их смысл приводила всех в замешательство.

Море оберегает тайны затерянных в нем судов.

Лейф обратился к Бьярни Турлусону:

— Лодка весит не много. Мы легко подыдем ее баграми.

— Пусть море само и хранит свои загадки, — резко прервал его Сигвал Ловкач. — Я уберу багор.

Но Эйрик Рыжий могучей рукой схватился за багор, который держал Сигвал.

— Клянусь Ванами и Азами, если и есть в этом море загадки, мы имеем право их разгадать, ибо мы первые северные люди, которые проникли в такую даль. Сыны моря, тащите по моему приказу. Раз, два, три! И пусть Тор обрушит свой гнев на меня одного, если я поступаю дурно.

— Я принимаю на себя половину гнева Тора! — воскликнул Лейф.

Этой торжественной клятвой, приносимой лишь в исключительных обстоятельствах, Эйрик Рыжий и Лейф снимали с плеч своих спутников тяжкую кару, которой могли предать их разгневанные боги Валгалы.

Лодку подняли на палубу. Вне своей стихии она казалась еще более хрупкой. Лейф рассчитал, что от кормы до носа у нее восемнадцать футов, а расстояние между бортами равно всего лишь двум. По-видимому, лодка была спущена на воду недавно, так как краски на обшивке ниже ватерлинии не потускнели.

Эйрик Рыжий быстро перерезал ремень, прикреплявший парусину к лодке.

— Тяни покрепче, Лейф!

Кожаный ремень выскользнул из дужек. Эйрик Рыжий сдержал диковинное покрывало.

Потрасенный Лейф отпрянул.

На дне лодки лежал на спине человек. Его руки были вытянуты вдоль туловища. На тонком, с резкими чертами лице застыло выражение вечного покоя. Рот был полуоткрыт, веки сомкнуты. Человек казался спящим.

На его обнаженную грудь были положены палица, украшенная белыми перьями, очень длинный лук и две стрелы. Вся его одежда состояла из широких штанов, сшитых из мягкой светлой кожи, и мокасин, расшитых черными и красными геометрическими фигурками.

Кожаный ремень стягивал черные волосы с воткнутыми в них двумя перьями морского орла. Когда первое смлтенне немного улеглось, викинги приблизились к похоронной ладье. Торжественный и спокойный вид покойника не произвел на них особого впечатления. Такие похоронные обряды были им знакомы. Их норвежские предки, подобно этому мертвецу, свержали последний путь на борту своих надежных кораблей, увозя с собой свое боевое оружие в царство смерти.

Не лицо умершего, не его оружие, не тайка, навеки скрытая за крепко сомкнутыми веками, привлекали внимание Эйрика и его спутников. Ошеломленные, они пристально всматривались в цвет кожи этого человека — ровный красно-коричневый цвет меди и порыжелых листьев.

От изумления долго никто не произносил ни слова.

Наконец Лейф отважился сделать то, на что не решались

другие. Он провел концом указательного пальца по широкой груди покойника, как бы желая снять с нее красноватую чешую. Но цвет был неотделим от самой кожи.

Юноша посмотрел в глаза Эйрику, потом не спеша перевел взгляд на дядю Бьярни. Оба викинга с задумчивым видом неподвижно стояли рядом.

— Дядя Бьярни! — Лицо скальда утратило напряженное выражение, но Лейф тщетно искал в его глазах так часто вспыхивавшие огоньки. — Я никогда не слыхал о людях с красной кожей. О них не упоминается даже в самых древних сагах.

— Это значит... — медленно произнес Эйрик.

— Это значит, — подхватил Бьярни, — что мы вышли за рубежи наших земель. Вот как я думаю, Эйрик! Мы идем на встречу новому миру, где люди, вероятно, похожи на этого человека. Гренландия — остров, который никому до нас не принадлежал. Здесь же начинается мир скрелингов, мир краснокожих людей.

Лейф молчал. Мысленно он уже был в этом другом мире, лежащем где-то на западе. Разве не там должна свершиться его судьба? Разве не там, по предсказанию Бьорна Кальфсона, должен он встретить необыкновенную девушку, какой еще никто не видал?

Внезапно он почувствовал безграничную благодарность к этому мертвецу, безучастно покоившемуся в плавучем гробу.

Дядя Бьярни положил руку на плечо племянника:

— Пусть мертвец идет за другими мертвецами, Лейф. Помогите мне закрыть лодку.

Плотник гвоздями прибил узорчатое покрывало к бортам, и с помощью багров лодка вновь была спущена на воду.

Эйрик оттолкнул веслом плавучий гроб, волны подхватили его и понесли.

Лейф и викинги не покидали палубы, пока лодка не слилась с серым небом на горизонте. Все испытывали странное чувство пустоты, словно краснокожий человек, отправившийся на свидание с богами, унес частицу живого тепла «Большого змея».

Эйрик поставил парус по ветру и, повернувшись к своим спутникам, просто сказал:

— Теперь более чем когда-либо нам следует плыть на запад!

Глава IV

ПРЕКРАСНЫЕ БЕРЕГА

Лейф не покидал своего наблюдательного поста на носу корабля. Ранним утром на горизонте показалась выпуклая, как щит, земля. Тюркер первый заметил ее на заре следую-

щего после встречи с краснокожим человеком дня. С северо-востока на юго-запад на много миль тянулась дугой береговая полоса. Несметное множество птиц кружило над пустынными отмелями, усеянными плоскими камнями. Такие же камни в большом количестве покрывали холмистые склоны.

Викинги назвали этот край «Хеллуланд» — «Страна плоских камней» и ограничились тем, что довольно долго шли вдоль ее побережья. Какая-то неутолимая жажда открытий побуждала их плыть вперед и вперед. Хеллуланд оказалась самой обширной из земель, которые до сих пор им попадались на пути.

К концу дня они обогнули мыс, замеченный вдали еще с утра, и замерли в восхищении.

Насколько хватал взор, вдоль моря тянулся пляж из белоснежного песка шириной в четверть мили.

Морские волны бесшумно плескались о подножия мирных дюн. Над всей местностью царил такой безмятежный покой, что моряки охотно стали бы здесь на якорь. Но отсутствие растительности — плоские камни по-прежнему устилали почву — и опасение, что у этого ровного берега не найдется подходящей для стоянки бухты, побудили викингов плыть дальше до наступления ночи.

Полная луна освещала похожую на море песчаную гладь. Никто на корабле не думал о сне. Лихорадочное волнение и возбуждение были лучшим противоядием от усталости.

Опершись на планшир, жители севера любовались непривычным для них живописным зрелищем.

Бьярни Турлусон назвал эту местность «Фурдустрандир» — «Прекрасные берега». В голове скальда уже мелькали поэтические сравнения и образы. Он создавал великую сагу о западных землях. Бьярни вполголоса напевал спутникам сложенные им строфы, и сердца викингов восторженно замирали от новых созвучий.

Может быть, потому, что он был здесь самым юным, Лейф казался особенно восприимчивым к этому плавному ритму, к этому героическому и возвышенному лиризму, рождаемому величием этих бескрайних земель. Пение Бьярни выражало самые затаенные чаяния юноши.

Позднее морякам будет предоставлена возможность осмотреть и обследовать вглубь эту чудесную страну, но сегодня самое главное для них — выиграть время, опередить ненастные дни, которые заставят «Большого змея» искать убежища в какой-нибудь бухте. Все жаждали раскрыть тайну краснокожих людей.

Тщетно викинги вглядывались в берега. Людей по-прежнему не было видно. Маловероятно, чтобы парус «Большого змея» остался не замеченным ими. Никогда чужеземное судно, плывущее так близко от берега, не ускользнуло бы от неусыпного

ока исландских и гренландских дозорных. Может быть, краснокожие жили в глубине страны или покинули побережье, таинственным образом предупрежденные о приближении «Большого змея»? Скрывались ли они от чужеземцев или готовились вступить с ними в бой?

Лейф очень хотел, чтобы Эйрик приказал высаживаться на сушу. Возможно, что ответ на все вопросы, волновавшие юношу, таился за этими холмами с плоскими камнями и белоснежными пляжами.

Но великий викинг, казалось, искал чего-то иного на юго-западной стороне. Он не давал команды стать на якорь. Корабль плыл вперед круглые сутки.

Люди на борту дивились.

Лейф расспрашивал дядю Бьярни.

— Терпение, мой мальчик, терпение! Эйрик чего-то ждет. Но не спрашивай меня, я и сам этого не знаю. Да и он, наверно, знает не больше меня. Эйрик просит совета у воли, у неба и морских течений.

Викинг и впрямь проводил долгие часы на носу, отрешенный от всего, что его окружало.

Два дня «Большой змей» шел вдоль прекрасных берегов.

На закате второго дня Лейф, занятый плетением какой-то снасти, вдруг увидел, как Эйрик Рыжий, необычайно взволнованный, бросился с бака на палубу.

Лейф мгновенно вскочил на ноги. Эйрик так крепко обнял его, что у юноши захватило дух.

— Тор привел нас во вторую Норвегию! Сейчас же принесем в жертву предназначенного ему козла.

Лейф пытался понять смысл этих слов. Почему Эйрик говорит о второй Норвегии?

— Смотри вон туда, сын мой! На ту полосу на краю неба. Заходящее солнце утопало в багряных облаках, и его косые лучи скользили по темной массе, покрывавшей отроги дальних холмов на юге.

— Деревья, Лейф! Деревья, густые, как колосья на ячменном поле!

Викинги кричали, пели, выражали радость, стуча мечами по бортам «Большого змея» и по своим щитам.

— Маркланд! Маркланд!

— Лесная страна! Лесная страна!

Они не могли сделать более ценное открытие.

Для этих викингов, рожденных и выросших в Исландии, на земле, лишенной деревьев, лес представлял величайшее сокровище. Его ценили на вес золота. Владение большими лесными угодьями открывало неограниченный простор для их потребности созидания. Перед их мысленным взором уже возникали будущие селения, корабельные верфи, флотилии боевых и торговых судов. Всё становилось доступным — здесь был лес.

Козла принесли в жертву, а ведро с его кровью вылили в море, выполняя обряд очищения.

— Завтра, — объявил Эйрик, — в час, когда солнце будет прямо стоять над палубой, я брошу в море резной столб из моего родного дома, и мы высадимся там, где Тор и волны выбросят его на берег. С этой минуты мы во всем повинuemся судьбе.

И в эту ночь на «Большом змее» никто не сомкнул глаз.

Вчерашнее шумное возбуждение сменилось задумчивостью. Каждый смутно предчувствовал, что близится осуществление мечты, так долго владевшей поколениями бесстрашных викингов в их пути на запад.

Какое-то время корабль плыл недалеко от выступавшего в море берега. В лунном свете резко выделялись темные пятна лесов, таких сплошных, что, казалось, море плещется у подножия высоких стен. Потом снова моряки видели перед собой только стремительный бег волн.

Когда обогнули мыс, береговая полоса заметно отошла на запад.

— Возможно, что нас сносит сильным течением, — сказал Эйрик.

— Мне тоже так кажется, — подтвердил Лейф.

Кто-то предложил развести костер на железном щите, положенном на палубу.

Пламя медленно поднималось ввысь. Забытый за много дней пути едкий дым от горящего сухого навоза пощипывал горло.

— Этот запах напоминает мне запах дома, — проговорил Тюркер, шумно втягивая носом воздух.

— А какого дома — в Исландии, в Гренландии или, может быть, в стране франков? — пошутил дядя Бьярни.

— Всех домов, где я жил. Тьфу, не знаю более противной вони, чем этот навозный дым, который усаждает ваши северные ноздри! Запахом дыма, о котором я мечтаю, могло бы стать благоухание выжимаемого в давильне винограда.

Викинги очень потешались над Тюркером и называли его пьянчужкой.

— Смотрите, люди, смотрите!

Впоследствии Лейф не мог вспомнить, кричал ли он сам или кто-нибудь другой, но смех мгновенно умолк.

Лейф и его друзья увидели, как на берегу в глубокой тьме вспыхнул огонек.

Вначале он слабо мигал, потом стал похож на искорку светлячка и наконец взвился и заплясал красным языком.

Это не мог быть пожар от удара молнии. Ночь стояла ясная, а днем грозовые тучи не заволакивали небосвода. Да и сейчас небо по-прежнему было чисто. Нет, это был огонь, зажженный людьми, очаг, похожий на их собственный.

Заметили ли те, кто бодрствовал у костра, пламя на «Больш-

шом змее? Были ли то краснокожие люди? Передавал ли этот огонь какой-либо сигнал? Означал ли он угрозу или, напротив, его следовало толковать как обещание дружбы?

Лейф ломал себе голову и выходил из себя, оттого что не мог найти на все эти вопросы немедленный ответ. Не задумываясь, он выхватил из костра пылающий обломок доски и несколько раз взмахнул им над головой. Он был уверен, что на берегу неизвестные люди следят за его движением.

— Ты обожжешь себе пальцы, — сказал дядя Бьярни.

— Смотри! Да смотри же! Смотрите все: они мне отвечают!

Над костром кто-то размахивал факелом. При каждом взмахе сноп искр разлетался во мраке. Незнакомый человек без устали подавал знаки ярко горящей головней.

Тогда охваченные радостью викинги подожгли старые просмоленные канаты и испещрили тьму пятнами огня. А там, на берегу, тотчас вспыхнули двадцать факелов, вычерчивая на высоте человеческого роста причудливые узоры.

Темнота мешала определить расстояние, но над ночной равниной был переброшен мост, правда еще очень ненадежный и непрочный, пролеты которого терялись в колеблющемся мраке. И все же возникала уверенность, что устоям этого моста можно будет дать крепость.

Нужно было только дожидаться, чтобы в ночи прозвучал человеческий голос в ответ на призыв Лейфа.

Когда канаты догорели, викинги еще долго стояли у борта и смотрели, как на берегу один за другим гасли факелы. Вскоре небольшой холм или выступ скалы скрыл от них и сам костер. Но викинги по-прежнему не расходились.

Поток беспорядочных мыслей захлестнул их души. Дружинники Эйрика не унаследовали от предков пристрастия к грабежам и войнам. Уединенная жизнь далеко на севере не доставляла им случая принять участие в воинственных набегах их норвежских и датских двоюродных братьев. Уделом северян было заселять необитаемые острова и в трудных условиях, на неплодородных почвах, добывать пропитание для себя и для своих стад. В этой непрерывной борьбе с природой у них развилась потребность в мирной жизни и прочном порядке.

Эйрик догадывался, что теперь его друзья надеялись завершить свое удивительное путешествие. Они находились у порога неведомого мира, и через этот порог подобало переступить с большой осторожностью и предусмотрительностью.

Вождь викингов нарушил молчание:

— Завтра Лейф Турлусон бросит в море священные столбы моего очага. Они приведут нас туда, где мы должны будем сойти на берег, где мы построим наши первые дома. Ты меня хорошо понял, Лейф?

— Но ведь я не принадлежу к твоему дому, Эйрик Рыжий.

Только сын имел бы право бросить в море столбы от твоего очага.

— Именно так и должно быть, Лейф. И я говорю об этом сейчас для того, чтобы все меня поняли. С этого дня я считаю тебя своим сыном и опорой того дома, который я выстрою на новой земле. Ты согласен?

— Это великая честь для меня, Эйрик Рыжий! Но я не могу навек расстаться с моим братом Скъольдом, живущим в Гренландии.

— Скъольд станет моим вторым сыном, когда придет к нам.

— В таком случае, я согласен, Эйрик Рыжий, и я буду с честью служить твоему дому.

Он обвел взглядом темные берега, где двигались неясные тени.

— Ты по-прежнему останешься моим дядей, Бьярни Турлусон?

— Клянусь Тором, разве в нас течет не единая кровь! А двойное наследие Эйрика Рыжего и Вальтёфа Турлусона, которое отныне будет сочетаться в тебе, только укрепит наше родство. Здесь мы начнем новую жизнь. Вдохни полной грудью благовонный воздух лесистых берегов, он говорит о молодости этой девственной земли. Я думаю, что в краю краснокожих людей найдется место и для нас, но песнь о новой земле громко прозвучит, лишь когда смешается их и наша кровь: кровь скрелинггов и кровь викингов. Почему бы здесь не народиться новому племени?

Бьярни продолжал говорить, но речь его была обращена не к Лейфу, не к морякам «Большого змея», не к нему самому. Скальд слагал сагу, которая предназначалась для будущего. Он воспевал в ней труд людей, их верность и надежды в таких же красочных и богатых образах, как красочна и богата сама земля. Певец викингов выражал словами зов бескрайних просторов и многоликое великолепие жизни.

Лейф и дружинники слушали его, и вдохновенный голос скальда выражал их заветные думы.

Моряки забыли о времени. Незаметно летели часы. А между тем из ночной тьмы медленно выступал только что открытый ими материк, всю необъятность и богатства которого они не могли себе представить в самых безудержных мечтах.

Так для викингов начался первый день седьмого месяца девятьсот девяносто девятого года.

* * *

В эту самую ночь над морем вблизи Исландии пронеслась буря. Она выбросила на шхеры Гунбьерна большое судно, на борту которого находились шестьдесят три мужчины и одна

женщина. Два дня раньше этот корабль гордо обогнул длинную косу Боргарфьорда.

Огромные бурлящие валы снесли мачту и реи. Острые зубья подводных рифов прорвали днище. Налетев на скалистый выступ, судно расколосось.

Так в разъяренной пучине прервался поход мести Йорма и Торстейна возле проклятых островов, которые, по преданию, север воздвиг преградой на пути викингов к Западному морю.

Йорм одним из первых был сметен волной с палубы. Большая мачта, упав, в тот же миг придавила Глума Косоглазого и единственную женщину на борту, Альфид — Ледяной Глаз.

Берсерк Торстейн Торфинсон, внезапно охваченный приступом бешенства, опоясался мечом, прикрылся тяжелым щитом и бросился в морскую бездну, проклиная коварных богов, которые его предали.

Ньорд, Льот Криворотый и самые верные дружинники из рода Торфинсона бесславно погибли в этой грозной буре.

Много лет они сеяли ненависть среди исландцев. Проклятие поразило мстителей именно тогда, когда прилив жгучей злобы повлек их в Гренландию.

Когда буря утихла, волны выбросили на берег тело Йорма. Чайки с ближайших скал долго кружили над трупом, а потом обрушились на него стремительным градом.

Начался раздел добычи.

По берегу, усыпанному серой галькой, море разбросало обломки весел, куски судовой обшивки и запутавшиеся в водорослях кожаные щиты.

Глава V

БЕРЕГ СКРЕЛИНГОВ

Прилив нес священные столбы в устье большой реки. Она была шириной не менее одной мили. «Большой змей» плыл меж отлогих берегов, поросших густым лесом. Кудрявое море листы тянулось до синеватых холмов на горизонте. Повинуясь воле Тора, чей дух направлял движение священных столбов, корабль плыл, держась на расстоянии одной восьмой мили от правого берега. Время от времени случайный водоворот швырял деревянные «проводники» вправо и влево, но было ясно, что течение выбросит их на один из береговых выступов, вклинившихся в реку.

С тех пор как Лейф столкнул столбы в море, он, сидя верхом на туловище дракона-покровителя, не покидал этого наблюдательного поста на носу корабля. Юноша пристально всматривался в берега. Тщетно молодой викинг окидывал взором лесные лужайки и поляны, тщетно вглядывался он в зелено-

ватые пещерные сумерки под сводами деревьев и внимательно изучал песчаные мели, врезавшиеся в озера зелени. Нигде ни малейшего признака человека. Какой можно было сделать из этого вывод? Что скрединги передвигались только ночью или что страх заставлял их держаться вдали от реки?

Отсутствие людей омрачало беспрестанно меняющуюся панораму берегов. Гигантские стволы стремительно возносились более чем на сто двадцать футов, держа в плену своих нижних ветвей молодую поросль и высокие, как мачты, папоротники. Звериные ходы пробивали многочисленные бреши в этих живых зеленых стенах, теряясь в дремучей чаще.

И, насколько хватал глаз, этот бесконечный лес взбирался по крутым склонам, беря штурмом вершины округлых холмов. Прежде Лейф даже представить себе не мог такое богатство растительности. Все, что мореплаватели привозили из норвежских лесов, не могло с этим сравниться.

Эйрик Бьярни и даже Тюркер, онемев, любовались пестротой листвы деревьев различных пород, тесно переплетенных между собой гибкими лианами, которые тянулись по всем направлениям от вершин стволов до корней, раскачиваясь, словно гигантские канаты, или перебрасываясь со ствола на ствол, как мосты над бездной.

Все оттенки зеленого и рыжего чередовались, сочетались друг с другом; порой они казались еще ярче от контраста с ослепительным пурпуром или тусклой позолотой невиданных листьев.

Дикие гуси, утки, цапли во множестве гнездились в камышовых плавнях, а стаи каких-то мохлятых животных величиной с собаку, круглоголовых и широкохвостых, сидя в плетеном из веток подобии шалашей, бесстрашно смотрели на проплывающий мимо корабль.

Жизнь изобиловала разнообразием форм. Тысячи диких голубей летали над лесом, и крылья их, рассекая воздух, производили глухой, похожий на всплеск весел шум.

Выше по течению в реку просилось стадо оленей. Под водительством крупного самца они поплыли к длинному острову, удаленному от берега на расстояние десяти полетов стрелы.

— Тор привел нас в охотничий рай! — пробасил Тюркер. — Здесь мы не будем голодать!

— Тебя, Тюркер, не будет мучить и жажда: в реке хватит воды.

Дядя Бьярни рассмеялся. Он был в хорошем настроении и чувствовал, что сага о Маркланде ему удастся.

Но Тюркера трудно было захватить врасплох.

— Неужели ты думаешь, Бьярни Турлусон, что среди стольких деревьев, кустов и папоротников Тор позабыл вырастить виноградную лозу?!

В эту минуту Эйрик Рыжий подошел и опустил широкую ладонь на плечо Лейфа:

— Священные столбы нашего дома ведут нас в реку, сын?

— Течение несет нас вон к тому мысу, Эйрик Рыжий.

Лейф указал на громадный выпуклый, как панцирь черепахи, выступ напротив юго-западной оконечности острова, нависший на сто футов над рекой. Близ его вершины сквозь редкие стволы серебристых берез виднелись грозоздящиеся друг на друга серые каменные глыбы.

Это хаотическое нагромождение камней естественным барьером отделяло от леса треугольник мыса, облегчая его защиту.

В самом узком месте перешейка викинги заметили бухточку среди соснового бора. Она могла служить надежной стоянкой для «Большого змея».

Белоснежная песчаная отмель полого поднималась от воды к соснам.

— Мы вытянем на песок наши два баркаса. Эта отмель станет воротами в наши владения. Мы проложим дорогу до каменного барьера, который прикрывает подступы к мысу. Этот мыс будет нашей крепостью. Мы построим на нем дома и склады, большие склады, Лейф. Леса здесь хватит. Часть наших людей будет охранять лагерь, другая — снабжать его пищей, а третья пойдет в глубь страны исследовать ее.

Скупыми словами бывалый викинг перечислил предстоящие в новом поселке работы: нужно было построить верфь, начать рыбную ловлю и огородить поля.

— Эта земля воздаст сторицей за все вложенное в нее. В Исландии и Гренландии нам приходилось сеять на камнях.

Священные столбы, связанные между собой, медленно несли к песчаному пляжу у основания мыса. Эйрик обратился к людям, столпившимся на носу «Большого змея»:

— Викинги, бог Тор привел нас туда, куда нам суждено было приплыть. Здесь мы построим дома. Это будут деревянные дома, похожие на жилища наших предков в Норвегии.

Моряки всячески выражали свою радость. После длительного плавания им не терпелось ступить на сушу, побродить по песку, где останутся следы их морских сапог, напиться пресной воды, зачерпнув ее горстью из родника, вдохнуть запах поджариваемого над костром мяса убитых животных. Они знали, что, как и все моряки, долгое время прикованные к палубе корабля, они не скоро избавятся от походки вразвалку. Громко смеясь, викинги уже бились между собой об заклад, кто из них первым освободится от «утиного шага» и будет ступать твердо, как полагается человеку на твердой земле.

Лейф не участвовал в общем веселье. Он сидел на спине дракона и настороженно смотрел вдаль, словно ожидая появления какого-то призрака. Эйрик подошел к нему и крепко обнял за плечи. Юноша вздрогнул от неожиданности.

— Ты недоволен, Лейф? Ты мечтал о чем-то другом?

— Почему не видно людей, отец?

Впервые Лейф произнес слово «отец», и теплая волна крови прилила к щекам Эйрика Рыжего.

— Они придут, сынок, непременно придут, если только те, кто подавал нам ночью сигналы, того же племени, что и скрелинг в кожаной лодке. Наша белая кожа пугает их не меньше, чем нас поразила его красный цвет. Но почему это все так тревожит тебя, Лейф? У нас еще будет время встретиться с ними.

Юноша грустно улыбнулся:

— Сам не знаю, отец. Еще два года назад, в Исландии, я был совсем мальчишкой и мечтал, как подобает славному викингу, только о добрых драках. Но вот после смерти моего отца Вальтёфа что-то изменилось во мне. О, не бойся, Эйрик Рыжий, я не стал трусом, опасность манит меня по-прежнему!

— В тебе течет хорошая кровь, и ты смел, Лейф. Говори еще, тебе станет легче.

— Что я чувствую, того не передать словами. Этой ночью под пение дяди Бьярни все казалось мне ясным. Он выразил как раз то, в чем мне самому трудно было разобраться. Как бы я хотел, Эйрик, чтобы люди, которые живут на этой земле, встретили нас дружелюбно! Мне так хотелось бы не скрещивать с ними оружия! Ты понимаешь меня, отец? Или я неправ, что так думаю? Порой мне кажется, что я говорю на чужом языке.

— Не тревожься, мой мальчик. Со своей стороны я сделаю все, чтобы нас приняли как друзей. Не должно все кончаться войной и грабежами, и я думаю, что в этом краю нам многому надо будет поучиться.

Лейф молчал. Он так неумело раскрыл свое сердце! Ему казалось необходимым объяснить отцу, какими крепкими нитями он оказался внезапно связанным с этой страной. Это было что-то иное, чем вопросы мира, порядка и пользы, что-то глубокое, неосознанное, как сама жажда жизни.

«Большой змей» остановился у берега на расстоянии полета стрелы.

Олень протяжно протрубил в чаще, и ему ответило стадо, доплывшее до острова.

Викинги хлопотали вокруг двух лодок, закрепленных на корме корабля.

Эйрик ласково похлопал юношу по плечу:

— Запах листвы, травы и земли дурманит людям головы. Мне больше не удержать их на корабле. Идем же, Лейф, сын мой, охладим немного их пыл.

Лейф повернулся. Сидя на спине резного деревянного дракона, он возвышался над палубой.

«Эйрик, они здесь, они пришли!» Эйрик не услышал его, так как эти слова вовсе не сорвались с уст Лейфа. «Они здесь!»

Они здесь! Слова застревали у него во рту, как непрожеванные зерна.

На корме «Большого змея» викинги, готовя спуск лодки, не замечали ничего кругом.

Лейф спрыгнул на палубу и бросился вслед за Эйриком Рыжим, который спешил по левому проходу на корму. Юноша схватил его за руку. Говорить он не мог. От удивления и волнения у Лейфа перехватило горло. Викинг озадаченно смотрел на него, ничего не понимая.

— Что с тобой, Лейф? Да говори же!

Лейф молча протянул руку в сторону реки.

Моряк удивился не меньше, чем Лейф, но у Эйрика изумление вылилось громким возгласом, который тотчас собрал всех вокруг вождя.

Скредлинги были перед ними.

Они заполнили реку, и число их было весьма внушительно. Двойной ряд длинных пирог — в каждой сидело по семи или восьми человек — преграждал проход между мысом и южной оконечностью Оленьего острова. В то же время другие лодки, отчалив от правого берега, — Лейф насчитал их около пятидесяти — спешили занять свое место между лесом в низовье реки и песчаной косой острова на северо-востоке.

Скредлинги гребли молча. Их весла широким и размеренным взмахом как бы отталкивались от воды, и эти упругие толчки быстро гнали лодки вперед. Под ударами весел зеркальную гладь реки почти не рябило. Чувствовалось, что все движения выполняются с точным расчетом и усилия каждого отдельного гребца гармонично сливаются с усилиями всех.

Наблюдая за маневрами пирог в низовье реки, Лейф понял, как им удалось обогнуть мыс и дойти, не привлекая к себе внимания, до самого острова. Весла с закругленными концами поднимались и опускались без шума, напоминая обернутые тряпьем копыта лошадей, цокот которых не слышен на обледенелых дорогах.

Когда первая пирога флотилии в устье реки подошла на расстояние полета стрелы к острову, она остановилась, и все остальные, плывшие за ней с промежутками в десять футов, последовали ее примеру.

От мыса вверх по реке до лесной опушки в ее низовье триста пирог образовали правильный полукруг, в центре которого оказался Олений остров. Таким образом, «Большой змей» попал в мешок, имея с тыла песчаный берег и лес.

Ближайшие пироги находились в двухстах футах от корабля. Лейф с первого взгляда убедился, что сидевшие в них люди были одного племени со встреченным в море скредлингом. Они расположились довольно далеко, и трудно было отчетливо разглядеть их. Однако резко очерченные лица медного цвета, темные волосы, перехваченные кожаными ремнями с заткну-

тыми в них одним, двумя или тремя цветными перьями, длинные конечности, куртки из дубленых шкур, широкие штаны, украшенные полосками кожи, не оставляли никакого сомнения в их родстве с мертвецом.

Краснокожие люди сидели неподвижно на скамьях, сжимая в руках поставленные прямо перед собой и опирающиеся о дно пироги большие луки в пять футов длиной. У некоторых скрелингов на щеках и на лбу были нарисованы черные и оранжевые знаки, и Лейф заметил, что такие люди размещались на носу пирога и были освобождены от гребли.

Внезапно прозвучал звук сделанного из раковины рога, и тотчас же со стороны острова послышалось протяжное пение, время от времени прерываемое глухим гулом. В одно мгновение береговая полоса покрылась сотнями мужчин и женщин. Они выскакивали из-за высоких папоротников и колосьев дикого маиса, окаймлявших опушку леса.

Теперь на расстоянии полумили на воде и на суше линия фронта сомкнулась. Для прорыва окружения пришлось бы вступить в бой.

Придя немного в себя от неожиданного потрясения, викинги стали поспешно поднимать из трюмов луки, стрелы, тяжелые копья, связки пик, тонкие дротики и гарпуны с острыми зубцами.

Эйрик Рыжий и Бьярни следили, чтобы каждый занял свое место для боя. О высадке на берег сейчас не приходилось и думать. К тому же скрелинги в любую минуту могли появиться на песчаной отмели и таким образом отрезать морякам последний путь к отступлению. Эйрик не терял спокойствия.

— Стань рядом со мной, Лейф. Я не знаю, чем кончится этот день, но мы все равно понадобится друг другу.

Лейф повиновался. Никогда еще меч не казался ему таким тяжелым.

Эйрик откинул со лба две рыжие косы. Товарищи не спускали с него глаз. Они считали, что сражения не избежать, а его счастливый исход вызывал в них большое сомнение.

— Викинги! — голос Эйрика звенел, как наковальня под молотом. — Наденьте кожаные куртки, но пусть ни одна стрела не слетит с тетивы, пока мы не узнаем, чего хотят от нас эти люди. Я предпочел бы мирно поселиться на этом мысе, но не знаю, как распорядится нами судьба.

— Мы повинемся тебе во всем, Эйрик! Ты наш вождь!

Обычно этот исконный клич громко раздавался над морем, но на этот раз люди давали клятву тихо, как бы подражая поведению чужеземцев, застывших в своих пирогах подобно каменным изваяниям.

Викинги натягивали плотные кожаные куртки, спереди для защиты от ударов сплошь покрытые броней из железных чешуек.

— Сынок, я охотно отдал бы жизнь за то, чтобы сегодня не пролилась кровь ни викингов, ни скрелингов,— проговорил Эйрик, шнуря на спине Лейфа броню.

Юноша не ответил ему. От вражеской флотилии отделилась лодка и поплыла прямо к «Большому змею». Семь гребцов в лад окунали весла, и узкая пирога легко скользила по реке. На носу, закутанный от груди до пят в многоцветную ткань, стоял человек, придерживая правой рукой щит. Он казался очень высоким, а драпировавшая его шерстяная ткань подчеркивала ширину плеч. Пышный головной убор из белых перьев ниспадал на затылок. При нем не было никакого оружия.

Чем ближе пирога подходила к судну, тем яснее обрисовывалась благородная осанка скрелинга, в которой не было ничего принужденного. Во всем его облике ощущались врожденная свобода движений и сдержанное достоинство, которые, должно быть, никогда не изменяли ему. Тонкий орлиный нос, выдающиеся скулы, продолговатый разрез глаз и резко очерченный подбородок придавали исключительную живость его лицу, которая явно противоречила гордому спокойствию всей его позы. Тем не менее легко угадывалось, что это спокойствие чисто внешнее и что под бесстрастной маской все чувства обострены до предела.

— Клянусь Тором, прекрасный воин! — пробормотал Тюркер.— Он гибок, как ива, и тверд, как дуб.

По виду трудно было определить возраст краснокожего. Его лицо казалось одновременно юным и старым, гладким и морщинистым.

Тишина над рекой нарушалась лишь гоготанием диких гусей и пронзительными криками цапель, потревоженных за рыбной ловлей набегами выдр и водяных крыс.

Приблизительно в ста футах от кормы «Большого змея» гребцы остановили пирогу.

Человек в головном уборе из перьев один миг колебался, как бы ища среди моряков вождя, к которому ему подобало обратиться. Потом медленно, не переставая пристально вглядываться в лица викингов, столпившихся у борта корабля, он протянул смотрящим на него чужеземцам выпуклый щит.

Белоснежный мех покрывал этот щит.

— Скрелинг предлагает мир и дружбу,— спокойно пояснил Тюркер.

— Мир и дружбу,— повторил Эйрик.— Они встречают нас как гостей.

Он взглянул на Лейфа. Юноша улыбался, и его лицо покраснело от стремительно хлынувшей к щекам крови.

— Лейф, ответь им, что мы тоже несем мир и дружбу.

— Скоро мы окажемся среди замечательных людей, отец!

— Да, скоро. И мы будем пить из их чаш воду, молоко, брагу или какой-либо другой напиток.

— Хорошо бы вино! — прошептал Тюркер.

Скрелинг с величавой медлительностью передал щит одному из гребцов, скрестил руки на груди и ждал.

Лейф достал из-под палубы большой продолговатый щит, покрытый белой глиной, который у многих поколений северных викингов служил знаком мира. Он даже не удивился, что у них и у скрелингов, живущих по ту сторону Западного моря, существовал одинаковый способ для обозначения мира. Он подал щит Эйрику, и тот повернул его лицевой поверхностью к реке.

Скрелинг поднес правую руку к сердцу, и в тот же миг над двойным рядом порог и над лесной опушкой раздался оглушительный гул, в котором слились резкий звук рога, дробь палочек, бьющих по натянутой коже, и пронзительные возгласы женщин, размахивавших на берегу цветными платками.

Пирого скрелинга причалила к «Большому змею». Вождь легко перескочил через борт и остановился на палубе. Ни один мускул не дрогнул на его лице.

Эйрик, Бьярни и Лейф подошли к гостю. И все трое сделали тот простой жест, который люди повторяли в течение тысячелетий, когда хотели доказать чистоту своих помыслов.

Викинги показали краснокожему человеку раскрытые руки, повернув их ладонями к солнцу.

Тень улыбки мелькнула на тонких губах скрелинга. Откинув ткань с груди, он схватил большой нож, висевший на поясе, сплетенном из узких ремней. Потом он вытащил его из ножен и, выражая взглядом, устремленным на Эйрика, всю важность своего поступка, далеко забросил нож в реку.

— Виннета-ка,— проговорил он, приложив руку к сердцу и слегка поклонившись. (Лишь впоследствии викинги узнали, что он произнес свое имя.)

Подойдя к Лейфу, краснокожий положил руки на плечи юноши и долго смотрел ему в глаза. Молодой викинг чувствовал, что сейчас о нем выносит суждение иной и в то же время близкий мир. Он заметил, что непроницаемое, суровое лицо скрелинга смягчилось и в глубине его прищуренных глаз заплескал веселый огонек, похожий на тот, что иной раз вспыхивал в зрачках дяди Бьярни.

Воин ласково оттолкнул от себя Лейфа и, повернувшись к Эйрику, широким движением руки указал ему на остров. Славный викинг, в свою очередь, поклонился:

— Для нас большая честь быть твоими гостями, о краснокожий вождь!

Вокруг «Большого змея» сновали лодки. От острова женщины и дети изо всех сил гребли к кораблю. Впереди в похуже на полумесяц пироге налегала на весла девушка. Две черные косы окаймляли смуглое лицо, разгоряченное быст-

рым ходом пироги. Гибкий стан раскачивался взад и вперед, как маятник, в такт движению весел.

Лейф был покорен блеском ее глаз. Он не отводил взора от краснокожей девушки и не мог припомнить, чтобы встречал когда-либо в Исландии такую красавицу. Она затмила даже Мелькорку, дочь Гаральда, которая царила на всех праздниках в Эйрарбакки и о которой говорили, что кожа ее лица белее, чем яблоневый цвет, положенный на снег.

На мгновение их взгляды скрестились. Лейф поднял в знак приветствия руку. Девушка немного замялась, но потом ответила ему взмахом весла.

И тогда Лейф понял, что встретил ту самую необыкновенную девушку, какой еще никогда не видывали и о которой ему говорил кузнец Бьорн Кальфсон в ту трагическую ночь, когда погиб Вальтоф.

Лейфу в этом году должно было исполниться семнадцать лет.

В этом возрасте сыновья викингов брали себе жен. Лейф почувствовал устремленный на него взгляд вождя скрелингов и не осмелился обернуться.

Виннета-ка, вождь речных манданов, с интересом рассматривал светловолосого юношу, который, в свою очередь, пылко взирал на Иннети-ки, его младшую дочь, на Иннети-ки, самую любимую и резвую, как белочка в ельнике.

Вождь думал о том, что будущее всех людей и всех племен всецело в руках богов.

Быть может, эти приплывшие из-за моря бледнолицые люди, о которых береговые разведчики дали знать уже несколько дней назад, привезли с собой часть не раскрытых до сих пор тайн жизни, ибо во все времена среди племен, живущих у Великих Вод, упорно сохранялось предание, что берег краснокожих людей — только один из берегов огромного мира.

Глава VI

ВЛАСТИТЕЛЬ РУН

Вторая зимовка викингов в Гренландии выдалась особенно суровой. Снежные вьюги внезапно обрушились на фьорд Восточного поселка. Однако жители не были застигнуты врасплох. После отплытия Эйрика кузнец Бьорн Кальфсон взял на себя заботы о нуждах поселенцев. Были построены десятки новых домов, и теперь каждая семья имела крышу над головой. В огромном складе, длиной в сто пятьдесят и шириной в шестьдесят футов, хранились большие запасы сушеной рыбы, кормов для скота, ячменя и овса.

Летом был снят богатый урожай.

На каждого едока — мужчину, женщину и отнятого от груди ребенка — выдали по сто фунтов ячменя, и Бьорн был уверен, что даже при затяжной зиме колонии не будет грозить голод.

Самые ворчливые и те радовались, что Эйрик Рыжий доверил управление поселком такому мудрому человеку.

Бьорн редко приходил в селение. Он, не покидая своей кузницы, издавал законы, разбирал тяжбы и занимался повседневными делами. Кузнец не стал разговорчивее и общительнее. Тем не менее люди охотно поднимались по склонам долины, чтоб недолго посидеть в Длинном Доме Окадала. Хозяин принимал их в кузнице или в горнице, которая принадлежала покойному Вальгьофу и его сыновьям.

— Когда Эйрик Рыжий вернется, он будет доволен тобою, кузнец. Ты правишь мудро, — говорили посетители, надеясь польстить ему, задобрить или просто доставить удовольствие.

Бьорн только посмеивался.

— Эйрик знал, что делает. А в том, что я человек верный и честный, заслуги нет.

Если он в эту минуту занимался своим делом, его молот с еще большей силой бил по наковальне.

Скьольд хорошо себя чувствовал под крыльшком у Бьорна. Умудренный опытом муж и доверчивый подросток жили душа в душу. В те дни, когда тьма, стужа или метель застигали их вдвоем в большом доме, они особенно ощущали взаимную близость.

В такие дни кузнец приобщал младшего сына Вальгьофа к той премудрости, которую он сам некогда перенял у одного из властителей рун.

Скьольд с головой уходил в эту таинственную область, подобно тому, как герой стремится к самому трудному поединку, который принесет ему славу. Послушание мальчика и его рвение к науке приводили кузнеца в восторг не менее, чем та исключительная легкость, с которой Скьольд разбирался в рунических письменах.

— Знать и вырезать руны — этого еще мало, — говорил Бьорн. — Только тот овладеет настоящим знанием и проникнет в тайны неведомого мира, кто сумеет извлечь из двадцати четырех знаков их волшебную силу. Я научу тебя закону магических чисел, гармонии знаков, колдовским заклинаниям, которые определяют выбор и сочетание знаков. Тебе, Скьольд, понадобятся годы и годы, чтоб взойти на первый холм знаний, а с этого холма перед тобой откроются другие вершины, и тебе вновь придется взбираться по самым крутым склонам.

Так рассуждая, Бьорн Кальфсон был уже не простым кузнецом в прожженном фартуке, но вдохновенным творцом, на-

деленным страшной силой, чья мысль способна распахнуть врата невидимого мира.

— Тому, кто владеет рунами, лучше живется на земле, ибо, все зная, он превосходит воина, мореплавателя, ярла и короля. Будь справедлив и упорен, Скульд, тогда со временем ты станешь властителем рун. Я научу тебя, как их вырезать и толковать, как их испытывать, как к ним взывать и как перед ними приносить жертвы. Я научу тебя также, кому их можно открывать и кому передавать. И, только узнав все это, о Скульд, ты сможешь властвовать над рунами.

Когда безудержные ветры завывали над Окадалем и от мороза трескались глиняные горшки, а вдали море швыряло на рифы айсберги, Скульд изучал знаки, вырезанные на дубовых дощечках, оленьих рогах или моржовых клыках. И Бьорн терпеливо объяснял ему слово, от которого пойдет бесконечная цепь других слов.

— От одного слова родится другое, а потом еще и еще, и так же от одного поступка родится другой, а потом еще и еще.

Бледный рассвет нередко заставлял их перед каменным столом, и о обоих — учителя и ученика — лихорадочно блестили глаза и пылали лица, но они мужественно побеждали усталость.

Однажды утром Бьорн, пошатываясь, поднялся со скамьи. Мускулы его лица напряглись от внутреннего волнения. Он запел строфу из саги о Вольсунгах*, которую Скульд знал наизусть:

В певучих рунах восхвали прибор,
И в море белокрылых скакунов
От беспощадных бурь ты охранишь.
Укрась на судне рунами бушпрят
И румпель, чтобы руль послушен был.
На веслах тоже руны выжги ты.

Скульд понял, что незримые врата распахнулись, что властитель рун оседлал время и его дух витает над морем в поисках знакомого паруса.

Бьорн долго оставался в полузабытьи, казалось — он изнемогает. Скульд затаил дыхание, боясь разорвать таинственную нить, которая протянулась от кузнеца к далеким рубежам. Бьорн видел что-то сокровенное, и перед его взволнованным взором возникали образы, недоступные тем, кто не умеет повелевать рунами. Мало-помалу лицо кузнеца стало спокойнее.

— Я забыл о тебе, Скульд. Эйрик Рыжий, Бьярни и твой брат Лейф уже несколько дней, как достигли конца Западного моря.

---

* «Сага о Вольсунгах» (XIII век) — одна из самых известных скандинавских саг, в которой повествуется о трагической судьбе рода Вольсунгов.

Скьольд вскочил на ноги. Он побледнел. Кровь стучала у него в висках, как тысячи цепов на гуме.

— Ты их видел, Вьори?

— Да. Там был большой пир на лужайке, окруженной деревьями. Такими большими деревьями, что шесть человек, взявшись за руки, с трудом обхватили бы их стволы. Дым поднимался над костром, на котором жарили мясо оленей и медведей. И перед нашими людьми стояли такие же чаши из древесной коры, как перед меднокожими местными жителями с волосами чернее воронова крыла. А женщины в знак радости били по натянутой на барабаны коже. Кого же они приветствовали среди изобилия и согласия? Твоего брата Лейфа и девушку того племени, более прекрасную, чем огонь и лед.

— Такую прекрасную? — переспросил Скьольд. — А какого цвета у нее глаза? Как огонь или как лед? Золотистые, голубые или зеленые?

— Не знаю. В них отражался только Лейф; а у Лейфа было счастливое лицо.

Глава VII

ИННЕТИ-КИ

Прошло восемь месяцев с той поры, как викинги разбили лагерь на высоком мысе над рекой, напротив острова, где Виннета-ка, великий вождь речных манданов, велел поставить хижины своего поселка. Эйрик назвал местность, где поселились викинги, Большим мысом.

Скрелинги помогли бледнолицым людям устроиться. Они свалили и пригнали по воде стволы с твердой сердцевинной, предназначенные на срубы для складов, которые Эйрик хотел построить на правом берегу. Краснокожие поделались с мореплавателями оленевой, медвежатинной, козлятиной и лососиной. Лосось водился в окрестных реках и ручьях в таком множестве, что скрелинги чтили его как покровительствующее им божество. Манданы научили моряков делать челны из кожи, натянутой на остов из гибкого дерева. На этих челнах можно было быстро и без утомления передвигаться по воде. Скрелинги отказались взять у викингов что-либо взамен, кроме искусно выкованных топоров и гвоздей, а также барана и овцы, которых они, стреножив, выпустили на лужайку посреди селения. Все взрослые и дети стали считать этих животных тотемами, символами дружбы, связывающей их с белыми людьми.

Виннета-ка и его соплеменники каждый день приезжали на Большой мыс в пирогах, доверху нагруженных дичиной, сочными кореньями и плодами, которые женщины собирали в лесу.

Несколько недель спустя многие жители уже бойко изъяснялись на норвежском языке. С этих пор связи между белыми и краснокожими еще более укрепились. Виннета-ка просил объяснить ему обычаи заморских бледнолицых братьев, рассказать, как они охотятся, ловят рыбу, строят белокрылые корабли и жилища, чтят своих богов. Ничто его не удивляло. Казалось, что для вождя манданов мир был бесконечен и разнообразен, полон множества тайн, раскрытия которых он ожидал в терпеливом спокойствии.

В свою очередь, Эйрик, Бьярни, Лейф и другие викинги дивились всему тому, что скрелинги раскрывали пред ними. Обычно говорил Виннета-ка. Он с трудом подбирал норвежские слова, но Иннети-ка, его дочь, шутя усвоила все тонкости трудной норвежской речи и легко переводила отцу непонятные места. Она повсюду сопровождала вождя, и с каждым днем приязнь, возникшая с первой встречи между Лейфом и девушкой, становилась все более нежной и сильной. Итак, Иннети-ки переводила, а Лейф упивался каждым ее словом.

— Ты можешь идти два лунных месяца на запад, не оставившись от зари до захода солнца, и лишь тогда натолкнешься на преграду из высоких гор, но все равно увидишь лишь десятую часть племен краснокожих людей. Ты встретишь наших ближних братьев — озерных и лесных манданов, микмаков, черноногих, толстопузых, оджибвеев и кри, но с севера до юга и от восхода до заката нашим племенам нет числа. Они живут бок о бок, как листья на одном дереве. А за высокими горами есть еще другие племена, а потом, говорят, лежит огромное море. Я никогда не бывала дальше большого озера, откуда течет эта река. Великий дух, который владеет нашими судьбами, отдал манданам этот край между берегами Великой воды и озерами. Да и к чему нам идти дальше? В лесу много дичи, а наш брат лосось никогда нас не покидает. Ваши боги, белые люди, наверно, пожелали, чтобы вы перебрались с места на место, как чайки или медведи. Значит, ваша земля не может вас прокормить.

Беседа у костров, разведенных на берегу реки, часто длилась до поздней ночи. А Лейф видел только глаза Иннети-ки, глубокие, как озера в краю манданов.

И вот на четвертый месяц после их встречи Лейф и дочь Виннета-ка решили соединить свои жизни.

Лейф поведал об этом своему приемному отцу Эйрику и ближайшему родственнику — дяде Бьярни, потому что обычаи в стране скрелингов, несомненно, были иные, чем в Исландии.

Эйрик и дядя Бьярни очень обрадовались. Они видели в этом браке союз двух племен и залог счастливого будущего. Торжественно явились они в хижину Виннета-ка на длинном острове и, слегка смущаясь, попросили руки его дочери в тех

словах, которые были приняты для такого случая в Исландии.

Вождь беседовал с несколькими охотниками. На его губах мелькнула усмешка.

— Воины, я ничего не могу вам ответить. Только сама Иннети-ки может дать согласие на брак.

Он позвал дочь и тихо заговорил с ней на языке скреллингов.

Эйрику и дяде Бьярни не пришлось повторять свою просьбу. Личико Иннети-ки сияло.

Вождь манданов поднялся и положил руку на плечо Эйрика:

— Скажи своему сыну, что с этого часа он и мой сын, раз этого хочет Иннети-ки. Иннети-ки драгоценна, как свет, но я знал с первого дня, что твой сын заменит меня в ее сердце. Ну что ж, это, наверно, к добру!

Он погладил волосы Иннети-ки и, отведя взор от викингов, сказал:

— Не знаю, не тяжело ли будет моей белочке ужиться на чужой земле даже с тем, кого она избрала.

— Виннета-ка, мой сын Лейф решил жить у Большой реки. Весной наш корабль уйдет, но Лейф останется с теми из моих людей, кто этого пожелает.

— Ну, тогда я счастлив!

— Мы будем возвращаться каждый год за грузом, вождь.

— Возвращайтесь, когда захотите. Вашим кораблям никогда не вывезти всего леса или всей пушнины с этой земли. Ты и твои земляки всегда найдут хороший прием.

Иннети-ки выскользнула из хижины и побежала к реке...

На длинном острове большим праздником отметили свадьбу сына викингов и дочери скреллингов. Осень одарила леса ослепительным красным, желтым и золотым убранством, а Большая река спокойно текла меж стен из столетних стволов.

На самой высокой точке Большого мыса был построен деревянный дом. В нем и поселилась Иннети-ки. Пробудившись, она могла видеть через открытую дверь реку, остров и противоположный берег, дремавший в густом утреннем тумане.

Все осенние месяцы викинги и их новые друзья посвятили рубке леса и заготовке мехов. Мандамам очень нравились цветные парусов. Краснокожные охотно обменивали тяжелые связки шкур на яркие ткани. Ими манданы украшали свои хижины. Им также нравилось разрезать алые полосы на ленты и влетать их в волосы.

У берега реки, мило вверх по течению, Лейф нашел рожь, известную в Исландии под именем «мелр». Здесь это был высокий дикорастущий злак. Он рос вдоль высохших рукавов Большой реки, и, насколько хватал глаз, тесно прижатые друг к другу стебли качались на ветру.

Колосья уже полегли, и Иннети-ки, смеясь, сообщила Лей-

фу, что они созрели уже ко времени появления белых людей. Все же викинги радостно приветствовали находку Лейфа, так как рожь встречалась в Гренландии очень редко. Эйрик решил к предстоящему плаванию взять на корабль побольше зерна.

Вскоре после женитьбы Лейфа исчез франк Тюркер. Он ближе всех сошелся с краснокожими людьми. Его сметливость, пылкое воображение, страстность речей пленяли скреллингов. Если не считать Лейфа, он единственный из северян понимал речь манданов и сам говорил на их языке.

Тюркер часто сопровождал в лесных походах одного из самых старых охотников племени — Омене-ти, доверия которого он добился. Но однажды вечером Омене-ти причалил в своей пирогe к Большому мысу и пожелал говорить с «отцом викингов». Эйрик позвал Лейфа, служившего переводчиком.

Омене-ти сплюнул на сторону, что означало торжественную клятву.

— Круглоголовый белый человек спятил. В двух днях ходьбы отсюда мы с ними напали на след медведя. И вдруг Круглая Голова увидел холм, заросший кустарником с листьями над самой землей. Тогда он стал прыгать, плясать и орать как одержимый. Не иначе, как в его тело вселился злой дух. Круглая Голова сказал мне, громко смеясь, что он отсюда не уйдет и чтоб я его там оставил. Я сделал перед ним двенадцать телодвижений, которые изгоняют безумие, но думаю, что Круглая Голова не поправится.

Охотник ждал, пока Лейф не переведет это странное донесение.

Эйрик очень любил франка.

— Пусть Омене-ти проводит нас к Тюркеру. Если наш друг сошел с ума, ему грозит гибель в когтях какого-нибудь хищника. Предупреди дядю Бьярни, что мы отправляемся на поиски.

Омене-ти понял смысл ответа Эйрика.

— Скажи отцу викингов, что я готов проводить его к холму ползучих листьев.

Эйрик, Лейф и трое викингов полдня поднимались по реке, пока не достигли водопада. Омене-ти указал пальцем на лес.

Они углубились под своды высоких красных кленов, которые викинги считали самым ценным деревом Нового Света.

Едва путники прошли с милею, как впереди послышались раскаты смеха.

— Вот и Тюркер, — сказал Лейф. — Он направляется к реке.

Франк их шумно приветствовал. Он казался очень возбужденным и размахивал руками.

— Эйрик, брат мой, я никогда не вернусь ни в Исландию,

ни в Гренландию и ни в иную северную землю.

— Успокойся, Тюркер, успокойся!

— Клянусь Тором, Эйрик Рыжий, ты думаешь, что я свихнулся! Раскрой пошире уши и выслушай меня! Я нашел самое ценное растение в этом краю: я нашел виноград и виноградные лозы. Холмы, покрытые виноградниками, тянутся на мили. Виноград уже созрел для давилни.

Друзья не поверили ему. Может быть, это слова безумия, помутившего его разум?

— Ах, вы не верите? Ну, так идемте со мной. Моя одежда еще пахнет раздавленным виноградом.

И они пошли за Тюркером. До самого горизонта кудрявились едва пожелтевшие виноградные лозы, а на них висели такие огромные гроздья, что ими можно было бы загрузить несколько кораблей.

Лейф и самые молодые из викингов впоследствии до отвала наедались сладкой ягодой.

— Ну как, Желторотый? — торжествовал Тюркер. — А ведь виноград еще ничто по сравнению с вином. До конца дней своих я останусь на этой земле властителем вин. Эйрик, эта земля заслуживает лучшего названия, чем Маркланд. Назовем ее Винеланд — Виноградная страна.

Вождь викингов Эйрик стиснул в сильных ладонях золотистую гроздь.

— Винеланд? Что ж, такое название подходит этой земле, Тюркер! Винеланд — край винограда и всевозможных чудес!

Чуть поодаль Омене-ти удивленно смотрел, как белые люди лакомились ягодами, которые были пригодны разве что в пищу медведям.

ЭПИЛОГ

Зима покрыла снегом берега реки и притихший лес, но жизнь на Большом мысе и на острове манданов не заглохла. Охотники ставили капканы на пушного зверя, а викинги в глубине бухты строили два корабля, которые должны были увезти в трюмах лес, меха и бурдюки с молодым виноградным вином.

Река замерзла, и ледяная дорога соединила берег с островом.

Виннета-ка и его сородичи топили в глиняных горшках медвежий жир и коптили мясо диких гусей и уток, которых тысячами ловили в сети, натянутые в засохших тростниках.

В зимние вечера вождь манданов, Эйрик и дядя Бьярни часто встречались под кровом Лейфа и в теплом деревянном доме вели бесконечные беседы о будущих поселениях; о торговле между Гренландией и Винеландом, о дружеских союзах, которые определяют судьбы двух племен.

Тем временем Иннети-ки кипятила на каменном очаге красный кленовый сок, который мужчины затем пили из берестовых чаш.

Лейф радовался дружескому согласию, царившему в его доме. Только отсутствие Скъольда омрачало его счастье.

Прошло время, и бесчисленные ручейки прорыли ходы в снежных пластах, прогрызли ледяной покров и растеклись по всем направлениям. На реке с громовыми раскатами ломался лед, и вода бурлила в полыньях. Куропатки сменили свое белое зимнее оперение на летнее. Их пронзительные крики нарушали окружающее безмолвие. «Кар, кар, кар!» — звучал призыв над прогалинами среди беспредельных березовых и сосновых лесов, и этот призыв пробуждал к жизни все усыпленные зимой шумы.

В низинах уже лопнули почки вербы и ивняка. Могучие жизненные соки блуждали в стволах и ветвях.

На реке бобры спешно чинили повреждения, причиненные их сооружениям весенним паводком. Весь день их хлопотливые отряды валили кустарник на береговых откосах, строили запруды, затыкали бреши в жилищах.

Скрелинги вытащили на песчаные отмели кожаные пироги и в честь весны развели огромные костры из душистых растений.

Тюркер и шестеро викингов поселились на Большом мысе, недалеко от Лейфа.

Наступил день, когда на «Большом змее» и двух построенных зимой кораблях были подняты паруса.

Толпы скрелингов пришли попрощаться с белыми людьми. Их пироги громадным треугольником выстроились перед носом «Большого змея». В миг отплытия пироги у вершины треугольника разойдутся в стороны, и три корабля пройдут меж рядами почета.

Лейф пришел на белый песчаный берег вместе с остающимися викингами, Иннети-ки и вождем Виннета-ка. Он не испытывал сожаления. С Исландией и Гренландией были связаны дорогие воспоминания, но отныне его родина была здесь.

Лейф взял за руку Иннети-ки, и они вдвоем приблизились к Эйрику Рыжему и дяде Бьярни, которые следили за последними приготовлениями к отплытию.

— Мы вернемся к концу лета, Лейф и привезем твоего брата Скъольда, — ласково сказал Бьярни. — Теперь наши моряки повезут к берегам Гренландии и Исландии, а может быть, Норвегии и Ирландии великую сагу о Виннеладе. И ты, здесь оставаясь, станешь героем новой земли.

Лейф весело подмигнул Иннети-ки.

— Нет, дядя Бьярни, героем саги о Новом Свете станет тот, кто родится от меня и Иннети-ки. Когда к концу лета вы вернетесь со Скъольдом, уже родится это дитя двух племен. Эйрик Рыжий обнял Иннети-ки и крепко прижал к груди.

— Если это будет мальчик, мы назовем его Эйриком, не так ли? Я привезу из моего дома в Восточном поселке резную колыбель с вороном и белой совой над изголовьем. В ней спали в детстве все мои предки, а теперь, в свою очередь, будет спать твой сын. На другом конце колыбели Виннета-ка вырежет ножом изображение бога скрелингов — лосося, и все будет очень хорошо. Мальчик вырастет викингом и скрелингом, сыном моря и сыном лесов. Он будет сильным и честным.

Морской ветерок, пропитанный запахами молодой листвы и талого снега, повеял над рекой и принес с собой птичьи голоса, далекий грубый клич оленей и ланей. Он наполнил выдавшие виды паруса «Большого змея».

Со стороны Большого мыса доносился голос кукушки, скрытой в папоротниках, которые, как волны, бились о порог дома Лейфа. И в утренней тишине это повторяемое «ку-ку, ку-ку, ку-ку» звучало обещающим счастьем.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Итак, конец первого тысячелетия нашей эры был очевидцем удивительного завоевания Атлантического океана исландскими викингами. Начиная с тысячного года Западный проход стал дорогой, по которой постоянно ходили высокобортные гренландские корабли. За пятьсот лет до Колумба, признанного всеми открывателя, люди, отплывшие из Восточного поселка, из Западного поселка, из Гардара, ступили ногой на новый материк, позднее названный Америкой, которому они ранее дали название Винеланда. Каким бы странным это ни казалось, но целые столетия мир ничего не знал об открытии викингов. Эта книга — роман, а не историческое исследование, но при описании событий мы оставались верны исторической правде, и бесполезно довести до сведения наших читателей те документы, которые неопровержимо подтверждают открытие Американского материка Эйриком Рыжим и его спутниками.

Первая рукопись, которая об этом свидетельствует, относится к XI веку. Гамбургский монах Адам, перечисляя в тексте под названием «*Descriptio Insularum Aquilonis*» северные земли, сообщает: «За морем, к западу от Исландии и Гренландии, — страна Винеланд, где растет виноград».

Около 1120 года исландский историк Ари Мудрый пишет в «*Libellus Islandorum*», что люди Винеланда за морем такие же, как и люди в Гренландии, и неоднократно упоминает о путешествиях викингов из Гренландии в Винеланд.

Но эти данные остались бы неполными, если бы они целиком не подтверждались сообщениями в двух главных собраниях исландских рукописей XIV века, известных под названием «Книги Хаука» и «Книги с острова Флатей». Эти рукописи содержат записи исландских саг XI века. Записанные между 1300 и 1380 годами, без малого за два века до плавания Колумба, они являются ключевыми источниками о походах викингов на новую землю. И та и другая книги повествуют об экспедициях гренландских викингов на запад и об открытии страны, которую они поочередно называли «Хеллуланд», «Маркланд» и «Винеланд» (последнее название удер-

жалось). Эти рассказы разнятся в деталях, например в «Книге Хаука» проявляется большой интерес к роду Эйрика Рыжего, но в обоих случаях сведения черпаются из одних и тех же источников. Начиная с отъезда из Гренландии и до основания первых колоний в Винеланде нить повествования одна и та же. Сага о Торфине Карлсефни, сага об Эйрике Рыжем, сага о Винеланде являются как бы главами этих хроник и удостоверяют необычайное открытие года 1000.

Но почему этот баснословный подвиг должен был остаться неизвестным средневековой Европе?

Английский историк Чарлз Маршалл Смит, чьи труды авторитетны в данной области, делает в своей книге «Northmen of Adventure» следующий вывод: «Эйрик Рыжий, Лейф Эйриксон, Торфин Карлсефни жили не напрасно. Они пересекли океан, открыли Винеланд, и с тех пор дальние плавания стали привычными для людей. Но для всего своя пора и свой срок под небесами».

Время завоевания «Америки» еще не наступило. Пятьсот лет спустя генуэзский мореплаватель Христофор Колумб и флорентийский географ Америго Веспуччи присвоят себе славу викингов, ее первооткрывателей.

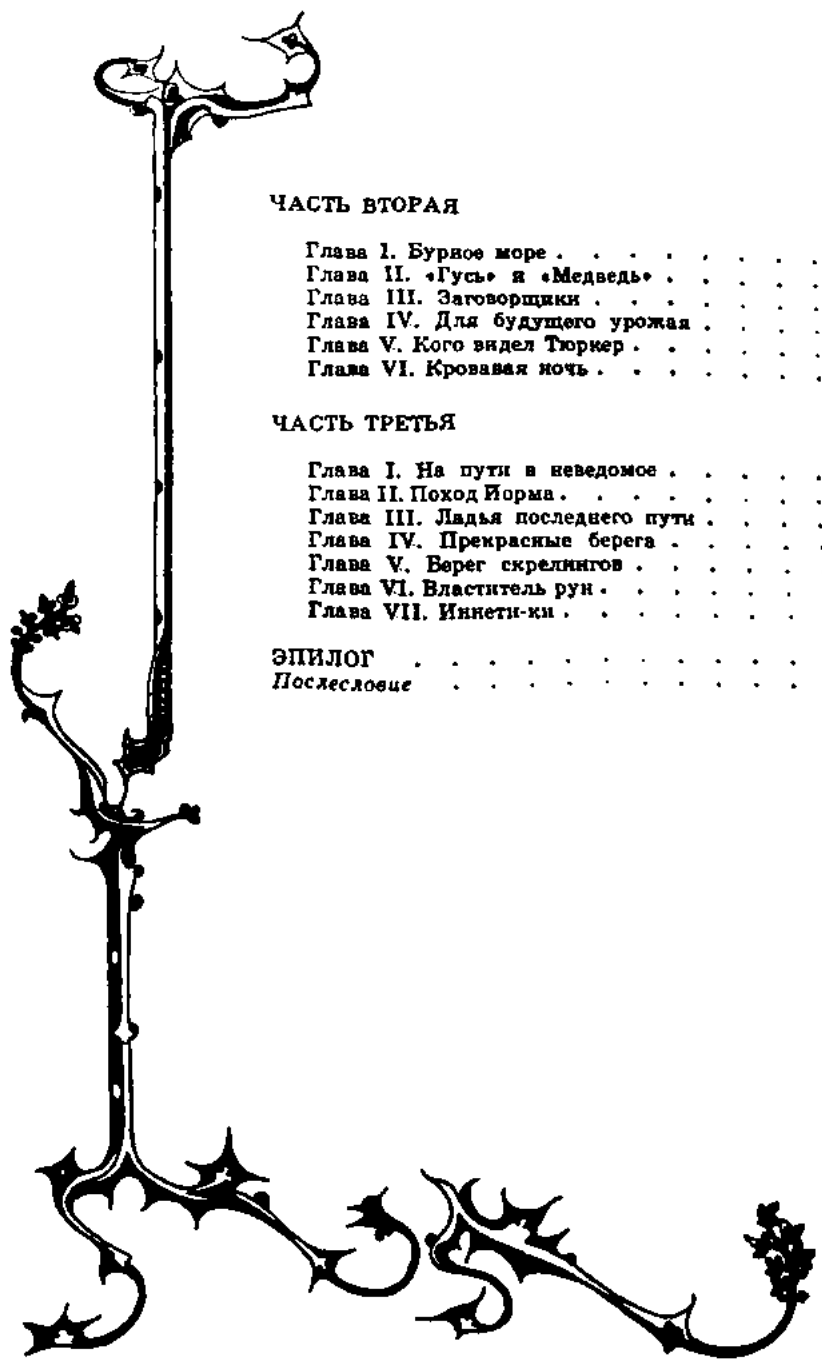
Автор

Содержание

К юным читателям	5
Последний бой Роланда	9
Король Артур и рыцари Круглого стола	24
Тристан и Изольда	56
Лоэнгрин	78
Робин Гуд	88
Томас Лермонт	109
Лорелей	123
Гамельнский крысолов	130
Вядгельм Тель	140
Дон Жуан	149
«Летучий Голландец»	161
Доктор Фауст	168
Примечания	196
Кельтские сказания об Артуре и его витязях	211
Геран и Энита	213
Геран, или Рыцарь сокола	235
Передур, или таинственный сосуд	248
Овенн, или Дама Источника	279
Сказание о Веовульфе	296
Песнь о Нибелунгах	310
Песня короля Регнера	328
Кельтские сказания о бардах	329
Таллезин	339
Анйрен	347
Лнварх	351
Норманны, или викинги, кто они?	356
Жан Оливье. Поход викингов	359
Евг. Брандис. Походы викингов и открытие Америки	361

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава I. Возвращение Эйрика Рыжего	371
Глава II. «Вольшой змей»	378
Глава III. Гнев Лейфа	384
Глава IV. Лют Криворотый	396
Глава V. Поход на остров	401

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава I. Бурное море	409
Глава II. «Гусь» и «Медведь»	419
Глава III. Заговорщики	424
Глава IV. Для будущего урожая	431
Глава V. Кого видел Тюрнер	438
Глава VI. Кровавая ночь	444

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава I. На пути в неведомое	454
Глава II. Поход Йорма	461
Глава III. Ладья последнего пути	464
Глава IV. Прекрасные берега	468
Глава V. Берег скреллигов	474
Глава VI. Властитель рун	482
Глава VII. Иннети-ки	485

ЭПИЛОГ	490
<i>Послесловие</i>	492

Литературно-художественное издание

МИФЫ И ЛЕГЕНДЫ ЕВРОПЫ

Легенды минувших веков
в пересказе для детей

Редактор *Т. Е. Вардугина*

Художественный редактор *В. К. Бутенко*

Технический редактор *Л. А. Боткина*

Корректор *Т. Е. Никольская*

Сдано в набор 25.01.84. Подписано в печать 17.07.84. Формат 60×90^{1/16}.
Бумага типографская № 2. Гарнитура школьная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 31. Уч.-изд. л. 31,8. Тираж 40 000. Заказ 284.

г. Саратов, ул. Маслянная, 3,
издательство «Надежда»

Саратовский ордена Трудового Красного Знамени полиграфический
комбинат Комитета Российской Федерации по печати. 410004,
Саратов, ул. Чернышевского, 59.

